УВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А. И. Немировский

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Античность

1

ГУМАНИТАРНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЛАДОС

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А.И. Немировский

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Античность

В двух частях
Часть 1

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений

Москва
ГУМАНИТАРНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЛАДОС
2000

ББК 63.3(0)3
Н50

Немировский А.И.

Н50 История Древнего мира: Античность: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. — Ч. 1. — 448 с.: ил.

ISBN 5-691-00450-6.

ISBN 5-691-00451-4(I).

В учебнике для вузов родственные курсы истории Греции и Рима рассматриваются едино, поскольку со II в. до н. э. раздельное изложение истории средиземноморских Востока и Запада просто невозможно.

В первой части учебника освещаются возникновение и упадок Эгейского мира, расцвет критской, троянской и микенской культур, мир полисов и его крушение, средиземноморье в эллинистическую эпоху.

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-691-00450-6
ISBN 5-691-00451-4(I)

© Немировский А.И., 1999
© «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1999

Оглавление

От автора 5

I. Мир источников 9

Глава 1. Литературные источники 9

Глава 2. Памятники материальной культуры 19

II. Эгейский мир 46

Глава 3. Крит и Киклады 46

Глава 4. Пеласгия, Ахейская Греция, Троя 65

III. Мир полисов и его крушение 80

Глава 5. Круг земель 80

Глава 6. «Темные века» и переселение народов (XI—IX вв. до н. э.) 91

Глава 7. Рождение полиса 106

Глава 8. Полисы круга земель (VIII—VI вв. до н. э.) 113

Глава 9. Великая средиземноморская колонизация (VIII—VI вв. до н. э.) 145

Глава 10. От родоплеменных верований к полисной религии и мифологии 161

Глава 11. Античный человек в мире литературы, науки и искусства 199

Глава 12. Эпоха великих войн и политических перемен (конец VI—первая половина V вв. до н. э.) 225

Глава 13. Первое столетие римской республики 241

Глава 14. Противостояние союзов 251

Глава 15. Духовная и материальная культура полисов в V в. до н. э. 269

Глава 16. Кризис греческого полиса и бесплодная борьба за гегемонию (первая половина IV в. до н. э.) 297

Глава 17. Греческая культура в эпоху кризиса 313

Глава 18. Возвышение Македонии и Рима 332

Глава 19. Держава Александра 351

IV. Средиземноморский мир в эллинистическую эпоху ... 365

Глава 20. Эллинистический Восток и Запад. Распад и попытки объединения 365

Глава 21. Полисы и малые царства Причерноморья в эллинистическую эпоху 393

Глава 22. Столицы эллинистических царств 405

Глава 23. Наука, философия и религия эллинистической эпохи 414

Глава 24. Литература и искусство эпохи эллинизма 434

ОТ АВТОРА

Любой учебник по истории античного мира — это повествовательная и методическая структура, определяемая множеством факторов объективного и субъективного характера. Благодаря постоянному возрастанию объема и разнообразия информации, в зависимости от перемен, переживаемых современностью, одно выступает на свет, другое уходит в тень. Меняется, и порой существенно, решение тех или иных проблем социальной, экономической, политической и культурной истории античности. Несмотря на хронологическую отдаленность самого предмета, он несовместим с понятием «стабильность».

В соответствии с обогащением содержания предмета должна меняться и форма изложения в вузовском учебнике. Приходится отказаться от схемы двух учебников — по истории Греции и истории Рима, требовавшей, например, дважды говорить о природных условиях одного и того же средиземноморского региона, словно бы омывающие Балканы и Апеннины моря не были частью единого Внутреннего моря, и над этими полуостровами дули разные, а не одни и те же ветра, хотя и с другими названиями, словно бы обитатели этих полуостровов и островов Внутреннего моря не пользовались одними и теми же ископаемыми и не страдали от одних и тех же природных катастроф. А древняя этническая среда, без которой нет истории? Разве неизвестно, что великие миграции, создававшие этнический облик отдельных регионов, одновременно бушевали на просторах трех материков, сходящихся к Средиземному морю?

Таковы некоторые научные и методические аргументы в пользу слияния родственных курсов — не говоря уже о том, что судьбы Греции и Рима естественно сплелись после того, как они вошли в единую средиземноморскую державу: со II в. до н. э. раздельное изложение истории средиземноморских Востока и Запада просто невозможно.

Соединение курсов, помимо отмеченных соображений, позволяет органично ввести в орбиту античной истории народы, недостаточное внимание к которым долгое время оправдывалось состоянием источников. Даже серьезные ученые в начале XX века утверждали, опираясь на свидетельство одного из древних авторов, что финикийцы и карфагеняне основывали лишь торговые фактории на мысах, островах и полуостровах. Ныне открыты многие десятки карфагенских колоний в Сицилии, Сардинии, на северном побережье Африки. И можно ли теперь изолированно трактовать великую греческую колонизацию! Не лучше ли рассматривать средиземноморскую колонизацию в целом — греческую, этрусскую, карфагенскую и в известной мере римскую? После выявления всеобщности процесса формирования полиса нет ли смысла объединить информацию о греческом, этрусском и римском полисе в одной главе?

В вузовских учебниках по истории Греции и Рима всегда имелись вводные источниковедческие главы. Есть источниковедческий раздел и у нас. Но поскольку о древних авторах идет речь в соответствующих главах по истории культуры, в вводном разделе рассматриваются лишь типы литературных источников и материальных памятников, добытых средиземноморской археологией. Детальная же оценка тех и других источников включена в параграфы, прилагаемые к главам, опирающимся на эти источники.

Для облегчения восприятия историографического материала, обычно излагаемого в вводной или заключительной главах учебника, он перенесен в главы, трактующие наиболее значимые и дискутируемые проблемы. Это делает историю научных поисков органичной частью изложения и избавляет от скопления в одном месте множества имен.

В соответствии со структурой учебника мы избегаем дробной периодизации. Так, в учебниках по истории Греции полисная эпоха обычно излагается в рамках трех периодов — предполисного (гомеровского), архаического, классического. Подобная градация неприменима к синхронному изложению истории античного Средиземноморья, ибо общественное развитие неравномерно: то, что для одного региона было классикой, для другого являлось архаикой.

Объединение принципиально значимых процессов исторического развития, общих для Греции, Рима, Этрурии и Карфагена, потребовало некоторого уточнения периодизации истории античного мира.

Первый период охватывает историю возникновения и упадка государственных образований эгейского мира, расцвета критской, кикладской, троянской и микенской культур (это предыстория античной цивилизации).

Второй период включает в себя исторические процессы и события «темных веков», или предполисного времени, формирование государств в форме полисов, историю греческой и финикийской колонизации, расцвет полисного строя и вступление его в полосу кризиса, завершившуюся насильственным объединением полисов Балканского и Апеннинского полуостровов Македонией и Римом.

Третий период объединяет средиземноморский мир в эллинистическую эпоху. Это история эллинистических царств и полисов как системы социальных отношений, сложившейся после завоеваний Александра Македонского, и политических перемен, приводящих к созданию крупных эллинистических держав и кардинальным изменениям в сфере культуры.

Четвертый период ознаменован образованием римской мировой державы в ходе войн в Средиземноморье и связанными с этим изменениями в сфере социальных отношений, экономики, политики, права, культуры.

Пятый период — кризис и падение римской республики. Он охватывает столетие от Гракхов до Августа, рассмотрен как в плане дальнейшего территориального расширения и реорганизации римской державы, так и в аспекте социальной и политической борьбы, завершившейся установлением диктатуры Цезаря.

Шестой период — империя в эпоху принципата — включает исторические процессы и события двух с половиной столетий истории римской державы времени Юлиев-Клавдиев, Флавиев, Антонинов и Северов.

Заключительный, седьмой период — кризис III в. и период домината. Объединение кризиса III в. и домината в рамках единого периода обусловлено трактовкой домината не как преодоления кризиса, а как недолгой стабилизации и развития процессов, довершивших гибель империи.

Приложения дополняют основной текст справочными сравнительными таблицами, относящимися к экономике, денежным отношениям, списком переводов античных авторов, рекомендуемой литературой и другими материалами, необходимыми студенту при изучении курса и самостоятельной работе.

Все изложенные выше уточнения не означают, что перед вами экспериментальный учебник. Он повторяет структуру нашего учебника для гимназий и лицеев, выходившего тремя изданиями, но при этом полностью переработанного для новой читательской аудитории. Неизменным остался лишь стиль изложения, рассчитанный не только на логическое, но и на образное восприятие.

В написании отдельных параграфов и глав учебника принимали участие Л.С.Ильинская, В.И.Уколова, И.С.Свенцицкая, А.П.Скогорев, Г.Т.Залюбовина.

I
МИР ИСТОЧНИКОВ*

Глава 1
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Среди источников античной истории, может быть, не самыми обширными, но наиболее важными остаются для нас произведения античной литературы, позволяющие понять, как сами люди той поры представляли собственную историю, что они думали о себе и об окружающем их мире. Это и исторические труды, и научные и художественные произведения, дошедшие до нас главным образом в рукописных копиях от эпохи средневековья, благодаря которым связь между античностью и новым временем никогда полностью не прерывалась.

Поскольку древние авторы рассматриваются в соответствующих главах по истории культуры, мы рассматриваем в первых двух главах лишь основные типы письменных источников и памятников материальной культуры, к более подробному освещению которых будем возвращаться по мере изложения фактического материала.

Историки. Несмотря на то, что труды большинства античных авторов не сохранились или дошли до нас в незначительных фрагментах, даже это сравнительно немногое из оставшегося наследия позволяет составить достаточно полное представление о главных событиях античной истории и ее то бурном, то иссякающем потоке.

На заре возникновения исторического жанра, сложившегося в Греции в конце VI—начале V в. до н. э., доминировали *истории отдельных полисов* и правивших в них родов, или описания земель, представлявших интерес для торговли либо основания колоний. Об этом первом опыте мы можем судить лишь по отдельным фрагментам, из которых видно, что первые историки, используя устную традицию и письменные документы, хранившиеся в храмах и городских архивах, предпочитали излагать события без какой-либо собственной оценки. Эти ранние сочинения не сохранились, но содержащиеся в них сведения были использованы более поздними историками, в чьем поле зрения, можно думать, были также труды этрусских и карфагенских авторов, ни имена, ни названия произведений которых, как правило, нам неизвестны.

* Автор данного раздела — *Л.С. Ильинская*.

Первыми трудами, дающими обширную картину современной им истории, становятся сочинения Геродота, Фукидида и Ксенофонта. С первой половины IV в. до н. э., когда начавшийся в Греции кризис полиса, вызвавший угасание интереса к общественной жизни, обострил внимание к жизни частной, появляется жанр *биографии*, противостоящий изложению полисной истории.

На время покорения Греции Македонией и восточных походов Александра Македонского приходится творчество Аристотеля и его школы, созданной в 335 г. до н. э. Для воссоздания греческой истории исключительное значение имело бы грандиозное полотно политической жизни Греции — 158 «Политий» (государственных устройств) греческих и ряда негреческих полисов Средиземноморья, написанных Аристотелем и его учениками, но из них сохранилась только «Афинская полития», случайно найденная среди папирусов Египта в самом конце XIX столетия.

Из отдельных незначительных фрагментов, оставшихся от других «Политий», ясно, что они имели ту же структуру, что и «Афинская полития»: сначала излагалась краткая история полиса и эволюция его государственных учреждений, затем характеризовалось современное Аристотелю государственное устройство. Утрата этой уникальной серии лишила нас возможности по-настоящему проникнуть в историю греческого мира, сузив наши знания рамками главным образом Афин и Спарты.

В период эллинизма, в связи с вытеснением полисной структуры греческого мира монархиями, возникает потребность в создании *всеобщих историй*. И такие обобщающие истории появляются с конца IV в. до н. э. (Тимей, первым создавший труд, объединивший историю Балканской Греции, Рима, греческих колоний Запада и враждебного грекам Карфагена и предложивший единую систему датировки по олимпиадам, Эфор, Феопомп и особенно Полибий).

Всеобщими их, правда, можно назвать лишь с оговорками, поскольку они охватывают или собственно греческую историю сколько-нибудь длительного периода или, как у Полибия, объединены общей идеей завоевания Средиземноморья Римом. Наступившие изменения отразились и на развитии биографического жанра, олицетворяющего характерный для эпохи эллинизма интерес к личности, и на возникновении придворной историографии с ее восхвалением властителей и их окружения. Такого рода опусы, как правило, не были интересны потомкам, и они большей частью не дошли до нас даже фрагментарно, но сохранившиеся в ряде случаев заголовки и общая критика их Полибием и Лукианом сами по себе становятся своеобразным источником для изучения общественного сознания и идеологии эллинистических обществ.

Вместе с тем впервые появляются произведения, знакомящие греков с жизнью народов, завоеванных Александром Македонским (в отрывках, например, сохранившееся сочинение Мегасфена).

С середины III в. до н. э. в греческую монополию на исторические труды вторгается Рим. Бесхитростные *анналы* первых римских историков (анналистов), сопоставимые по своей предельной краткости, схематичности и по полному отсутствию литературной обработки с начальными шагами греческой историографии, опирались главным образом на перенасыщенные чудесами и знамениями жреческие анналы и на предания патрицианских родов, сохранившиеся благодаря существовавшему в Риме обычаю вспоминать всю историю рода от его истоков во время церемонии похорон любого из членов этого рода. Писавшиеся первое время по-гречески (поскольку считалось, что в латыни, даже не имевшей такого понятия — «история», невозможно найти необходимых терминов для рассказа о прошлом), эти труды, довольно однообразно излагавшие римскую историю «от основания Рима», в дальнейшем были вытеснены грандиозным полотном римской истории, созданным Титом Ливием. Но именно они легли в основу более поздних изложений всей ранней истории Рима.

Кризис полиса в Риме, сопровождавшийся многолетними гражданскими войнами, породил новый вид исторического труда — *монографии*, посвященные наиболее острым событиям современности (Саллюстий), и *мемуарную литературу*, создававшуюся политиками (Сулла, Цезарь).

В эпоху империи античная историография обогащается более интенсивным, чем в предыдущие периоды, обращением к биографическому жанру (Светоний, Корнелий Непот, Плутарх, Диоген Лаэртский) и вместе с тем — подробными изложениями римской истории (Тит Ливий, Диодор, Дионисий Галикарнасский, Помпей Трог, Тацит, Аммиан Марцеллин). С I в. н. э. начинают создаваться и краткие истории Рима (Веллей Патеркул, Флор), рассчитанные на тех, кто не имел времени или желания осиливать обширные труды. Из сферы истории эта тенденция распространяется и на другие отрасли знаний, и в III в. н. э. появляется крайне лаконичная «Памятная книжица» Ампелия, конспективно перелагающая сведения по истории, географии, астрономии, мифологии. Это наглядная демонстрация того скудного, граничащего с невежеством уровня знаний, который стал типичным для кризисного века римской истории.

После Аммиана Марцеллина в сущности уже не было истинных историков, были лишь авторы хроник (Евтропий, Орозий), скупо перелагавшие факты римской истории. Тем не менее и эти, достаточно убогие хроники, и более поздние справочные труды авторов

византийского времени имеют для нас немалое значение, поскольку их питала богатейшая историческая традиция прошлого.

То, что сохранилось до нашего времени, составляет ничтожно малую часть из созданного греческими и римскими историками. Даже в IX в. н. э., когда многое было утрачено, патриарх Константинополя Фотий составил перечень книг двухсот восьмидесяти авторов. И это были только самые значительные из них — по отдельным фрагментам, а порой только по именам нам известно во много раз больше. Фрагменты из недошедших книг только греческих историков составили в современном издании пять объемистых томов.

Мемуары. Особое место занимает *мемуарная литература*. До начала кризиса полиса, хотя отдельные автобиографические зарисовки и встречаются в произведениях поэтов и историков, нет никаких сведений о том, чтобы кто-либо из греков или римлян избрал собственную жизнь темой специального труда. Первым в IV в. до н. э. подробно рассказал о себе как о военном деятеле историк Ксенофонт, но при этом постеснялся поставить свое имя на труде, посвященном возвращению на родину греков, участвовавших в авантюре захвата власти братом персидского царя.

Для эпохи эллинизма мемуары и автобиографии становятся обычным явлением. Из написанных известными политиками мы знаем о существовании мемуаров Пирра и Арата, 34 года стоявшего во главе Ахейского союза, которыми пользовались и Полибий, и Плутарх.

В эпоху гражданских войн в Риме появляются воспоминания, написанные политическими деятелями, целью которых было оправдание собственных действий. Первыми из них были несохранившиеся мемуары Рутилия Руфа, единственного честного наместника, изгнанного из Рима за мнимые злоупотребления. Не сохранились также ни мемуары Суллы, в которых он оправдывал свои кровавые деяния, ни мемуары Августа, и судить о развитии этого жанра мы можем лишь по «Запискам о Галльской войне» и «Запискам о гражданской войне» Цезаря.

Жизнеописания. Наряду с мемуарами в период кризиса греческого полиса также впервые появляются *жизнеописания* политиков, созданные писателями, работавшими в жанре художественной биографии. Первым таким жизнеописанием, известным нам по названию, была принадлежавшая Ксенофонту биография спартанского царя Агесилая.

Особенно расцветает биографический жанр в эпоху эллинизма, когда Александр Македонский и его преемники рассматривались политической пропагандой не только как идеальные правители, но

и как боги. Именно тогда создается особый штат содержащихся на царские деньги писателей, перед которыми ставится задача восславить деяния царей. Собственных «историков» имели не только Александр, Птолемеи, Селевкиды, но и создатель Понтийской державы полуварвар Митридат VI Эвпатор. Панегирические описания подвигов царей IV–I вв. до нас не дошли, но ими воспользовались такие историки, как Полибий, Диодор Сицилийский, Аппиан.

Подлинным творцом биографии как литературного жанра был Плутарх. Используя все, что можно было привлечь о том или ином персонаже из исторических, художественных произведений, сборников изречений оракулов, он заполнял имевшиеся лакуны собственными соображениями, домыслами и сентенциями морально-философского характера, воссоздавая облик того или иного исторического лица. Иной характер носили жизнеописания римских императоров, написанные Светонием. Это сборник анекдотов, дополненный сведениями из официальных источников, чтиво, рассчитанное не на мыслящего человека, а на любителей занимательных подробностей и сплетен.

Из многочисленных серий «тематических» жизнеописаний до нас дошли жизнеописания философов, созданные в III в. н. э. греческим философом и писателем Диогеном Лаэртским.

Речи. Немалое значение для изучения греческой и римской истории имеют дошедшие до нас *речи ораторов*. Античность знала три их вида — *совещательные* (по своему характеру всегда политические), *судебные* и так называемые *эпидейктические* (от греч. глагола epideiknumi — показываю) — как надгробные и похвальные речи в адрес отдельных лиц, так и своего рода произведения «чистого искусства», в которых оратор рассуждал на отвлеченные темы. До нас дошли сборники всех трех типов речей, из которых для историка наибольшую ценность представляют политические и судебные. При всей субъективности, естественной для любой речи, речи политические важны не только потому, что, касаясь известных слушателю фактов при самой произвольной интерпретации, ораторы не могли их искажать до неузнаваемости, но и потому, что они вторгаются в самую гущу политических событий, давая современному исследователю почувствовать дыхание эпохи с характерными для каждого времени идеалами и накалом политических страстей. Речи судебные важны не только для изучения античного судопроизводства. Они вводят нас во все хитросплетения обыденной жизни, обычно ускользающей от древних авторов, которых занимали, как правило, глобальные проблемы. По эпидейктическим речам, хотя и дающим неизмеримо меньше материала,

чем совещательные и судебные, можно судить об этических критериях эпохи; в то же время отдельные примеры, вводимые ораторами в свои речи для иллюстрации восхваляемых или порицаемых качеств, знакомят нас с реальными фактами.

Как один из типов эпидейктических речей возникает *панегирик*, трактовавшийся греками первоначально как праздничная речь в народном собрании, а с IV в. до н. э. — в более узком значении произнесенного в народном собрании похвального слова городу или человеку. В эпоху эллинизма широкое распространение приобретают панегирики, прославлявшие эллинистических владык; они не сохранились, но по их образцу создавались восхваления монархов в произведениях историков эллинистического времени, известные нам по трудам более поздних авторов.

На почве Рима жанр панегирика, подготовленный издавна принятыми восхвалениями заслуг покойника и его предков во время публичной похоронной церемонии, расцветает в конце республиканского периода, и особенно в эпоху империи. Развитию жанра в немалой степени способствовал вошедший в практику обычай благодарственных речей магистратов при их вступлении в должность, закрепленный принятым по инициативе первого из римских императоров сенатским постановлением, обязывающим вступающего в должность консула произносить публичную речь с выражением благодарности богам и императору.

Первым подлинным текстом дошедшего до нас панегирика в Греции был относящийся к 480 г. до н. э. «Панегирик» оратора Исократа, прославлявший Афины, в Риме — панегирик императору Траяну, произнесенный Плинием Младшим. Содержание панегириков в адрес влиятельных императорских вольноотпущенников донесли главным образом сочинения Тацита. В конце римской империи появился сборник, начинавшийся со ставшего классикой плиниева панегирика Траяну, после которого шло одиннадцать похвальных речей, написанных галльскими ораторами в адрес императоров времени домината — от Диоклетиана (конец III—начало IV в.) до Феодосия (конец IV в.). Несмотря на свойственные жанру явные преувеличения и преобладание откровенной лести, панегирики дополняют и порой уточняют наши сведения по политической истории и быту.

Особый тип речей составляют появившиеся в императорском Риме, наряду с речами, реально произносившимися в сенате, в суде или перед войском, так называемые *«декламации»* — упражнения, положенные в основу обучения ораторскому искусству в риторических школах империи. Декламации, которые должны были составлять ученики, имели целью подготовить их к будущей полити-

ческой или судебной карьере. При всей искусственности, а часто и нарочитой надуманности такого рода речей, в них затрагиваются вопросы, позволяющие определить круг волновавших римлян проблем (в частной жизни это отношения между отцами и сыновьями, положение женщины в семье и обществе, раздел наследства, конфликты между крупными и мелкими землевладельцами и арендаторами, страх перед пиратами и т. п.; в жизни политической — оценка тех или иных политиков или политических группировок и идеологические и политические приоритеты).

Наибольшее количество речей дошло до нас от переломного в греческой истории IV в. до н. э. (Лисий, Гиперид, Ликург, Исократ, Демосфен, Динарх, Эсхин), от последнего столетия римской республики (Цицерон), от начала императорской эпохи (Дион Хрисостом, Фронтон, Элий Аристид, Апулей) и от времени противостояния язычества и христианства и торжества последнего, для которого характерны речи-проповеди (апостол Павел, Иоанн Хрисостом, Григорий Неокесарийский — среди христианских проповедников, Либаний — среди представителей языческой культуры).

Письма. Весьма ценная информация содержится и в дошедших до нас *письмах*, которые воспринимались в античности как своего рода ветвь ораторского искусства, диалог с отсутствующим собеседником («половина диалога»), порой затрагивавший именно тот круг вопросов, который обсуждался в среде интеллектуалов.

Эпистолярный жанр охватывает самые разнообразные по содержанию письма. Среди писем, предназначенных для публикации, — и напоминающая современные «открытые письма» откровенная публицистика, рассчитанная на широкое ознакомление с высказанными в них мыслями и советами (Платон, Исократ, Саллюстий), и письма философского или научного содержания, мало чем отличающиеся от трактатов (Эпикур, Сенека), и письма, которые скорее можно было бы отнести к биографическому жанру (Платон), и переписка политических деятелей, обсуждавших, как правило, конкретные частные вопросы, но при этом не забывавших, что письмо будет прочитано не только корреспондентом, но и его друзьями, а впоследствии, возможно, окажется опубликованным в отдельном сборнике (Цицерон, Плиний Младший). И, наконец, это обмен мнениями относительно фактов литературной или частной жизни (Либаний, Фронтон, император Юлиан или поздние писатели и поэты Авзоний, Симмах).

Кроме такого рода писем, рассчитанных на вечность и потому литературно обработанных по всем правилам ораторского искусства, существовала и обычная бесхитростная переписка простых людей, не предполагавших, что сухая почва Египта сохранит их

послания для далеких потомков. Среди них представлены самые разнообразные виды писем. Порой написанные не слишком грамотно, они, тем не менее, вполне могут вписаться в формальные образцы, запечатленные в руководствах авторов многочисленных письмовников, предлагающих десятки вариантов на все случаи жизни (письма дружеские, рекомендательные, посольские, совещательные, решительные, напоминающие, пренебрежительные, утешительные, сострадательные, ободряющие, убеждающие, побуждающие, повелительные, поучительные, порицающие, упрекающие, вразумляющие, придирчивые, обличительные, угрожающие, хулительные, клеветнические, хвалебные, просительные, жалобные, горестные, униженные, вопросительные, ответные, возражающие, заявляющие, отрицающие, объяснительные, покаянные, раздражающие, обманчивые, обвинительные, защитительные, поздравительные, посвятительные, благодарственные, любовные, иносказательные, загадочные, иронические, обобщающие, смешанные). Столь подробная градация — свидетельство высокого уровня эпистолярной культуры.

Особый вид писем — письма фиктивные, написанные от имени кого-либо из политиков или философов (например, Сократа, не оставившего, как известно, ни одной написанной строки, или сконструированные Мениппом от имени богов послания к математикам, физикам и философам). Многие из таких писем — откровенная стилизация; иные, напротив, претендовали на подлинную принадлежность тому лицу, от имени которого были сочинены и преданы гласности, что породило в новое время немало путаницы и споров относительно их подлинности.

Ученые. Немаловажное место в кругу источников занимают труды ученых. Написанная Аристотелем на основе изучения политических устройств ста пятидесяти восьми государств «Политика» дает наиболее полное представление о греческом полисе в различных его проявлениях. Немало сведений можно извлечь также из греческих и римских научных трудов по медицине (Гиппократ, Диоскуриад, Гален), архитектуре (Витрувий), военному делу (Фронтин, Вегеций), риторике (Аристотель, Деметрий Фалерский, Дионисий Галикарнасский), филологии (Дионисий Галикарнасский), мифологии (Аполлодор), сельскому хозяйству (Катон, Варрон, Колумелла, во многом воспринявшие опыт карфагенских агрономов, чьи труды погибли в уничтожившем Карфаген пожаре).

Начиная с I в. до н. э. в Риме складывается *антикварная литература*, представлявшая собой попытку осмысления ранней истории Рима, путей развития языка (Варрон, Дионисий Галикарнасский),

а также объяснения ставших непонятными обычаев. Уникальное по своей энциклопедичности произведение Плиния Старшего «Естественная история» не только насыщено конкретными сведениями о различных сферах античной культуры, но дает современному историку представление об уровне римской науки.

Поэты. Круг источников, используемых при изучении античной истории, не ограничивается одними историками, ораторами и учеными. Немало сведений содержат также *поэтические произведения*. Учитывая, естественно, особенности поэтики, современный историк извлекает немало полезных сведений из поэтического наследия античности, начиная с произведений Гомера (конец IX—начало VIII в. до н. э.).

Наследие эпических поэтов (Гомер, Гесиод, Аполлоний Родосский) и драматургов V в. до н. э. Эсхила, Софокла и Еврипида — наш главный источник для изучения греческой мифологии, позволяющий воссоздать ее в живых красках. Мифологические зарисовки встречаются и в творчестве поэтов-лириков VII—VI вв. до н. э., особенно тех из них, которые обращались к прославлению победителей в общегреческих играх (Пиндар, Вакхилид), но основная ценность произведений греческих лириков в том, что в них мы находим как бы моментальный снимок происходивших в современном им обществе процессов, тем более для нас значимый, что в этот период еще не было исторических трудов.

Наиболее ярко картины социального расслоения и политической борьбы, сопровождавших рождение греческих государств, запечатлены в поэме Гесиода «Труды и дни» и в творчестве поэтов VII—VI вв. до н. э., особенно лесбосца Алкея и мегарянина Феогнида; круг интересов военизированной Спарты отражен в военных маршах Тиртея. Социальная острота характерна и для комедиографа Аристофана, чье творчество — великолепный источник, вводящий в самую гущу жизни Афин времени Пелопоннесской войны.

Поэзия эпохи эллинизма — сама по себе показатель глубоких изменений, происшедших в греческом обществе. Вместе с тем из отдельных произведений можно извлечь и конкретную информацию по мифологии (Каллимах, Аполлоний Родосский) и по быту (особенно насыщены подробностями греческого быта эллинистического времени комедии Менандра и мимиямбы Герода).

Римская поэзия, как и римская историография, появляется лишь с середины III в. до н. э., совпадая по времени с первым столетием эллинистической эпохи в Греции, и в этой сфере испытывает еще большее влияние греческой культуры, чем историография. Однако

1447

в римских комедиях, с которых начинается история римской литературы, несмотря на заимствование сюжетов греческой комедии (в основном Менандра), выступают чисто римские реалии, делая римскую комедию одним из ценных источников, позволяющих почувствовать биение жизни римского общества второй половины III—первой половины I в. до н. э. Появляются в римской драматургии также темы, связанные с реальной историей (Невий). Исторические сюжеты присутствуют и в другом, новом для римской литературы жанре — эпических поэмах (Невий, Энний), до нас не дошедших, но использованных впоследствии римскими историками не в меньшей мере, чем труды анналистов.

Римская поэзия конца республики, начала империи отражает состояние общества этого переходного периода, давшего целую плеяду выдающихся поэтов, чьи произведения в большей или меньшей степени стали зеркалом наступивших перемен (Лукан, Катулл, Вергилий, Гораций, Овидий). Вместе с тем в этих произведениях порой можно найти и сведения по быту, религии («Буколики» и «Георгики» Вергилия, «Метаморфозы» Овидия), а подчас и по истории Рима («Фарсалия» Лукана). На время Флавиев и Антонинов приходится творчество двух великих сатириков — Марциала и Ювенала, чьи сатиры, остро схватывающие жизненные коллизии и особенности психологии самых различных персонажей, — ценнейший источник для изучения быта римского общества конца I—начала II в. н. э.

Таким образом, хотя среди поэтических произведений совсем немногие обращаются непосредственно к историческим событиям, без них представление о повседневной жизни, идеологии и политических настроениях в государствах античного мира было бы намного более схематичным.

Писатели. Особое место среди литературных источников занимают романы — жанр, зародившийся только в эпоху эллинизма и воспринятый римлянами (Гелиодор, Петроний, Апулей), и короткие сатирические заметки, неподражаемым мастером которых был Лукиан. В римскую эпоху возник и еще один вид литературных трудов — выписки из более ранних произведений на интересующую писателя тему (Авл Геллий, Афиней) и подборки, подобные «Греческим вопросам» и «Римским вопросам» Плутарха, отразившим круг вопросов, которые принято было задавать и обсуждать во время совместных пиршеств. В последних образованные люди ценили не столько яства, сколько сопровождавшую застолье ученую беседу. Романы и сатира, дающие зарисовки жизненных ситуаций, служат важнейшим дополнением к историческим трудам,

освещающим те же эпохи; литературные выписки позволяют составить представление о круге философских или литературных проблем, обсуждавшихся в кругах интеллектуалов.

Философы. Труды греческих философов, дающие картину развития греческой, а затем и римской философии, служат источником при изучении не только культуры, но и истории Греции и Рима. Начиная с эпохи эллинизма, философы разрабатывают прежде всего вопросы этики, что позволяет сквозь призму поднимаемых ими этических проблем лучше понять происходившие в обществе глубинные процессы. Особенно информативны (ввиду лучшей сохранности) произведения римских философов, прежде всего Сенеки, в чьих «Письмах к Луцилию» встает столь яркая картина жизни римского общества начала империи, что ее можно сопоставить по своей информативности с произведениями римских сатириков.

Глава 2

ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Наряду с письменными источниками важнейшую информацию об античном мире несут в себе следы деятельности человека — орудия его труда и оружие, жилища и находящиеся в них посуда, предметы быта и искусства, мастерские, кузницы, рудники, городские и пограничные укрепления, общественные и культовые здания, погребальные сооружения. Эти и другие типы памятников материальной культуры, обладающие своей спецификой и различающиеся по степени «откровенности», в целом дают, несмотря на кажущуюся немоту, впечатляющую картину жизни, к тому же более объективную, чем она предстает в изложении древних авторов. Успехи смежных наук позволяют изделиям из дерева и кости, предметам из камня и металла поведать о времени и месте их изготовления и использовании тех или иных приемов.

Города. На материковом и островных побережьях встречаются города, покинутые их обитателями в результате природных катастроф (например, Акротири на Фере, Помпеи и Геркуланум в Италии) или преднамеренно разрушенные завоевателями и более не восстанавливавшиеся (Олинф на Халкидике, Акваросса в Этрурии), а то и просто оставленные жителями (островок Моция близ Сицилии).

Пережитые этими городами потрясения и беды сохранили их для истории в качестве наиболее ценных источников. Но чаще всего города существовали на протяжении многих столетий или даже

тысячелетий, переживая различные строительные периоды (например, Троя, Афины, Рим, Карфаген, в Северном Причерноморье — Ольвия и Херсонес). В последнем случае они представляют собой в археологическом плане своего рода «слоеный пирог», история «выпечки» которого — задача необычайной сложности. Сам город, будучи археологическим комплексом, интересен как градостроительный памятник, отражающий в своей общей структуре и комбинации отдельных его частей общественные перемены и изменения политической, идеологической и культурной ситуации.

В пространстве города прослеживаются такие элементы, как акрополи, нижний город с расположенными в нем жилыми и общественными зданиями, храмами, торговым и одновременно политическим центром (греческая агора, римский форум), зрелищными сооружениями, мостами, водопроводами, канализацией, в греческих городах — гимнасиями и палестрами, в римских — общественными банями и в императорский период — комплексами терм, арками, вывезенными из Египта обелисками. Города с их беспорядочными строениями или проложенными под прямыми углами улицами дают информацию о градостроительстве в античную эпоху. Уточнение планов многих даже не раскопанных городов стало возможным благодаря применению аэрофотосъемки, в том числе и из космоса.

Акрополи. Акрополи греческих городов и аналогичные им по значению укрепленные холмы в городах римских и пунийских (Капитолий в Риме, Бирса в Карфагене), будучи местами, с которых там, где такие холмы были, обычно начиналось заселение, позволяют проследить историю развития города, а для микенского времени служат главным источником изучения внутренней жизни Микен, Тиринфа, Пилоса, Орхомена. Этот *верхний город*, место дворца правителя в микенское время, в последующие периоды греческой истории превращается в средоточие культовых сооружений. В Риме, возникшем на Палатинском холме, аналогом греческого акрополя становится не сразу вошедший в черту города соседний с Палатином Капитолийский холм, на котором сосредоточены главные храмы Рима; следуя примеру столицы, капитолии (как главные культовые центры) возникают и в других римских городах.

Жилые кварталы. В тех случаях, когда города зарождались на холме с ограниченным пространством, по мере увеличения народонаселения и превращения холмов в культовые центры возникал *нижний город*, иногда, как в Карфагене, занимавший также склоны холма. Сохранившиеся во многих городах фундаменты зданий, а в таких городах, как Остия, Помпеи, Геркуланум и тех, что располо-

жены на острове Фера и в Этрурии на месте современных местечек Акваросса и Мурло, — также и стены домов (порой с великолепно сохранившейся росписью) дают возможность установить планировку городов, выявить особенности градостроительства, сопоставить с сообщениями литературных источников типы обнаруженных в ходе раскопок жилых домов, лавок, таверен, складов, а в Остии — также и своеобразных деловых контор.

В настоящее время хорошо известен план греческого и этрусского одноэтажного или двухэтажного дома. Особняки Помпей, Геркуланума и Остии с украшавшими их стены фресками, всей внутренней обстановкой дома и даже восстановленными усилиями палеоботаники растениями, заполнявшими пространство внутреннего дворика, дают представление об образе жизни не только людей, обладавших значительными средствами, но и средних слоев населения. На окраинах Помпей найдены и лачуги бедняков, сходные с жильем малоимущего населения любого древнего государства (если судить по фундаментам, обнаруженным в других городах). Благодаря Остии стал известен вид инсулы, этой многоэтажной, напоминающей остров громады, занимающей квадрат или прямоугольник между пересекающимися улицами (откуда само их название «инсула» по-латыни — остров). В последние десятилетия обнаружены многоэтажные дома и на территории пунического Карфагена.

Дворцы. Дворец — это не просто памятник архитектуры, отражающий вкусы и технические возможности своего времени, это индикатор жизни и идеологии общества. Дворцы крито-микенской эпохи с их обилием парадных помещений и складов для хранения запасов, а в Балканской Греции также и с мощными фортификациями и ведущими к водным источникам тоннелями еще до дешифровки линейного письма дали ясное представление о жизни древнейшего населения Балкан и эгейского мира, продемонстрировав его близость к восточным державам той же эпохи.

В доэллинистической Греции не было и не могло быть не только дворцов, но и просто домов, которые бы выделялись среди прочих своим богатством или отделкой. Полисный грек в идеале проводил свое основное время в общественных местах, и дом (если этот горожанин не был ремесленником, живущим трудом своих рук) служил ему практически лишь в качестве помещения для сна и еды (из литературных источников известно, что, например, дом Перикла ничем не отличался от жилья его соседей). Раньше не были выявлены дворцы и у этрусков. Лишь в 1980-е гг. удалось обнаружить великолепный дворцовый комплекс в этрусском городе, располагающемся в VI в. до н. э. на месте современного местечка Мурло.

В Греции дворцы появляются вновь в эллинистический период, вместе с установлением царств, но, известные лишь по упоминаниям античных авторов, до нас они не дошли даже в руинах.

От императорского времени сохранился дом Ливии, жены первого римского императора, часть дворца Калигулы, остатки «золотого дома» Нерона и ряд дворцов более поздних императоров на Палатине.

Центральные площади. *Агора* греческого и *форум* римского города, это средоточие всей городской жизни — дают возможность хотя бы приблизительно определять численность гражданского населения города, степень его благосостояния, отражающегося в количестве и качестве построек культового и гражданского характера, а также влияния чужеземных культур, проявляющегося в архитектуре строений. Само сокращение или расширение городских центров позволяет судить о происходивших в государствах переменах. Так, появление наряду со старым республиканским форумом множества форумов императорских с их многочисленными портиками и базиликами, приспособленными для праздного времяпрепровождения, не менее выразительно, чем литературные источники, повествует о составе римского населения в императорскую эпоху.

Зрелищные сооружения. Значительную информацию о жизни древних городов дают также и зрелищные сооружения, издавна тесно связанные с культами (так, снабженные широкими ступенями дворы критских дворцов предназначались для ритуальных игр с быками).

Греческие *театры*, раскопанные во многих городах Балканской Греции, Сицилии, Южной Италии, греческого побережья Малой Азии и Причерноморья, — источник самых различных сведений. Связанные с культом Диониса, они, начиная с первого театра, сооруженного в Афинах, показывают широкое распространение культа этого бога в греческом мире. Поскольку театральные состязания были неотъемлемой частью жизни гражданина демократического полиса, театры позволяют по их вместимости определить число граждан того или иного города, значительно возрастающее в эллинистическую эпоху. Они демонстрируют достижения древних не только в области архитектуры, но и в сфере акустики, наглядно подтверждая информацию римского теоретика архитектуры Витрувия о таком устройстве ступеней, которое усиливало идущий с нижней площадки голос актеров. Греческие театры были не только зрелищным, но и важнейшим общественным учреждением, в котором порой оглашались принятые советом или народным собранием решения. Именно с этой их ролью связаны официальные тексты, порой наносившие-

ся на окружавшие их стены (например, в театре эллинистической Спарты, в театре Афродисия римского времени).

Особым видом театра, уже не связанным с культовыми церемониями, были одеоны (крытые театры), предназначенные для музыкальных состязаний и впервые появившиеся в Греции в середине V в. до н. э., в Риме — лишь в I до н. э., да и то не в столице, а в Помпеях. В наилучшей сохранности до нас дошел построенный во II в. н. э. монументальный одеон Герода Аттика у подножья афинского акрополя.

В отличие от греческих римские театры, мало где сохранившиеся, уже самими своими размерами, несопоставимыми с величиной амфитеатров, подтверждают второстепенную роль театральных представлений, отмечаемую литературными источниками. И напротив, невероятное обилие амфитеатров не только в Риме и Италии, но и во всех римских провинциях, свидетельствует о том месте, какое занимали в жизни римлян гладиаторские бои. Некоторые из амфитеатров Африки могли бы соперничать вместимостью с римским Колизеем.

Греческие спортивные комплексы. Особый вид архитектурного памятника — *палестры*, предназначенные для спортивных упражнений детей и подростков, и *гимнасии*, посещавшиеся взрослым населением и включавшие, наряду с чисто спортивными комплексами, места для отдыха и научных занятий. Наиболее известны (благодаря тому, что их избрали для своих философских бесед с учениками Платон и Аристотель) два афинских гимнасия, один из которых располагался в садах героя Академа, другой — в роще Аполлона Ликейского. От этих и ряда других гимнасиев и большинства палестр греческих городов (за исключением прекрасно сохранившейся палестры Приены) остались незначительные следы. Зато спортивный комплекс для общегреческих состязаний в Олимпии после длившихся столетие с лишним раскопок предстал во всем многообразии памятников (палестры для подготовительных тренировок, стадион, ипподром, сопутствующие спортивному комплексу храмы и общественные здания).

Система водоснабжения. По мере роста городов усложнялась проблема водоснабжения. По сохранившимся упоминаниям у отдельных авторов и особенно по специально посвященному водопроводам трактату римского ученого II в. н. э. Фронтина мы знаем, как она решалась. Но при всей значимости литературных свидетельств главным источником служат сами эти сооружения — от простых колодцев и резервуаров для сбора дождевой воды до сложных

строений (восьмисотметровый тоннель, пробитый в толще скалы в VI в. до н. э. на Самосе, водопроводные сооружения того же времени в Мегаре, знаменитые римские акведуки, рассеянные по всей территории римской державы и особенно хорошо сохранившиеся в Италии, Франции и Испании). Обнаруженные во многих городах античного мира остатки глиняных и свинцовых труб неоспоримо свидетельствуют о гораздо более широком использовании водопроводов, чем можно было бы представить по трудам античных авторов. Вместе с тем применение свинца показывает незнание в древности вредных свойств этого металла.

Центуриация. Разделение между гражданами относящейся к городу сельской территории долгое время было известно только в Херсонесе, где владельцы обозначали границы своих участков камнями, обильно наносимыми каждую весну с гор. В настоящее время благодаря успехам аэрофотосъемки такое размежевание, названное в новое время латинским словом «центуриация», обнаружено и в ряде других греческих городов; особенно четкие его следы видны в Кавлонии и Метапонте (Южная Италия). В ряде мест, в частности на территории Херсонеса, сохранились также остатки усадеб, виноградные прессы, зерна культурных растений, позволяющие реконструировать сельскохозяйственную деятельность горожан.

Греческие усадьбы и римские сельские виллы. Воссоздание картины сельского хозяйства в античном мире невозможно без археологического изучения сельских жилищ и вилл, которое раньше всего началось в Северном Причерноморье, где усилиями российских и украинских ученых реконструирован тип сельской усадьбы, вычислены размеры отдельных усадеб и выяснено конкретное распределение сельскохозяйственных культур.

Удалось также установить тип сельского дома, жилые и хозяйственные помещения которого, как и в городе, располагались вокруг двора. Но в отличие от приспособленного для отдыха озелененного дворика — это большие хозяйственные дворы, вымощенные камнем. В сельской усадьбе намного больше хозяйственных помещений, чем в городском доме. Обычно при раскопках обнаруживают погреба, служившие хранилищами вина, масла и зерна, зерновые ямы, цистерны для воды, площадки, оборудованные для выжимки виноградного сока и масла, рядом с которыми нередки находки давильных прессов.

В тех из греческих колоний, где постоянной была угроза, исходящая от варварского мира, и на тех островах, которые жили в постоянном ожидании пиратских нападений, в усадьбах возводили

башни. Такие башни хорошо изучены в Крыму на Гераклейском полуострове и на ряде Кикладских островов.

Культовые сооружения. Храмы, алтари и священные участки, находившиеся как в верхнем, так и в нижнем городе, а также и за его пределами, — это не только памятники искусства, раскрывающие историю греческой, этрусской, римской или карфагенской архитектуры и скульптуры. Культовые сооружения позволяют определить экономический потенциал города, межгосударственные связи и взаимовлияния; они помогают понять принципы, на которых строились отношения людей с их богами, демонстрируя изменения, происходившие на протяжении веков в религиозных культах и пантеонах различных народов.

Особенно значимы общегреческие и общефиникийские культовые центры — такие, как комплексы Олимпии, Дельф, Эпидавра для Греции, храм Мелькарта для финикийско-пунийского населения.

Загородные виллы императоров и римской знати. Из загородных резиденций императоров известен знаменитый комплекс, созданный по распоряжению императора Адриана в Тиволи (близ Рима), и Вилла Армерина императора Максимиана в Сицилии. Самая крупная из найденных к нашему времени частных вилл — так называемая «Вилла папирусов» под Геркуланумом стала великолепной иллюстрацией к сохранившимся в литературе характеристикам подобного рода сооружений, возводимых римской знатью во всех приспособленных для отдыха местах.

Дороги. Способствуя сообщению между городами и странами, служа миру и войне, дороги также проделали свой цивилизационный путь — от земляных и скальных к мощеным и снабженным всем необходимым для ориентации и быстрого продвижения. Грекам, пользовавшимся в силу географических условий тропами и короткими скальными дорогами, служившими для перевозки строительных материалов, чудом казалась «царская дорога», соединявшая столицу Персии Сузы с побережьем Эгейского моря. Первоначально не столь длинные римские дороги превзошли все, что было создано в древности в области дорожного строительства. Сеть мощеных римских дорог с их грунтовыми ответвлениями покрыла сначала Италию, а затем и весь круг земель.

Строителей дорог не останавливали ни болота, ни высокие горы, ни дремучие леса, ни пустыни. Проникая туда, куда с трудом добирались пешеходы, они распространяли образ жизни, чуждый местному населению, и сводили к общему римскому знаменателю дости-

жения всех предшествующих культур. Высокое техническое совершенство римских дорог сделало их трассами в будущее: позволив перешагнуть границы античной цивилизации, римские дороги сохранялись и в средние века, и частично используются в наши дни. Но большая часть их стала известна благодаря археологическим исследованиям вместе с теми памятниками, которые обрамляли дороги.

Порты и корабли. Морские дороги оставляли следы лишь на морском дне — обломками от кораблекрушений. Но их исходные и конечные пункты — порты — доступны изучению благодаря археологии, которая дополнила рассказы древних авторов точными техническими деталями. Изменения береговой линии привели к погружению древних портовых сооружений на морское дно или их исчезновению под толщей наносов. Аэрофотосъемка в сочетании с работами водолазов и аквалангистов выявила искусственные молы и портовые сооружения Самоса, Пирея, Александрии. Два порта Карфагена, торговый и военный, соединенные каналом, вместе с верфями для строительства кораблей обнаружены в ходе недавних раскопок в Тунисе.

Сохранившиеся в ряде городов (Херсонес, Тир, Рим, пунийская колония Моция, Карфаген с недавно обнаруженными остатками двух гаваней, военной и торговой) портовые сооружения дают представление об организации судоходства, демонстрируя и уровень инженерного искусства греков, римлян, этрусков и карфагенян, и — что еще более значимо — позволяют судить о масштабах торговли в разные периоды истории этих народов. Количество таких памятников за последние десятилетия возросло благодаря успехам подводной археологии.

Среди памятников, которым мы обязаны подводной археологии, особое место занимают поднимаемые с морского дна корабли, начиная с затонувшего близ берегов Малой Азии у мыса Гелидонии древнейшего корабля крито-микенской поры с грузом медных и оловянных слитков в виде бычьих шкур, служивших древнейшими деньгами, и вплоть до различных типов кораблей римского времени, как военных и торговых, так и предназначенных для развлечений римской знати (знаменитые два прогулочных корабля Нерона, найденные на дне озера Неми).

Античное производство. За последнее столетие, когда в сферу археологического исследования включается все большее число не только крупных, но и мелких городов и сельских поселений, значительно возрос объем материала, способствующего доскональному изучению античного производства, оставляемого, как правило, в тени древними авторами.

Производственные комплексы. Значительную ценность для изучения экономики древних государств имеют выявленные во многих городах остатки производственных комплексов (ремесленные мастерские, кузницы, рыбозасолочные чаны). Целиком эти памятники доходят до нас редко (за исключением почти повсеместно обнаруживаемых гончарных печей), и об их облике можно судить главным образом по изображениям на сосудах (единственно хорошо сохранившаяся мастерская по изготовлению орудий труда раскопана в Приене). Гораздо чаще находят отдельные предметы, связанные с ремесленным производством (например, использовавшиеся литейщиками еще с микенских времен каменные или гипсовые формы для отливки восковых моделей, открытые или разъемные), и орудия труда. Еще чаще в руки археологов попадают сами ремесленные изделия — из металла, стекла, фаянса, слоновой кости, янтаря. Их находят и в захоронениях, и на территории городов и сельских поселений. Благодаря им воссоздается картина жизни в мирное и военное время, неповторимая в своей специфичности для каждого из народов античного Средиземноморья.

Рудники и каменоломни. Добыча камня документирована сохранившимися древними каменоломнями; добыча металла — рудниками Испании, Тайгета (Спарта), Тавра (Малая Азия), уходившими на 120 метров в глубину серебряными рудниками Лавриона (Аттика), выплавка — плавильными печами. Наиболее знаменит огромный металлургический комплекс этрусков на о. Эфалия (совр. Эльба); изучение химического состава шлаков, оставленных античными металлургами, показывает, что значительное количество металла шло в отходы.

Орудия труда. Об уровне производства, в том числе и сельскохозяйственного, свидетельствуют орудия труда, производившиеся главным образом в городских, по порой и сельских мастерских и кузницах.

На территории греческих усадеб и римских сельских вилл постоянно находят ручные мельницы, зернотерки и те из орудий сельскохозяйственного труда, которые имеют металлические детали. Представление о несохранившихся бороне и древнейшем типе деревянного рала, использовавшегося для разрыхления земли до появления в V в. до н. э. плуга, мы имеем по изображениям на сосудах. Наиболее древний железный наральник, напоминающий лопату с загнутыми краями, найден в сицилийском святилище богинь плодородия Деметры и Коры (VI в. до н. э.). Несколько наральников V—III вв. до н. э., также железных и также лопатообразных, но без загнутых краев, обнаружено на территории греческих колоний Северного Причерноморья.

Значительно чаще встречаются железные серпы, мотыги разного типа (широкие в виде квадрата, опущенного острием вниз, однозубые, двузубые). Сохранились также трехзубые вилы и косы.

Непременная принадлежность почти каждого как городского, так и сельского дома — ручные зернотерки и ручные мельницы. Несколько реже находят целиком или в отдельных деталях орудия труда столяров, каменотесов, строителей, ремесленников, занятых литьем и обработкой металла: топоры, одноручные и двуручные пилы, молоты, зубила, ломы, кувалды, рубанки, сверла, долота, напильники, линейки, циркули, отвесы. На местах древних монетных дворов сохранились формы для отливки металлических кружков и штемпели, превращавшие еще не остывший кружок металла в монету.

Оружие. Среди изделий из металла особое место занимает оружие. Обнаруженное в захоронениях, на местах древних сражений и в храмах, где оно служило приношением богам, даровавшим победу, оружие повествует не только о мастерстве изготовителей и искусстве граверов, но и об изменениях в военном деле, о специфике вооружения разных народов, о взаимовлияниях в ходе бесконечных военных столкновений.

Вместе с тем это документальное подтверждение известных нам по литературным источникам войн и изменений в жизни общества, отражавшихся на военной организации и вооружении. Так, выделение родовой верхушки в раннегреческом обществе нашло отражение в резком различии в вооружении знатных воинов и рядовой воинской массы. Переход к демократическим государствам в военном деле отозвался введением гоплитского строя, который мы можем представить как по рисункам на вазах, так и по найденному оборонительному и наступательному оружию гоплитов; копья и дротики легковооруженных воинов также хорошо известны благодаря массовым находкам наконечников.

Среди различных видов вооружения наибольшую ценность для исследователя представляют мечи. В силу массовости находок и характерных для каждого народа особенностей формы клинка и рукоятки меча они позволяют прослеживать передвижения и торговые контакты народов в ранний период средиземноморской истории, не освещенный литературными источниками. Так, экспансия «народов моря» прослеживается по особой форме короткого меча, удостоверенного также изображением наемников-шарданов с этим мечом на египетском рельефе XIII в. до н. э. Появление в районах греческих колоний Северного Причерноморья новых кочевников — сарматов — подтверждается находками длинных сарматских мечей, сменивших короткие скифские.

Керамические изделия. Керамика — один из самых ценных памятников материальной культуры. Изделия из обожженной глины, обладающие лучшей сохранностью, чем многое из того, что было создано человеческими руками, археологи находят в массовом количестве в любом из поселений. Их можно рассматривать как своего рода индикаторы культурных различий, развития и родственности культур: их форма и нанесенный на них рисунок — показатель творческих способностей и художественного вкуса изготовителей. Керамика прочерчивает пути переселений и торговых контактов народов, а также позволяет установить влияние, оказываемое одними народами на другие. В этом смысле особенно информативна керамика местного населения в районах, охваченных греческой колонизацией, запечатлевшая в одних случаях процесс постепенной эллинизации окружающих земель, в других — сохранение местным населением в противоборстве с пришельцами своей самостоятельности.

Керамику (за исключением самой дешевой грубой посуды) обычно расписывали, что дает твердую основу для верхней границы датировки. Вместе с тем расписная греческая, этрусская, карфагенская, римская керамика своим декором дополняет наши сведения по мифологии этих народов, наглядно иллюстрируя мифологические сюжеты. Изображения на сосудах становятся источником для изучения быта, ремесла, военного дела, спорта.

Среди расписанных керамических сосудов особенно примечательны так называемые панафинейские амфоры. Заполненные священным маслом, они выдавались победителям на панафинейских играх в Афинах.

Зерно, вино и оливковое масло хранили и перевозили в амфорах, глиняных остродонных сосудах крупных размеров с широким или узким корпусом, длинным горлом и двумя ручками. Они упоминуты уже Гомером. Города и сельские поселения, производственные комплексы, общественные и частные свалки, склады торговцев, остатки кораблекрушений — все это места их массовых находок. Различия в конфигурации сосудов, цвете и примесях глины служат критерием при определении места выработки амфор и, следовательно, показателем проделанного сосудом пути от производителя к потребителю. Дополнительную и более точную информацию дают амфоры с клеймами, удостоверяющими их соответствие определенным стандартам. В полном своем варианте клеймо содержало название города-изготовителя, имя должностного выборного лица (астинома), имя изготовителя амфоры, а также эмблемы обоих этих лиц. Амфоры, простые и особенно с клеймами, позволяют определять хронологию погребений, кораблекрушений, культурных слоев поселений;

они дают сведения о динамике торговли того или иного города, об участниках торгового обмена по отдельным историческим периодам, о развитии производства керамической тары и ее создателях, ставших для нас, благодаря клеймам, историческими лицами.

Изделия из стекла. Дошедших до нас стеклянных изделий значительно меньше, чем металлических и тем более керамических, однако их вполне достаточно для того, чтобы составить представление о развитии стекольного производства и о месте стекла в жизни античного человека. Среди стеклянных изделий сохранились и сосуды, и украшения, в которых стекло выступает в качестве замены ценных пород камня, и кусочки мозаики, а для более позднего времени – осколки оконного стекла. По находкам установлено, что литье (техника, известная задолго до изобретения выдувания), прессовка, обесцвечивание стекла (впрочем, применявшееся крайне редко из-за предпочтения цветных стекол) и изготовление мозаичных стекол относится к IV в. до н. э. (ранее использовался более примитивный способ обволакивания непрозрачной стеклянной массой глиняно-песчаной основы). Наибольшее распространение сосуды из высоко ценившегося в древности мозаичного стекла получили в Александрии. Количество изделий из стекла резко возрастает с середины I в. до н. э., когда стеклянные сосуды перестают быть предметами роскоши и входят в широкое употребление в связи с изобретением техники дутья. Среди предметов роскоши особенно великолепны имитации камей, характерные для эллинистического времени, и изготовлявшиеся в Италии в период империи резные и рельефные стекла и стекла с вплавленными в них гравюрами.

Существенные коррективы вносит археология в вопрос о времени применения оконных стекол. Вопреки бытовавшему на основании литературных источников мнению, раскопки Помпей показали, что оконное стекло начали использовать не в поздней империи, а значительно раньше, уже в I в. н. э.

Клеймо на кирпиче

Кирпич. Клеймили не только керамическую тару, но часто и обожженные кирпичи, типичный строительный материал в римской архитектуре, полностью отсутствующий в греческом монументальном строительстве. Клейма на кирпичах позволяют с точностью установить время создания построек. Так, только благодаря клеймам было установлено, что здание Пантеона в том виде, в каком оно дошло до нас, возведено императором Адриа-

ном, хотя на фасаде его значится имя сподвижника Августа Агриппы; что при Адриане же отстроена большая часть римского порта Остии, в отношении которого можно проследить каждый этап строительства. Важны и находки кирпича необожженного, характерного для массового строительства в мелких городах и сельской местности, поскольку позволяют установить тип строительства. Так, спрессованные массы необожженного кирпича, впервые обнаруженные в середине XX в. в этрусском городе Рузеллах, позволили определить строительную технику, применявшуюся в этрусских городах при возведении жилых домов (стены из необожженного кирпича на фундаменте из речной гальки).

Черепица. Менее информативны находки черепицы. Ввиду стабильности ее формы (плоской или выпуклой, клавшейся вперемежку с плоской) она дает не столь точную хронологию, как керамическая посуда и кирпич; ее датировка к тому же трудоемка и не всегда доступна, поскольку производится специальной аппаратурой, фиксирующей электромагнитные поля времени обжига. Однако и в этом однообразном материале встречаются уникальные находки. Так, в руинах одного из зданий недавно раскопанного в современном местечке Аквароссы этрусского города, оставленного жителями в VI в. до н. э., обнаружено значительное количество расписной черепицы со схематическими изображениями коней и птиц, чередовавшейся на крыше обрушившейся постройки с привычным типом черепицы выпуклой.

Фибулы. Об одежде греков, этрусков и римлян мы узнаем по изображениям на статуях, фресках, вазах, монетах. Сами одеяния за редчайшими исключениями не сохранились, но в огромном количестве дошли пряжки, скалывавшие края одежды — *фибулы*, предшественницы современных булавок и пуговиц. Они изготовлялись из кости, металла, нередко драгоценного, и порой представляли собой высокохудожественные изделия. Различаясь по форме и украшениям, фибулы позволяют судить о перемещениях народов бронзового и железного веков, о распространении и взаимодействии культур (полагают, что изобрели их индоевропейцы), а также последовательности их развития.

Фибула, как и ее упрощенная предшественница — имевшая головку, но не снабженная застежкой булавка — представляет собой не менее массовый и не менее ценный датирующий материал, чем керамика. Появившись у индоевропейцев в III тысячелетии до н. э. и во II тысячелетии распространившись вместе с ними по Европе, Малой Азии и Ирану, к концу бронзового века примитивная булавка где-то на территории Центральной Европы или Балканского полуострова превращается в снабженную застежкой фибулу, которая стремительно распространяется с начала I тысячелетия

по всей Европе, включая Пиренейский полуостров и Британские острова, и продвигается на восток вплоть до Иранского нагорья. В остальные регионы Средиземноморья ее приносят сначала греки, затем римляне.

Разнообразие форм фибул, соответствующих определенному времени и определенному региону производства, способствует точной датировке всего содержащего их культурного слоя, особенно начиная с железного века, когда значительно увеличивается количество типов фибул и вариантов внутри каждого типа.

Пряслицы. Ткацкое ремесло, находившееся у греков под покровительством богини-ремесленницы Афины, не могло из-за хрупкости своего материала оставить столь же ясных следов, как гончарное. Но и оно, утратив деревянные части станков, нити и пряжу, сохранило глиняные или каменные пряслицы — кольца, надевавшиеся на веретено для придания ему при вращении устойчивости. Их находят едва ли не в каждом греческом и римском жилище, ибо прядение было домашним женским ремеслом, которым занимались все — сельские жительницы и горожанки, рабыни и дочери знати, даже в тех случаях, когда сами они носили ткани, изготовленные в специальных ремесленных мастерских.

Украшения. Украшения, среди которых особенно часто встречаются женские бусы (целиком или отдельными бусинами), серьги, подвески, а также употреблявшиеся и женщинами и мужчинами кольца и перстни (иногда с печатями) — обычный погребальный инвентарь многих захоронений. По украшениям можно судить не только о технике ювелирного ремесла, но и об уровне развития общества, а также и о торговых контактах между отдельными городами и целыми странами. Так, находки ювелирных изделий в могилах VIII—VII вв. до н. э. на территории Лация и Кампании, показали значительно более высокий уровень культуры этого региона в период раннеримской истории, чем это считалось прежде. Наиболее знаменитые из ювелирных изделий греческих мастеров найдены в курганах скифских царей; в пределах Апеннинского полуострова наибольшее количество украшений дали этрусские захоронения.

Зеркала. Чрезвычайно интересным источником являются бронзовые зеркала этрусков, в изобилии извлекаемые из погребений. Это не только свидетельство высочайшего мастерства, но и немая книга этрусской религии и мифологии. На них, как правило, располагаются по трем поясам изображения, связанные с сюжетами нижнего, земного и верхнего миров. Зеркала в значительной степени компенсируют отсутствие религиозных этрусских текстов. На основании нанесенных на них изображений мы получаем зна-

чительно больше информации, чем при изучении рисунков на стенках сосудов или статуй и многочисленных бронзовых фигурок богов. Помимо сцен, относящихся к этрусскому ритуалу и чисто этрусским богам, значительный интерес представляют интерпретированные этрусскими мастерами сюжеты, знакомые нам по греческой мифологии.

Цисты. По сюжетным изображениям к зеркалам близки цисты — небольшие ларцы для хранения драгоценностей или иных мелких предметов, распространенные, как и бронзовые зеркала, преимущественно в этрусской среде и, подобно зеркалам, развертывающие перед нами серии мифологических сцен.

Скульптура и рельефы. Скульптура и рельефы были первыми памятниками, попавшими в поле зрения людей нового времени, поскольку в значительном количестве сохранились в руинах храмов и на надгробиях. По мере расширения фронта археологических работ их количество постоянно увеличивается в ходе раскопок храмовых территорий, некрополей, городских площадей и домов (римский форум, форум и особняки Помпей и особенно Олимпия, давшая около 2 000 статуй). Среди них немало шедевров знаменитых и безвестных мастеров, позволяющих раскрыть историю развития греческого, этрусского, римского, пунического искусства. Но и те памятники, которые созданы трудом рядовых ремесленников, имеют для историка не меньшую ценность, поскольку больше, чем какой-либо иной материал, служат источником для изучения этнического типа (что особенно важно для решения проблемы происхождения этрусков), внешнего облика, одежды, причесок, вооружения, наград, особенно широко распространенных в римской армии и тщательно высекавшихся на груди их изваянного обладателя.

Фрески. Первые образцы античной живописи стали известны в новое время благодаря раскопкам Геркуланума и Помпей. Столетие спустя, с первой четверти XIX в., к ним присоединились фрески этрусских могил, число которых к настоящему времени исчисляется уже сотнями. Греческая живопись долгое время могла изучаться лишь в отраженном свете тех рисунков, которые наносились на керамические изделия. Фресковая живопись греков стала известна сравнительно недавно благодаря находке в Южной Италии среди луканских могил Пестума гробницы, расписанной греческим мастером. Одновременно массовые находки фресковой живописи в луканских гробницах показали, что греческое искусство, оказавшее влияние и на этрусскую, и на римскую живопись, проникло и в

мир более примитивных племен, заселявших Южную Италию. Восприняв греческую технику фрески, они внесли в нее собственную художественную фантазию.

Фрески не только отражают пути развития античного искусства, но являются одновременно ценным источником для изучения мифологии и религиозных ритуалов, а порой и исторических событий (примером может служить фрагментарно сохранившаяся фреска с изображением последних мгновений жизни Спартака, найденная в Помпеях в доме, принадлежавшем участнику подавления спартаковского восстания).

Мозаика. Подобно рельефам и фрескам, мозаика — источник, изучаемый не только искусствоведами, но и историками. Как и в других памятниках, связанных с сюжетными изображениями, она чрезвычайно информативна, особенно при изучении мифологии. Наиболее насыщены мифологическими сюжетами, особенно связанными с Посейдоном, мозаики, обнаруженные на территории Туниса.

Захоронения. Немало могут рассказать о жизни народов и захоронения. Информацию несут не только находимые в них материалы, отражающие быт, культуру, уровень социального расслоения общества, и предметы, дающие возможность датировки, но и сами могилы, особенно когда в распоряжении науки оказывается не отдельное захоронение, а некрополь в целом. По обряду погребения и типу могилы определяется принадлежность к тому или иному народу, что позволяет проследить пути миграций, уточнить границы завоеваний времени образования империй. Антропологическое исследование черепов вносит вклад в уточнение этнического состава населения. Значимость памятника увеличивается, когда выявляются также и надгробные стелы с надписями и рельефами. Особенно информативны надписи на римских надгробиях.

Благодаря высеченным на камне именам, надписям и изображениям становится возможным не только установить этнический состав, религиозную принадлежность, круг занятий населения, степень расслоения общества, но очертить ареал распространения власти того или иного народа или расселения какой-то его части за пределами основной территории.

Для микенского периода греческой истории типичны шахтовые гробницы с коллективными захоронениями и гигантские *толосы* (круглые в плане купольные гробницы). В античный период греки хоронили своих покойников в небольших индивидуальных могилах с великолепно оформленными надгробиями. Для этрусков типичны покрытые фресками камеры, расположенные как в огром-

ных тумулосах (покрытых землей искусственных каменных холмах, порой достигавших значительной высоты), так и в выбитых в скале помещениях и постройках в виде домов, расположенных на поверхности. Этрусские некрополи, в отличие от погребальных комплексов других средиземноморских народов, помогают восстановить облик города, поскольку большей частью этрусские города мертвых представляют собой как бы города живых в миниатюре — с тем же расположением «улиц», таким же архитектурным декором «домов».

Наряду с захоронениями в индивидуальных могилах, содержащих урну с пеплом или саркофаг с телом покойного, этруски с III—II вв. и римляне с I в. до н. э. практиковали неизвестный другим народам тип коллективного погребения в *колумбариях*, небольшие ячейки которых могли принять множество погребальных урн людей, не имевших средств на более дорогое посмертное место. Со II—III вв. н. э. у римлян вошли в употребление колумбарии, ниши которых вмещали целые саркофаги.

Для карфагенских могил, обычно коллективных, характерна их необычайная глубина с расположением праха покойников на разных этажах, доступ к которым обеспечивался выбитыми в стене ступенями.

Еще более специфический тип захоронений — финикийско-пунические *тофеты*. Тофет — типичное для финикийского населения кладбище для ритуальных захоронений младенцев, посвященных верховному богу. Прекрасная сохранность установленных над захоронениями стел знакомит нас с карфагенским изобразительным искусством, демонстрируя сосуществование в нем и реалистической и абстрактной традиций.

Монументальные памятники мировых столиц. До последнего времени наиболее известны были монументальные памятники Рима, значительная часть которых сохранилась на поверхности: это и грандиозный табулярий для хранения государственного архива, и храмы, и зрелищные сооружения, и императорские дворцы, и триумфальные арки, и мавзолеи Августа и Адриана . От знаменитого Пергамского алтаря остался только опоясывавший его рельеф с изображением битвы богов и гигантов, от не менее знаменитого Галикарнасского мавзолея, считавшегося одним из семи чудес света, — несколько разрозненных фрагментов рельефов, выполненных лучшими из греческих мастеров IV в. до н. э. Считалось, что и другое чудо света — Александрийский маяк — навсегда утрачено для науки, поскольку до последнего времени имелось лишь несколько извлеченных из турецкого бастиона плит, но не-

давно на морском дне близ Александрии были обнаружены его обломки, покрывавшие по крайней мере два квадратных километра подводной поверхности. Все эти памятники монументальной пропаганды древности свидетельствуют о радикальных изменениях в сфере идеологии, наступивших с установлением империй.

Оборонительные стены. Для понимания политической и военной истории античности большое значение имеет изучение древних фортификаций — от защитного пояса стен, окружавших города, до «лимеса» — линии укреплений вдоль границ римской империи, следы которых, выявленные вдоль всей северной ее границы, яснее любого исторического труда демонстрируют перелом во внешней политике Рима во второй половине II в. н. э.

От древнейшего периода средиземноморской истории дошли руины стен Трои, Микен, Тиринфа, Афин и ряда поселений на Кикладских островах. В античное время лучше всего оборонительные сооружения сохранились в Херсонесе, Элее, Метапонте, Акрагантe, среди городов римских провинций Востока — в Афродисии, Тимгаде, Пальмире, на Дунае — в Аполлонии; на территории провинции Германии — в Трире, где они отличаются особенной мощью, наглядно демонстрируя положение римских поселенцев в землях порабощенных германских племен. В Италии остатки стен, ставших ненужными с объединением полуострова под властью Рима, имеются в самом Риме (отдельные участки Сервиевой стены царского периода, Аврелиева стена времени империи, охватывающая значительную часть территории города) и в Помпеях.

Стены и рвы, окружавшие древние города, помогают воссоздать их политическую историю там, где не сохранилось свидетельств в нарративных источниках, и уточнить ее там, где имеется материал для сопоставления с трудами древних авторов. Особенно информативны стены Херсонеса, каждая перестройка которых становится новой главой, проясняющей взаимоотношения с окружающими воинственными племенами, и стены Помпей, эта каменная летопись пережитых городом перипетий, хранящая следы каменных ядер из катапульт, наведенных на город Суллой в годы Союзнической войны.

Надписи. Начиная с XIX в. ни одно из сколько-нибудь серьезных исследований по истории античности не обходится без эпиграфического материала. Посвятительные надписи в честь богов, испещрявшие стены храмов и алтарей или нанесенные на вотивные (приносимые в дар богу) предметы; надписи на надгробиях, порой довольно подробно повествующие о жизни покойного; на

межевых и милевых столбах; строительные надписи с указанием инициаторов постройки или восстановления того или иного здания; надписи на сосудах и других предметах; декреты в честь различных лиц; официальные постановления народных собраний, выставлявшиеся на всеобщее обозрение; типичные для Рима краткие календарные записи и, наконец, разного рода объявления, а то и просто оставленные людьми на стенах замечания по различным поводам — все это не только дополняет литературные источники, но порой значительно их корректирует, позволяя увидеть факты античной истории не в субъективном изложении тех или иных авторов, а взятыми из жизни и сохранившими ее дыхание. Недаром основатель отечественной эпиграфики Ф. Ф. Соколов писал: «Внимая надписям, как бы слышишь голоса, отрывки разговоров дня, которому минуло две тысячи лет. Камни становятся краеугольными камнями науки о древности». И действительно, эпиграфика позволяет нам узнавать о событиях, которые никогда не попадали в свитки известных историков, будучи незначительными в общем потоке общегреческой истории, о заботах и радостях горожан, о выдающихся людях, которыми гордился полис. Так, в Херсонесе обнаружена надпись в честь местного историка Сириска, чье имя ни разу не проскользнуло в трудах дошедших до нас авторов.

Греческие и латинские надписи столь обильны, что стало возможным издавать их в виде тематических сборников, из которых наиболее интересны собрания текстов по отдельным городам Балканской Греции и побережья Малой Азии, по греческим колониям Северного Причерноморья, Африки, юга Италии и Сицилии, по римским провинциям в целом и по входящим в них городам, по истории христианства, по митраизму, по отдельным римским легионам, стоявшим в различных провинциях, по истории преторианских когорт и по многим, многим другим вопросам.

Этрусских надписей тоже немало — их насчитывается до 11 000, но среди них всего несколько крупных или сравнительно крупных текстов. В их числе письмена, нанесенные на льняные пелены, в которые была завернута найденная в Египте и ныне хранящаяся в музее Загреба мумия, а также несколько надписей на твердом материале — на терракотовой черепице из Капуи (около трех сотен слов, расположенных в 60 строк); на травертиновой плите из Перуджии (46 строк из 130 слов); на свинцовой пластине из Санта-Маринеллы (60 слов); на двух золотых пластинах из этрусских Пирг (52 слова) с параллельным финикийским текстом; на предназначенной для гаданий бронзовой модели печени из Пьяченцы (40 слов, в основном имен богов); на стене погребальной камеры одной из могил Перуджии (27 слов).

Эти надписи могли бы составить основу для дешифровки этрусского языка, но источником по истории этрусков, за исключением текста из Пирг и печени из Пьяченцы, служить не могут, не будучи (кроме надписи из Пирг) прочитанными. И напротив, для изучения этрусской религии, для понимания этнической картины населения этрусских городов, демографической, а порой и социальной ситуации определенный материал дают короткие эпитафии и посвятительные тексты, поскольку среди почти сотни прочитанных слов этрусского языка — числа, названия керамических изделий, термины родства, должности.

Изданы этрусские тексты были в виде семи выпусков «Корпуса этрусских надписей» еще в начале XX в., на современном уровне имеются сборник надписей, выпущенный в 1954 и переизданный в 1968 г., а также двухтомная «Сокровищница этрусского языка» с расположенными в алфавитном порядке словами с точным указанием надписей, в которых они встречаются, и научным комментарием.

Карфагенских надписей к настоящему времени обнаружено до 8 000 (больше, чем в восточнофиникийском мире), но, к сожалению, это в основном короткие эпитафии и посвятительные надписи богам, главным образом в тофетах. Они, конечно, тоже очень важны, потому что содержащиеся в них имена дают возможность определить, сколь далеко заходило смешение финикийского и местного населения. Но неизмеримо информативней менее обширная группа текстов, в той или иной связи дающая названия городов, что очень ценно в сочетании с нумизматическим материалом, поскольку литературная традиция чаще отмечает лишь те города, в которых разворачивались исторически значимые события, а если и сообщает о небольших городках (подобно Страбону, Плинию и Птолемею в отношении Тинги, Рисаддира, Русибиса и Цили), то без помощи нумизматики и эпиграфики их невозможно было бы идентифицировать. Еще важнее тексты финансовых отчетов, в которых указаны расходы, связанные с оплатой храмового персонала, и выставлявшиеся у входа в храмы тарифы со скрупулезным перечислением жертв, предписанных в тех или иных случаях.

Папирусы. С 70-х гг. XIX в. к эпиграфическому материалу добавляется богатейший и постоянно увеличивающийся папирологический. Достаточно сказать, что серия только папирусов, найденных в Оксиринхе, составляет 20 томов.

Изучение истории античного Средиземноморья ныне немыслимо без помощи этих папирусных текстов, находимых прежде всего

в Египте, где их сохранности способствовал сухой климат, но также и в некоторых других местах, в частности в Италии, где в ходе раскопок Геркуланума, уничтоженного извержением Везувия, была обнаружена вилла с философской библиотекой.

Папирус — бумага древности, и точно так же, как бумага наших дней, он не рассчитан на длительное хранение. Но мир богат чудесами, и Египет наряду со своими пирамидами и храмами эпохи фараонов оправдал название «страны чудес», сохранив на окраинах городов и деревень в древних мусорных кучах десятки тысяч хрупких папирусных листков, исписанных преимущественно греческим письмом. Образованные люди часто приводили в письмах отрывки из любимых литературных произведений, а иногда переписывали эти произведения для себя или друзей целиком. Благодаря этому пополнились сборники стихов лирических поэтов Алкея, Сапфо, Коринны, Пиндара, Вакхилида, заполнились лакуны во многих трагедиях Софокла, Эврипида, вернулись в литературу утраченные комедии Менандра, ранее известные лишь по отдельным фрагментам. Но самым сенсационным открытием оказалась обнаруженная в конце прошлого века «Афинская полития» Аристотеля.

Порой среди папирусов встречаются целые архивы (например, архив одной из семей конца III—начала IV в. или военного легата поздней империи), законодательные сборники (в частности сборник решений императора Септимия Севера по юридическим вопросам), сборники, связанные с различными религиозными культами (например, большой сборник с текстами литургий).

Вместе с тем, наряду с текстами, рассчитанными если не на вечность, то по крайней мере на ближайшие поколения, в папирусах неизмеримо больше, чем в эпиграфике, бытовых записей — писем, коротких заметок, чьи авторы и не подозревали о том, что будут прочитаны кем-либо кроме их адресатов. Это свидетели живой жизни простого люда, вводящие нас в историю их любви и семейных раздоров, их радостей и обид, в их денежные расчеты, в отношения между господами и рабами, друзьями и врагами — словом, во все мелочи повседневной жизни. Они воссоздают не обобщенно-хрестоматийный, а в подлинном смысле живой облик античного человека.

Монеты.* Исключительно важный материал для изучения истории Средиземноморья дают античные монеты, попавшие в распоряжение исследователей намного раньше не только папироло-

*Параграф написан А.И.Немировским.

гии, но и эпиграфики. Уже в XVIII в. в Вене, где оказалась огромная коллекция древних монет, была проделана гигантская работа, результатом которой явилась подробнейшая классификация 70 000 их видов. Отсюда необычайное богатство информации, которую дает и сам металл монет, и ареал распространения, раскрывающий торговые и культурные связи, и особенно нанесенные на них надписи (*легенда монеты*) и изображения. Они отражают состояние экономики и финансов городов, события политической и культурной жизни, происходящие в государствах перемены. Часто лишь по изображениям на монетах мы узнаем о знаменитых статуях (например, о том, как выглядел Зевс в храме Олимпии или Колосс Родосский), об архитектуре давно разрушенных храмов. Порой только монеты сохранили портретные изображения (например, Пифагора).

Архаические монеты греческих городов, чеканившиеся из серебра, чаще всего с эмблемой города и иногда первыми буквами его названия на лицевой стороне (*аверсе*) и ничем не заполненным вдавленным квадратом на оборотной стороне (*реверсе*), не столь информативны, как монеты более позднего времени, зато это информация, опередившая по крайней мере на столетие первые труды историков. Это первые свидетели греческой колонизации, способные рассказать и об интенсивности торговли, и о размахе колонизационного процесса, и о богах-покровителях полиса, а порой и об экономике тех городов, которые сочли нужным запечатлеть на металле то, что считали главным в процветании своего города: корабль, колос пшеницы, виноградную гроздь или пчелу. Одновременно они становятся свидетелями и независимости того или иного полиса (поскольку именно с независимостью связывалось право на выпуск собственной монеты) и культов его богов-покровителей.

В классический период греческой истории информативность монет значительно возрастает благодаря появлению названий городов, а подчас и имен магистратов, при которых производилась чеканка. В связи с включением в V в. до н. э. бронзы в число металлов, используемых для чеканки, возрастает и разнообразие монет, что расширяет возможности их использования как датирующего материала.

В эллинистическую эпоху греческие монеты постепенно из регистратора полисной истории превращаются в своего рода портретную галерею правителей держав, возникших на месте полисов, демонстрируя изменения в идеологии греческого общества и в то же время помогая нам заполнить пробелы в политической истории эллинистических государств.

Этрусские монеты — медные, золотые и серебряные — появились почти одновременно с греческими — тоже в VI в. Их начали чеканить практически все города Этрурии, что при отсутствии у этрусков письменной традиции особенно важно для исторической науки: многие из названий этрусских городов определяются только по монетам. Этрусские монеты, даже когда их находят в греческих городах, спутать с греческими невозможно — и потому, что на них стоят этрусские цифры, указывающие на их номинал, и по типичным для них изображениям (голова горгоны Медузы, якорь и дельфин, символизирующие морскую торговлю, колесо, свидетельствующее о торговле сухопутной, а также лев, слон, собака, петух, полумесяц, треножник, изображения богов-покровителей города, отличающиеся по иконографии от богов греческого пантеона).

Почти столетие спустя после лидийцев и греков появляются монеты финикийские и карфагенские — с 480 г. до н. э. в Панорме и Моции, сицилийских колониях восточнофиникийских городов, постепенно перешедших под власть Карфагена, затем в восточнофиникийских центрах (с середины V в.) и, наконец, в самом Карфагене (с середины IV в.).

Если восточнофиникийская монета тесно связана с персидским влиянием, монетное дело Карфагена демонстрирует явную зависимость от греческого опыта — при всей враждебности карфагенян к главному торговому конкуренту. Изображение на монетах Карфагена и городов, входящих в Карфагенскую державу, Коры или греческой нимфы Аретузы, а также появление в образе чисто финикийского Мелькарта львиной шкуры и палицы греческого Геракла на монетах иберийского Гадеса и прилегающего к Иберии островка Ибицы, или надписи на греческом и пунийском языках на монетах Моции и Панорма (Сицилия) и производимый в этих городах чекан, основанный на эвбейско-аттической системе веса, говорят о взаимосвязи с греками намного выразительней, чем дошедшие до нас литературные источники.

Карфагенских монет неизмеримо меньше, чем греческих и этрусских, да и разнообразием большим они не отличаются, но поскольку от Карфагена не сохранилось собственной литературной традиции, а дошедшие до нас авторы сообщают о жизни карфагенян до их столкновения с Римом еще меньше, чем об этрусках, эти сравнительно немногочисленные монеты приобретают для нас особое значение, позволяя, наряду с археологическим материалом, установить направления колонизационной деятельности Карфагенской державы, а порой и названия входивших в нее городов, о которых в литературной традиции нет никаких сведений.

Вместе с тем пуническая монета не в меньшей мере, чем греческая или этрусская, отражает картину торговых и культурных контактов, религиозной жизни и экономики, а также позволяет судить о степени зависимости или автономии отдельных частей Карфагенской державы от центра и происходящих в ее жизни политических изменениях.

Намного позднее, чем у греков, этрусков и финикийцев, лишь около 340 г. до н. э., появилась собственная монета у римлян, хотя в их орбите имели хождение монеты этрусских двенадцатиградий и греческие монеты городов Южной Италии и Сицилии. Первой римской монетой был сначала бронзовый, затем медный *асс* весом в фунт (327,45 г) с изображением на аверсе одного из наиболее почитаемых богов, чаще всего Януса или Юпитера, и кормой корабля на реверсе. И хотя в 289 г. появилась должность триумвиров по чеканке монеты, осуществлявшейся при храме Юноны Монеты (Наставительницы) на Капитолии, вплоть до 275 г. асс оставался единственной римской монетой — правда, имевшей деления (в половину, треть, четверть и шестую часть асса). Впрочем, одновременно с чисто римским ассом в завоеванной Римом Кампании, скорее всего, на монетном дворе Капуи, для римлян стали чеканить по местным греческим стандартам серебряные монеты с легендой ROMA, употреблявшиеся в торговле между городами на территории Италии и Сицилии.

При всем однообразии ранней римской монеты, она все же фиксирует наиболее значимые события — например, победу над Пирром в 275 г. Не отличаются большим разнообразием сюжетов монеты и после перехода в 269 г. до н. э. от литья к чеканке и появления первой римской серебряной монеты — *денария*. На первых денариях обычным изображением были: на аверсе голова богини Ромы, а на реверсе — братья Диоскуры, с которыми римляне связывали одну из своих побед во время завоевания Италии. Во II в. до н. э., особенно насыщенном войнами, Рому на аверсе вытесняет Марс, реверс украшается Викторией, стоящей на запряженной парой коней триумфальной колеснице; с конца II и вплоть до начала I в. до н. э. к этому стандарту добавляется несколько эмиссий, запечатлевших конкретные победы в ряде внешних войн, в частности, над кимврами и тевтонами.

Познавательная ценность монет III—первой половины I в. до н. э. не столько в отражении наиболее значительных внешнеполитических событий, о которых мы знаем и из литературных источников, сколько в возможности датировать по ним другие находки: устанавливается не только общая хронология по характерным для разных периодов типам чекана, но становится возможной и точ-

ная датировка, благодаря именам монетных триумвиров, часто использовавших предоставленное им в 269 г. право ставить на монете свое имя.

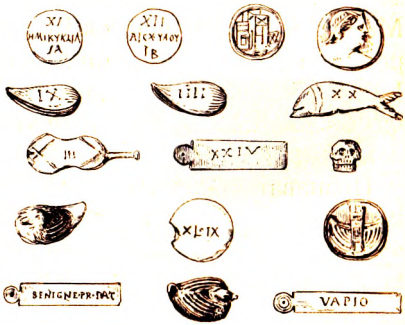
Начиная с гражданской войны Цезаря и Помпея, монеты становятся подлинной летописью перипетий внутренней борьбы. Еще разнообразнее монеты империи, превращающиеся, с одной стороны, в орудие политической пропаганды, с другой — в портретную галерею не только императоров, но и членов императорского дома.

Италия была населена не только латинами; однако монетное дело у других ее народов появилось лишь тогда, когда они потеряли самостоятельность, и те монеты, которыми стали пользоваться в своих городах сабины, оски, венеты и другие народы Италии, были римскими монетами. Лишь один раз в римской истории появились на Апеннинском полуострове не римские, а италийские монеты — это были монеты восставших в 90–88 гг. италиков, выражавшие идею противостояния Риму, чей символ — волчицу — попирал на монете италийский бык.

Существуют своды античных монет, хранящиеся в отдельных музеях, (среди них — многотомный Британского музея), своды монет по отдельным регионам античного мира и тематические собрания.

Тессеры. Особый вид источника представляют собой *тессеры* (в переводе с греч. — «четырехугольники») — керамические и металлические дощечки, не обязательно прямоугольной формы, использовавшиеся греками, этрусками и римлянами в военной сфере в качестве пароля, а в мирной жизни — как пропуска, входные билеты в театр, амфитеатр, публичный дом, а также и как своего рода лотерейные билеты на получение продовольствия. В императорскую эпоху по тессерам, бросаемым императорами в толпу,

Афинские тессеры на вход в театр Диониса

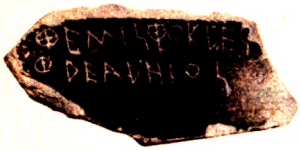


Римские тессеры, найденные в Помпеях

можно было выиграть не только какой-либо малозначащий предмет вроде корзины с продовольствием или сосуда с вином, но порой и небольшое поместье. Нередко тессеры заменяли мелкую монету. Это массовый материал, поддающийся статистическому исследованию. Отдельные тессеры имеют надписи, что повышает их ценность для науки.

Печати. В ходе раскопок в Греции, Италии, Египте, на территории Карфагена обнаружены также печати, личные и государственные, использовавшиеся и как знак собственности, которым (на Крите уже с III тысячелетия до н. э.) метили предметы, и для запечатывания писем, наиболее ценных лекарств при их пересылке и свитков в архивах. Особое значение они приобретают в тех случаях, когда являются массовым материалом. При раскопках одного из храмов в Карфагене обнаружены сотни их оттисков с изображениями. Отпечатавшийся на оборотной стороне некоторых из них папирус, указывает на то, что ими скреплялись храмовые документы, не подлежащие разглашению. На комок глины, скреплявший завязки свитка, прикладывалась та или иная печать, и свиток не мог быть открыт без ее повреждения. По печати же жрец, ведающий архивом, определял тип документа. Поразительно, что символами карфагенской глиптики* были в значительной мере образы греческой мифологии, что позволило исследователям назвать Карфаген II в. до н. э. «пунийским полисом в греческом одеянии».

Остраконы. Особый вид эпиграфического материала представляют собой *остраконы* — черепки, с помощью которых в период расцвета афинской демократии производился опрос граждан, называвших имя человека, который мог бы, по их мнению, представлять опасность для государства. Эти нацарапанные на грубой глине имена, иногда с коротким обоснованием решения, найденные в Афинах в значительном количестве, — чрезвычайно важный источник для изучения политической борьбы и настроений афинского гражданского населения. Они дополняют известия греческих авторов об изгнании ряда политических деятелей, сведениями о политиках, остракизму никогда не подвергавшихся, но оказавшихся внесенными частью сограждан в эти своеобразные



Остракон с нацарапанным на нем именем Фемистокла (V в. до н. э.)

*Глиптика — искусство художественной обработки драгоценных или полудрагоценных камней и стекла.

бюллетени для голосования. Повествуют остраконы и о попытках подлогов, организуемых противниками популярных политиков (как в случае с находкой целой партии остраконов с именем Фемистокла, заранее подготовленных, но оставшихся неиспользованными).

Остраконы, впервые найденные в последние десятилетия за пределами Афин, дают уникальную информацию о распространении идеи остракизма в городах Афинского морского союза.

Таким образом, памятники материальной культуры в их чрезвычайном многообразии позволяют современному исследователю получить представление о многих сторонах истории и культуры народов античного Средиземноморья, раскрывая самые различные аспекты жизни в ее развитии на протяжении по крайней мере двух с половиной тысячелетий.

II
ЭГЕЙСКИЙ МИР

Глава 3
КРИТ И КИКЛАДЫ

В мифах древних греков сохранились сведения о мифических и реальных народах, создавших древнейшую европейскую цивилизацию, которую по занимаемому ею ареалу мы можем назвать эгейской. Это якобы первоначальные обитатели Родоса — «сыновья моря» тельхины, считавшиеся первыми металлургами, изобретателями мельниц и врачевателями; пеласги, обучившие греков земледелию и фортификации, однако изгнанные ими и ставшие скитальцами; мореплаватели и открыватели дальних островов карийцы; критяне, царями которых называли братьев Миноса, Радаманта и Сарпедона; основатели «златообильных Микен», «крепкостенного Тиринфа», «Песчаного Пилоса» и «золотого Орхомена» ахейцы. Их жизнь и деяния вставали в поэмах Гомера, в трагедиях Эсхила и Софокла, в сочинениях древних мифографов и историков. Одни из них овеяны вымыслами, другие — абсолютно реальны, но в любом случае ими оставлены следы многовековой деятельности в виде памятников архитектуры, скульптуры и живописи, а также письменности, свидетельствующие о существовании государственности за много столетий до того, как жил Гомер и появились первые греческие города-государства.

ОСТРОВ ЦАРЯ МИНОСА

Своеобразным этническим и историческим заповедником был остров Крит, согласно мифам, — место воспитания царя богов и людей Зевса, переданный им во владение своему сыну Миносу. Этот остров шириной от 12 до 60 км, напоминающий своими очертаниями корабль, вытянулся с востока на запад на 250 км. Как две мачты, возвышаются над ним горы Ида и Дикта, первая высотой в 2456, вторая — в 2148 м. Подобно палубной надстройке на западе острова поднимаются горы, образующие суровые глубокие ущелья, одно из самых диких мест в Европе. В центре острова вытянулась плоская равнина Мессара, на которой в древности, как и теперь, находились главные города.

В античную эпоху лесистый Крит считался климатическим и ботаническим чудом. Его растительный мир был изучен древними бо-

ганиками лучше, чем любая другая часть ойкумены, как называли греки обитаемый мир.

К концу античной эпохи девственные леса Крита были истреблены как людьми, так и козами, этим бичом Средиземноморья. Расположенный почти на равном расстоянии между Европой, Азией, Африкой и цепью островов Эгейского моря, Крит был с древнейших времен промежуточным пунктом в культурных контактах между континентами. Но природа не всегда была к нему благосклонна: особенно много бед причиняли обитателям острова землетрясения, менявшие береговую линию и поглощавшие города. Не здесь ли сложился миф о ванистливости богов, для которых открывавшееся с их горных убежищ зрелище людского благополучия было невыносимым?

Крит был заселен с эпохи неолита (VII тысячелетие до н. э.). Создание неповторимой по богатству, свежести и динамизму культуры падает на эпоху бронзы, которую делят на четыре периода — *додворцовый, стародворцовый, новодворцовый, последворцовый.*

Додворцовый период (2600—2000). На остров, населенный неолитическими племенами, в середине III тысячелетия переселяются новые племена, знакомые с техникой бронзы, из которой изготавливают орудия труда, оружие и украшения. Основой хозяйства с этого времени становится земледелие. Островитяне выращивали ячмень, виноград и оливу — так называемую «средиземноморскую троицу». Избыточность продуктов питания обеспечила появление достаточно многочисленной прослойки людей, не занятых непосредственно сельскохозяйственным трудом, — профессиональных ремесленников, гончаров, ювелиров, резчиков камней. Они создавали великолепные изделия, удовлетворяющие потребности и эстетический вкус племенной знати.

В керамике, использующей гончарный круг, формируются разнообразные художественные типы, обозначаемые по местам первых находок (Пиргос, Агио-Онуфриос, Левина, Кумас, Василика). С помощью орнамента керамика имитирует изделия из соломы, дерева, кожи, камня. Особо выделяются сосуды типа Василика с ярким пятнистым орнаментом и оригинальными формами («чайники» и высокие клювообразные сосуды). Некоторые сосуды имеют форму животных или птиц. К концу периода появляется полихромная керамика.

Из продукции ювелирного искусства наиболее распространены печати из кости, слоновой кости, фаянса и стеатита, с поверхностью, украшенной геометрическим и спиральным орнаментом, многие — в форме животных, птиц, фруктов.

Наряду с керамической посудой употребляли и каменную, более совершенную по сравнению с неолитом.

Население продолжает использовать для жилья многочисленные естественные пещеры; но появляются также и прочные дома из камня и кирпича, со стенами, порой покрытыми грубой штукатуркой с тонким слоем наружной красной обмазки, с дворами, вымощенными плитами. Большая часть поселений расположена в долине Мессары. Гробницы обычно представляют собой круглые погребальные сооружения, служившие, судя по их размерам, общим местом захоронения целого рода или общины.

В додворцовую эпоху на Крите возникают две знаковые системы — символические фигуры на печатях и графические знаки на керамике, которые расцениваются как зачаточные формы письменности, предшественницы приближающейся эры дворцовой цивилизации. Между знаками и последующим пиктографическим письмом Крита на другом материале — лакуна в четыре столетия, и нет данных о существовании между ними преемственности.

Стародворцовый период (2000—1700). Закономерным итогом предшествующего развития явилось формирование царств, административными и религиозными центрами которых становятся дворцы. Три дворца выявлены в центральной части острова (Кносс, Фест, Маллия) и один — на восточном его побережье (Закрос). Лучше всего сохранился старый дворец в Фесте, состоявший из большого количества помещений, расположенных на разных уровнях вокруг центрального двора. То обстоятельство, что дороги вели к каждому из этих дворцов, а не к единому центру, дает основание думать, что на Крите сложилось несколько небольших самостоятельных государств.

Известная и ранее керамика стиля *камарес* достигает в этот период невиданного совершенства. Декор поражает яркостью красок и сочетаний, обнаруживающих тонкий художественный вкус ее создателей. Различные геометрические фигуры, пальметты,* спирали, пересекающиеся полосы плавно соединяются друг с другом, словно совершая фантастический танец.

Некоторые сосуды явно предназначены не для домашнего употребления, а для использования в культе. Высокий жертвенный стол украшен изображением богини, окруженной женщинами, вероятно, храмовыми танцовщицами. В их поднятых руках цветы шафрана, священного растения религий Востока и Эгеиды, ритоны** с

* Пальметта — орнамент в виде стилизованных пальмовых листьев.

** Ритон — сосуд для питья или жертвенных возлияний в виде рога, головы животного или человека.

изображением голов животных и мощных фигур быков — очевидная принадлежность алтаря.

О знакомстве населения старых дворцов с письмом свидетельствуют пиктографические знаки на печатях и небольшая группа глиняных табличек из Феста, на которых наряду с символами впервые появляются и отдельные слоговые знаки. Особняком стоит уникальная находка в Фесте — диск диаметром в 15 см, на обеих сторонах которого по сходящейся к центру спирали выдавлены знаки неведомого иероглифического письма. Бесчисленные попытки дешифровать надпись диска не дали никаких результатов. Судя по всему, это какой-то культовый текст, возможно, гимн божеству.

В дворцовых мастерских Феста создавалась и великолепная утварь из камня. При раскопках найдены также бронзовые сосуды, статуэтки мужчин и женщин, изображения жертвенных животных; в числе находок — также ложка с надписью иероглифами, напоминающими письмена фестского диска.

Особый интерес представляют предметы из святилища на вершине горы близ Арханеса. Наряду с множеством вотивных даров найден алтарь со священными рогами, глиняная культовая посуда и модель храма с тремя колоннами, внутри которого помещена фигурка голубя, считавшегося на Востоке птицей богини любви. Некоторые глиняные изделия истолковываются как маски, используемые в религиозных обрядах.

Новодворцовый период (1700—1450). В середине XVIII в. до н. э. дворцы гибнут, скорее всего, разрушенные землетрясением. Но уже к концу того же столетия на развалинах старых дворцов появляются новые величественные сооружения, вокруг которых кипит жизнь городов. В разных местах острова, ранее слабо заселенных, возникают резиденции местных правителей, напоминающие замки.

В отличие от стародворцового времени теперь все дороги ведут к Кноссу, свидетельствуя о возникновении на острове единого государства. Из всех возрожденных дворцов Кносский был самым обширным (площадью ок. 20 000 кв. м). Он располагал полутора тысячами помещений. Именно его греческие мифы воспринимали как лабиринт, место обитания чудовищного полубыка-получеловека Минотавра, откуда невозможно было выбраться без посторонней помощи. Меньший, Фестский дворец, по преданию сооруженный тем же Миносом, считался резиденцией брата Миноса и Сарпедона Радаманта, самого справедливого из людей, ставшего после смерти вместе с Миносом и Эаком судьей над мертвыми.

Вид на Кносский дворец с городской площади

Новые дворцы Крита — это здания в два-три этажа, в которых было предусмотрено все необходимое для комфорта их обитателей, для удовлетворения любых хозяйственных и эстетических потребностей, и не в последнюю очередь для отправления религиозного культа. Именно это дало возможность исследователям последнего времени не без основания полагать, что здания, традиционно (с легкой руки их первооткрывателя) считающиеся дворцами, на самом деле храмы, тогда как дворцами в собственном смысле слова были так называемые «малые дворцы», расположенные по соседству и не имевшие такого огромного количества алтарей и религиозных символов.

Через все этажи проходили световые колодцы, обеспечивавшие освещение и вентиляцию помещения. Наряду с водопроводом действовала и система канализации. Каменные стоки направляли дождевые потоки и отходы в центральный желоб, выводящий их в реку. В числе выявленных археологами помещений Кносского дворца — мастерские гончаров и резчиков камней, последняя — с заготовками материала в виде распиленного и частично отшлифованного базальта. Почти половина нижней части дворца занята складскими помещениями. В них рядами стояли пифосы, в которых хранилось зерно, масло, вино и другие продукты, запасенные на случай чрезвычайных обстоятельств, среди которых нельзя исключить и восстаний порабощенного населения.

В греческих мифах царь Минос — «владыка морей», повелитель обложенных данью ближних и дальних островов, населенных карийцами, первым морским народом. Возможно, это нашло отражение в не встречающемся более нигде стиле керамики новодворцового периода. Главный мотив ее декора — поэзия морских глубин: осьминоги, тритоны, морские звезды, пурпурные улитки, подводные скалы, водоросли.

Отношение критян к природе, ощущение слитности с нею и желание продлить эту близость в замкнутом пространстве нашли выражение в живописи. Фресками были украшены как дворцы и виллы, так и непритязательные сельские дома — не только стены, но порой потолок и пол. Иногда это целые пейзажи — парки с экзотическими растениями и животными, заросли с кошками и птицами. Реальность сочетается с полетом фантазии. На стене «тронного зала» в Кноссе воспроизведено напоминающее леопарда диковинное животное с грудью, украшенной орнаментальными

спиралями. Изображены также массовые сцены из религиозной и общественной жизни.

Высокого совершенства в новодворцовый период достигает скульптура. Это и статуэтки женщин с изысканными прическами из Пискокефала, и ритоны в форме бычьей головы, и каменные сосуды из алебастра, мрамора, базальта, стеотита. Наиболее знаменит рельефный каменный сосуд для возлияний из Агиа-Триады, так называемый «ритон жнецов», на котором представлен то ли праздник урожая, то ли торжественное шествие в честь бога морей. На поверхности другого ритона, тоже из Агиа-Триады, — полосы изображений: кулачный бой, воин в позе победителя и упавший побежденный. На место схватки указывает колонна с квадратной капителью. Одна из полос изображает бегущих быков. Еще один небольшой сосуд украшен рельефным изображением юного вождя или военачальника. Перед ним в непринужденной позе стоит его подчиненный в шлеме, увенчанном перьями; на его плече длинный меч.

Замечательны перстни-печати новодворцового периода, изготавливавшиеся из драгоценных и полудрагоценных камней, с изображениями фантастических существ и сцен религиозного культа. Они использовались не только как украшения и амулеты, но и имели практическое употребление — ими запечатывали двери, шкатулки и, надо думать, папирусные свитки. Трудно себе представить, что критяне, поддерживавшие в то время связи с Египтом, не употребляли этого материала, но до нас дошли лишь те тексты, которые были нанесены на глиняные таблички (так называемое *линейное письмо А*), пришедшее на смену более древнему рисунчатому письму — *пиктографии*. Тексты обнаружены в архивах дворцов и вилл (Кносс, Фест, Закрос, Арханес, Тилисс, Маллия). Пиктография продолжала использоваться в текстах религиозного содержания.

Около 1450 г. все дворцы Крита были разрушены. Не исключено, что разрушения дворцов и резкое сокращение населения было связано с природными катастрофами. Остров обезлюдел. Впоследствии, с появлением нового населения, возрождается только Кносский дворец. Там утверждается ахейская династия, что явствует из найденных в дворцовом архиве письмен на чрезвычайно архаичном греческом языке (*линейное письмо Б*) и по-

Богиня со змеями. Статуэтка из Кносского дворца

Критская каменная печать с изображением головы быка и жертвенным топором (ларисом)

явления в керамике и скульптуре совершенно иного стиля.

Рафинированная критская цивилизация эпохи новых дворцов не была изолированной. Тесными были ее контакты с Египтом, где критяне были известны под названием кефтиу, и со страной Ханаан, где их называли кафтор. Обломки сосудов стиля камарес найдены в разных частях Египта (Абидос, Кахун, Лахун), изображения критян — в гробницах фараонов XVIII династии, керамика поздних дворцов — в Тель-Амарне. Но особенно впечатляющими оказались открытия в Абидосе периода завоевания Египта азиатскими племенами гиксосов: стены дворца украшены фресками, по стилю мало чем отличающимися от кносских. Многочисленны также упоминания критян в египетской эпиграфике и на папирусах. О работах критских мастеров сообщается на глиняных табличках из Мари (Месопотамия). С другой стороны, на Крите была найдены статуэтка из диорита и крышка сосуда, на которой начертано имя одного из фараонов эпохи гиксосов и сосуд с именем фараона Тутмоса III.

Если к Египту критяне были обращены как мирные торговцы и искусные ремесленники, то по отношению к населению Эгеиды и Балканского полуострова они выступали как завоеватели. Согласно мифам, островитяне и обитатели Афин платили дань царю Миносу. Освобождение Афин от этой дани отразил миф о герое Тесее. Археология подтвердила присутствие критян на островах Мелосе, Фере, на северных Спорадах, на Родосе, но у нас отсутствуют данные о том, как функционировала империя, создание которой приписывается Миносу, стояли ли за пределами Крита критские гарнизоны, существовали ли критские колонии. Возможно, это станет известно, когда будет дешифровано линейное письмо А.

Последворцовый период (1450—1100). В эту эпоху жизнь постепенно входит в норму. Овладевшие Критом микенцы сооружают собственные царские резиденции, скудные остатки которых обнаружены над руинами царских вилл (в Агиа-Триаде) и царских домов (в Тилиссе). В «Илиаде» упоминается дворец кносского царя Идоменея, отправившегося во главе флота из 80 кораблей под стены Трои. Дворца, соответствующего этому описанию, не обнаружено, но по всему острову разбросано множество микенских поселений, превратившихся в античную эпоху в города. Для микенских

построек на Крите характерен скромный *мегарон* (прямоугольное центральное помещение с очагом), сменивший замысловатые сооружения минойцев.

Об изменениях в жизни острова свидетельствует находимое в изобилии оружие. Среди шлемов обращает на себя внимание бронзовый шлем с нащечниками такого же типа, что и на материке, и другой шлем — из наложенных на основу кабаньих клыков. Бронзовые кинжалы и мечи имеют рукоятки, украшенные орнаментом в виде спирали из листьев. Любовь к оружию прежде всего характеризует облик завоевателей Крита.

Из керамики окончательно вытесняются следы минойского артистизма, ее декор — утомительное повторение одних и тех же мотивов. Также и фрески утрачивают былую оригинальность и живость. Прежними остаются лишь погребальные обряды. Покойники хоронятся в склепах, высеченных в скалах со входом в виде длинного коридора; но живые становятся к уходящим в иной мир скупее: ритуальные украшения, как правило, изготавливаются из цветной стеклянной пасты. Именно в этот период Крит затронула волна дорийского переселения, что позволило впоследствии Гомеру назвать среди обитателей Крита «кудрявых дорийцев». Следы этих пришельцев — трупосожжение, железное оружие, фибулы и геометрический орнамент на керамике.

В последворцовый период на Крите совершается нечто, что выталкивает часть его населения на Восток. Библия зафиксировала появление на побережье страны, заселенной израильско-иудейскими племенами, народа филистимлян, с которыми велись многолетние жестокие войны (героями их были богатырь Самсон и Давид, будущий царь). Родиной филистимлян Библия считает Крит (Кафтор), что находит подтверждение у Гомера — ведь среди обитателей Крита ему известны пеласги, имя которых в египетских текстах обозначено как ПЛСТ. Этот народ и дал название Палестина побережью страны Ханаан. Неисключено, что пеласгов вытеснили с острова новые завоеватели — ахейцы.

Пантеон. Греческие мифы делают бога Зевса родоначальником критских царей Миноса, Сарпедона и Радаманта, повествуя о том, как он, приняв облик быка, доставил на своей спине будущую их мать финикийскую царевну Европу (указание на то, что страна Ханаан была родиной древнейшей критской государственности и религии). И в самом деле, именно здесь, на прародине земледелия, возникает представление о соединении бога-быка и богини-коровы как источнике священной царской власти и магической основе государственности. Основной миф восходящего к глубочайшей

древности культа плодородия иллюстрируется многочисленными памятниками критского искусства, из которых наиболее впечатляют фрески с изображениями быков. В сценах древней «корриды» участвуют наклонившие головы и бешено несущиеся быки и юноши, исполняющие на спинах животных и даже на их рогах головокружительные трюки. Скорее всего, укротители быков — это их «заместители» в браке с богинями-матерями, которых замещали их пленительные жрицы, изображенные на тех же фресках с обнаженной грудью, но в длинных юбках, закрывающих ноги. Другой аспект того же критского культа быка нашел отражение в рассказах греков о Минотавре (быке Миноса), жившем в лабиринте, где ему отдавали на съедение юношей и девушек, и о царевиче Тесее, убившем Минотавра и освободившем Афины от позорной дани.

Главным божеством Крита была богиня плодородия, повелительница дикой природы и ее обитателей. Мы видим эту богиню в окружении диких зверей, над которыми она властвует, милостивой хранительницей растительного мира — хлебных колосьев и плодовых деревьев, но также владычицей подземных глубин, сжимающей в ладонях извивающихся змей. Почитание богини-матери было распространено по всему Средиземноморью по крайней мере с неолита. Она возвышалась над подвластным ей миром так же, как гора, на вершине которой она изображалась. Царь же виделся распростертым у подножия этой горы в позе полной покорности. Дешифровка текстов, написанных на линейном письме Б, использовавшемся как на Крите, так и на Балканском полуострове, позволила изучить религию завоевателей-ахейцев, овладевших островом после крушения минойской державы.

Восприняв религию минойцев, ахейцы ее переосмыслили. Главным божеством ахейцев был бог Диве, еще очень далекий от будущего Зевса и соответствующий богу-быку минойской религии. Его супругой (или дочерью) была Дивия, чья связь с коровой передается эпитетом «ко-ви-йя» («коровья»); другой ее эпитет — Потния («Владычица»). Это богиня плодородия. Впоследствии ее функции были распределены между несколькими богинями. На Крите же великую богиню предпочитали называть Бритомартис или Диктина. Сыном этой супружеской пары считался Ди-во-ну-со-йо, позднейший бог вина и виноделия Дионис. Из других божеств заслуживают упоминания По-си-да-о, будущий Посейдон, и его женское соответствие, греческой религии неизвестное, По-си-дей-йя, Е-ма-а (Гермес), Е-ну-ва-ри-йо (Эниалий, в греческой религии превратившийся в один из эпитетов бога Ареса). Ахейцы почитали также пеласгийских или критских божеств, в частности И-фи-ме-де-йю, которую греческие мифы трактуют как мать великанов алоадов.

Надписи донесли имена значительной части будущих олимпийцев, но они еще не были «олимпийцами», отличаясь от них по месту в пантеоне и функциям. Ахейские боги были огрубленными подобиями всех минойских богов. В их мире отсутствовала фантазия, пронизывавшая минойскую мифологию и культ. Неизвестно, существовало ли во II тысячелетии до н. э. представление о горе как обиталище этих богов и не занимала ли место будущего Олимпа критская гора Ида, считавшаяся, согласно греческим мифам, местом рождения и воспитания критского Зевса.

Культ. Первоначально почитание богов осуществлялось на вершинах гор и в пещерах. Эти святилища продолжали функционировать и в эпоху расцвета минойской религии. Молельни имелись даже в сельских домах. Затем местами культа стали монументальные здания, «дворцы», служившие одновременно резиденциями царей-жрецов, комплексы помещений церемониального и культового назначения, со сценическими площадками для религиозных действ, бассейнами для сакральных очищений. На фресках, покрывавших стены «дворцов», были изображены жрецы и жрицы, участники жертвоприношений и празднеств в честь бога-быка и его супруги — богини плодородия, в том числе ритуальные игры юношей и девушек с быками. Предназначенные для богов дары занимали площадку, над которой возвышались схематические изображения бычьих рогов, между которыми помещалась двойная секира (*лабрис*). Впитывая кровь жертв, она сама становилась символом божества и объектом культа. Богине-матери, ведавшей плодородием, посвящались змеи и голуби.

Приносились в жертву богам не только животные, но и люди. В городе Кноссе, считавшемся столицей царя Миноса, недавно обнаружено подземное помещение с множеством больших сосудов, заполненных расчлененными частями по большей части детских скелетов со следами скобления и зарубками на некоторых костях и без каких-либо следов огня. Детей раздирали и поедали — точно так, как, согласно одному из вариантов мифа, произошло с сыном Зевса Дионисом, а в дионисийском культе античной эпохи поступали также с людьми, попадавшимися на пути почитательниц Диониса обезумевших менад. Таково устрашающее свидетельство экстатического культа божества, известного в классическую эпоху под именем Зевса Критского или его сына Диониса, культовыми эпитетами которого были «Сыроедящий» и «Человекорастерзыватель». Такова же основа мифа о Минотавре, чудовище, пожирающем в своем лабиринте юношей и девушек, которых посылали царю Миносу Афины в качестве дани. Таковы дикарские истоки той красоты, ко-

торая нас так восхищает в эгейском искусстве и греческих мифах.

Из литературных источников можно заключить, что каннибалами были *куреты*, жрецы верховного бога Крита. Человеческие жертвоприношения были восприняты у критян микенцами, о чем свидетельствуют те из надписей на их линейном письме Б, в которых упоминаются поступающие в распоряжение бога рабы без обычного указания на их профессию*.

КИКЛАДЫ

К северу от Крита, в самом центре Эгейского моря раскинулись небольшие острова, образующие некое подобие круга. Отсюда их греческое название Киклады («Круговые»). Их господствующее положение на морских путях, соединяющих два полуострова, способствовало возникновению культуры бронзового века, получившей название кикладской и разделенной на три крупных периода — *древнекикладский, среднекикладский* и *позднекикладский*. О народах, принесших на Киклады культуру бронзы, нет сведений, но, бесспорно, они были выходцами из Малой Азии.

Древнекикладский период. Его принято разделять на три фазы. Первая из них, в целом соответствующая додворцовому периоду Крита (2700 — 2300), представлена более чем тремя десятками поселений, среди которых наиболее тщательно исследовано небольшое неукрепленное поселение конца III тысячелетия на Филокопи, состоящее из глинобитных домов, и сотнями погребений вырубленных в скалах или имеющих форму ящика, образующего своими тонкими плитами как бы вставленный в землю саркофаг. Для кикладской керамики этого времени типичны сосуды красного и серого цвета с декором в виде насечек геометрической формы. Апогей культуры Киклад — 2-я и 3-я фазы древнекикладского периода. Мореходы островов распространили культуру бронзы по всему эгейскому миру. Среди наиболее изученных поселений этих фаз — Каландриана на Сиросе, ставшая главным культурным и, возможно, политическим центром архипелага, Айя Ирини на Кеосе, гора Кинф на Делосе, Пиргос и особенно Филакопи на Паросе. В отличие от поселений Айя Ирини и Филакопи, еще не имевших укреплений, в Каландриане двойные стены были снабжены особыми выступами в виде башен, устроенными таким образом, что внутрь можно было войти лишь поодиночке. Уже в

* Человеческие жертвоприношения, хотя и в незначительных масштабах, продолжали осуществляться и в античную эпоху, даже в период расцвета афинской демократии (вплоть до 480 г.), а в Риме были отменены официально лишь в 179 г. до н. э.

этот период в поселениях Сироса, Пароса и Кеоса появляются первые каменные постройки.

Две группы памятников этих фаз не имеют аналогов на Крите. Это так называемые «сковородки» и мраморные идолы, в изобилии находимые в могилах. «Сковородками» условно называют плоские глиняные (реже каменные) сосуды с пищей, однако без каких-либо следов огня, которые бы оправдывали это название. Высказывалось предположение, что это тарелки для приношений покойникам. По своему декору, покрывающему всю поверхность загадочных предметов, они напоминают этрусские зеркала, также укладывавшиеся в могилы. В этой связи возникла гипотеза, что в «сковородки» наливалась вода, превращая их в зеркала. Как бы то ни было, перед нами предметы сакрального назначения. На ряде «сковородок» на орнамент наложен силуэт корабля, что позволяет вспомнить частые изображения в этрусском искусстве сцен отправления в царство мертвых морем в сопровождении демонов смерти.

Кикладский идол (так называемый «Арфист»)

Не менее загадочны мраморные фигуры и фигурки, поражающие изысканной четкостью и законченностью силуэта, безупречностью линий. Мастера III—первой четверти II тысячелетия не просто воспроизводили человеческое тело, но и улавливали ритм движения. Например, музыкант настолько сливается с инструментом, что вместе они составляют как бы колеблющуюся фигуру, передающую дух музыки. Удивительным образом эта манера изображения, чуждая как минойской, так и микенской культурам, созвучна теории и практике современного искусства, словно бы кикладские художники заглянули в далекое будущее и приблизились к тайнам искусства, открытым в XX веке Модильяни и Пикассо. Каков был замысел художников, создававших эти фигуры, неизвестно. Были ли это игрушки, изображение богов плодородия, своеобразная замена покойникам мужей или жен, двойники погребенных?

Среднекикладский период. В этот период (2300 — 1550) наиболее значительными центрами продолжают оставаться Айя Ирини на Кеосе, Филакопи на Паросе и возникает поселение Акротири на Фере, для нас представляющее уникальный комплекс, поскольку

полностью сохранилось под пеплом проснувшегося вулкана. Эти поселения, естественно, меньших размеров, чем на Крите или материке того же времени, но тем не менее это не укрепленные сельские поселения, а города со сложенными из камня домами, стены которых к концу среднекикладского периода покрываются росписью. Если для более раннего периода фортификация была исключением, то теперь все города укрепляются мощными оборонительными стенами (впрочем, к концу периода исчезающими). Так, Филакопи обнесено укреплениями шестиметровой толщины, состоящими из двух параллельных стен, укрепленных пересекающими их стенами с заполненными каменными осколками пустотами и проложенными потайными ходами. Тогда же появляются снабженные полукруглыми башнями укрепления в Айа Ирине на Кеосе (в Акротири археологи до окраины города еще не дошли).

Позднекикладский период. Это время (1550—1100) было ознаменовано утратой островами архипелага большей части своей оригинальной культуры, видимо, в результате его колонизации критянами, нашедшей отражение в мифах о Миносе.

Минойское влияние прекрасно прослеживается и в архитектуре с ее чисто критской концепцией залов с опорными колоннами, и в общности мотивов, и в технике стенных росписей, и в находимой в Филакопи, Айа Ирини и Акротири керамике (хотя в каждом из этих поселений сохраняются и оригинальные ее типы, свидетельствующие об определенной художественной самостоятельности). Представляется, что Киклады интегрировались в империю Крита в культурном, а, возможно, также и в политическом плане. На последнее косвенно указывает исчезновение в Филакопи и Айя Ирини защитных стен и факт разрушения Филакопи ок. 1600 г. с очень быстрой последующей отстройкой. После возрождения города заметно усиливается влияние Крита, особенно отчетливо проявляющееся в керамике, в которой преобладающими становятся сосуды морского стиля, частью импортированные с Крита, частью произведенные на месте.

Наиболее ясное представление о городах кикладского мира дает Акротири, раскопки которого позволяют составить ясное представление об экономической жизни, культуре, быте и в какой-то мере попытаться реконструировать общественную организацию и политическое устройство островитян.

В Акротири не найдено архивов, подобных кносским, хотя письменность его жителям была известна (несколько небольших надписей на линейном письме А там обнаружено). Но поскольку это письмо не дешифровано, будь даже такой архив найден, это бы не-

много прибавило к попыткам реконструировать экономику и уклад жизни островитян.

Судя по археологическим данным, главным в хозяйственной деятельности были земледелие, скотоводство, рыболовство, ремесла, мореплавание. В заполнявших подвалы домов больших сосудах обнаружены зерна ячменя, фасоль и горох. Из масличных растений культивировали сезам (кунжут) и оливу. Некоторые сосуды были приспособлены для хранения и перевозки оливкового масла. Виноградные косточки свидетельствуют о выращивании здесь этой культуры.

Кости свиней повествуют о развитии животноводства (от более ценных пород не осталось следов — они были увезены горожанами до извержения вулкана, когда обитание на острове стало невозможным из-за повышенной вулканической активности и жители бежали оттуда, что явствует из отсутствия и человеческих скелетов). Скорее всего, островитяне разводили овец и крупный рогатый скот. Для окраски шерстяных тканей использовались шафран и пурпур. О рыболовстве можно судить по фрескам и рыбным костям, сохранившимся в руинах домов.

Развитие торговли, в том числе заморской, документировано находками в Акротири предметов из материковой Греции, Крита, Египта, Сирии, Палестины, Западного Средиземноморья, большим количеством свинцовых гирь разного веса, а также фресками с изображением кораблей на фоне то пальм, предполагающих посещение Египта, то двойных рогов, указывающих, на берега Крита. Торговля обеспечивала маленьким островам процветание, возмещая отсутствие возможностей для иной хозяйственной деятельности, открывавшейся перед обитателями материка и крупных островов.

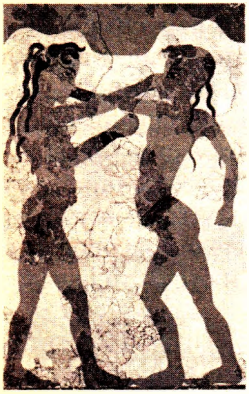
Как и другие обитатели Эгеиды, жители Феры были прекрасными мореходами, освоившими весельные, а затем и парусные суда.

Керамика, изготавливаемая с помощью быстро вращающегося круга, изделия из драгоценных металлов, да и сами здания — наглядное свидетельство развития местного ремесла, обеспечивавшего обитателей всем жизненно необходимым. Хотя искусство Феры испытало сильнейшее влияние Крита, высказывавшееся одно время предположение об украшении домов Акротири критскими художниками должно быть отброшено. Отсутствие изделий из бронзы и драгоценных металлов объясняется тем же, что и отсутствие человеческих скелетов.

Сложнее решается вопрос об организации общества. Нет никаких следов дворца, а следовательно, нет оснований предполагать существование на острове царской власти. В то же время развитие экономики не допускает возможности господства родовых отноше-

ний. Высказывалось мнение, что управление было в руках жрецов; но в городе не было и храма. Все это наводит на мысль, что поселение на Фере управлялось извне, возможно, из Крита.

Добротные двух- и трехэтажные дома Акротири образовывали улицы, вымощенные каменными плитами или булыжником с пролегающей под ними канализационной системой, связанной с санитарными помещениями в зданиях. Стены некоторых из сорока раскопанных к настоящему времени домов покрывали фрески, не менее красноречивые, чем критские. Одна из них изображает берег с поднимающимися вверх строениями и плывущие по морю корабли. На основании этой и других фресок так называемого «Западного дома» первооткрыватель Акротири пришел к выводу, что на стенах дома изображена заключительная часть предпринятой островитянами экспедиции в Ливию — торжественная встреча победителей ликующими горожанами. Это толкование, находящее поддержку в мифе о связях Феры с Киренаикой, было подхвачено многими учеными. Позднее, однако было обращено внимание на то, что корабли фресок на южной стене — не боевые и не торговые суда, которые могли бы вместить захваченную добычу, а церемониальные барки, украшенные цветами, гирляндами и изображениями священных животных. Они разделены на несколько помещений для пассажиров, восседающих в длинных одеяниях в непринужденных позах. Сцена на берегу, вдоль которого проплывают барки, может дополнить картину религиозного праздника, а никак не встречи военной экспедиции. Группа полуобнаженных юношей, скорее всего, служителей храма, тащит жертвенное животное. В верхней части фрески виден храм с несколькими служителями и холмы, на которых люди в вывороченных шкурах гонятся за животными.



Кулачный бой (фреска с о. Феры)

Внимательно вглядевшись в изображение храма, ученые обратили внимание на то, что на его «балконе» запечатлены два персонажа — мужской и женский. Это дало основание истолковать фреску как праздник «священного брака», герои которого — богиня-мать и ее супруг (не Зевс, как в более поздних греческих мифах, а его «брат» Посейдон, первоначально бог влажной стихии вообще, впоследствии сохранивший власть лишь над морями). Почитание Посейдона в микенскую эпоху подтверждается надписями линейного письма Б, в которых он — первый из богов. В пользу предложенного толкования говорит и то, что юноши

тащат быка (первоначально бык был священным животным Посейдона).

Давно уже весь мир обошло воспроизведение фрески Феры с изображением двух детей, ведущих кулачный бой. Этот удивительно красочный и точный в передаче детской натуры рисунок заслуженно вытеснил даже знаменитых кносских жриц со змеями. Детские руки, обмотанные в кистях материей наподобие боксерской перчатки, вытянуты для удара. На одном мальчике ожерелье и браслет из голубых камней. Рассматривая фреску изолированно, можно было бы увидеть в ней лишь воспроизведение ребячьей игры в богатом доме, если бы на трех остальных стенах комнаты не были изображены пары антилоп с виднеющимся за ними в глубине одиноким животным той же породы. Ясно, что перед нами самцы, вот-вот готовые вступить в схватку за самку, терпеливо ожидающую победителя.

Параллельное изображение мальчиков и антилоп выявляет скрытую от поверхностного взгляда идею *агона* (состязательности), пронизывавшую, как известно, жизнь и искусство древних греков. Фрески Феры свидетельствуют о том, что агон характерен и для древнейших обитателей Киклад, и при этом древний художник сумел передать идею состязательности символично, как некий закон природы, которому подчинены и люди, и животные.

Один из домов Акротири был назван в момент открытия по покрывающим его стены фрескам «гинекеем» («женским домом»). На самом же деле это центр почитания той же эгейской богини произрастания, которая нам известна по критским статуэткам и печатям. О сакральном характере здания прежде всего свидетельствует фреска, изображающая постамент с растительным орнаментом, увенчанный «рогами приношения». Тот же орнамент составляет самостоятельное изображение или фон, на котором действуют многочисленные женские персонажи и порхают ласточки, приносящие, согласно греческой поговорке, на своих крыльях весну. Перед нами живописное изображение праздника возрождения природы, распорядительницей и главным действующим лицом которого выступает богиня, изображенная восседающей на возвышении. Она в длинном глубоко декольтированном одеянии, отороченном полосами с изображением шафрана; на ее шее два

Антилопы (фреска с о. Феры)

ожерелья из стрекоз и уточек (мотив, встречающийся и в памятниках этрусков, народа эгейского происхождения). За спиной богини виден крылатый лев, описания и изображения которого очень часты на Востоке. Поднимающаяся на ступеньку трона обезьяна протягивает богине цветок шафрана; с цветами же в руках изображены среди растений и девушки, видимо, ее прислужницы.

Таков этот несравненный, с точки зрения понимания духовного мира, источник, уводящий нас к истокам греческой религии и мифологии. Не располагая памятниками живописи классической эпохи Греции, мы все же получили уникальную возможность проникнуть в ее древнейшее искусство.

Век критской археологии. Археологическое изучение догреческого Крита укладывается в круглую дату — 100 лет. Этот юбилей совпадает с другим событием — столетием освобождения острова от многовекового турецкого господства. И такое совпадение не случайно: только с образованием независимого Критского государства, вскоре ставшего частью королевства Греции, оказалось возможным осуществление на Крите раскопок Артура Эванса (1851—1941).

Сын одного из крупнейших английских антикваров, исследователя доримских монет и каменных орудий Британии, Артур Эванс унаследовал от отца любовь к археологии и в 1884 г. стал хранителем Эшмолейского музея в Оксфорде. В годы странствий в его руках оказались каменные печати с нигде больше не встречавшимся пиктографическим письмом, которое он назвал «финикийским». Выяснив, что печати найдены на Крите, Эванс решил отыскать цивилизацию, которой принадлежали эти предметы, и начал переговоры с турецкими властями о раскопках холма, под которым, по всем данным, должен был находиться Кносс, столица легендарного царя Миноса.

Еще раньше этой идеей был одержим Генрих Шлиман (1822—1890), открывший Трою, Микены, Тиринф и Орхомен, но турки, владельцы холма, заломили такую цену, что заставили отступить даже этого архимиллионера. Правда, в 1878 г. местный грек Минос (какое совпадение!) Колэкеринос начинал любительские раскопки на холме еще в годы турецкого владычества, и ему удалось открыть подвал с огромными сосудами-пифосами.

В 1899 г. разрешение на раскопки Эвансом было получено, и он к ним приступил во всеоружии своих исторических знаний музейного работника и пользуясь консультациями специально приглашенного им архитектора.

Раскопки продолжались 35 лет и выявили руины дворца и памятники цивилизации, которую Эванс назвал минойской (по имени легендарного владыки Крита). Используя методику перекрестной датировки критских и египетских находок, он разделил историю Крита на три периода, назвав их раннеминойским (3000—2200), среднеминойским (2200—1600) и позднеминойским (1600—1200).

Во время раскопок дворца было открыто множество табличек с надписями иного типа, чем те, что покрывали печати. Вновь найденные надписи Эванс разделил на две группы — линейное письмо А и линейное письмо Б. Однако разобраться в этих надписях ему не удалось. Не удалось ему понять и нанесенных на найденный в Фесте диск знаков, которых слишком мало для того, чтобы считать их пиктограммами, но слишком много, чтобы думать о слого-

вом письме (над загадкой фестского диска, сделанного методом штамповки, до сих пор бьются ученые многих стран).

Дворец Миноса оказался не единственным зданием Кносса. В ходе раскопок Эванса и его преемников были обнаружены меньшие по размерам дворцы в Фесте, Маллии, а впоследствии также в Като-Закро.

Кикладская археология* Еще до того, как в начале XX века А.Эвансом были совершены на Крите его сенсационные открытия, началось медленное и не столь эффектное археологическое освоение островов Кикладского архипелага. Началось оно с небольшого островка Антипарос, где английской экспедицией было обнаружено 40 скальных гробниц бронзового века. Последовавшее затем изучение Пароса, Наксоса, Аморгоса, Сироса и Сифноса показало, что такие гробницы были распространены и на других островах. В дальнейшем на Мелосе, Сиросе, Сифносе и ряде других островов были выявлены поселения бронзового века, обнесенные двойным рядом стен. И постепенно, параллельно с развитием критской и микенской археологии, стала вырисовываться кикладская культура, подверженная критскому и позднее микенскому влиянию, но имевшая и собственное лицо.

Венцом кикладской археологии стали раскопки Акротири на острове Фера. Начавшиеся в 1967 г., они уже через два года показали, что Акротири суждено стать «Эгейскими Помпеями», и действительно, несколько лет спустя небольшой городок Феры затмил своей уникальной сохранностью великолепие критских дворцов.

А началась история открытия задолго до того, как в землю Феры впервые погрузился заступ археолога. Еще в 1932 г. молодой греческий археолог Спиридон Маринатос приступил к раскопкам километрах в шести к северу от знаменитого Кносса. Пологий холм, спускающийся к морю, привлек внимание тогда еще никому не известного ученого надеждой найти следы тех же древностей, какие обнаружил в Кноссе Эванс: ведь согласно Страбону, именно где-то здесь должен был находиться Амнисс, порт Миноса, чья столица Кносс располагалась в глубине острова.

Раскопки сразу же оказались успешными: и на вершине холма, и на его склонах стали находить остатки стен, домов, алтарей, расписные глиняные сосуды. Полностью раскопав виллу, украшенную тончайшей работы фресками с изображениями лилий, приступили к работам на северной стороне холма. Начали освобождать от земли обнаруженную у моря довольно крупную постройку, скорее всего, конца XVI в. до н. э. Вырисовывался еще один центр времен морского могущества Крита, реальность которого уже доказали блестящие раскопки Эванса в Кноссе. Такое открытие само по себе было большой удачей для начинающего археолога. Но имя его наверняка затерялось бы в тени славы первооткрывателя критской цивилизации, подобно именам многих других археологов, работавшим вместе с Эвансом и после него, если бы... не неожиданная находка, связавшая всю дальнейшую судьбу Маринатоса с небольшим островком Фера, лежавшем в 120 км к северо-востоку от Крита. Открытия на этом островке почти сорок лет спустя принесли Маринатосу не менее громкую славу, чем Эвансу на Крите.

На первый взгляд это даже нельзя было назвать археологической находкой — всего лишь осыпь камней пемзы в одном из обращенных к морю помещений северной постройки. Камни, не тронутые рукой человека, обычно сбрасывают в отвал. Так, видимо, и поступил бы рядовой археолог. Но в руках

*Параграф написан Л. С. Ильинской.

Маринатоса кусок пемзы оказался ключом к одному из самых крупных открытий века.

Пемза — камень вулканический, а на Крите и в непосредственной близости от него нет ни одного не только действующего, но и потухшего вулкана. Ближайший вулкан, вулкан Феры, удален от Крита более чем на 100 км. Какова же должна была быть мощь извержения, если воздушная волна могла перенести выброшенную вулканом породу на такое расстояние! И Маринатос соотнес это извержение с мифом о Девкалионовом потопе, который древние датировали концом того же XVI в., в слое которого оказалась столь неожиданная находка.

В 1934 г. Маринатос публично высказал предположение, что именно с этой катастрофой были связаны и установленные раскопками Эванса разрушения на Крите, и прекращение жизни на Фере (ее следы еще в конце прошлого века обнаружили французские, а затем, в начале нашего столетия, и немецкие археологи, отнеся их к значительно более позднему периоду).

Находки и французов и немцев были ничтожны и не вызвали сенсации в научном мире. Даже точное место французских раскопок было забыто. Греческое правительство, охотно выделявшее средства для работ на Балканском полуострове, на Крите и других «перспективных» островах, не стремилось поощрять фантазий начинающего археолога. Однако Маринатос не сдавался. Овладев специальностью геолога-теоретика, он заинтересовал геологов своими расчетами мощи древнего извержения и восстановлением геологической картины катастрофы, доказав, что на месте горного массива с вулканом, на 2 000 метров возвышавшимся над уровнем моря, после катастрофы осталась плоская коса протяженностью в 11 км и что большая часть острова превратилась в гигантский кратер, который вместе с остатками острова покрылся многометровым слоем белой пемзы и пепла розового и красноватого цвета.

Греческие, американские и шведские геологи подхватили гипотезу Маринатоса. Исследования, прерванные Второй мировой войной, возобновились сразу же после ее окончания. Шведская подводная экспедиция обнаружила на дне моря у северного берега Крита мощный слой пепла. Химический анализ показал, что он аналогичен пеплу вулкана Феры. Теперь уже и многим историкам мысль о связи извержения на Фере с критскими разрушениями перестала казаться фантастической. И когда в 1967 г. Маринатос приступил к раскопкам на Фере, от них уже ждали успеха.

Ученый высадился на острове до начала археологического сезона, чтобы наметить место для предстоящих работ. Нужно было решить, искать ли столицу небольшого островка на мысе Акротири близ крошечной современной деревушки Тиры, где вяло и безрезультатно вели раньше раскопки французы, или восточнее, где немецкая экспедиция открыла руины какого-то дома. До прибытия на остров, готовя план экспедиции, Маринатос склонялся ко второму варианту. Однако после тщательного исследования острова его мнение изменилось, и он решил начинать с Акротири. «Непосредственное изучение местности, когда красноречиво говорит сама природа, гораздо полезней и надежнее, чем археология письменного стола»,— писал он много лет спустя в дневнике. Интуиция археолога подсказала ему, что главный город островитян должен находиться на южном побережье.

Начавшиеся в мае раскопки подтвердили его правоту. Через два года, собрав на острове конгресс по вулкану Феры с участием археологов, историков и геологов, Маринатос уже мог продемонстрировать вырисовывающийся на глубине от 3 до 7 м под двойным слоем пемзы и пепла город, жизнь в котором оборвалась около 1520 г. до н. э. А на пятый год раскопок перед археологами уже лежала полностью освобожденная от наносных пород часть города эпохи бронзы, современного минойским Кноссу, Маллии, Фесту.

Маринатос начал раскопки на Фере с целью доказать, что упадок минойской цивилизации — результат активности расположенного на острове вулкана. Находки, осуществленные после трагической гибели археолога в раскопе, показали, что на Крит попало немного пепла и что приливная волна, вызванная образованием огромной заполненной морем впадины, — не фантазия. Дома на раскопанной Маринатосом части города Акротири (ныне защищенные стеклянным куполом) — реальность, соотносимая с судьбой кикладской культуры. Повторилась история, пережитая, хотя и в меньших масштабах, Шлиманом, который искал гомеровскую Трою, а нашел неведомую цивилизацию.

Раскопки Акротири были продолжены сотрудником Маринатоса К. Думасом, уточнившим обстоятельства гибели «Эгейских Помпей». Сильные колебания почвы ок. 1500 г. до н. э. заставили жителей покинуть город вместе с ценностями и домашними животными. После этого началось сильнейшее землетрясение. Наступившее затем затишье побудило жителей вернуться и приступить к сносу полуразрушенных зданий и ремонту уцелевших. В это время вновь пробудился вулкан. Жители Акротири успели бежать из города, на этот раз покинув его навсегда.

В ходе продолжающихся раскопок найдены новые образцы настенной живописи, составлено более точное представление о внешних контактах жителей Акротири. Впереди дальнейшие открытия, ибо раскопана пока еще лишь двадцатая часть территории города.

Глава 4
ПЕЛАСГИЯ, АХЕЙСКАЯ ГРЕЦИЯ, ТРОЯ

ПЕЛАСГИЯ

Греки, сами называвшие себя эллинами, не были древнейшими обитателями южной части Балканского полуострова и островов Эгейского моря. Согласно античной традиции, их предшественниками на этих землях были *пеласги*. Гомер, называя будущую Фессалию, родину героя Ахилла, «пеласгийским Аргосом», прилагает эпитет «пеласгийская» к Лариссе, одному из фессалийских городов. Знает он и об обитании пеласгов на Крите и, делая пеласгов союзниками Трои, видимо, считает их также обитателями Малой Азии. Авторы V в. до н. э. говорили об обширном пеласгийском царстве, охватывающем Пелопоннес, об обитании пеласгов в Аттике, а также на западном побережье Малой Азии и на Крите. Геродот полагает, что они изъяснялись на особом варварском наречии, не похожем на язык соседей. Современные лингвисты, опираясь на дошедшие до нас имена пеласгов, названия принадлежащих им городов (в частности, Лариссы) и некоторые другие косвенные данные, считают, что пеласги говорили на языке индоевропейского происхождения, т.е. в языковом отношении были родственниками германцев, славян, кельтов, да и самих греков. Скорее всего, пеласги — общее название племен, обитавших на Балканах и островах Эгейского моря с начала III тысячеле-

тия, когда совершился переход от использования камня к меди и бронзе. Носители *пеласгийской культуры* на Балканах занимались земледелием. Сама же эта культура была тесно связана с другими, охватывавшими территорию современных Болгарии, Румынии, Молдавии и части Украины, раннеземледельческими культурами юго-восточной Европы, в том числе Южного Приднепровья (*Трипольская культура*). И античным авторам пеласги были известны как земледельцы (причиной их изгнания из Аттики Геродот называет зависть к умению хорошо возделывать землю).

Из раскопанных пеласгийских поселений более всего впечатляет Лерна на южном побережье Арголиды. Она обнесена массивной оборонительной стеной с полукруглыми башнями. В центре ее — помещение, видимо, общественного назначения, под черепичной крышей. В нем найдено множество оттисков печатей на глине — знаков появившейся частной собственности. В других поселениях пеласгийской эпохи обнаружены обмазанные глиной ямы (хранилища зерна) и крупные сосуды для сохранения иной провизии. О выделении ремесленников в особую прослойку населения свидетельствует раскопанная кузнечная мастерская.

АХЕЙСКАЯ ГРЕЦИЯ

Вторжение ахейцев. В конце III тысячелетия Пеласгия испытывает вторжение пришельцев, которые разрушают Лерну и другие поселения и располагаются с ними по соседству. Это были *греки-ахейцы*, заселившие часть Фессалии, а оттуда передвинувшиеся на Пелопоннес.

Начавшиеся как враждебные, отношения между ахейцами и пеласгами постепенно становятся мирными. Влияние было взаимным, особенно в области религии. Ахейцы воспринимают от соседей культ их богов. В языке пеласгов появляются ахейские слова, в ахейском (архаическом греческом) — пеласгийские. Общей для обеих народностей становится слоговая письменность (линейное письмо Б). Историк Диодор Сицилийский называет ее пеласгийской.

Золотая маска из шахтовой могилы Микен

История ахейской Греции по археологическим данным изучается в рамках двух периодов — *среднеэлладского* и *позднеэлладского* (пеласгийскую эпоху принято называть *раннеэлладским* периодом). Характерный показатель первого из ахейских периодов — изготов-

ленная впервые на гончарном круге керамика черно-серых тонов с металлическим блеском. Ее называют минийской — по племени минийцев, владевшему в Беотии городом Орхоменом. Несколько ранее минийская керамика появляется в Трое. На этом основании некоторые ученые постулируют переселение ахейцев из Северной Месопотамии. Однако большая часть исследователей склоняется к мнению, что предки греков явились из Придунавья и черноморских степей.

Глиняная табличка с текстом на линейном письме Б

Второй ахейский период (с XVI в.) называют также *микенским* — по столице царя Агамемнона, предводителя легендарного похода на Трою, городу Арголиды, который известен Гомеру как «златообильные Микены». Разрушенный в XII в., этот город сохранил свои руины лучше других. Его Львиные ворота (названные так в новое время по фигурам двух львиц по обе их стороны) обращали на себя внимание уже древних путешественников, так же, как и хорошо сохранившаяся купольная гробница. Раскопками Шлимана были выявлены шахтовые гробницы. Их погребальный инвентарь ныне наполняет золотым сиянием дорогого оружия, утвари и украшений работы микенских кузнецов и ювелиров главный зал Афинского археологического музея.

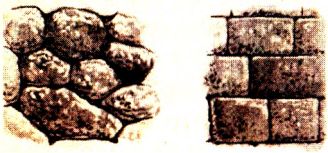
Золотые маски с лиц сохранили внешний облик тех, кого страсть к обогащению гнала в далекие грабительские походы. Это можно было предполагать и раньше с большей или меньшей степенью вероятности, но ныне, после дешифровки обожженных пожаром глиняных табличек с линейным письмом Б Пилосского и других дворцов, мы становимся свидетелями сложных и утомительных расчетов с поставщиками зерна, льна, оливкового масла, с корабельщиками, пастухами, гребцами, кузнецами, представителями многих других профессий. Тот самый царь, которого Гомер рисовал на поле боя или во время пира с равными ему по положению гостями, предстает как прижимистый хозяин, берущий со снабжающих дворец продовольствием или ремесленными изделиями максимум того, что они могут дать. И рядом с царем мы видим его писца, о существовании которого не догадывался Гомер, и этот писец становится если не главной, то самой реальной фигурой дворцовой цивилизации. Графологические экспертизы позволяют отличать одного писца от другого и даже понять характеры некоторых из них: утомленные однообразным трудом, они порой развлекались рисованием человечков и животных на оборотной стороне табличек.

Писец — персонаж, хорошо известный по памятникам изобразительного искусства и текстам древнего Египта. Это рядовой сложно-

го бюрократического аппарата, сложившегося на Древнем Востоке. Сам этот аппарат был порожден особой системой отношений собственности, когда землей владел не тот, кто на ней трудился, а владыка дворца, получавший часть урожая от своих подданных, обрабатывавших его землю. Наличие писцов и архивных записей о распределении рабочей силы и о доходах, наряду с множеством других факторов, свидетельствует о том, что микенская цивилизация по своей структуре принадлежала к тому же типу, что и современные ей цивилизации Востока. Эгейский мир был западной окраиной восточной цивилизации эпохи бронзы, и типологически Афины, Фивы, Пилос, Микены, Орхомен, Иолк II тысячелетия до н. э. принадлежат, строго говоря, не античному, а древневосточному миру. Если мы рассматриваем его в этой книге, то только потому, что античная цивилизация сложилась на той же почве, что и микенская, и мифологическая память людей античного мира была насыщена судьбами обитателей дворцов и преданиями об их подвигах, действительных или мнимых.

Дворцы. Так же, как и на Крите, центрами власти и культуры в микенской Греции были дворцы: на Пелопоннесе — в Микенах, Тиринфе, Пилосе, в Аттике — в Афинах, в Беотии — в Фивах и Орхомене, в Фессалии — в Иолке. В отличие от критских дворцов, сначала слабо укрепленных, а затем и вовсе незащищенных, это мощные крепости, рассчитанные на отражение набегов противника и длительную осаду, что характеризует как внешнюю ситуацию XV—XIII вв., о которой также можно судить по мифам о войнах между Аргосом и Фивами, так и внутреннюю: за стенами дворцов было сосредоточено порабощенное население, представлявшее непрерывную потенциальную угрозу.

Наружные стены дворцов были сложены из массивных, почти необработанных глыб, поражавших воображение более поздних обитателей этих мест, которые называли эти камни циклопическими, поскольку им казалось, что лишь великанам-циклопам было под силу их поднять. Видимо, эти же стены наложили отпечаток и на представления о героях прошлого, наделенных сверхчеловеческой геракловой силой. В лучше всего укрепленном Тиринфе некоторые глыбы достигали двенадцати тонн. По стене, в толщину превышавшей четыре метра, могла проехать боевая колесница. Высота же стен в сохранившейся их части — 7,5 м. Внутри крепости имелись галереи с казематами, хранилищами оружия и провизии и бассейнами для воды. Здесь толщина стен доходила до 17 м. Во время войны запасы воды по-

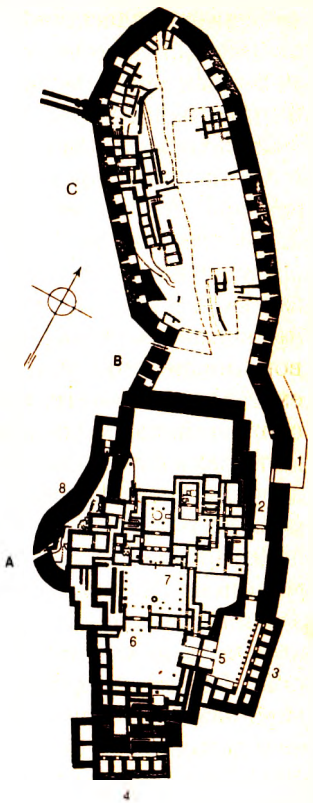


Типы микенской кладки

появились через хорошо замаскированный подземный ход, ведущий к источнику в нижнем городе.

Менее мощным был Пилосский дворец. Его обитателем мифы считали Нестора, отличавшегося необычайным долголетием и мудростью. Для дворца Нестора характерна симметричность архитектурного решения, столь чуждая критским дворцам. Главные дворцовые помещения располагались по одной оси и составляли прямоугольный комплекс. Центральный зал с круглым очагом в центре под отверстием в кровле, поддерживаемый колоннами, греки называли мегароном. Стены мегарона в Пилосе были покрыты росписями. Фрагмент росписи, изображавший игру на лире, живо воссоздает картину сидящих вокруг огня владельца дворца и его приближенных, внимающих речитативу аэда, поющего о незапамятных временах.

Из двух примыкающих к мегарону коридоров можно было через дверные проемы пройти в многочисленные подсобные помещения, используемые для хранения оливкового масла и вина, которое было рассчитано, судя по количеству сосудов, не только на обитателей дворца, но и на обмен с соседними, а порой и заморскими территориями (именно такие сосуды находят на далеких Эолийских островах близ Сицилии). Небольшая комната у входа во дворец использовалась как архив. Здесь писцы наносили на глиняные «страницы» все, что поступало во дворец, записывали распоряжения администрации. Это первый из выявленных в микенской Греции архивов. Существование их в других местах можно предположить по отдельным табличкам, найденным в Микенах, Афинах, Фивах.



План акрополя Тиринфа:
А – верхний акрополь. В – средний акрополь. С – нижний акрополь.
1–2 – главный вход и ворота; 3 – западная галерея; 4 – южная галерея; 5 – большые ворота; 6 – малые ворота; 7 – центральный двор и большой мегарон; 8 – восточные ворота

Дворец в Фивах был обнаружен в крепости, известной древним авторам как Кадмея — по имени мифического строителя финикийца Кадма. Стены дворца, как и в Пилосе, были украшены росписями. В подсобных помещениях наряду с сосудами, изделиями из зо-

лота и других металлов обнаружены цилиндрические печати из ляпис-лазури с клинописными надписями. Владелец дворца, кем бы он ни был, поддерживал связи с Востоком, но не с Финикией (тогда Финикии еще не было), а со страной Ханаан, побережье которой и было позднее захвачено финикийцами.

Создатели мифов, конечно, в таких исторических тонкостях не разбирались, но они сохранили правильное представление об особо тесных связях Фив с Востоком, равно как и о богатстве Фив, привлекавших жадные взоры пелопонесских правителей, и о трагических судьбах властителей Кадмеи, которые нашли художественное воплощение в образе и судьбе царя Эдипа и его потомков.

К северо-западу от Фив находилась резиденция мифического царя Миния «золотой Орхомен», с дворцом и купольной гробницей точно таких же размеров, как и так называемая «сокровищница Атрея» в Микенах. К северу от Орхомена, на большом острове посреди Копаидского озера, высилась крепость, занимавшая всемеро большую площадь, чем Тиринф. Видимо, здесь во время нападений извне укрывалось все население обширной Беотийской равнины. Столкновения Орхомена и Фив нашли отражение в мифе о выплачиваемой Фивами правителю Орхомена дани и помощи Фивам Геракла, направившего на Орхомен воды Копаидского озера.

На берегу глубоко вклинившегося в Фессалию Пегасейского залива лежал Иолк, рисуемый мифами как резиденция Пелея и Ясона и исходный пункт экспедиции аргонавтов за золотым руном. На холме, заселенном еще в эпоху ранней бронзы, возвышался дворец такого же типа, что и в Микенах, хотя и меньших размеров.

Организация хозяйственной жизни. Прочитанные письмена ахейцев показывают нам дворцы как сложный хозяйственный комплекс, организующий жизнь не только их обитателей, но и сосредоточенного вокруг них населения — как свободного, так и зависимого. Контроль за деятельностью ремесленников обеспечивался монополией дворца на важнейшие отрасли ремесленного производства, прежде всего кузнечного, а также системой распределения и потребления сырья. Количество металла, находившегося в распоряжении дворцовой администрации, тщательно взвешивалось и фиксировалось в записях.

Дворец в лице царя был верховным собственником части земли, находившейся в пользовании отдельных лиц и подлежавшей контролю царской администрации, хотя формально считалось, что вручает ее ему народ. Существовал и другой вид земельной собственности — общинный («земля, принадлежащая народу»). Она, как и царская, могла сдаваться в аренду.

Обработкой царской земли занимались отряды рабов, сгруппированные по возрасту и полу — женщины с детьми, подростки, мужчины. Самыми крупными, порой доходящими до тысячи и даже двух тысяч человек, были отряды женщин и подростков. Отряды мужчин, напротив, были небольшими, не более десятка человек — очевидно, чтобы свести к минимуму опасность бегства или восстания.

В текстах Пилоса упоминается особая группа невольников — «божьи» рабы и рабыни, выступающие арендаторами общинной или частновладельческой земли. Видимо, это служители храма, находящиеся в подчинении у жречества, которое играло в жизни общества значительно большую роль, чем в античную эпоху.

Документы отмечают большое количество ремесленных профессий: кузнецы, каменщики, плотники, горшечники, портные, оружейники, парфюмеры, ювелиры; упоминаются и врачи. Обитая в округе Пилоса, они вызывались во дворец и работали в нем за определенное вознаграждение. Часть ремесленников получала плату продовольствием, тогда как для другой их части, состоявшей из свободных общинников, работа на дворец была своего рода временной повинностью; их появление на работе не фиксировалось, и они располагали своим временем относительно вольно.

Свободные ремесленники и торговцы зачастую сами владели землей и рабами и могли быть состоятельными людьми. В нижнем городе Микен при раскопках обнаружены дома ремесленников и торговцев второй половины XIV — начала XIII в. Среди них — два дома резчика по слоновой кости, размеры которых говорят о немалых доходах их владельцев. В кладовой виноторговца сохранились 50 больших кувшинов полуметровой высоты и около десятка почти двухметровых пифосов. В доме маслоторговца найдено 30 подготовленных для продажи и уже запечатанных сосудов с маслом. Судя по табличкам с записями, обнаруженным в его доме, этот человек не испытывал недостатка в клиентуре.

Основную массу сельских тружеников составляли мелкие землевладельцы, пользовавшиеся общинной землей и зависевшие от дворца, в пользу которого облагались трудовыми повинностями и натуральными налогами.

Государственное управление. Тщательно отработанная хозяйственная система, охватывающая главные сферы производства, располагала разветвленным бюрократическим аппаратом. Территория Пилосского царства была разделена на 9 западных и 7 восточных округов (по разные стороны горного хребта), во главе которых стояли наместники, отвечавшие за сбор налогов и за выполнение повинностей на вверенной им территории. В подчинении

наместников находились правители, управлявшие отдельными поселениями. Во дворцах делопроизводством ведали писцы, количество которых в Кноссе микенского времени, скорее всего, превышало сотню, а в Пилосе доходило до пятидесяти. Писцы фиксировали все, что поступало во дворец или выходило за его пределы, в их документах скрупулезно подсчитано и количество принадлежащих дворцу животных, и число сосудов в дворцовых хранилищах, и численность боевых колесниц, а также поименно перечислены лица, призываемые на военную службу. Наряду с писцами использовались различного рода ревизоры, контролирующие местную администрацию, и гонцы, поставлявшие распоряжения дворца.

Во главе государственного аппарата стояло лицо, называемое в текстах ванака, что соответствует более позднему греческому слову «басилей» в значении «повелитель», «царь». О характере власти ванаки в документах нет данных, но судя по окружающему его богатству и по числу подчиненных ему лиц, это был неограниченный правитель восточного типа, а не глава ополчения, вынужденный считаться со своими подчиненными, каким рисует Гомер Агамемнона, царя Микен. Ванаку окружали должностные лица, обозначение которых большей частью не позволяет понять их функций. Это могли быть военачальники, жрецы, придворные.

Междоусобные войны. Найденные тексты не дают никаких деталей для понимания политической истории ахейской Греции. Показывая, однако, что каждый дворец представлял собой самостоятельную экономическую систему, они дают возможность предположить также существование самостоятельных вооруженных сил и, следовательно, собственной политики. Как говорит предание о Троянской войне, ахейцы могли время от времени объединяться для выполнения каких-либо общих задач, и правители наиболее сильных государств назначались главнокомандующими сухопутного ополчения или флота. Но остальные правители сохраняли независимость и могли по разным причинам порывать с союзом, как в гомеровском эпосе это сделал Ахилл.

Войны между ахейскими владыками возникали постоянно, и если они не обладали мудростью и дипломатическим талантом мифического Нестора, им оставалось полагаться на крепость своих фортификационных сооружений. Видимо, обычным явлением были осады городов. Не исключено, что легендарная осада ахейцами Трои сконструирована по воспоминаниям о реальной осаде Фив, нашедшей отражение в целом цикле мифов, повествующих о борьбе за власть сыновей царя Эдипа, в которую оказались втянутыми сначала семеро вождей во главе с правителем Аргоса Адрастом, а затем внук Адраста участник Троянской войны Диомед, ставший раз-

рушителем Фив. И действительно, обнаружены следы разрушения и пожарища Фив. Однако археологическая датировка гибели города в микенское время неоднозначна, и у ученых нет уверенности, были ли разрушены Фивы до XII века, которым греки датировали Троянскую войну, или позднее. Миф о конфликте с Орхоменом, напротив, рисует Фивы избавившимися благодаря дерзости Геракла от дани, первоначально выплачивавшейся Орхомену, и наголову разбившими его войско во вспыхнувшей из-за этого войне.

Отношения с внешним миром. Как показала археология, ахейцы, занимавшие периферию цивилизованного мира, не находились в культурной изоляции. Об отсутствии изоляции политической свидетельствуют также дворцовые архивы хеттских царей, в документах которых микенское царство фигурирует под названием Аххиява (или Аххия). «Илиада» делает малоазийский город Трою противником ахейцев, но о ее местоположении они имеют смутное представление и во время первого похода оказываются не у Геллеспонта, а в Ликии. Из документов же Аххиява предстает как государство, обладающее в Малой Азии прочной базой и втянутое в сложные отношения с соседями. Из первого по времени текста, датируемого примерно между 1440 и 1380 гг. (т. е. за столетие до того времени, к которому греки относили Троянскую войну), явствует, что аххиявец Аттарасий изгнал с контролируемой хеттами территории хеттского ставленника Маддуватаса и вторгся бы в царство хеттов, если бы не встретил достойного отпора. Местом действия документ называет Арцаву, государство, расположенное к югу от владений Аххиявы. Из других хеттских текстов вытекает, что центром этих владений была Милованда, будущий Милет. Примечательно, что грозный Аттарасий (чье имя напоминает «отчество» царя Микен Агамемнона — Атрид) не назван царем. В другом тексте сообщается о противоборстве войска Аттарасия, в котором было сто боевых колесниц, и хеттского войска. В этом столкновении каждая сторона потеряла по одному воину, после чего Аттарасий вернулся в свою страну (речь, очевидно, идет о сражении, решенном, как это бывало в древности, единоборством). Далее сообщается о вступлении Маддуватаса, ставшего к этому времени независимым правителем, в союз с Аттарасием и об осуществлении последним похода на Кипр.

Ряд хеттских текстов датируется временем, предшествующим правлению Супилулиумы, когда хеттское царство подверглось опустошительному набегу северных племен, а с юга и юго-востока — давлению Арцавы. Сообщая об этих событиях, сын Супилулиумы Мурсиль вспоминает о своей матери, которую отец, обвинив в каком-то проступке, отослал «на ту сторону в страну Аххиява». «На ту сторону» — скорее всего, означает «за море».

Ахейцы на морях. С древнейших пор Балканская Греция развивалась в тесной связи с цивилизациями Востока, являясь их сырьевой базой и окраиной. В то же время сами ахейцы, будучи наследниками морского владычества царя Миноса, прокладывали морские пути на Запад. Колонизация микенцами островов Эгейского моря и восточного побережья Малой Азии велась с разной степенью интенсивности на протяжении всего II тысячелетия. Исконными районами колонизационного процесса стали Пелопоннес, Аттика, Фессалия, и в нем участвовало наряду с ахейцами также и догреческое население Балканского полуострова. Аборигены островов были уничтожены или ассимилированы переселенцами, оставив о себе память в чуждых языку ахейцев и пеласгов названиях местностей. Колонизация в восточном направлении отражена в преданиях о Троянской войне, о победе над разбойником Кикном. Поселенцы в Малой Азии оказались среди народов, которые не смогли подчинить, — карийцев, лидийцев, фригийцев, сохранивших в своих городах собственные порядки.

Сплочению переселенцев с Балканского полуострова способствовала практика объединения городов в *двенадцатиградья* с религиозными центрами во главе. Постепенно, в виду неизбежных контактов с местным населением, формируются диалекты греческого языка — *ионийский* и *эолийский*, первый — на основе языка переселенцев из Аттики, второй — из Фессалии.

Другое направление микенской колонизации — западное. Следы плаваний микенцев на Запад мы находим в «Одиссее» Гомера, а также в передаваемых более поздними авторами мифах о бегстве строителя критского лабиринта Дедала к царю одного из сицилийских племен Кокалу, о погоне за беглецом царя Миноса, о сооружении Дедалом в Сицилии удивительных построек — неприступного города Камика, узкий и извилистый вход в который могли охранять два-три воина, бассейна с лечебными подземными водами и др. Дедал, Минос, Кокал — фигуры мифические, но колонизация микенцами побережья Сицилии и прилегающих к ней Эолийских островов и побережья Южной Италии — реальность, подтверждаемая обломками характерной микенской керамики, той самой, какая изготовлялась во дворцах и использовалась там для хранения вина, масла. зерна. Скопления этой керамики — наглядное свидетельство интенсивности контактов Эгейского мира с Западом.

Следы литературы. Наличие у микенцев письменности, равно как и общий уровень их политического и культурного развития, предполагает существование у них литературы в той или иной форме. Однако не сохранилось ни одной строки, ни одного названия литературного произведения. В нашем распоряжении лишь имена

предшественников Гомера, относимых к отдаленным временам любимцев муз: Орфей, Лин, Мусей, Памф, Фамирис. Предания об этих певцах восходили как раз к тем областям, которые считались очагом культа Диониса и почитания муз (Фракия, Пиерия). Считалось, что искусство поэзии пришло оттуда на острова Эгейского моря и в Малую Азию, места обитания ионийцев и эолийцев (миф о кифаре Орфея, которую прибило волнами к острову Лесбосу).

О предшественниках Гомера можно судить прежде всего по гомеровскому эпосу, донесшему целый мир легенд, которые в своем первоначальном виде не могли сложиться в местах обитания ионийцев и эолийцев в X—VIII вв. Легенды о правителях Микен, Пилоса, додорийской Спарты, Фив, Орхомена могли быть принесены ионийцами и эолийцами с собой. Сам характер их таков, что может быть предположен длинный период их формирования, о котором ничего неизвестно. Гомеровский эпос связан с предшествующей словесностью или литературой не только в сюжетном плане. Гомер заимствует созданные задолго до него словесные формулы. Так установлено частое употребление им выражения «гераклова сила», при этом всегда в одной и той же позиции в конце строки, и это дает возможность предположить существование в XIII—XII вв. эпоса о Геракле, использовавшего гекзаметр. Эпос этот оказался разобранным на части и дошел до нас в виде разрозненных рассказов о подвигах этого микенца, биографически связанного с Аргосом, Фивами и Тиринфом. Гомер неоднократно обращается к эпизодам жизни Геракла, героя поколения, предшествовавшего Троянской войне, мимоходом, в виде намека, как о чем-то хорошо известном слушателям. Все это позволяет видеть в Гомере посредника между микенской (шире — эгейской) словесностью и литературой античной эпохи.

ТРОЯ

Для нас история Микен неотделима от Трои — хотя бы потому, что Гомер связал исторические судьбы этих городов, направив против города на Геллеспонте не только корабли, но и всех героев материковой и островной мифологии во главе с царем Микен Агамемноном. Но отношения между Микенами и Троей, которые могут быть извлечены из повествования «Илиады», не являются реальной историей, равно как и мифы о Микенах, Спарте и древних городах, участниках троянской экспедиции. Археология, начавшись с поисков Трои, восстановила прошлое этого города, обладавшего долгой и славной историей, на фоне которой Троянская война, если это даже реальность, была лишь незначительным эпизодом.

Раскопки на холме Гиссарлык показали, что начало Трои восходит к небольшому поселению, появившемуся за четыре столетия до того времени, с которого принято начинать историю минойско-

го Крита, т. е. ок. 3000 г. Троя I была небольшим поселением эпохи бронзы, занимающим маленький участок вершины холма. Население его изготавливало посуду без помощи гончарного круга. Троя II была таким же небольшим поселением, окруженным стенами восьмиметровой высоты. Верхнюю его часть занимало строение с центральным помещением типа мегарона. В этой Трое II Шлиман открыл клад и ослепленный его золотым блеском, ошибочно отнес свою находку ко времени Троянской войны. Около 2200 г. Троя II была разрушена, что может быть объяснено завоеванием ее каким-то неизвестным народом. Последующие культурные слои, принадлежащие Трое III—V, значительно беднее Трои II. Троя VI, существовавшая между 1800 и 1300 гг., была процветающим городом. Дома ее были больше и наряднее, чем в предшествующие эпохи. Они возводились на платформах ярусами, поднимавшимися к вершине холма, где находился дворец правителя, соединенный с внешним миром четырьмя дорогами (в соответствии с числом городских ворот). Важнейшим новшеством Трои VI было появление лошади, до этого времени неизвестной ни здесь, ни вообще на Востоке, равно как и на юге Балканского полуострова. Количество костных останков лошади дают основание думать, что она использовалась и как тягловая сила, и в боевых колесницах в военном деле. Эти находки с достаточной уверенностью позволяют предположить, что Троя VI принадлежала пришельцам, выброшенным на Геллеспонт волной какого-то нового вторжения, которое затронуло также и материковую Грецию. Об этом говорит и распространение одного и того же типа керамики, известной как минийская. Значит ли это, что троянцы были родственны ахейцам? Над этим вопросом уже полстолетия бьется современная наука, предлагая самые различные гипотезы. В пользу греческого происхождения обитателей Трои VI используются сведения Гомера в «Илиаде», согласно которому троянцы носят греческие имена и поклоняются греческим богам.

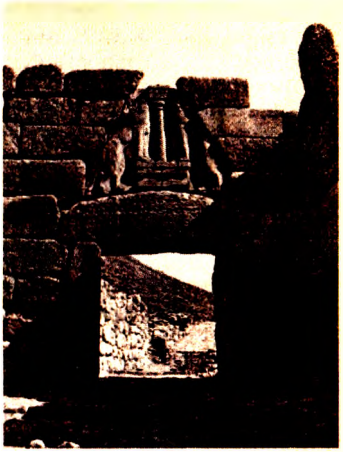
Но Троя VI — это еще не гомеровская Троя. Она была уничтожена мощным землетрясением. Рухнули ее дома. На оборонительной стене появились трещины. Прошло какое-то время, и возникла Троя VII A, соотнесенная с гомеровской Троей и датируемая 1300 — 1240 гг. Ее падение было, скорее всего, результатом вторжения народов, названных в древнеегипетских текстах «народами моря».

Микенская и троянская археология. Археология микенских центров и Трои имеет историю более длительную, чем критская, и именно поэтому известна не только славными открытиями, но и трагическими ошибками.

Ее зачинателем был Генрих Шлиман. Путь его в мир, описанный Гомером, уникален. Сын провинциального немецкого пастора, он не мог получить систематического образования, но редкостная энергия, соединенная со значитель-

ными способностями к древним и новым языкам, позволили ему вступить в спор с университетской наукой, считавшей рассказ Гомера о походе ахейцев на Трою мифом, и высказать уверенность в возможности с помощью лопаты доказать, что «Илиадой» можно пользоваться как путеводителем по исчезнувшему, но когда-то реальному миру.

Уже во время посещения Трои в 1868 г. Шлиман встретился с «неутомимым археологом» англичанином Франком Келвертом, поселившимся в Троаде, приобретшим половину холма Гиссарлык и уверенным в правоте античных авторов, утверждавших, что именно под этим холмом находилась Троя, описанная Гомером. Таким образом, Шлиман не открывал местоположения Трои, а только выступал пропагандистом мнения английского ученого. Однако пальма первенства вскоре после начала Шлиманом раскопок Трои по праву перешла к нему.



Львиные ворота (Микены)

Еще не получив разрешения турецких властей на проведение раскопок, Шлиман фактически приступил к ним в 1870 г. на принадлежавшей Келверту половине холма. Когда же разрешение было получено, с 1871 по 1872 г. он перекопал огромными траншеями весь холм, обнаружив семь сменявших друг друга городов. Уверенный в том, что гомеровская Троя — самая древняя, он уничтожил вышележащие слои, в том числе и тот, который ныне отнесен к Илиону, воспетому Гомером. В 1873 г., осознав свое трагическое заблуждение, Шлиман писал: «Из-за моей прежней ошибочной идеи... в 1871—1872 гг. мною была разрушена большая часть города... Троя находится не на материке, а на глубине от 7 до 10 метров». В ходе первых раскопок Шлиман на большой глубине открыл ряд кладов, в том числе в слое пожарища толщиной 2—3 м тот, который он назвал сокровищем Приама. Тайно вывезенный им на материк, клад переменил много мест, пока не оказался в Музее изобразительных искусств в Москве.

Раскопки Шлимана в Трое были продолжены рядом археологических кампаний вплоть до 1890 г. Но одновременно он обратился к современным Трое городам Арголиды и Беотии, известным Гомеру как противники Трои. Наибольшее значение имели раскопки «златообильных Микен», считавшихся резиденцией главы ахейского ополчения царя Агамемнона.

В 1876 г. близ «Львиных ворот» Шлиман раскопал монументальные скальные гробницы, о существовании которых также знали еще в древности. В гробницах оказалось множество золотых украшений и золотых масок, закрывавших лица покойных и сохранивших их черты. Конечно, Шлиман был уверен в том, что открыл гробницу Агамемнона, и даже, как ему казалось, определил по способу захоронения, что убитого захоронили в спешке, по-воровски. Все это фантазии. Но все же Шлиман открыл центр той культуры, которую называют микенской, и дал ее описание по археологическим памятникам. Ему удалось также раскопать описанный Гомером «крепкостенный Тиринф».

После кончины Шлимана его главный сотрудник и главный консультант Вильгельм Дерпфельд продолжал раскопки Трои в течение двух сезонов (1893—1894) и обобщил результаты работ в книге «Троя и Илион» (1902), систематизировав весь материал и выделив основные периоды строительства и стратиграфии троянского холма. Гомеровскую Трою, отнесенную Шлиманом к слою Троя II, Дерпфельд поднял к слою Троя VI.

Новым этапом изучения Трои были раскопки 1932—38 гг., осуществленные американской экспедицией под руководством **Карла Блегена.** Была уточнена последовательность существования и гибели поселений на холме Гиссарлык и изучена Троя VI, существовавшая между 1800 и 1300 гг. и погибшая в результате мощного землетрясения. Трою, описанную Гомером, Блеген поднял еще выше, отождествив с Троей VII А, представленной в слоях разгрома и пожара множеством микенской керамики XIII в. Гибель Трои VII А была отнесена примерно к 1240 г. Через некоторое время обитатели Трои вернулись и стали воздвигать на своих пепелищах дома (Троя VII Б). Но покой их оказался кратковременным. Город был захвачен носителями культуры, чуждой троянской, скорее всего фракийцами.

Раскопки Микен, начатые Шлиманом, продолжил греческий археолог Христо Цундас, которому удалось обнаружить остатки дворца той же структуры, что и тиринфский, но худшей сохранности — с источником (подземным колодцем) дворец соединялся почти сотней крупных вырубленных в скале ступеней. Было вскрыто несколько десятков высеченных в скалах камерных гробниц.

В 1920-е гг. раскопки в Микенах вела британская экспедиция под руководством А.Уэйса, и американская — во главе с К.Блегеном. Им удалось показать, что микенская цивилизация — не ответвление критской, как считал А.Эванс, а самостоятельное образование, восходящее к древнейшей культуре местного населения и слившейся с нею культуре пришельцев, появившихся на Балканах в начале II тысячелетия.

Прерванные во время Второй мировой войны, раскопки возобновились в 1952 г. и ведутся до сих пор. В результате был выявлен еще один царский некрополь под городским холмом, а также ряд зданий, принадлежащих знати, богатым торговцам и ремесленникам (дом щитов, дом маслоторговца, дом виноторговца, дом сфинкса). Микены открылись как город, погруженный в хозяйственную деятельность и поддерживающий связи с городами Пелопоннеса, Средней Греции, с Критом, Кикладами и западной колониальной периферией. В ходе раскопок Микен, продолженных в 1968—69 гг., археолог Уильям Тейлор впервые обнаружил микенский храм XIII в. из нескольких расположенных на разных уровнях помещений с алтарем, резервуаром для омовения, с фигурками идолов из глины и слоновой кости. Стены святилища были покрыты фресками, изображающими богиню и ее жриц. Так археология пролила свет на почитание богини-матери, скорее всего, Геры. Арголида считалась местом древнейшего ее культа. В расположенном близ руин Микен древнем святилище Геры (Герайоне) еще в V в. до н. э. продолжал вестись восходящий к глубокой древности список верховных жриц, на основании которого греческий историк Гелланик построил хронологию Греции.

Очередь дошла и до «семивратных Фив», где археологическое исследование затруднялось местоположением древних Фив под современным городом. В связи с его перестройкой греческим археологам Н. Платону и Ф. Спиропулосу удалось открыть знаменитую Кадмею, названную по имени финикийца Кадма, посланного, согласно мифу, отцом на поиски похищенной Зевсом сестры Европы. Подтверждением особо тесных контактов с Востоком явилась находка вавилонских цилиндрических печатей с клинописными текстами. 45 табличек линейного письма Б удостоверили, что это дворец микенской эпохи.

Еще в 1912 и 1926 гг. греческие археологи обнаружили две микенские купольные гробницы в Мессении (западная часть Пелопоннеса), и это побудило их исследовать окрестный район. Так, в 1939 г. греко-американская экспедиция во главе с К. Блегеном обнаружила на холме близ Наварина, переименованного к тому времени в Пилос, остатки великолепного дворца, отождествленного с «песчаным Пилосом» Гомера, резиденцией мудрого царя

Нестора. Во дворце за один археологический сезон было обнаружено 400 табличек с линейным письмом Б — больше, чем на Крите за 30 лет раскопок. После окончания Второй мировой войны раскопки Пилоса были возобновлены, и Блегену удалось найти новые сотни текстов.

Раскрыть язык обнаруженных теперь уже и в материковой Греции табличек, написанных на линейном письме Б, перед которыми оказался бессилен Эванс, удалось его соотечественнику Майклу Вентрису. С детства он интересовался архитектурой, в юности обучался в Лондонском архитектурном институте. В 1936 г. в столице Англии открылась археологическая выставка по случаю 50-летия Британской археологической школы в Афинах. Четырнадцатилетний Майкл оказался среди слушателей Эванса, рассказывавшего об открытом им дворце Миноса и иллюстрировавшего доклад находками, в том числе табличками с линейным письмом. Вентрис начал работать над письменами. Но эту работу пришлось прекратить из-за начавшейся войны. После ее окончания Вентрису стали известны результаты усилий других ученых, исследовавших кносские таблички, были систематизированы знаки письма и выделены их группы, характерные для начала слов и для их окончаний. Стало ясно, что это знаки слогового письма, но надо было решить, слова какого языка они передают.

Первоначально Вентрис полагал, что за знаками линейного письма Б стоит язык, близкий к этрусскому. Но затем, работая с молодым филологом Джоном Чэдуиком, Вентрис пришел к выводу, что знаки передают искаженный греческий. Это предположение подтвердилось, когда в руках исследователей оказались таблички с такими же письменами из Пилоса, где краткие записи сопровождались рисунками, поясняющими текст.

Причины искажений греческих слов в записи линейным письмом Б до сих пор не ясны. Но в целом тексты стали понятны, и благодаря этому было положено начало изучению истории Эгейского мира. Раскопки Микен, Пилоса, Тиринфа и других городов бронзового века на греческом материке, равно как и сельских поселений этой же эпохи, выявили единую культуру, названную по одному из центров микенской. Микенцами стали условно называть всех обитателей Пелопоннеса, Средней и Северной Греции, в каких бы городах они ни обитали. Среди них были ахейцы, минийцы, ионийцы, эолийцы, пеласги, дриопы и другие народы.

Микенская культура, современная кикладской, а на ранних этапах своего развития критской (минойской), не совпадала с ними. Поэтому ошибочен термин крито-микенская культура, введенный Эвансом, исходившим из преобладания критской культуры на материке и всех островах. В то же время археология подтвердила взаимное проникновение этих культур, позволяющее рассматривать их как некую общность — эгейскую культуру, сложившуюся в обширном регионе, центром которого было Эгейское море. Носители эгейской культуры, как это видно по находкам характерных для нее памятников, колонизовали во II тысячелетии Апеннинский полуостров и Сицилию и поддерживали связи с Западным Средиземноморьем и Европой. Они испытывали влияние более древних и развитых восточных культур эпохи бронзы. Катастрофическая миграция XII в., захватившая также и Малую Азию, привела к погружению греческого материка и мира островов во мрак так называемых «темных веков», из которого на тех же территориях выросла новая культура, которой предстояло пройти свой собственный цикл и стать одной из составляющих античной цивилизации.

III
МИР ПОЛИСОВ И ЕГО КРУШЕНИЕ

Глава 5
КРУГ ЗЕМЕЛЬ

Каждая из великих цивилизаций прошлого имела свой очаг, где она зародилась, развивалась, достигла расцвета и в котором угасла, оставив о себе память в виде могил своих создателей и творений их рук в камне, глине, металле, а также памятников письменности и литературы. Очагом античной цивилизации было море с его полуостровами и островами, которое в древности называли Внутренним. Значение этого обширного водного пространства отражено и в древнем латинском названии мира «круг земель» (orbis terrarum), ибо эти земли античной культуры действительно расположились вокруг моря, на стыке трех материков, и поныне сохранивших свои древние названия: Азия, Европа, Африка (Ливия — у греков).

Мы в состоянии охватить все это культурное пространство одним взглядом с пролетающего в космосе спутника или изобразить его в виде рельефной карты. Для самих же людей античного мира то, что перед нами раскрывается как географическая реальность, было неведомым пространством, которое еще следовало открыть, описать и освоить. Нам даже трудно себе представить, сколько потребовалось времени, усилий и потерь при тогдашних средствах передвижения и условиях фиксации открытий, сколько пришлось совершить и исправить ошибок, чтобы лишь ко времени начавшегося угасания античной культуры составить более или менее точное описание среды собственного обитания!

Моря и проливы. Средиземное море было для людей античного мира дюжиной морей, вокруг которых складывались «малые» очаги цивилизации. Восточный рукав Средиземного моря греки называли *Эгейским морем*. Согласно Гомеру, первоначально оно мыслилось местом обитания одного из трех порожденных небом и землей сторуких чудовищ — Эгейона. И впрямь, Эгейское море, как бы вцепившись в греческий материк, его искромсало, образовав множество полуостровов, заливов, бухт, бухточек и прибрежных островков. Позднее, когда афиняне приобрели власть над морями, они связали название этого моря с именем своего царя Эгея, будто бы бросившегося в него со скалы.

Общая протяженность береговой линии Греции превышала 15 000 км, и море при сложившемся рельефе не разъединяло ее, а объединяло.

В Эгейском море насчитывалось не менее семидесяти островов. Большую их часть греки объединяли в две группы — *Киклады* (Круговые, поскольку они располагались вокруг Делоса) и *Спорады* (Рассеянные). С эпохи мезолита острова были заселены негреческими племенами, обладавшими самобытной культурой. Сравнительная близость многочисленных островов друг к другу позволяла их обитателям совершать плавания от острова к острову, не теряя из виду суши. Эгейское море, таким образом, стало своего рода начальной грамотой мореплавания, которую еще в доантичную эпоху усвоили многие обитавшие на его берегах народы, а в античную — финикийцы, этруски и греки.

Водное пространство между Балканским и Апеннинским полуостровами греки называли *Ионийским морем*, северную его часть этруски и римляне именовали *Верхним*, или *Адриатическим* — по городу Атрий, основанному выходцами из Эгеиды тирренами-этрусками. По имени этого же народа получило название *Тирренское море*, омывавшее западное побережье Апеннинского полуострова.

Внутреннее море на западе соединялось проливом с *Внешним морем* (Океаном). Финикийцы и карфагеняне называли этот пролив *Столпами Мелькарта*, греки — *Столпами Геракла*, римляне — *Геркулеса* (согласно финикийским и греческим преданиям, именно он в ознаменование своих побед воздвиг по его берегам два каменных столпа).

Море, расположенное к северу от пролива *Боспор* («Бычья переправа»), греки назвали *Понтом Аксинским* (Негостеприимным), переименовав его впоследствии в *Понт Эвксинский* (Гостеприимный). До того, как это море освоили, оно имело мрачную репутацию, более подходящую современному названию Черное. На этом море почти нет островов, где можно высадиться. Берега его заселяли враждебные чужеземцам народы.

Путь к Боспору вел через *Пропонтиду* (совр. Мраморное море), отделенную от Эгейского моря проливом *Геллеспонт* (ныне Дарданеллы), с которым был связан миф об упавшей в его воды Гелле, вместе с братом уносимой на златорунном овне в Колхиду.

Ветры. Для греков, связанных с морем и мореплаванием, серьезная опасность исходила от сильных ветров. Им приносились жертвы (в глубокой древности — человеческие), их вводили в мифы, создав образ владыки ветров Эола, которому дано усмирять их прихоти.

Было замечено, что с Понта Эвксинского и Геллеспонта летом от зари до заката дуют сухие постоянные ветры, приносящие то желанную прохладу, то бури. Современные ученые стремятся объяснить это явление: в древности просто пользовались ветрами, дующими без перерыва целыми неделями, соразмеряя с ними свои сельскохозяйственные работы и плавания. Были выяснены места, где они представляют наибольшую угрозу: пролив между островом Самос и побережьем Малой Азии и мыс Малей на крайней оконечности Пелопоннеса, где сталкивались разные ветры, вызывая бурное течение. Ветры, в сочетании с солнцем и морем, создавали на островах климат более благоприятный, чем на материке, где путь ветрам преграждали горы.

В Риме ветры и их влияние специально изучались, дабы использовать их на благо землепашества и выращивания плодов. Римские агрономы не ограничивались характеристикой ветров и их направлений, но предлагали земледельцам календарь ветров по месяцам и даже дням.

Реки. Моря круга земель принимали в себя пресную воду рек. На судоходных реках или близ них располагались такие крупные центры цивилизации, как Тартесс, Карфаген, Массалия, Рим, Александрия, Антиохия, и множество менее значительных — Ольвия, Танаис, Фазис, Спина, Эмпорион.

Самой крупной рекой, втекающей во Внутреннее море, был «кормилец Египта» (и не только его) *Нил*. В древности много писали о Ниле и о его загадках, которые до конца не могли разгадать. О крупных реках Запада обитатели Восточного Средиземноморья долго имели превратное представление: реки *Пад* (По) и *Родан* (Рона) поначалу сливались в их воображении в одну сказочную реку Эридан, по которой везли с северного побережья янтарь. Рано стала известна река *Истр, или Данувий* (Дунай), но откуда она течет — точно не знали. Даже в V в. до н. э. греческий историк Геродот, писавший, что Истр берет начало в землях кельтов, отнес местоположение истоков великой реки к окрестностям «города Пирены». Он спутал кельтов, живших к северу от Альп, с кельтами, обитавшими в его время на Пиренеях.

Еще более расплывчаты, особенно в полисную эпоху греческой истории, представления о других реках, впадавших в Понт Эвксинский — о *Тирасе* (Днестре), *Борисфене* (Днепре), *Гипанисе* (как Буге, так и Кубани), *Танаисе* (Доне), *Фасисе* (Рионе). Греки знали о существовании порогов на Борисфене, близ которых хоронили скифских царей. Фасис считался золотоносным, и с ним связывали миф об аргонавтах и золотом руне.

Реки Греции *Алфей, Эврот, Пеней, Ахелой* были узки, несудоходны и сильно мелели летом. Они не связывали между собой различные области Эллады. Фракию, примыкавшую с севера к Греции, пересекал полноводный *Стримон*. Самой протяженной рекой западной части Малой Азии, заселенной в античную эпоху первоначально лидийцами, а затем греками, был извилистый *Меандр*, давший название распространенному орнаменту. Длиной, но не полноводностью, ему уступали реки *Каик*, *Симоент*, *Герм* и *Пактол*. В Испании, именуемой греками Иберией, был известен *Ибер* (Эбро), деливший полуостров на северную и южную части. Из рек, текущих на юг и впадающих в Океан близ пролива, знали *Бетис* (Гвадалквивир).

Судоходными реками изобиловала и примыкающая к Средиземному морю обширная область, населенная в древности племенами кельтов. По словам древнего географа Страбона, ее «русла рек так удобно расположены от природы по отношению друг к другу, что товары можно перевозить из одного моря в другое». Под «другим морем» Страбон имел в виду Атлантический океан, куда было удобнее плыть по рекам, соединенным судоходными каналами, чем огибать обширный Пиренейский полуостров.

Горы. Крупные горные массивы (*Карпаты, Альпы, Пиренеи*) — это не только границы античной цивилизации, но и ее щиты, сдерживавшие вторжения из племенного мира. Долгое время о них знали очень мало и рассказывали всякие небылицы. Для Геродота «Карпис» и «Альпис» — это не горы, а две реки, хотя еще задолго до Геродота через эти «реки» не только проходили торговцы, но и прорывались целые народы.

Значительная часть полуостровов и островов Средиземноморья также была покрыта горами. Море и горы, создавшие неповторимый ландшафт Балканской Греции, определили формы политической и социальной жизни древних греков и обусловили образование множества автономных государств, порой размерами в небольшую долину. Большинство из них были связаны друг с другом не дорогами, а горными тропами. С ростом населения долины, пригодные для земледелия и скотоводства, уже не могли обеспечить его питанием. Это способствовало непрекращающимся миграциям и развитию торговли.

На греческом материке имелось лишь несколько значительных равнин — *Лаконика, Мессения и Фессалия* (самая крупная из них), где можно было разводить табуны коней и заниматься земледелием. Своего зерна материковым грекам не хватало, и хлебом их обеспечивали Северное Причерноморье (после его колонизации) и Еги-

пет. В Италии на долю равнин, долин и низменностей приходилась пятая часть территории, так что и здесь население хлебом не обеспечивалось. Но поблизости лежала хлебородная Сицилия, а с развитием мореходства можно было закупать хлеб в Африке и Египте.

Горы определяли климатические особенности различных частей средиземноморской суши. Так, путнику, покинувшему южную часть Пелопоннеса (*Лаконику*) и оказавшемуся через полдня пути в северной части того же полуострова, *Арголиде*, могло бы показаться, что он прибыл в Африку, ибо Лаконика — это долина, замкнутая с востока и запада горами, а Арголида ограничена грядой гор с запада и открыта морю и палящему солнцу. То же самое может быть сказано и о климате отдельных частей Италии, разделенных Апеннинскими горами.

Горы обеспечивали обитателей Средиземноморья строительными материалами и ценными породами камня, без которых непредставимы эгейская, а затем греческая, карфагенская, этрусская и римская архитектура и скульптура. Остров *Мелос* был богат вулканическим стеклом обсидианом, широко использовавшимся в эпоху неолита и раннего металла для изготовления орудий производства и оружия. Аттический *Пентеликон* и впоследствии остров *Парос* поставляли великолепный мрамор. В Италии мрамор давало *Карарское* месторождение в Этрурии близ города Луна, но оно стало известно сравнительно поздно.

Используемые обитателями Средиземноморья металлы также добывались в горах. Горы *Лавриона* на крайней оконечности Аттики обеспечивали серебром пока не были истощены; в горах Эвбеи и Кипра находились залежи медной руды, как и в горах Этрурии и Сардинии в Центральном Средиземноморье. Славились рудники Тайгета (Пелопоннес) и Тавра (Малая Азия). На о. *Эфалия* (римск. *Ильва*, совр. Эльба) имелись месторождения железа.

Склоны гор создавали также возможности для развития товарного скотоводства — на них выгоняли скот во время летней жары.

Спутники и кормильцы. Каждый из регионов, ставших местом формирования цивилизаций, имел собственное лицо, определявшееся не только природной средой, но и обусловленным ею растительным миром. Это понимали его древние исследователи-ботаники, относившие северное побережье Понта Эвксинского к иной растительной зоне и ею не занимавшиеся, равно как и растительностью тропических зон Африки и Азии.

Вместе с людьми, осваивавшими круг земель, передвигались растения, окультуренные около одиннадцать тысяч лет назад на Ближнем Востоке в области, известной под названием «плодород-

ный полумесяц». Из злаковых спутниками и кормильцами греков были ячмень, полба и пшеница, к которым присоединились бобовые — чечевица и горох. Иных злаков (кроме риса, разводившегося в Египте в III—II вв. до н. э. на небольших площадях) до римского завоевания греки не знали. Овес считался сорняком, просо — пищей варваров. Ячменное зерно (возможно, как вошедшее в употребление раньше других) шло в жертву богам, из ячменных колосьев плели венки для украшения культовых изображений богини земледелия Деметры. Также и карфагеняне знали только пшеницу и ячмень. С рожью они познакомились лишь тогда, когда Ганнибал перешел Альпы и увидел в поселениях тауринов черный (ржаной) хлеб.

Соперником пива, приготавливавшегося из зерен злаковых культур, стало вино. Виноградная лоза, культивировавшаяся финикийцами, греками, этрусками, а затем и римлянами, «обжила» все средиземноморское побережье и, выйдя за его пределы, распространилась по внутренним областям Испании, Галлии, Германии и Британии. Не столь триумфальным было шествие теплолюбивой маслины, но в круге земель она стала царицей, заменив его обитателям животные жиры. Незнание и неупотребление оливкового масла считалось таким же верным признаком варварства, как ношение штанов. Воспринимаемая как дар богов, олива стала священным деревом. Из ветвей дикой оливы в Олимпии плели венки победителям. Кроме оливковых деревьев греки с древнейшей поры выращивали смоковницу (фиговое дерево) и гранат. Зерна граната считались угодными Афродите — богине любви восточного происхождения.

По мере расширения культурных контактов расширялся и круг культурных растений. Из Малой Азии в I в. до н. э. пришла черешня, названная так по городу Керасунту; из Армении и из Персии — персиковое дерево, распространившееся вплоть до Галлии. Некоторые высоко ценимые в древности культурные растения в новое время бесследно исчезли, в частности сильфий, росший на северном побережье Африки и близких к нему островах.

Многие из ныне распространенных в Средиземноморье растений в античности не были известны. Античные люди обходились без кукурузы, картофеля, табака, подсолнечника.

Фауна. Во II—I тысячелетиях в Средиземноморье не было неизвестных ныне обитателей диких лесов и пустынь, но животный мир был богаче современного. Вплоть до V в. до н. э. на Балканском полуострове водились львы. Они же населяли полупустынные области в таком количестве, что говорили об осаде городов их стаями

и о распятии львов (для отпугивания) на крестах, как беглых рабов. В горах Испании еще паслись дикие лошади. На севере Италии можно было охотиться на лося.

Изменение фауны во многом было связано с деятельностью людей. Животному миру Северной Африки огромный ущерб нанесла охота и использование диких зверей в зрелищах на аренах амфитеатров.

Неизмеримо богаче, чем ныне, были моря круга земель. Ценными породами рыбы снабжала обитателей Средиземноморья *Меотида* (Азовское море). В ходе раскопок древних городов Крыма выявлены огромные рыбозасолочные цистерны, которые в наше время не заполнить никакими усилиями рыбаков. Рыбная пища занимала в рационе древних обитателей Средиземноморья большее место, чем у современных народов, и это также связано с осушением болот и обмелением рек.

Изменения природной среды. На протяжении тысячелетий под влиянием естественных процессов или под воздействием человека изменяется природная среда. Без учета этих изменений картина развития цивилизаций была бы неполной. Такие не зависящие от людей природные явления, как катастрофические наводнения, засухи, гигантские землетрясения, не говоря уже о находящихся за хронологическими рамками истории античности оледенениях, оказывали на жизнь человека порою решающее воздействие. И античные ученые это понимали, выделяя крупные периоды истории человечества по катастрофам, названным именами мифических царей Огига и Девкалиона. Разумеется, у нас имеются более точные представления об этих катастрофах, поскольку мы опираемся на достижения геологии — науки, древним практически неизвестной. Возможно, одна из таких катастроф повлияла в XIII—XII вв. до н. э. на формирование античной цивилизации, вытолкнув из степей и лесов Северной Европы их обитателей, которые, двинувшись на юг, смели на своем пути тысячелетнюю эгейскую культуру.

Резкие климатические изменения приходятся примерно на 400 год до н. э. Климат становится более влажным. Низины заболачиваются или вовсе покрываются водами. Поднимается уровень вод, порой весьма значительно (так, в озерах Швейцарии на 10 м). Для обитателей Центральной Европы это имело катастрофические последствия. Разливаются Сена, Рейн, Эльба и другие реки. Племена, населявшие их берега, лихорадочно ищут новых мест для поселения в засушливых районах Средиземноморья, для которых увеличение влажности было величайшим благом. Именно к этому времени относится вторжение кельтов в Италию. В дальнейшем в

Центральной Европе происходит постепенное понижение температуры. Климат становится более сухим.

Уже в античную эпоху деятельность человека начала оказывать влияние на среду его обитания. Для расширения сельскохозяйственных угодий, для нужд строительства, судостроения и металлургии беспощадно истреблялись леса. В Средней Италии еще в IV в. до н. э. существовали лесные массивы, считавшиеся непроходимыми. После того как они были вырублены, начались катастрофические наводнения. У римлян даже возник план переброски рек в другие русла, к счастью, оставшийся неосуществленным. Эллада же в ту эпоху стала вообще безлесной страной. Воздействие античной цивилизации на природную среду, разумеется, несопоставимо с тем, что происходит в наши дни, но негативные тенденции сказывались и тогда.

Открытие ойкумены. Во времена Гомера, автора книги странствий «Одиссеи», географический кругозор был так же узок, как представления о мире в целом. Границей земной поверхности считался Океан, мыслившийся узким потоком — отцом всех морей, рек и источников. Видимо, эти представления восходят к вавилонской карте мира, на которой континенты омываются горькой рекой Марату. За Океаном греки времен Гомера мыслили царство мертвых, у входа в которое помещали острова Блаженных, обиталище душ, избавленных от царства Аида. О Внутреннем море, его побережье и островах в те времена не было ясных представлений. Страны к западу и северу от Эгеиды заселялись чудовищами, и герои «Одиссеи», высадившись в Сицилии, не заметили Этны, видной с далекого расстояния.

В VIII в., с началом колонизации, географические представления греков расширяются. Более поздний эпический поэт Гесиод уже знает об Этне и конфигурации Италии. После основания греческих колоний на юге Италии и в Сицилии начинаются плавания греков к овеянному мифами океану. Однако их выходу туда препятствуют финикийские колонисты, извлекавшие выгоды из океанской торговли и обосновавшиеся, как свидетельствует археология, на островке близ выхода в океан в том же VIII в. (сведения античной традиции об основании финикийской колонии Гадес в XII в. не подтверждаются).

Около того же времени по поручению египетского фараона Нехо финикийские моряки оплыли Африку, отправившись через Красное море и вернувшись назад через Внутреннее. Их рассказ о том, что, двигаясь в западном направлении, они видели солнце с правой стороны, встретил недоверие современников, которые сочли все путешествие вымыслом (ныне же эта деталь, свидетельствующая о

пересечении экватора, рассматривается как подтверждение реальности плавания).

В 631 г. был занесен в океан бурей мореплаватель Колей с острова Самоса. Так греки узнали о сказочно богатом городе Тартессе, находившемся на реке Бетис, впадавшей в океан за проливом. В 600 г. на средиземноморском побережье страны кельтов была основана Массалия (ныне Марсель), колония другого ионийского полиса — Фокеи.

Все это позволило к середине VI в. милетскому ученому Анаксимандру нанести на медную доску схему мира в виде трех материков, омываемых океаном. Впоследствии, пользуясь этой первой греческой картой, другой милетянин, Гекатей, составил описание побережья, образованного тремя материками Внутреннего моря с его мысами, реками, городами и населяющими их народами.

Тогда же по поручению персидского царя Дария ученый и мореплаватель кариец Скиллак обогнул Аравийский полуостров и, очевидно, достиг Индии, двигаясь вдоль северного берега Индийского океана. Его труд не сохранился. Однако знания о северных берегах Индийского океана у персов и греков остались.

В годы царствования того же Дария, объявившего войну карфагенянам под предлогом поедания ими собак (для персов — священных животных), карфагенянин Ганнон совершил плавание вдоль океанского побережья Ливии с целью вывода туда карфагенских колоний. Карфагенские корабли проделали от выхода в океан на юг такое же расстояние, какое отделяло пролив от Карфагена. Сохранилось в греческом переводе его описание земель вплоть до реки Нигер.

Другой карфагенянин, Гимилькон, исследовал океанское побережье Европы вплоть до Балтийского моря и, возможно, судя по описанию пространства, заросшего водорослями и кишащего морскими чудовищами, заплывал и в западные воды, которые впоследствии были названы Колумбом Саргассовым морем, или Морем водорослей.

Скорее всего, на это же время приходится выход в океан этрусков, которые попытались обосноваться на небольшом островке близ побережья Южной Африки. Но этому решительно воспрепятствовали их союзники карфагеняне, не желавшие иметь так близко торговых конкурентов. Неизвестно, к тому же или более позднему времени относятся сведения о плавании некоего Медакрита, доставившего олово с Оловянных островов, местонахождение которых в современной науке вызывает споры.

В трудах греческих географов сохранились сведения о плавании на север Европы в конце IV в. Пифея из Массалии. Он первый донес до современников название Претанские острова (возможно, те, которые ранее были им известны как Оловянные). Ирландия фигурирует в его описании в виде большого, расположенного вдоль северного побере-

жья Претании, острова, длина которого превосходит ширину. С особенным недоверием отнеслись греки к его рассказам о крайней земле Туле, лежащей на расстоянии шести дней пути от Претании и в дне пути от Ледяного моря, недоступного ни для людей, ни для кораблей, возможно, потому, что море это в его описании вставало как колеблющееся в воздухе морское легкое — смесь земли, моря и воздуха.

Как ни странно, созданный примерно в это же время фантазией Платона затонувший материк Атлантида вызывал больше доверия, чем правдивый рассказ Пифея, и лишь самый разумный из учеников Платона Аристотель не сомневался, что Атлантида выдумана Платоном и им же погружена на морское дно.

В те же годы, когда на север совершал свое великое путешествие Пифей, на восток вел фаланги ученик Аристотеля Александр Македонский. Поход, целью которого было завоевание ойкумены, имел своим побочным результатом необычайное расширение сведений греков о странах, лежащих за пределами хорошо им известной Месопотамии и за Каспийскими воротами вплоть до Индии. Описания, оставленные его полководцами Птолемеем (будущим царем Египта) и Неархом, проведшим македонские корабли от устья Инда до Вавилона, не сохранились, но содержащимися там сведениями воспользовались более поздние авторы.

Поколение спустя после похода Александра детальное описание природы Индии и быта ее населения составил Мегасфен, в течение года живший в качестве посла при дворе индийского царя Ашоки.

В III в. до н. э. географические сведения были систематизированы великим географом эллинистической эпохи Эратосфеном, а более чем два века спустя в сочинении «Об Океане» изложил историю Земли философ, историк и географ Посидоний, попытавшийся философски осмыслить взаимосвязь различных явлений в жизни Земли и населяющих ее народов. Из написанного Эратосфеном ничего не сохранилось, а от географического труда Посидония дошли лишь незначительные фрагменты, но их сочинения были широко использованы в последующей географической литературе.

В отличие от Александра Македонского его римский подражатель Гай Юлий Цезарь не поручал никому составления истории своих завоеваний, а изложил ее сам. Его «Записки о галльской войне» наряду с чисто военной темой содержат богатый этнографический и географический материал. И если в описании народов Галлии и Германии Цезарь не менее тенденциозен, чем в изображении собственных подвигов, то географический фон, на котором разворачиваются события, в научном отношении безупречен по своей точности и наблюдательности, словно целью этого труда было стать пособием для будущих географов.

Все, что было известно грекам и римлянам до конца I в. до н. э., обобщил историк, географ и философ Страбон в своей фундаментальной «Географии», ставшей одним из основных наших источников по античной географии. В середине I в. н. э. появилась «География» Помпония Мелы, в которой перечислены страны, лежащие вокруг Средиземного моря. Но произведение это не представляет для нас интереса, поскольку здесь отсутствует даже упоминание о странах Европы и Азии, отстоящих от побережья; вошедшие же в кругозор автора даны слишком схематично.

Ко второй половине того же столетия относится первый из дошедших до нас энциклопедических трудов древности — «Естественная история» Плиния Старшего, однако географические главы этого грандиозного труда — не более чем инвентаризация «имущества римского народа» в соответствии с введенной Августом административной системой деления земель. Тем не менее из них встает ясная картина географии ранней империи.

Век спустя греком Аппианом было дано изложение истории Рима по территориальному принципу, предусматривающему полную (хотя порой и содержащую географические неточности) информацию о каждой из римских провинций, начиная с ее присоединения к Риму и предшествовавшего этому присоединению сопротивления.

Исключительное значение имеют созданные во II в. н. э. географические труды Клавдия Птолемея, который был не только астрономом. В его «Руководстве по географии» приведено до восьми тысяч географических пунктов с точным указанием их долготы и широты, а созданная ученым карта охватывает пространство от Исландии и Канарских островов до Китая и Индийского океана.

Начиная с эллинистической эпохи, карты, в соответствии с возрастающей необходимостью их практического применения, приобретают все большее распространение; недаром до нас дошло кроме полной птолемеевской карты более тридцати частичных ее воспроизведений. Пользовались картами и римляне. Известно, что по инициативе Агриппы, сподвижника императора Августа, в одном из центральных портиков Рима была выставлена карта римского мира (ее подробное описание приводит Плиний Старший). Такие же карты выставлялись и в других городах империи (из речи оратора Эвмена мы знаем, что карта мира украшала в галльской провинции портик Августодуна).

О сузившемся кругозоре римлян кризисного III в. н. э. мы можем судить по рассчитанному на весьма убогий уровень своеобразному учебному пособию — «Памятной книжице» Ампелия, составленной для одного из солдатских императоров, изъявившего, по словам Ампелия, «желание все знать».

Литературную традицию дополняет исключительно интересный документ — карта дорог II или III в. н. э., получившая название Певтингерианской таблицы по имени Певтингера, приобретшего средневековую копию этой карты. На склеенном из двенадцати пергаментных листов свитке, одиннадцать из которых сохранились, разворачивалась сеть дорог, охвативших весь известный римлянам мир — от Атлантического океана до Индии — с указанием станций и расстояний от милевого столба, высившегося на римском Форуме.

Сведения античных авторов изучаются обычно в сопоставлении с современной картиной физической географии. Большей частью физическая географии древности и современности совпадает, но порой выявляются значительные различия, что связано с изменением береговой линии морей, режима отдельных рек, вырубкой лесов.

Глава 6
«ТЕМНЫЕ ВЕКА» И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ (XI—IX ВВ. ДО Н. Э.)

История разумных обитателей планеты Земля непредставима без землетрясений, извержений вулканов, губительных засух, опустошительных наводнений, падения гигантских метеоритов и других катаклизмов, время от времени дающих о себе знать. Непременной частью истории являются и ложащиеся на плечи человечества бедствия иного рода — массовые переселения, напоминающие паническое бегство смертельно перепуганных животных. Народы покидают места своего первоначально обитания и, уничтожая все на своем пути, куда-то неудержимо рвутся, за считанные десятилетия до неузнаваемости изменяя облик обитаемого мира. В результате такого поистине великого переселения народов на руинах уничтоженных городов и заброшенных полей возникла античная цивилизация.

Ураган, сдвинувший многочисленные народы с места первоначального обитания и разбросавший их по лику земли, как сорванные с деревьев листья, оставив после себя развалины бесчисленных городов, в конечном счете породил в западной части Средиземноморского мира новую, античную цивилизацию. После крушения микенских дворцовых центров с их высокой культурой эгейский мир погружается в столетия, которые принято называть «темными веками». В почти непроницаемом мраке совершалась незримая работа по разрушению всего созданного за предшествующие тысячелетия бронзового века, чтобы проклюнулись ростки пришедшего им на смену античного мира.

Народы моря. О народах, обрушившихся на Египет в XIII—XII вв., сообщают древнеегипетские тексты на стенах погребального храма фараона Рамзеса III в Мединет-Хабу, в которых они на-

званы «народами моря с Севера». Среди них мы находим уже упоминавшихся выше пеласгов, а также народы дануна (гомеровские данайцы), акаиваша (гомеровские ахейцы), текра (тевкры), шардана (сарды), шекелша (сикелы). Все эти народы изображены на рельефах с характерным для них вооружением в сцене морского боя. Таким образом, в XIII—XII вв. едва ли не все обитатели Балканского полуострова, эгейского побережья Малой Азии и островов снялись со своих мест и двинулись в поисках новых районов обитания. То, что в памяти сказителей было грандиозным предприятием, направленным против одного города (Трои) и его малоазийских союзников, оказалось вынужденным передвижением народов, подобным тому, какое пережил в конце IV—первой половине V в. круг земель, находившихся под властью Рима.

Филистимляне. Египетские тексты и рисунки сохранили сведения о народах, выброшенных с мест первоначального поселения и пытавшихся обосноваться в дельте Нила. После того, как нашествие было остановлено, они исчезают из поля зрения египтян. Но один из этих народов появляется на соседней с Египтом территории, занимая южную часть прибрежной полосы страны, которая в древности называлась Ханаан. Это пеласги, которые в египетских текстах, опускающих гласные, фигурируют как ПЛСТ, а в Библии названы филистимлянами. От их племенного имени происходит принятое до сих пор обозначение этой территории — Палестина.

Благодаря столкновениям с Израилем нам известна история этих переселенцев, тогда как о путях переселения других «народов моря», участвовавших вместе с филистимлянами в нападении на Египет, практически почти ничего не известно, включая и тех, которые впоследствии оказались на Западе, в местах микенской колонизации и оставили свои имена в названиях островов Сардиния (от шарданов), Сицилия (греч. Сикелия — от сикелов). Согласно библейским текстам, филистимляне основали на побережье пять городов, из них Газа до сих пор носит древнее название. В отличие от израильтян с развивающимся у них монотеизмом филистимляне почитали многих богов, среди которых главным был, скорее всего, Дагон, как можно думать на основании библейского рассказа о плененном и приведенном в храм Дагона богатыре Самсоне (видимо, божество с тем же именем — Таг почитали и турша (еще один народ моря, известный грекам как тиррены, римлянам — как туски или этруски).

В ходе раскопок филистимских поселений, подчас затрудняемых тем, что над ними выросли современные кварталы, стала ясна бли-

ность культуры филистимлян и микенцев. Найдено много привозных микенских сосудов, дающих возможность датировать начало поселений филистимлян. Да и филистимская керамика близка к микенской по своим формам и декору.

Филистимлянин, Египетский рельеф

Филистимляне превосходили своих соседей вооружением. Это явствует из библейского описания схватки пастушка Давида, будущего царя, вооруженного пращей, с защищенным доспехами филистимским богатырем Голиафом. Раскопки показали существование, кроме пяти городов, других, более мелких поселений филистимлян, основанных в начале железного века. Пришельцы хоронили покойников в каменных саркофагах в форме человеческого тела. Части, предназначенной для головы, придавался вид лица покойника. Эти лица близки к микенским золотым маскам, а головные уборы на них напоминают изображения «народов моря» на рельефах из Мединет-Хабу.

Пришельцы с севера. Не менее массовым было передвижение племен, захватившее Балканы. Оно не отразилось в источниках с такой четкостью, как события, разворачивавшиеся на Востоке, и лишь некоторые из греческих преданий сохранили отголосок исторической реальности. К числу таких преданий относится изложенная в V в. до н. э. историком Геродотом и драматургом Еврипидом легенда о возвращении Гераклидов, которая может быть соотнесена с гипотезой о великом переселении народов.

Согласно этой легенде, Гераклиды, удалившиеся после смерти Геракла на север и ставшие там вождями трех племен дорийцев, возвращаются три поколения спустя в Пелопоннес, овладевают им и делят по жребию его области Аргос, Лаконику и Мессению. Каких-либо данных о разрушении микенских центров миф не содержит, но руины Микен, Тиринфа, Пилоса и других древних городов говорят сами за себя, и помимо этого имеются намеки на вторжение в царском архиве Пилоса.

Скорее всего, за мифом о возвращении Гераклидов стоит новая волна переселения индоевропейцев, носителей обширной группы индоевропейских языков, к числу которых относятся многие современные языки — славянские, германские, балтийские, иранские, армянский.

Индоевропейцы вторгались в Средиземноморье волнами. Предшественниками ахейцев, создателей микенской культуры, были пеласги. Помимо сведений о переселении их части на восточное побережье Средиземноморья, имеется предание о переселении пеласгов в Италию.

Последняя крупная волна индоевропеизации Средиземноморья на Западе оставила более отчетливые археологические следы, чем на Востоке. Это культура «полей погребальных урн», выявленная в Восточной Германии, Австрии и Венгрии, Прирейнской Галлии, Северной Испании, в Италии вплоть до ее южной части. Народы, населявшие эти территории, кремировали своих покойников и хоронили их в урнах, тесно прилегающих друг к другу. Появление этих народов на Западе синхронно таким событиям на Востоке, как разрушение хеттской державы, гибель Трои и вторжение «народов моря» в Египет.

Словарные данные древних языков, сохранившиеся в древних текстах, позволяют восстановить среду обитания индоевропейцев на их предполагаемой прародине, их занятия, быт, общественное устройство, семейные отношения, религию и мифологию, право. С помощью параллельного рассмотрения пространных, наиболее древних текстов, например, на языке древних индийцев санскрите, и религиозных формул на языках древнейших индоевропейских обитателей Италии удается раскрыть многие загадки их общественной жизни и религии.

Параллельное рассмотрение индоевропейских языков «круга земель» и языков индоевропейцев других регионов позволяет выяснить влияние новой природной и этнической среды обитания индоевропейцев. Чтобы было ясно, о чем идет речь, воспользуемся более близкими нам примерами. Сравнивая два славянских языка — русский и польский — по их памятникам письменности XVI—XVII вв., мы обнаруживаем в русском языке мощный слой слов, отсутствующих в польском, но наличествующих в татарском. Таково влияние общения русских и татар в столетия татарского завоевания, которого поляки и другие западные славяне избежали. Таким же образом можно собрать в греческом и латинском языках слова, которыми обогатились эти языки после переселения в Средиземноморье. Однако эта задача неизмеримо более сложная, чем та, которая предложена в примере «русский—польский —татарский». Ведь русский и польский — близкородственные индоевропейские языки, а среди индоевропейских языков много таких, которые, являясь по грамматическим показателям индоевропейскими, сильно различаются по словарному запасу. Например, обитавшие по соседству на Апеннинском полуострове латины и самниты употреб-

дали для обозначения воды два разных слова: первые — «аква», вторые — «утор», и можно было подумать, что самниты — не индоевропейцы, если бы мы не знали, что и греки обозначали воду словом «юдор».

Возьмем еще один пример такого рода. Допустим, мы находим во многих индоевропейских языках имеющее общее происхождение слово «Бог» (латинское «deus», литовское «dievas», греческое «theos», славянское «диво»); поскольку слово «титан» (противник бога согласно известному мифу) может показаться нам «неиндоевропейским», мы уже готовы допустить, что миф о борьбе богов и титанов отражает столкновение верований индоевропейцев и их предшественников. Но оказывается, что слово «титан» — также индоевропейское (оно звучит в имени римлян «Тит») и наша гипотеза ошибочна. Титаны тоже были богами индоевропейского населения, возможно, богами пеласгов, изгнанных греками с Балканского полуострова. Миф о битве богов с титанами, таким образом, отражает победу новых богов над старыми, но отнюдь не индоевропейцев над неиндоевропейцами. К этому можно добавить, что лишь исследования XIX—XX вв. выявили принадлежность ряда мертвых языков Средиземноморья и Азии к кругу индоевропейских. Греки и римляне, даже те, что занимались языковедением в научном плане, не имели об этом никакого представления. Лидийцы, карийцы, фракийцы, скифы, иранцы были для греков «варварами», хотя, как мы теперь знаем, приходились им братьями по языку. Правда, не родными, а двоюродными и троюродными.

Ионийское и эолийское переселение. Уже в XI—X вв. из Пелопоннеса и какого-то (точно не установленного) района Аттики на острова Эгейского моря и в Малую Азию переселились *ионийцы*, покинув под давлением дорийцев свои земли. В течение нескольких столетий они основали двенадцать городов (Милет, Самос, Фокея, Эфес, Теос и др.), образовав союз, названный Ионийским. Центром союза стала священная роща на северном склоне мыса Микале. Здесь функционировал главный орган союза — собрание представителей городов. Здесь же поблизости, в Дидиме, находилось общее святилище Посейдона.

В великом переселении участвовали и близкие родственники дорийцев — фессалийцы и беотийцы. Смешавшись с ахейцами, они составили основу особой греческой группы племен — *эолийцев*.

Ионийцы и эолийцы застали на островах и побережье Малой Азии негреческое население. Так, на Самосе ионийцы смешались с первоначально заселявшими остров лелегами. На Лемносе, согласно Гомеру, первоначально обитало фракийское племя синтиев, бо-

лее поздние авторы называют жителей этого острова тирренами и пеласгами. Сохранились их погребальные надписи на языке, близком к этрусскому.

Каждое из этих греческих племен возводило свое происхождение к вымышленному предку: ионийцы — к Иону, эолийцы — к Эолу (не путать с Эолом, повелителем ветров). У каждого племени сложился свой диалект. Гомеровский эпос был создан на смешанном эолийско-ионийском диалекте.

Диомед, Тевкр, Тиррен и др. Переселения народов XI—X вв. отражены в легендах о перемещениях героев. Так, победитель Фив Диомед, доблестно сражавшийся под Троей, будто бы отправился на юг Италии в Апулию. Став гостем племени, царем которого был Давн, Диомед женился на его дочери и, унаследовав царство, основал в Италии несколько городов и святилищ. Согласно преданию, Диомед умер на одном из островков Адриатического моря, а его спутники превратились в огромных птиц, встречавших эллинских переселенцев радостным криком и хлопаньем белых крыльев. В отличие от Диомеда, Тевкра, лучшего стрелка из лука в войске, осаждающем Трою, потянуло с острова Саламин на юг, на остров Кипр, где он основал город с тем же названием.

Со своих мест обитания сдвинулись не только жители Балканского полуострова и прилегающих к нему островов, но и некоторые народы Малой Азии. Один из этих народов неизвестен Гомеру, поскольку ко времени создания эпоса он уже прочно обосновался в Италии; но его хорошо знают греческие поэты и историки VII—V вв. Это тирсены (тиррены), или этруски, сами себя называвшие расенами.

Гесиод первым упомянул тирсенов как обитателей «священных островов», не указывая их названия. Настолько ли были ограничены географические познания греческого поэта, что он и Италию считал островом? Скорее всего, нет. И под «священными островами» он, очевидно, разумел находящиеся к западу от Италии острова Сардинию и Корсику. Ведь и позднее географ Страбон сохранил сведения о тирренах как обитателях Сардинии. О том, как и когда оказались тиррены на Западе, сообщает Геродот: «В царствование Атиса, сына Мана, была большая нужда в хлебе во всей Лидии. Вначале лидяне терпеливо сносили голод, потом царь ... разделил весь народ на две части и бросил жребий, с тем, чтобы одной из них остаться на родине, а другой выселиться. Царем той части, которая осталась на месте, он назначил самого себя, а над выселившимися поставил своего сына Тиррена. Те из них, которым выпал жребий выселиться, направились в Смирну, соорудили там суда, положи-

ли в них все необходимое и отплыли отыскивать себе пропитание и местожительство. Миновав многие народы, они прибыли наконец к омбрикам [умбрам], где основали города и живут до настоящего времени. Вместо лидян они стали называться по имени того царя, который их заставил выселиться, тирренами».

Информаторами Геродота, скорее всего, были сами тиррены, с которыми он мог встречаться, находясь в Южной Италии как колонист основанной Афинами колонии, и это лучше всего объясняет и фольклорные элементы рассказа, и его неточности. Переселение не могло происходить из Лидии, поскольку это более позднее название прибрежной части Малой Азии, и народ, предками которого были этруски, не мог быть лидийцами. Но регион назван Геродотом правильно, и это подтверждается найденными на примыкающем к Малой Азии острове Лемносе надписями на языке, близком этрусскому, равно как сообщениями египетских источников.

Судя по археологическим данным, этруски появились в Италии в VIII в., а переселение тирренов на Запад Геродот датирует временем, следующим сразу за Троянской войной. Где же пребывали тиррены более трех столетий? На этот вопрос мы уже ответили — в Сардинии. Интересно, что главная река этого острова называлась Тирсус, а древнейший автор Гесиод называет его обитателей тирсенами. Также в официальном греческом тексте VI в. (договоре Сибариса) этруски названы по месту их обитания до переселения в Италию — сердаями.

В Умбрии, находившейся между реками Тибр и Арно, куда переправились из Сардинии тиррены-этруски, в городах жили также и пеласги, переселившиеся в Италию еще в середине II тысячелетия под давлением греков. Новые завоеватели были в меньшинстве. В их язык неиндоевропейского происхождения вошло много индоевропейских слов — следы их общения с пеласгами и умбрами.

Венеты, лигуры, иллирийцы. В «темные века» в Италию двинулись с суши многие народы, распространившиеся по восточному Адриатическому побережью Италии до самого его юга. Венеты заняли ту область, где ныне находится город Венеция. Их язык, судя по сохранившимся надписям, был родственен германским языкам. Венеты разводили коней в обильной лугами пойме долины реки Пада (По). О древнем имени этой реки доныне говорит название города Падуя.

Западными соседями венетов были лигуры, занимавшие до начала эпохи переселений бо́льшую часть Северной и часть Центральной Италии, а также владевшие побережьем Галлии. Согласно гре-

ческому мифу, в землях лигуров упала солнечная колесница Фаэтона, и из слез сестер юноши возник янтарь. Отнесение этой катастрофы к Лигурии связано с тем, что через нее проходила «янтарная дорога», идущая от побережья Балтики через Альпы и далее по реке По к Адриатическому морю. Балтийским янтарем пользовались еще обитатели микенских дворцов.

В ходе переселений «темных веков» Адриатическое побережье Италии и ее юг оказались занятыми иллирийскими племенами япигов, певкетов, давнов, мессапов, калабров, френтанов. Первоначально иллирийцы освоили территорию современных Югославии и Албании, что позволяет считать их дальними предками албанцев. Не исключено, что именно иллирийцы дали толчок движениям всех народов Восточного и Центрального Средиземноморья в XII—X вв.

Сикелы и элимы. Среди народов, участвовавших в нападении на Египет, были и сикелы. Сохранились предания, что они занимали в древности и Центральную Италию. Но достоверно известно лишь то, что сикелы в X в. жили на крайнем юге Италии. Оттуда они были вытеснены иллирийцами и переселились на остров, которому дали имя Сикелия (Сицилия). По своему языку и верованиям сикелы были близки к обитателям Лация — латинам.

К началу греческой колонизации Сицилии сикелы вытеснили с большей части острова неиндоевропейское население — сиканов. В западной части Сицилии в конце II тысячелетия оказался небольшой народ элимов, построивший города Сегесту, Энтеллу, Эрикс.

Троянское поветрие. Появление новых народов в Италии было частью обширного переселения, охватившего всю Европу, в том числе и Западное Средиземноморье. Повсеместно на территории Придунавья, Порейнья, на Пиренейском полуострове и в Италии возникают культуры, для которых типичны могильники без земляных насыпей и захоронение праха покойников в урнах и без урн в ямах. В Италии такой тип погребений характерен для мест проживания венетов, умбров, самнитов, выходцев из Европы, где продолжали обитать народы, называвшие себя «венетами», «омбронами», «элимами».

С тех пор, как жители Италии начинают знакомиться с поэмами Гомера, возникает нечто вроде эпидемии: все ищут предков в Трое. Венеты, отыскав у Гомера упоминание конелюбивых энетов, считают себя их потомками. Элимы также находят себе предка в Малой Азии — Элима, бежавшего от ахейцев вместе с героем Трои

Энеем, хотя, судя по их культуре, в них логичнее видеть выходцев из области Элимаида на севере Балканского полуострова, передвинувшихся на Запад в период великого переселения народов конца II тысячелетия. Троянцами называли себя и некие ливийцы, красившие тело суриком и стригшие волосы лишь на одной стороне головы. Поэтому не удивительно, что и жители многих древних городов Лация, в том числе и Рима, уже в VI в. считали основателями своих городов Энея и других троянских героев. Обнаружены статуэтки VI в. с изображением Энея, несущего на плечах отца своего Анхиза, и другие свидетельства раннего распространения троянского мифа.

Микробы «троянского поветрия» оказались очень живучими. Некоторые современные исследователи сочли троянцами и тирренов-этрусков — народ, не имевший к Трое никакого отношения и даже неизвестный Гомеру ни под этим, ни под иным названием. Такова, за неимением письменных свидетельств, сила мифа, склоняющая на свою сторону и науку. Письменные источники, если они и были, оказались уничтоженными вместе с дворцами и другими памятниками ахейской культуры в ходе опустошительного переселения народов.

Каждая болезнь имеет свои причины. Причиной «троянского поветрия», распространенного в Италии, стало честолюбие, присущее не только отдельным людям, но и целым народам, стремившимся обрести почетное родство и сделать свою историю более древней.

Результаты переселений. Результатом великого переселения народов было полное уничтожение всего того, что создали пеласги и ахейцы за два тысячелетия обитания на Балканском полуострове и островах Эгейского моря — городов и городской жизни, дворцовой государственной системы, письма и искусства. Города, расположенные на побережье Малой Азии, пострадали меньше балканских. В одном из них, впоследствии споривших о праве считаться родиной великого поэта, и жил Гомер, воспевший давно ушедший и великий мир древних царей и грозных воителей, искусных лекарей, храбрых открывателей дальних стран, всех людей далекого для него прошлого, чья судьба была им представлена как человеческая трагедия.

И пусть этот мир, как выясняется по мере археологических раскопок и прочтения древних текстов, мало походил на реальный, но Гомер был первым, кто зародил еще в глубокой древности интерес к этому миру. Пусть не было прекрасной Елены, из-за которой началась Троянская война, пусть Троя пала не после десятилетней осады и не была разрушена благодаря храбрости Ахилла и хитрос-

ти Одиссея, а уничтожена вторжением «народов моря», герои Гомера остаются вечными спутниками человечества.

Протополис. От времени, последовавшего за переселением народов не осталось источников, которые могли бы охарактеризовать эпоху с той же ясностью, как это можно было бы сделать, обладая памятниками письма и видными остатками материальной культуры. Однако выражение «темные века» не следует понимать как погружение в ничтожество. То, что рождалось в эти столетия, свидетельствовало о развитии, имеющем великие перспективы. Сельские общины, освободившись от контроля и эксплуатации дворца-спрута, развивались ускоренными темпами.

Приблизительно к 1050 г. на Балканах меняется погребальный обряд. Трупоположение так же, как в Италии и Галлии, заменяется кремацией, а сопутствующий погребальный инвентарь становится богаче и разнообразнее. Все больше и больше попадается оружия, и уже железного. Керамика этого времени более, чем какие-либо другие находки, свидетельствует о социальном расслоении в общинах, о формировании аристократической верхушки. Это крупные сосуды так называемого *протогеометрического* стиля — с затейливым чередованием полос и полукружий (1050 — 900 гг.). Ок. 900 г. он сменяется *геометрическим* стилем с хорошо разработанными сценами процессий и битв на море и суше. На острове Эвбее была обнаружена гробница того же типа, какой известен в Италии той же эпохи под названием «княжеские».

Одновременно появляются города ранее неизвестного Греции типа. Греческое слово «полис» так же, как русское «город» имело много значений. Оно могло означать ограду, куда скрывалось сельское население во время набегов (в смысле «городище»), и суверенный коллектив граждан, какими были города во времена историка V в. Фукидида, писавшего: «Ведь город — это люди, а не стены и не корабли без людей». Город IX в. до н. э., который может быть изучен на археологическом материале и с помощью созданных в те же времена поэм Гомера, находился на полпути от городища к полису, поэтому его называют *протополисом*.

Наиболее развитым был город Лефканди на острове Эвбее (названный по современной деревне, близ которой находится городище). Основан он был, скорее всего, ионийцами во времена их переселения на восток на месте поселения, существовавшего с бронзового века. Этот город, который на столетие древнее гомеровских поэм, был центром развитого ремесла, чему способствовала близость запасов железной руды и выгодное географическое положение у пролива, отделяющего Эвбею от материка. Из тех же мест, где находилась Авлида (согласно мифам, вынужденная стоянка

объединенного ахейского флота, двигавшегося на Трою), корабли совершали плавания с торговыми целями к берегам Сирии и Палестины, разнося весть, что Греция вступила в железный век.

Тот же процесс складывания протополисов происходит на территории Италии. Для ее раннего железного века характерна *культура Виллановы*, родственная среднеевропейской культуре «полей погребальных урн». Вместилищем пепла покойника была украшенная геометрическим орнаментом погребальная урна в форме сдвоенного конуса. На ранней фазе культуры Виллановы (X—IX вв.) погребальный инвентарь беден, изделия из металла — большая редкость. В VIII в. урны, как правило, сопровождаются изделиями из бронзы, так называемыми «бритвами» и ситулами (сосудами в виде небольшого ведерка), иногда урна приобретает вид модели хижины чаще всего круглой формы.

И тогда же появляются погребения курганного типа с богатым инвентарем — орудиями, предметами обихода и роскоши из бронзы и железа. Прежде их связывали с появлением пришельцев-этрусков. После открытия таких же богатых погребений к югу от мест расселения этрусков в Лации, стало ясно, что изменение в захоронениях связано с выделением в сельских общинах аристократической верхушки, сосредоточившей в своих руках богатство и власть.

Одновременно Италия покрывается сотнями городищ. Укрепленные поселения обозначались в латинском языке словом oppidum, дословно — «граница для ноги». Еще точнее, чем oppidum, характер этих первоначальных городов раскрывает термин castellum (крепость). Возникновение *города-крепости* отвечало потребностям общества в защите. Кастели возникали обычно на холмах с крутыми склонами, в наиболее удобных для защиты от нападения местах, часто возвышаясь над озером или рекой. Именно такого рода город-крепость на крутой скале, который мог быть защищен всего несколькими воинами, упоминается в греческом мифе о сицилийском царе Кокале. О расположении древнейших кастелей на холмах говорит и то, что названия многих из них состояли из соединения слова «Альба» (на каком-то из языков неиндоевропейского происхождения — «гора») и имени племени (например, Album Intemelium — крепость, убежище интемелов).

Крепости эти археологически засвидетельствованы для VIII в. и в Сицилии, и в Италии (на территории Лация). Кастелем первоначально был и Рим — крепость квадратной формы на холме Палатин в излучине Тибра. Его превращению в город способствовали расположение на дороге, ведущей к соляным варницам на побережье Тирренского моря, и заинстересованность в этой территории более развитых в социально-экономическом отношении этрусков.

Постепенно кастели, особенно те из них, которые были расположены на ведущих в глубь полуострова дорогах, принимая в свои стены выходцев из разных родов и племен, становились центрами ремесла и торговли. Это в немалой степени способствовало последующему перерастанию их в города полисного типа.

Источники. Переселение народов XIII—XII вв. — это цепь событий или процессов, встающих перед нами в перекрестном свете восточных и западных литературных источников, археологии и лингвистики. Основополагающими для его понимания являются египетские тексты — реляции, составленные от имени фараонов о победах над вторгшимися в дельту Нила народами, ранее обитавшими «на островах посреди моря». Документы из архивов хеттских царей выявили картину массового переселения на территорию Малой Азии ахейцев и ряда других народов. Греческая мифологическая традиция сохранила сведения о возвращении Гераклидов и «великом исходе» — перемещении обитателей Балканского полуострова на Восток и на Запад.

Археология дополняет картину бедствий остатками укреплений, имевших целью сдержать натиск пришельцев, а также следами пожарищ и разрушений некогда процветавших микенских центров. Но ее речь еще более невнятна, чем язык мифов. Ведь разрушения не всегда результат вторжения чужеземцев, но также землетрясений и внутренних войн. Однако присутствие в целом ряде поселений Северного Пелопоннеса, Эвбеи, Аттики в слоях, следующих за слоями разрушений, керамики, резко отличающейся от микенской по типу, не оставляет и тени сомнения в том, что Балканский полуостров вступал в новую эпоху исторического развития. Благодаря археологии становится также известен и главный плод «темных веков» — первоначальный полис (протополис, кастель).

Этрусский вопрос. Этруски занимают особое место в истории Италии. Это единственный из ее народов, которому до римлян удалось создать могущественную федерацию и на протяжении нескольких столетий противостоять на суше и на море натиску греческих колонистов. Этрусское общество было древнейшим классовым обществом Италии. Это определило характер отношений этрусков с соседями, жившими в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя. С этрусками связано не только начало государственности в Риме, но и начальный этап борьбы за господство в Италии, из которой Рим вышел победителем. Победители-римляне отдавали побежденным этрускам должное, не уставая повторять, что они им обязаны знаками высшей государственной власти, целым рядом строительных приемов и самим типом использовавшегося в строительстве кирпича, искусством гадания, цирковыми зрелищами и гладиаторскими боями, музыкальными инструментами, военной трубой, ростром и якорем. Современные исследователи могли бы к этому добавить распространение письма, развитие горного дела, металлообрабатывающего и керамического ремесел, осушение заболоченных местностей с помощью сложной системы каналов, основание ряда городов и связанных с ними элементов городской культуры, реалистический скульптурный портрет.

Наиболее очевидным было влияние этрусков в области архитектуры и градостроительства. Почти все, что соорудили этруски в Риме, римляне впоследствии определяли эпитетом «величайший». «Величайший» цирк был построен при Тарквиниях между Авентинским и Палатинским холмами (вмещая 60 000 зрителей, он мог бы поспорить с сооружениями зрелищного типа

наших дней). С помощью «величайшей» клоаки при этрусских царях в Риме была осушена и превращена в форум болотистая низина между Палатином и Капитолием. Храм этрусской триаде богов, возведенный на высоком цоколе на Капитолийском холме, римляне, правда, никогда не называли «величайшим», но именно он стал средоточием римской религиозной жизни, местом, куда поднимались завершить жертвоприношение римские полководцы и откуда начинались торжественные религиозные шествия.

Культурное влияние Этрурии чувствовалось долго еще после утраты ими влияния политического. Еще в конце IV в. до н. э. римляне обучали молодежь этрусскому языку, как впоследствии стали обучать греческому.

Таким образом, этрусское влияние нельзя сбросить со счета при изучении истории Италии. Поэтому и волнует науку вопрос о том, кто же такие этруски с их столь отличным от оставленных народов Италии строем, обычаями, языком. Автохтоны или пришельцы? К какой группе народов принадлежали? На каком языке говорили?

Выше упоминалось, что еще древние спорили об их происхождении. Преобладало мнение об их восточных корнях. В новое время поддержку нашли оба взгляда. Об автохтонности говорили и продолжают говорить в основном итальянские ученые.

В середине XVIII в. немецкими учеными была выдвинута еще одна теория, согласно которой этруски — завоеватели, пришедшие в Италию с севера. Теория эта опиралась на неправильно понятое место из Тита Ливия о заселивших альпийские области ретах как потомках этрусков и кажущуюся близость названия реты к самоназванию этрусков — расены. Сейчас об этой теории вспоминают как об одном из заблуждений, через которые прошла этрускология.

Отбросив общими усилиями нордическую теорию, ученые продолжали научный спор. В 20-е —начале 30-х гг. XX в. итальянские лингвисты стали рассматривать этрусков как островок древней средиземноморской расы, чудом уцелевшей от индоевропейского нашествия. В 40-х гг. возник еще один вариант автохтонной теории. Один из итальянских этрускологов, М. Паллоттино, предложил говорить не о происхождении этрусков, а об их формировании из местных племен. Он даже приписал им культуру железного века Италии (культуру Villanovы), на самом деле резко отличающуюся от этрусской культуры. Что касается явных восточных элементов, присутствующих в этрусской культуре, Паллотино объяснял их торговыми и культурными связями с греками.

Однако археология стала могучим противником теории автохтонности, ибо с автохтонностью этрусков невозможно согласовать внезапный расцвет культуры на территории, мало чем отличавшейся до VIII в. от соседних районов. Объяснение этому феномену можно найти лишь в появлении нового населения, принесшего более высокую культуру из района первоначального обитания.

Восточной теории придерживались такие видные исследователи, как русский ученый прошлого столетия В. И. Модестов, чешский ученый Б. Грозный; придерживается ее и большинство современных российских ученых. Можно проследить сходство целого ряда обычаев у населявших Малую Азию хеттов и сменивших их лидийцев, с одной стороны, и этрусков — с другой. Это практически один и тот же набор жертвенных животных, сходные модели гадательной печени на Востоке и у этрусков; близость к этрусским тумулусам недавно найденных погребальных холмов Лидии; характерная для этрусков двойная флейта, родина которой Лидия. Сторонники восточного происхождения обращают внимание и на этнический тип этрусков, запечатленный

Этрусские надгробья

в ряде надгробий, особенно часто встречающийся для ранних периодов. О преобладании среди этрусков восточного типа над европейским говорит и статистический анализ черепов. Можно отметить и то, что идеал красоты, обычно воплощаемый в облике богов, вплоть до VI в. до н. э. у этрусков явно восточный.

Но нельзя впадать и в другую крайность. Происхождение этрусской культуры — явление сложное, и в любом случае она является продуктом развития, а не механического заимствования. На развитие этрусской цивилизации должно было оказать влияние и население Сардинии, в которой, как уже говорилось выше, первоначально осели переселенцы, и население Италии, с которым смешались пришельцы.

Кто из современных ученых прав — те, кто выводит этрусков с Востока или те, кто считает их более древним слоем местного населения, мог бы решить язык. Но язык этрусков — это не меньшая загадка, чем проблема их происхождения. Вернее, обе эти проблемы взаимно переплетены, и ключ к их решению — в разгадке языка.

Этрусский язык был утрачен уже в древности. Последним человеком, его знавшим, был император Клавдий, живший в I в. н. э. Правда, были известны имена ряда этрусских богов и само слово «бог», а также названия месяцев.

Сравнение этрусских и римских эпитафий дало возможность добавить к этому скудному списку термины родства и некоторые слова, связанные с погребальным ритуалом: сын, год, возраст, жил, умер, могила и т п. Несколько слов было известно потому, что вошло в латинский язык: гистрион, цистерна, таверна, рея (antemna).

Дешифровка языка затрудняется как ограниченностью числа более или менее крупных связных текстов, так и рядом технических трудностей (привычка писать, не разделяя слов; употребление для передачи одного и того же звука то одной, то другой буквы, связанное с тем, что заимствованный у греков алфавит мало отвечал особенностям этрусской фонетики; заимствованная рядом писцов у семитских народов особенность пропуска гласных).

Попытки прочитать этрусские надписи начались с XV в. И поскольку неясен был даже общий характер языка, то поочередно выдвигались различные теории — семитского, кельтского, славянского, финского, армянского, албанского, даже берберского и шумерского происхождения и т. д. Один из современных ученых так резюмировал эти усилия: «Были тщетно испробованы почти все языки земного шара — от финского до коптского, от баскского до японского».

В течение XIX в. мало-помалу были отброшены все эти гипотезы, и большинство ученых стало склоняться в пользу индоевропейского характера языка. Начался поиск параллелей между языком этрусков и его ближайших ин-

доевропейских соседей — латинян и умбров. Были найдены некоторые общие термины родства, политические термины, совпадение отдельных имен. Однако у сторонников гипотезы об индоевропейском характере этрусского языка не было достаточного эпиграфического материала, да и сама методика не была совершенной, и первые попытки дешифровки на этой основе давали порой парадоксальные результаты. К 1940-м гг., когда сравнительный метод практически ничего не дал, стали объяснять наличие индоевропейских корней влиянием местных языков. Стало ясно, что этрусский язык сложный и, возможно, не имеет родственников в семье известных живых или мертвых языков.

Возникает так называемый «комбинаторный» метод. Его сторонники исходили из того, что существование языка, сходного с этрусским, невероятно, и что поэтому изучать и анализировать следует лишь те данные, которые можно извлечь непосредственно из этрусского материала, а проникать в смысл языка нужно на основе привлечения всех данных, касающихся каждой конкретной надписи. Комбинаторный метод принес свои плоды. Он позволил расшифровать многие короткие тексты, чаще эпитафии, разобраться в терминах родства, социальном положении, установить ряд чисел первого десятка (по поводу части которых, впрочем, до сих пор идут споры). В конечном итоге около трех десятков слов стало более или менее понятно.

По существу, этрускология обязана комбинаторному методу всем тем, что было открыто в сфере языка до 60-х гг. Именно его применение позволило установить окончания женского рода и множественного числа, формы просительного падежа, ряд местоимений и некоторые глагольные формы. Стали понятны некоторые короткие тексты. Находка двуязычного (на этрусском и финикийском языках) текста в этрусском порту Пиргах подтвердила правильность дешифровки ряда слов и дополнила наши знания новыми. Пусть небольшой, но надежный словарик привлек внимание к сходству некоторых этрусских слов с древнегреческими и латинскими. Это, вопреки взглядам сторонников комбинаторного метода, поставило на более твердую почву гипотезу об индоевропейском характере этрусского языка, подкрепленную к тому же грамматическими моментами (например, окончаниями женского рода на -а, этой характерной особенностью индоевропейских языков).

Однако, сколь ни важен был комбинаторный метод на определенном этапе дешифровки, он уже дал все, что мог. Поэтому стало ясно, что будущее — за методом, который даст наилучшее сочетание комбинаторного и сравнительного подхода к дешифровке. Ясно стало и то, что трудности в дешифровке связаны, помимо всего прочего, и с тем, что в нем соединились неиндоевропейская основа, идущая от тиренов, и многочисленные элементы, попавшие при слиянии на землях Италии с индоевропейской пеласгийской волной.

Таково современное состояние вопроса. Триста лет этрускологии — это три столетия упорных поисков, удивительных открытий, горьких разочарований, несбывшихся надежд. За это время сделано немало широковещательных заявлений об окончательном решении этрусского вопроса. И каждый раз неумолимая логика науки и здравый смысл отбрасывали слишком самоуверенных исследователей назад. Но одновременно под сводами вновь открытых этрусских гробниц и в залах библиотек совершалась и продолжает идти незаметная, но исключительно плодотворная работа по сбору источников, их сравнению и интерпретации.

Глава 7

РОЖДЕНИЕ ПОЛИСА

Античные общества всецело принадлежали железному веку. Железо, постепенно вытеснявшее бронзу, на Востоке стало известно уже во второй половине II тысячелетия до н. э., по меньшей мере на четыреста лет раньше, чем в Средиземноморье. Греки считали его пришельцем из земель, населенных сказочным народом рудознатцев и кузнецов халибов, ибо хеттские цари, обладавшие монополией на изготовление и продажу железа, хранили все, связанное с ним, в тайне.

Победа железного века. На Балканах, на Апеннинском полуострове, на таких покрытых лесами островах, как Сардиния и Корсика, применение железного топора и сохи с железным лемехом означало подлинную революцию в сельском хозяйстве. Только железные орудия позволили возделать тяжелую вулканическую почву, отличавшуюся редким плодородием, расширить границы земледелия и резко увеличить урожайность, внедрить новые для средиземноморского региона сельскохозяйственные культуры — виноград и оливки. Применение железа позволило обитателям эгейского района преодолеть упадок, вызванный катастрофой XIII—XII вв. до н. э., и в кратчайшие сроки с наименьшими затратами сил добиться расцвета экономики и культуры. Уже в X в. железо стало господствующим материалом при изготовлении оружия и орудий труда. Оно буквально преображало облик круга земель. Постепенно сводились леса и рощи, бывшие в воображении людей каменного и бронзового века прибежищами духов деревьев и ручьев (дриад, нимф, камен, фавнов) и владениями «лесных царей» (сильвиев), живших в дворцах из дерева или хижинах из тростника. В начале железного века обиталища лесных духов и богов стали восприниматься как поставщики древесины. Лучшие ее сорта шли на строительство домов и кораблей, остальное пускалось на отопление, пережигалось на уголь, без которого немыслима металлургия, использовалось для выгонки смолы.

Начало железного века на Балканском и Апеннинском полуостровах и островах Средиземного моря совпало с зарождением античной цивилизации, а на более отдаленные территории его распространили финикийцы, греки и этруски.

Железный век, в нашем представлении некая абстракция, вставал перед людьми, в него вступавшими, в ярких и пугающих образах. Это и остров Эфалия («Дымная») в Тирренском море, над которым по ночам стояло зарево, видное издалека мореходам (здесь добывался и выплавлялся неведомый ранее металл); это и кузнец,

чаще всего хромой, подчинявший себе стихию огня и связанный со зловещими богами подземного мира, во владении которых находятся залежи металлов. Наше слово «коварный» произошло от славянского «ков» — «дурное намерение», «обман». От той же основы произошло и слово «ковать». Связанный народной фантазией с подземным огнем кузнец вступил в мир богов как Гефест (этрусский бог Сефланс, римский Вулкан).

Люди лесов сопротивлялись наступлению железа как могли. Духовной формой сопротивления был религиозный запрет на употребление железа в строительстве мостов, на использование его в обрядах. Жертвы богам, в том числе самые угодные им — человеческие, приносились с помощью кремневых и медных орудий. Но силы и возможности старых материалов были исчерпаны. Железо побеждало сначала на поле боя, когда закованные в него отряды сталкивались с людьми лесов, вооруженными дубинами и пращами и защищенными деревянными щитами, обитыми шкурами животных, и льняными панцирями.

Железо стало пользоваться славой металла, жаждущего крови и превращающегося во взаимодействии с ней в ржавчину, в достояние страшных богов войны — их храмы украшались железным оружием, в дрожании и дребезжании которого чудился призыв к войне; с железом связывали и те перемены к худшему, которые возникли в отношениях между людьми: сметающее все на своем пути стремление к наживе, непочтение к старшим, себялюбие и жестокость. Но объективно железо совершило настоящий переворот в сельском хозяйстве, ремесле, торговле, сухопутном и морском транспорте, строительстве и военном деле.

С началом железного века в круге земель начинается обособление ремесла от земледелия — сначала в сфере добычи и обработки металлов, затем в строительном и гончарном ремеслах. Ткачество же долгое время остается домашним ремеслом и занятием женщин, которым покровительствовала богиня-искусница Афина (этрусская Менрва, римская Минерва). В Риме, как гласила легенда, уже в VII в. существовали профессиональные объединения ремесленников — коллегии. Среди них не было главной — кузнецов по железу: производство железа на полуострове являлось монополией этрусков, как во II тысячелетии в Малой Азии — хеттских царей.

Развивалась в начале железного века на Западе и техника обработки железа. Первоначально железо получали сыродутным методом: руда доводилась до температуры 900—1350 °, а образующуюся при этом на дне печи металлическую крицу подвергали проковке для удаления шлака. В IX—VII вв. был открыт способ добычи углеродистого железа, подвергавшегося закалке при погружении в воду.

Возникла сталь, основными разновидностями которой были сталь халибов, синопская, лидийская и лаконская.

Научились также паять железо. Лидийский царь Алиат (VIII в.) посвятил Аполлону Дельфийскому железную подставку, отдельные части которой были спаяны мастером с острова Хиоса. Со временем стали известны и магнетические свойства некоторых руд. Само слово «магнит» произошло от названия малоазийского города Магнезии, близ которого находилось месторождение руды, которая притягивала железные предметы. О чудесах магнетизма в древности много писали, но технически использовать это явление в античные времена не умели.

VIII—VI вв. — столетия интенсивного распространения железа, определившего техническую основу всего уклада жизни в античном обществе. В этот же период развились те социально-экономические и политические основы, которые отличали средиземноморское общество и его культуру как от восточных обществ, так и от окружающих его догражданских и догородских общин. Железные доспехи из-за своей дешевизны становятся доступны рядовым гражданам, и аристократия — герои медного века — лишается былых преимуществ в военной сфере, равно как и в экономической, поскольку железные орудия позволили получать урожай и на худших землях.

Рабство. Введение в жизненный оборот железа и связанные с этим изменения в хозяйстве позволили использовать в неведомых ранее масштабах и формах труд рабов. Возникает рабство нового типа, которое принято называть, в отличие от прежних, патриархальных форм зависимости, *античным рабством*. Из железа ковали не только меч и лемех плуга, но и ошейник для раба.

О прежних формах социальной зависимости можно судить по положению групп местного населения, подчиненных не отдельным лицам, а всей общине завоевателей. У спартанцев это илоты, у фессалийцев и этрусков — пенесты, у критян — клароты. Фессалийских пенестов нельзя было ни вывозить с их первоначальных мест поселения, ни убивать: они были пожизненно прикреплены к завоеванной фессалийцами земле и платили завоевателям оброк. Спартанцы, составлявшие незначительное меньшинство населения Лакедемона, ежегодно объявляли илотам войну, чтобы узаконенным убийством уменьшать их численность.

Рабы античного типа могли принадлежать государству, но они не сидели на земле, подобно илотам или пенестам, и, как правило, не имели семей и не вели своего хозяйства. Основной же массой рабов владели частные лица, а главным способом их приобретения была покупка. Считалось, что первыми стали приобретать и исполь-

ловить рабов обитатели острова Хиоса. Это было уже после того, как спартанцы и фессалийцы обратили в рабство население завоеванных ими частей Греции.

В VIII—VI вв. число рабов у греков, этрусков, римлян было сравнительно невелико. Только в V—IV вв. рабы в таких развитых государствах, как Афины, Коринф, Популония, Сиракузы, составляют значительную часть населения и широко используются в ремесле и строительстве. Тогда же проблема рабства становится предметом теоретического осмысления.

Торговля. В начале железного века в жизни обитателей круга земель вновь значительную роль обрела торговля. Кончилась длившаяся несколько столетий изоляция обитателей Балканского полуострова от территорий, богатых металлами и другим сырьем. Забытые торговые маршруты критян и микенцев грекам пришлось открывать заново, соперничая как с финикийцами, так и с этрусками.

Жажда обогащения заставляла финикийцев не только осваивать северное побережье Ливии и острова Центрального и Западного Средиземноморья, но и проникать в океан. На океанском побережье Ливии они вели с чернокожим населением «немую» торговлю — выгружая со своих кораблей товары, торговцы удалялись, ожидая, пока чернокожие не сделают то же самое, и если предложенное их устраивало, они его забирали. Торговля в отдаленных странах вырабатывала такие черты характера, как отвага, предприимчивость, любознательность, но также хитрость и коварство.

Отсутствие постоянно действовавшего разветвленного рынка открывало возможности получения баснословных торговых прибылей в землях, богатых серебром, золотом и янтарем, и испытывающих потребность в вине и оливковом масле. Поэтому особое внимание уделяется развитию этих сельскохозяйственных культур и ремесел, обеспечивавших производство керамической тары для перевозки вина, масел, зерна. Торговля компенсирует скудость земель на каменистых островах и мысах Эгеиды. В начале V в. самым богатым человеком круга земель считался выходец с острова Эгины Сострат, чьи корабли помогли освоить рынки дальнего Запада. Черепки с его сокращенным именем (Сос) находят на всем побережье Испании, а недавно в этрусском порту обнаружен каменный якорь эгинца Сострата с посвящением Аполлону.

Монета. Потребности растущего производства и развивающейся торговли в начале железного века обусловили введение и распространение монеты. Первые в мире монеты начали чеканиться в

Лицевая и оборотная стороны афинской монеты VI в. до н.э.

Этрусская монета с изображением головы Горгоны Медузы на лицевой стороне

VII в. лидийскими царями, сказочное богатство которых вошло в поговорку. С заимствованием монетной техники данниками лидийских царей ионийскими греками появилось единое платежное средство — монета, качество металла которой и вес были удостоверены государством.

Первые монеты имели форму фасолины. На их оборотной стороне виден квадрат — след от металлического стержня наковальни, на который накладывался металл при чеканке. На лицевой стороне изображалась эмблема, характерная для государства, осуществлявшего чеканку: лев — для Милета, пчела — для Эфеса, крылатый конь Пегас — для Коринфа, черепаха — для острова Эгины. Имеются сведения, что впервые у греков монета стала чеканиться на Эгине.

В Малой Азии монеты чеканили из электра — сплава золота и серебра, на Эгине — из серебра. В соответствии с весом драгоценного металла имелись монеты крупного номинала — *статеры*, а также их доли ($^1/_2$ статера, $^1/_3$ статера — вплоть до $^1/_{24}$ статера). В обращении продолжали находиться медные (в некоторых местах и железные) прутья — *оболы*. Определенное их число, которое могло быть схвачено в горсть, так и называлось — *драхма* («горсть»). Было установлено соотношение между монетами и этими прутьями, использовавшимися в мелкой торговле. Древнейшие монеты соответствовали двум или четырем драхмам. В первые века существования монеты можно было на одну серебряную драхму приобрести шестьсот овец.

Монета создавала возможность накопления богатств в одних руках. Товарное производство, развивавшееся со скрипом, с ее помощью как бы становилось на колеса.

Полис. Изменения в экономике нанесли удар по общинно-родовой организации общества, носительницей традиций которого была родовая знать. Для рядовых общинников, занявшихся ремеслом и торговлей, открылась возможность обогащения и приобретения земельных участков в частное владение.

В то же время сохранялась коллективная собственность на землю, принадлежавшую *полису* и отдельным его подразделениям (*филам*, *фратриям*, *демам*). Но это не означало наличия государственного сектора в хозяйстве. Существовал лишь общинно-частный сектор, в котором все более возраставшую роль приобретали частные хозяйства. Общинный же характер собственности проявлялся в том, что лишь граждане пользовались правом получения участка земли в пределах полисной территории. Тот, кто не был по происхождению гражданином, считался чужестранцем и не мог приобрести в собственность не только землю для обработки, но и дом для жилья, даже если и он, и его отцы, деды, прадеды прожили здесь всю жизнь. Кем бы ни был гражданин полиса — торговцем, ремесленником, ростовщиком, для полиса он оставался потенциальным землевладельцем. Как гражданин, он обладал правом участия в работе общинных институтов — *народного собрания*, а с демократизацией полиса — также *совета*, *суда*, а также правом быть выбранным в руководящие органы полиса.

С принадлежностью к полису была связана и военная служба, бывшая не только обязанностью, но и почетным правом, доступным, как и право на землю, только гражданину.

Древние полисы обладали обозримой территорией, и там не сложилось системы представительства. Гражданин полиса, независимо от того, жил он в городе или в его сельской округе, непосредственно участвовал в общественной жизни. Полис для граждан был всем. Он обеспечивал им независимое существование и определенный уровень жизни, охрану их личности и свободы. Поэтому изгнание, сопровождавшееся лишением гражданских прав, было наказанием, равносильным гражданской смерти. Городские стены, принимавшие в случае опасности всех граждан, были стенами жизни.

Граждане составляли меньшую часть населения полиса, и осуществление ими их прав основывалось на бесправии и эксплуатации негражданского свободного населения и рабов. Таким образом, несмотря на прочность полиса как общественной ячейки, в нем изначально были заложены противоречия, создававшие постоянную социальную напряженность.

Политическая жизнь практически всех средиземноморских народов складывалась в напряженном противостоянии незнатной части населения (*демоса*) и земельной *аристократии*, отстаивавшей свое исключительное право распоряжаться общественной землей и управлять общиной в качестве потомков и наследников богов, к которым аристократические роды обычно возводили свое происхождение. Законы, которые постепенно принимались в острой борь-

бе в разных полисах круга земель, несколько ограничивали полномочия знати и защищали интересы торгово-ремесленной прослойки и земледельцев. Однако, пользуясь своим богатством и противоречиями внутри самого гражданского коллектива, аристократия, как правило, сводила на нет действия законов или вовсе добивалась их отмены.

В условиях такого противостояния становилось неизбежным использование новыми общественными слоями силы для ограничения экономического могущества аристократии и связанного с этим могуществом политического влияния.

Ранняя тирания. На волне недовольства знатью и стремления к справедливому распределению общинной собственности выделяются народные вожди, чаще всего выходцы из той же аристократии. При поддержке демоса они захватывают власть с помощью наемных отрядов. Греки рассматривали их как царей, но только не унаследовавших, а узурпировавших власть, и употребляли по отношению к ним термин лидийского происхождения *тиран* (властелин), первоначально не носивший одиозной окраски. «Становились они тиранами потому, что пользовались доверием народа, а средство приобрести это доверие заключалось в том, чтобы объявить себя ненавистниками богатых», — писал Аристотель. Заигрывая с демосом, тираны подчеркивали свой скромный образ жизни, принимали законы против роскоши, поддерживали простой народ во время судебных процессов, да и сами выдвигали обвинения против знатных, конфисковывали их имущество, раздавая его беднякам. «Тиран в глазах своих подданных должен быть не тираном, а домоправителем и царем, не узурпатором, но опекуном; тиран должен вести скромный образ жизни, не позволять себе излишеств», — так характеризовал раннюю тиранию Аристотель, живший в IV в. до н. э., когда в это слово стали вкладывать смысл, близкий современному его восприятию.

Тираны этого переходного периода зачастую до конца своих дней сохраняли облик справедливых защитников народа и законов, а порой превращались в деспотов и попирали законы. Но в любом случае объективно их правление способствовало значительному ослаблению аристократии и сделало возможным последующий переход управления в руки демоса. Как режим личной власти, сломившей господство аристократии, раннегреческая тирания была неизбежным этапом на пути к демократизации общества. Неслучайно *демократические республики* установились именно в тех полисах, которые прошли через тиранию.

В тех из греческих городов, где в силу недостаточного развития ремесел и торговли внутри демоса не появилось экономически силь-

ной прослойки, земельная аристократия сохранила свои позиции и в силу этого сложились *аристократические*, а не демократические республики. Аристократический строй установился с переходом к республикам и в этрусских полисах, где в силу религиозных традиций необычайно сильна была военно-жреческая знать (лукумоны). Также и в Риме свержением царской власти воспользовались аристократические круги, установившие свое правление в форме патрицианской республики. Впоследствии из среды патрициев время от времени выделялись политики, добивавшиеся передела земель и кассации долгов, действуя, как греческие тираны, но ни одному из них не удавалось захватить власть.

Глава 8

ПОЛИСЫ КРУГА ЗЕМЕЛЬ (VIII—VI ВВ. ДО Н. Э.)

Итак, в IX—VI вв. на исторической арене появляются общины-государства, которые греки называли полисами. Между ними складываются различия, обусловленные географическим положением, ролью окружавшей город сельскохозяйственной территории (хоры), факторами экономического и культурного развития, а также этническими традициями (ионийские полисы отличались от дорийских, полисы этрусского двенадцатиградья — от полисов, основанных этрусками же на территории Лация или Кампании; полисы, основанные финикийцами в Ливии — от тех, что были основаны карфагенянами) и многим другим.Сохраняя черты, общие для полиса как политико-социальной модели, полисы приобретают свое неповторимое лицо (например, Афины и Спарта). Поэтому мы рассматриваем разные типы полисов в хронологической последовательности их возникновения.

Полисы Эвбеи. Крушение родо-племенных отношений ранее всего осуществилось там, где в изобилии имелись железные руды и наилучшие условия для выплавки и обработки железа. Родиной первых полисов стал остров Эвбея, богатый железными рудами и лесами. В его центральной части выросли первые общины-государства Халкида и Эретрея. Само название «Халкида» происходит от греческого слова в значении «медь». Бронзолитейщики Халкиды первыми из греков освоили также и соседние с городом железорудные месторождения, удобные для эксплуатации открытым способом и содержащие до 70% железа. Выгодное географическое положение Халкиды близ узкого пролива, отделяющего ее от Беотии, способствовало контактам как с материковой Грецией, так и с островами Эгеиды. Не ограничившись месторождениями своего ост-

рова и соседней Беотии, халкидяне потянулись и в другие места, где имелись запасы железа и где мог быть востребован их опыт металлургов.

Эретрея находилась к югу от Халкиды. Ее менее выгодное по сравнению с Халкидой географическое положение компенсировалось тем, что она была центром обширного сельскохозяйственного района. На монете Эретреи изображался бык и символ соленой стихии полип. О богатстве Эретреи свидетельствует пересказанная Страбоном надпись, согласно которой в праздниках Артемиды в Эретрее участвовало 60 боевых колесниц, 600 всадников и 3000 тяжеловооруженных воинов-гоплитов. Употребление колесниц — свидетельство сохранения в городе микенских традиций. Так же, как и Халкида, Эретрея значилась в гомеровском списке городов, отправивших свои корабли под Трою. В ходе раскопок Эретреи были выявлены остатки храмов и мощные фортификации, защищавшие город с не менее чем пятнадцатитысячным населением.

Халкиду и Эретрею, полисы торгово-ремесленный и аграрный, разделяла посвященная Аполлону Лелантийская долина, обладавшая, как считали древние, сказочным плодородием. Говорили, что именно из-за этой долины между Халкидой и Эретреей началась в VII в. Лелантийская война, длившаяся на суше и на море целое столетие, вплоть до конца VII в. В этот военный конфликт оказались вовлеченными и другие греческие полисы — Милет, Афины, Самос, Эгина.

Победу в конечном счете одержала Халкида, но это не пошло ей на пользу: былое могущество Халкиды сошло на нет, и в конце VI в. остров был колонизован афинянами.

Самос. Упадком полисов Эвбеи в первую очередь воспользовался другой ионийский полис, Самос, расположенный на одноименном острове у побережья Малой Азии. Как и эвбейцы, самосцы совершали дальние плавания. Им удалось пройти через Геракловы столпы в океан и завязать связи с богатейшим городом иберов Тартессом. В середине VI в. на Самосе произошел политический переворот. Господство местных аристократов и землевладельцев геоморов сменилось тиранией **Поликрата**, опиравшегося на торгово-ремесленную прослойку. Изгнав геоморов, Поликрат превратил их земли в пастбища для закупленных им коз и овец, что способствовало успешному развитию шерстоткацкого и кожевенного ремесел. Используя лесные богатства острова, Поликрат создал военный и торговый флот. Еще до него на Самосе был впервые в Греции спущен на воду быстроходный военный корабль — *триера*. Но появлению военного флота препятствовало отсутствие на острове

природной бухты, закрытой от ветров. Воспользовавшись финикийским опытом, Поликрат соорудил искусственную насыпную гавань, каких еще не знала Эллада. Она вместила не только военный, но и торговый флот Самоса — «самояны», широкие корабли, предназначенные для перевозки леса, скота и крупных партий товаров. На носу каждого из этих кораблей была укреплена фигурка свиньи, животного чрезвычайно плодовитого. Идя по стопам легендарного Миноса, Поликрат создал морскую державу. Обитатели греческих островов должны были платить ему дань. Своему союзнику, египетскому фараону Амасису, он помог захватить остров Кипр. Вместе с другими эллинами самосцы основали в середине VI в. в устье Нила колонию Навкратис, и пролился на остров золотой египетский дождь.

О могуществе и богатстве Поликрата кроме упомянутой выше гавани свидетельствовали также сооруженный в годы его правления колоссальный храм Геры, пробитый сквозь гору восьмисотметровый тоннель для водопровода и мощная городская стена, которую не смогли взять даже спартанцы.

Но вскоре над Самосом и союзным ему Египтом нависла смертельная угроза. Малая Азия была завоевана персами. Египет пал первым, в 525 г. до н. э. Мумия Амасиса, скончавшегося незадолго до персидского вторжения, была вытащена из гробницы, подверглась бичеванию и была обезглавлена. Три года спустя сатрап Малой Азии заманил к себе Поликрата и распял его на кресте, как раба (это событие получило художественное отражение в легенде, повествующей о всемогуществе судьбы, дающей урок счастливцам: будто бы у фараона Амасиса появилось дурное предчувствие и он написал своему другу Поликрату, чтобы тот отказался от чего-либо ему дорогого, дабы не возбуждать зависти богов. И Поликрат бросил в волны перстень, с которым связывал свой успех, однако через несколько дней повар принес ему перстень, вытащенный из живота принесенной рыбаком огромный рыбы, и понял Поликрат, что судьба неотвратима).

Возвышение Афин. В микенскую эпоху, если верить афинским преданиям, афиняне платили позорную дань юношами и девушками критскому царю Миносу. От нее их освободил выходец из пелопоннесского города Трезены Тесей, который был назван сыном афинского царя Эгея и признан афинским героем. Именно Тесею приписывалось слияние отдельных поселений Аттики в город Афины. И после Тесея продолжительное время Афины управлялись царями. Одному из них, Кодру, удалось, пожертвовав жизнью, защитить город от вторгшихся в Аттику воинственных дорийцев. Будто бы после этого было решено больше царей не иметь, ибо

на появление лучшего, чем Кодр, не надеялись. Афинами начинают править *архонты* (правители), выбиравшиеся из родовой знати (*эвпатридов*), – сначала пожизненно, затем на десять лет и, наконец, на год. В отличие от царей архонты в своей деятельности были подвластны *ареопагу*, состоявшему из глав родов совета старейшин, заседавшему с незапамятных времен на холме Ареса (откуда и само его название), рядом с акрополем, в древнейшую эпоху бывшим резиденцией царей, а затем архонтов.

Возвышение Афин, начавшееся в VII в., было тесно связано с бурным развитием экономики и переворотом в социальной сфере. Именно тогда виноградники и оливковые деревья стали приносить обильные урожаи и с ростом спроса горожан давали немалые доходы. Товарное сельское хозяйство Аттики, не отягощенное крепостными формами зависимости и принудительным трудом, какие господствовали в Лакедемоне и Фессалии, способствовало развитию в Аттике ремесел, прежде всего керамического, а также судостроения и торговли. Так постепенно в Афинах усиливается влияние неродовитой части населения – *демоса*, в котором выделяется верхушка, не уступающая своим богатством родовой знати (эвпатридам), но отстраненная от участия в политической жизни. Эвпатриды сохраняли за собой преимущества, которые им давало обладание землей, родовые традиции и участие в органах власти, прежде всего в ареопаге.

Законы и законодатели. Греки были бы очень удивлены, если бы узнали, что за тысячу лет до них в восточных монархиях существовали писаные законы. Правда, они слышали о законах критского царя Миноса, но он считался судьей подземного царства. Им казалось, что основанная на произволе монархия и власть закона несовместимы, и потому первооткрывателями в области законотворчества считали себя. Оттого и свою политическую историю они начинали с рассказа о законодателях. Первым своим законодателем афиняне называли **Драконта,** относя его деятельность к 621 г. О личности этого Драконта ничего неизвестно, что же касается его законов, которые за суровость стали называть «драконовыми», то их характерной чертой была несоразмерность преступления и наказания: за кражу овощей или плодов предусматривалась такая же кара, что и за преднамеренное убийство или святотатство – смертная казнь.

Несмотря на несовершенство и жестокость законов Драконта, о которых говорили, что их написали не чернилами, а кровью, они ознаменовали первую крупную победу демоса, поскольку письменное законодательство ограничивало произвол родовой аристократии, судившей по собственному усмотрению. Вместе с тем при всей

своей примитивности эти законы были отходом от обычаев родового общества, поскольку отменяли кровную месть.

Немногим больше, чем о Драконте, мы знаем о предпринятой незадолго до появления его законодательства первой попытке установления тирании в Афинах — так называемой *Килоновой смуте* (ок. 640 г.). Один из афинских аристократов, некий **Килон**, после принесшей ему славу победы в олимпийских играх, попытался, последовав примеру своего зятя, тирана соседней Мегары, захватить власть. Во время посвященного Зевсу праздника, полагая, что собравшийся на торжество народ должен его поддержать, Килон с помощью своих приверженцев захватил акрополь. Однако благоприятной обстановки для наступления на родовую аристократию в VII в. еще не было. Рядовые горожане остались к действиям Килона равнодушны, и эвпатридам, созвавшим «народ с полей» (наверняка зависевших от них должников) и осадившим акрополь, удалось без труда пресечь попытку переворота. Килон бежал, а его сторонникам, скрывшимся в храме Афины, осаждавшие обещали сохранить жизнь. Однако едва они покинули храм, как были перебиты, и кровь их залила расположенные близ храма алтари Эвменид, к которым некоторые из них успели припасть в поисках защиты.

При изложении своей истории афиняне не вводили в нее этого события, не считая его сколько-нибудь значительным, и мы узнаем о нем по случайному стечению обстоятельств: в связи с тем, что к возглавившему осаду роду Алкмеонидов впоследствии принадлежали виднейшие афинские политики Клисфен и Перикл, противники не забывали кольнуть их принадлежностью к Алкмеонидам, вспомнив о «килоновой скверне». Именно поэтому невозможно сказать, была ли такого рода попытка установления тирании в то время единичной или время от времени они предпринимались и другими честолюбцами. Но ясно, что атмосфера становилась все более взрывоопасной. Законы Драконта не затронули долгового права, от которого больше всего страдало земледельческое население Аттики, закладывавшее и постепенно терявшее свои земли и попадавшее сначала в зависимость, а затем и в долговое рабство к эвпатридам, все более и более расширявшим свои участки. Многие из должников оказались проданными в рабство за пределы Аттики.

В начале VI в. на политической арене появляется **Солон**, личность огромного масштаба, один из тех, кому Афины обязаны своим величием. Хотя его отдаленным предком был царь Кодр, Солон не выделялся ни богатством, ни положением среди других эвпатридов, и состояние свое он нажил честным путем, занимаясь в юные годы торговлей. Будучи избран в 594 г. архонтом, он получил широчайшие полномочия и приступил к реализации своей программы

государственных преобразований. Прежде всего, чтобы ослабить напряженность, готовую перерасти в серьезный конфликт, он реформировал долговое право, осуществив так называемую сисахфию — «стряхивание» с земли долговых камней. Одновременно с отменой долгов были выкуплены за государственный счет все, кто был раньше продан за долги в рабство в самой Аттике или на чужбину. Эту часть своего законодательства Солон характеризовал в сочиненной им элегии следующим образом:

Какой же я из тех задач не выполнил,
Во имя коих демос мною сплочен был,
О том всех лучше перед времени судом
Сказать могла б из олимпийцев высшая —
Мать черная земля, с которой снял тогда
Столбов поставленных я много долговых,
Рабыня прежде, ныне же свободная.
На родину, в Афины, в город, дар богов,
В неволю проданных вернул я многих...
Иных еще, в позорном рабстве бывших здесь
И трепетавших перед прихотью господ,
Вернул к свободе я. А этого достиг
Закона властью, силу с правдой сочетав.

Если сисахфия ослабила экономическую мощь эвпатридов, то реформы политические были явной попыткой затронуть ее всевластие. Все свободное население Аттики было разделено на четыре разряда в зависимости от доходов, получаемых с земли. К первому разряду были отнесены те, чей доход составлял 500 мер зерна, ко второму — 300, к третьему — 200; вся остальная масса населения входила в четвертый разряд. С принадлежностью к разряду были связаны политические права, которыми в полном объеме пользовались лишь представители двух первых разрядов. Только они могли быть избраны на высшие государственные должности. Но возросли права и последнего разряда, *фетов*, поскольку выборы должностных лиц осуществлялись на народном собрании, к участию в котором было допущено все мужское население Аттики, входившее в состав гражданства (до Солона неимущая часть граждан от участия в собрании была отстранена: недаром само греческое название народного собрания *«экклесия»* производилось от глагола со значением «вызывать»). Кроме того, феты могли быть избраны в новое судебное учреждение, суд присяжных — *гелиэю* (названный так по богу солнца Гелиосу, гаранту справедливого ведения суда). Реформировал Солон и сам судебный процесс, введя апелляцию к гелиэе на приговор должностных лиц.

Таким образом, в конституцию вводился чуждый родо-племенной общине имущественный принцип, открывавший дорогу к власти не знатным, а зажиточным гражданам.

С этой реформой была связана и реорганизация войска. Граждане двух высших разрядов составляли конницу, на них же возлагалась обязанность поставлять за собственный счет оснащенные военные корабли. Третий класс нес военную службу в тяжеловооруженной пехоте, тогда как феты, не имевшие средств на вооружение гоплита, состоящее из панциря, шлема, поножей, большого щита, меча и копья, составляли легковооруженную пехоту и экипаж военных судов.

Демократизации общества способствовало также введение нового органа власти — *совета четырехсот* (по сто человек от каждой из родовых фил, на которые делилось аттическое население), в обязанность которого входила подготовка программы народного собрания, превратившегося в высший орган государственной власти. Это значительно ограничивало полномочия аристократического ареопага.

И все же политические реформы Солона были непоследовательны — они не разрушали родовых фил, сохраняя, таким образом, прежнюю структуру общества. Выборы в совет четырехсот проходили по родовым филам, где практической властью обладали стоявшие во главе фил филобасилеи, и поэтому практически туда по-прежнему попадало большинство эвпатридов, о чем красноречиво свидетельствуют находимые в Аттике надписи.

Значительно большей последовательностью отличались реформы экономические. Помимо отмены долгового рабства, этого главного тормоза экономического развития, Солон предпринимает ряд мер, способствовавших торжеству частной собственности и развитию предпринимательской деятельности. Свобода завещания в случае отсутствия сыновей, уничтожив практику перехода земли после смерти ее владельца к его роду, привела к замене родовой собственности на землю частной. Поощрение экспорта оливкового масла с одновременным запретом экспорта зерна способствовало развитию оливководства, которое было доступно мелкому земледельцу, поскольку не требовало больших земельных площадей. Для того, чтобы Афины более органично вошли в систему средиземноморской торговли, Солон заменяет эгинскую монетную систему на распространенную в наиболее развитых торговых полисах эвбейскую, что к тому же снизило вес денег, облегчив положение мелкого и среднего люда (100 эвбейских драхм соответствовали 70 эгинским). Забота о развитии ремесел сказывается в появлении закона, по которому сын может отказаться кормить своего отца в старости, если тот не научил его никакому ремеслу.

Реформы Солона больше всего дали среднему торгово-ремесленному слою, не удовлетворив ни эвпатридов, раздраженных отменой долгов и потерей монополии в сфере политики, ни сельское население, рассчитывавшее на передел земель. Характеризуя свое положение, Солон говорил: «Я, как волк, средь стаи псов вертелся». Ему пришлось покинуть Афины, куда он вернулся лишь в глубокой старости.

Писистрат и его сыновья. После реформ Солона в Аттике образуются три политические группировки, в борьбе за влияние нередко делавшие уступки демосу. Одну из них составляли педиеи, землевладельцы афинской равнины, ограниченной горным хребтом Гиметт, другую — паралии, ремесленники и рыбаки прибрежной части Аттики, за южным окончанием Гиметта, третью — диакрии, беднейшее население Аттики, обитатели ее гористой области. Обработанные ими клочки земли покрывали склоны гор, подобно заплатам.

Верх взял глава последней, наиболее радикальной группировки **Писистрат**, установивший в Аттике тиранию. Тирания Писистрата, длившаяся с небольшим перерывом до 527 г., была новым шагом в ограничении мощи эвпатридов. Самым сильным ударом, им нанесенным, было даже не преследование отдельных аристократов, их казни и конфискации имущества, а введенные для сельского населения разъездные суды и дешевый пятипроцентный кредит. Эти ссуды подрывали власть эвпатридов на местах, поскольку до их появления мелкие земледельцы вынуждены были обращаться по судебным делам к филобасилеям, чтобы не отрываться от сельских работ, тратя время на поездку за справедливостью в Афины. Дешевый государственный кредит, способствовавший развитию в Аттике оливководства, в то же время лишал эвпатридов, ссужавших деньги под высокие проценты, одного из главных источников наживы.

Писистрат поощрял также занятия ремеслами. Он увеличил занятость населения, начав устройство водопровода и обширное строительство как на акрополе, где был возведен храм Афины, так и в нижнем городе, где был заложен храм Зевса Олимпийского и устроен театр. Строительная деятельность тирана, развернутая на средства от введенной им десятины, дав работу беднякам, вместе с тем преобразила облик города, ранее уступавшего более могущественным соседям.

Значительный импульс был дан торговле и кораблестроению, поскольку Писистрату удалось отвоевать у соседней Мегары остров Саламин, овладеть частью богатого рудами побережья Фракии, а также укрепиться на островах Лемнос и Имброс и на путях к Понту Эвксинскому, откуда в Аттику поступало зерно и куда шло

аттическое оливковое масло. Афины становятся торговым конкурентом Коринфа, проникая со своими товарами не только на берега Понта Эвксинского, но и на Запад — вплоть до Этрурии. Под контролем Афин, в конце правления Писистрата вступивших в союз с Поликратом, оказывается вся Южная Эгеида, где афиняне захватили ряд островов. С Писистрата начинается и практика выведения военных поселений афинских граждан (*клерухий*). Первая клерухия появилась на Саламине.

Превращению Афин в сильное централизованное государство соответствовала и религиозная политика Писистрата. К традиционным *Панафинеям* (ежегодному празднику в честь покровительницы города Афины) добавились *Великие Дионисии*, выросшие из скромного сельского праздника в честь особенно популярного среди демоса бога виноделия Диониса. Также и строительство храма богини земледелия Деметры в находящемся на территории Аттики центре ее почитания Элевсине свидетельствует об особом внимании Писистрата к культам сельского населения, составлявшего главную его опору.

Афины благодаря Писистрату стали не только могущественным и влиятельным полисом, но и ведущим центром греческой культуры. При нем в Афинах появились библиотека и первый в мире театр, были записаны поэмы Гомера. При дворе Писистрата жили выдающиеся поэты.

Несмотря на ненависть родовой аристократии, которой дважды удавалось изгонять Писистрата из Афин, власть его оказалась прочной, поскольку он пользовался неизменной поддержкой демоса благодаря успешной внутренней и внешней политике, а также и вследствие того, что он неизменно подчеркивал свою близость к народу (вел скромный образ жизни, хотя дом его находился на акрополе и охранялся стражей; допускал возможность не только критики в свой адрес, но даже возбуждения против него гражданами судебных процессов).

После смерти Писистрата власть в Афинах перешла к его сыновьям **Гиппию** и **Гиппарху**. Их внешняя политика не была столь же успешной, а своим образом жизни они не снискали такой популярности, как их отец. В 514 г. в результате заговора двумя юными аристократами Гармодием и Аристогитоном был убит Гиппарх. Уцелевший Гиппий начал преследование своих противников. Гонения обрушились прежде всего на род Алкмеонидов, над которым тяготело давнее проклятие.

Во главе Алкмеонидов стоял тогда **Клисфен**, сын Мегакла и по матери внук Клисфена, тирана Сикиона. Изгнанный Писистратом вместе со своим отцом, он долгие годы находился на чужбине.

Вернувшись после смерти Писистрата на родину, Клисфен активно включился в политическую борьбу. Убийство Гиппарха вновь сделало его изгнанником. Вместе со своими сторонниками Клисфен удалился в лесистые горы, отделявшие Аттику от Беотии. Там вырос укрепленный лагерь, куда стекались все недовольные правлением Гиппия. Стычки между изгнанниками и воинством Гиппия продолжались несколько лет, пока по велению дельфийского храма, сочувствующего аристократам (или, как полагал Геродот, подкупленного Клисфеном), не прибыло спартанское войско. Заняв нижний город, спартанцы и их союзники начали осаду акрополя. Через несколько дней Гиппий сдался и был изгнан из города.

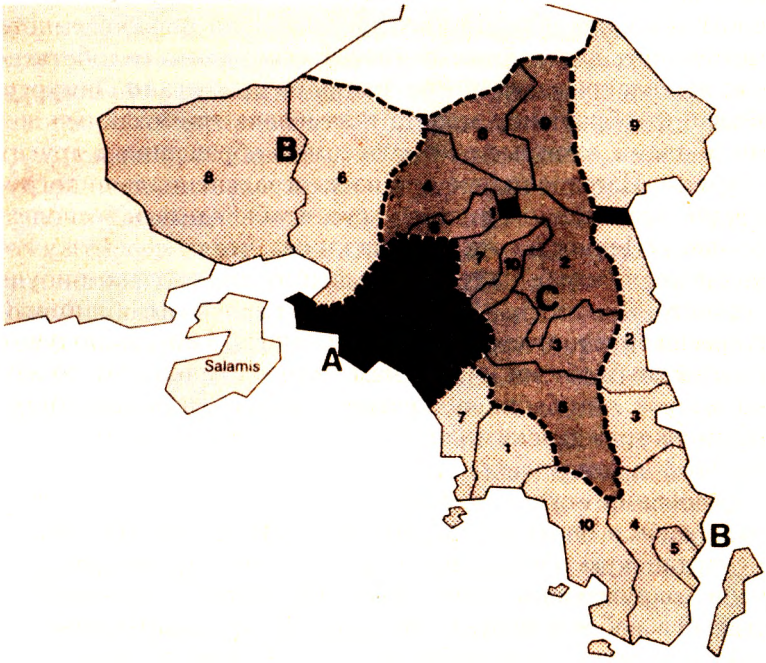
Реформы Клисфена. После ухода спартанцев и расправы над наиболее активными аристократами, организовавшими тайное общество (гетерию), Клисфен в 509 г. провел, по образцу реформ своего деда в Сикионе, ряд демократических преобразований, которые свели на нет политическое влияние древних родов.

Главным в реформах Клисфена была замена четырех старых родовых фил, на которые делилось население Аттики, на десять новых. Хотя им были даны имена древних афинских царей и героев, они ничем не напоминали старые. Новые филы складывалась из трех частей — по одной от городской, прибрежной и равнинной территорий, каждая из которых была поделена на 10 так называемых *триттий*, причем соединялись триттии в *территориальную филу* по жребию, так что аристократы уже не имели в них преимущества. Триттии, в свою очередь, делились на более мелкие единицы, *демы*, составлявшие основную политическую ячейку, с которой гражданин был связан от рождения до смерти. В своем деме, которых первоначально было 100, по достижении восемнадцатилетнего возраста юноша зачислялся в списки граждан и на два года становился *эфебом*, несшим военную службу, чтобы затем, в 20 лет, получить полные гражданские права. По демам же стали проходить по жребию выборы в суд присяжных, а в случае войны также и формирование отрядов гоплитов.

Филы имели по 50 представителей в заменившем совет четырехсот *совете пятисот*, который регулярно собирался для принятия предложений, выносившихся на народное собрание. Исполнительную и административную власть поочередно осуществляла на протяжении десятой части года десятая часть совета, называвшаяся *пританеей*. Возглавлял пританов, входивших в дежурную пританею, председатель, полномочия которого ограничивались рамками одного дня.

Возникает при Клисфене и новый политический орган — *коллегия десяти стратегов*, что создавало децентрализацию власти во время войны, поскольку стратеги командовали войском поочередно. В ходе длительной борьбы со своими политическими противниками, считавшими Клисфена тираном, он учредил так называемый *остракизм* — суд черепков (от греч. «остракон» — черепок). Каждой весной проводилось народное собрание, на которое выносился единственный вопрос — нет ли среди граждан человека, представляющего опасность для свободы государства. Если ответ был утвердительным, назначалось новое голосование, в котором должно было участвовать не менее 6 000 граждан. Каждый мог нацарапать на черепке одно имя, и тот, чье имя называлось чаще других, был обязан покинуть Аттику на десять лет, сохраняя при этом свое имущество и честное имя (в дальнейшем остракизму были подвергнуты многие прославленные политики, в том числе и те, кому Аттика была обязана спасением от внешней угрозы).

Нам подобный способ избавления от выдающихся граждан кажется противоречащим интересам государства. Таким же он виделся в IV в. до н. э. и Аристотелю, который считал, что кандида-



Деление Аттики на территориальные филы по реформе Клисфена

тов на изгнание надо было бы наделять царской властью. Но остракизм, более чем какое-либо из иных нововведений, отражал суть демократического полиса, будучи средством самозащиты от потенциальной опасности гражданскому коллективу со стороны тех, в ком заслуги и авторитет среди сограждан могли породить гордыню, с точки зрения полисного грека, ненавистную богам и опасную для людей.

Реформы Клисфена завершили превращение Афин в сильное демократическое правовое государство и способствовали его экономическому процветанию. С включением Клисфеном в число полноправных граждан части чужестранцев общая численность афинских граждан достигла почти тридцати тысяч.

Спарта, «славная мужами». Иначе сложился полис в той части Пелопоннеса, которая называлась Лаконикой (или Лакедемоном). Здесь еще в микенскую эпоху существовало спартанское царство, которым управлял, согласно преданию, Менелай, супруг прекрасной Елены. Ахейско-пеласгийское население Лаконики не смогло отразить набеги дорийцев, как это удалось Афинам, и оно было обращено завоевателями в илотов. Община завоевателей не была заинтересована в хозяйственном развитии порабощенного края, численность населения которого превосходила ее собственную. Согласно закону, авторство которого приписано **Ликургу**, была изъята из обращения монета и заменена громоздкими железными оболами, которые не могли иметь обращения в других частях Греции. Изготовлялись они из железа, специально погружавшегося в раскаленном виде в уксус, чтобы сделать бесполезным и металл. «Ценность» же их была такова, что на перевозку небольшой суммы нужна была телега, а для хранения сколько-нибудь значительного «богатства» в доме потребовался бы обширный подвал. Ремеслом и торговлей в Лаконике могли заниматься лишь жители окрестных общин — *периэки* («живущие вокруг»). В отличие от илотов, они были свободными людьми, пользовались в своих общинах гражданскими правами, но к управлению спартанской общиной не допускались.

Преобразования, осуществленные, видимо, в ходе последней из *Мессенских войн* и опять же приписанные Ликургу, законсервировали спартанскую общину и отгородили ее от процессов, преобразивших окружающий мир. Спарта напоминала военный лагерь, готовый в любое мгновение ощетиниться копьями и двинуться туда, куда укажут военные предводители-цари. У спартанцев были семьи, но мужчины и их сыновья постоянно находились, если

употребить современное выражение, на казарменном положении. Обязательны были совместные трапезы воинов — *сисситии*, для которых их участники выделяли ежемесячно определенное количество продуктов.

Ели блюда, установленные для этих трапез законом: приготовленное предельно простым способом мясо и знаменитую «спартанскую» черную похлебку, которая остальным грекам казалась несъедобной. Поваров же, чье искусство оказывалось более разносторонним, просто выгоняли из пределов Спарты. Во время сисситий часами распевали воинственные марши, прославляющие мужество и смерть в сражении, расхваливали достойные поступки и порицали дурные, говорили о государственных делах и ни о чем, связанном с наживой или искусством (что считалось в равной мере предосудительным и недостойным). Недостойным считался и любой труд — не только физический, как во всем античном мире, но и умственный. И тот и другой рассматривались как унижение свободного гражданина, чьей главной привилегией в мирное время считался досуг, который следовало проводить в совместных трапезах или использовать его для военных упражнений и необходимой воину закалки.

Спартанское воспитание готовило беспощадных, жестоких, коварных воинов, невежественных и примитивных по своему интеллекту, умеющих лишь приказывать, подчиняться и убивать. Из всей программы греческого воспитания спартанцы сохранили только освоение элементарной грамоты, физическую подготовку и музыку, но лишь ту, под которую сподручнее было идти в бой.

С раннего детства спартанец приучался к суровому быту. Мальчики, отобранные с семи лет у родителей, жили небольшими отрядами с характерным названием агелы («стада») под руководством подростков. Спали они на подстилках из колючего тростника, который должны были сами же выламывать голыми руками на берегах протекавшей через Лаконику реки Эврота. Пища их была неприхотливой и скудной. Ходили они босиком, на целый год получали один хитон, который в 12 лет заменялся одевавшимся на голое тело легким плащем, выдаваемым тоже раз в год. Волосы им полагалось стричь почти наголо. Обычных для детей игрушек они не имели, а их игры напоминали военные упражнения и схватки. Руководившие отрядами подростки и взрослые спартиаты внимательно следили за тем, чтобы дети чаще ссорились, полагая, что только в драках закаляется характер и появляется мужество, необходимое в бою.

Для испытания выносливости раз в год детей подвергали порке на алтаре Артемиды. Ее следовало переносить без стонов, считав-

шихся величайшим позором, и бывало, что ребенок умирал на алтаре, не издав ни звука.

С четырнадцатилетнего возраста дети уже принимали участие во взрослых походах внутри страны, в восемнадцать лет они переходили в возрастную группу юношей, в двадцать — юноша вступал в следующую возрастную группу молодых людей и, становясь воином-спартиатом, сам уже мог участвовать в воспитании младшего поколения; но полноправным он не становился до 30 лет и продолжал иметь опекуна и не мог принимать участия в народном собрании.

Спартанцы были немногословны (именно отсюда пошло слово «лаконизм»). Но лаконичность их была краткостью языка приказов; знаменитые же спартанские лаконизмы были созданы не самими спартанцами, а восхищавшимися их образом жизни лаконофилами, писавшими о Спарте.

Во главе Спарты стояли *два царя*, предками которых считался дорийский герой Геракл. Наряду с царями спартанцами управлял совет старейшин — *герусия*, в которую входило 28 геронтов и оба царя.

Кроме того, существовала коллегия *эфоров* (блюстителей законов), состоявшая из пяти человек, ежегодно переизбиравшихся народным собранием. Эти хранители обычаев, давно уже отвергнутых во всех остальных греческих полисах, кроме Крита, осуществляли контроль за настроениями и поведением спартанцев, регламентируя даже супружеские отношения и рождение детей, отстраняли царей, санкционировали истребление илотов, каждую весну объявляя им священную войну.

Собиралось и народное собрание (апелла) — сходка воинов, достигших тридцатилетнего возраста, на которой побеждало то решение, которое одобрялось общим ревом, а не голосованием (именно так, по словам Аристотеля, сидевшие за деревянными загородками «счетчики голосов» определяли, за кого из проходивших перед собравшимися кандидатов проголосовало большинство).

Первоначально собранию, на котором не допускалось никаких высказываний, было предоставлено хотя бы право одобрять или отвергать вынесенные на его суд мнения геронтов или царей. Однако очень скоро в устное законодательство, которому неукоснительно следовали спартанцы, считая его одобренным самим дельфийским оракулом, было внесено, по словам Плутарха, красноречивое дополнение: «А если народ изберет кривой путь, то пусть старейшины противятся этому», так что за народом осталось единственное право — высказывать одобрение.

Будучи созданной для войны, такая общность не могла без нее существовать, ибо воинскому духу требовался выход, а мечам и копьям негоже было ржаветь в бездействии. Объектом спартанской агрессии стала плодородная Мессенская равнина к западу от Тайгетских гор. Уже в конце VIII в. спартанцы, преодолев горы, вторглись в Мессению, захватили ее, разделили землю на участки и заставили их обрабатывать мессенцев, таких же дорийцев, как и они, превратив их в *илотов*. Во второй половине VII в. мессенцы восстали и нанесли поработителям ряд серьезных поражений. В памяти многих поколений сохранялись рассказы о подвигах мессенского героя Аристомена: сколько бы враги ни убивали его и ни сбрасывали в пропасть, каждый раз он вырастал перед ними, как из-под земли, готовый к новым битвам. Однако в решающем сражении спартанцы одержали окончательную победу, и Мессения была вновь порабощена.

После подавления восстания мессенцев, известного как *Вторая Мессенская война*, Спарта владела более чем третью Пелопоннеса, превосходящей территорию Аттики в три раза. Поскольку соседи Спарты были намного слабее, они в середине VI в. вступили с ней в военный союз. Высшим органом *Пелопоннесского союза* было собрание представителей союзников, на котором председательствовали спартанские эфоры. Каждый из союзных полисов, независимо от его величины, имел один голос, что и давало Спарте возможность использовать голоса слабых союзников против таких сильных, каким был, например, входивший в тот же союз Коринф. Спарта пользовалась воинскими контингентами союзников и их денежными средствами, следя за тем, чтобы в управлении союзными государствами не возобладали демократические тенденции.

В эпоху создания Пелопоннесского союза усиливается власть эфоров. Древние авторы связывали это с деятельностью эфора Хилона, впоследствии признанного одним из семи мудрецов древности. Говорили, что он первым впряг эфоров в одну упряжку с царями, что означало переход от контроля за действиями царей к непосредственному руководству всей внешней и внутренней политикой Спарты. При Хилоне, вступившем в должность эфора в 566 г., Спарта активно противодействует Афинам и Самосу, во главе которых стояли соперничавшие друг с другом Писистрат и Поликрат. О ненависти Хилона к тирании свидетельствует анекдотическое сообщение Геродота, будто Хилон предупредил отца Писистрата, чтобы тот не женился, ибо от брака родится тиран.

В те годы, когда Поликрат господствовал на морях, Хилон, опасаясь нападения на Лаконику с моря, говорил о примыкавшем к Пелопоннесу с юга острове Кифера, что лучше бы он был погло-

щен волнами. Последующие эфоры, проводившие ту же политику, пользуясь внутренними смутами на Самосе и его внешнеполитическими затруднениями, организовали военную экспедицию на остров, правда, не принесшую успеха.

Полисы этрусской Италии. В VII—VI вв. на Апеннинском полуострове господствовали этруски. Начало этому господству было положено в Средней Италии, где этруски основали между Тибром и Арном ряд городов, превратившихся в полисы.

У этрусков не было ни Гомера, ни Гесиода, по произведениям которых изучается начальная эпоха формирования греческих полисов. Исторические труды этрусков и произведения этрусской драматургии не сохранились. В распоряжении науки имеются лишь краткие упоминания об этрусских царях и десять тысяч надписей — преимущественно эпитафий. По этим источникам можно восстановить формирование полиса лишь в самых общих чертах.

Первоначально этрусскими городами управляли *цари*, но цари, выбиравшиеся из числа военно-жреческой знати (*лукумонов*) и носившие тот же титул — *лукумон*. Власть царя, подобно власти греческих басилеев, была пожизненной, но не наследственной. Этрусский царь был верховным судьей, творившим еженедельный публичный суд, военным предводителем и верховным жрецом. Постепенно царский период уступает место *олигархическому республиканскому устройству*, порой, возможно, прерывавшемуся установлением непродолжительных тираний, напоминавших военную диктатуру.

Время наступления этих перемен в разных полисах Этрурии различно. Точному определению оно не поддается. Скорее всего, в большей части Этрурии выборные институты складываются к концу VI в. и какое-то время сосуществуют с сохранявшимися в отдельных полисах монархиями. К концу V в. республиканское устройство утвердилось уже повсеместно, за исключением Вей, где после непродолжительного республиканского правления во второй половине V в. в условиях нараставшей военной угрозы со стороны Рима был вновь избран царь.

Переход к республикам первоначально вылился в замену пожизненного царя магистратом, пользовавшимся широкими и безраздельными полномочиями. Коллегиальность магистратур и четкое разграничение функций складывается позднее, так что высшие должностные лица поначалу отличались от прежних царей лишь ограниченным сроком власти. Высшие должности в этрусских полисах обозначались терминами «зилат», «пурс» (пурт), «марон». Точное значение этих титулов неизвестно, но по соответствию сло-

ва «зилат» хеттскому термину «титакзилат» (трон, резиденция) можно предположить, что «зилат» — это «правитель», «марон» — скорее всего, жреческая должность. Все магистраты избирались сроком на год из лукумонов. Магистрат, занимавший верховную должность, мог совещаться с остальными лукумонами, но мог и не советоваться даже в таких важных делах, как объявление войны или заключение мира.

Тумулус

О богатстве и политическом авторитете этрусской верхушки свидетельствуют монументальные погребальные сооружения — курганы (тумулусы), обложенные у основания камнем, с коридорами, ведущими в подземные склепы. Археологи, раскапывавшие эти грандиозные сооружения, дали им название «княжеские гробницы». В Греции обнаружена лишь одна подобная гробница (Лефканди на о-ве Эвбея). В Этрурии их сотни. В них огромное количество богатейших украшений и утвари, в том числе работы иноземных мастеров. Впечатляющую картину жизни этрусской знати воссоздают и украшающие их стены фрески: ломящиеся от снеди и сосудов с вином столы, множество прислуживающих рабов. Эпитафии знати при жизни повествуют о происхождении, общественном положении, политической карьере покойных, некоторые из которых по многу раз занимали выборные должности в своих полисах.

На службе у этрусских аристократов находились лица, обозначаемые словом «етера». Это дружинники, «сотоварищи» (соответствующие греческим и македонским «гетайрам» или римским «суодалес»). Низшие слои населения названы в надписях «лаутни» и «леты». Скорее всего, лаутни — это рабы, а леты — покоренное население типа фессалийских пенестов и спартанских илотов.

Из всех этих данных вырисовывается общественная структура этрусских полисов, приближающаяся скорее к спартанской, чем к афинской модели полисной организации. Сами же полисы этрусков были государствами, занимавшими сравнительно небольшую территорию, обитатели которой могли являться в город для непосредственного участия в выборах должностных лиц и в других общественных делах. Каждый полис (по-этрусски «спура») обладал

Фреска из этрусского погребения

автономией (жил по своим законам), имел свои экономические и политические интересы и собственное ополчение, призванное их защищать, почитал собственных богов-покровителей. Этрусские города, подобно Афинам и другим древнейшим городским центрам, строились на некотором расстоянии от моря и владели участками берега, где находились одна или несколько гаваней. Только один из позднее возникших этрусских полисов, Популония, имел центр на вклинивавшемся в море полуострове.

Политической основой господства этрусков в Италии был союз двенадцати городов — *«двенадцатиградье»*, созданный по тому же образцу, что и на Пелопоннесе и в Малой Азии в древнейшую эпоху. Это объединение (скорее религиозного, чем политического характера) предоставляло каждому из участников союза автономию не только во внутренних, но и во внешнеполитических делах: конфедерация была настолько непрочным объединением, что даже во время внешних войн города редко действовали заодно, и это в немалой степени облегчило римлянам завоевание Этрурии. Число двенадцать оставалось неизменным на протяжении всей эпохи независимости этрусков и большей части римского периода. Наряду с двенадцатью городами-суверенами, составлявшими двенадцатиградье, существовали и другие, никогда не знавшие полной незави-

симости. Их положение определялось соглашением с покровительствовавшим им городом-сувереном. Таких поселений было много, и большинство из них во внутренней жизни пользовалось автономией, а некоторые даже чеканили собственную монету.

Каждую весну главы двенадцати городов собирались в святилище богини Вольтумны в Вольсиниях, чтобы обсудить назревшие вопросы, совершить совместные жертвоприношения и избрать на очередной год главу союза. К этим собраниям были приурочены общенародные игры, подобные общегреческим играм в Олимпии, Дельфах, Коринфе. И точно так же, как на греческих праздниках, в дни торжеств проходили многолюдные ярмарки.

Главой конфедерации в царский период становился поочередно каждый из двенадцати царей. Его функции и характер власти остаются неясными. Скорее всего, они были чисто религиозными (судя по тому, что после упразднения царской власти прежний царь конфедерации стал носить жреческий титул). Что же касается самого объединения, то оно постепенно превратилось в чисто религиозный союз. И хотя собрания и в республиканский период проводились с былой регулярностью, вопросы политики рассматривались на них, вероятно, лишь при крайней необходимости, например, в случае римской угрозы. Во всяком случае, все, что мы знаем о практической деятельности отдельных городов-суверенов, показывает, что они действовали совершенно самостоятельно, воюя и заключая договора независимо друг от друга, а если и вели общие войны, то не избирая общего командующего: войско каждого города возглавлял собственный военачальник.

Город на семи холмах. Семь холмов в нижнем течении Тибра населяли не этруски, а местные племена — латины и сабины, говорившие на родственных языках и близкие по своему экономическому и культурному уровню. Латины первоначально обитали к югу от Тибра по берегу Альбанского озера, но городов они не имели. Прославленного легендой города Альба Лонга с его тринадцатью царями, первым из которых римские легенды сделали Аскания (Юла), сына троянца Энея, не существовало. Поэтому археологам и не удалось обнаружить его следов. Альба Лонга (или в переводе — Длинная Альба) — это группа сельских поселений, вытянувшихся вдоль Альбанского озера. Основатели Рима могли быть действительно выходцами из Альбы Лонги, но их альбанская родословная не более чем выдумка, призванная облагородить собственное происхождение. Нетрудно понять, почему Рим появился именно в этом месте. Здесь, в излучине Тибра, был небольшой островок, создававший удобную переправу. В римские времена здесь проходила ведущая к

морю Соляная дорога. Город, ставший солью италийской земли, находился на пути к соляным варницам. Палатинский холм был заселен уже в конце бронзового века, раньше, чем многие холмы Тосканы, где возникли этрусские полисы. Но крепость (кастель) квадратной формы здесь появилась в начале железного века. Римская традиция отнесла основание «квадратного Рима» к 21 апрелю 754/53 г. до н. э.

Основание Рима связывалось с легендой о близнецах **Ромуле** и **Реме**. Согласно наиболее распространенному рассказу, они были внуками царя города Альба Лонга Нумитора, свергнутого его братом Амулием. Матерью их была дочь Нумитора весталка Рея Сильвия, а отцом сам бог Марс. Отнесенные на погибель к разлившемуся в половодье Тибру, близнецы были найдены и вскормлены зверем Марса волчицей, подобраны и воспитаны пастухом Фаустулом (Фаустул — «счастливец») и его женой Аккой Ларенцией (Акка Ларенция — «кормилица ларов»). Когда Ромул и Рем окрепли, они собрали вокруг себя ватагу пастухов и проявили удаль в схватках с разбойниками, а затем, узнав о своем происхождении, восстановили на престоле деда и вернулись туда, где прошло их детство, к холмам в излучине Тибра, и решили там обосноваться. Между братьями возник спор, на каком холме воздвигнуть город и кому быть его основателем. Рем выбрал *Авентин*, Ромул — *Палатин*. Двенадцать коршунов, предвестивших будущему городу столько же веков славы, указали на Палатин и на Ромула как основателя города. Во время постройки стены на Палатине Рем, насмехаясь над братом, перепрыгнул через недостроенную стену. Со словами: «Да постигнет такая судьба каждого, кто захочет силой вступить в город» — Ромул убил брата, и город получил имя Рома (*Рим*).

На соседних с Палатином холмах жили сабины — племя, принадлежавшее к обширной группе оскско-умбрских племен. Историческое предание объясняет по-своему процесс ассимиляции колонистов из Альбы Лонги с местными жителями. Ромул будто бы решил с ними объединиться, в чем были заинтересованы также поселившиеся на Палатине разбойники и беглые рабы, которым для увеличения населения было предоставлено убежище. Однако попытки сосватать сабинянок не имели успеха: с разбойниками и бродягами сабины породниться не захотели. Тогда римляне пригласили на праздник бога-хранителя зерна Конса соседей с их семьями и, по-разбойничьи напав на них, похитили юных сабинянок. Началась война, но, привыкнув к своим мужьям и родив от них детей, похищенные сабинянки помирили отцов и римлян. Оба народа слились в один — с общими обычаями, культами и жрецами и с двумя

царями, Ромулом и Титом Тацием, после смерти которого Ромул стал править единолично.

Процарствовав тринадцать лет, Ромул исчез во время собрания на Козьем болоте (будущем Марсовом поле), и народ заподозрил, что его погубили патриции. Однако некий чужестранец принес весть, что Ромул взят Юпитером на небо, где стал богом Квирином.

Совершенно ясно, что легенда возникла с целью объяснить название города (Рома), что корзинка с подкидышем — мифологический мотив, общий для многих народов, что сам рассказ о Ромуле и Реме принадлежит к близнечным мифам, но миф этот не римский, а, как говорят археологические находки, заимствован у этрусков. Рассказ о похищении сабинянок должен был объяснить древнюю формулу брака, и Ромул к этому не имеет никакого отношения.

В историческом предании о Ромуле, таким образом, сочетаются элементы сказки и мифа. Этого нельзя сказать в отношении преемника Ромула сабинянина **Нумы Помпилия**. В отличие от воинственного Ромула он изображен человеком миролюбивым и ученым, и ему приписано создание календаря и едва ли не всех религиозных обычаев римлян. Более того, он объявлен учеником греческого философа Пифагора, хотя Пифагор появился в Италии через сто лет после того времени, к которому отнесено правление Нумы Помпилия.

Исторические предания, относящиеся к третьему царю, латинянину **Туллу Гостилию**, столь же воинственному, как и Ромул, содержат наряду с сообщениями о войнах легенду о схватке двух пар римских и альбанских близнецов — Горациев и Куриациев, введенную для объяснения причины уничтожения римлянами своей метрополии и переселения ее жителей в Рим.

Четвертый римский царь с сабинским личным именем **Анк** и латинским родовым именем **Марций** — такая же легендарная фигура, как и его мнимый предшественник. Чтобы изобразить его законным царем, ему приписали родство с Нумой Помпилием, и это, в свою очередь, сформировало мирный облик этого царя и религиозного законодателя. В частности, ему приписали учреждение особой жреческой коллегии *фециалов*, в обязанности которой входило осуществление процедуры, связанной с объявлением войны и заключением мира. Согласно легенде, Анку Марцию, вопреки мирной натуре, пришлось вести войны с латинскими городами Политорием, Фиканами и Телленой и после разрушения переселить их обитателей в Рим, где появились кварталы, носящие название этих городов. В ходе раскопок выявлены остатки Политория и Фиканы, что, разумеется, ничего не меняет в нашем представлении о фиктивности четвертого римского царя.

Римские исторические предания дошли до нас в изложении авторов, живших в пору, когда Рим уже был владыкой «круга земель», а не поселком на Палатине, когда римляне еще выбирали своих военных предводителей. И в этом отношении историческое предание о начале Рима достоверно. Не было места постоянных собраний и торгового центра — форума. Не было и храмов богов — покровителей общины, равно как и писаных законов. История Рима как полиса начинается лишь со времени утверждения в нем этрусских правителей **Тарквиниев** и включения Рима в систему этрусского двенадцатиградья.

Первоначальный Рим сохранял родо-племенную структуру. Несколько родов группировались в *курии* — объединения мужчин по религиозному принципу. Для решения важнейших вопросов жизни города народ собирался по куриям, и эти собрания именовались *куриатными комициями*, которые в царский период созывались царем. Каждая курия имела один голос. Куриатные комиции, охватывающие всех мужчин, способных носить оружие, скорее всего, были единственным видом народного собрания, в чью компетенцию входили все вопросы, в которых были заинтересованы члены родов и курий. Надо полагать, что первоначально именно курии осуществляли раздел земли между родами (известно, что каждая курия имела определенный участок земли). В курии были сосредоточены хозяйственные, политические и жреческие функции. Куриатные комиции принимали в число патрициев (cooptatio in patriciis), занимались усыновлением и завещаниями. Надо полагать, что первоначально они состояли исключительно из патрициев и лишь впоследствии в них были допущены также и плебеи.

Курия составляла основу не только римского гражданства, но и древнейшей военной организации. Курии, само название которых, видимо, связано с понятием сообщества мужчин (co-vires), — это чисто родовой институт, однако постепенно принявший несвойственные ему черты, превратившись в часть государственного механизма.

Следующим, более крупным объединением по родственному признаку, была *триба*, которая соответствовала греческой филе и так же, как и фила, может быть переведена на русский язык словом «племя»; но в то же время понятие трибы, подобно греческой филе, обозначало и территориальный округ, единицу территориального деления государства. На трибутных комициях каждая триба имела, как и курия в куриатных комициях, один голос, выступая, таким образом, как единый коллектив. Три трибы составляли римский народ (populus romanus). Главы родов составляли совет старейшин — *сенат* (от слова senex — старик), подобный афинскому ареопагу или спартанской герусии. Он возник при слиянии трех римских племен как общеплеменной совет и неслучайно состоял

из трехсот человек (числа, кратного трем). Члены сената назывались отцами («patres»), потомки первоначального населения Рима — *патрициями*, позднейшее пришлое население, стоявшее вне родовой организации, — *плебеями*. Некоторые плебеи искали покровительства у патрициев и становились их *клиентами**. Впрочем, клиентами могли стать и обедневшие патриции.

Исполнительная власть в римской общине принадлежала выборным военачальникам, наделенным религиозной властью, — царям. Плебеи не участвовали в выборах царей, в религиозных праздниках патрициев, не могли пользоваться общинной землей, которую римляне называли «общественным полем» (*ager publicus*), однако привлекались к военной службе, но во вспомогательных отрядах, а не в гражданском ополчении (*легионах*).

Создание всех этих сложившихся в римском обществе институтов, включая разделение на патрициев и плебеев, традиция приписывает первому из царей, Ромулу. На самом деле все эти установления выросли из первоначальной родовой организации с ее четким делением на единоплеменников и чужаков, обязательным наличием совета старейшин и родо-племенной структурой.

При первом этрусском правителе **Тарквинии Древнем** (согласно традиции, временем его правления считается 616—578 гг.) была осушена болотистая низина между Палатином и Капитолием, использовавшаяся до этого для захоронений и выпаса скота. Здесь образовался торговый и политический центр государства — *форум*, соответствующий греческой агоре. На форуме появились общественные здания: *курия* — помещение для заседаний сената, регий — царский дом. Был отгорожен участок форума, предназначенный для проведения народных собраний — *комиций*. В черту города был включен Капитолийский холм, на одной из вершин которого находилась крепость, а на другой были сосредоточены полисные святыни. В долине, отделявшей Палатин от еще одного холма, Авентина, при Тарквинии был построен цирк, получивший впоследствии название Цирка Величайшего. Рим начал вести активную внешнюю политику, воюя с латинами, сабинами и отдельными этрусскими государствами.

При преемнике Тарквиния Древнего, его зяте **Сервии Туллии** (578—534), была осуществлена реформа, близкая по значению преобразованиям Солона. Плебеев включают в состав римского народа. Они получают право служить в легионе наравне с патрициями, занимая в военном строю место в соответствии со своим имуще-

---

**Клиент* — от латинского слова, имеющего значение «послушный». Клиентела — форма социальной зависимости, существовавшая также у сабинян и этрусков. В раннем Риме она означала персональное или коллективное подчинение пришельцев или зависимого населения главам родов или больших семей.

ственным положением, а не происхождением. Все боеспособное мужское население было разделено на пять *классов* (разрядов), каждому из которых полагался определенный вид вооружения: первому классу — тяжелое дорогостоящее наступательное и оборонительное оружие, второму — более легкое и дешевое, и так далее. Каждый из классов был разделен на *центурии* — военные единицы (дословно «сотня»). Всего насчитывалось 193 центурии, но первый класс (совместно с 18 центуриями всадников патрицианского происхождения) выставлял больше центурий, чем все остальные классы вместе взятые, — 98 центурий. Естественно, что граждан первого класса было неизмеримо меньше, чем остальных, но их «сотни» были неполными, тогда как у последних классов, напротив, переполненными. Центурии одновременно были политическими единицами во вновь создаваемом народном собрании — *центуриатных комициях*. Таким образом, единодушие имущей верхушки гражданства означало возможность принятия решений без учета мнений менее обеспеченного населения. Неимущие граждане — сколько бы их в Риме ни было — входили в одну центурию «*пролетариев*», обладавшую всего одним голосом.

Сервию Туллию приписывается также и введение территориального деления, сравнимого с территориальной реформой Клисфена: создание территориальных триб — четырех городских и шестнадцати сельских, число которых возрастало по мере расширения Римской территории и к середине III в. до н. э. достигло тридцати пяти.

Согласно легенде, Сервий Туллий в первое десятилетие своего правления построил храм, посвященный не этрусским богам, а латинской Фортуне, богине судьбы и счастья, понимаемого как материальное благополучие. И это в полной мере соответствовало идее реформы Сервия Туллия и самой биографии этого баловня судьбы. Храм Фортуны был обнаружен археологами в точности на том месте, где его помещали древние авторы.

Реформы Сервия Туллия укрепили государство в военном отношении, и Рим добивается преобладающего положения в союзе латинских городов. Город был окружен мощной крепостной стеной, которую римляне называли Сервиевой. Отдельные ее участки с характерной для времени Сервия Туллия кладкой сохранились до наших дней.

Патриции не простили царю-реформатору его уступок плебейской верхушке, и он был убит кучкой заговорщиков в сенате. На римский трон без волеизъявления народа был посажен внук Тарквиния Древнего — **Тарквиний Надменный**, отменивший распоряжения Сервия Туллия. Чтобы никто более не вспоминал о его законах, выставленные на всеобщее обозрение бронзовые таблицы, на которых они были записаны, расплавили.

Вместо налогов по доходам Тарквиний Надменный ввел поголовную подать, душившую зачатки предпринимательства, столь необходимого для роста общественного благосостояния. Догадываясь, какое ожесточение и ненависть вызовут эти меры, царь запретил любые народные сборища, даже торги и некоторые религиозные церемонии, во время которых могло выплеснуться недовольство.

В отличие от предшественников Тарквиний не советовался с сенатом. Он единолично объявлял и начинал войну, вступал в союзные отношения с соседями, самовольно распоряжался государственной казной. Пытаясь привлечь на свою сторону плебеев, он, подобно греческим тиранам, преследовал родовую аристократию, но поддержки у плебеев не нашел и поэтому легко был свергнут недовольными патрициями. Легенда связала свержение Тарквиния с насилием, совершенным его сыном над знатной римлянкой Лукрецией. Муж Лукреции и его друзья — Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин, осаждавшие в составе римского войска город латинов Ардею, ворвались в Рим и подняли народ. Тарквиния в Рим не впустили. Царская власть была упразднена и установлена новая форма правления — *республика*, основы которой заложил своим законодательством Сервий Туллий.

Карфаген. Типичным полисом был и Карфаген, основанный в конце IX в. выходцами из финикийского города-государства Тира на одном из полуостровов северного побережья Африки.

Основание Карфагена, как и едва ли не всех полисов, было окружено легендами. Враждебная Карфагену греческая традиция утверждала, что Карфаген основала сестра царя Тира — Элисса (или, как ее впоследствии называли римляне, Дидона), покинувшая родину из-за нанесенной ей обиды. Прибыв во владения нумидийского вождя, Элисса будто бы попросила продать ей участок земли, который можно покрыть бычьей шкурой. Вождь не отказал чужеземке в такой малости. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что пришельцы заняли весь холм, возвышавшийся над бухтой. Финикиянка, не смутившись, заявила, что условия договора не нарушены, и показала на оплетавшие холм ремни, нарезанные из шкуры быка.

Греческое происхождение этой басни явствует из того, что ее рассказчики объяснили на греческий лад название акрополя Карфагена Бирсы («крепость»), истолковав его как сходно звучащее греческое слово «шкура». На самом деле Карфаген был, как и другие финикийские колонии, основан официально, и, скорее всего, выведение колонии связано с давлением на Финикию могущественной Ассирии.

Городская крепость Бирса стала ядром Карфагена. В ней появились великолепные храмы богам-покровителям нового города Мелькарту и Танит, царский дворец. Под холмом вырыли огромный круглый бассейн, который заполнили водой, пущенной по специально проложенному каналу. Образовалась внутренняя гавань для военных кораблей. Постепенно места в Бирсе стало не хватать, и перед портом, на плоской равнине полуострова, возник «нижний город», где дома стали расти, как и в метрополии, вверх.

Чтобы прокормить быстро растущее население, нумидийцев постепенно вытеснили из долины реки Баград. Там разбили сады и виноградники. Оставшись без земель, нумидийцы пошли на службу к городу-государству, нуждавшемуся в физически крепких людях для ведения войн. Однако отношения карфагенян с местным населением в первые столетия существования Карфагена строились на взаимовыгодной основе. Иначе трудно себе представить возникновение в относительно короткое время в округе Карфагена (территория современного Туниса) десятков городов со смешанным финикийско-ливийским населением.

Один из таких городов (получивший название Керкована по современному поселению), хорошо сохранился, поскольку был оставлен жителями после разрушений, причиненных во время африканской экспедиции Агафокла, и следы его не были уничтожены (последующая застройка намного основательней, чем войны, уничтожает остатки прошлой жизни). Выявлены план города IV в. до н. э., архитектура жилого дома, система водоснабжения, типичные для финикийцев захоронения.

Видимо, к III в. до н. э. местное население смешалось с карфагенянами. Возникает новый этнос, который римляне называли *пунами*. О создании единообразной пунической культуры свидетельствуют выявленные в ходе раскопок предметы быта и многочисленные надписи — главный источник наших знаний об общественном устройстве, хозяйстве и религии пунов.

Характеризуя политическое устройство Карфагена, философ и теоретик государства Аристотель писал, что карфагеняне управляются во многих отношениях лучше, чем другие народы. С этим мнением был согласен и великий историк Полибий, участник осады Карфагена и свидетель его гибели.

Власть в Карфагене принадлежала знатным родам, ведшим свои родословные, скорее всего, от богини Танит и считавшим своих предков основателями города. Главы этих родов составляли *Большой совет* из трехсот человек, избиравшихся на год, который осуществлял контроль за проводимыми в городе общественными работами, руководил военными действиями, вел переговоры с другими госу-

дарствами. Центром законодательной деятельности был *Высший совет*, состоявший из аристократов. На нем председательствовали *суффеты*, известные также и метрополии Карфагена Тиру (термин этот означает «судьи»). Суффеты считались высшими должностными лицами. Их было двое. Избирались они обычно из аристократических фамилий и могли быть переизбранными неограниченное число раз. Практически именно они командовали армией и флотом, творили суд, принимали послов. Но они могли быть и смещены за действия, наносящие, по мнению членов Совета, вред государству, и даже подвергнуться казни. Совет руководил внешней политикой государства: объявлял войны, заключал мир и принимал другие ответственные решения. Из числа членов Совета назначались комиссии, в обязанность которых входило изучение какого-либо вопроса и вынесение рекомендаций. Аристотель называет такие комиссии пентархиями («пятерками»). Наряду с Большим и Высшим советами, существовал *Малый совет* (Совет тридцати), возможно, из глав пятерок. Действовало также и народное собрание, в обязанности которого, видимо, входило утверждение решений Высшего совета.

Как и в каждом древнем государстве с республиканским устройством, в Карфагене не прекращалась политическая борьба, обострявшаяся в периоды военных неудач. Интересы высшей земельной аристократии, торговых ассоциаций, рядовых ремесленников и мелких торговцев не совпадали, и эти группы населения, используя тех или иных политических деятелей или организуя прямое давление на верховный орган государства, проводили нужные им решения, а также добивались государственных преобразований. Карфаген был типичной аристократической республикой. Влияние народных низов было в нем, как и в Спарте или Риме, незначительным, и, скорее всего, именно поэтому Аристотель так высоко ставил карфагенское государственное устройство. Простой народ в Карфагене, как и в Спарте, фактически не имел политических прав.

Карфаген славился с самого начала своего возникновения как торговый город. На его рынке близ гавани всегда шла бойкая торговля. Здесь можно было купить не только изделия карфагенских ремесленников, но и дары всех известных в те времена морей и земель: и янтарь с побережья Балтийского моря, называвшийся «золотом Севера», и слоновую кость из степей Ливии, и ковры из Малой Азии, и украшения из Египта, и лес из Италии. А позднее появился и золотой песок в кожаных мешочках с западных берегов Ливии, куда проложил путь отважный мореплаватель Ганнон. Но больше всего на рынке Карфагена было рабов: этот товар пользовался особым спросом — рабов охотно покупали владельцы полей, садов и виноградников, раскинувшихся в окрестностях Карфагена.

Чтобы никогда не иссякал поток золота и серебра и не было недостатка в рабах, Карфаген постоянно вел войны. Вся его история наполнена войнами. Карфагеняне воевали с нумидийцами, заселявшими земли к западу от Карфагена, с греками, облюбовавшими ту же Сицилию, которая лежала в сфере интересов Карфагена, иберийцами Испании и многими другими народами.

Войны обогащали карфагенскую знать, крупных землевладельцев и торговцев. Но сами они за оружие не брались. Сияние золота в сокровищницах было для них приятнее блеска отточенного клинка. А в Греции, Иберии, Египте было немало людей, не имеющих средств к существованию и готовых воевать за серебро. Так в Карфагене появляются отряды наемников. Конечно, им безразличны были интересы Карфагена. Наемники воевали и повиновались военачальникам, пока им платили. Управление наемным войском было искусством, которым владели лишь немногие карфагенские полководцы.

Золото и серебро наемники получали из рук полководца. Если бы полководец вздумал приказать им идти на Карфаген, они бы выполнили и этот приказ. Поэтому карфагенская знать с большим недоверием относилась к выдающимся полководцам, опасаясь, как бы они с помощью наемников не захватили власть.

В VI—IV вв. карфагеняне особенно часто воевали с греками. С Римом они в это время поддерживали дружественные отношения. «Быть дружбе между римлянами и их союзниками карфагенянами» — гласило начало первого договора Рима с Карфагеном, заключенного в 509 г.

Так же, как в Риме, Афинах и других полисах Греции и Италии, в Карфагене имелось многочисленное население из других городов (особенно греков и этрусков). В одной из надписей, найденных в Карфагене, обитающий в городе этруск называет себя карфагенянином. Но такие «карфагеняне» политическими правами не обладали, как и афинские метеки, спартанские периэки и первоначально римские плебеи.

Вокруг Ликурга. Античные авторы много занимались описанием полисов Средиземноморья — греческих, финикийских, этрусских, италийских. Однако становление полиса, могущее объяснить их специфику, было для них загадкой, ибо в их распоряжении находились лишь пережитки полисной старины и легенды о древних царях-законодателях, «отцах» полисов. Таковы были для Афин — Тесей, для Спарты — Ликург, для Рима — Ромул и Нума Помпилий, для Карфагена — царица Дидона.

Анализ этих легенд наукой нового времени показал, что они сформировались в период расцвета полисов для объяснения их ранней истории, хотя сами цари и законодатели могли быть историческими лицами.

Наибольшие сомнения вызывает историчность фигуры Ликурга. Плутарх, написавший его жизнеописание, признается, что невозможно сообщить о нем

ничего строго достоверного и даже неизвестно время его жизни. Из рассмотрения Плутархом мнений предшественников по этому вопросу ясно, что время жизни Ликурга относили к промежутку от возвращения Гераклидов (дорийского переселения) до начала олимпийских игр, т. е. от XI до VIII в. до н. э.

И тем не менее «биография» Ликурга вплоть до его удаления в Дельфы описывается с такой детализацией, словно это историческое лицо, и даже приводятся тексты его ретр (постановлений), первая из которых гласила: «Писаные законы не нужны». На этом основании Ликург стал трактоваться учеными как божество света круга Аполлона, а легенда о нем почти единодушно рассматривается как образчик политического мифотворчества, с помощью которого в аристократических кругах Греции укоренялся взгляд на Спарту как на полис с идеальным устройством.

Но когда возникла социально-политическая система Спарты, приписанная неисторическому персонажу? Конечно же, не в период, к которому в древности относили жизнь Ликурга. В этом у большинства исследователей, занимающихся этой проблемой более полутора веков, нет сомнений. Однако недавно появилась и особая точка зрения, согласно которой «ликургова конституция» возникла не в результате последовательного развития спартанского общества вслед за дорийским завоеванием, а после Мессенских войн первой половины VI в. в результате политического переворота. Эта гипотеза опирается на археологический материал, выявившийся в ходе раскопок Спарты в 1906—1910 гг. Он свидетельствует о высоком развитии художественного ремесла, который не согласуется с обычными представлениями о суровой жизни спартанцев во времена Ликурга. Но может ли быть истолкован высокий уровень ремесленного производства как хронологический показатель превращения Спарты в казарменное государство? Ведь известно, что сами спартанцы ремеслом не занимались и в жизнь подвластного населения илотов и периэков не вникали. К тому же легенды, в том числе и политические, и археологические находки — это памятники разного уровня, и их совмещение при отсутствии других источников обычно дает лишь негативные результаты.

Должна быть исключена возможность введения ликурговой конституции в результате единовременной реформы, тем более VI века, на который падает реорганизация этой конституции в сторону ее ужесточения для противодействия разрушительным экономическим и социальным процессам и движению греческого мира к демократизации (введение эфората в середине VI в.).

Спартанский полис развивался по тому же пути, по которому следовали отсталые полисы Фессалии и Крита. Начало этих полисов — превращение завоеванного местного населения в государственных рабов.

Источники*. При изучении Греции VIII—VI вв. впервые появляются источники, современные эпохе формирования греческих полисов и расширения полисного мира. Для VII в. — это поэма Гесиода «Труды и дни», отразившая напряженную атмосферу изменившегося мира с пришедшим на смену равенству разделением на «сильных мира сего» и «простых смертных», страдающих от несправедливостей и обезземеливания. VI в. нашел эмоциональный отклик у тех из поэтов-лириков, чья судьба оказалась связанной с политическими переменами в их полисах. Это Феогнид из Мегары, аристократ, обрушивавший нападки на тирана и поддержавший его демос; это митиленский аристократ Алкей, создавший целый цикл «песен борьбы»; это Тиртей, в военных

*Здесь и далее разделы источников, кроме источников по греческой и этрусской религиям, написаны Л.С.Ильинской.

маршах которого вырисовывается идеал военизированной Спарты; это Архилох, по личному опыту знавший, что такое нелегкий ратный труд наемника; это, наконец, Солон, запечатлевший в стихах смысл своих преобразований.

Возникновение греческой историографии совпало со временем, когда бо́льшая часть истории Греции фокусировалась вокруг Афин и Спарты, и поэтому именно на них было сосредоточено внимание дошедших до нашего времени греческих авторов, в чье поле зрения могли попадать, а могли и не попадать другие полисы. Исключение составляет лишь Самос — благодаря тому восхищению, какое испытал Геродот перед монументальными сооружениями, возведенными на острове во времена Поликрата.

Прошлое Афин и Спарты занимает значительную часть «Истории» Геродота. В соответствии с общим стилем его труда картина этого прошлого встает красочная, но не всегда надежная. Гораздо более точные сведения содержит сжатый очерк древней истории Эллады в «Истории» Фукидида. Сведения по истории Аттики, которые содержались в утраченных сочинениях историков Аттики (аттидографов), сохранились благодаря тому, что их широко использовали Аристотель в «Афинской политии» и Плутарх в биографиях Солона и Клисфена.

Если для ранней истории Афин более поздние авторы могли пользоваться и письменной, и устной традициями (не только Геродот, но и Фукидид должны были застать в живых тех, кто помнил времена Солона, Писистрата и Клисфена), то информация о реальном положении в Спарте была менее доступной. В Спарте не было и не могло быть собственных историков, а доступ на ее территорию был прочно закрыт (эфоры бдительно следили за тем, чтобы ненужная информация не просачивалась за пределы Лаконики). Поэтому в истории архаической Спарты остается много пробелов, хотя к ней, кроме Геродота и Фукидида, обращались также Ксенофонт и Плутарх (в биографии Ликурга). Однако «Лакедемонская полития» Ксенофонта, ярого сторонника спартанского образа жизни, представляет собой скорее идеализированный образ, чем реальную Спарту; идеальная ликургова Спарта встает и из биографии Ликурга у Плутарха, пользовавшегося трудами авторов III в. до н. э., времени острых социальных конфликтов и реформ, проходивших под знаком возвращения к ликургову строю и толкавших на поиск в далеком прошлом образца для подражания.

Из вопросов, касающихся ранней истории греческих полисов, хуже всего в античной историографии освещены истории тираний. Даже почти полувековая тирания Писистрата и Писистратидов в Афинах Геродотом сведена к нескольким занимательным эпизодам, а Фукидидом не затронута вообще. Правда, самооценка Писистратом своей деятельности и оправдание захвата власти происхождением его рода от древнего царя Кодра имеется в приводимом Диогеном Лаэртским (III в. н. э.) письме Писистрата к Солону, но если бы не находка аристотелевой «Афинской политии» и не эпиграфический материал, судить о ней было бы практически невозможно.

Краткому рассказу Геродота о тирании Поликрата на Самосе мы обязаны исключительно уникальности созданных на острове памятников, о тирании Периандра в Коринфе — интересу к нему как одному из семи мудрецов Диогена Лаэртского. Об остальных тираниях VI в., через которые фактически прошли почти все развитые полисы Эллады, мы по-настоящему не осведомлены — греки не проявляли к ним интереса как специфическому явлению переходной эпохи, воспринимая тиранов как царей, но не наследовавших, а узурпировавших власть.

К литературным источникам, касающимся внутренней истории архаической Греции, добавляется археологический материал, небольшой по объему, но крайне важный. Это прежде всего материалы раскопок начала нашего века на Пело-

понесе в храме Артемиды Орфии, раскрывающие непривычный для нас облик Спарты VII—VI вв., поскольку в храме обнаружены высокохудожественные предметы лаконского ремесла, широко использующие наряду с бронзой золото, слоновую кость и янтарь, и большое количество местной расписной керамики, вполне сопоставимой со знаменитыми коринфскими и афинскими сосудами.

Раскопки дали также богатый эпиграфический и нумизматический материалы. Среди надписей наиболее важны почетные декреты в честь отдельных лиц, оказавших городу ту или иную услугу, и посвятительные тексты богам, позволяющие судить о значимости того или иного культа в жизни полиса. О выведении на Саламин клерухии нам известно лишь из надписи. Монеты позволяют не только установить торговые контакты на территории материковой Греции и за ее пределами, но порой по изображениям на них определить преобладающий тип экономики. О том, какое значение придавал Солон введенному им цензу, красноречиво свидетельствует выпущенная им монета с изображением амфоры. Впервые выпущенные Писистратом и прочно вошедшие в жизнь Афин монеты с Афиной на одной стороне и птицей этой богини, совой, на другой, — еще один показатель внимания, которое уделял Писистрат культу главного божества города.

В отличие от прошлого Балкан среди источников по начальной истории этрусских полисов преобладающее место занимает археологический материал, и лишь дополнением к нему служат отдельные сведения, которые можно извлечь из трудов античных авторов. Археология дает возможность судить об облике этрусских городов и некрополей, о высочайшем техническом уровне, позволявшем пробивать в скалах тоннели и вырубать гробницы, осуществлять осушение болот, об этрусской строительной технике, реалистической скульптуре и фресковой живописи, украшавшей стены погребальных камер.

Ранняя история Рима, напротив, подробно освещена в литературной традиции, однако даже первые из римских авторов отстали от времени римских царей на несколько веков и о прошлом своего города судили лишь по родовым преданиям, насыщенным легендарными подробностями. К тому же труды их, появившиеся в середине III в. до н. э., дошли в незначительных фрагментах. Что касается греческих авторов, современных концу царского периода, они о Риме не пишут, поскольку он был слишком незначителен, чтобы стать известным за пределами Лация. Главные наши источники — первые книги «Истории» Тита Ливия, фрагментарно сохранившаяся «Царская книга» «Римской истории» Аппиана, начальные главы «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского и биографии Ромула и Нумы Помпилия, написанные Плутархом.

Из римской традиции стало возможным выделить историческое ядро лишь после появления археологического материала. Благодаря раскопкам мы знаем, что на Палатине уже в XI в. было поселение, состоявшее из примитивных хижин, основания которых были обнаружены в середине нашего столетия. Известно, что заболоченная равнина между холмами, служившая кладбищем, в VI в. превратилась в форум, став центром городской жизни, и что тогда же была возведена первая окружавшая Рим стена. Находка надписи Валерия «с сотоварищами» с посвящением Мамерсу (древнее имя Марса), датируемая концом VI в., подтверждает правильность традиции о времени установления республики, первым консулом которой был Валерий. Кроме того, раскопками раскрыт облик древнейшего Лация. Сначала находили могилы на месте форума. Это были захоронения, в основном VI в. до н. э., с небогатым однородным инвентарем, соответствовавшим тому уровню развития, который вырисовывался из литературных источников. Но начиная с 70-х гг. нашего века стали обнаруживать и иные захоронения, относящиеся к VIII—VII вв., — с великолепным вооружением, предметами роскоши, включая вывезенные с Востока,

и даже колесницами, о существовании которых в Италии раньше и не подозревали. Интересные результаты дали раскопки древнего Лавиния, который легенда связывала с предысторией Рима и куда торжественно направлялись при вступлении в должность консулы, цензоры и диктаторы, чтобы принести жертвы богам-прародителям. Там обнаружили монументальный погребальный тумулус, который описал в I в. до н. э. Дионисий Галикарнасский, называя его погребением Энея, и древние алтари близ побережья, ассоциировавшиеся римлянами с высадкой троянского героя. Естественно, это не стало доказательством реальности легенды о переселении прародителя римлян из Трои, но показало древние корни формирования легенды, восходящие по крайней мере к VI в. до н. э.

Источником наших знаний о древнем Карфагене до последнего времени практически служили лишь нарративные источники, прежде всего современник гибели великого города Полибий и Аппиан, посвятивший три столетия спустя после исчезновения Карфагенской державы одну из книг своей «Римской истории» схваткам Рима и Карфагена, разворачивавшимся на территории Ливии. В их трудах содержатся отдельные сведения о карфагенской торговле и первых столкновениях с греками на почве Сицилии, а также об организации управления, скорее всего, восходящие к несохранившейся «Карфагенской политии» Аристотеля и к погибшим при разрушении Карфагена документам и сочинениям карфагенских авторов. Но сведения эти настолько скудны, что не позволяют воссоздать раннюю историю Карфагена, и если бы не археология, мы не могли бы судить ни о размахе карфагенской колонизации, ни об облике Карфагена.

Карфагенская археология*. Первые археологические исследования на почве Карфагена начал французский дипломат, путешественник и писатель Франсуа Рене Шатобриан (1768–1848), отождествивший в 1807 г. руины на берегу Туниса с торговой и военной гаванью Карфагена, описанной Аппианом. Тогда же датским консулом при дворе тунисского бея были произведены раскопки, обнаружившие остатки римского Карфагена. Однако систематические раскопки были осуществлены лишь полстолетия спустя, в 1859 г., французской экспедицией.

Именно тогда холм Св. Людовика был отождествлен с карфагенским акрополем Бирсой. Находки были размещены в специально для них предназначенном небольшом музее. После этого вспыхнул интерес к Карфагену, и на его волне возник роман Флобера Саламбо из жизни Карфагена времен Гамилькара Барки.

В 1867 г. в целях поисков гробницы одного из легендарных святых по распоряжению папы римского был создан орден «Белых отцов». Археологи в рясах развили активную деятельность в районе римского Карфагена и наряду со следами христианской общины IV в. обнаружили многочисленные пунийские погребения с их богатым инвентарем. Это были глубокие колодцы с ведущими вниз ступенями и расположенными друг над другом погребальными камерами. В самых богатых могилах усопшие покоились в саркофагах, покрытых росписью или рельефами, порой с крышками антропоморфной формы с нанесенным на них изображением то ли покойника, то ли кого-то из богов. Однако раскопки «белых отцов» были кладоискательством, не оставившим никакой научной документации. К тому же, на холме был возведен кафедральный собор, закрывший часть археологической зоны.

Находящиеся в тунисских музеях надписи, терракотовые фигурки и фрагменты зданий храмов, ни местонахождение которых, ни, порой, даже их при-

* Параграф написан Л.С. Ильинской.

надлежность тому или иному божеству установить уже невозможно, — тоже результат хищнических раскопок как «белых отцов», так и кладоискателей.

С конца XIX в. археологическое исследование стало более упорядоченным. В плотном слое пепла, покрывшем Карфаген после разрушения его римлянами в 146 г. до н. э., были найдены отдельные плохо сохранившиеся металлические предметы, монеты, местная и привозная керамика. Руин пунийского города в то время обнаружить не удалось, но были выявлены следы римской строительной деятельности времени Августа, нанесшей не меньше, если не больше ущерба, чем пожар 146 г., поскольку на месте расположенных под холмом жилых кварталов римляне возвели гигантскую платформу. Она должна была отгородить намеченные постройки от почвы города, преданного проклятию. У подножия холма Бирсы были открыты огромные колонны, на которых лежала эта платформа.

Начиная с 20-х гг. нашего столетия, после случайной находки ставшей знаменитой стелы с изображением жреца с ребенком, ведутся раскопки обширного тофета, в котором к настоящему времени выявлены тысячи стел с находящимися под ними урнами.

В 1972 г. Организация Объединенных Наций развернула акцию по спасению Карфагена от расширяющейся в его сторону тунисской столицы. В раскопках принимали участие французские, английские, немецкие и польские ученые. Немецкая экспедиция, работавшая на берегу вблизи старинного дворца тунисского бея, обнаружила руины доримского города, сама возможность найти который раньше категорически отрицалась ввиду единодушного мнения древних авторов о полном разрушении Карфагена. Были выявлены две гавани, торговая и военная, раскопаны датированные V в. кварталы Карфагена и его цитадель Бирса.

Развитие городской территории удалось проследить вплоть до II в. до н. э., когда руины перерезала новая стена с городскими воротами. Город имел правильную планировку. Была раскопана главная улица, имевшая ширину 14 м, и блоки домов со следами разрушения при добыче строительного материала, открыт канал трехметровой глубины. Судя по размерам жилищ с мозаичными полами, со стенами, покрытыми цветной штукатуркой, цистернам для воды, в них жили зажиточные люди. Под одной из стен в ходе археологической кампании 1987 г. были, наконец, найдены следы первого заселения этой территории. Один из домов, построенный в VIII в., дожил до середины IV в. до н. э. Что это за здание, простоявшее столько лет, остается загадкой.

Глава 9
ВЕЛИКАЯ СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ (VIII—VI ВВ. ДО Н. Э.)

Каждая цивилизация, имеющая свой путь и не замкнутый во времени цикл развития, не остается изолированной. Она кругами расширяется в пространстве, приходя в соприкосновение с другими культурами, обмениваясь с ними своими достижениями и пороками, вовлекая их в свое движение. Финикийские и греческие города-государства, возникшие по берегам Египетского и Эгейского морей, используя соленую стихию, которую греки называли Понтом (т.е. путем), на протяжении нескольких столетий распростра-

нялись своими отростками главным образом в западном и северном направлениях, пока все берега Средиземного моря, включая побережья островов, не захватила единая культура. Это была поистине великая колонизация.

Полис и племенной мир. Полис был, как уже отмечалось, специфической формой государства античного мира. Он вырос из племенной организации, обрекая ее на уничтожение. В структуре полиса сохранилось деление на племена (греческие филы, фратрии и соответствующие им в римско-италийском мире трибы, курии). Характеризуя устройство своего родного полиса, римский поэт Вергилий пишет:

Мантуя! Предками славишься ты, но не единого корня.
Корня имеешь ты три, по четыре племени в каждом.
Ты же сама их глава, сильная кровью этрусской.

Говоря «не единого корня», поэт имеет в виду то, что население Мантуи состояло не из одних этрусков, но и из других племен (умбров, венетов), подобно тому как Рим, сильный «латинской кровью», объединял в своих стенах также сабинян и этрусков. Полис, таким образом, допускал соединение племен различного этнического происхождения, что нарушало первоначальное естественно сложившееся членение — по происхождению от единых предков.

Вырастая из родоплеменной организации, полис воспринимает такие ее элементы, как общинное землевладение и общинные формы жизни (народное собрание, совет старейшин), но преобразует их в соответствии с делением граждан по имущественному принципу и с задачами защиты собственности на землю — и общинной, и разрушающей ее частной.

Поначалу полисы — это островки в необозримом племенном море, которому они противостоят как внешне родственные, но по сути чуждые образования. Порой племенной мир заливает полисы волнами вооруженных вторжений. Но без племенной периферии полисы не могут существовать, ибо она служит источником поступления сырья и рабочей силы и, что не менее существенно, вбирает в себя излишнее население полисов, способствуя разрешению чисто полисных проблем. Так возникают *апойкии* — выселки, превратившиеся в самостоятельные полисы, чьи граждане хранят память о своем полисе-матери (*метрополии*), а иногда — и об обстоятельствах выселения. Они не блудные сыновья, не бродяги, которые, устав от странствий, могут возвратиться к родному очагу — у них есть собственный дом и, естественно, возникают те же проблемы, которые заставляют их образовывать все новые апойкии (колонии-апойкии не следует путать с колониями-клерухиями, военными поселениями, в которых колонисты сохраняли гражданство в своем полисе).

Целью колонизации было освобождение от излишнего населения, освоение новых земель, но одновременно и решение проблем сбыта предметов ремесла, сырьевого обеспечения, прежде всего металлами, а также и мощным средством притока рабочей силы — рабов. Аграрные и торговые интересы полисов, участвующих в колонизации, переплетались. Чисто сельскохозяйственные поселения в колонизованных районах зачастую превращались в развитые центры ремесла и торговли. И напротив, временные поселения торговцев становились сельскохозяйственными.

Корабль причаливает к Питекуссе. В самом начале весны, когда, утихнув после зимних бурь, море становится доступным для дальних плаваний, к плоскому островку в обширном заливе, над которым высилась зеленая гора, подошло греческое пятидесятивесельное судно. Пришельцы вытащили на пустынный берег корабль и рассыпались в поисках пресной воды.

Видимо, больше всего их удивили стайки обезьян, перепрыгивающих с дерева на дерево. Конечно, обитатели города Халкиды, расположенного на острове Эвбея (а это было их судно), и раньше видели обезьян: их привозили в Халкиду из Египта и продавали за серебро. Но одно дело — обезьяна в клетке, другое — на воле. Потому и назвали халкидяне остров, на котором решили обосноваться, *Питекуссой, Обезьяньим островом* («питекос» по-гречески — обезьяна). Точно по тем же соображениям, но на своем языке, называли его до греков и обитавшие по соседству на материке этруски — Инарима (по-этрусски обезьяна — «арима»). Так, по рассказам древних историков и археологическим материалам, дополненным данными языка, рисуется появление первых греческих поселенцев в западных морях. Датируется оно на основании древнейших погребений на островке, ныне именуемом Искья, приблизительно 750 г.

На огромном полуострове, который греки называли Тиррением по самому могущественному из населявших его народов тирренам (этрускам), тогда еще не было ни одной греческой колонии. Не было греческих колоний и на примыкавшей к Тиррении Сицилии. Да и поселение халкидян у берегов Кампании еще не являлось колонией в полном смысле слова. Оно было тем, что в эпоху европейской колонизации XVI—XIX вв. назовут факторией, т.е. базой для торговли с местным населением во вновь открываемых странах. Сами же греки называли такие базы *эмпориями*.

Островки и их выгоды. Древнейшие греческие, как ранее и финикийские, эмпории возникали на островках. Островки обеспечивали переселенцам определенную защиту от нападений местного

населения и удобство торговых контактов. Если отношения с аборигенами налаживались, можно было перейти на материк, если нет — удалиться вместе с товарами восвояси. Выбор островка зависел от выгод, которые сулила торговля. Знаменитый финикийский Гадес возник на островке близ иберийской реки Бетис, сказочно богатой серебром, и на торговом пути к Британским островам, откуда доставляли необходимое для бронзовой металлургии олово. Эмпорий халкидян на Питекуссе находился в нескольких днях плавания от принадлежащего тирренам острова Эфалия, известного богатейшими месторождениями железа. Это было очень выгодно халкидянам, ибо их город был известным центром металлургического производства.

Кампания, близ которой возник эмпорий халкидян, была плодороднейшей частью Италии (говорили даже, что при разделе земель между народами боги сначала хотели оставить ее себе). Кампанцы обеспечивали поселенцев Обезьяньего острова всем необходимым. О том, что же шло в обмен на железо, зерно, лес, смолу и рабов, в которых нуждались эллины, известно благодаря археологическим исследованиям. В богатых могилах VIII—первой половины VII в. не только в Кампании, но и близ городов этрусков и даже латинян находят ювелирные изделия греческой и финикийской работы. Все это, принадлежавшее при жизни вождям племен и родовой знати, поступало в Италию через Обезьяний остров. И не только товары. В первой половине VIII в. сначала у этрусков, а затем и у других народов Италии — латинов, венетов, умбров — появляются первые надписи, выполненные алфавитным греческим письмом того типа, каким пользовались халкидяне — основатели первого эмпория.

По одной из римских легенд, в страну, управляемую двуликим Янусом, прибыл с востока корабль. Пришелец, назвавший себя Сатурном, попросил убежища, сообщив, что изгнан своим сыном Зевсом. Янус принял Сатурна и передал ему власть, сделав первым царем Италии. Царь Сатурн научил туземцев, косневших в дикости, всему, что знал сам, — земледелию, виноградарству, оливководству, корабельному делу, грамоте. В честь Сатурна римляне учредили многодневное празднество, когда приостанавливались все общественные и частные дела, когда царило необузданное веселье, когда рабы в память о золотом веке Сатурна освобождались от работ, а школьники — от занятий.

Раскопки показали, что «корабль Сатурна» причалил к Питекуссе.

Первая колония на Западе. Ни тиррены, ни варвары, обитавшие под зеленым тогда Везувием, не предупредили халкидян, что эти места чаще других потрясает своим трезубцем колебатель

Карта греческой колонизации

земли Посейдон, которого здесь именовали Нептуном. После одной из вспышек беспричинного гнева или, может быть, забавы великого бога, не оставившей на острове невредимым ни одного дома, халкидяне решили переселиться на материк.

Это произошло, кажется, через поколение после того, как эвбейский корабль впервые пристал к берегу Питекуссы. Не пожалев для вождя и его дружины вина, халкидяне сумели приобрести пустовавшую на побережье землю и приступить к строительству города, который получил название Кумы — может быть, потому, как считали некоторые из древних авторов, что скалистый и открытый ветрам соседний берег открывал зрелище вздымающихся волн («кумата» — по-гречески «волна»). Кумы очень скоро превратились в крупный центр, чьи торговцы проникали вглубь полуострова вплоть до северных земель Этрурии и Лация и внутренних горных районов Кампании.

Вслед за халкидянами и их соседями по острову эретрейцами на Запад обращают взор и другие полисы, страдавшие от перенаселенности или просто нуждавшиеся в новых рынках.

Возможно, древнейшей греческой колонией в Сицилии был Наксос, основанный самым крупным из островов Кикладского архипелага Наксосом на северо-восточном ее побережье. Литературные источники датируют основание Наксоса 734 г. Археологические данные даже углубляют эту дату до 750 г. Наксос был ионийской колонией, расположенные к югу от него *Сиракузы* — дорийской. Их

метрополией был Коринф. Первоначально, около 733 г., коринфяне обосновались на небольшом островке Ортигии, в обширном заливе, а затем перебрались на соседнюю Сицилию. На том же побережье около 728 г. халкидяне основали колонии Леонтину и Катану. Дорийской колонией, основанной около 690 г. родосцами и критянами, была Гела.

Судя по археологическим данным, южное побережье Италии было колонизовано микенцами еще в XIII—XII вв. Воспоминание об этом сохранилось в легенде об основании ахейской колонии Кротона: будто бы еще задолго до ее появления на южное побережье полуострова прибыл с быками Гериона микенский герой Геракл и по оплошности убил владельца этой территории некоего Кротона, а потом, уже много столетий спустя, в VIII в., он, ставший небожителем, наслал какому-то обитателю Ахайи, на севере Пелопоннеса, сон, побудивший его отправиться с колонистами на юг Италии, основать там город и назвать его Кротоном. По соседству с Кротоном в том же VIII в. ахейцы основали город Сибарис, самый богатый из греческих городов всего Запада.

Полис на парусах. Наряду с обычной схемой основания колоний возникали и особые варианты. В середине VI в. персы, покорив славившуюся своими богатствами Лидию, начали продвигаться по Эгейскому побережью Малой Азии. Один за другим греческие полисы попадали в их руки. Не желая разделять их судьбу, обитатели процветающей торговой Фокеи решили оставить свои дома, храмы и земли, чтобы обосноваться где-нибудь подальше от персов. Выйдя в море, они бросили в пучину массивный кусок железа и поклялись не возвращаться, пока железо не всплывет. Корабли взяли курс на запад, где еще около 600 г. в землях лигуров фокейцы основали свою первую колонию — *Массалию* (ныне Марсель).

Уникальность ситуации заключалась в том, что на поиски новых мест обитания отправилось все гражданство метрополии. Месяц с лишним потребовался им для преодоления расстояния от берегов Малой Азии до Апеннинского полуострова. За это время они убедились, что эллины не горят желанием пригласить их на пустующие земли поблизости от своих городов. И тогда фокейцы решили осесть на острове, населенном одними варварами, — Корсике — и там, возле речушки Алалия, начали строительство Новой Фокеи. Но и на Корсике не обрели они покоя. Появление конкурентов насторожило этрусков-тирренов, считавших себя единственными хозяевами моря, недаром носящего их имя — Тирренское. Под напором объединенных сил этрусков и их союзников по борьбе с эллинами карфагенян фокейцы понесли существенный урон

в кровопролитном сражении при Алалии. И хотя этрускам рано было торжествовать победу, фокейцы решили не искушать судьбу и вновь поднялись на корабли. На этот раз счастье улыбнулось им, и на юге Италии, неподалеку от колонии Сибариса Посейдонии, возник фокейский город *Элея*, вскоре ставший не только процветающим торговым центром, но и средоточием философской мысли всей Западной Греции.

Этрусская колонизация. В VIII—VI вв. на Апеннинском полуострове колонизация осуществлялась не только эллинами (здесь их называли греками*). Этрускам, создавшим в это же время между реками Тибр и Арно свои полисы, также стало не хватать земли, да и торговые интересы толкали их на освоение новых территорий. Этрусская колонизация, в отличие от греческой, была, как правило, сухопутной (известен лишь один пример основания этрусской колонии на острове в океане), хотя народ этот считался одним из самых прославленных морских народов, обладавших могущественным флотом.

Продвигаясь долинами рек, этруски уже с VII в. стали основывать города в землях латинов, лигуров, умбров, венетов и других италийских племен. Главными артериями первой волны этрусской колонизации стали Тибр и Арно с их притоками. Выходя за пределы собственно этрусской территории, этрусские метрополии, объединенные в союз двенадцати городов, приступили к освоению долины самой полноводной из рек Италии — Пада (современная По).

Первым шагом на север был выход на правобережье Арно, где на высоких холмах был основан город Фезулы. Впоследствии рядом с ним уже римляне заложили Флоренцию. Двигаясь дальше на север, этруски основывают Фельсину, переименованную римлянами в Бононию (современная Болонья). При впадении в Пад одного из его притоков возникла Мантуя. Среди этрусских колоний были два приморских города — Атрия, давшая имя Адриатическому морю, и несколько южнее — Спина.

Города Северной Италии объединялись в двенадцатиградье, подобное тому, какое существовало в собственно Этрурии. Объединение было необходимо не из страха перед местными племенами венетов и лигуров, которые не были опасны прекрасно вооруженным этрускам, — сплоченность требовалась для борьбы с многочисленными кельтскими племенами (галлами), вторгавшимися в Северную Италию начиная с VII в. Видимо, центром сопротивления стала Мантуя, защищенная водными преградами. Впоследствии Мантую стали считать главой северного двенадцатиградья.

---

*По обитавшему в западной части Балканского полуострова народу — граиков.

Двигались этрусские колонисты и в южном направлении. Одно время и Рим, тогда еще незначительный город, находился под властью этрусских царей. На юге этруски проникли в богатейшую часть Италии — Кампанию, на побережье которой к моменту их появления уже существовала греческая колония Кумы. В непосредственной близости от Кум появились этрусская Капуя, вскоре ставшая самым крупным из городов Кампании, а также Помпеи, Геркуланум и другие города.

Дружественные отношения сложились у этрусков с Сибарисом. Договор о союзе этрусков с этим могущественным городом, заключенный перед лицом таких неподкупных свидетелей, как боги, и торжественно переданный на хранение в храм Зевса Олимпийского, был не так давно найден археологами. Разрушение Сибариса в 510 г. было ударом и по этрускам. Потеряв союзника, этрусские города Южной Италии не смогли противиться экономическому натиску карфагенян с моря и движению горных племен Центральной Италии с суши.

Карфагенская колонизация Запада. Соперником греков в колонизации Запада был Карфаген. Финикийские торговцы, по словам греческого историка Фукидида, задолго до греков обосновались на окружающих Сицилию островках и ее мысах. Они не оставили археологических следов, но следы карфагенской колонизации Сицилии, Сардинии, Мальты и других островов Западного Средиземноморья, а также всего северного побережья Африки и побережья Испании чрезвычайно отчетливы.

Лучше всего благодаря раскопкам известно, как выглядела первая из карфагенских колоний в районе Сицилии — Моция, возникшая на крошечном, всего в 45 гектаров, островке у южного берега Сицилии. Непригодный для сельскохозяйственной деятельности, на протяжении пяти веков (VIII—III) этот город, фактически не имевший сельской территории, стал местом обитания карфагенских ремесленников и торговцев. На Моции имелись два порта, северный и южный, позволяющие принимать суда в любую погоду, жилые кварталы, один из которых чисто ремесленный, некрополь и обширный тофет. Раскопан также храм, скорее всего, посвященный верховному богу карфагенян Ваал-Хаммону. Несмотря на обеспечивавшее относительную безопасность островное положение, город был защищен мощными стенами из местного камня. В ремесленном квартале обнаружены моллюски-багрянки, дающие основание полагать, что здесь изготовляли пурпур, считавшийся изобретением финикийцев. Жилые дома, полы которых порой украшены мозаикой, свидетельствуют о богатстве обитателей Мо-

ции, а найденная в домах и погребениях греческая керамика — о связях с соседними и более отделенными греческими полисами.

Карфагеняне колонизовали северное и часть южного побережья Сицилии, где, кроме Моции, античным авторам известны такие карфагенские города, как Солунт и Панорм (на пунийских монетах на-

Карфагенская колонизация

званные Зис и Кфр), оба на северном берегу, восточнее горы Эрик, на которой также высилась карфагенская крепость. На южном берегу карфагенянам принадлежали Лилибей и Селинунт с их округой, куда входила и гора Адран со святилищем местному богу того же имени. Население во всех этих городах было, как и на территории Ливии, смешанным: наряду с карфагенянами в них жили как греки, так и выходцы из местных племен сикулов и элимов. Здесь господствовала смешанная культура с преобладанием греческих элементов.

Более заметное влияние оказала карфагенская культура на Сардинию, которой греческая колонизация едва коснулась. Островом, заселенным сардами, одно время владели этруски. После их переселения в Италию в малоазийской Ионии возник план колонизации этого обширного, богатого металлами острова, но его не удалось осуществить, и значительная часть Южной Сардинии была ко-

Стелы тофета в Моции

лонизована карфагенянами, основавшими там города Нору, Сульцис и Фаррос.

Как показали недавние археологические исследования, карфагенской колонизацией было охвачено все северное побережье Африки к западу от Карфагена (территория современных Туниса, Алжира и Марокко). Такие города, как Алжир, Танжер, Ликс, карфагеняне основали, видимо, еще до экспедиции Ганнона вдоль океанского побережья Африки. Захват ими древней финикийской колонии Гадес у Столпов Мелькарта (Геракла) и овладение Южной Испанией закрыло путь в океан не только грекам, но и союзникам карфагенян этрускам, которым, впрочем, иногда удавалось прорывать карфагенскую блокаду. Океанская торговля приносила Карфагену огромные богатства — золото, олово, серебро, янтарь, слоновую кость, ценные породы древесины и, разумеется, рабов. Именно они превратили Карфаген в один из наиболее процветающих городов круга земель и сделали его соперником не только греков, но и Рима, с которыми на протяжении нескольких веков он поддерживал дружеские отношения.

На берегах Понта Эвксинского. В процессе средиземноморской колонизации ключевая роль с древнейших времен принадлежала проливам, открывавшим путь на западном направлении в океан, на северном — в Понт Эвксинский. После сверкающей голубизны Пропонтиды и горловины Боспора лежащее за нею море казалось мрачным и пустынным. В нем не было путеводных островов, да и берега его были заселены неприветливыми варварами. Поэтому о человеке, избежавшем какой-либо грозной опасности, говорили: «Он выбрался из середины Понта». Возможно, еще до того, как на его бурных волнах закачались греческие паруса, берега его были освоены карийцами или иными древнейшими мореплавателями. На это как будто указывает борьба за Трою — город на Геллеспонте. Однако море не оставляет следов, на берегу же они пока не найдены, и кроме мифа об аргонавтах нет никаких сведений о первых попытках освоения черноморского бассейна извне, и приходится начинать с появления на Понте греческих колонистов.

Расположенную на Геллеспонте Трою в античную эпоху сменил греческий город с фракийским названием Византий (впоследствии Константинополь, Стамбул) на восточном берегу Боспора. Он был

основан соседом Афин дорийским полисом Мегарой в 660 г. До того, как были освоены северные берега Понта Эвксинского, предметом торговли византийцев был тунец, косяками проходивший горловину Боспора. Положение как бы на мосту между двумя континентами имело также огромное политико-стратегическое значение, и уже на заре своей истории Византий был превращен в крепость, о которую разбивались волны варварских нашествий.

На южном берегу Понта Эвксинского в середине VI в. выходцы из Мегары и Беотии основали другую колонию — Гераклею, вскоре занявшую господствующее положение в понтийской торговле. В длительной войне гераклейцам удалось оттеснить и поработить соседнее племя мариандинов. Это сделало город могущественным и позволило ему стать метрополией нескольких других городов на западном и северном берегах Понта.

Заселение греками северного побережья Понта встретило трудности. Там обитали народы, более могущественные чем те, с которыми греки встречались в Западном Средиземноморье. Однако богатства этих земель помогли превозмочь страх перед препятствиями. Из страны, где на счету была каждая горсть земли и каждая капля воды, греки попадали в степи с такой почвой, что воткни в нее посох — вырастет дуб, с великими реками, устья которых казались морями, с необычайными рыбными богатствами. Здесь было все, кроме маслины, особенно теплолюбивой. Дикий виноград можно было заменить культурным и, приучив варваров к неразбавленному вину, ослепить их, как хитроумный Одиссей ослепил великана циклопа.

Первыми преодолели страх перед местными варварами переселенцы из Милета, высадившиеся на небольшом островке на северном берегу Понта Эвксинского, которому по протекавшей по материку могучей реке дали имя *Борисфен* (впоследствии островок назвали Березанью). Вскоре, освоившись, переселенцы перебрались на материк и основали там город. Само название его — *Ольвия* (по-гречески «Счастливая») должно было их защитить от превратностей судьбы и свирепости варваров. Местоположение Ольвии было чрезвычайно выгодным. С моря в лиман, на берегу которого располагалась колония, подходили корабли как из самой Греции, так и из Таврики, с берегов Меотиды (Азовское море) и Колхиды. По Борисфену и Гипанису везли на лодках, барках, плотах все, что произрастало в степях и что могли дать леса. И шумело под стенами Ольвии торжище, подобного которому не было нигде в Греции. Ведь прибывший из какого-либо греческого города любознательный путешественник, наподобие будущего историка Геродота, мог, прогуливаясь мимо помоста, на котором были выставлены на продажу рабы, увидеть представителей всех народов, заселяющих всю Евро-

пу до самой страны гипербореев, — агофирсов, в стране которых будто бы с неба, как из вспоротой подушки, сыплются перья, каллипидов, по виду не отличающихся от скифов, но питающихся хлебом, луком и чесноком, каких-то варваров, белолицых и голубоглазых, но в черных, как вороново крыло, одеяниях, обитателей непроходимых лесов буддинов, и каких-то совершенно лысых людей, не то от рождения, не то лишенных волос за прегрешения перед богами.

Впущенный в ворота, он мог бы не без удивления заметить, что город, прилепившийся к варварскому берегу наподобие ракушки, сохранил образ жизни своих основателей. Ольвиополиты одевались, ели и пили то же, что и в Милете, почитали в храмах отчих богов, а также героя Ахилла, дух которого будто бы обитал по соседству, на сказочном Белом острове. Они участвовали в народных собраниях и выбирали должностных лиц, катались обнаженными, к ужасу посещавших город варваров, на песке, пели хором гимны богам и декламировали наизусть Гомера, который никогда не слышал о скифах, а считал всех обитателей этих степей киммерийцами.

В первой половине VI в. те же милетяне основали на берегу Боспора Киммерийского еще одну колонию — Пантикапей. Боспор Киммерийский был важнейшим торговым путем, соединявшим Понт Эвксинский с лежащими в глубине приазовскими, приволжскими и донскими степями. Прямо под городом проходили косяки рыб неизвестных грекам пород, и само название города происходило, скорее всего, от иранского слова в значении «путь рыбы». Акрополь Пантикапея и прилегающая к нему часть находились на склоне возвышавшейся над проливом высокой горы, дававшей возможность наблюдать за передвижением судов на море. Рядом с Пантикапеем появилась россыпь мелких поселений, основанных другими ионийскими полисами, а на противоположном берегу пролива появился основанный фанагорийцами Теос, родина поэта Анаксагора. Все эти полисы, за исключением несколько отдаленной Феодосии, тяготели к Пантикапею, ставшему столицей Боспорского царства. Уже в середине VI в. Пантикапей начинает чеканить собственную серебряную монету, которую ныне археологи находят далеко за пределами Таврики, ибо монетой пантикапейцы расплачивались за хлеб, рабов и иные товары, поступавшие в гавань, находившуюся на месте центра современной Керчи.

В VI в. появляются также и другие ионийские колонии на западном и южном побережьях Таврики — Керкинитида и Херсонес, расположенный на полуострове между двумя бухтами. Впоследствии ионийцы были вытеснены из Херсонеса дорийцами, выходцами из Гераклеи Понтийской (южный берег Понта Эвксинского).

Постепенно греческие колонии появляются и на восточном берегу Понта Эвксинского. Одна из них носит название Фасис как и река, известная уже по мифу об аргонавтах.

Источники. Особенно разнообразны источники по греческой колонизации. О выводе колоний и отдельных событиях в жизни их населения сообщают и Геродот, и Фукидид, и Страбон, и Плутарх и многие другие авторы, но сведения эти разрозненны и часто случайны. Единственным исключением был труд сицилийского историка III в. Тимея, осветившего историю западногреческого и пунийского миров в их соприкосновении с неведомым его предшественникам Римом. Но этот труд, который был бы незаменим при изучении мира греческих колоний, не сохранился.

Поэтому важно, что сведения древних авторов значительно дополняются богатейшим археологическим материалом. С конца XIX в. раскапываются греческие города Северного Причерноморья и египетский Навкратис; в середине XX в. также и в Южной Италии на смену поверхностному знакомству с участками находящихся на поверхности храмов пришло систематическое изучение греческих колоний Запада — их фортификаций, некрополей, керамического и металлургического производства, торговых контактов, системы разделения земель, распределявшихся между поселенцами (ранее последняя была известна лишь в Херсонесе).

Изучение греческой колонизации непредставимо без эпиграфического материала. Особенно важна группа надписей, относящихся к основанию колоний. Они позволяют установить процедуру вывода колоний, систему распределения земли между колонистами. Раскрывают надписи и взаимоотношения колонистов с метрополией, уточняя права колониста на сохранение какой-то части имущества в пределах метрополии, на получение наследства родственников, умерших в метрополии, и, наконец, на беспрепятственное возвращение на прежнее место жительства с восстановлением гражданских прав; в некоторых случаях специально оговаривается право на получение в случае временного приезда в метрополию положенной доли мяса жертвенного животного и участия в общеполисном жертвоприношении.

Кроме надписей, связанных непосредственно с организацией колоний, имеются тексты постановлений, вынесенных по тем или иным поводам жизни города, эпитафии, декреты в честь отдельных граждан апойкии или метрополии. Эпиграфика позволяет узнать о людях и событиях, которые никогда не попадали в свитки известных историков, будучи незначительными в общем потоке общегреческой истории, о заботах и радостях горожан. Так, например, в Херсонесе обнаружена надпись в честь местного историка Сириска, чье имя ни разу не проскользнуло в трудах дошедших до нас авторов.

Огромный нумизматический материал, постоянно пополняющийся в ходе непрекращающихся раскопок, дает возможность судить об экономике городов по излюбленным изображениям на монетах (колосьев, пчел, кораблей и т. п.), об их бедности или богатстве, отражающемся в металле, из которого производился чекан, но главное — о торговых связях, пути которых прочерчивают монеты вслед за товарами. Другим постоянным свидетелем торговли являются амфоры, в которых обычно перевозилось вино и оливковое масло.

Финикийско-карфагенская колонизация обеспечена литературными источниками неизмеримо хуже, чем греческая. Единственным компактным текстом, затрагивающим одно из ее направлений, является небольшой экскурс Фукидида в прошлое Сицилии, в котором историк сообщает о заселении острова до греков финикийцами, занимавшими все выступающие в море мысы и при-

легающие островки и лишь с приходом греков оттесненными в западную часть острова. Это сообщение Фукидида до недавнего времени оспаривалось, поскольку археологических следов финикийского присутствия выявить не удавалось. Даже еще в литературе 20-х гг. XX столетия в лучшем случае признавалось существование на Западе финикийских торговых стоянок, но не колоний в собственном смысле слова. В последнее время бурные успехи карфагенской археологии показали значительную интенсивность финикийской и вслед за ней карфагенской колонизации. Древнейшие слои финикийско-карфагенских колоний обнаружены, кроме упоминавшихся выше колоний Сардинии и сицилийской Моции, также и в других городах Сицилии, на Балеарских островах, в Испании. Выход финикийцев за Столбы Мелькарта засвидетельствован найденным на Азорских островах Атлантического океана кладом финикийских монет.

Начальный период карфагенской колонизации не документирован современными этому процессу монетами из-за сравнительно позднего появления в Карфагенской державе чекана. Тем не менее, монеты V в. и даже еще более позднего времени позволяют внести ряд уточнений в картину карфагенской колонизации африканского побережья, Иберии и особенно Сицилии и Сардинии. Монетные легенды с названиями чеканивших их пунийских городов позволяют составить детализированную карту Карфагенской державы. По относительной самостоятельности типов чекана в городах Сардинии можно судить о большей их независимости от Карфагена, чем другие колонии, тогда как факт начала этого чекана с 300 г. до н. э. говорит о второстепенном значении колоний Сардинии в финикийско-карфагенской торговле. Но особенно информативны монеты, чеканившиеся финикийско-карфагенскими колониями Сицилии. По их греческим легендам можно судить о гораздо более тесном соприкосновении с греческими торговцами, чем можно думать на основании сохранившейся литературы. Причем не случаен сам факт появления первых финикийских эмиссий на полвека раньше, чем в самом Карфагене, в главных финикийско-пунийских колониях Сицилии — Моции, Солунте и Панорме, а также не только положенная в основу чекана эвбейско-аттическая весовая система и тот же номинал, что и в греческих городах острова, но и греческие легенды на этих первых карфагенских монетах. Вместе с тем включение карфагенян в монетную систему острова лишь после 480 г., ознаменованного поражением карфагенян при Гимере, позволяет определить характер взаимоотношений с греками в более ранний период как значительно более враждебный.

Еще хуже обеспечена источниками этрусская колонизация, по которой может быть использован практически лишь археологический материал, полученный в ходе раскопок городов Северного и Южного двенадцатиградий (да и то ограниченно, поскольку последующее строительство почти полностью уничтожило ранние слои этих этрусских колоний), и памятники письменности, позволяющие по особенности письма понять, какие полисы выводили колонии.

Северопонтийская археология. Великая средиземноморская колонизация, нашедшая отражение в греческой и римской исторических традициях (финикийская и этрусская не сохранились), изучается преимущественно на материалах, добытых археологией как в виде вещественных остатков, так и надписей и монет. Для нас ближе всего история северопонтийской археологии, вот уже два столетия являющаяся частью русской исторической науки.

Включение Крыма и земель между Днепром и Днестром в состав России в конце XVIII в. сделало их доступными научному исследованию, которое началось с установления местоположения древнегреческих полисов и описания их находящихся на поверхности остатков. В этом великая заслуга знаменито-

го академика П. С. Палласа, путешествовавшего по югу России в 1793—94 гг. и давшего о своем путешествии отчет в книге, вышедшей семь лет спустя в Лейпциге. Палласу было известно местоположение Херсонеса и Ольвии, и он описал их топографию и издал несколько попавшихся ему на глаза монет и надписей. В 1799 г. в этих же местах путешествовал крымский судья Н. Сумароков, выпустивший книгу о путешествии по Крыму и Бессарабии в 1800 г. Таким образом, заслуга открытия греческих полисов на юге России должна быть поделена между Палласом и Сумароковым. В 1819 — 20 гг. два новых путешественника, опять-таки обрусевший немец и русский, П. И. Кеппен и М. И. Муравьев-Апостол уточнили сведения своих предшественников. Вскоре начались раскопки, в основном хищнические, умножившие количество памятников греческого искусства, поступивших в музеи Петербурга, Москвы и Одессы. Регулярные раскопки Херсонеса, Ольвии, Пантикапея и других северопонтийских греческих колоний начались в конце XIX — начале XX в.

Раскопки Херсонеса начал в 1877 г. Оскар Казимирович Костюшко-Валюженич, севастополец, редактор «Севастопольского листка». Самоучка, фанатик археологии, он обладал энергией и настойчивостью Шлимана, но раскопки ему пришлось проводить на скромные суммы, выделяемые императорской археологической комиссией и к тому же имея дело с монастырем, оккупировавшим территорию древнего города на том основании, что именно здесь произошло крещение Руси. В 1894 г. безденежье и нападки невежественного духовенства на «иноверца» (хотя и принявшего православие) повергли археолога в отчаяние: «Зачем, — писал он, — я не родился столетием раньше, я бы пал к ногам великой Екатерины и спас бы Херсонес... от его будущих врагов, принесших ему... больше зла, чем это сделали скифы и остальные варвары».

И все же Херсонес был очищен от земли и предстал во всей мощи своей оборонительной стены, сложенной с удивительным изяществом и искусством. Наибольшее впечатление производит фланговая башня, известная как «Башня Зенона» (по имени византийского императора). Изучение ее позволило выделить следы работ многих столетий, в ходе которых башня перестраивалась и укреплялась после разрушений или в ожидании нашествий.

Камни защищали Херсонес от враждебного внешнего мира, обеспечивая реальность того, что на отчеканенной в городе монете обозначалось словом «элевтерия» — свобода. На камнях, использовавшихся как материал для письма, строится воссоздаваемая исследователями нескольких поколений история античного Херсонеса. Из них мы узнаем о событиях его почти тысячелетней истории от основания города до перехода под власть византийских императоров: о вторжениях варваров и их отражении, о союзах с другими государствами, о строительстве, о почитании богов, о постоях чужих гарнизонов и многом другом. Такую же роль играют и монеты, иллюстрирующие своими изображениями и легендами распространение мифов и религиозных культов, события военной истории, а весом и содержанием металлов — экономическое состояние государства.

Раскопки Пантикапея и его округи начал в 1814 г. местный житель П. Дюбрюкс. Тогда на поверхности еще были видны следы стен, и он нанес их на бумагу вместе с очертаниями руин. Но впоследствии план затерялся. В ходе раскопок второй половины XIX — XX в. был восстановлен план оборонительной системы Пантикапея IV в. до н. э., когда город достиг наибольших размеров. В верхней его части находился акрополь с храмами Деметры, покровительницы землепашества и матери богов Кибелы. Склоны горы были опоясаны земляными террасами, на которых воздвигались дома. Улицы, находившиеся на разных уровнях, соединялись лестницами.

Внимание археологов-любителей привлекли также некрополи столицы Боспорского царства, тянущиеся непрерывной полосой по склону горы Митридат, и курганы с монументальными склепами. В 1830 г. близ Пантикапея был открыт курган Куль-оба (IV в. до н. э.), построенный по какому-то фракийскому или греческому образцу, но с богатейшим погребением скифского царя, в деревянном саркофаге, в пышной одежде и головном уборе, расшитом золотыми бляшками, с золотой гривной на шее с изображением конных скифов. Находившееся рядом женское захоронение сохранило великолепные изображения из скифской жизни, выполненные греческим ювелиром. В раскопанном в 1832 г. другом громадном кургане оказалось три разграбленных погребения, но в памяти местного населения, видимо, неслучайно сохранилось его название — Алтын-оба (Золотая могила). Склеп этого кургана в состоянии соперничать по размерам с так называемой гробницей Атрея под древними Микенами. Другую структуру имел открытый в 1837 г. царский курган, также опустошенный грабителями. Длина его окружности — почти четверть километра, высота — 17 м.

Греческие некрополи не дали ювелирных изделий, поражающих своим совершенством. Их сокровища — это надгробные плиты, первоначально простые, известняковые, с вырезанным именем покойного, а затем из того же материала, но украшенные рельефами и даже мраморные, доставлявшиеся из Аттики. Иногда рельефы расписывались красками и содержали изображения покойных, по отдельности или в кругу семьи. Интересен и погребальный инвентарь — предметы домашнего быта и недорогие украшения. Надписи на погребальных стелах — ценнейший источник для изучения этнического состава боспорских городов в различные периоды их истории. Надписи указывают не только имя захороненного, но иногда обстоятельства кончины, профессию (купец, судостроитель, учитель начальной школы, филолог, флейтистка), а также родину умершего, которой не всегда был Пантикапей или другие города Боспорского царства.

Литературные источники характеризуют Пантикапей как один из ведущих центров хлеботорговли, но они не содержат сведений о том, откуда и как попадало зерно в закрома боспорских царей, которых афинский оратор Демосфен называл хозяевами хлеба. До тех пор, пока в середине XX в. не начались интенсивные раскопки сельских поселений на Керченском полуострове, об этом судили по аналогии с земледелием Аттики и других областей Греции или на основании общих представлений о роли рабского труда в экономике древнего мира. Раскопки позволили выделить несколько типов сельских поселений, различающихся планировкой, местоположением, социальной принадлежностью и этническим составом их обитателей. Выявлены деревни и могильники, принадлежавшие негреческому населению, очевидно, закрепощенному, как мариандины в Гераклее Понтийской или илоты в Спарте. Однако в количественном отношении преобладали среди боспорских земледельцев греки, и греческая культура земледелия господствовала во всех видах поселений.

Археология раскрыла также пеструю картину религиозных верований сельской территории Боспора. Существовали различные погребальные обряды; наряду с покровительствовавшими земледелию греческими богами, судя по надписям, почитались иранские и фракийские боги.

Глава 10

ОТ РОДОПЛЕМЕННЫХ ВЕРОВАНИЙ К ПОЛИСНОЙ РЕЛИГИИ И МИФОЛОГИИ

Религия — спутница всех без исключения цивилизаций и их духовная сущность, связанная со всеми сторонами жизни и ими обусловленная. По отличию религий древних египтян, шумеров, хананеев, индийцев, китайцев от религии народов античного круга земель мы можем судить об античности как о цивилизации, обладающей особым, неповторимым обликом.

ГРЕЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

После «темных веков» богам и героям, почитаемым пеласгами и ахейцами, пришлось потесниться, так же как и их почитателям, впустив в свою среду примитивных божков завоевателей, не знавших городской жизни. Меньше других пострадали от вторжений и скорее оправились от их последствий ионийцы Малой Азии. Именно там возникли первые полисы и их религиозное объединение двенадцатиградье, покровителем которого считался Посейдон. Там же выявила себя Мнемосина (память), которую на Балканах почти вытравили дорийские завоеватели. Именно там возник исторический эпос, создатель которого уже в первой строке обращается к дочери Мнемосины Музе:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...

Эпос не только возвысил ионийских богов над божествами коренных обитателей Малой Азии, но и поднял их авторитет к высотам Олимпа над полисами и племенами материковой и островной Греции, а по мере развития колонизации — и всего круга земель. «Илиада» и «Одиссея», лишенные и тени религиозного догматизма, заняли место священных книг Востока, а их герои Ахилл, Диомед, Одиссей стали для воинов-завоевателей и мореплавателей своего рода моделями, по образу и подобию которых они лепили свои характеры. Описанные Гомером, а после него Гесиодом Зевс, Афина, Аполлон, музы, витая над переселенцами, обращали в свою веру и варваров, вытесняя или преобразовывая их божков и духов.

Формирование каждой из главных религий античного мира — греческой, этрусской, римско-италийской — сложный и длительный процесс, зависевший от множества несовпадающих факторов, и поэтому они должны быть рассмотрены по отдельности.

До Олимпа. До того, как у предков греков сложилось представление о высших богах, занявших подзвездный Олимп, у них, как и у других обитателей земли, живших родами и племенами, существо-

вала вера в земные существа, порожденные Землей и Морем и делившиеся на отдельные группы. На первоначальной стадии они не имели определенного облика и представлялись бесплотными, но очень опасными влиятельными созданиями. Затем, когда боги в сознании людей приобрели человеческий облик, духи (или демоны, как их называли греки) приобрели женский и мужской пол и свой собственный облик, приятный или отталкивающий, в зависимости от той среды, в которой они обитали, и стали разделяться на «братьев» и «сестер». Эти существа виделись лукавыми и мудрыми, игривыми и коварными, добрыми и жестокими. Они могли то выручать людей из беды, то преследовать их, то даже воевать друг с другом. Представления о них эллинов восходят к глубочайшей индоевропейской древности. Об этом говорят совпадения практически одинаковых названий, дававшихся одним и тем же вещам и явлениям живущими далеко друг от друга индоевропейскими народами. Так, совершенно очевидно первоначальное родство эллинских кентавров (полулюдей-полуконей) и индийских гандхарвов. В других случаях разные названия низших богов, выполняющих одну и ту же функцию, не мешают их считать близкими родственниками.

Новое религиозно-мифологическое сознание с его представлениями о высших и низших, царях и подданных, господах и рабах превратило порождения природы в слуг или свиту высших богов. Эти высшие боги разрушали первоначальное единство. Они выхватывали одно или другое женское существо, делая его матерью других героев и богов, а некоторых перенося на Олимп.

Особенно был обширен мир нимф, олицетворявших все движущееся и растущее в природе, все дающее жизнь растениям, рыбам, животным. Главные из них — *дриады* (древесные), рождавшиеся и погибавшие вместе с деревом, и *наяды* (водные) — духи источников, ручьев и всего того, что живет в воде.

Древнегреческие леса и горы, кроме нимф, были наполнены также многочисленными демонами плодородия — *сатирами* и *силенами*, настолько близкими по своему облику, что даже греки часто их путали, а затем и вовсе перестали различать. Их неразрывная связь с природой проявлялась в козлиных или лошадиных копытцах, хвостах, остро торчащих ушах, а иногда и задорно поднимавшихся над головою козлиных рожках. Буйные, неукротимые в любви, вине, веселье, они с заселением Олимпа богами превратились в спутников бога вина и хмельного неистовства Диониса. Тогда же из массы силенов выделился один, обладавший явной индивидуальностью, — Силен, мудрый и музыкальный, но в то же время не способный устоять перед лишней чашей вина.

Особое место среди демонов леса занимал *Пан*. Рожденный нимфой от кого-то из богов, он был ею брошен, едва появившись на свет, ибо внушал своей матери ужас, но был подобран отцом и отнесен на Олимп, где при его виде все боги покатились со смеху. Так наиболее распространенная греческая легенда объясняла происхождение имени Пан от греческого слова «все». Между тем Пан задолго до появления греков на Балканском полуострове почитался его древнейшими обитателями пеласгами и, скорее всего, его имя происходит от пеласгийского глагола, имевшего значение «пасти».

Пан — пастырь овец и коз. Пастухи считали его своим покровителем и подносили ему в дар молоко и мед диких пчел. Но он также покровитель охотников и рыбаков — всех, кто общается с дикой природой и пользуется ее благами. Он охраняет неприкосновенность природы, ее мирный покой. Ему внушают отвращение все голоса и звуки войны — ржание и топот коней, дребезжание боевых колесниц, бряцание мечей, свист стрел. Защищая свои владения от чужаков, он наводит на них безотчетный страх, который называют паническим.

Море мыслилось населенным многочисленными демонами — *морскими старцами, нереидами, тритонами*. По именам известны старцы *Протей, Нерей, Форкис* и *Главк*. Протей воплощал изменчивость моря. Он мог принимать любой облик и обладал даром пророчества, но никогда не применял этот дар по доброй воле. Его нужно было поймать и крепко держать, не пугаясь его превращений, только так удавалось добиться от него предсказаний. Нерей, в отличие от бездомных своих братьев, имел на дне морском дворец, где жил со своей женой — *океанидой*, имея от нее множество дочерей — *дев-нереид*, окружавших золотой трон отца, сидевших за прялкой или резвящихся в море. Сохранившиеся имена нереид так же, как и связанные с ними сюжеты, говорят о справедливой и благой их природе и одновременно — об утерянной современным человечеством способности воспринимать мир моря во всем его единстве и разнообразии. Нереиды, воплощающие бесчисленные морские волны, — сестры, но не близнецы. У каждой — свой характер в зависимости от глубины моря, быстроты течения, силы ветра, особенностей берега и даже от освещения.

Условно к морским существам могут быть причислены полуптицы-полудевы *сирены*, заманивающие в глубину мореходов сладостным пением. Скорее всего, сирены — существа подземного мира, возвещающие смерть. Отцом сирен греческий миф называет *Ахелоя*, считавшегося владыкой всех пресных вод. Его сыновья — *ахелои* — изображались с рожками на голове.

К сиренам близки дочери морского старца Форкиса *грайи*, помещаемые на рубеже Океана и мира мертвых, на островке, который

посещает солнечная колесница перед тем, как покинуть землю. В отличие от сирен грайи не имели в своем облике звериных черт, но и не обладали их привлекательностью. Их представляли отвратительными дряхлыми старухами, по очереди пользовавшимися единственным глазом и единственным зубом.

В ходе длительной религиозно-мифологической эволюции появились *девять муз*, покровительниц искусства и знания. Первоначально, как и другие божества-множества, музы не имели ни индивидуального имени, ни индивидуального облика. Лишь постепенно в отдельных уголках Эллады выделились отдельные группы муз, которых древние поэты называли «старшими», «доолимпийскими» и количество которых ограничивали.

Девять муз впервые появляются в «Одиссее», а Гесиод уже называет их имена: *Каллиопа, Клио, Мельпомена, Эвтерпа, Терпсихора, Талия, Полигимния, Урания, Эрато*. В это время они уже обитательницы Олимпа, что не мешает им сохранять излюбленные местности на земле — горы *Парнас* (Фокида) и *Геликон* (Беотия). Гесиод обращается к музам Геликона, представляя их как очаровательных быстроногих дев, кружащихся в хороводе на склоне горы вокруг алтаря Зевса.

Матерью муз Гесиод называет *Мнемосину*, богиню Воспоминания, а отцом — *Зевса*:

Девять ночей сопрягался с богинею Зевс промыслитель,
К ней далеко от богов восходя на священное ложе.

Очередная ночь давала жизнь одной из муз, и можно думать, что первоначально муза воспринималась как покровительница каждого года, дарованного верховным богом царям, которые, подобно критскому Миносу, были обязаны «в девятилетие раз общаться с великим Зевесом».

«Муса» (муза), по наиболее вероятному истолкованию греческого слова, — это «размышляющая», «помышляющая», «мыслящая», что одновременно объясняет, почему матерью муз названа Мнемосина: память — необходимый элемент размышления.

«Специализация» муз как покровительниц отдельных видов искусств стала возможна лишь с появлением самих этих искусств. *Мельпомена* сделалась покровительницей трагедии, *Талия* — комедии, *Терпсихора* — танца, *Клио* — истории, *Урания* — астрономии, *Эрато* — любовной поэзии, *Каллиопа* — эпоса.

Формирование олимпийского пантеона. Постепенно у эллинов сложились представления о богах, которых мы называем «*олимпийцами*», поскольку местом их пребывания считалась гора *Олимп*, расположенная в Фессалии, на границе между эллинами и варварами.

Представления об олимпийцах были такими же зыбкими, как и их образы. Они прошли вместе со своими почитателями долгий исторический путь, уходящий корнями в мир первобытности, мысливший сверхъестественные силы по образу и подобию родовых коллективов. Эллинские мифы запечатлели в образах богов историю освоения человеком окружающей среды и познания им своего места в ней. Каждый из небожителей, населявших Олимп, имел, согласно мифам, также свою земную родину — вполне конкретную местность, остров, гору и т. п. Так, земной родиной Зевса была гора Ида на Крите, Аполлона и Артемиды — островок Делос. Нетрудно понять, что за этими представлениями стояло место, где впервые возникло почитание того или иного бога, позже ставшего олимпийцем.

С богами были связаны определенные растения или птицы, пресмыкающиеся, млекопитающие. Орел, считавшийся вестником Зевса и постоянно находившийся у его ног на Олимпе, очевидно, приобрел это положение потому, что первоначально сам почитался как солнечное божество, владыка неба. Священными животными Афины были змея и сова, у многих народов почитавшаяся как носительница мудрости. Трагически кончившееся преследование Аполлоном прекрасной нимфы Дафны — свидетельство первоначального почитания лаврового дерева, которое впоследствии стало играть особо значительную роль в культе Аполлона. Равным образом с Зевсом связан царь лесов дуб, с Посейдоном — конь, с Дионисом — виноградная лоза и плющ, а с Персефоной — тополь. Все это — ценнейшая информация о доолимпийской религии, о том времени, когда сверхъестественные силы мыслились не в человеческом облике, а в виде камней, растений, животных.

В религии и мифах эллинов отразились изменения, внесенные в жизнь обитателей круга земель крушением минойского мира и микенских царств и великим переселением народов XII—XI вв. Культ Великой богини-матери уступает место культу патриархального владыки — бога-отца. Им первоначально был не *Зевс*, а *Посейдон*, в образе которого явны черты древнесредиземноморского бога-быка, в его супруге, переселившейся вместе с ним на Олимп, различимы черты священной коровы. Так, *Геру*, первоначальную покровительницу острова Самоса и Арголиды, называли «волоокой», а ее неудачливая соперница Ио превращалась в телку. Гера в греческой мифологии — богиня-покровительница брака и семейной жизни, строго карающая нарушителей супружеской верности. Первоначально Гера покровительствовала суровому обряду перехода молодежи в брачный возраст — инициациям. Эти испытания нашли отражение в подвигах Геракла, само имя которого означает «прославляющий Геру». По мере того, как смысл инициаций становился

неясен, Гера переосмысливается в неутомимую преследовательницу Геракла, сына супруга Геры Зевса от земной ее соперницы.

Посейдон, уступив место верховного бога Зевсу, оттесняется в водную стихию. Сначала он связывается с водами вообще, в том числе подземными (откуда его ипостась коня, животного, считавшегося хтоническим), затем прочно занимает место владыки морской стихии.

«Сестра» Посейдона и Зевса *Деметра* — богиня плодородия, великая владычица природы. После превращения Зевса, первоначально мыслившегося как ее супруг, во владыку Олимпа она была вытеснена его новой супругой, Герой. Оставшись без супруга, Деметра отдала всю свою любовь и привязанность единственной дочери *Персефоне*, ежегодно умирающей и воскресающей богине растительности, которую миф делает женой *Аида*, брата Зевса, Посейдона и Деметры.

Представления о его царстве, подземном мире, возникли из наблюдений за спутницей жизни, ее вечной тенью — смертью. Первоначально человек полагал, что душа умершего обитает там, где и ее оболочка (тело), — на месте погребения или в утробах зверей и птиц, поедающих труп. Затем, когда стали верить в небесных богов, появилась вера и в своеобразный «подземный Олимп» для подземных богов смерти — и подвластных им душ мертвых. Отделенные от тел души сами или в сопровождении духов — слуг и спутников смерти спускались в один из провалов в земле и оказывались перед *Стиксом*, подземной рекой, девять раз опоясывающей землю. При переправе душе приходилось рассчитывать на помощь старца *Харона*, сына Ночи, владеющего черным челном. Сесть в него могла лишь душа, заплатившая выкуп. Поэтому мертвецу вкладывали в рот мелкую монету — обол. За рекой смерти, как и в домах богатых людей, опасающихся за свое добро, появился злобный сторожевой пес *Кербер* (Цербер), с тремя головами, виляющим хвостом перед входящими и злобно набрасывающийся на выходящих. Сам Аид мыслился могучим мужем, восседающим на троне. В зимние месяцы года рядом с ним находилась *Персефона*. На остальные месяцы он отпускал ее на землю.

К Аиду первоначально был близок бог подземного огня *Гефест*, почитавшийся в местах, близких к действующим вулканам. Объявленный сыном Зевса и Геры, он, согласно мифу, был поднят младенцем на Олимп. Вызвав у матери отвращение, он был сброшен ею на землю, упал в море, был воспитан в подземном гроте нереидами, овладел мастерством кузнеца и вернулся во всеоружии на Олимп, где Гера отдала ему в жены самую привлекательную из богинь — *Афродиту*.

Афродита, богиня чувственной любви и любовного очарования, — дочь Зевса и одной из океанид. По другой версии, она родилась у берегов Кипра из пены, образованной упавшим в море семенем бога неба Урана. Как и многие олимпийские богини, Афродита в греческой религии — пришелица. Недаром главное место ее почитания — остров Кипр, рано заселенный финикийцами. Здесь, в городе Пафосе, находился самый знаменитый из храмов Афродиты. Отсюда прозвища Афродиты — Киприда, Пафия, Пафосская богиня. О восточном происхождении Афродиты говорит и история ее страсти к прекрасному смертному юноше Адонису, само имя которого имеет финикийское происхождение и означает «господин». Он почитался на Востоке как умирающее и воскресающее божество растительности. Прообразом Афродиты была, скорее всего, финикийская богиня любви и плодородия Астарта.

Как богиня любви, Афродита имела множество возлюбленных — и среди богов, и среди смертных. На Олимпе это был сын Зевса и Геры *Арес*, бог беспощадной, неистовой брани, тайный соперник трудолюбивого Гефеста: Гефест создавал, Арес уничтожал. Согласно рассказанному Гомером мифу, Гефесту как-то раз удалось поймать Ареса и свою супругу в невидимые, хитро сплетенные сети. По другому мифу, Арес был, к радости стремящихся к миру людей, схвачен двумя великанами и брошен в темницу, но пробыл в ней лишь тринадцать месяцев, после чего войны на земле уже не прекращались.

Афина, почитавшаяся микенцами как Атана, а минойцами — как Бритомартис и Афайя, постепенно оттеснила своих эгейских соперниц. В облике Афины явственны черты покровительницы городской жизни и мирного труда. Афина была богиней честной, справедливой войны. Равная силой и мудростью Зевсу, Афина — главная его помощница в битве неугомонным поколением старых богов — титанами. Первоначально — одна из великих богинь-матерей, более поздним мифом Афина превращена в девственницу и дочь Зевса, родившуюся из его головы. Афине приписывалось создание культуры земледелия, приручение диких животных, обращение к занятию ремеслами и кораблестроению.

Культ Афины в большей мере, чем почитание других олимпийских богов, был культом культуры в ее наивысших материальных и духовных достижениях. Символично, что и город, получивший ее имя, стал средоточием культуры.

В столетия формирования мифов человеческие поселения с участками для земледелия были островками в море лесов, покрывающих горы. Из лесов приходили хищники, нападавшие на домашних животных и уничтожавшие посевы. Но и люди охотились на

диких животных и птиц, служивших им пищей. Человек разумный был человеком убивающим, но он еще не был настолько безрассуден, чтобы считать себя господином дикой природы. Он был уверен, что над зверьем властвует владычица зверей, и тот, кто посягает на жизнь ее тварей, должен делиться с ней частью охотничьей добычи.

Богиней дикой природы в эпоху формирования олимпийской религии стали считать *Артемиду*. Но множество прозвищ этой богини — Бравронния, Тавропола, Ифигения и другие — заставляют думать, что едва ли не каждый лесной массив имел свою собственную покровительницу диких зверей, не являющуюся ничьей дочерью, и лишь потом эти локальные божества объединились в единый образ великой богини.

В той «специализации», которую в глазах верующих приобрели олимпийцы, *Аполлону* было отведено священное знание, включавшее в широком смысле этого слова и искусство. Это позволило ему считаться покровителем сказителей, поэтов и художников и предводителем муз. Тех, кто осмеливался соперничать с ним, посягая на его сферу, Аполлон ставил на место или безжалостно с ними расправлялся: у бога Гермеса он отнял лиру, а с сатира Марсия содрал кожу.

Аполлон — бог синкретический, соединивший в себе множество образов, среди которых не последнее место занимало местное малоазийское божество. Неслучайно в «Илиаде» он — покровитель Трои. Остатком представлений малоазийских народов, помещавших своих богов на севере, явился миф, согласно которому часть года этот бог проводил в стране *гиперборeев*, наслаждаясь пением лебедей и зрелищем прыжков ослов (наверное, северных оленей), приветствующих приход весны. В позднем варианте мифа Аполлон родился на острове Делос от возлюбленной Зевса Латоны вместе с Артемидой, с которой он первоначально не имел ничего общего. Рождение его приветствовали лебеди. Первым подвигом Аполлона считалась победа над чудовищным драконом *Пифоном* в Дельфах (Средняя Греция).

Среди земледельцев, особенно виноделов, пользовался почитанием бог вина и хмельного неистовства *Дионис*, матерью которого считалась фригиянка Семела (Земля), а отцом — Зевс. В мифах о странствиях Диониса по всему свету, вплоть до Индии, отражен факт распространения виноградарства — культуры, первоначально чуждой Европе. Враждебность земледельцев к аристократам и пользовавшемуся у них наибольшим почитанием Аполлону запечатлена в мифе о превращении напавших на Диониса морских разбойников в дельфинов. Дельфин же привел Аполлона в Дельфы, откуда его эпитет — Дельфиний.

В культе Дионисия принимали участие его обезумевшие почитательницы менады (вакханки). Идеи дионисийства противостояли олимпийскому порядку и соответствующей этому порядку государственной организации, согласно которой народ должен подчиняться знати, считавшей себя потомками богов. Включение Диониса в число олимпийцев было выражением достигнутого в период образования полиса компромисса между аристократией и демосом.

К олимпийским богам был причислен и древний покровитель пастухов *Гермес*, которого стали считать сыном Зевса и плеяды Майи. Воплощением Гермеса считалась куча камней, каменные столбы у дверей и ворот. Как носитель мудрости и тайных знаний о мире, он мыслился и проводником душ в Аид. В своей дальнейшей эволюции быстрый и расторопный Гермес превращается в бога гонцов и бога торговли, покровителя путников и даже воров.

Таковы двенадцать олимпийских богов. Каждый из них воплощает сложный комплекс представлений, сложившихся в ходе многовекового развития греческого народа и его соприкосновения с другими народами. Помимо этого, образы богов и богинь переплавлялись в горниле творческих талантов и вбирали в себя философские представления, господствовавшие в разные эпохи истории античности. Зевс Гомера — это далеко не то же самое, что Зевс Гесиода, — греческих драматургов и тем более философов.

Космогония. В космогонических представлениях эллинов явно ощущается влияние Востока. Это явствует прежде всего из сопоставления двух древнейших эпосов — гомеровского и гесиодовского, разделенных, скорее всего, полутора столетиями. У Гомера в картине мира присутствуют лишь отдельные элементы, навеянные развитыми восточными религиями, у Гесиода же в поэме «Теогония» дается завершенная космогоническая система.

Гесиод осознает историю создания мира богами как преодоление хаоса и неподвижности. Сначала зародился Хаос, а следом за ним «широкогрудая Гея» (Земля), Тартар (глубочайшие недра земли), затем — Эрос (вожделение, желание) и порождения Эроса — Нюкта (Ночь) и Эреб (Мрак). От их соединения появились Свет, Эфир и День. Земля сама из себя произвела равное себе ширью звездное Небо (Уран), Горы и «бесплодное море», а потом, соединившись с Ураном, породила сначала одноглазых и многоруких чудовищ, затем — титанов. Младший из них — Кронос — низвергает отца. За временем Кроноса следует время его потомков, олимпийских богов. Изначальный *Хаос, Уран, Кронос, Зевс* составляют, таким образом, четыре мифологические вехи в истории мироздания.

Мифы о богах и героях. То, что высших богов было двенадцать, выражало присущее многим народам древности представление об идеальной структуре космоса (двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев года и, соответственно этому, двенадцатиградье). Но сам состав двенадцати богов был во многом случайным и, во всяком случае, необъяснимым. Ведь помимо этих двенадцати, грекам были известны многие сотни других богов, и десятки из них не уступали по значению олимпийским избранникам. Были боги, изгнанные с Олимпа, в том числе родители олимпийцев — боги и демоны, первоначально более могущественные, чем последние, но ставшие их помощниками и слугами.

Греческие мифы объясняли происхождение отдельных богов, повествовали об их приключениях и отношениях друг с другом. И поскольку за богами стояли силы и явления природы, греческая мифология как система отражала представления о космосе в том виде, как они складывались и изменялись на протяжении веков. Мифы объясняли место в космосе человечества, взгляды на его развитие, на проделанный им путь.

Часть мифов рассказывала о любовных связях богов со смертными женщинами и богинь со смертными мужчинами, о рождении полубогов — *героев*. Понятие «герой» включало в себя не только благородное божественное происхождение, но и высокое общественное положение того или иного персонажа. В герое воплощались все воинские доблести. Силой он был почти равен богам, мог вступить с ними в бой, даже ранить и обратить в бегство. Герой оставлял после себя погребальный холм (*героон*) — свидетельство его посмертной славы и место культа. Эти герооны сохранялись и почитались во многих районах Греции, при этом герооны одних и тех же героев появлялись в разных, далеко отстоящих друг от друга местах. Это связано с тщеславием аристократических родов, нуждавшихся в вещественном подтверждении своего полубожественного происхождения.

Многие герои не были историческими лицами и носили имена, производные от названия племени, например, от ионийцев получил имя Ион, от эолийцев — Эол. Столь же фиктивны были родословные — перечни предков, соединяющие существовавшие в полисную эпоху аристократические роды с героями и их божественными отцами и матерями. Но этими родословными очень дорожили, поскольку они не только обеспечивали почет их обладателям, но и обосновывали права владения землей.

Политизация мифов. Греческая мифология чрезвычайно увлекательна не только своими сюжетами, но и их полисным переосмыслением. Людям античного мира незачем было заменять мифы

микенских времен и еще более отдаленной древности полисными мифами: переосмысленные старые мифы ставились на службу новым общественным прослойкам.

Особенно показательно переосмысление «биографии» *Тесея*, героя города Трезен, расположенного на юго-восточном берегу Саронического залива. Афиняне в период начавшейся при Писистрате экспансии на морях остро ощущали отсутствие героя, который мог бы оправдать направленность их политики. Как назло, ни один из героев аттической мифологии или мифических царей, связанных с акрополем Афин, к этой роли не подходил. И пришлось «додумать» миф о трезенском герое Тесее, генеалогически связанном не с покровительницей Афин Афиной, а с ее соперником в борьбе за обладание Аттикой Посейдоном. И тогда в Афинах появился миф, будто у Тесея, кроме божественного отца, был отец смертный — афинский царь Эгей, сошедшийся с трезенской царевной Эфрой в ту же ночь, что и Посейдон. После этого оставалось направить Тесея в Афины будто бы в поисках родителя, связать его трезенскую биографию с судьбой Афин и отдать вместе с афинскими юношами и девушками на съедение критскому чудовищу Минотавру. Тесей спасает юных афинян и афинянок, уничтожает флот царя Миноса и по пути на новую родину посещает как раз те острова, на которые претендовали Афины. Возвратившись в Афины, он невольно, по рассеянности, становится причиной гибели Эгея, который бросается в море, получившее название Эгейского. Время переосмысления образа Тесея афинянами совпадает с периодом образования афинской морской державы.

Был переосмыслен миф и о дорийском герое *Геракле*. Первоначально деяния Геракла вписывались в репертуар обрядов испытания молодежи, которыми в Арголиде ведала богиня Гера, подобно тому, как в других частях Греции — Артемида. Испытания выявляли храбрость, силу и находчивость юноши в схватке с дикими обитателями суши, воды и неба. Он должен был продемонстрировать умение сражаться с оружием и без него в сложных и разнообразных природных условиях и готовность принести руководительнице испытаний убитое животное. И только после этого он мог прибавить к имени, данному ему при рождении отцом, почетное прозвище «Геракл» — прославивший Геру.

География древнейших «деяний» Геракла ограничивалась Арголидой, затем —Пелопоннесом. С началом великой греческой колонизации, в которой активнейшее участие принимали дорийские полисы Коринф и Мегара, Гераклу и его подвигам стал открыт весь круг земель. При этом осваивали они прежде всего западное направление, ибо древнейшие дорийские колонии были основаны в Си-

цилии и Южной Италии. На западе главными соперниками дорийских колонистов были финикийцы, почитавшие Мелькарта. Проявив чисто дорийскую агрессивность, Геракл присвоил финикийские мифы об освоении Запада, а также дал свое имя проливу, соединяющему Внутреннее море с Океаном.

На Пелопоннесе дорийский Геракл отнял у критского героя честь основания Олимпийских игр. В Фивах Геракла отождествили с местным беотийским героем Иолаем, который превратился в его родственника и помощника, а потом и вовсе был забыт. Впрочем, за это и за многое другое Гераклу отомстила его супруга Иола, которая, судя по имени, относилась к кругу мифов об Иолае.

Так Геракл сделался общегреческим героем и, словно почетный гость, стал непременным участником всех пиров и сколько-нибудь значительных мероприятий. Чтобы не обидеть Геракла и стоящих за его спиной дорийцев, ему отыскали место и на корабле Арго, плывущем в Колхиду за золотым руном, и в гигантской общегреческой охоте на калидонского вепря, избавив при этом от совершения подвига.

В греческих мифах встречаются элементы, восходящие к глубочайшей древности, к представлениям первобытных людей о божественной силе фетишей, о родстве человека с животными, о всеобщей одухотворенности природы. Миф постоянно рос и обновлялся, наращивая новые слои коры и подпитываясь свежими соками. Это был не осколок старины, а живое дерево, от которого отходили могучие ветви греческой, а затем и античной культуры — эпос, театр, философия, искусство. И даже когда его корни источили черви сомнений, порожденные иным, враждебным ему мифом и чуждой духовной средой, и оно рухнуло вместе с питающей его общественно-политической структурой, порожденные им образы продолжали витать в иных временах.

Человек и боги. Для эллина, как и для любого другого обитателя древней ойкумены, он сам, его жилище, его поселение или город, горы, низины, ручьи, море, небо, весь космос были наполнены знаками, подчас радужными, подчас пугающими. Случайный поворот собственной головы, дрожание века, чихание, писк мыши, полет ласточки, крик совы, падение метеорита, радуга, выскочившая из речной глади рыба, раскаты грома, встреча со случайным прохожим имели глубокое значение. Эти, на первый взгляд, вполне обычные явления могли заставить эллина отказаться от принятого решения, от свадьбы, от сражения, т.е. совершать неразумные с точки зрения здравого смысла поступки.

Античный человек был уверен, что каждая из подобных случайностей послана ему благими богами для предупреждения о гро-

вящей опасности; он относился к ним с полной серьезностью и пытался вникнуть в их смысл, и если это не удавалось, обращался к «знатокам», сделавшим разъяснение «божественных» знаков своей профессией.

И, конечно же, важнейшими знамениями, посланными самими богами, считались сны. Согласно господствовавшим представлениям, во сне душа освобождалась от земных оков и могла воспарять в небеса для общения с богами или нисходить в подземный мир для встречи с душами ушедших родичей. Из подобных снов, возможно, берет начало мифология жизни и смерти, может быть, самое высокое, что создано человечеством.

Наряду со знамениями, посылаемыми богами «от доброты душевной», были и такие, которые добывались хитростью или искусством. Но это уже не религия, а магия, которой в древности, как и в наше время, пользовались (чаще всего от отчаяния) в кризисные времена. Примитивная магия была известна уже обитателю пещер, использовавшему ее приемы в борьбе за собственное существование или для обретения власти над своими сородичами и соплеменниками. В полисную эпоху с ее высочайшим расцветом естественных наук и удивляющим нас проникновением в тайны мироздания, магия стала искусством и, более того, частью науки, ибо такие величайшие ученые как Пифагор и Эмпедокл были магами, приобщенными к тайному знанию. Но чаще речь могла идти о магии, обслуживающей рядовых людей и обыденное сознание.

Ощущая близкое присутствие богов, которые, наблюдая с Олимпа за людьми, следят не только за такими крупными событиями, как войны, но и за самыми интимными проявлениями их жизни, эллины считали, что боги нуждаются не только в неведомо откуда берущейся амброзии, пище бессмертных, но и во всем том, что обеспечивает жизнедеятельность смертного организма, и уделяли им «со своего стола» для их божественной трапезы ту же пищу, которой питались сами. Цель была одна — добиться признательности богов. Жертвоприношения составляли основу культовых действий и представляли собой столь разработанную систему, что для ее изложения потребовалась бы целая книга. Каждому из богов отдавали то, что соответствовало его месту в пантеоне, его функциям и как бы вкусу. При этом учитывалось не только «местожительство» божества (земля, река, море, небо), но и время суток, наличие у бога супруги, свиты и множество других привходящих обстоятельств, превращавших жертвоприношение в науку, малейшее нарушение «законов» которой может привести к непредвиденным последствиям. Жертвы были как бескровные, так и кровавые. Для последних имели значение порода животного, его возраст, окраска, наличие

особых на нем знаков. Обычными были массовые жертвоприношения. Выражение «гекатомба» («жертва ста»), часто употребляемое в античных текстах, — не формула, а реальность.

Отношения человека и бога мыслились как договор, связывающий обязательствами обе стороны. Вознаграждение бога рассматривалось как аванс в счет будущих щедрот и соответственно называлось «просфорой» (дословно «предвзносом»). Сельский житель, угощая бога толикой плодов, выращенных на клочке каменистой земли, обращался к нему не со словами благодарности, а с напоминанием:

Проку немного тебе, о боже, от этого дара,
Если же больше пошлешь — то и много больше получишь.

Божество старались не только заинтересовать, но и принудить к плодородию с помощью определенных действий и слов, относившихся к сфере секса, и отношения с матерью-землей мыслились как половой акт. Пахарь, ведя первую борозду, как бы вступал с землею в связь и должен был быть обнаженным, при этом он обращался к ней с непристойными выражениями. Сами эти непристойности произносились в метрической форме не торжественного гекзаметра, а энергичного ямба. Название этого размера связывалось с именем рабыни Ямбы, развеселившей загрустившую богиню плодородия Деметру скабрезной складной шуткой.

Религиозные праздники в греческих полисах*. Особое место в общественной и частной жизни эллинских полисов занимали религиозные праздники. Впрочем, нерелигиозных праздников в древних общинах не могло быть: любое мероприятие полиса, тем более праздник, проводилось под знаком полисных богов. В праздниках, как в зеркале, отразились представления древних людей о мире, отношение к богам, понимание значимости своей общины и своего места в этом мире.

Количество праздников не было одинаковым в разных полисах. Считалось, что особой религиозностью среди эллинов отличались афиняне, поскольку афинская общественная жизнь была наполнена большим числом религиозных праздников. По свидетельству Псевдо-Ксенофонта, автора «Афинской политии», не симпатизирующего демократическому полису и не стремящегося приукрасить его жизнь, афиняне справляли праздников вдвое больше, чем остальные эллины. В религиозном календаре Афин были праздники пятилетние (раз в пять лет по лунному календарю), ежегодные и ежемесячные.

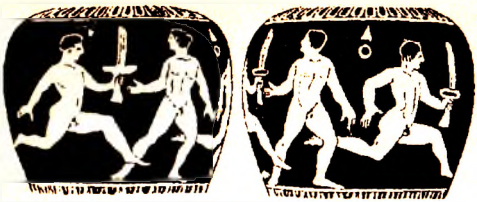
*Параграф написан Г. Т. Залюбовиной

Аристотель сообщает, что афиняне справляли пять (а с 329—28 г. — шесть) пятилетних праздников. Это были — *Великие Панафинеи*, установленные тираном Писистратом в честь богини-покровительницы полиса и праздновавшиеся в третий год каждой Олимпиады (в отличие от *Малых*, ежегодных *Панафиней*, устраивавшихся со времени первого объединителя Аттики, легендарного Тесея); паломничество на Делос, к месту рождения Аполлона и Артемиды (было и другое паломничество, совершавшееся раз в семь лунных лет); *Большие Элевсинии* — мистерии в честь Деметры и Коры, в отличие от *Малых*, ежегодных мистерий; Бравронии — праздник в честь Артемиды Бравронской, Артемиды-Медведицы, справлявшийся в Афинах и в Бравроне (на восточном побережье Аттики); Гераклеи — праздник в честь героя Геракла, проводившийся в деме Диомеи, к востоку от Афин. Шестой, более поздний пятилетний праздник в календаре Афин, справлялся в честь бога огня Гефеста — Гефестеи. Кроме названных пятилетних праздников, Афины справляли более 40 ежегодных — в честь всех богов афинского пантеона. Главные же боги Афин имели в религиозном календаре полиса по пять и более праздников. Например, праздники Зевса — Диасии, Диполии, Диисотерии, Пандии, Апатурии (общеионийский праздник в честь Зевса и Афины, когда члены фратрий собирались вместе для отправления родового культа); праздники Артемиды — Бравронии, Бендидии, Тавропoлии, Элафеболии, Фаргелии (совместный с Аполлоном); праздники Афины — Синойкии, Плинтерии (праздник омовения одежд Афины), Скиры, Аррефории, Панафинеи, Апатурии (совместный с Зевсом), Осхофории (Пианепсии) — праздник Аполлона Феба с почитанием Афины и Тесея; четыре праздника в честь Диониса, в том числе Великие или Городские Дионисии и т. д. Афинский год заканчивался Диисотериями — праздником, посвященным Зевсу-Спасителю.

В ходе этого праздника, в последний день афинского года, первый архонт (архонт-эпоним) совершал жертвоприношение в честь Зевса-Спасителя.

Каждый день года был расписан между богами. Так, четвертый день каждого месяца афинского календаря посвящался Гермесу, седьмой — Аполлону, в восьмой устраивался совместный праздник Тесея и Посейдона, вся третья декада любого месяца отводилась главной покровительнице афинского полиса — богине Афине.

Сценарий большого религиозного праздника включал торжественные процессии с приношениями богам, жертвоприношения, театральные представления в форме состязаний поэтов и драматур-



Бег с факелами

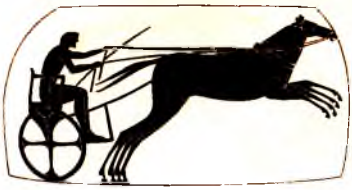
Бег

гов-трагиков или комедиографов, спортивные, а в зависимости от праздника, и мусические состязания. Во время некоторых афинских праздников устраивался бег юношей с горящими факелами. Это было на Панафинеях, Промефиях, Гефестиях, на праздниках Пана и Артемиды.

В программу Малых Панафиней входило торжественное шествие жителей Афин на акрополь, к статуе своей покровительницы. Участники шествия несли Афине дары — корзины и сосуды с плодами, ветви оливы, сотканный для богини пеплос и др. В процессии принимали участие и девушки, представительницы наиболее знатных родовых кланов. Важная часть праздника Панафиней — состязания (агоны). Первоначальная программа включала лишь конные состязания, но позднее к ним были добавлены гимнастические, а при Перикле и мусические состязания, во время которых рапсодами обязательно исполнялись гомеровские песни. А поскольку праздник посвящался богине-воительнице, в программу входило исполнение военных танцев со щитами. Для мусических агонов специально было выстроено здание у юго-западного склона акрополя — Одеон (от греч. «одэ» — песня).

Во время празднования Великих Панафиней устраивался бег молодых людей с зажженными факелами. Факелы передавались как эстафета из рук в руки. Участников бега было много — по 40 человек от каждой филы. Это было состязание фил: юноши бежали десятью командами (по числу аттических фил). Участники были расставлены от Академии, где начинался бег, до города. Расстояние между ними составляло 25 м, общая протяжённость дистанции — 1 км. Каждый участник должен был пробежать эти 25 м до следующего своего товарища по филе, не погасив факела. Последний член филы добегал до цели. Победа была коллективной: ее отмечали все 40 участников победившей филы и сама фила.

На празднике Аполлона и Артемиды — Фаргелиях и на двух праздниках Диониса — Ленеях и Великих Дионисиях устраивались состязания хоров. По существу это были состязания фил, ибо каждая фила выставляла свой хор и избирала своего хорега. Именно хоре-



Состязание панафинейских колесниц (роспись на панафинейских амфорах VI в. до н. э.)

ги набирали хоры, часто на собственные средства, и готовили их к выступлению. Победа хора приносила победу филе.

Общеэллинские праздники. Наряду с праздниками, отмечавшимися в отдельных полисах, существовали и общеэллинские праздники, принимавшие форму игр в честь бога или героя, почитавшегося всеми эллинами. Наиболее прославленный праздник эллинов проводился каждые четыре года в *Олимпии* (местность в западной части Пелопоннеса). В пространстве между сливающими реками Алфей и Кладей находился курган героя Пелопса, будто бы давшего имя Пелопоннесу. Существовала легенда о том, что на открытии первых погребальных игр в честь Пелопса присутствовал Геракл (но не дорийский, поскольку речь шла о древнейших играх, когда еще не было дорийцев, а критский), который одержал победу во всех видах состязаний. Исторически засвидетельствованные письменными источниками Олимпийские игры, считавшиеся возобновлением древних, падали на год, от которого впоследствии греками велось летоисчисление (776 г. до н. э.). На время игр объявлялось священное перемирие и все дороги, по которым можно было добраться в Олимпию, считались находящимися под покровительством Зевса.

Сам праздник распадался на две части: священнодействие и состязания, которые также были частью священной церемонии. Главные жертвы приносились Зевсу, Гере, а затем и другим богам и богиням. Победитель в Олимпийских играх считался человеком, отмеченным богом, поэтому он получал венок из священной оливы, росшей на храмовом участке, и пользовался у себя на родине божественными почестями.

Вторыми после Олимпийских игр по известности и великолепию были игры в долине у подножия Парнаса в честь Аполлона, которому приписывалось основание этих игр после победы над Пифоном. Отсюда название игр — Пифийские. Начавшись с состязаний певцов, исполнявших под кифару пеан (гимн, прославляющий Аполлона), они были дополнены в 590 г. состязаниями и в других видах искусства. Лавровый венок, сплетенный из ветвей

Борьба

Обучение кулачному бою

росшего в Темпейской долине священного лавра, стали оспаривать музыканты, поэты, ораторы, актеры. Затем в программу празднества были включены атлетические и конные состязания, во время которых также звучала музыка Аполлона. Не случайно именно в Дельфах на стене одного из зданий сохранилась запись музыкального отрывка, записанного специальными нотными знаками.

Общеполисные игры проводились также на Коринфском перешейке (Истме). *Истмийские игры* устраивались раз в два года в честь Посейдона, бога, которого почитали здесь раньше Зевса, в те времена, когда он еще не был покровителем морской стихии. Главным в этом празднике были бега колесниц, хотя состязались также и атлеты и даже поэты и музыканты. Победители награждались венками из сосновых ветвей, срываемых с сосен священной рощи этого бога, или из стеблей свежего сельдерея.

Еще одним проводившимся каждые два года общеполисным праздником были посвященные Зевсу *Немейские игры* (проводившиеся в Немейской долине Арголиды). Возникли они в 573 г., но их основателями считались семь мифических героев, шедших в поход против Фив. Включались в них бег, борьба, конные ристания, наградой служили венки из сухого сельдерея.

Мистерии. Наряду с праздниками, открытыми для всего населения полиса, были и закрытые, участники которых знакомились с тайным знанием и совершали обряды, державшиеся в тайне. Их называли мистериями. Наиболее известны мистерии, происходившие под Афинами в Элевсинах. Проходили они дважды в году — весной и осенью. Содержанием *Осенних* (или Великих) *элевсиний* было похищение дочери Деметры Персефоны Аидом и ее брак с ним. *Весенние* (или *Малые*) элевсинии посвящались возвращению Персефоны на землю и ее браку с Дионисом. Вновь посвященные допускались первоначально только к Малым мистериям. Очистившись предварительно водами протекавшей по Афинам реки Илисс, ночью мисты (как называют допущенных к участию в мистериях) с факелами и в масках отправлялась к сооружению, сложенному из пригнанных друг к другу каменных плит. Общими усилиями одна из этих плит отодви-

галась и из ниши в нижнем камне доставался свиток, содержавший правила проведения мистерий. Эти правила громко зачитывались и вновь прятались в каменное убежище, после чего мисты во главе со жрецами отправлялись в храм, бывший центром культа Деметры и Персефоны. Судьба именно этой богини давала участникам мистерий надежду на возвращение к жизни после смерти.

В храме посвященные приобщались к жгучей тайне потустороннего существования; они проходили из одной части святилища в другую. Временами вспыхивал яркий свет, выхватывавший из мрака тени или фигуры чудовищ подземного мира. Одновременно раздавался собачий лай, скрежет, вопли и стоны, усиленные специальными приспособлениями. После всех этих ужасов смерти перед мистами открывались помещения, полные света. Взявшись за руки, под успокаивающие звуки флейт, мисты исполняли ритуальный танец ликования и возвращения к жизни. Элевсинский обряд мыслился как подготовка к переходу из одного мира в другой, как наглядный урок преодоления загробных мук и приобщения к бессмертию.

Посвященному в Малые мистерии через год открывались девятидневные Великие мистерии, приходившиеся на время между жатвой и новым посевом. Очистившись, омывшись, совершив жертвоприношения богам на протяжении пяти дней, на шестой день они объединялись в праздничном шествии и в венках, с факелами, мотыгами и серпами двигались по Священной дороге в храм. Оставшиеся дни они проводили на морском берегу, видимо, разыгрывая сцены из мифов о Персефоне.

Видимо, не меньшей древностью, чем Элевсинские, обладали мистерии островов Лемноса, Имброса и Самофракии в честь богов кабиров пеласгийского или фракийского происхождения. Боги-спасители кабиры, спасавшие людей от бурь и иных бедствий, считались в то же время громовыми божествами, карающими за прегрешения и проступки. Клятва кабирами считалась самой страшной как у эллинов, так и у других народов, к которым перешел культ кабиров. Вместе с кабирами на Самофракии почиталась малоазийская богиня-мать Кибела, а также ее сыновья — Зевс, Дионис, Гермес, Плутон, и дочери — Деметра, Афродита, Артемида, Персефона. Культом Кибелы ведали жрецы, встречавшие приближавшиеся к острову корабли и провожавшие в храм тех, кто желал приобщиться к таинствам. Эти жрецы принимали исповеди грешников, очищали их от грехов, после чего вводили в тайны культа. Посвященные получали железное кольцо, которое должны были носить всю жизнь.

Согласно мнению современных ученых, происхождение мистерий коренится в инициациях, древнейших обрядах перехода из одной возрастной группы в другую. В придании же мистериям опи-

санного характера велика роль восточных религий, с которыми познакомились первые посвященные в тайны мироздания при посещении Египта, Месопотамии и Финикии. Известно, что Пифагор использовал принципы мистерий для обучения наукам избранной молодежи.

Оракулы. Связующую роль между людьми и богами брали на себя также оракулы, особого рода объединения жрецов, занимавшихся гаданиями и дававших советы по самому широкому кругу вопросов. Знаменитейший и древнейший оракул существовал при храме Земли в *Додоне* (Эпир). Его упоминает Гомер, называя его пеласгийским и связывая его деятельность с жрецами «селлами», никогда не мывшими ног и спавшими на голой земле. Впоследствии главным богом оракула стал Зевс, и жрецы для ответа на задаваемые вопросы прислушивались к шелесту листьев дуба, священного дерева Зевса, и к журчанию протекавшего рядом ручья. Гадание совершалось также по табличкам из свинца с записанными на них вопросами.

С VII в. до н. э. наиболее популярным стал дельфийский оракул при храме Аполлона в *Дельфах*, в горной долине, на склоне горы Парнас. Согласно храмовой легенде, именно здесь Аполлон одолел чудовищное порождение Земли — змееногого Пифона.

Предсказания давались дельфийским оракулом девять месяцев в году: сначала по нескольку раз в месяц двумя девами-пифиями, а с I в. н. э. — одной пифией, пятидесятилетней женщиной, раз в месяц. Бессвязным выкрикам пифии, восседавшей на священном треножнике и вдыхавшей наркотический дым, жрецы придавали чаще всего форму стихотворного изречения, допускавшего разные толкования, чтобы ответственность, в случае принятия вопрошающим неправильного решения, ложилась на него самого. Этот оракул долгое время пользовался огромным авторитетом во всем греческом и варварском мире.

Наряду со знаменитыми оракулами существовало множество других. Неподалеку от прославленного в мифах Орхомена находился оракул Аполлона, принимавший вопросы жаждущих совета в письменном виде в запечатанном сосуде и дававший ответы на следующий день. В Аргосе на Пелопоннесе, в святилище Аполлона, предсказательница приходила в экстаз от глотка крови жертвенных животных.

На восточном берегу Эгейского моря, в Дидиме, близ Милета имелся оракул при храме Аполлона, где была своя пифия, впадавшая в божественное безумие от воздействия воды из местного источника. При ней состоял жрец-переводчик. Пользовавшийся советами дидимской прорицательницы царь Лидии был настолько щедр к оракулу, что его золота хватило на постройку милетянами военно-

го флота для войны с персами (в 494 г. до н. э., после поражения малоазийских греков, оракул был разрушен персами).

Вопросы, над которыми приходилось ломать голову жрецам, интересны для понимания религиозного сознания эллинов, их представлений о возможностях не только оракула, но и божества. Один из вопрошавших доверил свинцовой табличке вопрос, им ли зачат младенец, который вот-вот должен родиться у его жены; второй желал узнать, кто похитил подушки, которые он, видимо, проветривал на свежем воздухе; третий спрашивал, будет ли для него выгодным разведение овец; некая женщина интересовалась, окажется ли удачным ее лечение.

Многие оракулы специализировались на помощи больным, чаще всего прибегая к священным снам. Другие шли еще дальше, открывая вопрошавшим тайны загробного мира. Таков был оракул Трофония в расщелине, ведущей в подземную пещеру. «Путешествие в Аид» сопровождалось такими искусными звуковыми эффектами, что верующий почти утрачивал сознание и в каком-то мираже узнавал мертвых, с которыми хотел встретиться.

ЭТРУССКАЯ РЕЛИГИЯ

В конце II—начале I тысячелетия до н. э. изменилась этническая карта Апеннинского полуострова и примыкавших к нему крупных островов — Сицилии, Сардинии и Корсики. Адриатическое побережье Италии заселили племена иллирийского происхождения — давны, певкеты и родственные им венеты и мессапы. Остров Сардиния был захвачен выходцами из Малой Азии, тирренами, которые два столетия спустя переселились на полуостров, захватили там города пеласгов и образовали новую народность — этрусков. Значительную часть Италии занимали племена умбров, самнитов и латинов, которые оттеснили на юг полуострова, а затем и на остров Сицилию сикулов, а на север — лигуров. Помимо того, в V в. до н. э. в долине Пада (По) поселились перешедшие через Альпы кельтские племена.

Этой сложной этнической картине соответствовала пестрота религиозных представлений обитателей Италии. До III в. до н. э., когда Италия была завоевана римлянами, не приходится говорить о какой-либо одной религии, но могут быть выделены религии этрусская и римско-италийская (о религиозных представлениях иллирийцев, венетов, мессапов известно слишком мало).

Пантеон. Согласно представлению римлян, этруски были народом, особенно приверженным почитанию богов. Подобно эллинам, они мыслили их в человеческом облике. Восточное происхожде-

ние имели богини *Туран* (соответствовавшая эллинской Афродите), *Аритими* (параллель греческой Артемиды), *Менрва* (соответствовавшая римской Минерве). Богиня *Уни*, аналогичная италийской Юноне, попала в этрусский пантеон через пеласгов. Богини восточного происхождения, как и у эллинов, считались покровительницами плодородия, «владычицами зверей». Их имена и образы отражали различные функции богини-матери Востока. Однако супругом богини-матери был бог неба и света пеласгийского происхождения *Тин*, соответствующий индоевропейским богам-громовержцам Зевсу, Юпитеру, Индре, Перуну. Тин совместно с Уни и Менрвой, составляли этрусскую *триаду богов*, которая впоследствии почиталась в Риме в возведенном этрусками *Капитолийском храме*. Тин считался распорядителем трех молний и правителем трех из шестнадцати небесных регионов. Регионы Тина были расположены на севере, по соседству с регионами бога начал *Килена*, соответствовавшего римскому Янусу. Первая из молний Тина просверливала, вторая — рассеивала, третья — испепеляла. Применение третьей молнии допускалось лишь с согласия совета высших богов.

Широко было распространено у этрусков почитание божеств произрастания и плодородия. Эллинскому Дионису-Вакху соответствовал этрусский *Фуфлунс*, к кругу которого относились боги *Сельва* и *Сатре*. С богом Сатре было связано космогоническое учение и представление о «золотом веке» — эпохе изобилия и всеобщего равенства далекого прошлого, что соответствует сходным представлениям и других народов.

Водная стихия была отдана богу *Нетунсу*, которому совершали возлияния водой и вином. Нетунс был отождествлен с эллинским Посейдоном и в изображениях на этрусских зеркалах принял его оружие — трезубец. Гефесту соответствовал *Сефланс*, почитавшийся в местах развития рудного дела и металлургии. К кругу Сефланса относился *Велхан*, соответствующий древнейшему критскому богу Фелхану, изображавшемуся на критских монетах в виде обнаженного юноши с ветвью и петухом в руках (петуха эллины приносили обычно в жертву подземным богам). Покровителем наступающего года был *Марис*, изображавшийся младенцем, выходящим из большого глиняного сосуда с тремя амулетами на шее, символизирующими три возраста. Бог *Аплу*, отождествлявшийся с греческим Аполлоном, изображался обнаженным юношей с лавровым венком на голове, обычно рядом с Менрвой и Херкле (Гераклом) и воспринимался как хранитель людей, стад и посевов.

Эллинским богам подземного царства Аиду и Персефоне соответствовали этрусские боги *Еита* и *Персефнаи*. Несмотря на сход-

ство имен, суровый и непреклонный облик этрусской владычицы подземного царства существенно отличает ее от нежной и кроткой дочери Деметры, похищенной Аидом. Эллинскому перевозчику душ в подземное царство Харону соответствует Хару, но это не благодушный старец, а демоническое существо с крючковатым носом, с острыми ушами, с крыльями за спиной, вооруженное молотом на длинной рукояти. Примечательно, что в Риме во время гладиаторских игр, заимствованных у этрусков в середине III в. до н. э., палач, добивавший смертельно раненых гладиаторов, носил маску этого демона смерти и имел его атрибут — молот. Близок к Хару и другой этрусский демон царства смерти — *Тухулка*, имевший еще более устрашающий облик: из его хвоста выползают змеи.

Этрусский демон смерти

Особой группой этрусских божеств были *Лазы*. Некоторые из них имели индивидуальные имена и осмысливались как служанки Туран. Из множества Лаз выделялась богиня *Лаза* — юная обнаженная женщина с крыльями за спиной, зеркалом, табличками для письма и грифелем в руках. Лазы (лары) считались у римлян покровительницами дома и домашнего очага.

Сравнение этрусской религии с религиями других древних народов позволяет с достаточной степенью уверенности утверждать, что истоки ее уходят в северные и восточные по отношению к Италии области, откуда прибыли предки этрусков — пеласги и тиррены. Представления этрусков о священном характере царской власти с ее атрибутами — двойным топором (лабрисом) и троном, как и сложная система взглядов на строение и происхождение мира, — также восточного происхождения.

Книги Тага. Как и все развитые религии, этрусская религия обладала своим «священным писанием», авторство которого приписывалось пророку. Создателем этрусской «библии» считался *Таг*, согласно преданию, выпаханный из земли в облике младенца с седыми волосами, пропевшего учение окружившим его лукумонам (царям-жрецам). Само имя Таг (Tages) по блистательной по своему невежеству этимологии греческих знатоков связывалось с греческим словом «земля», воспринимаясь как часть фразы «произведенное из земли» (ta ek tes ges fuomena). Между тем это было имя древнейшего бога Дагона (в этрусском языке звук «д» передавался

как «т»), почитавшегося также пеласгами-филистимлянами в качестве покровителя земледелия. Записанные песнопения Тага и составили то, что римляне называли *«этрусской дисциплиной»* (учением). Она делилась на книги, излагавшие этрусскую космогонию и космологию, культовые предписания, в том числе правила гаданий. Книги Тага были переведены с этрусского оригинала на латинский язык стихами, но до нас не дошли. Об их содержании можно судить по имеющимся у античных авторов описаниям деятельности гаруспиков, по произведениям этрусского религиозного искусства и культовым памятникам.

Космогония этрусков. Мир виделся этрускам в виде трехступенчатого храма, верхняя часть которого соответствовала небу, средняя — поверхности земли, нижняя — подземному царству. Миры эти считались связанными между собой, что давало основание этрусским гаруспикам предсказывать по расположению светил судьбы народа и каждого отдельного человека. Средний и нижний миры, согласно представлениям этрусков, соединялись ходами, по которым души мертвых спускались в сопровождении демонов смерти. В каждом этрусском городе сооружались подобия таких ходов в виде ям-окон, использовавшихся для принесения жертв подземным богам и душам предков. Судя по структуре светильника, обнаруженного в этрусской гробнице, через это «окно», душа попадала в океан, заселенный морскими животными и демоническими существами сиренами и, проходя его, оказывалась во власти Медузы, являвшейся владычицей подземного мира, матерью-смертью. Наряду с делением мира по вертикали существовало присущее восточным народам представление о его горизонтальном делении на четыре части света, при этом в западную часть помещали злых богов и демонов, в восточную — солнечных и добрых.

Этой религиозной структуре соответствовала архитектура этрусского жилища с расположенным в центре помещением (атрием), имевшим окно-отверстие в потолке, открытым небожителям и используемым для магических церемоний. Если в дом вступал человек в оковах, что согласно закону магии могло сковать обитателей дома, для снятия вредоносной силы оковы удалялись через отверстие в потолке.

Календарь. В космогоническую систему этрусков входили их оригинальные представления о времени, нашедшие отражения в календаре. Месяц обозначался словом tivr (от слова «луна» — «tiv»; интересно сравнить со словами «div», «диво» в индоевропейских языках). Большинство известных нам названий этрусских месяцев образованы от имен богов. Так, месяц транера, соответствующий июлю, образован от имени богини Туран, а кафре (апрель) — от имени сол-

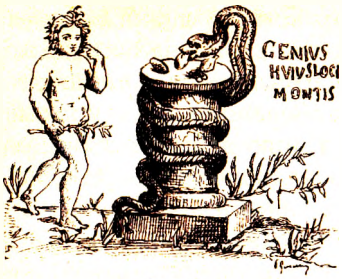
нечного бога Кафа. Месяц делился на три части, названия которых впоследствии от этрусков перешли к римлянам. Окончание старого и нового года у всех народов связано с религиозными церемониями. Этруски отмечали эту календарную дату вбиванием в стену храма богини *Норции* гвоздя. Этот «годичный» гвоздь на языке этрусков назывался «cleva etanal». Он символизировал появление на небе новой звезды. Стена этрусского храма, с торчащими в ней золотыми шляпками гвоздей ассоциировалась со звездным небом.

В священных книгах этрусков содержалось учение о веках — о том, сколько этрусками прожито лет, когда оканчивался один век и начинался следующий, а также каким веком завершится существование «этрусского народа». При этом век в этрусском понимании не обязательно длился столетие. Были века по 119, по 123 года, были и меньше ста лет. Длительность века определялась в каждом из этрусских городов по длительности жизни людей, рожденных во время основания города, и по небесным знамениям. Этрусскому народу было предсказано десять веков существования, надо думать, со времени их появления в Италии. Этрусское «вековое учение», воспринятое римлянами, использовалось ими для обоснования наступления золотого века Римской империи.

РИМСКО-ИТАЛИЙСКАЯ РЕЛИГИЯ

Слово «религия», вошедшее в современные языки, имеет римское происхождение. Но римляне и италики вкладывали в него иной, чем другие древние народы, смысл. Они понимали под религией связь человека (и общины) с миром сверхъестественных сил и духов, включавшую знания о нем и способы, с помощью которых можно было себя обезопасить от этого могущественного мира или добиться от него помощи.

Римлянин, попав на Восток, в Сирию или Иудею, при виде людей в храмах, бьющих себя в грудь и исступленно что-то выкрикивающих на непонятном языке, мог принять их за безумцев, бессильных понять смысл религии. А смысл этот, по разумению римлян, заключался в строгом исполнении обязанностей по отношению к богам (духам), что позволяло требовать и от них точности и порядочности. Если ты обещал кому-либо из богов (духов) голову, попросив от него что-либо взамен, то ты можешь рассчитывать на ответный дар. Если твое пожелание не выполнено, значит, ты обратился не к тому богу (духу) или совершил какую-либо неточность в общении с ним. Например, если ты обещал голову быка, а принес на алтарь головку лука, ты бога обманул. Но если ты не уточнил, о какой голове идет речь, сказав просто «голову», можешь ограничиться хоть маковой головкой.



Гений

Римская религия отличалась большой консервативностью. Она сохраняла почитание невидимых сил и духов, находившихся в постоянном взаимодействии и общении с людьми — римляне называли их *numina* (дословно: имена). Они мыслились группами, превосходящими своими возможностями людей, но организованными по тому же родовому принципу. Это *маны* (духи предков), *лары* (духи-покровители поля и дома), *пенаты* (покровители домашних припасов), *гении* и *юноны* (духи продолжения рода).

Кроме добрых духов дома были злобные духи — *лемуры*. Если человек начал говорить что-то несуразное или буйствовать, не иначе как в него вселились лемуры. И от них было средство. Каждый домохозяин в праздник лемуров должен встать в полночь, войти в двери и, повернувшись к ней спиной, открыть ее ногой. После этого надо было, не промахнувшись, швырнуть наружу горсть черных бобов и девять раз прокричать: «Этими бобами я выкупаю себя и своих». Так он оберегал свой дом от безумия на год — до следующих лемурий. Существовали также духи плодов — помоны; ведавшие всходами злаков семоны (сравн. наши «семена»); отвечавшие за рождение парки. Таких богов имели десятками поля, леса, двери домов, их имел каждый из римских холмов, населенных римлянами и сабинянами, говорившими на другом языке. Боги холмов получали жертву хотя и по отдельности, но на общем празднике Семихолмье.

У этих «нумина», в отличие от богов, не было не только личного имени, но и пола, что не мешало каждому из них обладать могуществом в своей сфере и мыслиться настоящими богами. Такого рода «множества» не имели никакого облика. Во всяком случае, как утверждали древние знатоки италийской и римской религий, у древнейших обитателей Италии не было изображений богов, а когда в них возникла нужда, пришлось обращаться к соседям-этрускам.

В Риме господствовала патриархальная семья (familia) с сильной отцовской властью. В семье главным действующим лицом в общении с богами был отец семейства, но за пределами дома культом ведали еще до возникновения государства главы определенных родов (Фабиев, Юлиев и т. д.), обосновывавших право на эту привилегию соответствующими преданиями. Участниками родового культа могли быть только члены данного рода. Допущение посторонних к родовым культам считалось кощунством, ведущим к вы-

миранию рода. Культ мог отправляться и внутри курии, которая представляла собой объединение мужчин по возрасту, наподобие «мужского дома» у некоторых слаборазвитых племен. Каждая курия выбирала для руководства жертвоприношениями лиц старше пятидесяти лет, хорошего поведения, лишенных физических недостатков. Члены курий участвовали в совместных жертвоприношениях богиням плодородия.

Помимо патрициев, надолго сохранивших деление на роды и курии, в Риме было немало плебеев. Различия между религиозными представлениями патрициев и плебеев были весьма значительными. В обрядах, связанных с основанием города, в праздниках древнейших римских божеств, принимали участие только патриции. Они же почитали такие абстрактные божества, как «*Честь*», «*Верность*», «*Победа*», «*Согласие*». У плебеев была своя триада богов плодородия: *Церера*, *Либер* и *Либера*. На своем холме Авентине они почитали италийскую богиню *Диану*, священные рощи которой находились в местах их первоначального обитания, в землях Ариция, Тускула, Анагнии, Тибура. День основания храма не совпадал с праздником Дианы в Ариции. Другим плебейским божеством была *Фортуна*, культ которой за пределами Рима засвидетельствован в Анции, Пренесте и Тускуле. Храм Фортуны в Риме на Бычьем рынке был основан покровителем плебеев, шестым римским царем Сервием Туллием. В храме, вопреки римским обычаям, стояла культовая деревянная статуя богини.

Не допускаемые к культу патрицианских богов и к ауспициям (гаданиям), без которых нельзя было начать какого-либо государственного дела, плебеи тем самым исключались из общественной жизни. Только с уничтожением различий в религиозных верованиях патрициев и плебеев возникает настоящее Римское государство.

Пантеон. Духи родов, курий и племен сходили на нет вместе с древнейшей родоплеменной организацией или трансформировались под влиянием новых отношений. Складывается пантеон богов-покровителей государства и связей между людьми, которые свойственны раннеклассовому обществу. Новая роль войны сказалась на изменении представлений, связанных с богом-покровителем земледелия *Марсом*, который становится покровителем не только земледелия, но и войны. Появляются также боги-покровители ремесла и торговли (*Геркулес* и *Меркурий*). Процесс образования римского пантеона находится в тесной связи с политической историей, в особенности с насильственным объединением Италии под эгидой Рима.

Пословица гласила: все дороги ведут в Рим. Этими же дорогами вместе с людьми, искавшими в столице мира и в Италии удачи или

насильственно пригнанными туда в оковах, незримыми сонмами вступали и боги. И вскоре то там, то здесь появлялись их алтари и храмы. Римский пантеон VII–VI вв. разительно отличался от пантеона III–II вв. Уже в раннюю эпоху своей истории, при соправителе Ромула Тите Тации, к римлянам пришли некоторые боги сабинян. Второй римский царь сабинянин Нума Помпилий широко открыл ворота Рима для сабинских богов и одновременно создал римский календарь и культ. При этрусских правителях Тарквиниях этрусские боги заняли своими богами одну из двух вершин высившегося над излучиной Тибра холма, которому дали имя Капитолий. Они сбросили с него их римских предшественников, кроме трех, державшихся уж очень крепко – Марса, Ювенты (богини юности) и Термина (бога разделительных межей), и поныне живущего в научном и философском обиходе. Высившийся над форумом, также этрусским творением, и над всем Римом, сооруженным в соответствии с предписаниями этрусской религии, храм *Юпитера Капитолийского* имел три помещения для трех богов. Среднее из них предназначалось самому *Юпитеру*, справа и слева были помещения для *Минервы* и *Юноны*, типично этрусских богинь *Менрвы* и *Уни*, и это позволяет разглядеть в верховном боге Рима этрусского бога грома и молнии, владыку дня – Тина. Гипотеза подтверждается и терракотовой статуей Юпитера: первоначально антропоморфные изображения были чужды римской религии с ее почитанием «нумина», безликих духов и сил. Об этрусской основе культа Юпитера Капитолийского свидетельствует культовая статуя и квадрига (колесница, запряженная четверкой коней), венчающие фронтон храма: они были изваяны современником Тарквиниев, этрусским мастером Вулкой из соседнего с римлянами города Вейи. В 364 г. в Рим была доставлена богиня города Вольсинии Норция вместе с запасом золотых гвоздей, которые каждый год вбивались в стену ее храма на родине, а теперь стали вбиваться в стену храма Юпитера Капитолийского.

Испытывая длительное влияние своих могущественных соседей во всех сферах жизни и культуры, Рим, тем не менее, оставался латинско-сабинским городом. Этруски не обратили римлян в «свою веру», но способствовали превращению родо-племенных культов Рима в полисную религию.

С «этрусской дисциплиной» были связаны введение римлянами календаря, появление товариществ (коллегий) жрецов, в том числе и типично этрусской коллегии жрецов-гаруспиков, учреждение ряда религиозных праздников и игр.

Новую для римлян концепцию божественного происхождения государственной власти запечатлела также введенная этрусками

в римскую практику церемония триумфа. Подобно Юпитеру, управляющему четверкой коней на фронтоне храма, триумфатор появлялся на колеснице в одеянии бога, украшенном изображением пальмовых листьев. Над его головой держали золотую корону. В руке его был скипетр. Обнаженные части тела триумфатора окрашивались той же краской, что и культовая статуя Юпитера. Снимая в храме одежду, принадлежащую богу, смывая краску со щек и рук, триумфатор становился человеком. О том, что он не бог, во время самой триумфальной процессии ему напоминал раб, стоявший на запятках колесницы с плетью в руке и шептавший: «Ты человек, человек, человек». Так раскрывалась идея триумфа: подлинным победителем считалось верховное божество города. Это ему оказывались высшие почести, ему подносились захваченные у врага трофеи.

Этрусское происхождение имеют и многие другие римские праздники, приобретшие характер городских игр. Сами римляне настолько широко ассоциировали свои игры с этрусками, что производили латинское слово «ludus» (игра) от названия народа «ludoi» (лидийцы), синонима слова «этруски». При этрусках в Риме были введены ежегодные Римские, или Великие, игры, местом проведения которых был сооруженный Тарквиниями цирк. Явно этрусскими представляются Таурийские и Таларийские игры римлян. Первые из них были связаны с жертвоприношением духам предков (от этрусского «таура» — гробница), вторыми отмечался праздник плодородия. Переняли римляне у этрусков и обычай приносить во время погребений кровавые жертвы душам мертвых. Формой такого человеческого жертвоприношения была схватка вооруженных пленников, оканчивавшаяся гибелью одного или многих из них. В 264 г. до н. э. один из римлян этрусского происхождения в память своего отца заставил сражаться на многолюдном Бычьем рынке три пары рабов. Зрелище, кажется, тогда не произвело большого впечатления, но, повторившись полвека спустя, превратилось в массовое — гладиаторские игры. Примечательно, что палач, добивавший смертельно раненых гладиаторов, носил маску этрусского демона смерти Хару и имел его атрибут — молот.

Римскому государственному кораблю случалось садиться на мель и даже попадать в руки врагов. Но излюбленной повадки заполнять трюм и палубы чужими богами римляне не оставили. Впоследствии Августин сказал по этому поводу, что римляне превратили чужих богов в своих матросов.

Завоевание Южной Италии, где находились греческие города-государства, способствовало установлению в Риме культа *Аполлона*, носившего эпитет «Медикус», ибо и само введение этого культа

было связано с эпидемией чумы, до тех пор римлянам неизвестной. Ранее они приносили жертвы местным божествам, прежде всего богине *Лихорадке*, от которой страдали, ибо, в отличие от этрусков, не боролись с болотами. Против грозной пришелицы-чумы римляне выставили сначала Аполлона, а потом и его сына, бога медицины *Асклепия*, который стал называться *Эскулапом*. Эскулапу и его храму выделили место на небольшом островке, против Бычьего рынка. Туда отправляли заболевших рабов, отдавая их на попечение Эскулапу.

Войдя в соприкосновение с греками, римляне познакомились с их мифами. Но собственной мифологии у римлян не было. Это вынужден был признать создатель римского эпоса Вергилий:

Землю нашу быки не прошли, огонь выдыхая ноздрями,
Не вошли в борозды ее зубы чудовищной гидры,
Копья с мужами, готовыми к битве, на ней не взрастали.

И поскольку эту суровую почву обошли прекрасные цветы религиозного поэтического сознания — мифы, их место занял буйно разросшийся чертополох псевдоистории, преследующей политические цели, многочисленные легенды о царях и героических римлянах и римлянках, основные из которых были изложены выше.

КАРФАГЕНСКАЯ РЕЛИГИЯ*

Карфагенская религия, так же, как греческая и этрусская, характеризовалась обширным пантеоном, включавшим главным образом тех богов, которые почитались в его метрополии Тире. Это были боги, унаследованные финикийцами от культуры бронзового века, хорошо нам известные по прекрасно сохранившимся мифологическим текстам архива Угарита, но в каждом из финикийских городов приобретшие какие-то свои, свойственные данному городу черты. Боги мыслятся владыками и владычицами городов, дарующими изобилие или, напротив, приносящими бедствия тем, кто отказывает им в почитании. В каждом из городов-государств сложились собственные традиции проведения праздников, отправления культа и собственная иерархия внутри пантеона, во главе которого, в отличие от греческой и этрусской мифологии, стояли разные боги. Главным богом Тира был неизвестный мифологии бронзового века *Мелькарт*, в честь которого с X в. до н. э. был установлен главный праздник города — праздник воскресения Мелькарта. Само его имя в переводе означает «царь города», и он мыслился как основатель и господин Тира и правившей в нем царс-

*Параграф написан Л.С.Ильинской.

кой династии и вместе с тем покровитель всего того, что было главным в городской жизни, в том числе основания западных колоний. Его божественной парой была связанная с плодородием и любовью *Астарта*, в других финикийских городах игравшая второстепенную роль.

Спецификой религиозной ситуации, сложившейся в Карфагене, было то, что религиозная система не прошла путь формирования от племенной религии к полисной, как это было и в Греции, и в Этрурии, и в финикийских метрополиях Восточного Средиземноморья, а была перенесена из метрополии в уже сложившемся виде. Карфагенские источники не дают возможности определить, насколько точно первоначальный карфагенский пантеон воспроизводил пантеон метрополии, но известно, что после поражения карфагенян при Гимере в 480 г. до н. э. в связи с общей переориентацией карфагенской политики на западное направление и фактическим разрывом с метрополией в Карфагене происходят значительные религиозные преобразования, и на первый план выдвигается другая пара — *Ваал Хаммон* и впервые появляющаяся в карфагенских надписях со второй половины V в. *Танит*, чей культ на востоке был известен только в Сидоне, да и там относился к числу второстепенных.

Особенностью финикийской религии в целом было то, что личное имя божества могло одновременно быть и эпитетом, и именем нарицательным, и относится это прежде всего к Ваалу, означающему в переводе «господин» и употребляемому и как характеристика любого мужского божества при определении сферы его полномочий, и как личное имя конкретного бога, всегда с добавлением какого-либо эпитета (таких эпитетов Ваала в финикийско-пунийской религии можно насчитать более десятка). В самом Карфагене, кроме Ваала Хаммона, почитались занимавший достаточно высокое положение Ваал Шамен («господин неба»), который в Тире был одним из главных богов, и Ваал Сафон, известный в Тире с VII в. Поскольку ни один из античных авторов не упоминает имени Ваала Хаммона вне связи с Карфагеном, первоначально полагали, что появление этого бога связано с возвышением какого-то ливийского божества, ассимилированного карфагенянами. Но затем эта гипотеза была отброшена в связи с находкой в одном из небольших городков Северной Сирии текста, упоминающего это имя среди других городских богов и главное — надписи на амулете, обнаруженном неподалеку от Тира. Это наводит на мысль о том, что подобно тому, как существовало почитание засвидетельствованных эпиграфикой Ваала Тира и Ваала Сидона, мог быть Ваал какого-то лежавшего в окрестностях Тира неизвестного нам городка Хаммо-

на, по каким-то причинам занявшего столь почетное место в Карфагене и вслед за ним во всех городах карфагенской державы. Ему (одному или вместе с Танит) посвящены тысячи надписей. *Танит* настолько тесно была связана с Ваалом Хаммоном, что, как правило, появлялась с ним в паре и ее обычным определением в надписях было то «лик Ваала», то «Явление Ваала». Иногда даже в самом Карфагене ее имя могло стоять раньше Ваала Хаммона, но могла она и отсутствовать (например, в надписях сицилийской Моции, хотя там и имелся ее храм). Часто рядом с ней, обычно изображенной в виде схематизированной женской фигуры, или же вместо нее стоял так называемый «знак Танит» — кадуцей* и лунный серп над солнечным кругом. Почитался в Карфагене и его колониях также и *Мелькарт*; он имел официальный культ и соответствующий храм, но в отличие от Тира не занимал в пантеоне ведущего места.

Храмы Мелькарта, возведенные еще тирянами всюду, где возникали их колонии, и служившие своего рода аванпостами в их продвижении на Запад, не утратили значения и в карфагенский период. Самым знаменитым из них был храм Мелькарта в Гадесе, славившийся несметными богатствами и оракулом, который продолжал действовать и в период римской империи, по крайней мере вплоть до III в. н. э.

Продолжал почитаться в Карфагене и отождествлявшийся греками с Асклепием *Эшмун*, чей ныне раскопанный храм (тот самый, где в трагический год падения Карфагена скрывались последние его защитники) находился на вершине холма Бирсы. Вход туда вел по ступеням монументальной лестницы.

С должным почтением относились жители города и к другим богам. Аппиан сообщает о покрытом листовым золотом помещении храма *Резефа* (в греческой идентификации — Аполлона).

Что касается *Астарты*, хотя она и была официально вытеснена Танит, вобравшей в себя черты, вообще характерные для довольно безликих финикийско-пунийских богинь, связанных с любовью, плодородием, процветанием и войной, она по популярности в народной религии явно превосходила соперницу. В засвидетельствованных эпитафиями именах, в состав которых обычно входили формулы, подчеркивавшие близость к тому или иному божеству (сын, брат, раб), предпочтение чаще отдавалось ей. Имела она и свои храмы с характерной для них священной проституцией. Такой храм известен на Мальте и особенно в сицилийском Эриксе, откуда во время священного праздника богини выпускали голубей, которые должны были перелететь в Карфаген и затем вернуться назад.

**Кадуцей* — жезл, обвитый двумя змеями.

Карфагенская религия, воспринятая пунийскими городами Карфагенской державы, оказывала столь мощное воздействие и на местное население окружавших пунийские колонии земель, что можно говорить о пунизации религиозных представлений по крайней мере у народов Северной Африки и Сардинии. Недавними раскопками храма в Антасе засвидетельствовано слияние местного культа «отца Сарда» с финикийским Сидом, которому официально посвящен храм. В этрусских Пиргах известен храм Астарты, отождествленной с верховной этрусской богиней Уни. Финикийско-карфагенское влияние испытала даже греческая религия, идентифицировав финикийского Мелькарта со своим Гераклом, которому были приписаны западные странствия этого бога.

В свою очередь и в карфагенские представления о Мелькарте проникли образные греческие рассказы о подвигах их героя. Так, иконография Мелькарта, известная по бритвам из Карфагена и монетам, начинает включать атрибутику греческого Геракла с его львиной шкурой.

Тесное соприкосновение с греками на земле Сицилии приводит и к более радикальным нововведениям в религиозной жизни Карфагенской державы. В карфагенский пантеон в 396 г. были включены Деметра и Кора, получившие официальный культ и собственных жрецов. Значение этих греческих богинь плодородия документируют первые выпуски карфагенских монет, на аверсе которых не только в Сицилии, но и в самом Карфагене чеканилось изображение Коры. Не исключено, что и те статуи богов в финикийских храмах, о которых сообщают античные авторы, появились тогда, когда произошло отождествление финикийско-карфагенских богов с греческими, поскольку те же авторы, говоря о храмах Мелькарта, подчеркивали отсутствие в нем статуи, а собственно финикийская иконография Танит, известная нам по финикийским стелам, практически отсутствовала, ограничиваясь элементарной схемой или знаком Танит.

Почитание богов осуществлялось в храмах, выявленных в ходе археологических раскопок как в самом Карфагене, так в его колониях. Жрецы, видимо, составляли особую наследственную касту. Об этом можно судить по погребальной надписи, сохранившей сведения о семье, которая поставляла жрецов на протяжении пяти поколений. Надписями засвидетельствовано существование жреческих коллегий и религиозных ассоциаций, возможно, возникавших в связи с организацией праздников, поскольку упомянуты они в надписи, касающейся праздника. В подчинении храмовой администрации находился достаточно значительный персонал певчих, забивщиков скота, пекарей, цирюльников, рабов, в храмах Астарты — также священных проституток.

Общее руководство культом осуществлялось государством, устанавливавшим праздники. Но сведения о них крайне отрывочны. По свидетельствам античных авторов и надписям,известны праздник дня погребения божества (видимо,Мелькарта), праздник пробуждения Мелькарта и праздник жертвоприношения солнцу; адонии, посвященные *Адонису*; в одной карфагенской надписи упоминается весенний праздник, длившийся пять дней и сопровождавшийся жертвами плодов, меда, ладана и других благовоний, в нескольких других — праздник, сходный с греческими гидрофориями. Но как проходили эти праздники, неизвестно, хотя в отношении праздников погребения и пробуждения Мелькарта можно предположить, что они проводились примерно по той же схеме, по какой засвидетельствованы античными авторами праздники других умирающих и воскресающих богов — Аттиса во Фригии и Адониса в Финикии. На это намекает наличие чрезвычайно часто встречающегося в карфагенских надписях «жреца воскресителя божества». Официальность такого рода праздников и связанных с ними мифов чувствуется и в том, что в отличие от греческой мифологии с ее многочисленными региональными вариантами и несомненной устной традицией мифы, связанные с финикийско-пунийскими богами, были канонизированы храмовой обработкой и хранились в архивах храмов. Государственный характер культа подчеркивался также тем, что религиозными церемониями подчас руководили суффеты, и тем, что имена богов обязательно включались в текст договоров с другими государствами.

Обычно в жертву богам приносили быков, телят, овец, баранов, ягнят, домашних и диких птиц, грызунов, причем способы принесения жертв и плата жрецам были разными, и чтобы желающий принести жертву не запутался в тонкостях обряда, у входа в храмы помещались предписания, точно регламентировавшие каждый ритуал. Плата, полагавшаяся жрецам, тоже не была произвольной, а устанавливалась магистратами, ответственными за осуществление культа, и заносилась в особые списки, в которых наряду с денежной суммой, указывалась также и доля мяса жертвенного животного, полагавшаяся храму и остававшаяся жертвователю. Поскольку слишком много мяса жрецам не требовалось, то часть, передававшаяся храму, была меньшей, а если жертвователь сам забивал животное, то и совсем ничтожной; мясо же птицы вообще полностью шло жертвователю.

В случае особенно торжественного события типа закладки города или нависшей над городом опасности в жертву приносили новорожденных младенцев, порой, как сообщает Диодор, сотнями. Размах этого страшного обряда, о котором с осуждением упоминают и

Библия, и античные авторы, засвидетельствован находками многочисленных тофетов. Обширный тофет выявлен в самом Карфагене, а тофеты за его пределами обнаружены в ряде городов Северной Африки, в Сицилии (в Моции), в Сардинии (в Сульцисе, Фаросе, Норе, Битии и даже на территории крошечного военного гарнизона в Монте Сираи). Порой они имеют тысячи могил, где помещены сосуды с пеплом и полусожженными костями младенцев, обычно не достигших и недельного возраста (иногда по нескольку в одном сосуде, иногда — вместе с костями ягненка или птицы). Над захоронениями высятся каменные стелы, на которых то схематически, то в реалистической манере изображены фигуры людей (реже животных). Когда они имеют вотивные надписи, то адресат посвящения — Танит или, значительно чаще, Ваал Хаммон (один или в паре с Танит), поскольку именно он мыслился как «хозяин тофета». Захоронения в тофетах настолько массовы и так часто идут от имени частных лиц из самых различных сословий, мужчин и женщин, и даже рабов, что исследователи стали склоняться к мысли, что жертва не всегда связывалась с умертвлением ребенка, а могла быть своеобразным жертвенным обрядом захоронения преждевременно умерших младенцев. Обряд носил название «молк», которое первоначально было принято за имя божества — отсюда ошибочное появление «имени» Молох, вошедшего в европейских языках в крылатое выражение «жертва Молоху».

Храмы были одновременно и общекультурными центрами. Здесь хранили рукописи не только религиозного содержания. В ходе раскопок храма Эшмуна в Карфагене обнаружены многочисленные терракотовые печати, скреплявшие папирусные тексты, сгоревшие при разрушении Карфагена.

Источники. Пожалуй, ни по одному вопросу древнегреческой истории или культуры нет такого богатства и разнообразия литературных источников, как по греческой религии и особенно мифологии. Наиболее ранние из них — поэтические произведения, начиная с гомеровских поэм, созданного в подражание Гомеру эпоса, сконцентрированного вокруг событий, описанных Гомером в «Илиаде», и обращенных к богам гимнов.

Первая систематизация мифологической системы была произведена столетие спустя после Гомера — Гесиодом, давшим в поэме «Теогония» («Происхождение богов») панораму становления мира богов, а в поэме «Труды и дни» — картину смены человеческих поколений, деградирующих от счастливого золотого века к суровому железному, доставшемуся в удел современникам поэта.

Мифологические сюжеты постоянно появляются у поэтов архаической эпохи, особенно в творчестве сицилийского поэта Стесихора, разрабатывавшего сюжеты мифов, связанных с Западом и с Троянской войной, и Пиндара. Прославляя победителей в олимпийских, пифийских, немейских и истмийских играх, Пиндар постоянно обращается к истории рода победителя, у истоков которого (поскольку это были рода аристократические) оказывалось какое-либо божество.

Конец VI в. до н. э., время рождения греческой философии и историографии, вносит изменение и в изложение мифов — поэтическая разработка уступает место прозаическому их переложению в определенной системе, вбирающей мифологические представления разных регионов Греции, близкие, но не идентичные, и вводящей их в общую структуру единой генеалогии, берущей начало на Олимпе. Особенно широко были представлены мифы всей Эллады в так называемых мифографических произведениях Гелланика Лесбосского, обобщившего мифы Аттики, Аргоса, Беотии, Крита и других регионов. И хотя от них остались лишь незначительные фрагменты, проделанная систематизация не прошла бесследно, будучи воспринятой более поздними историками, мифографами и поэтами.

Геродот в отличие от Гелланика и других ранних историков не ставил перед собой задачи переложения мифов, и сведения о греческих богах его труд содержит лишь в связи с теми или иными политическими событиями. Но труд Геродота исключительно важен для нас в том плане, что вводит в религиозную атмосферу его времени, позволяя увидеть, каким виделось человеку V в. до н. э. взаимоотношение с богами, уже не спускающимися на землю, как у Гомера, а передающими свою волю через сны и знамения, но по-прежнему остающимися своенравными и порой насылающими на людей бедствия не только за преступления или гордыню, которую осуждали и сами люди, но и просто из ревности к человеческому счастью, если оно оказывается чрезмерным.

Великолепным источником знакомства с греческими мифами являются произведения афинских трагиков V в. до н. э. Эсхила, Софокла и Еврипида, блестяще обработавших сюжеты, складывавшиеся в разных регионах греческого мира — Аттике, Беотии, Арголиде, среди греческого населения Малой Азии. Даже несохранившиеся трагедии (а это большая часть наследия великих трагиков) обогащают наши знания, поскольку их содержание или отдельные входящие в них сюжеты часто приведены в комментариях или переложениях более позднего времени.

Для эллинистической эпохи с присущей ей страстью к научной (или псевдонаучной) систематизации характерно появление множества изложений мифов в стихах и в прозе по тематическому и географическому принципу. В начале II в. до н. э. афинский грамматик Аполлодор создал обширное исследование греческой религии и мифологии «О богах». Этот главный его труд не сохранился, но дошла краткая систематическая сводка греческих мифов — «Библиотека».

Эллинистические поэты и мифографы порой извлекали малоизвестные варианты мифов, составляли огромные списки нимф и прочих мифологических персонажей, носившие искусственный характер и большей частью не оставившие следа. Но среди этих ученых занятий оказалось плодотворным выделение мифов, относящихся к превращениям героев и героинь в животных, растения, камни, поскольку эти сюжеты были использованы в начале римской империи Овидием. Он дал их великолепную литературную обработку в «Метаморфозах» («Превращениях»).

Падение эллинистических царств, завоеванных Римом, не привело к упадку интереса к греческим мифам, а в известной мере даже его стимулировало, поскольку новые владыки мира пожелали возвести свое происхождение к троянцу Энею, провозгласив Рим второй Троей, подобно тому, как впоследствии появились «второй» и «третий» Рим.

Если Овидий разработал наиболее увлекательные сюжеты греческих мифов, то Вергилий, другой поэт «золотого века» римской литературы, обратился к теме странствий Энея. Начав с рассказа о падении Трои, он затронул попутно также переселения других героев — микенских, критских, троянских (к теме

Эней еще до Вергилия обращались первые римские поэты и Катон Старший, но их сочинения до нас не дошли).

Появляются в начальный период римской империи и прозаические произведения, посвященные греческой мифологии, из которых полностью сохранились труды «Мифология» и «Поэтическая астрономия» Гигина, первое из которых, напоминающее нечто вроде учебного пособия, кратко перелагает греческие предания, подчас значительно отличающиеся от общераспространенных, второе — дает вслед за эллинистическими мифографами мифологическую карту звездного неба.

Изложение ряда греческих мифов имеется и в «Исторической библиотеке» Диодора, который особенно подробно разбирает предания о деяниях Геракла, видя главную заслугу героя в том, что он избавил своими трудами обитаемую землю от чудовищ и хищников. Будучи сицилийцем, Диодор особенный интерес питал к мифам, относящимся к западным землям. Эту тему он разрабатывает и в рассказе о подвигах Геракла, и при изложении местного варианта мифа о Дафнисе, и в преданиях о заселении Эолийских островов, и особенно в связи с мифами о Дедале в Сицилии и сицилийской экспедиции Миноса.

В римскую эпоху осуществлялась исключительно важная для понимания греческих мифов запись местных сказаний, сравнимая с деятельностью современных фольклористов. Часть этих сказаний дошла в изложении Страбона. Но в наиболее полном виде местные предания донесены в произведении греческого путешественника II в. н. э. Павсания «Описание Эллады». Павсаний сохранил мифологическую традицию Аттики, Коринфа, Сикиона, Лаконики, Мессении, Элиды, Аркадии, Беотии, Фокиды.

Старший современник Павсания Плутарх с его повышенным интересом к родословной своих героев и к древним обычаям дает в «Параллельных жизнеописаниях» ряд интересных деталей, касающихся различных обрядов и обычаев и подчас приводит по нескольку вариантов их объяснений. Но особенно ценны приводимые им в специальном трактате сведения о дельфийском оракуле, поскольку он сам состоял в жреческой коллегии дельфийских жрецов.

Особым видом источников являются схолии — развернутые на полях рукописей комментарии к поэтическим текстам. До нас дошли схолии к Пиндару, к греческим трагикам, к поэтам эллинистического времени, в том числе Феокриту, к произведениям Вергилия. Из такого рода схолий выросла самостоятельная комментаторская литература, значение которой трудно переоценить, поскольку комментаторы имели перед глазами не только сами комментируемые произведения, многие из которых не сохранились до нашего времени, но и огромную, ныне утраченную антикварную литературу. Не пропуская ни одного имени, ни одного неясного выражения, ни одного варианта мифа, они разбирают все сколько-нибудь неясные места, а главное — часто приводят все существующие варианты того же имени или мифа и детали связанного с ним культа, все точки зрения, имевшиеся в греческой или латинской литературе.

Таков основной круг литературных источников, содержащих компактные изложения материалов, связанных с мифологией и религией греков. Кроме того, отдельные сведения рассеяны по всей античной литературе, ибо нет ни одного автора, который бы в той или иной мере не упоминал о богах, религиозных праздниках или обрядах, пронизывавших жизнь античного человека.

Наряду с литературными источниками огромное значение имеет колоссальный изобразительный фонд греческой мифологии. Это культовые статуи и статуэтки, служившие приношениями богам (вотивами), мифологические сцены, воспроизводимые на фризах и фронтонах храмов, на сосудах, погребальных стелах, мозаиках, фресках, зеркалах, геммах, монетах и множестве ремесленных изделий.

Для изучения этрусской религии и мифологии в отличие от греческой наука не располагает ни одним компактным трудом, но сведения о религии этрусков, рассеянные в произведениях латинских авторов, превосходят всю остальную информацию об этом народе и в какой-то мере заменяют утраченные книги «этрусской дисциплины». Из античной традиции можно почерпнуть множество данных об этрусском религиозном пантеоне, культе, практике гадания, организации жречества. Причем сведения авторов конца республики и начала империи, как установлено современной наукой, восходят к произведениям этрусских авторов, имевшихся в переводах на латинский язык.

Сведения античных авторов дополняет эпиграфический материал, в частности имена богов, начертанные на металлических зеркалах, урнах, а также крупные сакральные тексты. Среди последних — бронзовая модель печени, на которой выделены участки богов с их именами. Скорее всего, это календарный текст, использовавшийся для гаданий. Но главным источником при изучении этрусского религиозно-мифологического мира являются рисунки на сосудах, рельефы, скульптурные изображения — материал огромный по объему, однако представляющий значительные трудности для интерпретации. Вряд ли этрусские изображения можно считать иллюстрацией к религиозным книгам и пытаться по «картинкам» восстановить текст, тем более, что значительная часть этрусской иконографии (изображения на зеркалах) часто не носит культового характера, а лишь отражает представления, возникавшие под влиянием греческого искусства. Но в то же время рисунки и разного рода памятники доносят символику этрусской религии и помогают понять ее специфику и истоки.

О финикийско-карфагенской религии долгое время было известно в основном из Библии, сообщавшей о культах тирских и сидонских богов, и на основе сопоставления с более ранней мифологией и религией Угарита времени, предшествовавшего возникновению финикийских городов-государств, где в 30-е гг. XX века был обнаружен архив середины II тысячелетия до н. э. Этот архив содержал немалое количество мифологических текстов, действующими лицами которых являются многие из богов, почитавшихся впоследствии финикийцами и карфагенянами, среди них — Балу (финикийский Ваал), Ашарет (финикийская Астарта).

Отдельные сведения, хотя и не всегда точные, разбросаны и у античных авторов, упоминавших об отдельных культах и мифах, порой называя чуждые греческому уху финикийские имена, но чаще давая финикийским богам имена богов греческих, более или менее сходных с ними по функциям. Больше всего такого рода упоминаний у Геродота, всегда проявлявшего интерес к чужеземным обычаям, но далеко не всегда правильно их понимавшего, у Полибия, Диодора, Плутарха, Страбона, Аппиана, Иосифа Флавия и Тита Ливия. Единственным автором, который дал описание финикийской религии, опиравшееся на финикийские источники, был Филон из финикийского Библа (I—II вв. н. э), сообщающий, что пользовался хранившимся в архиве Берита трудом жившего за тысячелетие до него финикийского жреца. Но сочинение Филона дошло лишь в отдельных и не всегда точных цитатах, приводимых одним из церковных авторов IV в. н. э.

Глубже проникнуть в суть финикийских и карфагенских религиозных представлений стало возможно лишь благодаря успехам археологии, выявившей многочисленные храмы, некрополи и тофеты на территории Карфагена и входивших в Карфагенскую державу городов Северной Африки, Сицилии, Сардинии, Мальты, Испании и давшей эпиграфические и нумизматические материалы.

Правда, среди относящихся к религии надписей нет ни молитв, ни гимнов, ни мифологических текстов, ни даже списков небожителей (если не считать

текста одного из договоров, перечисляющего ряд богов в качестве гарантов его соблюдения с финикийской стороны), но и та информация, которую они содержат, исключительно важна. Многочисленные посвятительные и вотивные надписи, обнаруженные в храмах и особенно в тофетах, сколь они ни кратки, включают культовые или вотивные формулы, а главное — дают информацию о культе богов, почитавшихся в тех или иных городах, позволяя, таким образом, отделить карфагенские религиозные приоритеты от финикийских, проследить эволюцию карфагенской религии, выявить религиозную специфику в отдельных регионах внутри Карфагенской державы. Вместе с тем имеется несколько особенно интересных эпиграфических памятников, позволяющих судить об организации культа: это списки расходов ряда храмов, в одном из которых в связи с выделением денег на плату персоналу указаны даже профессии людей, занятых обслуживанием культа; выставленные у входа в один из храмов тарифы для сведения желающих принести жертву; две надписи с упоминанием отдельных праздников; эпитафия жреческой семьи.

Дополнением к эпиграфическому материалу служат монеты, не только дающие иконографию отдельных богов, но и позволяющие судить о значимости того или иного божества в пантеоне отдельных карфагенских городов.

Глава 11

АНТИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

Начало железного века совпало по времени с формированием в круге земель культуры, которую называют античной. Название это условно, ибо «античность» в переводе означает «древность». Более древняя культура II тысячелетия до н. э. на эгейском побережье Малой Азии, островах Эгейского моря, на Балканском полуострове была предшественницей античной. Античная культура оформилась после разрыва, заполненного переселениями народов и уничтожением эгейских дворцов и складывавшихся вокруг них поселений. Эгейская культура сосредоточивалась в стенах дворцов, где она была достоянием знати, чиновников и жречества. Центрами же античной культуры, носившей более демократический характер, становятся возникающие города. В ходе колонизации она распространяется в огромном племенном мире и завоевывает необозримые пространства всей ойкумены.

От слова к письменности. В конце II тысячелетия в расположенных на восточном побережье Средиземного моря торговых городах-государствах Финикии создается *алфавитное письмо* из 22 букв, обозначающих не слова и слоги, а согласные звуки. Греки усовершенствовали финикийский алфавит: каждому из 24 знаков греческого алфавита соответствовал согласный или гласный звук языка. О заимствовании греками алфавита финикийцев говорят названия греческих букв («альфа», «бета», «гамма», «дельта» и т. д.), соотносимые с финикийскими знаками, их формой и названиями, а также порядком.

Гомер. Словесность у греков, как и у многих других народов древности, началась с *эпоса*. Это вид поэзии, повествующий о богах и героях, о начале мира, о знатных родах и городах, о начале земледелия и судоходства. От этой огромной словесности сохранилась лишь ее вершина — ***«Илиада»*** и ***«Одиссея»***, приписываемые **Гомеру**. Однако не с нее начинается долгая эпическая традиция. Время ее начала — «темные века», а быть может, даже микенская эпоха. Очагом формирования гомеровского эпоса была Иония. В древности ничего о Гомере не знали, споря даже о месте его рождения, да и в новое время знаний о нем не прибавилось.

Сюжеты «Илиады» и «Одиссеи» обращены к прошлому, отделенному от Гомера несколькими столетиями. Источником этого прошлого для автора служат мифы, на основе которых он создает как бы историческое полотно («Илиада») и повествование о возвращении одного из героев Троянской войны на родину («Одиссея»). Правдоподобия Гомер добивается такой детализацией изложения, что может создаться впечатление, будто он сам участвовал в сражениях под Троей или помогал потерпевшему кораблекрушение Одиссею складывать из бревен плот. Однако картина реальности нарушается не только и не столько участием в действии богов, которые постоянно помогают своим любимцам, вредят их противникам и даже вступают в сражения, сколько тем, что Гомеру практически неведомо восхищающее его прошлое. Троянцам он дает греческие имена и заставляет чтить греческих богов. Он знает название «кетеи», под которым можно понимать хеттов, но совершенно не осведомлен ни о хеттском царстве, ни о хеттской культуре. В ярких описаниях битв под Троей проглядывается современное ему предполисное общество с уже начинающимся разделением на «многонадельных» и «безнадельных», с конфликтами между басилеями и рядовыми членами общины, с входящим в обиход железом.

В то же время Гомер догадывается, что современная ему этническая картина Балканского полуострова — результат перемен, происшедших после Троянской войны. Арголиду он заселяет ахейцами, а не дорийцами. В Аргосе и Спарте у него царствуют потомки Пелопса, а не Геракла. Фессалию он называет «пеласгийским Аргосом», ибо переселение фессалийцев произошло после Троянской войны. В Фивах у него живут не беотийцы, а кадмейцы, в Орхомене — минийцы.

В отличие от современных литературоведов и историков указанные несоответствия мира, созданного воображением Гомера, исторической реальности не волновали древних слушателей и читателей «Илиады» и «Одиссеи». Гомер стал спутником создателей первых полисов в Эгеиде и основателей колоний на Западе и на берегах

Понта. Не случайно пересказ строк Гомера мы находим на черепке VII в. в греческом поселении на островке Питекусса в Тирренском море. Можно не сомневаться в том, что люди, проложившие пути в столь отдаленные места, не пугались Сциллы и Харибды, циклопов и сирен, понимая разницу между реальными опасностями и вымыслом. Гомер возмещал своей фантазией то, чего не хватало в жизни. Он поднимал на Олимп и открывал мир богов, которым не было чуждо ничто человеческое. И нам нет смысла истощать себя и наши компьютеры решением гомеровской загадки. Нам нужно лишь понимать, что без Гомера, кем бы он ни был — единственным автором, двумя или даже целой корпорацией певцов, не состоялось бы то, что мы называем античной литературой и, более широко, античной культурой.

Вокруг Гомера. Начиная по крайней мере с VI в. до н. э, гомеровские поэмы были предметом такого же восхищения и любования, как в «Илиаде» похищенная троянским царевичем Парисом красавица Елена, из-за обладания которой разгорелась Троянская война. Но если сам Гомер не пытался раскрыть секрета прелести Елены, то загадка художественного воздействия гомеровских поэм уже в древности в высшей степени волновала ученых. И в ходе ее решения был заложен фундамент науки филологии и более того — античной эстетики. Уже Аристотель обратил внимание на отличие Гомера от других поэтов, описывавших Троянскую войну. Гомер не дает последовательного рассказа обо всей войне, а выделяет лишь один эпизод и таким образом развертывает вокруг него действие, что оно представляется органичным и занимательным, а его участники — живыми людьми.

Наряду с этим в древности ставился вопрос, принадлежали ли «Илиада» и «Одиссея» одному поэту и был ли Гомер автором других поэм, ходивших под его именем. Делались также попытки выделить в поэмах поздние вставки, спорили о происхождении и родине поэта («Семь городов, пререкаясь, зовутся отчизной Гомера»). Единства в решении всех этих вопросов не существовало, поскольку в распоряжении древних ученых не было каких-либо данных, кроме самих поэм. Полемика эта была унаследована новым временем вместе с той работой, которая была проделана над гомеровскими текстами древними филологами. И спор о Гомере разгорелся с новой силой. Появилась возможность сопоставлений, поскольку не только у греков, но и у других народов развитие литературы начиналось с эпоса и у греческих аэдов были собратья — барды, скальды, сказители.

В 1795 г. в ключе народных поэм рассмотрел гомеровский эпос немецкий ученый Фридрих Август Вольф (1759—1884), сравнивший «Илиаду» и «Одиссею» с эпическими произведениями других народов. Вольф выявил черты совершенства, которыми не обладают бесхитростные творения народных поэтов, и это навело его на мысль, что тексты поэм в том виде, в каком они до нас дошли, — результат деятельности множества редакторов, приведших в порядок отдельные поэмы и сгладивших имевшиеся в них противоречия.

После Вольфа Карл Лахман попытался выделить в «Илиаде» и «Одиссее» их первоначальные составные части («малые песни») и указал на остатки «бе-

лых ниток», которыми они были скреплены в единое целое. Так утрачивалась естественная красота и место ее занимала искусственная, а Гомер исчезал за спинами редакторов. В это трудно было поверить , ибо творческий опыт учил, что хотя среди редакторов и встречаются гении, ни одному из них не удавалось заменить творца, автора. На голову «расчленителей» Гомера, получивших название аналитиков, обрушился шквал негодования тех, кто считал Гомера единственным и неподражаемым творцом «Илиады» и «Одиссеи». Во главе критиков Вольфа и его последователей стояли Шиллер, Гете и переводчик Гомера на немецкий язык И.Г. Фосс. Интуиция этих критиков, которых стали называть унитариями была подкреплена исследованием греческого письма - начало греческой письменности оказалось древнее, чем предполагал Вольф, и поэмы могли быть не только сочинены одним автором, но им же и записаны (или продиктованы) в VIII–VII вв.

Под влиянием критики унитариев последователи Вольфа и Лахмана стали говорить уже не о механическом соединении песен, а о существовании основного (по их определению, — первоначального) ядра, вокруг которого группировались остальные сюжеты.

Борьба двух направлений развернулась в то время, когда начались раскопки на местах действия героев гомеровских поэм — в Трое, в Микенах, в Тиринфе. После появления многочисленных памятников к прежним спорам об обстоятельствах возникновения поэм и времени жизни поэта прибавились новые, не менее жгучие — о соотношении гомеровской поэзии с древнейшей историей Греции, об источниках, на основании которых Гомер воссоздавал художественную картину далекой от него эпохи. Объем наших знаний о древнейшей Греции возрос также благодаря дешифровке древнейшей письменности, и с этим увеличением информации гомеровская загадка все более усложнялась в связи с появлением все новых и новых вопросов, каждый из которых не мог быть решен однозначно. В конце концов выяснилось, что современная наука знает о времени действия «Илиады» и «Одиссеи» неизмеримо больше, чем могло быть известно Гомеру. Но это нисколько не уронило его в наших глазах: он не был первым историком, как его считали греки и некоторые энтузиасты археологии, наивно пытавшиеся воссоздать по его поэмам точную картину эпохи Троянской войны, он был величайшим художником, и созданная им панорама Троянской войны, пусть во многом далекая от реальности, совершенна как произведение искусства. Понимание прелести «Илиады» и «Одиссеи» равносильно разгадке природы творческого гения — искусства в самом широком смысле этого слова. И то, что гомеровская красота видится нам на ином уровне, чем красота эпических произведений других европейских народов, связано с тем, что за плечами Гомера стояла угасшая эгейская цивилизация, дошедшая до него в мифах, которым он дал новую жизнь.

Соперник Гомера. Античному образу жизни и образу мышления присущи состязательность, соперничество — то, что греки обозначали словом «агон». Соперничали между собой города-государства. В каждом городе соперничали в мастерстве ремесленники, добиваясь совершенства своих изделий. Соперничали политические и военные деятели, стремясь выдвинуться и занять

первые места на вершине власти. Что такое Олимпийские и другие общегреческие состязания, как не соперничество атлетов, которым покровительствовали боги? Не мог, по понятиям греков, оставаться и Гомер без соперника. И соперника ему подыскали — беотийского эпического поэта **Гесиода**. Сохранилась поэма, рассказывающая о том, как явились Гомер и Гесиод на суд, который должен был решить, кому называться первым поэтом. И запел божественный Гомер в полной уверенности, что победа будет принадлежать ему. Но судьи, выслушав и Гесиода, первым поэтом признали его — он воспевал не кровопролитные войны, а мирный труд.

Разумеется, это выдумка. Гомер и Гесиод не могли встретиться, поскольку жили в разное время. Выдумку эту породило не только новое отношение общества к миру и войне, определившее победу нового поэта над старым, но и то, что Гесиод был, в отличие от «великой тени» — Гомера, поэтом, обладавшим биографией.

Источником биографических сведений о Гесиоде стала его поэма ***«Труды и дни»***, написанная в VII в. Из нее мы узнаем, что некто из малоазийского города Кумы переселился с двумя сыновьями — Гесиодом и Персом — в Беотию и стал там обрабатывать небольшой участок земли. В центре повествования — семейный конфликт, обычный для Греции, где земли не хватало. После смерти отца младший из братьев, Перс, вместо того чтобы отправиться с другими колонистами на поиски пропитания, отсудил себе часть отцовского участка. Подарки судьям-мздоимцам разорили Перса, и ему ничего не оставалось делать, как обратиться к честному и рассудительному Гесиоду, который, не держа на брата зла, дал ему совет, как надо жить и трудиться, чтобы избежать нищеты. Вокруг этого центрального эпизода и разворачивается пересыпанное притчами, поговорками и пословицами повествование о необходимости добросовестного, честного труда, угодного богам.

Из поэмы встает реальная картина жизни полиса конца VIII—начала VII в., расположенного в области, где ремесло и торговля были занятиями второстепенными. Но все же и здесь произошли заметные перемены, что видно из трехсот строк, содержащих наставления по мореплаванию. В заключительной части поэмы приведены житейские советы: в каком возрасте жениться и какую надо выбрать жену, чтобы она не пустила на ветер все, добытое тяжким трудом, как относиться к родственникам, к богам. Вероятно, заключительная часть поэмы — не более, чем дополнение, появившееся значительно позднее.

История человечества представлена в «Трудах и днях» как неизменное ухудшение жизни каждого из последующих поколений. Первое пользовалось благами века золота, когда труд был людям в

радость, когда сами люди отличались от богов лишь тем, что были смертны, да и смерть не приносила им мучений. Следующее, связанное с серебром, утратило благочестие людей золотого века и было обречено на пребывание в Аиде, правда, не в самом худшем его месте. Третье поколение — это поколение меди, отличавшееся воинственностью и жестокостью. Четвертое, предшествующее поколению самого поэта, наделено более светлыми чертами, но и его погубила война. Это поколение героев, павших под Фивами и Троей и после гибели перенесенных на Остров блаженных. О пятом поколении Гесиод говорит так:

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя.

Взгляд Гесиода на будущее людей железного века предельно пессимистичен, и сразу же за рассказом о железном веке следует басня о соловье и ястребе с ее моралью:

Разума тот не имеет, кто меряться хочет с богатым —
Не победит он его, к униженью лишь горе добавит.

В другой своей поэме, ***«Теогония»*** («Происхождение богов»), Гесиод рисует картину возникновения мира и богов. В отличие от гомеровских богов боги Гесиода отделены от людей, почти не общаются с ними и лишены их пороков. Иногда Гесиод упоминает и героев как участников походов против Фив или Трои, но лишь для того, чтобы напомнить, что они погибли ужасной смертью на «злой войне». Войну Гесиод не одобряет, видя в ней наказание, посланное людям богами, результат козней богини раздора Эриды.

Подражатели. На Гомере и его сопернике Гесиоде эпос не обрывается, несмотря на то, что новые времена были далеко не эпическими. У гениев всегда бывают подражатели. Подражателей Гомера, дополнявших его, а затем и друг друга, в новое время назвали *кикликами* (т. е. авторами «круговых» поэм — от «киклос», или «цикл» — круг). Хотя произведения кикликов были утрачены еще в древности, их содержание известно по переложениям более поздних авторов. Троянской войне были посвящены киклические поэмы «Киприя», «Эфиопида» и «Разрушение Илиона». Мифы фиванского цикла разрабатывались в «Эдиподии», «Фиваиде», «Эпигонах». Существовали поэмы, посвященные легендарной истории отдельных

городов и героев. Все киклические поэмы были написаны гекзаметром, сохраняли гомеровские приемы описания и компоновки образов, но не отличались художественными достоинствами.

Подражания Гомеру настолько навязли у всех в зубах, что не обошлось без пародии на его поэмы. Пародия ***«Война лягушек и мышей»***, появившаяся на рубеже VI—V вв., высмеивала гомеровский пафос, гомеровские литературные приемы. Царь необозримого лягушачьего племени Вздуломорд вызвался перевезти на своей могучей спине мышонка Крохобора, но в страхе перед невесть откуда появившейся змеей нырнул на дно вместе с беспомощной ношей. Мстя за погубленного, мыши ополчились и объявили земноводным войну, которая описана в героических тонах и с гомеровской доскональностью. Готовясь к сражению, отважные герои похваляются своими родословными перед выстроившимися мышами и лягушками. Погибших оплакивают и погребают. За битвой наблюдают с Олимпа боги.

В русле подражаний Гомеру находятся и гимны богам, самые крупные и древние из которых получили название «гомеровских». Прекрасен созданный в «Гимне Деметре» (VII в.) образ страдающей Богини-Матери, дарующей людям, которые оказали ей поддержку, культуру хлебопашества и учреждающей Элевсинские мистерии.

Человек, поющий о любви и ненависти. Вслед за эпосом из существовавших с давних времен трудовых, застольных, свадебных песен постепенно рождается лирическая поэзия (досл.: "исполняемое под лиру" — термин, введенный филологами эллинистического времени в качестве противопоставления эпосу). Для нас греческая лирика VII—VI вв. — это груда обломков, извлеченных в виде цитат из античной прозы и истлевших папирусных свитков из мусорных куч Египта. Но каждый из этих обломков — как бы фрагмент расписной керамики тех столетий, сверкнувший сквозь пыль, поднятую лопатой археолога. Цельное или почти цельное стихотворение — большая редкость. Как ни верти отдельные обрывки, они не прикладываются друг к другу. Но даже в нескольких строках проглядывает художественное открытие мира чувств, неведомого великому Гомеру. Гомер говорит полным голосом, почти кричит, а лирическому поэту доступна вся радуга человеческих чувств, все тона и полутона. Гомер повествует о далеких столетиях героической славы, поэт-лирик рассказывает о себе, о своих радостях и бедах. Лирика — бесценный исторический источник эпохи становления полисов и великой греческой колонизации.

Неведомый мир чувств, открытый лирическими поэтами для античной, а вслед за нею и европейской поэзии, был также и миром

новых ритмов и поэтических размеров. Ибо не подходил строгий и мерный гекзаметр ни для невнятного любовного шепота, ни для страстной ворожбы, ни для яростного вопля обманутой любви.

Поэт VII в. **Архилох** нашел такие слова для передачи чувств к своей невесте Необуле:

От страсти обезжизневший,
Жалкий, лежу я, и волей богов несказанные муки
Насквозь пронзают кости мне...

Когда же отец Необулы обманул Архилоха, жених обрушивает на него град колкостей и насмешек:

Что в голову забрал ты, батюшка Ликамб,
Кто разума лишил тебя?
Умен ты был когда-то. Нынче ж в городе
Ты служишь всем посмешищем.

Пришлось как-то другому лирическому поэту, **Алкею**, (перв. пол. VI в.) спасаясь бегством, бросить свой тяжелый щит. Позор! Но Алкей не постеснялся сделать сюжетом стиха и то, о чем другой бы не стал распространяться:

Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пусть пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть.

Будто бы этот щит был найден кем-то и повешен в храме Аполлона в Дельфах. Позор, перенесенный на поле боя, был искуплен поэзией.

Гомеру принадлежат десятки тысяч строк, но он не израсходовал и одной, чтобы рассказать о себе, и остался для человечества вечной тенью. Архилох и Алкей встают из стихов как полнокровные личности, их не спутаешь ни между собой, ни с другими поэтами.

Греческая лирика в отличие от эпоса, напоминающего полноводный поток, добивается цели, используя минимальные средства, но такие, к которым нельзя ничего добавить, ибо добавленное будет отягощающим привеском, разрушающим гармонию. За скупостью в словах стоит необычайная острота и точность чувства в его всеобщности и одновременно неповторимости. В изображении страсти, безумной и мучительной, как болезнь, и необъяснимой, как ураган, обрушивающийся на тихие поля, вершины достигла поэтесса **Сапфо** (вторая половина VII — начало VI в.).

Сапфо в древности называли «десятой музой». Ее профиль чеканили на монетах. Она рассказывала о своей любви так, как это

еще не удавалось никому. Эрос в стихах Сапфо приобретает космическую силу:

Словно ветер, с гор на дубы налетевший,
Эрос души потряс нам.

Сапфо можно принять за обезумевшую жрицу любви, но вот она оказывается рядом с предметом своего чувства:

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно слушает голос...
Лишь тебя увижу, — уж я не в силах вымолвить слова.
Но немеет тотчас язык, под кожей
Легкий жар пробегает, смотрят, ничего не видя, глаза,
В ушах же звон непрерывный...

Греческие скульпторы изображали богиню Афродиту по-разному, но все же так, что ее легко можно было отличить и от Артемиды, и от Афины, и от Геры. У Сапфо было столько Афродит, сколько встреч.

Выходец из соседней с Афинами Мегары **Феогнид** (вторая половина VI в.) — также своеобразная фигура в кругу эллинских поэтов. Став после установления тирании изгнанником и бедняком, он поставил своей целью научить сограждан линии поведения, которая может спасти полис от угрожающих ему бед. Главный источник несчастий для поэта — народ, для которого он находит самые уничижительные эпитеты. Во времена Феогнида были уже и такие выходцы из низов, что успели разбогатеть, но для него нет разницы между бедным и богатым простолюдином. Он возмущен поведением знатных людей, готовых ради наживы ввести в свой дом невесту «дурной породы». С его точки зрения для полиса пагубны какие-либо уступки демосу, и он призывает давить его, душить и топтать:

Крепко пятою топчи простодушный народ, беспощадно
Острою пикой коли, тяжким ярмом придави!

Тиран, пришедший к власти при поддержке демоса, заставляет граждан плясать под свою дудку. В результате этого государство, как корабль, спустив белые паруса, носится во мраке по бурному морю. Умелый кормчий отстранен, а команда даже не вычерпывает переливающуюся через оба борта воду — она занята разграблением корабельного имущества.

Во второй половине трети VI в. при дворе сначала самосского тирана Поликрата, а затем афинских тиранов Гиппия и Гиппарха творил **Анакреонт** (570—487). Он писал шуточные, любовные и за-

стольные песни, эпиграммы, гимны. Это был поэт легкомысленный, гуляка, и его Эрот, кажется, был сыном не той Афродиты, которую почитала Сапфо:

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девою пестрообутою.
Но, смеяся презрительно
Над седой головою моей,
Лесбиянка прекрасная
На другого любуется.

Эзоп и его басни. От поэзии очень рано отделилась художественная проза, первоначально бывшая ее антиподом, языком здравого смысла и рабочих буден. Одним из первых прозаических жанров стала *басня*, отцом которой считался **Эзоп.** Рассказывали, будто он был рабом-фригийцем, жившим на острове Самос, прислуживал философу Ксанфу и пользовался любовью самосцев, добившихся его освобождения. Потом он обитал при дворе лидийского царя Креза, видевшего в нем пророка, путешествовал по Вавилонии и Египту, уже в старости посетил Дельфы. Не удержавшийся от разоблачения корыстолюбия жрецов, Эзоп был ложно обвинен ими в воровстве священной утвари и сброшен со скалы. И тогда всевидящий Аполлон, свидетель конфликта между своими служителями и Эзопом, оказался справедлив и покарал Дельфы чумой.

Фигура Эзопа принадлежит фольклорной смеховой стихии, проходящей через всю человеческую историю. В уродливой телесной оболочке горбуна скрыта чистая душа и божественная мудрость, позволяющая видеть уродство окружающей жизни и бесстрашно его обличать. Это прообраз и царя «перевернутого» римского праздника сатурналий (когда рабы и господа на несколько дней менялись местами, а потом раб-царь приносился в жертву), и итальянского паяца, и русского скомороха, и шута мистической колоды карт Тарот, балансирующего над бездной.

Но в то же время Эзоп — человек VI-века, осознавший антагонизм между демосом и властвующей в полисах аристократией, между религией народной и официальной религией аристократии, простонародной и господской мудростью. Басни Эзопа провозглашали близкое торжество демократии, видевшейся тем, к кому она еще не пришла, царством справедливости. Для прочности этого царства (как и храма) требовалась, по старинному обычаю, искупительная человеческая жертва. И в жертву был принесен пророк, мудрец и шут Эзоп. Но человечество всегда спотыкается об один и тот же камень и не может избавиться от иллюзий. Через сто лет после того,

как в аристократических Дельфах был сброшен со скалы Эзоп, в демократических Афинах должен был выпить чашу с цикутой другой мудрец, Сократ, ожесточивший своих современников не баснями, а неуместными вопросами.

И именно потому, что в мире по сути дела мало что меняется, басни Эзопа оказались вечными; уже в древности они нашли подражателей, а через тысячелетия и переводчиков на новые языки. В новые литературы они вошли как создания этих переводчиков — Лафонтена, Крылова. Но, как теперь становится ясно, и у Эзопа были предшественники. Через его божественные уста пропущена не только греческая, но и восточная — египетская, вавилонская и даже древнеиндийская — мудрость.

Человек размышляющий. Перед античным человеком, обитателем долин и небольших островов, чей кругозор долго был замкнут горами и морем, а жизнь заполнена суровой борьбой за выживание, в VIII—VI вв. мир предстал во всем разнообразии природы, во всей пестроте обычаев и верований бесчисленных народов, в том числе и таких, историческая память которых уходила в глубь тысячелетий.

Милетянин **Гекатей** (конец VI — начало V в.), оказавшийся во время своих странствий в долине Нила, не преминул, представляясь египетским жрецам, похвастаться, что за пятнадцать поколений до него его предки были богами. Жрец, вместо того чтобы обрадоваться встрече с чужеземцем, имевшим такую родню, молча отвел его в подземелье храма и, показав саркофаги с мумиями погребенных там тысячелетия назад жрецов, бесстрастно заметил, что ни один из них не был богом.

Подобно Гекатею, переворот в представлениях о богах пережил и **Ксенофан** (ок. 570—480), уроженец другого малоазийского города, Колофона. В роду у Ксенофана не было богов, но он знал о богах все, что о них рассказали Гомер и Гесиод. Каково же было его потрясение, когда он увидел, что эфиопы почитают богов в облике чернокожих курчавых идолов, а фракийцы — голубоглазых и бледнолицых истуканов. Так Ксенофана озарила мысль, что если б, например, быки умели рисовать, они бы изобразили своих небожителей четвероногими и с рогами.

Ксенофан не стал безбожником. Но он понял, что люди не обладают достоверными знаниями о божественном и что богу, не похожему на смертных ни обликом, ни разумом, всевидящему и всезнающему, нет дела до человека, а потому и людям надо славить бога благочестивой речью и пристойным словом, а не повторять глупые россказни Гомера и Гесиода о титанах, гигантах, кентаврах.

Острая, не прекращающаяся во все века античной истории полемика с носителями иных взглядов на мир и его законы, на место в этом мире богов и назначение человека — родовой признак греческой, а затем и всей античной науки, отличающий ее от восточного авторитаризма в вопросах познания окружающего мира. Образованные люди Востока с недоумением, а порой и с осуждением наблюдали за непрекращающимися спорами греков, за разнообразием их взглядов, констатируя, что у них нет ничего установившегося, никаких незыблемых авторитетов. Кто бы ни сказал первым «Истина рождается в спорах», — это высказывание отражает наблюдение бесконечных дискуссий греческих мыслителей в поисках истины.

Новым по сравнению с Востоком было и общественное положение в античном мире человека размышляющего. Он, не в пример восточному мудрецу, мог рассчитывать на признание и поощрение не главы государства и верхушки общества, а всего гражданства полиса, а затем и греческого мира в целом. Полис гордился своими мудрецами (особенно после их смерти) так же, как своими храмами или иными достопримечательностями. Выражение «семь мудрецов» заимствовано греками у восточных соседей, но глухая борьба за включение «своего» мудреца в число семи — чисто греческое явление. Чаще всего к семи мудрецам относили милетянина Фалеса, афинянина Солона, спартанца Хилона, коринфянина Периандра, митиленянина Питтака, Клеобула из родосского города Линда, Бианта из малоазийской Приены. Было распространено восьмистишье с перечнем мудрецов и их изречений:

Семь мудрецов называют их родину, имя, реченья.
«Мера важнее всего», — Клеобул говаривал Линдский.
«Познай себя самого», — проповедовал в Спарте Хилон.
«Сдерживай гнев», — убеждал Периандр, уроженец. Коринфа.
«Лишку ни в чем», — поговорка была митиленца Питтака.
«Жизни конец наблюдай», — повторялось Солоном Афинским.
«Худших всегда большинство», — утверждал Биант из Приены.
«Ни за кого не ручайся», — Фалеса Милетского слово.

Иногда к семи мудрецам причисляли скифа Анахарсиса и воспитателя спартанских царей-реформаторов Биона из Борисфена. Мудрецы соперничали в популярности с мифологическими героями. Их изображения чеканились на монетах, изречения высекались на стенах храмов.

Ранняя греческая наука еще не разграничивалась на отдельные отрасли. Ученые не были профессиональными астрономами, геометрами, ботаниками, историками. Они были мудрецами, стремив-

шимися познать видимый мир в целом, понять его происхождение и управляющие им законы. Опыт освоения ойкумены, выход за ее пределы показали, что Океан не река, омывающая всю землю, а безграничное водное пространство. Видимо, это натолкнуло милетянина **Фалеса** (конец VII—первая половина VI в.) на мысль, что первовеществом, из которого создано все сущее, является вода. Землю же Фалес видел диском (или доской), плавающим на воде и находящимся под воздействием невидимых одухотворенных сил. На мысль об этих силах Фалеса навели свойства железной руды Магнезии: выплавляемые из нее слитки могли притягивать другие предметы и, следовательно, имели душу. Но более всего прославился Фалес тем, что предсказал солнечное затмение 585 г. Бог Солнца Гелиос почитался всеми греками, но особенно на острове Родос. Ему приносили жертвы, опасаясь его ослепляющих и иссушающих лучей. Полагая, что он может рассеять любую ложь, клялись его именем. И вот смертный предрек гнев Гелиоса, затмивший его чело. Не причастен ли этот Фалес к самим богам?! Так должны были думать те, кому не было известно, что египетские и вавилонские жрецы предсказывали солнечные и лунные затмения за тысячелетия до Фалеса.

Непосредственное наблюдение за восходом солнца, с появлением которого меркнут звезды, привело Фалеса к мысли, что Солнце расположено выше звезд, занимающих место между ним и Землей на тверди — неподвижном небе. И эта ошибка, как и предсказание солнечного затмения, восходит к восточной мудрости. У Фалеса, как считали греки, в роду были финикийцы.

Могущество любой науки в том, что она не останавливается на месте, не замыкается на достигнутом. Научные авторитеты, как бы они высоко ни стояли, меркнут, подобно звездам, замещаясь новыми. Младшему современнику и земляку Фалеса **Анаксимандру** (ок. 610—ок. 540) его взгляд на воду как первовещество всего сущего казался примитивным. Критик Фалеса, обладавший редкостной по тем временам глубиной абстрактного мышления, полагал, что все в мире произошло от невидимого, неощущаемого, безграничного начала, которое он назвал «апейроном» («беспредельным»). От этого начала отделились противоположные друг другу Тепло и Холод, породившие все, в том числе и Землю, Солнце, Луну, звезды. Таким образом, Анаксимандр, предложивший свою гипотезу происхождения космоса (космогонию), которая противостояла космогонии Гесиода, ушел от мифологии гораздо дальше, чем Фалес.

Анаксимандр был первым из эллинов, нанесшим очертания берегов и островов на медную доску. Этот научный подвиг стал воз-

можен лишь после того, как финикийские, карфагенские и греческие мореходы на своих кораблях обошли ойкумену. С критикой Анаксимандра выступил другой милетянин — **Анаксимен** (ок. 585—ок. 525). Приняв за первовещество воздух, он осмыслял дыхание как живую душу и приписал ему решающую роль в образовании воды, земли, огня.

Выделяя вещественное первоначало, Фалес не лишал его одушевленности и считал вселенную обиталищем бесчисленных богов. Апейрон Анаксимандра, скорее всего, вовсе не материальное начало, а прообраз того, что впоследствии считал «материей» глава «идеалистов» Платон. Анаксимен же, как было сказано, исходил из первоначальной одухотворенности мира.

Родом с острова Самос был один из самых глубоких мыслителей древности — **Пифагор** (ок. 570—ок. 500), обосновавшийся в конце VI в. на юге Италии, в Кротоне, и создавший там свою школу. В отличие от ионийских философов Пифагор стремился свести все существующее к разлитой в природе гармонии чисел, соединяя эти числа с астрономией и миром звуков.

Гармония мыслилась им как сочетание противоположностей — предельного и беспредельного, правого и левого, света и тьмы, добра и зла, мужского и женского, а космос — как прекрасное, стройное и закономерное целое, воплощающее эту гармонию. Число и звук рассматривались как главные элементы космоса и гармонии. Исследуя движение небесных светил, «гармонию сфер», Пифагор открыл определенные постоянные соотношения чисел, обусловливающие закономерность передвижения небесных тел и их взаимодействие друг с другом. Число для Пифагора стало мерой всех вещей, определяющей соотношение между отдельными частями космоса, между объемом и весом, между геометрическими фигурами — кругом, квадратом, треугольником. На основе учения о числе возникли оригинальная арифметика и геометрия. Пифагор, исходя из своей системы чисел, первый определил, что Земля имеет форму шара. Последователи Пифагора, исследуя музыкальную гармонию звуков, открыли числовые соотношения между высотой звука и длиной струны, из которой он извлекался.

Великий геометр, физик, астроном, медик, Пифагор был также великим знатоком человеческой души и педагогом, преследовавшим цель очищения человека от всего, что препятствует его совершенствованию. Процесс обучения, применяемый Пифагором в созданной им в Кротоне школе всех муз, включал длительное молчание, во время которого ученики должны были только воспринимать слова учителя и вслушиваться в звуки окружающего мира, не отвлекаясь ни на что постороннее. Педагогическая сис-

тема Пифагора была построена на отказе от всего, что могло увести в сторону от познания. Этот духовный аскетизм был противоположен физическому, культивируемому в Спарте, где создавался идеальный воин, автоматически выполнявший приказ. Школа Пифагора воспитывала рядовых науки, полностью лишенных авторского честолюбия. Все личные достижения считались достоянием Пифагора, и он, видимо, не записывавший своих мыслей, оказался в глазах потомков создателем множества трудов, написанных прозой и стихами.

Ученики и последователи Пифагора жили замкнутыми группами, заботились о своей моральной и физической чистоте и подчинялись суровой нравственной дисциплине. Замкнутый характер союза и испытания, которым подвергались вступающие в него, исторически восходят к испытаниям молодежи (инициациям) в их дорийском варианте. Пифагорейский образ жизни был органически чужд полисному миру. Пифагорейцы виделись белыми воронами. Возникало немало личных трагедий. И все это окончилось катастрофой. Невежественная толпа, возглавляемая неким Килоном, не допущенным в школу из-за отсутствия способностей, подожгла дом, в котором собрались пифагорейцы.

В конце VI в. итоги трудам милетской школы подводит **Гераклит Эфесский** (530—470), с именем которого связано начало *диалектики*. Зачатки ее можно обнаружить и несколько ранее, у многих философов милетской школы, но с предельной четкостью диалектический подход ко всему сущему проявился только у этого мыслителя.

Гераклит стихийно осознает единство и борьбу противоположностей, утверждая: «Враждующее соединяется, из расходящегося — прекрасная гармония, и все происходит через борьбу», или — «Одно и то же в нас — живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое... Ведь это, изменившись, становится тем, и наоборот, то, изменившись, есть это».

Сама противоположность заложенных в предметах и явлениях качеств не была для Гераклита чем-то застывшим — он утверждал относительность всего сущего: «Морская вода — чистейшая и грязнейшая. Рыбам она пригодна для питья и целительна, людям же — для питья непригодна и вредна»; «прекраснейшая обезьяна отвратительна по сравнению с человеческим родом».

Гераклитом впервые в истории философии был сформулирован тезис о вечном движении и изменении, исключающем возможность дважды войти в одну и ту же реку : «в одни и те же воды мы погружаемся и не погружаемся, мы существуем и не существуем».

Музыка*. В древнегреческом миросозерцании господствовали представления о гармонии как главном принципе мироздания. Гармония упорядочивает движение небесных сфер и уподобляет космос божественной кифаре. Гармоническое движение сфер и светил рождает мировую музыку, с которой природа и человек настолько слиты, что не слышат ее в прямом физическом смысле, но живут и действуют в согласии с ней. Мировая музыка определяет смену времен года, дня и ночи, сочетание четырех основных элементов всего сущего (воздуха, земли, воды, огня) и, наконец, поведение человека и человеческого сообщества. Когда гармоническое согласие нарушается, распадается внутренний строй мира и человеческой души, и они начинают диссонировать с мировым музыкальным звукорядом. Разрушение музыкальной меры грозит гибелью.

Пифагор и за ним впоследствии и Платон считали, что музыка связана с людьми настолько естественно, что «мы, даже если бы захотели, не могли бы избавиться от нее». Мировая музыка отражается в музыке человеческой, высшую ступень которой занимает музыка теоретическая, или наука о музыке, ибо с ее помощью человек постигает, что все в мире гармонично, а потому музыкально, что мир един и разумен. Гармония, царящая в мире, может быть познана музыкантами, чьи суждения основываются на разуме, а не на свидетельствах чувств. Не случайно через много веков последний теоретик античной музыки Боэций решительно написал: «Музыкантом считается тот, кто совершенен в рассуждении о музыке». Инструментальная и вокальная музыка не считались настоящим искусством и приравнивались к ремеслу. До нас не дошли образцы древнегреческой музыки, однако мы знаем, что греки полагали, будто музыка оказывает огромное влияние на обычаи народов и человеческие нравы.

В пифагорейско-платоновской традиции было разработано учение о музыкальном настрое. Согласно своему характеру, каждое племя и каждый человек склонны к музыке какого-либо определенного музыкального лада, наиболее соответствующего им своим настроем. По имени народа получил название и излюбленный им лад. Основными ладами считались *лидийский, фригийский* и *дорийский*. Впоследствии Платон самым подходящим для воспитания юношества полагал дорийский (суровый, мужественный и строгий) и допускал использование фригийского. Аристотель критиковал Платона за это допущение, потому что фригийский лад носит, как он думал, разнузданный и оргиастический характер. Лидийский

*Параграф написан В.И.Уколовой.

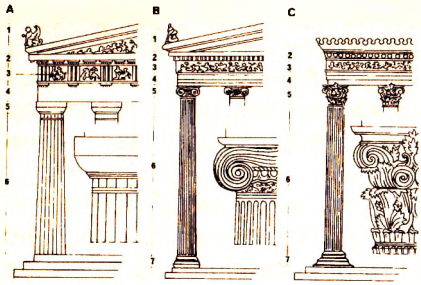
лад звучит слишком женственно, размягчает душу и лишает человека решительности в поступках. Отказ от музыки стыдливой и скромной, по мнению Платона и Аристотеля, представляет большую опасность не только для человека и народа, но и для государства. Диссонирующая, разнузданная музыка разрушает общественную гармонию.

Степенная и слаженная музыка — одно из лучших средств воспитания молодежи, ибо наиболее совершенный путь учения — через слух. В подтверждение этого нередко можно было услышать рассказ о лакедемонянах, как известно, весьма строгих в отношении воспитания юношества, пригласивших для воспитания детей Тимофея Милетского. Спартанцы разгневались на известного певца и кифареда за то, что, прибавив к струнам лиры еще одну, он сделал музыку разнообразнее и тем самым повредил душам мальчиков, взятых в обучение, направив их на стезю, уводящую от скромности и добродетели.

Музыка использовалась и для врачевания. Была известна история Арона из Метимны, избавившего с помощью пения жителей Лесбоса и Ионии от тяжелых болезней, или Исмения Фиванского, излечившего многих беотийцев, которых мучали подагрические боли. На лечебные свойства музыки указывал и великий врач Гиппократ. Человеческая музыка — гармония души и тела. Душа в свою очередь — гармония тела. Приводя в порядок душу и тело с помощью музыки, человек возвращается к мировой гармонии, занимая в формируемом ею космосе надлежащее место. Человеческая музыка без диссонанса сливается с мировой.

Человек созидающий. Заложенное в человека стремление к созиданию собственного дома определялось поначалу его нуждой в защите от холода или палящего солнца, от змей и четвероногих или от себе подобных двуногих. Размеры, устройство и материал определяли технические возможности и общественное положение лица, для которого этот дом предназначался. Кроме жилищ для живых сооружались жилища и для мертвых — посмертные дома, гробницы. Наибольшие средства, талант и изобретательность вкладывались уже на Востоке в сооружение храмов — вечных жилищ для богов. Для того чтобы угодить богам, опустошались целые страны, а их население, обращенное в рабство, обрекалось на пожизненный подневольный труд.

Античный полис на заре своей истории не располагал средствами для грандиозного храмового строительства. Да и представления античного человека о божестве были иными, чем на Востоке. И все это нашло отражение в облике и устройстве античных храмов: храм



Ордера:
А — Дорический, В — Ионический,
С — Коринфский

Дорический храм в Пестуме

был соразмерен его создателю и являлся частью обожествляемой им природы.

Древнейший храм представлял собой здание с двумя колоннами, опиравшимися на ступенчатый цоколь (стилобат). В дальнейшем число колонн значительно возросло. На завершающих их *капителях* лежала мощная балка перекрытия храма (архитрав), над которой располагался опоясывающий здание храма *фриз*, защищенный от непогоды карнизом. Крыша была двускатной и покрывалась черепицей, а позже мраморными плитами. Треугольники между двумя скатами крыши и перекрытием — *фронтоны* — использовались для размещения композиций (чаще всего скульптурных), связанных с главными мифами о том божестве, которому посвящался храм. Стены храма были первоначально глинобитными, а колонны — деревянными. Переход к каменной кладке сопровождался изменением конструкции и пропорций храма.

Постепенно складывается целостная архитектурная система (ордер), учитывающая тяжесть перекрытия, форму колонн, характер фриза и стилобата. Колоннада, окружающая храм *дорического* ордера, напоминала ряды воинов-гоплитов, единственным украшением которых служили мужество и стойкость. Напротив, *ионийский* ордер, особенно в его малоазийском варианте, производил впечатление женского изящества (позднее на основе ионического ордера развился *коринфский*, отличающийся от ионийского формой капители, как бы воспроизводящей корзину, оплетенную резными листьями декоративного растения аканфа). Фриз дорического ордера состоял из триглифов (плит с тремя вертикальными врезами) и метоп (плоских плит, на которых располагалась скульптурная (реже живописная) группа — как правило, из двух борющихся фигур). Фриз ионического ордера, напротив, был сплошным, что давало возможность развернуть непрерывное действие. Статуя бо-

жества занимала центр главного помещения храма (целлы), рассчитанного не на большое скопление народа, а на индивидуальное общение с божеством. Позади целлы располагалась сокровищница для хранения пожертвованных храму даров.

Кора

Один из древнейших храмов дорического ордера, видимо, посвященный богине Артемиде, находился на острове Эгине, близ побережья Аттики. В ходе его раскопок в начале прошлого века выяснилось, что колонны и мраморные украшения были раскрашены. Так был опровергнут один из мифов искусствоведения XVIII в. о мраморной белизне греческих храмов. К VI в. относятся и архаические храмы в Посейдонии (Южная Италия). Эти храмы составляют архитектурный ансамбль, поражающий величием и мощью. Уже в первой половине VI в., был построен храм ионийского ордера на острове Самосе (святилище Геры). После его сожжения персами во второй половине того же века, при тиране Поликрате, на острове появляется еще более грандиозный по размерам храм (54 × 111,5 м) с двумя и тремя рядами колонн и великолепными капителями.

Человек и архаическая скульптура. Главный герой античного искусства, философии, литературы — человек, и именно это позволяет говорить об античном гуманизме. Но сам феномен античности — результат длительного процесса освобождения общества от родоплеменных начал. Человеку в скульптуре также приходилось преодолевать сопротивление не только материала, но и традиций условного, усредненного изображения людей. Первые антропоморфные статуи богов VII в. до н. э. подражают деревянным статуям (ксоанам), создание которых приписывалось Дедалу. Каменная статуя Геры с острова Самос напоминает дриаду, живущую в древесном стволе и еще не успевшую выйти из него наружу. Ваятель словно помогает ей освободиться от камня. На постаменте одной из статуй начала VI в. можно прочитать: «Меня всего, статую и постамент, извлекли из одного блока». Фигуры, изваянные скульпторами VII—VI вв., прочно стоят на месте, прижав руки к бедрам, однако губы их растянуты в странной улыб-

Афина.
Часть скульптурной группы с фронтона архаического храма Афины на Акрополе

Дельфийский возница

ке. Объяснить «архаическую улыбку» в древности и не пытались. То ли это неумелая попытка передать мимику героя, то ли отражение духа эпохи, когда ойкумена еще только открывалась людям полиса и ничто не внушало им опасений за будущее. Ведь и боги «Илиады» смеялись гомерическим хохотом.

Персонажи статуй VII—VI вв. — это не только боги и богини, но и их почитатели, участники религиозных процессий — юноши (*куросы*) и девушки (*коры*), почти не отличимые от богов и богинь. На плечах у одного из юношей теленок. Схватив его за копытца, он крепко прижал кулаки к груди. Головка животного и голова жертвователя на одном уровне. Глаза также образуют одну линию — кроткие и как бы увлажненные у животного, восторженные, обращенные к божеству — у человека.

Шагом к свободе и естественности были групповые скульптурные сцены на фронтонах храма Афины Афайи на острове Эгине (начало V в.) и скульптурная пара тираноубийц (Гармодия и Аристогитона), известная в поздней копии. Найденная в Дельфах *статуя возницы* уже полностью порывает с архаической скованностью. Это юноша в длинной, высоко подпоясанной одежде, которую обычно носил возница во время состязаний. Юноша, надо полагать, стоял на колеснице, но от нее, так же как и от коней, найдены лишь мелкие кусочки бронзы. Фигура и лицо прекрасно сохранились. Силуэт безукоризненно строг, в выражении лица, в повороте головы никакого искусственного пафоса. При необычайно тщательной отделке деталей общее впечатление простоты, благородства, торжественного величия.

Одновременно с греческим развивается и этрусское искусство ваяния. Этрусские скульпторы создавали изображения богов и

людей из мягких пород камня (алебастра, песчаника, туфа), бронзы и, судя по описаниям, из дерева. Но в VII—VI вв. преобладают фигуры и групповые композиции из обожженной глины (терракоты). Центром искусства скульптуры был город Вейи, расположенный близ управляемого в то время этрусками Рима. Основателем школы ваяния считается мастер по имени *Вулка* (Волк), прославившийся скульптурным оформлением фронтона капитолийского храма в Риме. Капитолийский храм не сохранился, и судить о мастерстве Вулки и его учеников мы можем лишь по бронзовой фигуре волчицы, найденной в Риме, и терракотовым раскрашенным статуям Аполлона и Турмса (Гермеса), украшавшим храм Аполлона в Вейях. Фигура Аполлона (часть композиции, воплощающей мифологический сюжет о борьбе Аполлона и Геракла за златорогую лань) стилистически принадлежит к тому же времени и направлению, что и фигура греческого жертвователя теленка. Голова этрусского бога дышит большой энергией и порывом, подчеркиваемым складками одежды. В выражении лица Гермеса умело передано загадочное лукавство этого покровителя торговли и проводника душ мертвых в подземный мир.

Вечная спутница. Спутницей всей жизни античного человека была керамика. Когда он выходил из вечной ночи на дневной свет, она стояла у его колыбели. Он делал из нее первый глоток. Она украшала даже самую бедную хижину. В ней хранились семейные припасы. Она была наградой победителю на играх. Стройные сосуды ставили на могилы умерших, а после — в чашах несли приношения их душам. Иногда и бренные останки помещали в глиняную погребальную урну, которой придавался человеческий облик. В других случаях делались маски, передающие внешность покойного. Поэтому-то керамика более всего и повествует об античном человеке — о его благосостоянии, о развитии его вкусов, о религиозных представлениях, о деятельности ремесленников, о ближних и дальних торговых связях.

Греческая керамика вступает в полисный мир в строгих геометрических формах. Поверхность огромных сосудов, найденных у Дипилонских ворот в Афинах, разделена линиями на декоративные пояса, каждый из которых заполнен треугольниками, звездами, меандрами и другими фигурами. Странное впечатление производят человеческие фигурки, складывающиеся из торсов-треугольников, конечностей-линий и голов-кружочков. Из комбинаций геометрических человечков составлены сцены военной и мирной жизни — сражений, кулачного боя, состязаний музыкантов, похорон. Искусство повсеместно начиналось с геометрического видения мира, и

только позднее снимались острые углы и побеждали овалы. Схема обрастала плотью.

Но вот с VII в. в росписи сосудов воцаряется Восток с его фантазией и изобилием. Пальмы, деревца лотоса, грифоны, химеры и другие крылатые чудовища характеризуют новый, *ориентализирующий* стиль сосудов, изготовлявшихся на островах Эгеиды. Некоторые сосуды, так называемые милетские, декорированные так называемым «звериным» орнаментом, напоминают восточный ковер.

Но уже столетие спустя появляются *чернофигурные* вазы, изготовляемые преимущественно в Аттике и в Халкиде (о. Эвбея). Восточная пестрота вытесняется со стен сосудов строгими, гармоничными силуэтами мужских и женских фигур. Мужские тела даются в черном цвете, лица и не покрытые одеждой части тела женщин — в белом. Из фигур складываются подчас сложные композиции. Блестящий их образец — ваза VI в., открытая в одной из этрусских гробниц и получившая имя открывателя Алессандро Франсуа. Пять полос изображений, девять мифологических сцен — шествие богов, охота на калидонского вепря, схватка с кентаврами и др. — создают ощущение живописного эпоса, создатели которого были воодушевлены чтением Гомера. Творцы «царицы ваз» оставили потомкам свои имена — Клитий и Эрготим. Известен среди мастеров и Эксекий, украсивший сосуд изображением игры в кости двух гомеровских героев. Картина идеально влита в контур вазы, составляя с нею одно целое: изгибы фигур дополняют изгибы сосуда.

В конце VI в. чернофигурный стиль сменяется еще более совершенным — *краснофигурным*. Красноватые фигуры на черном

Керамика. Коринфский сосуд

Краснофигурная керамика. Военный танец. Фрагмент росписи сосуда

фоне позволяли художнику тщательнее разрабатывать строение тела, мускулатуру, показывать складки одежды.

Вазы чернофигурного и краснофигурного стиля создавались не только в Греции, но и в Италии, в том числе в этрусских полисах, где было немало керамических мастерских, в которых работали греки. Создали этруски и свой собственный стиль, в новое время получивший название «*буккеро*». Это сосуды черного цвета с бронзовым отливом, напоминающие металл и часто украшенные выпуклыми рельефами или даже скульптурными фигурками, словно вырастающими из стенок.

Керамика. Этрусский сосуд «буккеро»

Стекло. В эпоху раннего железа в античном мире получают распространение высокохудожественные изделия из стекла. Античные авторы ошибочно считали, что это изобретение финикийцев. На самом деле стекло было известно в Месопотамии и Египте еще в III тысячелетии до н. э. Финикийцы же восприняли и расширили технику изготовления стекла и были ее распространителями. В VII—VI вв. стеклянные изделия расходятся по всему Средиземноморью. Тогда еще не был известен способ выдувания стекла (его открыли в середине I в. до н. э. в Сирии) — из кварцевого песка, соды и поташа варили непрозрачное стекло, окрашивая его с помощью окислов металлов в различные цвета — коричневый, желтый, красный. Из стеклянной пасты изготовляли небольшие сосуды для благовоний, подвески, которым придавалась форма человеческой головы. Их находят в большом количестве в Карфагене и на колонизованных карфагенянами островах Центрального и Западного Средиземноморья.

Настенная живопись. Было бы странным, если бы создатели полисов, столь интенсивно расписывавшие стенки сосудов, не украшали изображениями стены своих храмов и общественных зданий, могил, а позднее — и домов. Но поскольку ни домов, ни их стен в материковой и островной Греции не сохранилось, долгое время считали, что после разрушения микенских дворцов с их фресками техника стенной живописи была греками забыта. Ошибочность этого мнения показали обнаруженные в середине нашего века в Посейдонии, греческом городе на юге Италии, гробницы, стены которой украшали изображения погребального пира: на ложах за столами, уставленными яствами, картинно возлежат юноши с венками на головах. Один из рисунков изображает человека в позе ныряльщика. Это

не атлет (прыжков в воду как вида атлетических состязаний у греков не было), это покойник, погружающийся в пучину вечной ночи.

Ныряльщик. Фрагмент росписи греческой гробницы в Пестуме

Культура быта. Семейные отношения, жилище, мебель, домашняя утварь, одежда — все это существенные элементы общественной культуры, и их изменения служат важнейшим показателем общественных и иных перемен. Родовые отношения ушли в прошлое. О них напоминали лишь пережитки, лучше всего сохранившиеся у отставших в своем развитии римлян.

Хозяйственной ячейкой общества всех народов античного мира стала индивидуальная семья. Однако порядок в семье у разных народов был различным — в зависимости от власти, которой пользовался отец, ее глава. В римской семье он был деспотом, обладавшим правом распоряжаться жизнью и смертью не только рабов, но и детей, а также жены в случае супружеской измены. Сыновья могли быть проданы в рабство. В то же время в римской семье жена была хозяйкой, принимавшей участие в домашних делах. Такого положения в греческой семье женщина не занимала. Греческие женщины жили в особой части дома и были настоящими затворницами. У этрусков женщина возлежала за обеденным столом рядом с мужем, что греки считали верхом неприличия, участвовала в увеселениях. В этрусских эпитафиях нередко называется не только отец покойного, но и его мать. Но главой семьи все равно считался отец. По произведениям античной литературы нам известно о чувстве любви и привязанности между супругами, но все же создается впечатление, что мужская дружба ценилась греками больше, чем любовь.

О частных жилищах в Греции VIII—VI вв. мало что известно. Видимо, они немногим отличались от домов в этрусских городах VI в., стоявших на фундаменте из булыжника или туфа и имевших стены из плетеного камыша или веток, обмазанных глиной. Такими же были стены в Галлии и Испании, и даже в более поздние времена. Бревенчатые жилища зафиксированы лишь на берегах Понта, в землях колхов и их соседей, где древесины было в изобилии. Впервые в это время появляются черепичные крыши. В Этрурии VI в. иногда эта черепица расписывалась изображениями коней, оленей и птиц. Полы в домах обитателей круга земель были повсеместно земляными или мощеными каменными плитами и галькой. Лишь в V в. под влиянием восточных и карфагенских образцов их начали украшать мозаичными узорами и надписями.

По сохранившимся остаткам фундаментов видно, что древнейшие греческие дома имели прямоугольную форму. Для них характерны портики и озелененные внутренние дворики (перистили). Спецификой этрусских построек был *атрий* (от этрусского слова в значении «черный») — помещение с квадратным отверстием в потолке, через которое проникал свет и дождевая влага, скапливавшаяся в специальном резервуаре под отверстием. Через него выходил дым от находившегося в атрии очага. Чад и сажа окрашивали все вокруг в черный цвет. В древности атрий был главной частью этрусского дома — там находился шкаф с восковыми изображениями предков и супружеское ложе. Римляне заимствовали атрий у этрусков и сохранили его до времени империи, комбинируя с архитектурными формами греческого происхождения, в частности перистилем.

Расписная этрусская черепица

Мебелью служили деревянные сидения различного типа — со спинкой и без нее, а также складные стулья, которые за господами несли рабы. Высокий стул со спинкой, но без подлокотников, назывался кафедрой. Первоначально он предназначался для женщин, а в школах — для учителей. Мебелью дом не загромождался. Стены чаще всего украшались сосудами и коврами. Для ночного отдыха служило высокое ложе. На низких ложах возлежали за обедом. В богатых домах ложа имели фигурные ножки и отделку из слоновой кости. Одежда и домашняя утварь обычно хранились в деревянных сундуках. Сохранилось описание находившегося в Олимпии в качестве приношения в храм богато отделанного ларца правителя Коринфа второй половины VII в. Этот «ларец ларцов», подобно «царице ваз», сплошь был покрыт изображениями на мифологические темы, распределенными по четырем полосам.

Одежда греческих и этрусских аристократов отличалась восточной пышностью. Изготовлялась она из шерсти и льна. На юге Италии была выведена особая порода тонкорунных овец, которых во время выпаса кутали в шкуры, чтобы сохранить качество шерсти. Законодательницей мод была Иония. Аристократы Сибариса, города, имя которого стало синонимом роскоши, за год до главного праздника заказывали туалеты в Милете.

Нижней одеждой грекам служил *хитон*, одежда, сохранившая свое семитское название. В VIII—VI вв. с Востока распространилась мода на длинные, доходившие до пят льняные хитоны для мужчин и для

Греческая женская одежда (пеплос)

Туника

Хитон

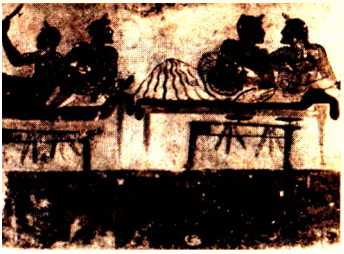
Тога

женщин. Женские и мужские хитоны опоясывались. Существовали два способа женского опоясывания: высокий — под грудью, низкий — на талии. Гомер, описывая одеяния женщин, употребляет эпитеты «прекрасно опоясанные» и «с глубокой складкой». Греческому хитону у римлян соответствовала *туника* — одеяние этрусского или карфагенского происхождения. Она служила домашней одеждой — и для мужчин, и для женщин. В холода надевали несколько туник — одну на другую. Дорийца можно было отличить по хитону от ионийца, ибо он носил хитон до колен, спартанок же, носивших такие же короткие хитоны, называли «голобедрыми» (впрочем, на их нравственности это одеяние не сказывалось).

С Востока в Грецию пришла и верхняя одежда — *гиматий*, прямоугольный, продолговатой формы плащ, набрасывавшийся таким образом, чтобы он спускался спереди широкой стороной. Гиматий прикрывал все тело до лодыжек, оставляя свободной правую руку. Чтобы это одеяние не топорщилось, к его нижнему краю прикреплялись кисточки с вшитыми в них свинцовыми шариками. Короткий гиматий овальной формы греки называли *хламидой*. Ее носили молодые аристократы, ездившие верхом. Скромная одежда ремесленников — шерстяная эксимида — оставляла свободными правое плечо и руки. Женщины надевали поверх хитонов просторные или узкие *пеплосы*.

Особым видом гиматия была этрусская *тога*, в которую завоеватели-этруски одели и подвластных им римлян. Римляне не забыли этрусского дара, что не помешало им считать тогу своим специфическим одеянием и называть себя «народом в тогах». Впрочем, римские тоги по форме несколько отличались от этрусских: в некоторых старинных образцах край не забрасывался на спину, а им опоясывались.

Пища греков VIII—VI вв. отличалась от описанной Гомером и была скромной, если не сказать скудной. Мясо, которым объедались ахейские и троянские герои, стало редкостью. Его заменила рыба. Широко употреблялись овощи: капуста, морковь, репа, а также бобы и каштаны. Готовили на оливковом масле, которым также натирались. Его же употребляли для освещения. Сливочное масло было известно, но использовалось в качестве лекарства. Хлеб пекли из ячменной и пшеничной муки. Недостатка в вине греки не испытывали, но привыкли его пить разведенным. Употреблять цельное вино, носить штаны и не знать вкуса оливкового масла — вот верные признаки, отличающие варвара от эллина.



Греческий симпосий. Фреска из гробницы Посейдонии

Стол этрусских аристократов, судя по погребальным фрескам, был не хуже, чем на пирах гомеровских героев: туши на крюках, всевозможные деликатесы. И можно с уверенностью утверждать, что это не фантазия голодного художника: об обилии этрусского стола сообщают и древние авторы. Да и портретные изображения «жирных» этрусков свидетельствуют, что греческая диета была им неведома. Римляне же, напротив, были скромны в еде: каша из полбы, капуста, лук, чеснок, бобы. Этим питались римляне на заре своей истории и тем же кормили своих неприхотливых богов. Как и греки, римляне пили разбавленное вино, да и то в умеренных количествах.

Глава 12

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ВОЙН И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН (КОНЕЦ VI—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА V ВВ. ДО Н. Э.)

Бывают такие времена, когда враждебные людям боги, словно обезумев, разбрасывают по миру факелы войны и пламя охватывает не один или несколько островов, не отдельные, даже обширные, земли, а весь мир. Таким временем для Средиземноморья стал конец VI и первая четверть V в. до н. э.

Около 510 г. пожарище войны одновременно вспыхивает на Балканах и в землях скифов, на юге Италии и в центральной ее части, а затем распространяется на весь Апеннинский полуостров и прилегающую к нему Сицилию. В битвы народов были вовлечены персы, скифы, многие народы Малой Азии, греки метрополий и колоний, карфагеняне, этруски, римляне и другие народы Италии...

Военная техника и дисциплина. К этому времени в распоряжении полисов и племенных структур круга земель было уже накоплено смертоносное оружие и имелся опыт его использования в

Спартанские гоплиты

войнах. Железный век, представавший перед Гесиодом в образах эгоизма и раздора между близкими, нашел к концу VI в. новое зримое воплощение в закованном в железо воинском строе. В VIII—VII вв. железными доспехами могли обладать представители родовой знати. В VI в. вследствие успехов металлургии, пришедшей на смену домашнему производству, и с появлением в полисах прослойки зажиточных граждан, способных приобрести себе доспехи, как в эллинских, так и в этрусских полисах появляются отряды *гоплитов*. Железный шлем с накладками, защищавшими лицо и оставлявшими щелочки лишь для глаз и рта, — таково было новое лицо Ареса, Мелькарта, Марса и иных богов беспощадной войны.

Железные доспехи гоплита изменили и тактику боя. Теперь требовались не удаль, а железная дисциплина, сплачивающая воинов, стоявших плечом к плечу и слитых в единое целое. Сохранилось предание о беседе персидского деспота Ксеркса со спартанским царем Демаратом. На похвальбу перса, уверявшего, что среди его телохранителей найдется немало таких, кто может потягаться силой с тремя эллинами одновременно, спартанец ответил: «Сила моих воинов, о царь, в единении. Закон повелевает им, не выходя из строя, вместе победить или вместе умереть». Противостояние полиса восточной монархии было единоборством не только гражданской общины и скопища подданных, объединенных страхом перед кнутом, но также строя гоплитов и массы лучников, копейщиков и пращников, не знающих, что такое воинской строй.

Богам войны было мало суши. Ареной сражений в VI—V вв. становится водная стихия. Прежние пятидесятивесельные суда не подходили для морского боя, и было создано совершенное маневренное гребное судно с тремя рядами весел — *триера*. Создание триер приписывалось двум городам — финикийскому Сидону и эллинскому Коринфу. Триеры были основной силой финикийского, афинского, этрусского и карфагенского флота. Длина триеры — 40—50 метров, ширина — 5 метров. Команда состояла из двухсот человек, из них 170 сидели на веслах, а остальные были матросами и воинами — копейщиками и лучниками. Успех в морском бою достигался маневрированием и нанесением удара по кораблю противника укрепленным в подводной части носа корабля металлическим стерж-

нем, известным римлянам как *ростр*. Его изобретателем в древности считали тиррена (этруска) Пизея, само имя которого указывает на италийский город, и поныне носящий название Пиза.

Дарий в скифских степях. Нарушителем спокойствия на Востоке был персидский царь **Дарий**. С огромной армией, состоявшей не только из персов, но и насильственно набранных в персидское войско лидийцев, фригийцев, эллинов, каппадокийцев, он, перейдя пролив, по побережью, населенному фракийцами, двинулся на север, в нехоженые скифские степи.

Никогда еще реки Истр, Тирас, Борисфен и Гипанис не видели такой колоссальной армии. Но и эллины, воевавшие в составе персидской армии, не представляли себе, насколько расточительны боги земли этих северных варваров, позволяющие рекам бессмысленно изливать в море огромные массы воды, насколько беспредельны поросшие травами равнины, по которым можно идти много дней и ночей, не встретив живой души. Впрочем, степи не были безлюдны. Просто их суровые обитатели отходили на восток, заманивая неприятеля в глубь страны. Когда же персидский царь решил войти в местность, где находились огромные царские гробницы, скифы собрали силы и дали Дарию бой, почти полностью уничтожив его войско.

Восстание Милета. Неудача персов в стране скифов поколебала персидское владычество в Малой Азии. С 546 г. ионийцы, оказавшиеся под гнетом поработителей, страдали от обременительных налогов и поборов, постоев, трудовой повинности, принудительного участия в военных походах персидских царей и их сатрапов. Затронул их и поход Дария, двигавшегося через подвластные Персии милетские колонии вдоль фракийского побережья. Помимо того, Дарий открывал проливы и Понт Эвксинский финикийским кораблям, затрагивая не только самолюбие милетян, но и их торговые интересы.

В 500 г. в Милете вспыхнуло восстание, поддержанное другими ионийскими полисами Малой Азии. Повсеместно изгонялись персидские ставленники и утверждались республиканские порядки. Восставшие создали общую администрацию и единое военное командование.

Весной 498 г. был совершен поход на столицу персидской сатрапии Сарды. Не выдержав натиска, персидский гарнизон заперся в крепости. Город был предан огню, что, подобно факелу, способствовало расширению восстания, охватившего всю Малую Азию. К ионийцам присоединились эллины, жившие на Геллеспонте и Кипре.

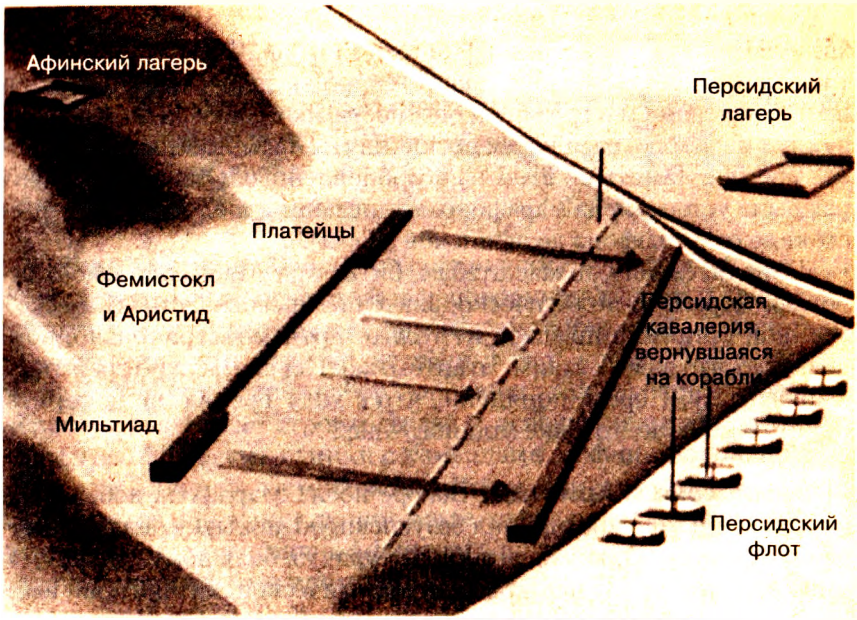
В эллинские материковые и островные полисы были направлены милетские гонцы с просьбой о помощи. Наибольшие надежды возлагались на Спарту с ее сильной армией, но она ответила отказом. Из крупных государств только афиняне отважились направить двадцать кораблей (эта была почти половина еще небольшого, всего в 50 кораблей, афинского флота).

Лишенные серьезной поддержки европейских эллинов, восставшие были обречены. Все наличные персидские силы в Малой Азии вместе с присланными Дарием пополнениями были объединены в две крупные армии, взявшие мятежников в кольцо. В действие пришли и «золотые стрелки» царя — монеты с изображением лучника. Они сломили многих нестойких духом и падких на золото. На суше персы одержали победу неподалеку от Эфеса. На море решающее сражение произошло близ островка Лада на виду у Милета. Огромный персидский флот из шестисот присланных финикийцами кораблей разгромил ничтожные по численности морские силы восставших (494 г.). Один из богатейших эллинских городов, центр науки и образованности, был разрушен до основания, население продано в рабство или депортировано, а на руинах поселены карийцы и персы.

Марафонская битва. Помощь восставшим, сколь незначительна и неэффективна она ни была, дала, однако, царю Дарию повод для вторжения в Элладу. Маленькая, раздробленная на отдельные, подчас враждующие между собой государства, она казалась царю и его советникам легкой добычей. К эллинам были отправлены послы с требованием «земли и воды», что по персидскому обычаю означало изъявление покорности. Страх перед персидским нашествием был так велик, что большинство эллинских полисов выполнило это требование. Отказом ответили лишь Спарта (где послов бросили в колодец, со словами, что там они найдут сколько угодно и земли, и воды) и Афины.

Осуществление карательной экспедиции было поручено зятю и племяннику Дария Мардонию. В 494 г. его армия переправилась через Геллеспонт и двинулась к землям эллинов. Параллельно ей морем плыл флот. Поднявшаяся буря уничтожила большую часть персидских кораблей, и Мардонию пришлось вернуться в Азию.

Уже с самого начала войны Греция дала героев в современном смысле этого слова. Ныряльщик за губками Скиллий из городка Скион вместе со своей дочерью Гидной начал войну с захватчиками в морских глубинах. Спускаясь на дно, отец и дочь во время бури стали срезать якоря персидских кораблей, и суда выбрасывало на скалистый берег Эвбеи. Отец и дочь погибли, но нашлись художники, которые изваяли статуи этих людей. Статую Гидны много



План расположения войск в Марафонском сражении

столетий спустя увез в Рим император Нерон (исследователи видят в одной из статуй, найденных во время раскопок на Эсквилине, копию статуи Гидны).

В 490 г. персами был организован новый поход. На этот раз все войско было погружено на суда и высажено на *Марафонской равнине*, к северу от Афин. Во главе небольшого афинского войска был поставлен **Мильтиад**, долгое время живший в царских владениях и хорошо знавший сильные и слабые стороны противника.

Персидские полководцы ночью погрузили часть конницы на корабли, рассчитывая переправить ее в Афины.

Мильтиад занял с девятью тысячами гоплитов западную часть Марафонской равнины, прикрывая путь в Афины. Некоторое время персы медлили. Не торопились и афиняне, ожидая подхода спартанских союзников.

Наконец, битва началась. Построив отряд таким образом, чтобы его фланги превосходили глубиной центр, Мильтиад двинулся на врага. Персы решили, что справиться с кучкой врагов, напоминающих скорее посольство, чем войско, можно будет без конницы и лучников. Но, прорвав жидкий центр наступающих, они заметили, что их охватывают с флангов, и бросились в беспорядочное бегство — кто к ближайшему болоту, кто к кораблям. В сражении, если верить древним историкам, пало 6 400 персов и лишь 192 афинянина.

Будучи уверен, что персидские корабли будут отправлены в обход Аттики для овладения афинской гаванью Фалероном, Мильтиад немедленно послал в Афины скорохода с вестью о победе и предупреждением о грозящей опасности. Тот добежал до агоры, но рухнул на землю, едва успев воскликнуть: «Мы победили!» (в новое время в память об этом на возобновленных Олимпийских играх была установлена марафонская дистанция в 42 км 192 м — расстояние от Марафона до афинской агоры).

Незначительная по масштабам, битва при Марафоне имела огромное морально-политическое значение: превосходство греческой военной организации было не только продемонстрировано, но и доказало, что даже с таким гигантом, как Персия, можно сражаться и побеждать. Персы, понявшие, что с ходу Грецию не покорить, приступили к подготовке мощного удара.

Фемистокл и Аристид. Вскоре после Марафона победитель персов Мильтиад предпринял безуспешную попытку овладеть островом Паросом. Присужденный за неудачу к большому штрафу, он умер в изгнании. На первый план политической жизни Афин выдвинулся **Фемистокл**. Сын знатного афинянина и фракиянки (или кариянки), он не мог заниматься гимнастическими упражнениями вместе с чистокровными афинянами, и эту ущемленность старался компенсировать в юности изучением искусств и музыки, а в зрелости — политической деятельностью, удовлетворявшей его честолюбие и вскоре обеспечившей ему популярность, какой не пользовался ни один из аристократов. Фемистокл возглавил всех, кто стоял в свое время за поддержку ионийского восстания и войну с персами. При этом спасение Афин он видел во флоте, хотя после успехов в пешем бою в Афинах господствовало мнение о необходимости укрепления сухопутного войска. Избранный в 493 г. стратегом, он предложил заменить небольшую Фалерскую гавань, которой пользовались афиняне, обширной бухтой Пирея, могущей вместить большой флот, а десять лет спустя, когда в районе Лавриона была открыта новая богатая серебром жила, добился решения народа о сооружении на добытое серебро флота из двухсот триер.

Строительство флота, усиливая роль демократических элементов в обществе, встретило резкое сопротивление землевладельцев, возглавляемых **Аристидом**. После смерти Клисфена, другом которого он был, Аристид заправлял государственными делами вплоть до года Марафонского сражения. Это он добился того, чтобы войском командовал Мильтиад, и сам сражался под его началом. Обладая репутацией безупречно честного и справедливого человека, он пользовался популярностью не только среди крупных землевла-

дельцев, но и у горожан. Поэтому его противодействие планам Фемистокла было очень серьезным. Судьбу Аристида решил введенный Клисфеном остракизм. Против него подали голоса мелкие земледельцы; один из них, как рассказывают, не зная Аристида в лицо, обратился к нему с просьбой помочь написать на черепке имя Аристида. На вопрос удивленного Аристида, чем ему насолил этот человек, тот ответил: «О нем слишком много говорят».

Поход Ксеркса. Между тем сменивший Дария персидский царь Ксеркс решил, что пора наказать непокорных эллинов, и начал подготовку к новому походу. На фракийском побережье по его приказу разместили пять продовольственных складов для снабжения армии. Был осуществлен набор войска со всех сатрапий огромной державы, завершено строительство и оснащение флота, насчитывавшего 1500 боевых единиц с командами из финикийцев и малоазийских эллинов. Персидской дипломатии удалось обеспечить нейтралитет или вынужденное бездействие ряда государств, которые могли оказать помощь Афинам и Спарте, а именно их царь считал главными своими противниками.

Фермопилы. Наступление огромной армии, сопровождаемой мощным флотом, началось в 480 г. Покинув весной Сарды, столицу сатрапии, Ксеркс перевел свое войско по кораблям, заменявшим мосты, через Геллеспонт и, не встречая сопротивления, двинулся к Афинам.

Первая попытка задержать движение персов была предпринята в узком Фермопильском ущелье. Отыскав с помощью предателя дорогу, обходящую ущелье, Ксеркс мог окружить в Фермопилах все эллинское войско. Тогда спартанский царь Леонид отпустил всех воинов и остался с тремя сотнями спартанцев и небольшими отрядами фиванцев и феспийцев. Здесь они все погибли. Впоследствии от имени павших поэт Симонид составил стихотворную эпитафию:

Путник! В Спарту иди и скажи, что здесь мы остались,
Данной клятве верны, легши в землю костьми.

Битва при Саламине. Еще до прорыва персов через Фермопилы Фемистоклу удалось переправить небоеспособное население Аттики морем на остров Саламин и в Трезену (Пелопоннес). После этого на кораблях остались только те, кто мог грести и сражаться. Персы вступили на обезлюдевшую территорию, захватили Афины. Дома, кроме служивших для постоя, были ими разрушены, храмы акрополя сожжены. Теперь Фемистокл мог приступить к

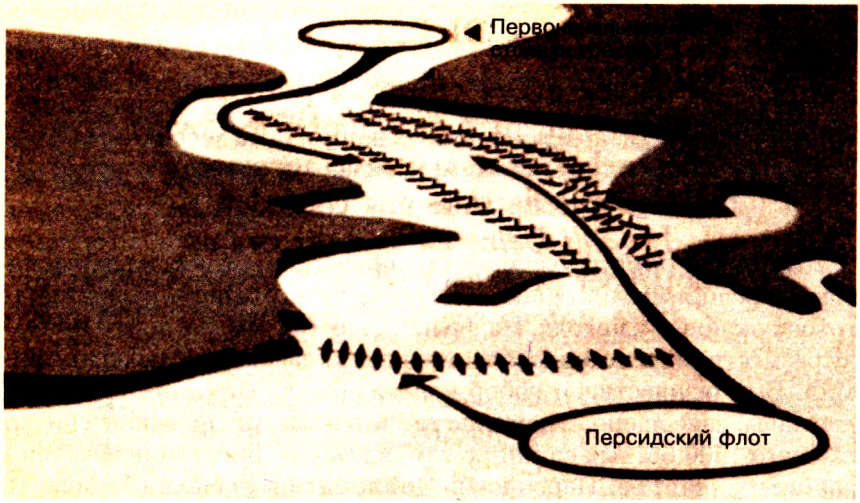


Схема Саламинского сражения

осуществлению давно вынашиваемого им плана разгрома персидского флота.

Рассказывают, что Фемистокл, опасаясь, как бы греки из осторожности не отказались от боя с намного превосходящими персидскими силами, послал к Ксерксу раба с сообщением, будто бы в страхе перед персами корабли собираются покинуть бухту, и с советом напасть на объединенный эллинский флот прежде, чем суда рассеются по государствам, их приславшим. Ксеркс именно так и поступил, после чего занял место на возвышении, чтобы усладить себя зрелищем мести. Зрелище, представшее царю, поначалу было захватывающим. Ксеркс увидел, как под натиском его массивных кораблей греческие мелкие суденышки в беспорядке движутся в бухту, откуда нет выхода. Это напоминало вспугнутую стайку голубей, в страхе ищущих спасения от соблюдающих строй царственных орлов. «Голуби» скрылись за горой и на время исчезли из виду, а «орлы» вошли в узкий пролив, отделяющий остров от материка. Сейчас, сейчас они настигнут беглецов! Но, войдя в пролив, «орлы» закупорили его, а другие, летящие сзади, не ожидая этого, натолкнулись на них. И в это время «голуби» появились из-за горы и двинулись навстречу нападавшим. «Орлы» стали терять «перья» — мачты с парусами и весла. «Голуби» наносили им своими клювиками меткие удары, а у «орлов» не было сил на них ответить. Флот Ксеркса шел ко дну...

С какого-то из греческих кораблей наблюдал за этим зрелищем один из участников сражения, афинянин Эсхил. Через несколько

лет он напишет и поставит в театре под отстроенным акрополем трагедию «Персы». Свои наблюдения и чувства он вложит в уста актера, исполняющего роль персидского вестника:

Сначала удавалось персам сдерживать
Напор, когда же в узком месте множество
Судов скопилось, никому никто помочь
Не мог, и клювы направляли медные
Свои в своих же, весла и гребцов круша.

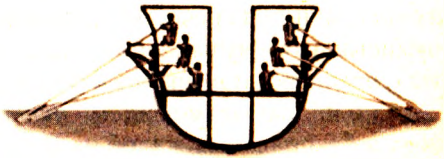
... моря видно не было
Из-за обломков, из-за опрокинутых
Судов и бездыханных тел.
Найти спасенье в бегстве беспорядочном
Весь уцелевший варварский пытался флот,
Но персов били эллины, как рыбаки тунцов, —
Кто чем попало: досками, обломками

Победа у Саламина была торжеством военного и политического гения Фемистокла, удостоившегося необыкновенных почестей даже во враждебной Афинам Спарте.

Битва при Платеях. Потерпев поражение, персидский флот вместе с Ксерксом покинул Аттику. Сухопутная армия во главе с Мардонием ушла на север. В 479 г. Мардоний вновь вторгся в Аттику и опустошил ее. Решающая битва состоялась в 479 г. близ Платей, на границе между Аттикой и Беотией.

Общеэллинское войско возглавил талантливый военачальник спартанский царь Павсаний. В ходе ожесточенного сражения трехсоттысячная персидская армия была разгромлена. Победителям досталась огромная добыча — шатры, полные золота, серебра, утвари, женщины царского гарема, — и все это производило впечатление не меньшее, чем сам разгром. Часть захваченных богатств была передана в храмы. Свою долю получил и Аполлон Дельфийский, хотя его жрецы оказывали поддержку персам.

Триера. Рельеф с Афинского акрополя



Триера. Реконструкция расположения гребцов

Длинные стены соединявшие Афины с Пиреем

479 год фактически завершил греко-персидские войны, хотя незначительные военные действия продолжались еще три десятилетия вплоть до заключения в 449 г. *Каллиева мира*. Эллада выстояла, выдержав удар неизмеримо более сильного противника.

После 479 г. война почти не затрагивала Элладу: военные действия велись в персидских водах и на персидской территории.

«Длинные стены». Победа при Платеях окончательно освободила Аттику от персидской угрозы, и афиняне смогли возвратиться в свой обезображенный город, в свои разрушенные дома. И сразу же встал вопрос о восстановлении городской фортификации. Была еще свежа память о Саламине, и поэтому, когда на народном собрании Фемистокл предложил построить городскую стену таким образом, чтобы она охватила также укрепленный еще раньше Пирей, его предложение было горячо поддержано. Но на пути осуществления этого плана афиняне натолкнулись на недовольство спартанцев, живших в неукрепленном городе. Начались длительные переговоры, не имевшие никаких видимых перспектив. Тем временем сооружение стен продвигалось под руководством Фемистокла с наивозможнейшей быстротой, причем для этого пришлось даже пойти на кощунство — употребить в качестве строительного материала погребальные плиты. Но стены были построены, и Спарта поставлена перед свершившимся фактом. Эти стены, получившие название «Длинных», уравновешивали силы Спарты и Афин, компенсируя последним слабость их сухопутного войска.

Афинский морской союз. В 478 г. командование общеэллинским флотом перешло к победителю при Платеях спартанскому царю Павсанию. Завоеванный авторитет позволил ему ослабить всевластие эфоров. В его планы входило полное уничтожение эфората и установление неограниченной власти рода Агиадов. После успешных операций у берегов Малой Азии, освобождения от персидского владычества греческих городов, а затем захвата и разграбления Византии, он окружил себя стражей из египтян и персов и действовал как деспот, не считаясь с союзными государствами. Возмущенные подобным поведением союзника ионийцы после неоднократных и бесполезных жалоб на Павсания пришли к решению о передаче командования своим флотом афинянам и объединению в союз во главе с Афинами.

Так в 478 г. возник *Афинский морской союз*, куда вошли около двухсот греческих городов Малой Азии, Киклад, Эвбеи, Халкидики, преимущественно ионийцы. Афинам было передано руководство войной с правом осуществления набора воинских контингентов, команд для триер и размещения гарнизонов в наиболее уязвимых местах. Совет входящих в этот союз государств собирался на Делосе (откуда его официальное название — *Делосский военный союз*), но при множестве его участников и незначительности их ресурсов решающим на нем было слово Афин, чей флот к этому времени насчитывал три сотни триер и был сильнее флотилий остальных городов, вместе взятых. Афиняне не настаивали на том, чтобы союзники сами строили корабли, довольствуясь внесением средств для этого в союзную казну, возглавляемую десятью афинскими казначеями. Не сразу поняли союзники, что не создавая собственных военных сил и укрепляя Афины ежегодными взносами (*форосом*), они обрекали себя на почти полную потерю независимости. Впрочем, для основной массы вошедших в союз полисов это компенсировалось поддержкой, которую Афины оказывали демосу в его противостоянии аристократии.

Война Сибариса и Кротона. В те же годы, когда войско Дария находилось в скифских степях, на самом юге Апеннинского полуострова вспыхивает война между двумя давно враждовавшими эллинскими полисами — Кротоном и Сибарисом. Богатство Сибариса издавна внушало зависть кротонцам, но сами одолеть соседа, обладающего сильной наемной конницей, они не могли. Пришлось обратиться за помощью к спартанцу Дориею, брату будущего героя Фермопил царя Леонида. Вследствие интриг Дориею не достался престол Спарты; в гневе покинув родину, вместе с группой приверженцев он переселился в Ливию, но и там ему не дали обосноваться ливийцы и карфагеняне, и он вернулся на Пелопоннес, где его и отыскали кротонцы. Соблазнив Дориея богатствами Сибариса, кротонцы получили в его лице смелого и решительного военачальника, ни перед кем не отчитывавшегося и действовавшего на свой страх и риск.

Численное превосходство было на стороне Сибариса, обладавшего стотысячным войском. Но город был поражен раздорами, особенно усилившимися после прихода к власти тирана Телиса (судя по имени, италийца). Часть аристократов перебежала в Кротон, выразив желание сражаться на его стороне. Видимо, и наемное войско Сибариса оказалось не на высоте. Во всяком случае, после военных действий, длившихся семьдесят дней, кротонцы одержали победу. Впоследствии за оказанную помощь в сокрушении Сибариса Дорией воздвиг храм богине Афине в старом устье реки Кра-

тиса. Чем помогла Афина Кротону и Дориею, древним авторам неизвестно. Но поскольку воды Кратиса, а не какой-либо другой реки, были направлены на Сибарис и затопили его, можно думать, что помощь богини мыслилась в преодолении технических трудностей при прорытии канала, направившего реку в нужное русло.

Разрушение Сибариса (510 г.) имело важное значение для судеб Италии. Вместе с исчезновением города (а факт этот удостоверен археологией) рухнуло мощное объединение племен и городов эллинского юга. Сибарис был главным союзником этрусков, владения которых простирались тогда на Кампанию, подступ к ней защищал этрусский флот в Мессинском проливе. Этрусское морское могущество претерпело сокрушительный удар. В Милете, который был, наряду с Карфагеном, одним из главных торговых партнеров Сибариса, весть о разрушении великого города была отмечена глубоким трауром. Это случилось за 16 лет до гибели самого Милета.

Изгнание Тарквиниев. Ослабление позиций этрусков, бывших в конце VI в. основной военной и политической силой Италии, стало одной из причин восстания в Риме — городе, населенном латинами и сабинами, но входившим в VI в. в этрусское двенадцатиградье и управлявшимся этрусскими правителями.

С изгнанием Тарквиниев рухнуло господство Рима над Лацием, которого силой и дипломатией добились этрусские правители. Латинские города, разорвав прежние связи с Римом, стали союзниками греческих Кум, во главе которых стоял тогда тиран Аристодем. Это создало угрозу и для этрусков, поскольку путь в колонизованную ими Кампанию проходил через Рим и Лаций. Этрусское двенадцатиградье направило против мятежного Рима войско, во главе которого был поставлен царь города Клузия Порсенна. Рим был осажден.

Об этой, бесспорно, исторической войне сложилось немало легенд. Их герои — юные римские воины Гораций Коклес, Муций Сцевола и римлянка Клелия. Первый во время наступления этрусков сдерживал врагов, защищая мост, а после разрушения моста бросился в Тибр с оружием и его переплыл. Второй совершил нападение на Порсенну в его же собственном лагере, но по ошибке сразил не царя, а его казначея. Взятый в плен, он положил руку в пылающую жаровню, показав свое бесстрашие и удвоив эффект ложным заявлением, будто в этрусском лагере еще триста таких же, как он, римских храбрецов. Третья, будучи одной из выданных римлянами Порсенне заложниц, обманув стражу, перебралась на коне через родную реку.

Целью подобных легенд было возвеличение героизма защитников города, будто бы заставивших этрусского предводителя заклю-

чить с римлянами мир на почетных для них условиях. Но надежные источники свидетельствуют, что Порсенна взял Рим и заставил римлян подписать договор, согласно которому, в частности, запрещалось использовать железо для изготовления оружия. Таково было начало военной истории города, который три столетия спустя покорил весь мир огнем и железом.

Латинская война. С осадой Рима Порсенной и изгнанием царей римляне связывали конфликт с племенем латинов. Против Рима выступили латинские города, входившие в священный союз тридцати, участником которого был и Рим. Изгнание царей и установление в Риме республики рассматривалось как нарушение принятых Римом обязательств. Латинскую коалицию возглавили город Тускул, правителем которого был зять Тарквиния, и Ариция, где находилась священная роща Дианы, место собрания членов Латинского союза.

Римляне и родственные им латиняне будто бы сошлись в битве у Регильского озера в 499 или 496 г. Под натиском неприятеля римляне отступили, и тогда их предводитель бросил во вражеские ряды знамя. Чтобы его вернуть, отступавшие перешли в наступление и одолели латинян с помощью появившихся неведомо откуда юношей на белых конях, в которых признали богов Кастора и Поллукса.

Победители и побежденные заключили мирный договор, текст которого сохранил поздний греческий историк: «Да будет мир между римлянами и латинскими городами, пока не сдвинутся с места земля и небо. И они не должны вести друг против друга войны, не пропускать через свои земли врагов, но в случае войны обеспечивать безопасный проход, помогать друг другу всеми имеющимися силами и иметь равную долю в добыче».

Войны в Сицилии. Не оставили в покое боги войны и благодатную Сицилию, считавшуюся родиной и излюбленным владением чуждой кровавым браням богини плодородия Деметры. Обосновавшиеся на побережье острова греческие колонисты постоянно воевали с обитавшими на его внутренних территориях сикелами, превращая их в крепостных, наподобие спартанских илотов. В войнах с сикелами выделился Гиппократ — военачальник греческой колонии Гелы, покоривший несколько сикулийских городов и присоединивший к ним колонии халкидян Наксос, Катану, Леонтины. Так в Восточной Сицилии рядом с Сиракузами возникло объединение городов под правлением Гиппократа, ставшего тираном (505 г.).

В 491 г. Гиппократ погиб во время нового похода на сикулов, и власть перешла к его телохранителю, сиракузянину Гелону, объ-

единившему владения Гиппократа и Сиракузы и сделавшему свой родной город столицей. Впервые вся восточная Сицилия попала под власть Сиракуз.

Незадолго до похода Ксеркса на Элладу к Гелону явились послы Афин и Спарты с просьбой оказать помощь в войне с варварами. Гелон вызвался снарядить 200 триер и 20 000 гоплитов при условии признания его предводителем всех эллинов. В этом тирану было отказано, но он внимательно следил за событиями в Элладе и даже отправил туда три корабля с сокровищами, намереваясь в случае победы Ксеркса передать ему эти корабли вместе с изъявлением полной покорности.

И вот этот наглый и раболепный тиран по воле случая добился в глазах современников и потомков едва ли не той же славы, что и Фемистокл. Дело в том, что тиран города Гимеры (на западном побережье острова), лишенный власти тираном Акраганта, находящегося на том же острове, бежал и объявился с немалым войском в Карфагене. Объединив свои силы с огромным карфагенским войском, изгнанник вместе с карфагенским полководцем, погрузив на корабли до 300 000 наемников, двинулся к берегам Сицилии. Во время высадки внезапно появившаяся конница Гелона сбросила пеших воинов в море, а корабли были сожжены. Карфагенский полководец бросился в огонь, принеся себя в жертву подземным богам.

Через два года после кончины Гелона, оплаканного всеми сицилийскими эллинами, власть в Сиракузах перешла к его брату Гиерону. В 474 г., явившись на помощь древнейшей греческой колонии в Италии — Кумам, Гиерон разбил в близлежащих к ней водах флот союзника карфагенян этрусков. Помимо литературных источников об этой победе сообщает надпись на шлеме, найденном в Олимпии: «Гиерон, сын Диномена, и сиракузяне Зевсу за победу над тирренами». Так в правление обоих братьев Сиракузы превратились в самое богатое и могущественное государство эллинского запада. Сиракузские тираны величали себя «архонтами Сиции», простирая жадные руки к Мессинскому проливу и даже пытаясь обосноваться на островке Питекуссы в Неаполитанском заливе.

Экспедиция Ганнона. Разгром армии Гамилькара и его гибель пополнили ряд военных неудач Карфагена в сражениях с воинственными ливийскими племенами. В этих условиях возник дерзкий план — вывести карфагенские колонии на западный берег океана. Во главе экспедиции был поставлен Ганнон, возможно, сын Гамилькара.

Кажется, вскоре после этой неудачи из Карфагена двинулась эскадра из 60 крупных кораблей, трюмы и палубы которых заполнили 30 000 будущих колонистов. Выйдя за Столпы Мелькарта, кар-

фагеняне основали на океанском берегу Ливии, южнее древней финикийской колонии Ликс, несколько карфагенских поселений. Плывя далее на юг, они достигли островка Керн в заливе, ныне именуемом Рио-де-Оро, затем, еще южнее, попали в реку, полную крокодилов и гиппопотамов (видимо, в Сенегал), вошли в Гвинейский залив и, огибая его, достигли «горы Колесницы богов, заполненной огнем» (вулкан Камерун). Среди приключений путешественников особо была отмечена встреча с поросшими шерстью «дикими людьми», которых переводчики назвали гориллами. Их шкуры были доставлены в Карфаген.

Сообщение о плавании Ганнона, в виде отчета «царя карфагенян», было выставлено для всеобщего обозрения в храме Ваал-Хаммона в Карфагене, видимо, вместе со шкурами горилл. О результатах экспедиции уже в IV в. до н.э. знали греки, а в середине II в. до н.э., сразу после разрушения Карфагена, по следам древних мореплавателей была отправлена римская флотилия во главе с историком Полибием.

Выходу карфагенян в Океан предшествовали плавания финикийцев вокруг Африки (610 и 595 гг.). Но только описание Ганнона представляет собой научный документ, отмечающий расстояния в днях пути, характер береговой линии, природные особенности. Финикийцы и карфагеняне первыми открыли дорогу в Океан и расширили представления об окружающем мире.

Скифская экспансия и образование Боспорского царства. В те же самые годы, когда греки Сицилии и юга Италии воевали то друг против друга, то против этрусков и карфагенян, а балканские греки вели освободительную войну против Персидской державы, скифы, незадолго до того успешно отразившие персов, начали наступление на греческие колонии, став невольными союзниками персидского царя. Резко сокращается сельская территория Ольвии, что позволяет предположить установление скифского владычества над этим ранее могущественным полисом. Видимо, участь Ольвии разделили греческие полисы западного побережья Понта Эвксинского, ибо скифский царь через их головы в 496 г. заключает союз с царем одного из фракийских племен Тересом и женится на его дочери.

Закрепив влияние по юго-западной границе, скифы обращаются к Таврике (Крыму) и занимают ее центральную и восточную части, откуда по льду Боспора Киммерийского совершают набеги на земли обитателей Таманского полуострова — меотов. Скифская угроза способствует объединению греческих полисов Восточной Таврики — кое-где добровольному, кое-где насильственному — под властью правителей Пантикапея. Во главе объединения с 480 г. (год

битвы при Саламине и при Гимере) становится аристократический род Археанактидов, а с 438 г. — Спартокидов. Не исключено, что власть была захвачена предводителем фракийских наемников и стала наследственной. Скорее всего, только со времени Спартокидов можно говорить о Боспорском царстве, тогда как Археанактиды были тиранами.

Отбросив скифов и укрепившись на восточном побережье Боспора Киммерийского с его многочисленными греческими колониями, цари Боспора начали агрессию в западном и восточном направлениях. После упорного сопротивления пала колония Милета Феодосия на южном побережье Таврики, затем, перейдя пролив, боспорцы присоединили расположенную на Таманском полуострове милетскую колонию Фанагорию и начали наступление против синдов и других племен в низовьях Гипаниса (Кубани).

Так в ходе войн V в. складывается могущественная Скифская держава, установившая протекторат над рядом греческих полисов, и возникает Боспорское царство, охватившее восточную Таврику и Таманский полуостров. Располагая обширными плодородными землями, Боспор производил и экспортировал много хлеба в города Малой Азии и Греции. Боспорские цари поддерживали дружеские отношения со скифами Таврики, которые вели торговлю с Пантикапеем. В столице Боспорского царства и других его городах жило немало скифов.

Источники. Свидетельства о греко-персидских войнах сохранили нам современники —Эсхил, сам участвовавший в Саламинском сражении и передавший общую картину сражения в трагедии «Персы», и Геродот, посвятивший истории греко-персидских войн свой знаменитый труд, вернее, пять из девяти его книг. Но Геродот в своем стремлении к художественности рассказа не стремился к документально точному описанию событий, и по его тексту военный историк не смог бы восстановить диспозицию и ход боя. У Фукидида греко-персидские войны изложены в кратком обзоре истории, предшествующей главной теме его труда, но стремление к точности, характерное для этого историка, делает этот краткий рассказ ценнее подробного повествования его предшественника.

Из более поздних источников особенное значение имеют труды Диодора и Плутарха. В основе греческой части «Исторической библиотеки»» Диодора лежит главным образом «Всеобщая история» Эфора, так что фактическая сторона военных событий раскрывается достаточно подробно. Внимание Плутарха, напротив, сосредоточено на личностях, а не на ходе сражений, и для современного историка его труд незаменим при воссоздании образов полководцев, которым Эллада была обязана своими победами над персидскими полчищами, — Мильтиада и Фемистокла.

Археология дала небольшой, но ценный материал, дополняющий наши сведения о греко-персидской эпопее. Это прежде всего следы персидских бесчинств на афинском Акрополе, о которых постоянно говорят древние авторы, и исключительно интересные эпиграфические находки, среди которых — поста-

новление афинского народного собрания о переправе на о. Саламин женщин, стариков и детей и надпись на треножнике, отправленном греками в Дельфы Аполлону в благодарность за победу, одержанную при Платеях. Чрезвычайно интересны обнаруженные на афинской агоре остраконы, свидетельствующие о напряженности борьбы, развернувшейся между возглавленной Фемистоклом морской и аристократической сухопутной партиями в промежутке между Марафоном и Саламином.

Источники по войне этрусков и Рима неизмеримо беднее и к тому же не всегда могут быть приняты безоговорочно. Наиболее достоверную информацию о характере взаимоотношений обоих народов мы имеем благодаря «Всеобщей истории» Полибия (именно он сообщает о запрете на употребление римлянами железа).

Сицилийские события также освещаются дошедшими до нас авторами скудно — отдельные упоминания о деятельности тирана Гиппократа имеются у Геродота, о столкновении Кротона и Сибариса и гибели последнего наиболее подробный рассказ сохранился у Диодора Сицилийского, который мог пользоваться не дошедшим до нас историческим трудом Тимея, полностью посвященным Сицилии; версия Диодора не расходится с кратким экскурсом Страбона. Ведущиеся в настоящее время на территории Сибариса раскопки подтвердили сообщение о способе уничтожения города, выявив многометровый слой речного ила, покрывающего строения, и следы сильного пожара.

О плавании Ганнона мы узнаем из составленного им самим перипла, переведенного на греческий язык и сохранившегося в этом переводе в труде одного из греческих историков.

Скифская экспансия и взаимоотношения скифов с греческими колонистами лучше всего документированы археологическим материалом, свидетельствующим о значительном размахе торговли городов Боспорского царства со скифами и наличии в городах скифского элемента, о котором можно судить по надгробным надписям, содержащим скифские имена. Для изучения Боспорского царства, в истории которого литературные источники оставляют немало белых пятен, современные исследователи широко привлекают эпиграфический и нумизматический материал — по надписям устанавливаются его границы, а преобладание пантикапейской монеты во входящих в него городах говорит о несомненной централизации.

Глава 13
ПЕРВОЕ СТОЛЕТИЕ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рим был таким же полисом, как Афины и Спарта. Специфика его социального, политического и правового развития — в постепенной ликвидации перегородки между гражданами (патрициями) и негражданами (плебеями), начало которой падает на V в. Рим не замкнулся в рамках первоначального общинного коллектива. Слияние патрициев и плебеев было прообразом последующего соединения всего «круга земель» в один город и распространения на весь этот мир единого имени Рим.

Государственное устройство. Государственность в форме монархии сложилась в Риме в эпоху этрусского владычества. С увеличением территории и усложнением структуры римской общины

монархия, как это происходило и в ряде греческих и этрусских полисов, вынуждена была уступить место системе власти, которую римляне называли res publica (общее дело). Власть перешла к полноправным членам римской общины (*патрициям*). Неполноправное население (*плебеи*) не допускалось к управлению государством — так же как в Афинах метеки.

В Риме в ходе политического развития сложилось три вида народных собраний. Древнейшими были куриатные комиции, состоявшие из одних патрициев. С установлением республики изменилась роль народных собраний (комиций).

Введенные еще Сервием Туллием центуриатные комиции стали высшим органом власти, принимавшим или отменявшим законы, утверждавшим объявление войны и заключение мира, разбиравшим протесты на решения судебных органов, избиравшие должностных лиц, в руках которых находилась исполнительная власть.

Важнейшую роль стал играть *сенат*. Ни один из законопроектов не поступал на народное собрание без предварительного обсуждения и одобрения его сенаторами. Сенат руководил деятельностью народного собрания. Перед ним отчитывались должностные лица. В его ведении находилась внешняя политика Рима. Но сенат, как и в царский период, не обладал исполнительной властью, хотя ее носители входили в его состав.

С развитием римской государственности формируется система выборной исполнительной власти — *магистратура*, отличительными чертами которой были коллегиальность, краткосрочность, ответственность перед народом. Магистраты действовали самостоятельно, ибо были коллегами, а не коллегией. Магистрат мог наложить вето на действия своего коллеги или низших по рангу магистратов. Магистрат в рамках определенных для данной магистратуры функций обладал всей полнотой власти на протяжении срока должности. Но но его окончании мог привлекаться к ответственности за нарушение пределов власти или своекорыстное пользование ею.

В ходе формирования системы магистратур определяется и ее спецификация — *магистраты высшие* и *низшие*, *ординарные* и *экстраординарные*.

К числу высших магистратов относились *консулы*, в чьих руках фактически была сосредоточена военная и гражданская власть (imperium и potestas). Военная власть проявлялась в осуществлении набора, комплектовании легионов, назначении части войсковых трибунов, командовании; гражданская власть — в созыве сената и народных собраний, председательствовании в них, внесении предложений и законопроектов, руководстве выборами должностных лиц, в заботе о внутренней безопасности.

Преторы, считавшиеся важнейшими магистратами после консулов, ведали судопроизводством. При отсутствии в Риме одного из консулов его заместителем был претор. В исключительных случаях претору поручалось также и военное командование.

Ликтор с фасками

Квесторы, в начале республики исполнявшие обязанности следователей, со временем сосредоточили казначейские функции. Они ведали государственной казной (эрарием), хранившейся в храме Сатурна. Консулов и преторов сопровождали *ликторы* — заимствованная у этрусков почетная охрана, восходящая еще ко временам правления Тарквиниев. Их атрибутом была связка прутьев, в которую за пределами Рима вставлялась двусторонняя секира.

Низшими магистратами считались появившиеся позднее *эдилы*, ответственные за городское благоустройство, включая поддержание в должном порядке улиц, общественных зданий, храмов и рынков, а также за организацию празднеств в честь богов с входившими в них в республиканскую эпоху цирковыми и театральными зрелищами.

Все эти должности были годичными. *Цензоры*, появившиеся в 433 г., напротив, избирались каждые пять лет на полтора года. В их обязанности входило составление списка сенаторов и всадников, проведение переписи населения, надзор за нравственностью граждан и сдача на откуп государственного имущества и общественных работ, равно как и контроль за их выполнением.

Наряду с ординарной магистратурой существовала чрезвычайная диктатура, вводимая при наивысшей внешней или внутренней угрозе государству. Диктатор, назначаемый по предложению сената консулом (или войсковым трибуном с консульской властью) сроком на полгода, командовал войском и имел неограниченные законодательные, судебные и исполнительные полномочия. Назначаемый им командир конницы становился его младшим коллегой. Прочие магистраты, кроме появившихся позднее народных трибунов, подчинялись диктатору, и никто из них не имел права вето. Охрана диктатора состояла из двадцати четырех ликторов (вдвое больше, чем консула, вчетверо — чем претора).

Борьба патрициев и плебеев. Плебеи, не допускавшиеся к управлению государством, не могли участвовать и в общинном землепользовании. Общинная земля, или общественное поле (ager publicus), считалась принадлежащей всей патрицианской общине. Она распределялась между отдельными патрицианскими се-

мьями, главы которых могли выделять участки плебеям, обязанным за это нести различные повинности. В то же время плебеи служили в римском войске, составляя его значительную часть, и это создавало для них возможность давления на патрициев и патрицианское государство.

Неравноправие коренных граждан и более поздних переселенцев характерно для всего античного мира. В греческих полисах плебеям соответствовали метеки и периэки, но ни в одном из них не происходило ничего подобного тому, что пережил Рим полтора десятилетия спустя после отмены царской власти. Согласно традиции, в 494 г. плебеи, отказавшись от выполнения военных обязанностей, покинули общину, удалившись на соседнюю Священную гору и угрожая создать собственное государство (*первая сецессия плебеев*). Это означало не просто ослабление войска, в котором плебеи составляли большинство, — государство оказалось перед опасностью гражданской войны, поскольку Священная гора находилась на территории римской патрицианской общины и создание нового государства означало бы захват земель, находившихся в руках патрициев.

Патриции вынуждены были пойти на уступки, согласившись на избрание из числа плебеев двух должностных лиц — *плебейских трибунов*, которым было предоставлено право защищать плебеев. Трибуны воспринимались как народные защитники в прямом смысле этого слова. Дом трибуна был открыт для каждого плебея, желающего к нему обратиться, и в течение всего срока исполнения должности трибун не мог покинуть Рим. Для помощи трибунам при них находились два плебейских эдила. На посягнувшего на личность народного трибуна налагалось религиозное проклятие. Возможность приостанавливать действие любого закона или предложения нейтрализовала антиплебейские акции патрицианских должностных лиц. Однако вето действовало лишь в течение того года, когда трибун исполнял свои обязанности.

Таким в эпоху республики был первый шаг в слиянии патрицианской общины с плебейской организацией. В его развитие в 471 г. трибуны, ранее избиравшиеся собраниями плебеев, стали избираться по территориальным округам — трибам.

Поскольку основные магистратуры находились в руках патрициев, а писаных законов не было, значительного улучшения положения плебеев все же не последовало.

Следующим крупным шагом была запись действующего ранее обычного права, подобная той, которая была осуществлена в Афинах при Драконте и Солоне. Слова греческого философа Гераклита «Народ должен сражаться за закон, как за свои стены» словно были услышаны плебеями.

В 451 г. плебс добился избрания комиссии из десяти патрициев (первые *децемвиры*), которым и была поручена фиксация законов. Комиссия была наделена всей полнотой власти, так что должностные лица в течение всего года ее работы не избирались. В результате были составлены и выставлены на форуме для ознакомления и последующего утверждения центуриатными комициями, первые десять таблиц законов.

Поскольку работа завершена не была, на следующий 450 г. были избраны новые децемвиры, на этот раз наполовину из плебеев. С их деятельностью связаны легенды о насилии, учиненном одним из них над плебейской девушкой Вергинией. В результате вспыхнувшего восстания плебеев и их удаления на Священную гору (*вторая сецессия плебеев*) децемвиры сложили с себя власть. Но составление законов ими к этому времени было уже закончено.

Древних записей этих законов не сохранилось, и их текст восстанавливается по ссылкам на них поздних римских авторов. Поэтому у современных ученых возникали сомнения: действительно ли то, что собрано, подобно мозаике, из отдельных камешков, является памятником V в. до н. э. Однако эти сомнения беспочвенны. Один из законов предписывал продажу раба-римлянина за Тибр (лишь в V в. затибрская территория была территорией зарубежной). В основном *законы XII таблиц*, как и древние законодательства греческих полисов, касались уголовных преступлений, прежде всего против собственности, в первую очередь земельной. За кражу плодов, за потраву, за хищение леса законы предусматривали значительный штраф, а порой похитителя могли высечь и даже казнить. Закон оправдывает убийство вора, застигнутого на месте преступления: «Если кто ночью похитит чужую собственность и если будет убит за это, то пусть это убийство считается законным».

Вместе с тем принцип частной собственности приходил в противоречие с наличием собственности родовой. Земля рассматривалась как собственность семьи и не должна была продаваться. Завещание движимого имущества допускалось, но при этом была обязательна санкция народного собрания в присутствии значительного числа свидетелей.

Законы рассматривали и вопросы, связанные с долговым правом. Они фиксировали право кредитора держать должника закованным у себя в доме в течение месяца и в случае неуплаты долга по истечении этого срока продать его в рабство.

Отражено в законах и правовое различие между рабами и свободными, находящее, в частности, выражение в размере штрафа за причинение ущерба свободному и рабу.

Патриархальная семья была основной ячейкой общества. «Если сын ударит отца и тот заплачет, то пусть сын будет проклят», — гласил закон. К отношениям отца и сына приравнивались отношения патрона и клиента. Патрон обязан был оказывать клиенту покровительство, защищая его в суде; возбуждение судебного процесса патрона против клиента или клиента против патрона считалось столь же недопустимым, как судебный процесс внутри семьи.

Законодательство сохраняло грань между патрициями и плебеями, браки между которыми не признавались законными.

Закон Валерия и Горация. После низвержения вторых децемвиров в 449 г. по инициативе консулов Валерия и Горация был принят исключительно важный закон, по которому римский гражданин, приговоренный к смертной казни, не мог быть казнен до апелляции к народному собранию. Касаясь как патрициев, так и плебеев, он, таким образом, давал гарантию защиты личности против возможного судебного произвола.

Закон Канулея. Несколько лет спустя, в 445 г., народный трибун Канулей добился принятия другого, не менее важного закона о браках между патрициями и плебеями. Этот закон завершает первый этап борьбы плебеев против патрициев. Дальнейшая борьба шла уже не за гражданские, а за политические права — за право занимать магистратуры и за связанную с политическим равноправием земельную собственность.

Видимо, уже по закону Канулея плебеям удалось вырвать у патрициев крупную уступку: вместо консулов, избираемых из числа патрициев, стали избираться войсковые трибуны с консульской властью из числа патрициев и плебеев. Они обладали не только военными, но и административными полномочиями, что было связано с усложнившейся военной ситуацией.

Внешние войны. После того, как плебеи приобрели в лице народных трибунов своих заступников, они все чаще стали высказывать недовольство тем, что им приходилось ежегодно участвовать в военных походах, выгоды от которых доставались патрициям. В одном из сражений римские воины-плебеи, побросав знамена и покинув на поле боя полководца, самовольно вернулись в лагерь. Все это сказывалось на внешней политике, которой руководил сенат. Учитывая настроения плебеев, на нападения внешних врагов стали смотреть сквозь пальцы, стараясь решать споры с соседями с помощью переговоров.

Это вызывало крайнее недовольство старинных патрицианских родов. И когда стало известно, что воины соседних Вей совершили набег на земли римских поселенцев, все члены рода Фабиев, как гласит предание, в количестве трехсот шести человек решили отправиться самостоятельно воевать с Вейями.

Никогда еще на памяти римлян не было войска, состоявшего из одних родичей, и никогда еще отдельный, пусть и могущественный, род не объявлял войну целому городу и народу. В кровопролитной битве все Фабии полегли, кроме единственного юноши, от которого впоследствии род Фабиев был восстановлен. День гибели Фабиев — 18 июля 477 г. — был объявлен черным днем римского календаря. Улица, по которой Фабии шли по Риму к Карментальским воротам, получила название Несчастливой.

Победа над Фабиями подняла дух не только жителей Вей, но и других соседей Рима. Вскоре этруски разбили римское войско во главе с консулом и захватили Яникульский холм у самых стен Рима. Так что своим героическим решением сражаться с целым городом Фабии не дали урока римским плебеям и не принесли никакой пользы Риму. Однако вскоре этрускам пришлось отойти от Рима. Война окончилась в 474 г. сорокалетним перемирием.

Вторая война Рима с Вейями сконцентрировалась вокруг города Фиден, занимавшего ключевое положение на Соляной дороге. В 428 г. римский консул Корнелий Косс убил в единоборстве предводителя Вей и пожертвовал его доспехи в храм Юпитера. Историчность этого эпизода подтверждается наличием самих доспехов, сохранявшихся еще во времена Августа. Все остальные детали этой войны легендарны.

Немало легенд вплетено и в третью, последнюю, войну Рима со своим ближайшим соседом (406—396 гг.), которая была оформлена римскими историками наподобие десятилетней осады ахейцами Трои. В результате мы не знаем ни одного политического или военного деятеля с этрусской стороны, а с римской стороны лишь одного Марка Фурия **Камилла**, которого римляне много лет спустя провозгласили отцом отечества и вторым Ромулом. Камиллу приписаны самые немыслимые подвиги. Однако разрушение Вей — исторический факт, и оно открыло Риму путь к завоеванию всей Этрурии.

Одновременно Рим воевал и с племенами Лация — вольсками, эквами, сабинами, в результате чего значительно увеличил свою территорию и стал одним из самых крупных государств Италии. С этими войнами связано также немало преданий, из которых наиболее показательны легенды о Кориолане и Цинциннате. Первая из них отражает царившую в Риме напряженность во взаимоотношениях между патрициями и плебеями. Подвергавшийся постоянным на-

падкам страдавших от голода плебеев, герой войны с латинами Кориолан переходит на сторону врагов Рима вольсков и во главе их воинства осаждает Рим. Появление врагов под городскими стенами немедленно прекращает раздоры между патрициями и плебеями. Весь город объединяется в стремлении примириться с Кориоланом. Мать и жена изменника добиваются отхода неприятеля, что стало причиной гибели Кориолана, убитого вольсками по обвинению в предательстве.

Второе предание демонстрировало старинную простоту нравов. Назначенный сенатом на должность диктатора, Цинциннат узнает об этом во время собственноручной обработки своего небольшого надела; отерши пыль и пот и облачившись в тогу, Цинциннат немедленно отправляется в Рим, принимает легионы и, разбив на шестнадцатый день войны врагов, складывает диктаторские полномочия и возвращается на свое поле.

Римский политический миф и его критики. Отсутствие надежных свидетельств о своем отдаленном прошлом заставляло римлян создавать мифы. В отличие от греческих мифов, их персонажами были не боги и герои, а политические деятели, с именами которых связаны римские победы или трагические эпизоды римской истории.

Римский миф начинает создаваться в III в. до н. э. одновременно с формированием римской мировой державы и приобретает окончательный вид к III в. н. э., в эпоху кризиса римской империи. На протяжении пяти столетий совершалась интенсивная переработка одних и тех же легендарных сведений, принимавших форму то грандиозного исторического труда (Диодор Сицилийский, Дионисий Галикарнасский, Тит Ливий, Помпей Трог, Аппиан, Дион Кассий), то эпической поэмы(Энний, Невий, Вергилий), то небольших поэтических новелл (Проперций, Овидий), то биографий древних царей и «бородатых консулов» (Плутарх), то исследований по римской религии, фольклору и праву (Катон Старший, Теренций Варрон, Веррий Флакк). В изложениях разных авторов под разными углами зрения «римский миф» сверкал разными гранями их талантов, в то же время отражая потребности римского общества на каждом этапе его истории в оправдании той или иной политической реальности.

С падением в V в. Западной римской империи прекращается не только творческая разработка «римского мифа», но и его понимание. С исчезновением интереса к нему исчезает и значительная часть произведений с изложением римских легенд, при этом самых ранних и интересных, что создает для современных исследователей огромные, подчас непреодолимые трудности.

Остатки греко-римской исторической традиции были обнаружены европейцами XIV—XV вв. в средневековых монастырях и поразили их воображение. Открыватели древних манускриптов были буквально ими ослеплены, словно бы попав из мрака в пещеру сокровищ. Как уж тут разобраться, где подлинный бриллиант, а где подделка. Вытащив их на белый свет, гуманисты отнеслись к рассказам о римской старине без тени какой-либо критики, с жадностью пересказывая их как подлинную историю и даже не ощу-

щая огромной временной лакуны, отделяющей их от Кориолана или Камилла. Лишь единственный гуманист, Лоренцо Валла, засомневался в подлинности одной из легенд, изложенной Ливием. И это показалось таким кощунством, что в папскую канцелярию поступил донос, призывавший папу применить силу против вольнодумца.

В эпоху Реформации борьба с авторитетами римской церкви нашла отражение в разносной критике легенд о начале Рима. В XVII в. маятник критики качнулся в противоположную сторону. Яков Перизоний в своих появившихся в 1585 г. «Исторических размышлениях», проведя анализ данных о ранних временах Рима, счел их заслуживающими полного доверия. В подтверждение этого он выставил тезис, что возможным источником римской исторической традиции были римские песни, подобные тем, какими евреи, греки, германцы и арабы прославляли своих предков.

К концу XVIII—началу XIX в. песенная гипотеза обретает новую жизнь. Основоположник критического метода в антиковедении Бартольд Георг Нибур в своей «Римской истории» (1812—1813 гг.) превращает идеи, намеченные Перизонием, в разработанную и законченную теорию. На основании разрозненных данных о существовании у римлян героических песен Нибур приходит к выводу о наличии древнейшего римского исторического эпоса, подобного «Илиаде» и «Одиссее» или эпосу Нового времени — германцев, славян. Кроме того, Нибур высказывает предположение, что песни представляли плебейскую традицию, тогда как жреческие анналы были выражением взглядов патрициата.

Источники. По обеспеченности источниками первое столетие римской республики — наитемнейший век ее истории. Полностью отсутствует информация греков-современников, — как отделенных от Италии Адриатическим морем, так и широко заселивших ее юг и Сицилию. Для греческих трагиков Геродота и Фукидида, Рима словно не существовало. Первые сведения на греческом языке относятся к IV в. до н. э. (дошедший в отрывках труд сицилийского историка Тимея). Собственно римская литературно-историческая традиция на латинском языке появилась лишь в середине III в. до н. э., но и она дошла во фрагментарном виде. Во II в. римляне стали проявлять к своей старине исключительный интерес в связи с образованием великой средиземноморской державы. Свидетельством этого является труд Катона Старшего, в котором собраны предания народов Италии, в том числе относящиеся и к V в. до н.э., и произведения римских анналистов, также не дошедшие, но широко использованные греческими и римскими историками I в. до н. э.—I в. н. э. Диодором Сицилийским, Дионисием Галикарнасским и Титом Ливием. Изложение ими истории V в. очень обстоятельно. Из него встает целая галерея римлян, живых, темпераментных людей, пламенных патриотов, жертвующих жизнью ради спасения отечества, отважных воинов, даже в поражениях сохраняющих надежду на победу. Но откуда поздним историкам стало известно о жизни столь отдаленного времени, если, по их же словам, в V в. велись лишь краткие записи важнейших событий, которым был чужд повествовательный жанр, да и эти записи погибли во время взятия и сожжения Рима галлами в начале IV в.?

В новое время этот вопрос вырос в огромную проблему, разработка которой в начале XIX в. способствовала созданию критического метода европейской исторической науки. Вспомним, что в конце XVIII—начале XIX в. яростно дискутировалась предложенная Вольфом гипотеза о происхождении «Илиады» из

народных песен, которым придали единство и литературную форму поздние редактора. Тень этой гипотезы легла и на изучение ранней истории Рима. Младший современник Вольфа датчанин Бартольд Георг Нибур в своей «Римской истории» (1813 г.) высказал предположение, что и у римлян существовал эпос, подобный гомеровскому, и что ранняя римская история имеет повествовательный характер, поскольку основана на песнях, воспевавших как римских царей, так и их противников, основателей республики, и преемников этих последних, которых римляне, начавшие бриться, стали называть «бородатыми консулами». Поскольку главным содержанием V и последующего столетий была борьба плебеев с патрициями, Нибур пришел к выводу, что историческая традиция V в. до н. э. в отличие от предшествующего VI в. до н. э., отражает интересы плебеев, которые воспевали в песнях своих защитников так же, как прежде патриции в анналах прославляли царей, основавших Рим и давших ему политическую, военную и правовую организацию.

Смелая гипотеза Нибура встретила поддержку нескольких энтузиастов, однако в целом получила негативную оценку. А. Швеглер в «Римской истории» (1835 г.) отверг самую возможность существования в Риме эпоса, которую Нибур постулировал на основании сообщений нескольких древних авторов о том, что римляне воспевали на пирах под звуки флейты подвиги предков. Ведь от этих песен ничего не дошло и поэтому неизвестно об их характере, лирическом или эпическом, равно как неясно и то, предки какого времени могли прославляться в этих песнях. К тому же, известные нам рассказы о царях и бородатых консулах не допускают возможности существования у римлян мифологии, подобной греческой, воспевавшей богов и героев. Против мнения Нибура, что песни выражали взгляды плебеев, Швеглер выдвинул убедительный довод: главными героями известных нам рассказов эпохи борьбы плебеев с патрициями были не плебеи, а патриции, прославившиеся своей непримиримостью к плебеям. По мнению Швеглера, источником рассказов о событиях V в. были домыслы римских ученых, пытавшихся дать объяснение правовым и политическим пережиткам, равно как и стремление некоторых патрицианских родов создать некое подобие греческих мифов.

В конце XIX в. итальянский ученый Э.Пайс и его последователи пошли в критике римской исторической традиции гораздо дальше Швеглера, полагая, что римская история может считаться достоверной лишь с III в. до н. э.

Этот скептицизм по отношению к истории времени этрусских царей в Риме был разрушен археологическими открытиями и этрусскими текстами. Стало ясно, что римские историки, излагавшие события второй половины VI в., пользовались этрусской исторической традицией, опираясь на письменные памятники. Но с освобождением Рима от этрусского владычества исчезает достоверная информация по политической и военной истории Рима и открывается возможность всякого рода политизированных вымыслов. Поэтому доверие к традиции V в., которое присуще некоторым отечественным и зарубежным исследователям, не оправдано. Найдена лишь одна надпись, относящаяся к началу республиканского периода, дающая основание считать, во всяком случае одного из консулов, Валерия Попликолу, историческим лицом, но это далеко не означает историчности и других консулов. Значительные открытия Рима VI в., позволяющие конкретно представить себе роль этрусков в создании римской государственности, ничего не дали для V в. до н. э. Единственным современным эпохе историческим источником, использовавшимся для создания картины эпохи уже Нибуром и Швеглером, являются законы, рисующие общество значительно более примитивное, чем то, которое было в VI в.

Глава 14

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОЮЗОВ

По мере военных успехов Афин в военных действиях против персов Делосский союз постепенно перерастает в Афинскую морскую державу, противостоящую Спарте и возглавляемому ею Пелопоннесскому союзу. Назревает и развивается конфликт между самими эллинами, приведший в конечном счете к межэллинской войне. Вместе с тем обостряются противоречия и внутри возглавляемого Афинами союза, и в самих Афинах, в которых в результате одержанных побед укрепились демократические слои населения, но достаточно сильной оставалась и аристократия, опиравшаяся на поддержку Спарты.

Падение Фемистокла. Спарта с напряженным вниманием наблюдала за усилением Афин и возраставшим влиянием Фемистокла, с личностью которого связывали и строительство «Длинных стен», и создание Афинского морского союза. И спартанцы задались целью отстранить его от политики. Это стало возможным, когда на политической арене появился **Кимон**, сын Мильтиада, увенчанный победами над персами в вотчине своих предков Фракии. Считая, что союз со Спартой — единственное спасение для Афин и всей Эллады, Кимон, прибегнув к остракизму, добился удаления Фемистокла из Афин (478 г.).

Оказавшись в Аргосе, Фемистокл и там не нашел покоя. Спартанцы приписали ему участие в заговоре Павсания, к тому времени казненного за предательство спартанских интересов. Раздраженный неблагодарностью тех, кто был обязан ему решающей победой над персами, Фемистокл прибег к защите персидского царя (465 г.), и Артаксеркс, сын Ксеркса, оказал недавнему противнику гостеприимство и назначил ему в кормление город Магнезию на Меандре.

Восстание илотов. В 462 г. Мессению охватило восстание илотов. О его масштабе и возникшей для Спарты опасности можно судить по тому, что спартанцы решили обратиться за помощью к Афинам. Конечно же, в Афинах было немало тех, кто предпочитал оставить Спарту без поддержки, предвкушая если и не уничтожение, то ослабление давнего врага. Но Кимон сделал все от него зависящее, чтобы склонить граждан к оказанию помощи эллинскому государству, попавшему в беду, и сам двинулся в Мессению во главе четырех тысяч гоплитов. Ожесточение восставших должно было быть сломлено совместными усилиями. Но расчет эфоров на мгновенную победу не оправдался, и вскоре спартанцы дали Кимону понять, что не нужда-

ются в его присутствии. Это неслыханное в правовой практике древности оскорбление имело своим результатом не только падение Кимона, но и утрату авторитета поддерживавших его аристократов.

Дальнейшая демократизация Афин. На волне недовольства Кимоном выдвинулся его противник **Эфиальт**. Понимая, что главное препятствие на пути к полновластию демоса — овеянный легендами старины ареопаг, оплот родовой аристократии, Эфиальт готовит его кардинальную реформу. И начинает он с самого простого и доступного пониманию каждого: показывает, из кого состоит это уважаемое учреждение. Один за другим проходят громкие процессы по обвинению в банальном для всех времен существования судов пороке — взяточничестве. Им, как выяснилось, грешили почти все входившие в ареопаг аристократы. Рассеивается ореол, окружавший этот аристократический институт власти. И уже неубедительно звучал голос Кимона, доказывавшего со ссылкой на авторитет Солона, что ареопаг, подобно якорю, удерживает государственный корабль, предохраняя его от бурь и обеспечивая спокойствие демоса. И в 462 г. Эфиальт без труда проводит через народное собрание постановление об изъятии из ведения ареопага всех преступлений, кроме святотатства и умышленного убийства. Ареопагитам остается утешать себя тем, что решения ареопага в отличие от постановлений совета пятисот окончательны и обжалованию ни в гелиэе, ни в народном собрании не подлежат.

Ненависть афинских аристократов к реформатору, «опоившему демос неумеренной свободой», как скажет впоследствии Платон, была столь велика, что к нему подослали наемного убийцу. Но инициаторы этого преступления не догадывались, какую угрозу для аристократии таит в себе незаметный в тени славы Эфиальта его друг и сподвижник **Перикл.**

Перикл в боевом шлеме

Сын победителя в морской битве при Микале (479 г.), происходивший по материнской линии из аристократического рода Алкмеонидов, Перикл получил воспитание у прославленных учителей музыки, риторики, философии, в том числе у философа Анаксагора. Очень скоро Перикл превзошел своих учителей в искусстве слова. Говорили, что «в устах его обитает богиня Убеждения». Выступал он редко,

поэтому его сравнивали с кораблем «Саламиния», выплывавшим за пределы Пирея лишь в самых ответственных обстоятельствах и в дни общественных торжеств. Каждая речь Перикла становилась событием. Однако полностью посвятить себя политической деятельности он долго не решался: ведь в демократических Афинах со времен Клисфена над каждым аристократом, особенно если он был богат и имел влиятельных друзей, нависала угроза остракизма. А Перикл к тому же, как говорили старики, внешностью и обаянием напоминал тирана Писистрата. Отличавшийся в сражениях безоглядной храбростью, в политике он проявил осторожность и не торопился вступать ни в единоборство, ни в соперничество с выдающимися политиками своего времени — Аристидом, Фемистоклом, а затем и Эфиальтом.

Гибель Эфиальта оставила Перикла один на один с противниками демократических нововведений, и от его политической гибкости и умения заручиться поддержкой народа зависел выбор путей дальнейшего развития Афин. Борьба за влияние в народе была нелегкой. Самый опасный из противников демократии, Кимон внешне казался намного большим демократом, чем Эфиальт и Перикл. Обладатель огромного богатства, он умело пользовался им в завоевании популярности: были сняты ограды вокруг его многочисленных родовых усадеб, чтобы любой из граждан мог свободно входить и срывать с деревьев плоды, ежедневно он приглашал на обед всех желающих, сколько бы их ни было, одевал с ног до головы стариков, обращавшихся к нему за помощью.

В противовес этой программе частной благотворительности Перикл исходил из того, что не милость богача, а неоспоримое право граждан на участие в богатстве полиса должно изгнать из Афин нищету.

В том же году, когда аристократы праздновали уход в Аид Эфиальта, судом черепков был низвергнут как «друг лакедемонян и враг демоса» еще недавно популярный Кимон. Это стало важнейшей победой демократии и ее главы Перикла. Еще семнадцать лет отделяют его от должности первого стратега (444 — 429), когда он один будет направлять политику Афин, но фактически и до избрания на эту должность решающее слово на народном собрании стало принадлежать ему.

«Бельмо на глазу Пирея». Из Пирея, перестроенного по инициативе Перикла знаменитым милетским архитектором Гипподамом, открывался радующий сердце любого афинянина остров Саламин, напоминая своими поросшими лесом вершинами о славной победе над персами и основателе морского могущества Афин Фемистокле. Но вид на Пелопоннес закрывал другой остров, Эгина, который Периклу, наследнику дела Фемистокла, виделся

«бельмом на глазу Пирея». Операция по удалению «бельма» была осуществлена через пять лет после гибели Эфиальта, когда Перикл прочно утвердился в качестве неоспоримого главы афинской демократии.

На Эгине, как и в большинстве греческих государств, шла борьба между демосом и аристократией. Воспользовавшись просьбой вождей демократии о поддержке, афиняне послали им на помощь флот из семидесяти кораблей, захватили остров и разрушили городские стены. Эгина была вынуждена сдать Афинам флот, войти в Афинский союз и вносить ежегодно по 30 талантов — больше, чем любой другой член союза. Непосредственным результатом этой акции был переход на сторону Афин города Трезены на крайней северо-восточной оконечности Пелопоннеса, родины Тесея, мифического провозвестника афинского морского господства.

Победа над Эгиной настолько подняла престиж Афин как главы морского союза, что вскоре союзная казна, хранившаяся на Делосе, была переправлена в Афины (454 г.).

Триеры покидают Пирей. В 444 г. Перикл, наконец, был избран на высшую в Афинах должность *первого стратега* (затем на эту должность его переизбирали из года в год, и он на протяжении многих лет не имел политического соперника).

Весной того же 444 года, как только прекратились опасные зимние бури, десять афинских триер покинули порт и взяли курс не на Эгину и не к островам Эгейского моря, союзным Афинам, а к берегам Италии. Палубы их заполняли не вооруженные воины, а мирные граждане — те, кто, по предложению Перикла, оформленному постановлением народного собрания, должен был поселиться на новом месте, в землях, принадлежавших когда-то Сибарису. Незадолго до этого потомки сибаритов обратились к двум гегемонам Эллады — Спарте и Афинам — с просьбой помочь им возродить город. Спарта на этот призыв не отозвалась. Перикл же решил воспользоваться случаем, чтобы внедрить афинскую (ионийскую) колонию между двумя дорийскими — Кротоном и Тарентом.

Колония выросла на небольшом расстоянии от разрушенного за полстолетия до того Сибариса. Отстроенная по Гипподамову плану, она получила новое название — Фурии. Среди первых поселенцев Фурий были философ Протагор и историк Геродот, к тому времени уже прославившийся, но в Афинах остававшийся метеком. Обретя именно в Фуриях впервые после бегства из Галикарнаса гражданство, он завершает свой труд, в который включает и сведения о прошлом народов Италии, в том числе и этрусков, полученные из первых рук.

Поскольку к моменту выведения колонии не прошло и двух лет, как был заключен со Спартой договор о тридцатилетнем мире и дружбе, Перикл сделал все, чтобы появление ионийцев в зоне дорийского влияния не вызвало нежелательных осложнений. Официально новый полис, основанный Афинами, считался колонией не афинской, а общеэллинской — наряду с афинянами, составившими в Фуриях четыре филы, на афинских триерах были переправлены и пелопоннесцы (три филы), и фиванцы (тоже три филы). Надо думать, что это были те из пелопоннесцев и фиванцев, кто сочувственно относился к афинской политике, и их присутствие в составе переселенцев ничего не меняло в политических планах Перикла (не случайно в первый же год своего основания Фурии начали войну с дорийским Тарентом). Но правила игры были соблюдены.

Золотой век афинской демократии. С именем Перикла связан наивысший расцвет афинской демократии. Впервые в истории человеческого общества любой бедняк мог реально участвовать в управлении государством. Был отработан и механизм такого участия. Слепой жребий решал, кому заседать в совете пятисот, кому вершить суд в гелиэе, кому — в ареопаге. Голосованием избирались только стратег (поскольку должность главы государства и военачальника требовала необходимых качеств), начальник конницы (по той же причине) и казначей (поскольку он отвечал за сохранность государственной казны своим имуществом).

«Скромность знаний не служит бедняку препятствием к деятельности, если только он может оказать государству какую-либо услугу», — не раз повторял Перикл, подчеркивая преимущества государственного строя Афин. К этому надо добавить, что препятствием не могла быть и скромность средств: введенная Периклом система оплаты должностей (2—3 обола в день) снимала заботу о пропитании. Жребий обеспечивал равные возможности любому гражданину. От проникновения во власть людей, чем-либо себя запятнавших или умственно неполноценных, существовала сравнительно надежная защита — процедура контроля: прежде чем стать членами суда или совета, граждане проходили проверку (докимасию). Ее осуществляли соответственно судьи или члены совета предыдущего года, а если вынесенное решение казалось несправедливым, его можно было обжаловать в высшем суде — народном собрании.

Одновременно Перикл разворачивает широкое строительство, которое не только превращает Афины в самый прекрасный из городов Эллады, но дает заработок тем, кого начал оттеснять с рынка рабский труд. Тех же, кто оказался лишенным земельного участка или имел недостаточный для пропитания надел, стратег наделяет

землей на территории союзников. Одна за другой партии военных поселенцев — клерухов — покидают Афины, чтобы занять клер самой плодородной земли и своим присутствием обеспечить верность союзников.

Союзники или данники? Десять тысяч клерухов, расселенных по союзным территориям, представляли собой весьма значительную силу. Присутствие их стало особенно важным для Афин после завершения в 449 г. войны с Персией, поскольку исчезновение внешней опасности делало союзников все менее склонными к выплате фороса, из года в год возраставшего и шедшего на масштабное строительство в Афинах и оплату афинских должностных лиц. Естественное раздражение союзников вызывало и то, что афиняне требовали от вошедших в союз полисов отказа от собственной монеты и использования в денежных расчетах только афинских «сов». А требование являться для судебных разбирательств в Афины казалось самым бессовестным грабежом, потому что судили союзников не бесплатно.

Во многих полисах, входящих в союз, стояли афинские гарнизоны. Там действовала и афинская администрация, наблюдавшая за ситуацией и ведавшая, наряду с местной властью, сбором и доставкой в Афины дани. Союзникам приходилось содержать до 700 афинских должностных лиц, находившихся на их территории постоянно, а также оплачивать деятельность периодически посылаемых к ним афинских послов.

Так Афинский морской союз фактически превратился в *Афинскую морскую державу*. Хотя союзники и пользовались автономией, а в некоторых полисах сохранялись аристократические и олигархические режимы, гегемония полностью перешла к Афинам, осуществлявшим ее с помощью морского флота, складывающегося бюрократического аппарата и гарнизонов в городах.

Восстание на Самосе. Некоторые из полисов, поняв, что союз перестал быть добровольным, пытались из него выйти уже при Эфиальте. При Перикле наиболее значительным был конфликт с Самосом, занимавшим особое положение. Кроме самого острова полис владел территорией и в Малой Азии, за узким проливом, отделяющим его от материка. Самосцы были инициаторами создания Афинского морского союза, и в отличие от большинства его членов их обязанностью было не вносить форос, а поставлять определенное количество кораблей.

Около 440 г. возник спор Самоса с расположенным неподалеку от него Милетом, и милетяне обратились к Афинам за посредниче-

ством. Воспользовавшись удобным поводом, Перикл в 439 г. направил на Самос эскадру и с помощью самосских демократов произвел там политический переворот, заменив олигархическое управление демократическим. Так афиняне поступали часто, и союзники это обычно выносили. Но на Самосе вспыхнуло грандиозное восстание, которое готов был поддержать персидский сатрап Малой Азии. Началась война. Против семидесяти самосских триер Перикл послал двести афинских. Но до морской битвы дело не дошло — самосская эскадра в бой не вступила. Афиняне высадились на острове и осадили прекрасно укрепленный город. После восьмимесячной осады самосцы сдались. Были срыты стены города, построенные еще Поликратом, флот выдан афинянам, а на граждан наложена огромная контрибуция в 1200 талантов.

Среди афинских гоплитов, осаждавших Самос, был юный Сократ, страстный почитатель философии уроженца Самоса Пифагора.

Щупальца Афин тянутся к Понту. Держа под пристальным вниманием союзников и немедленно пресекая любое поползновение к независимости, Перикл не упускал из виду и главной цели — установления гегемонии над всей Грецией. Поэтому его взор обратился и к Понту Эвксинскому. Там Афины не имели своих колоний, но большинство греческих полисов на берегах Понта были колониями входившего в Афинский союз Милета, где при Перикле стоял афинский гарнизон. Афинские гарнизоны находились и в греческих городах побережья Геллеспонта и Боспора Фракийского — Византии и Кизике, не говоря уже о городах полуострова Халкидика. Так что афинская демократия могла считать себя наследницей Милета в господстве над Понтом и обладала ключом к этому господству — проливами.

Среди наиболее древних и сильных в экономическом отношении милетских колоний выделялась Синопа, основанная на южном берегу Понта, которая и сама имела немало колоний, в том числе Трапезунд на подступах к Закавказью. В начале V в. власть в Синопе захватили тираны, и демократы этого полиса обратились к Афинам за помощью. Перикл отправил в Понт мощную флотилию и сам ее возглавил. Тираны были свергнуты. В городе установилось демократическое правление. На земли, отнятые у тиранов, было отправлено 600 афинских клерухов.

Трудно сказать, доплыл ли афинский флот только до Синопы или обогнул весь Понт, побывав в Ольвии и других городах, основанных Милетом. Плутарх, сообщая об этой экспедиции, расценивает ее как демонстрацию силы перед варварскими народами. Можно думать, что и не только перед ними: ведь на берегах Понта находились и дорийские колонии. Да и государства Пелопоннесского со-

юза, зная о масштабе этой экспедиции, должны были понять, что точно такой же поход Перикл может предпринять не только на север, но и в западном направлении.

В Пелопоннесском союзе. Усиление Афин не прошло незамеченным в стане противников демократии, общепризнанным вождем которых была Спарта. К середине V в. *Пелопоннесский союз* превратился в мощное военно-политическое объединение. В него вошли все полисы Пелопоннеса (кроме враждовавшего со Спартой Аргоса), ряд городов Средней Греции, в том числе сильный сосед Афин Фивы, мелкие полисы Фокиды, а также прилегающие к Пелопоннесу острова Адриатики. Спарта и большая часть ее союзников были экономически отсталыми государствами со слаборазвитыми ремеслами и торговлей. Руководящая роль в них принадлежала консервативным общественным прослойкам. Но в союз входили и такие ремесленные и торговые центры, как Коринф, Мегары и Сикион, успешно соперничавшие с Афинами. Они-то и обеспечивали потребности союза в оружии и кораблях.

Пелопоннесский союз строился на менее жестких принципах, чем Афинский морской союз: на собрании союзников каждый, даже самый маленький полис обладал одним голосом. Вступление в союз и выход из него были добровольными; не существовало какой-либо общей администрации, общих финансов и регулярных взносов на нужды союза, за счет которых кормился бы гегемон. В эпоху великого противоборства Спарты и Афин неизвестно ни одного случая, когда бы спартанцы воспользовались своим военным превосходством для установления в союзных им городах выгодных для себя политических порядков или поддержки наиболее надежных политических деятелей. Это делало Пелопоннесский союз более прочным, чем какое-либо иное военно-политическое объединение Греции.

Первенство Спарты в союзе обеспечивалось не в последнюю очередь тем, что большинство маленьких полисов, чувствовавших себя под надежной охраной Спарты, отдавало ей свои голоса, конкуренты же Афин на рынках не видели в Спарте соперника и могли также рассчитывать на защиту ею своих интересов и выгод.

Поводы и причины войны. Поводы и причины грандиозной схватки, разделившей Элладу на два враждебных лагеря, были проанализированы ее участником, историком Фукидидом. К этому анализу трудно что-либо добавить.

Первый из поводов можно было бы сформулировать так: «Гордыня потомков феаков». В Адриатическом море к Балканскому полуострову примыкал длинный, в форме искривленного меча ос-

тров Керкира (ныне Корфу). Обитатели Керкиры были колонистами Коринфа. Природные богатства и выгодное расположение на морских путях способствовали процветанию острова. Уже в 660 г. керкиряне вели войну против своей метрополии, не желая больше иметь с нею ничего общего. Именно тогда они вообразили, что Гомер вывел именно их предков в образе феаков, оказавших гостеприимство Одиссею, хотя по описанию «Одиссеи» остров феаков Сферия находился не рядом с родиной Одиссея Итакой, а во многих днях плавания от нее.

Нашелся и второй повод. На севере Адриатического моря в окружении иллирийцев, на выступающем в море полуострове находился Эпидамн, основанный керкирянами, коринфянами и иными дорийцами. Основателем колонии был коринфянин, считавший себя, как и многие коринфские аристократы, потомком Геракла. В Эпидамне, как и во многих других греческих городах, шла постоянная борьба между демократами и олигархами. Одержав, наконец, победу, демократы изгнали олигархов, а те обратились за помощью к иллирийцам и вместе с ними стали нападать на Эпидамн с суши и с моря. Тогда эпидамнийцы отправили послов на Керкиру с мольбой о помощи. Но гордые потомки феаков не вняли этой мольбе, что заставило эпидамнийцев обратиться к Коринфу, поскольку именно коринфянин возглавлял некогда предков-колонистов. Коринфяне послали в Адриатическое море флот и вступили в войну с Керкирой, в ходе которой керкиряне поначалу взяли верх (435 г.). Потерпев поражение, Коринф целый год готовился к новому походу против самозванцев, мнимых потомков феаков, а те, уже не считая себя дорийцами, обратились за подмогой к Афинам и получили от них заверение в поддержке. Перспектива вступления Керкиры в Афинский морской союз означала крушение той системы равновесия, которая удерживала Спарту и Афины от войны. Обладание Керкирой укрепляло Афины на путях в Сицилию и Италию, а также значительно увеличивало афинский военный флот ее кораблями. Коринф требовал объявления Афинам войны, но Спарта, следуя своей консервативной политике, колебалась.

И Коринф начал действовать самостоятельно. Из-за его происков в 432 г. вышел из Афинского союза один из полисов Халкидики, Потидея. Для ее удержания Афинам пришлось отправить сильную флотилию и отряд гоплитов.

Не хватало еще одного толчка, еще одного повода к войне, и он не заставил себя ждать. Соседом и давним врагом Афин был полис Мегара. Захват Афинами Эгины еще больше обострил отношения между соседями. Теперь Эгина стала «бельмом на глазу» у Мега-

ры, и она вышла из Афинского морского союза. Тогда Перикл объявил Мегаре торговую войну: провел через народное собрание постановление, запрещавшее мегарянам торговать в Аттике, а всем городам союза вступать с Мегарой в торговые отношения. Это было последней каплей, истощившей терпение Спарты.

Таковы были поводы войны. А что касается причины, то ее определил Фукидид: «Афиняне своим усилением внушили опасения лакедемонянам и вынудили их начать войну».

На созванном собрании пелопоннесских городов было решено предъявить Афинам требование о немедленной отмене постановления, грозившего экономической смертью торговому городу. Афины требование отвергли, и на этом дипломатия смолкла. Решение взаимных обид было передано в руки Ареса.

Платейская заноза. Подобно тому как афиняне считали Эгину «бельмом на глазу Пирея», фиванцы, занимавшие господствующее положение в Беотийском союзе, должны были считать Платеи «занозой в теле Беотии». Этот крошечный полис еще до Персидских войн отделился от других городов Беотии и вступил в тесный союз с Афинами. Находясь всего в двух часах пути от Фив, Платеи постоянно им угрожали.

Как и в других полисах, в Платее демократы соперничали с аристократами. Последние намеревались сдать город Фивам, но план этот был раскрыт, и в весеннюю дождливую ночь, за несколько часов до рассвета того дня, когда в город должны были войти фиванцы, демократами были введены в город афинские гоплиты. С наступлением утра фиванские воины оказались в ловушке и были сразу же умерщвлены, еще до того как из Афин пришел приказ о сохранении им жизни. Пленники принадлежали к лучшим фиванским семьям, и их гибель сделала Фивы злейшим врагом афинян.

План и случайность. Тем временем ожидалось наступление Спарты. Афиняне перешли через Киферон, но от наступления на Беотию отказались. Перикл трезво оценил обстановку. Он понимал, что преимущество Афин, подступы к которым надежно охранял сильный флот, — в более мощном по сравнению со Спартой экономическом потенциале: война на истощение давала им явное преимущество. Поэтому стратег распорядился, чтобы при появлении спартанцев на территории Аттики сельские жители вместе со своим скотом и домашним скарбом укрывались за «Длинными стенами» Афин.

И, видимо, события развивались бы в соответствии с замыслом Перикла, если бы у Спарты не появилась неожиданная союзница —

эпидемия (скорее всего, чума или моровая язва), занесенная на кораблях вернувшимися из дальних плаваний моряками. Скученность населения, собравшегося в стенах города со всех окрестностей, способствовала стремительному распространению болезни. Историк Фукидид, сам переболевший в сравнительно легкой форме, свидетельствовал: «Пелопоннесцы расположились в Аттике и стали опустошать поля. Немного дней пробыли они в Аттике, как появились первые признаки болезни среди афинян. Столь свирепой чумы и такой смертности людей, насколько помнится, не было еще нигде. Первое время врачи лечили, не зная характера болезни, и чаще всего умирали сами. Всякое человеческое искусство было бессильно против болезни. Сколько люди ни молились в храмах, сколько ни обращались к оракулам и тому подобным средствам, все было бесполезно. Наконец, одолеваемые бедствием, люди оставили и это. Умирали и те, за которыми не было ухода, равно как и те, которых окружали большими заботами. При уходе друг за другом люди заражались и умирали. В довершение к постигшему бедствию афиняне были угнетены еще скоплением народа с полей в городе. Так как домов недоставало и летом они жили в душных хижинах, то и умирали при полнейшем беспорядке. Умирающие лежали один на другом, как трупы, или ползали полумертвые по улицам и около всех источников, мучимые жаждой. Святыни, где расположились в палатках пришельцы, полны были трупов. Люди, не зная, что с ними будет, перестали уважать и божеские и человеческие установления. Все обряды, какие совершались раньше при погребении, были попраны, и каждый совершал похороны, как мог».

Может быть, эпидемия и пошла бы на спад, если бы земледельцы покинули охваченный ею город. Но за стенами его, с не меньшей силой, чем болезнь, свирепствовали спартанцы, разоряя поля и вырубая оливковые сады. В эту первую летнюю кампанию они пробыли в Аттике почти сорок дней, не покинув ее даже тогда, когда к берегам Пелопоннеса отплыла возглавленная Периклом эскадра. Болезнь не пощадила афинян и на триерах —полторы тысячи из четырех тысяч воинов погибли в пути.

Болезнь продолжала свирепствовать и весь следующий год, усилившись, когда новое вторжение спартанцев опять заставило аттическое население спасаться в городе. Охваченные отчаянием, граждане стали обвинять во всех несчастьях Перикла, и ему не без труда удалось восстановить поколебленные доверие и авторитет.

Трудно сказать, как могли развернуться дальнейшие события, если бы на третьем году войны, когда, казалось, все самое страшное было позади и эпидемия, наконец, стала отступать, не заболел и вскоре умер Перикл.

Клеон и Никий. Спарта не преминула воспользоваться тяжелой для Афин ситуацией. Ее предпринятая еще в самом начале войны попытка внести раскол в ряды противника увенчалась крупным успехом. В 428 г. покинул Афинский союз один из самых богатых и сильных его членов — Лесбос. Однако захватить этот остров спартанцам помешала отправленная афинянами флотилия из ста кораблей. Вскоре прибыла и другая эскадра с тысячью афинских гоплитов, высадившихся и приступивших к осаде Митилены, главного города Лесбоса. Город был взят, его укрепления ликвидированы и казнена тысяча митиленских аристократов, сочтенных зачинщиками мятежа.

Эта весть объяла ужасом всех остальных союзников, чего и добивалась радикальная политическая группировка, которую возглавлял владелец кожевенной мастерской **Клеон**, поддерживаемый торгово-ремесленными слоями. Во главе другой группировки, осуждавшей казнь лесбосцев и препятствовавшей активным военным операциям, стоял крупный землевладелец, самый богатый в Афинах человек — **Никий**. Однако большинство афинян поддерживало Клеона, и было решено перейти к решительным военным действиям силами флота. Это предусматривалось в свое время стратегическим планом Перикла.

Наиболее мощный удар был нанесен Спарте на Пелопоннесе. В 425 г. афинская эскадра захватила на побережье Мессении городок Пилос с его прекрасной гаванью, что вызвало ожидаемый эффект: в Пилос устремились сотни мессенцев, превращенных спартанцами в илотов. Возникла угроза всеобщего восстания порабощенного населения. Из Спарты было направлено наскоро собранное войско, которому удалось захватить островок Сфактерию, запиравший выход из пилосской бухты. Спартанцы рассчитывали взять афинян в кольцо. Однако в морском бою афиняне одержали победу над спартанской эскадрой, охранявшей Сфактерию с моря. Весь спартанский гарнизон, 292 гоплита, был взят в плен и переправлен в Афины. Спартанские щиты (утрата их была величайшим бесчестьем для тех, чье возвращение на родину было возможно лишь «со щитом или на щите») в качестве трофеев украсили стены Пестрого портика на афинской агоре, заняв место рядом с картинами, изображавшими эпизоды греко-персидских войн. Другим крупным успехом Афин был захват острова Киферы к югу от Пелопоннеса.

Война затягивалась. Спартанцы продолжали свои ежевесенние походы на Аттику. Недовольство афинских земледельцев, скрывавшихся от набегов за «Длинными стенами», росло. С восторгом была встречена публикой комедия Аристофана, выводившая на чистую воду «кожевника» (Клеона) и выжившего из ума драчливого старца по имени Демос.

Тем временем в Спарте был сформирован отряд из илотов и добровольцев, во главе которого был поставлен молодой и решительный военачальник Брасид. Совершив поход через всю Грецию и Македонию (ее царя он привлек на свою сторону), Брасид достиг Халкидики и захватил принадлежавшую афинянам крепость Амфиполь. Клеону, громившему языком попустительство властей, было предложено самому возглавить экспедицию. В 422 г. под Амфиполем развернулась ожесточенная битва, в которой афиняне были наголову разбиты. В этом сражении погибли оба полководца — и Брасид, и Клеон.

Поражение и гибель Клеона укрепили позиции партии мира. На переговоры со спартанцами была направлена делегация во главе с Никием. Мир 421 г., получивший название *Никиева мира*, предусматривал возвращение захваченных друг у друга городов, обмен пленными, отказ от предоставления на своих территориях убежища беглым рабам и перебежчикам.

Сицилийская авантюра. В древности была высказана мысль: народные массы похожи на море, спокойное само по себе, политический же деятель сравним с ветром, который может поднять на морской поверхности такую бурю, что и сам будет сметен, и ввергнет в пучину бедствий народ. Таким «ветром», нарушившим установившееся в результате Никиева мира спокойствие, стал племянник Перикла **Алкивиад**. Выходец из знатного рода, он более, чем кто-либо из молодых афинян, воспринял взгляды своих учителей (среди них был и Сократ), подвергавших критике полисные устои. Алкивиад строил свое поведение в соответствии с высказыванием философа Протагора «Человек есть мера всех вещей» и демонстративно нарушал полисные обычаи, показывая, что он не такой, как все, что он личность, которой дозволено иметь собственное мнение и принимать нестандартные решения.

И, конечно же, у него появились подражатели среди молодежи. Кажется, впервые в Греции, где личность и общество пока еще не вошли в противоречие друг с другом, встала проблема отцов и детей.

На агоре и на улицах Афин в начале 415 г. можно было видеть группки возбужденных юношей, горячо обсуждавших предложенный Алкивиадом план: нанести Спарте удар не с тех плацдармов, с каких это пытались сделать десять лет подряд Перикл и Клеон, а со стороны союзных ей городов Сицилии. Если напасть на Сиракузы, уверяли сторонники Алкивиада, остальные полисы острова, ненавидящие город тиранов, немедленно перейдут на сторону афинян, не говоря уже о многочисленных местных племенах, порабощенных сиракузянами. А за Сицилией маячили Италия и Ливия, которые станут частью могучей Афинской державы...

Сторонники осторожных действий старались убедить юношей, что покорение такого хорошо укрепленного города, как Сиракузы, — дело нелегкое и что на помощь тех, кто пострадал от сиракузян, нечего рассчитывать. Но народное собрание приняло план Алкивиада. Стратегом был избран Никий против его воли, а в сотоварищи ему назначены Алкивиад и Ламах, склонный к риску не меньше, чем Алкивиад, но не блиставший талантами последнего.

Все было готово к выходу в море, но противники безумного плана не сдавались. Накануне отплытия кто-то отбил носы гермам, стоявшим на перекрестках статуям бога Гермеса, покровителя дорог. Такое кощунство было воспринято как дурное предзнаменование. Поскольку Алкивиад уже был замечен в святотатстве (говорили, что он и собиравшиеся в его доме юнцы, одеваясь богами, пародировали элевсинские мистерии), возникло подозрение, что это дело его рук. Однако было решено экспедиции не задерживать до выяснения обстоятельств инцидента.

Афинские триеры уже совершили высадку в Сицилии и сошедшие с них гоплиты овладели Катаной (городом к северу от Сиракуз), когда из Афин прибыл корабль с приглашением Алкивиада на суд. Понимая, чем кончится судебное разбирательство в условиях, когда армия, где много его сторонников, находится за пределами Афин, Алкивиад, сделав вид, что подчинился решению, по дороге скрылся. Не отягощенный свойственным полисным грекам чувством патриотизма, он направился в Спарту, чтобы предложить ей свои услуги.

Алкивиад посоветовал спартанцам направить одно войско на помощь Сиракузам, а другое — в Аттику и, укрепившись там в городке Декелее, угрожать оттуда Афинам на протяжении всего года.

Тем временем в Сицилии начались военные действия. Афинский флот вошел в бухту Сиракуз, а сухопутное войско во главе с вечно колеблющимся Никием разбило лагерь у городских стен. И вскоре стало неясно, кто кого осаждает: сиракузяне, не теряя времени даром, начали загораживать выход из бухты. Еще было время для вывода флота. Однако оно было упущено: произошло лунное затмение и суеверный Никий запретил предпринимать какие-либо действия. Афинские корабли оказались в ловушке. Лишь тогда военачальники, наконец, приняли решение снять осаду и вывели войско из лагеря. Больных и раненых пришлось бросить.

Преследуемые неприятельскими всадниками и легковооруженными пехотинцами, афиняне двинулись к ближайшему дружественному городу Катане. Но у речки Ассинар, впадающей в Ионийское

морс, афинская армия была разгромлена. Избежавших смерти (а таких оказалось семь тысяч) ожидала еще худшая участь: заточение в сиракузские каменоломни и гибель в них от жары, холода, непосильного труда. «Не было ни одной из мук, какие ожидают людей в подобных местах, какую бы не пришлось испытать афинянам», — писал историк Пелопоннесской войны Фукидид.

Переворот 411 г. Сицилийская катастрофа усугубила и без того тяжелое военное положение Афин. Спартанцы вновь заняли в Аттике крепость Декелею и отрезали пути доставки продовольствия. Прекратились работы на полях и в рудниках. Погиб скот. К неприятелю перебежало множество рабов. Афинянам пришлось задуматься над причинами неудач. Уже в 413 г. каждая из десяти фил выделила представителя в коллегию для предварительного обсуждения проектов реформирования Совета пятисот и народного собрания. Инициаторами этого акта были аристократы, уверенные в том, что в поражениях виновата афинская демократия. Одновременно реакционеры вели тайные переговоры с персами для заключения с ними союза и получения денежной помощи. Некоторые искали примирения со Спартой, будучи готовы ради этого на любые уступки.

В 411 г. в Афинах произошел государственный переворот. Механизм его был детально продуман. Убийство нескольких наиболее популярных народных вождей создало обстановку страха и всеобщего недоверия. Противники демократии, будто бы для наведения порядка, настояли на выборе коллегии из тридцати человек (в нее были включены и выбранные ранее десять представителей фил) с правом внесения чрезвычайных законов. На этой волне прошло предложение об отмене статьи конституции, дающей право каждому афинянину свободно и безнаказанно вносить на рассмотрение народного собрания любой законопроект.

Была отменена система оплаты должностей, а состав граждан с активными правами ограничен пятью тысячами. Совет пятисот был заменен Советом четырехсот, состоявшим из одних олигархов. Ни разу после переворота народное собрание из пяти тысяч граждан не собиралось.

Олигархия продержалась недолго — она натолкнулась на сопротивление союзных городов, где господствовали демократические порядки, а также афинского войска и флота. Да и Спарта, на содействие которой рассчитывали реакционеры, не склонна была идти на уступки. После отражения попытки спартанцев захватить Пирей от крайних олигархов отделились умеренные и предложили свою конституцию. Ее Фукидид называл лучшей из афинских конституций. Но просуществовала она лишь полгода.

Война на морях. Несмотря на катастрофу, афиняне не пали духом – ведь оставался еще флот, превосходивший по количеству кораблей и боевым качествам моряков все остальные флотилии Греции. Спартанцы тоже понимали, что, не обладая преимуществом на море, победы над Афинами не одержать. С помощью союзников они приступают к строительству мощного флота. И флот был создан. Но содержание его обходилось так дорого, что спартанскому полководцу Лисандру пришлось обратиться за поддержкой к персидскому сатрапу Малой Азии, и тот от имени царя заключил со спартанцами договор, по которому Спарта признавала право царя на все ранее принадлежавшие ему области (тем самым предавая малоазийских греков); царь же обязывался выплачивать жалованье морякам действовавшего в персидских водах пелопоннесского флота до окончания войны с Афинами.

И в это тяжелое для Афин время вновь на политической арене появился Алкивиад. Он уже успел покинуть Спарту и ждал в Персии возможности примирения с родиной. Аттический флот, действовавший близ Самоса, избрал его стратегом. Афинянам Алкивиад обещал обеспечить заключение союза с царем при условии свержения той демократии, которая вынудила его уйти в изгнание. Конечно же, царь на мир с Афинами не пошел, но персидский сатрап стал заметно меньше помогать пелопоннесцам и отозвал пугавший афинян персидский флот из ста сорока кораблей.

Новый пелопоннесский флот продолжал успешные действия, но афиняне не сдавались. Были приведены в порядок все оставшиеся суда. Для покрытия расходов расплавили почти все жертвенные дары, и оказалось возможным отправить для освобождения захваченной спартанцами Митилены эскадру в 150 триер. И все же на победу было мало надежды: пелопоннесский флот превосходил афинский численностью, и моряки его не были измотаны. Однако в 406 г. при Аргинузских островах, в проливе между Лесбосом и азиатским материком, афинян ожидал успех. Победа была добыта, можно сказать, отчаянием. Было уничтожено 70 вражеских триер. Пелопоннес лишился четырнадцати тысяч гоплитов. Правда, радость омрачили собственные потери. Это были не только убитые, но и упавшие за борт. Разыгравшаяся буря помешала их спасению, да и тела погибших вытащить не удалось. Однако афинские навархи-победители не могли и в мыслях представить себе, какая схватка ожидает их в Афинах. На их головы обрушились ругань и проклятия. Первое народное собрание решения не приняло. На втором, куда противники наархов явились более подготовленными, при каждой попытке заступиться за обвиняемых поднимался невероятный шум, в котором тонули слова защитников. Зато речи об-

винителей звучали в полный голос. И победители, последние афинские победители в этой многолетней войне, были приговорены к смерти. На том основании, что оставили непогребенными тела погибших. И это, как вскоре стало ясно, был приговор также и всему демократическому эксперименту, осуществленному Периклом и его предшественниками.

Спарте в это время оказывал активную поддержку брат персидского царя Кир Младший, тесно связанный с командующим пелопоннесским флотом спартанцем Лисандром. Поражение при Аргинузских островах его не обескуражило; он перекрыл своими кораблями проливы, откуда в Афины шло продовольствие. В обстановке деморализации, в немалой степени вызванной осуждением навархов-победителей, был наскоро собран и отправлен к Геллеспонту новый афинский флот, где Лисандр захватил дружественный Афинам город Лампсак. Афинская эскадра остановилась на противоположном берегу пролива. Несмотря на преимущество в 20 триер, Лисандр не торопился начинать военные действия, и афиняне, потеряв бдительность, рассыпались по берегу. Тогда молниеносным броском Лисандр пересек пролив и, не потеряв ни одного корабля и ни одного воина, уничтожил афинский флот. Захваченные в плен афиняне — их оказалось три тысячи — были казнены в Лампсаке.

Цена мира. «Триера «Паралия», — пишет современник событий Ксенофонт, — прибыла в Пирей ночью и оповестила афинян о постигшем их несчастье. Ужасная весть переходила из уст в уста, и громкий вопль отчаяния проник сквозь «Длинные стены» из Пирея в город. Никто не спал в эту ночь. Оплакивали не только погибших, но и самих себя».

Афиняне оказались в безвыходном положении. Осажденные с моря и с суши, они не имели ни флота, ни продовольствия, чтобы выдержать осаду. Между тем вопрос об условиях мира с Афинами уже решался членами Пелопоннесского союза. Победитель Лисандр, поддержанный эфорами, предложил заключить мир, поставив условием уничтожение «Длинных стен» и укреплений Пирея, выдачу всех кораблей, возвращение изгнанников, вступление Афин в число союзников Спарты и признание ее гегемонии. Коринф, Фивы и некоторые другие союзники Спарты резко выступали против этих условий, считая их чрезмерно мягкими. Они требовали разрушения Афин. Но большинство поддержало Спарту.

Афины вынуждены были принять унизительные условия мира. Полюбоваться зрелищем разрушения афинских стен сошлись в большом количестве мегарцы, фиванцы и другие соседи афинян. Флейтистки исполняли музыку, под которую спартанцы всегда шли

в бой, чтобы победить или погибнуть. И под это музыкальное сопровождение крушились стены великого города. Может быть, кто-то и плакал в толпе, но один из зрителей, сторонник спартанских порядков афинянин Ксенофонт, сообщает: «Стены были срыты при всеобщем ликовании под звуки исполняемого флейтистками марша. Этот день считали началом свободной жизни для эллинов».

Поражение рождает тиранию. Для составления конституции, которая должна была утвердить новый общественный порядок взамен демократии, были выбраны тридцать политических деятелей из числа олигархов. Но они не стали заниматься составлением нового свода законов, а принялись расправляться со своими политическими противниками. Первыми полетели головы тех, кто промышлял доносами, — сикофантов, которых, конечно, никому не было жалко. Затем они послали гонцов к Лисандру с просьбой разместить в Афинах спартанский гарнизон. И гарнизон занял место на акрополе. После этого, под прикрытием спартанцев, начались аресты и казни без разбора. Правление тридцати олигархов вошло в историю как владычество «тридцати тиранов». За восемь месяцев их правления было уничтожено не менее полутора тысяч человек. Каждому из тиранов разрешалось арестовать одного метека и захватить его имущество. Казни не избежали и умеренные олигархи, пытавшиеся положить предел произволу.

Один из бывших стратегов, Фрасибул, находившийся в Фивах, вторгся с группой сторонников в Аттику и укрепился близ Декелеи, а затем захватил Пирей. В результате в самих Афинах к власти пришли умеренные олигархи. При посредничестве Спарты между демократами и умеренными олигархами установился мир; была объявлена амнистия, не коснувшаяся, однако, тридцати тиранов.

Источники. Период между созданием Делосского союза, постепенно переросшего в Афинскую морскую державу, и началом Пелопоннесской войны, который принято называть «пятидесятилетием», был временем наивысшего могущества Афин, и он прекрасно освещен в исторических трудах древности, прежде всего в «Истории» Фукидида, в приписывавшемся Ксенофонту сочинении какого-то аристократа, получившего название «Псевдоксенофонтова полития», в первой части «Афинской политии» Аристотеля и в плутарховой биографии Перикла.

Литературные источники дополняются прекрасным эпиграфическим материалом, из которого особенно важны многочисленные финансовые отчеты, списки должностных лиц, получающих плату за исполнение должностей, и ряд текстов, раскрывающих агрессивную сущность Афинской морской державы (архе): надпись, зафиксировавшая запрет членам Афинского морского союза пользоваться собственной монетой, которую надлежало сдавать на переливку; список афинян одной из городских фил, павших в сражениях 459—458 гг., которые вели афиняне против союзников, пытавшихся выйти из «добровольного» союза, и особенно — клятва халкидян, выбитая на стеле, поставленной в 445 г. на город-

ской агоре Халкиды по приказу афинян после кровавого подавления восстания на Эвбее.

Нумизматический материал подтверждает практику обращения в городах союза только афинских денег.

Источники, освещающие Пелопоннесскую войну, — это прежде всего труд Фукидида, специально ей посвященный и доводящий события до 411 г., и задуманная как его продолжение «Греческая история» Ксенофонта, начинающаяся с того места, где оборвался рассказ Фукидида, первая часть «Афинской политии» Аристотеля, соответствующие разделы «Исторической библиотеки» Диодора и Плутарховы биографии Перикла, Алкивиада, Никия и Лисандра. Более краткое изложение отдельных фактов, связанных с Пелопоннесской войной, содержится в биографиях Алкивиада, Фрасибула, Конона, написанных Корнелием Непотом.

Впервые для этого периода к спокойному повествованию историков добавляется эмоциональная струя обличительных комедий Аристофана, где особенно достается Клеону, и речей ораторов Андокида и особенно Лисия, в которых раскрываются беззакония, сопровождавшие установление тирании, а также обрисована обстановка, сложившаяся в период войны.

Совсем недавно в Афинах археологами обнаружен длинный ряд захоронений на месте, где Перикл произносил свою знаменитую речь над телами павших в первом сражении Пелопоннесской войны и возле которого впоследствии выросла и его могила.

Глава 15
ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПОЛИСОВ В V В. ДО Н. Э.*

Наивысший расцвет греческой культуры, распространившийся на все сферы знания и искусства, приходится на V век. За предшествующие столетия развития полиса, в том числе и в процессе колонизации, была значительно смягчена социальная напряженность в гражданском коллективе, созданы предпосылки для экономического процветания. Политические изменения, связанные с победой демократических порядков, расширили возможности духовного обогащения полисного коллектива. Театр, архитектура, скульптура, монументальная живопись развиваются в расчете на восприятие всего общества, а не только его аристократической верхушки. Важным стимулом для подъема духовных сил народа и культурного творчества была победа над персидской монархией.

Творения ума и рук в этот период обретают классическое совершенство. Это искусство не просто победителей, но людей, ощущавших, что их победа выражает разлитую в космосе божественную гармонию, которую они постигли и которая навек останется их достоянием. Эта уверенность в единстве мира и своем единении с ним пронизывает каждую колонну, рельеф, статую, а также их сочетание в храме, вписывающемся в окружающую природу и

*Глава написана совместно с Л.С.Ильинской.

как бы составляющем ее продолжение. Так же и человеческая мысль, выбираясь из лабиринта мифологических представлений, не превращается в сухую абстракцию. Она исходит из идеи целостности мира и неизменности господствующих в нем гармонии и красоты.

Ведущая роль в развитии культуры в это время перешла к Афинам. Если в борьбе за гегемонию в Греции у афинян всегда были соперники, то в том, что приносит вечную славу, — в искусстве и литературе — им не было равных. Через полтысячелетия после Перикла это констатировал второстепенный римский историк: «Один город Аттики на протяжении многих лет прославился большим числом мастеров слова и творениями, чем вся Греция, так что можно подумать, будто части туловища греческого народа так или иначе распределены между греческими городами, а дух заключен за стенами одних Афин».

Театр. Древо греческого театра уходило своими глубинными корнями в культ плодородия, в игры в честь Диониса, имевшие целью стимулировать производительные силы природы. Отходящие от единого ствола две ветви театрального действа — трагедия и комедия — выражали, соответственно, скорбь о неизбежной гибели умирающего бога и ликование по поводу его воскресения. Сами названия — трагедия и комедия — связаны с праздником Диониса. Трагедия — дословно: «песнь козлов» (по ряженым, одетым в козлиные шкуры); комедия — по «комосу», шумному шествию участников праздника, уже отдавших должное дарам Диониса. Подобные обряды и празднества существовали у всех народов, но только в Афинах, на грани VI и V вв. они, будучи переосмыслены, превращаются в подлинное искусство, отражающее проблемы полисной жизни, философии и морали.

Актеры классического греческого театра (только мужчины, игравшие и женские роли) появлялись перед зрителями в *масках*, что соответствовало духу дионисийского празднества как процессии ряженых. Маска символизировала характер героя, а их смена — изменение настроения. Маска приближала актера к зрителям самых дальних рядов, равно как и обувь с высокой подошвой — *котурны*.

Театральное действие потребовало определенных условностей в декорациях и их размещении. Например, появление актера из левой двери означало прибытие из города, из правой — с чужбины. Центральная дверь предназначалась только для богов. В некоторых случаях, предусмотренных пьесой, боги спускались на *орхестру* — место хора и актеров — сверху с помощью особого приспособления («бог из машины»). Присутствие хора, с которым актер порой обменивался репликами, влияло на весь ритм спектакля и технику речи — *речитатив*.

Состязательность, пронизывающая всю полисную жизнь, сказалась и на организации театральных зрелищ. Правом предлагать свои произведения в дар Дионису обладал каждый гражданин и даже метек. Но авторитетная комиссия из числа архонтов отбирала лишь трех авторов трагедий и, соответственно, комедий. Вслед за тем в течение десяти месяцев шла подготовка выбранных пьес к показу. Средства на постановку давали удостоившиеся этой чести богатые граждане, называвшиеся устроителями театральных состязаний (хорегами). Вплоть до представления они содержали хоры и оплачивали их наставников.

Сцена из трагедии

Актер с театральной маской в руке

И вот наступал день препровождения в театр главного зрителя и судьи — самого Диониса. С утра его статую, соблюдая все предосторожности, предусмотренные церемонией, выносили из храма и несли в сопровождении вооруженных юношей-эфебов на агору, где возле алтаря олимпийским богам разворачивалось грандиозное жертвоприношение в его честь, а вечером, уже в темноте, освещаемые множеством факелов, эфебы, приплясывая под звуки флейт, доставляли бога в театр, на выделенное ему почетное место.

В течение двух последующих дней десять хоров от десяти фил состязались вокруг алтаря Диониса, прославляя великого бога *дифирамбами* (так назывались посвященные ему гимны). К вечеру последнего из этих дней становились известны победители, и это давало повод к началу пиров, в которых участвовали все граждане Афин.

Наконец, на четвертый день Великих Дионисий открывались театральные представления. В театр собирались с подушками и провизией еще затемно, чтобы занять места поудобнее. Садиться можно было где угодно, кроме первых почетных рядов, предназначенных для должностных лиц, жрецов, победителей олимпийских игр и, конечно же, кресла жреца Диониса.

До начала торжества в театре было шумно: нечасто представлялась возможность встретить старых знакомых, поделиться семей-

ными и полисными новостями. Но вот с первыми лучами солнца все стихало. Начинались официальные церемонии, совсем не случайно приуроченные к празднику Диониса: ведь в театре присутствовали все граждане — наиболее бедным из них со времени Перикла выдавались специальные «театральные деньги» (теорикон), обеспечивавшие прожиточный минимум в дни, посвященные зрелищу.

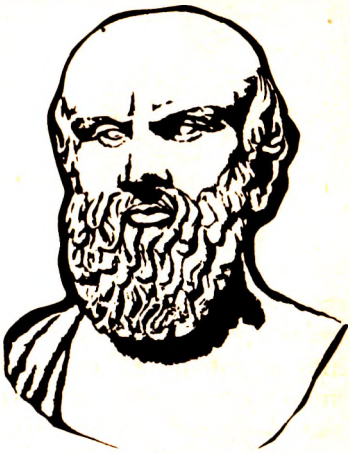
Перед афинянами проходили рабы, пронося дары союзников, да и богатства собственного города выставлялись на всеобщее обозрение в орхестре. Затем полис демонстрировал благодарность тем, кто совершил подвиг или оказал услугу городу. Вспоминали погибших в сражениях за отечество, и их сыновья, если они в этот год достигли совершеннолетия, поименно выкликаемые глашатаем, получали от города положенное гоплиту вооружение. Затем глашатай вызывал тех, кому за заслуги присуждался золотой венок.

Во время короткого перерыва вновь поднимался нестройный гул — темпераментные зрители не могли не вернуться к воспоминаниям о павших друзьях, не обменяться мнениями о справедливости или несправедливости наград, присужденных во время предыдущих Дионисий. В шум голосов врывался поросячий визг — предвестник еще одной священной церемонии. Принеся на глазах зрителей в жертву нескольких поросят, жрец Диониса кропил публику их кровью, а служители разносили кусочки священного мяса по всему огромному театру, чтобы каждый в многотысячной толпе собравшихся мог, проглотив свою долю, приобщиться к божеству.

Трагедия. На протяжении трех четвертей века чаще всего ставились произведения Эсхила, Софокла и Еврипида, время жизни которых любившие сопоставления греки связывали с одним из сражений века, говоря, что Эсхил был участником Саламинского сражения, шестнадцатилетний Софокл пел в хоре мальчиков, прославлявших великую победу, а Еврипид будто бы в этот день появился на свет. В тревожные строки их трагедий легли, найдя у каждого из этих поэтов свое неповторимое выражение, переживания эпохи, полной героизма и отчаяния, философских раздумий о добре и зле, человеке и божестве.

Эсхил (525—446), переживший войну с персами, участник ее главных сражений, всем своим творчеством стремился решить философскую проблему человека и места в космосе, установленного ему богами. Трактовка отношений человека и божества (или божественного порядка) у Эсхила уже не совпадает с примитивным, традиционным для времени господства аристократии мировоззрением. Царь Ксеркс, приказавший высечь плетьми непокорное ему

море, трактуется в трагедии Эсхила ***«Персы»*** не просто как безумец, осмелившийся оскорбить Посейдона, но как преступник, посягнувший на естественное, установленное природой и освященное божеством распределение моря и суши. Далека от архаического представления о возмездии божества мифическая история преступлений царей Аргоса, раскрытая Эсхилом в самом зрелом из его произведений – ***«Орестейе»***. Зрители этой трилогии могли ощутить, от какой пучины бедствий избавлен их полис, живущий по справедливым, угодным богам законам.



Эсхил

В трагедии Эсхила ***«Прикованный Прометей»*** переосмыслен мифологический сюжет о титане, благодетеле человечества. Кража им огня и передача его людям рассматривается как проблема соотношения между насильственным действием, имеющим для людей благотворные последствия, и связанным с ним нарушением установленного богами порядка. Ввиду того, что сохранилась лишь одна часть трилогии, мы можем только догадываться, как решает драматург этот конфликт. В дошедшей до нас части трилогии Прометей рисуется как непримиримый борец за справедливость, а отец богов Зевс приобретает облик тирана, подобного тем, от власти которых освободились Афины. В заключительной части трилогии великие противники примирились. Власть Зевса становится менее деспотичной, и Прометей соглашается раскрыть ведомую ему одному тайну вечного сохранения Зевсом власти...

Софокл (ок. 498—406), младший современник Эсхила, жил в эпоху Перикла — время высочайшего расцвета Афин и, одновременно, начавшегося кризиса полиса. Единения граждан перед лицом общей угрозы уже не существовало. Человека теперь страшили не стихия внешнего хаоса, а несправедливость власть имущих, сам полис, становящийся орудием этой несправедливости.

С особой остротой встает волновавшая умы еще с гомеровских времен проблема судьбы и личности. Столкновение человека с судьбой с потрясающей силой рисует Софокл в наиболее знаменитой его трагедии ***«Царь Эдип»***.

В Фивах царствует Эдип, удостоенный трона за освобождение города от сфинкса, преграждавшего в него путь. И вдруг на город

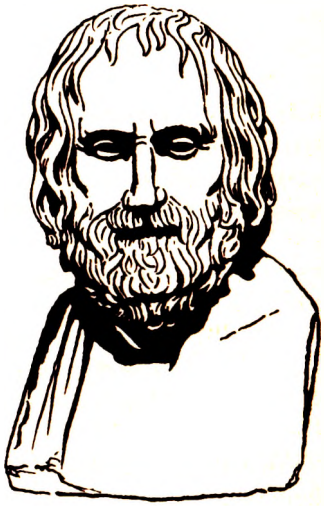
Софокл

обрушивается невиданный мор. Эдип пытается выяснить причины гнева богов. Постепенно царю становится известно то, что зритель знал еще до начала развернувшегося на орхестре действия. Правившему до него в Фивах царю Лайю было предсказано, что родившийся у него сын убьет его и женится на собственной матери. Решив избежать рока, несчастный отец приказывает рабу отнести новорожденного в горы и бросить на растерзание диким зверям, но тот, нарушив приказ, передает младенца пастуху коринфского царя. Ребенок становится приемным сыном и наследником коринфских владык. А дальше... дальше Эдип уже помнил сам, как, названный кем-то найденышем и не добившись прямого ответа от родителей, он направился в Дельфы, где узнал от оракула, что ему предначертано роком убить отца и жениться на собственной матери. Чтобы избежать преступлений, Эдип решил никогда не возвращаться в город, который считал родным. И вот сейчас, когда после долгих лет счастливого царствования в Фивах он узнал правду о своем происхождении, перед ним раскрылась истина: случайно убитый им по дороге в Фивы путник был царем Фив и его родным отцом, а царица, отданная благодарными фиванцами ему в жены, — матерью. Так Эдип узнает, что не кто иной, как он сам виновен в бедствиях города. Наступает прозрение. Но это прозрение — самое страшное потрясение, какое может пережить человек. И Эдип ослепляет себя, осознав всю глубину невольного преступления.

Да, неотвратимый рок победил, но вступивший с ним в борьбу человек морально оказался сильнее предначертанной богами судьбы. И в этой духовной силе человека — один из секретов бессмертия, обретенного трагедией Софокла.

Не менее вечная проблема — человек и государство — раскрывается в его трагедии ***«Антигона»***. В Фивах, после того как их покинул Эдип, правят его сыновья. Но, не поделив между собою власть, братья вступают в конфликт. Один из них, Полиник, бежав из города, приводит для борьбы против него семерых героев, в прошлом фиванских граждан. И, как это случается в гражданских войнах, братья оказываются врагами. Полиник нападает на город, Этеокл его

защищает. И оба гибнут в единоборстве. Царем становится их дядя Креонт. С высоты своей государственной «мудрости», не понимая всей глубины трагедии братоубийственной войны, Креонт решает отметить пышными похоронами патриотический подвиг защитника Фив Этеокла и покарать уже мертвого Полиника, и так уже наказанного судьбой. Креонт запрещает хоронить Полиника и приказывает в знак позора оставить его прах на растерзание хищным птицам, на съедение псам, чем обрекает на вечные скитания в Аиде душу лишенного погребения. Нарушение запрета грозит ослушнику смертью. Этот бесчеловечный приказ, разнесенный по всему городу глашатаями, слышит сестра погибших, юная Антигона, и бросается во дворец к сестре Исмене, призывая ее пойти вместе за городские стены, где лежит сжигаемое солнцем тело их несчастного брата, и предать его, по обычаю предков, земле. В разговоре с сестрой, смирившейся с несправедливостью, перед которой склонились и мужи, Антигона осознает, что она одна должна идти против царя и его стражи, сражаться с безразличием и трусостью толпы, с собственной слабостью, с самой судьбой, которая сразила отца и братьев. И она выполняет свой замысел одна, без чьей-либо помощи. Креонт, уверенный в том, что каждое распоряжение главы государства — закон, который нужно выполнять, не задаваясь мыслью о справедливости, приказывает казнить Антигону. За Антигону вступаются и мудрый прорицатель, и сын Креонта, доказывающие Креонту косность и несправедливость его суждений. Но царь неумолим. Антигона погибает. Гибнет и сын Креонта, жених Антигоны, убивающий себя сам. Кончает жизнь самоубийством также жена Креонта. Софокл утверждает моральную победу Антигоны над гордыней и деспотизмом. Он вкладывает в ее уста мысль, что кроме людских законов имеются неписаные законы богов, и если возникает противоречие между законом человеческим, часто неправедным, и божественным, надо следовать последнему.



Еврипид

Наибольшее влияние на все последующее развитие греческой драматургии оказал **Еврипид** (480—406). Театр Еврипида — высшая ступень искусства трагедии, в поле зрения которой оказалась назревающая трагедия самого полиса, возрастающая кризисная

ситуация в семье и государстве. Это потребовало усложнения самого построения пьес, более детальной разработки интриги, большей психологической тонкости. Древние критики характеризовали Еврипида как «философа на сцене». И в самом деле, он был пропагандистом лучших достижений рационалистической мысли своего времени и считал наивысшим счастьем знание, полученное в ходе исследования.

В отличие от Эсхила и Софокла Еврипид не идеализировал своих героев, а изображал их живыми людьми со всеми присущими им слабостями и пороками. Он первым представил на сцене любовь, причем отнюдь не всегда возвышенную. Наряду с жертвенной любовью к родине Ифигении (***«Ифигения в Авлиде»***), соглашающейся быть принесенной в жертву ради успеха троянского похода («...это тело — дар отчизне...»), Еврипид разворачивает перед зрителем трагедию оскорбленной (***«Медея»***) или даже любви преступной (***«Ипполит»***). Трагический конфликт — результат противоречий, заложенных в характерах.

Ифигения Еврипида — один из самых прекрасных в мировой литературе женских образов. Вызванная Агамемноном в Авлиду якобы для того, чтобы обручиться перед походом с Ахиллом, Ифигения по слову прорицателя должна быть принесена в жертву Артемиде: лишь тогда попутный ветер надует паруса кораблей, везущих к Трое жаждущих боя воинов. Узнав об обмане, девушка молит отца о пощаде:

Для смертного отрадно видеть солнце,
Подземный мир так страшен. О безумец,
Кто смерти жаждет! Лучше жить в невзгодах,
Чем в самой яркой славе умереть.

Агамемнон мог бы заставить Ифигению отцовской волей смириться перед предназначенной ей участью, но он находит слова не приказа, а убеждения. Не ради Менелая, а ради Эллады и ее чести нужна эта страшная для них обоих жертва:

О, мы с тобой ничто перед Элладой,
И если наша кровь, вся наша кровь, дитя,
Нужна ее свободе, чтобы варвар
В ней не царил и не бесчестил жен,
Атрид и дочь Атрида не откажут.

Убежденная словами отца, Ифигения отвергает помощь Ахилла, обещавшего защиту, и добровольно поднимается на жертвенный костер, еще не зная, что в последний момент Артемида выхватит ее

из-под жертвенного ножа и унесет в далекую Таврику, оставив на алтаре трепещущую лань.

Совершенно иной женский характер встает в трагедии «*Медея*». Полюбившая Ясона и спасшая его от гибели колхидская царевна Медея узнает, что тот, ради кого она оставила отечество, запятнав себя во имя любви преступлением, не оставившим пути назад, бросает ее, чтобы жениться на дочери коринфского царя. Она вместе с рожденными от Ясона детьми обречена на изгнание из Коринфа, на суровую участь чужеземки в городах, где закон защищает лишь собственных граждан. Страшна месть Медеи, решающей лишить Ясона детей. Чувство оскорбленной любви борется с нежностью матери:

На что дерзаю, вижу, только гнев
Сильней меня, и нет для рода смертных
Суровей и усердней палача.

Верх над материнскими чувствами берет сжигающая женщину ревность. И послав невесте неверного мужа смертоносный подарок, Медея убивает детей и уносится вместе с их телами на колеснице вызывающей ужас смертных Гекаты.

В трагедии «*Ипполит*» конфликт развивается как бы в двух измерениях: соперничество между Афродитой, считающей, что ей подвластно все в этом мире, и богиней-девой Артемидой, нашедшей верного почитателя в юном сыне Тесея Ипполите, и как отражение ведущегося между олимпийцами спора — внушенная Афродитой преступная страсть царской жены Федры к своему пасынку Ипполиту. Отвергнутая возмущенным юношей, Федра кончает с собой, обвинив его в предсмертной записке в покушении на ее честь. Поверив этому, Тесей проклинает сына, призывая на него гнев Посейдона. Посланное Посейдоном чудовище пугает коней Ипполита; сброшенный на землю, он погибает. Появившаяся слишком поздно Артемида, покровительница Ипполита, разъясняет отцу его роковую ошибку.

Сохраняя традиционные сюжеты греческих мифов, участниками которых были боги, Еврипид лишает их, слепцов и лицемеров, какого-либо совершенства. Такое отношение к богам создавало в произведениях Еврипида более трагическую картину мира, чем у Эсхила и даже Софокла. В них нет такого разрешения конфликта, которое несло бы в себе утешение или внушало надежду на конечную победу справедливости.

Эти и другие особенности трагедий Еврипида, связанные с его философским мировоззрением, не могли встретить сочувствия у

основной массы его современников. Но именно они стали причиной необычайной популярности его творений в последующие эпохи. И не случайно из девяноста двух трагедий Еврипида до нас дошло восемнадцать, тогда как и от Эсхила, и от Софокла — по семь, хотя каждый из них создал более чем по сотне пьес.

Злой гений афинской демократии. Ничто не создавало более яркой и близкой к действительности картины афинской демократии времени ее расцвета, чем комедии **Аристофана** (446—383), хотя это зеркало не просто сатирическое, но подчас и кривое. В нем нашла отражение ничем не ограниченная свобода слова, позволявшая каждому гражданину публично высказывать свое мнение по поводу того, что происходило на его глазах или совершалось в прошлом. И хотя комедии Аристофана ставились на сцене в разгар войны со Спартой, кажется, никого не смущало, что критика могла оказаться на руку врагу. Никто не пытался привлечь комедиографа к суду за явную клевету на лиц, которым народ вручил власть для управления государством и ведения военных действий. Такова была сила афинской демократии. Но если присмотреться внимательнее — также и один из ее коренных пороков, в немалой степени способствовавший грядущей гибели народовластия в Афинах.

Критика Аристофана затрагивала буквально все, смешивая с грязью не только политических деятелей, но и саму демократическую систему, выпячивая ее пороки и закрывая глаза на достоинства. Разумеется, все это было — и заседательская суета, и страсть к сутяжничеству, и взяточничество, и прожектерство, и несправедливое разделение богатства. Но что представляло альтернативу этому строю? Спартанская илотия, власть эфоров, распространявшаяся на все без изъятия стороны жизни граждан, единодушие тупиц?

Однако все, что выходило из-под пера Аристофана, блистало фантазией и талантом. Поселянин, в укор пользующимся выгодами от войны демагогам, самолично заключает со спартанцами «сепаратный» мир и пользуется его благами (***«Ахарняне»***); земледелец совершает на гигантском навозном жуке полет к олимпийским богам, чтобы вернуть на землю богиню мира (***«Мир»***); заключения мира добиваются и жены воюющих мужей, договорившись уклоняться, пока не будет положен конец войне, от исполнения супружеских обязанностей (***«Лисистрата»***); недовольные афинской жизнью персонажи отправляются строить птичий город Тучекукуевск, и по ходу сюжета высмеиваются не только люди, но и боги (***«Птицы»***); Сократ, ненавистник богов, молится новым богам — облакам, качаясь между небом и землей в гамаке (***«Облака»***).

Объектом злобных насмешек Аристофана стали не только вожди радикальной демократии Клеон и Гипербол, но и великие драматурги Эсхил и Еврипид. Он был первым, кто вынес обвинение Сократу, выставив его разрушителем семьи, безбожником, пустым болтуном и мздоимцем. И ему аплодировали, ибо он знал, что скамьи зрителей заполнены невежественными людьми, для которых любой мыслящий человек — бездельник и болтун. Он постоянно возбуждал дурные инстинкты толпы. Сократ и многие другие, кого он высмеивал, и впрямь были осуждены на смерть по ее приговору.

Аристофан был поистине злым гением афинской демократии.

Аристофан

Анаксагор против Гелиоса. Процветание родного города убеждало афинян в том, что Афины находятся под покровительством богов и его гражданам остается лишь соблюдать отеческие законы и приносить жертвы богам, ибо те или иные военные и прочие неудачи — результат отступления от этих законов и неверия в могущество богов. Именно с этих позиций оценивались взгляды чужеземца, выходца из Малой Азии **Анаксагора** (ок. 500—428), появившегося в Афинах вскоре после победы греков над персами. К удивлению афинян, гордившихся своей родиной, Анаксагор о своем родном городе ничего не рассказывал и на вопрос, откуда он родом, показывал на небо. Нет, он не хотел сказать, что свалился с неба на землю, а намекал, что устремлен всеми своими мыслями к небу, к его тайнам, а не принижен земными заботами.

И остался бы Анаксагор в глазах афинян безобидным чудаком, если бы во времена Перикла по городу не распространились слухи, что чужеземец кощунственно объявляет гром не грозным голосом владыки Олимпа Зевса, а звуком, возникающим при столкновении грозовых облаков. Некто, втесавшись в число учеников чужеземца, клятвенно уверял, будто Анаксагор назвал Гелиоса «глыбой, огненной насквозь, величиною поболее Пелопоннеса». Поначалу этот донос сочли клеветой. Но вскоре в театре под акрополем была поставлена трагедия Еврипида, того самого Еврипида, которого часто видели среди учеников Анаксагора. На этот раз слова Анаксагора о

Гелиосе услышали из уст актера десятки тысяч зрителей, и ничего не оставалось делать, как привлечь чужеземца к суду.

Отвечая на обвинение в безбожии, Анаксагор уверял, что далек от того, чтобы мыслить мир грудой бездушных камней, а, напротив, убежден, что Землей, Солнцем, Луной и всеми небесными светилами управляет Разум и что этот Разум и дал толчок кругообразному движению всей постоянно расширяющейся вселенной. На прямой же вопрос, назвал ли он Гелиоса «огненной глыбой», обвиняемый ответил: «Да».

И быть бы ему приговоренным к смерти, не явись на суд Перикл, красноречивейший из смертных. Перикл не стал витийствовать о природе богов и первоначальном толчке, а поведал, как ему дорог Анаксагор, обучавший его в юности и как будто бы не нанесший этим Афинам никакого ущерба. После этого первый стратег объяснил, какая дурная слава падет на город, если афиняне начнут расправляться с людьми, думающими иначе, чем они. И смягчились сердца судей. За оскорбление Гелиоса они назначили штраф в пять талантов (их внесли в казну ученики Анаксагора) и изгнание.

На следующий день кто-то из друзей, провожая Анаксагора, садящегося на корабль, сказал сокрушенно: «Как же ты будешь жить, лишившись общения с афинянами?» «Это они лишились общения со мной», — ответил философ, поднимаясь по сходням.

Корабль, принявший на борт изгнанника, был из маленького, ничем не примечательного городка Лампсака. Но слава о мудрости Анаксагора пришла и сюда — ранее его самого, и философ сразу же был окружен вниманием лампсакийцев. У него появились новые ученики. Когда Анаксагор занемог, правители города пришли к его ложу и спросили, есть ли у него какое-либо желание. «Пусть, — сказал умирающий, — в месяц и день моей смерти учащиеся будут освобождены от занятий».

Человечество высоко оценило Анаксагора, связав с его именем начало античной науки. Нет ни одного сколько-нибудь значительного древнего мыслителя и писателя, который бы не отдал должное его мудрости. Даже историк христианской церкви Евсевий, ведший летосчисление от патриарха Авраама, счел нужным отметить, что в 1517 г. от Авраама, на первом году 70-й Олимпиады, достиг славы «физик Анаксагор», а в 1557 г. от Авраама, на первом году 80-й Олимпиады, «умер Анаксагор». В конце XVII в. французский мыслитель Пьер Бейль вступил в своем «Словаре» в полемику с Анаксагором так, словно бы с ним, сходящим с корабля, встретился где-нибудь в Тулузе или Марселе. Гете сделал Анаксагора героем «Фауста». Русский поэт Константин Бальмонт начал свою книгу «Будем, как солнце» цитатой из Анаксагора.

Мудрость за драхмы. В 427 г., год спустя после того, как скончался Анаксагор, в Афины перебрался и создал там свою школу выходец из Леонтин, города греческой Сицилии, Горгий (ок. 480—380). На его родине в течение уже нескольких десятилетий можно было наряду с добрым конем, золотым ожерельем и пестротканным ковром приобрести за сходную цену и мудрость. Ею с выгодой для себя торговали переходившие из города в город в поисках нуждающихся в этом не совсем обычном товаре учителя, называвшие себя *софистами*. Термин этот они возводили к понятию «мудрец» (по-гречески «со́фос»), безразличные же к их товару люди или те, кто полагал, что мудростью вовсе нельзя торговать, считали слово «софист» производным от «со́фисма» — уловка, ухищрение. Во всяком случае, в древности софистов не путали с философами, хотя оба понятия объединялись словом «софос».

Софисты брались за драхмы научить всем премудростям своего искусства, на практике заключавшегося для обывателя в умении строить доказательства на основе вероятностей и правдоподобия и выигрывать в суде самые безнадежные процессы, делая, как говорили учителя, «силою слова малое большим, большое малым, новое древним, древнее новым» или, как упрекали их противники, черное белым, а белое черным.

Одновременно они готовы были объявить себя и наставниками молодежи. Это особенно возмущало граждан эллинских полисов — ведь в отличие от школы грамоты, начальной школы, доступной любому ремесленнику, тонкости литературного и философского образования были достоянием людей состоятельных и презиравших всякий труд — не только ремесленный, но и творческий. Недаром позднее греческий писатель Плутарх рассуждал как о само собой разумеющемся: какой юноша не восхищается творениями Фидия, но кто бы из порядочной семьи захотел сам стать Фидием! И вдруг в сферу ремесленного, оплачиваемого труда попадает то, что всегда было привилегией высшего слоя общества! Занятия философией и плата за обучение казались несовместимыми.

Несмотря на возмущение старшего поколения, видевшего в софистах «ловцов богатых юнцов», любознательная молодежь Афин восторженно встретила новых учителей мудрости и даже готова была сопровождать их в странствиях, присутствуя как на дискуссиях о высоких материях, так и на судебных процессах по ничтожным житейским поводам, и нередко выносила победителей на руках.

Все подвергая сомнению, во всем вскрывая невидимые поверхностному взгляду противоречия, софисты, к неудовольствию ветеранов греко-персидских войн, разрушали вместе с бездумным отношением к миру, обществу и государству также и чувство патрио-

тизма, на котором, как на скале, зиждилась созданная трудами предшествующих поколений афинская морская держава. И не взойти бы зернам сомнений на камне, если бы в нем не появились первые трещины, вызванные военными неудачами в схватке со Спартой за гегемонию в греческом мире.

Вопросы задает Сократ. Задавать вопросы со времени появления софистов стало в Афинах делом привычным. А вот отвечать на них софисты не пытались, а учили, как уходить от ответов. Поэтому вопросы, задаваемые софистами, были вскоре афинянами забыты. Вопросы же, которые задавал **Сократ** (ок. 470—399), помнят и до сих пор.

В один из дней (впоследствии никто не мог сказать, в какой именно, но наверняка в начале Пелопоннесской войны) то с одним, то с другим афинянином стал заговаривать уже немолодой человек с крутым лбом и вздернутым, как у сатира, носом. Одни знали его как доблестного воина, другие — как супруга сварливой Ксантиппы, третьи — как ваятеля, продолжившего дело своего отца, хотя, может быть, и не столь успешно, как этого хотелось каменотесу Софрониску.

Вступая с гражданами в беседу, Сократ не навязывал им своих мыслей, а только задавал вопросы, на первый взгляд, безобидные, но все же заставлявшие задумываться и сомневаться, размышлять над своим поведением, докапываться до скрытого, глубинного смысла и отказываться от всего, что ранее казалось очевидным и не требующим размышления и оценки. Вопросы, которые задавал Сократ, были просты, и ответить на них не стоило труда, но за первым вопросом следовали другой, третий. Они, как льняные нитки, сплетались в сеть, так что вопрошаемому, порой обескураженному и терявшему дар речи, казалось, что Сократ вытаскивает его, как рыбу из воды.

Горшечники, башмачники, колбасники, каменщики были людьми опытными в своем деле и могли бы ответить на многие связанные с их ремеслом вопросы. Но те, что задавал Сократ, были им непривычны. И некоторые огрызались: «Что ты все спрашиваешь и спрашиваешь? Почему бы тебе не ответить самому?» На это Сократ отзывался с обезоруживающей искренностью, что он и сам толком ничего не знает и хочет лишь помочь собеседнику в рождении истины — подобно тому, как повивальная бабка, какой была его мать, помогает появлению на свет нового человека. Другие сразу же уходили, отмахиваясь от Сократа, как от надоедливого овода. Третьи, как, например, выходец из благополучной зажиточной семьи Платон, остановленный Сократом на одной из улочек, шли за ним, слов-

но завороженные. Аристофан, редко бывавший в Афинах (городской суете он предпочитал деревенскую тишь), выслушивал Сократа до конца и отвечал на его вопросы, как мог, а через год показал народу комедию «Облака», в которой вывел докучливого собеседника болтающимся между небом и землею в гамаке и смущающим народ своими заумными вопросами и вредными сомнениями. Гамак был символом оторванности от жизни, беспочвенности новой философии. Но кто-кто, а Сократ твердо стоял на родной земле Афин, ощущая каждую ее неровность босыми ступнями, чувствуя подземный гул катастрофы в то время, когда остальным будущее виделось в радужном свете. Более двадцати лет Сократ жалил афинян своими вопросами, как овод разжиревшего коня, пока не случилось то, о чем он их многократно предупреждал. Афины потерпели поражение от Спарты, демократия была сокрушена. Восторжествовала тирания. А когда все же тиранов удалось изгнать и восстановить демократию (403 г.), сразу же был устроен суд над Сократом. Его признали виновником всех бед и приговорили к казни.

Сократ

Такова поучительная на все времена история человека, задававшего вопросы и не ответившего ни на один из них, во всяком случае, письменно. Сократ не написал ни одного труда (полагая, что мысль должна быть всегда в движении и мертвящая запись лишает ее живой силы). Но с него началась философия, пытавшаяся осмыслить все то, над чем задумывался Сократ, не устававший повторять древние изречения: «Познай самого себя» и «Я знаю, что я ничего не знаю».

Задумаемся над этим и мы, насыщающие свою память множеством имен политических и военных деятелей или старающиеся им подражать. А между тем подлинными творцами культуры становятся подчас не политические руководители, создатели партий, завоеватели континентов, а босые мудрецы, умевшие задавать вопросы и кончавшие жизнь от чаши с цикутой или на кресте.

У подлинных гениев всегда есть ученики, считающие себя наследниками учителя. Но судить об учителе по его ученикам дело почти безнадежное. Сократ одного из его учеников, Ксенофонта, и Сократ другого его ученика, Платона, — совершенно разные люди. И мы никогда не узнаем, каким был подлинный Сократ.

Атомы Демокрита. В те годы, когда в Афинах еще жил Анаксагор, и позднее, когда там задавал свои вопросы Сократ, в городе можно было встретить молодого философа **Демокрита**. Демокрит (ок. 470—365) не стеснялся того, что его родина — Абдеры, хотя другой на его месте умолчал бы об этом — ведь по всей Греции считали, что Абдера — город глупцов, и одно слово «абдерит» могло вызвать насмешливую улыбку. Но, видимо, к Демокриту перешел весь ум абдеритов, так же как к Афинам — таланты всех городов Греции.

В поисках мудрости Демокрит еще до того, как попасть в Афины, обошел едва ли не весь мир, посетив Египет, Вавилонию, Иран, Аравию, Индию и Эфиопию. Знаниями своими Демокрит не кичился и жил в Афинах, никому не известный. Возвратившись на родину нищим (все состояние его было растрачено в странствиях), он был принят своими братьями и не остался у них в долгу. На основании наблюдений за звездами он им точно предсказывал непогоду (чему научился в Вавилоне) и спасал их урожай. Умер Демокрит в возрасте ста четырех лет.

Всю свою жизнь Демокрит отдал науке и ничего не ценил, кроме нее, полагая, что одно, даже самое незначительное, научное открытие выше богатств и славы персидских царей. Над всеми, кто занимался накопительством, кто искал известности и славы в отечестве, кто стремился к супружеской жизни, ожидая домашнего счастья, кто радовался рождению детей, видя в них свое будущее, Демокрит смеялся, и его называли «смеющимся философом».

Результатом путешествий, мучительных поисков, разочарований и раздумий философа стал его труд «Мирострой», состоявший из двух частей — «Большого» и «Малого мироустроя». В первом из них изложены взгляды Демокрита на строение мира и материи. Он полагал, что все сущее состоит из «*атомов*» — неделимых форм материи (первотелец) и беспредельной пустоты, в которой атомы беспорядочно мечутся, образуя различные тела, и вновь распадаются от внутренних ли сил или от столкновений. Гибнут и сталкиваются миры. При этой катастрофе, испытывая невиданное давление, атомы меняют форму, сплющиваются и, проникая на землю, порождают страшные эпидемии. Звезды, земля, вода — все живое, включая человека и даже его душу, — это соединения различных атомов, отличающихся формой, размерами, порядком сцепления. В отличие от Анаксагора, исходившего в своих рассуждениях из первоначального толчка, данного Разумом, Демокрит считал движение естественным свойством материи. В учении абдерита не осталось места для сверхъестественных сил, для вмешательства богов.

В «Малом мирострое» Демокрит рассмотрел происхождение и историю живой материи и человечества. Жизнь, по его мнению, возник-

ла путем самозарождения. А в результате приспособления к условиям обитания и выживания наиболее сильных и приспособленных к жизни особей появился человек. Но и он не является конечной формой процесса творения, сохраняя возможности биологического совершенствования. Впервые у Демокрита в отчетливой форме возникает мысль, что в начальные эпохи существования человечества движущей силой истории была нужда. Вопреки легенде о «золотом веке», Демокрит выдвигал мысль о развитии общества по восходящей линии.

Считая человечество частью животного мира, Демокрит связывал развитие цивилизации с подражанием природе в целом и отдельным животным. «От животных, — писал он, — мы научились важнейшим делам: мы ученики паука в ткацком и портняжном ремеслах, ученики ласточки в построении жилищ и ученики певчих птиц в пении». Таким образом, к Демокриту восходит теория об искусстве как подражании природе. В то же время он признавал наличие некоего божественного наития как рода безумия, выводящего мысль за обычные грани познания.

Учение Демокрита об атомах восприняли и продолжили такие выдающиеся мыслители древности, как Эпикур и Лукреций.

Врачевание. Ранее других отделилось от могучего древа философии врачевание. Уже в VI в. до н. э. в Кротоне, давшем убежище Пифагору, существовала медицинская школа Демокеда. Услугами этого врача пользовались не только Гиппий и Поликрат, но и царь царей Дарий. В начале V в. ученик Демокеда кротонец Алкмеон, исходя из физического подобия людей и животных, использовал при лечении первых сведения, добытые при изучении внутренних органов вторых. Так медицина начала оттеснять на задний план магию, создавать методику лечения болезней, основанную на наблюдении и опыте.

Основателем научной медицины считается **Гиппократ** с острова Коса (460—370). Он принадлежал к знатному роду Асклепиадов, родоначальником которого считался бог медицины Асклепий, и обучался у отца, который также был врачем. Для современников Гиппократ был врачем-целителем, для потомства — он врач-писатель и «отец медицины». Младший современник Гиппократа Платон ставил его наравне с такими прославленными скульпторами, как Поликлет и Фидий, и говорил о нем как мыслителе и исследователе природы. В дошедших до нас сочинениях Гиппократа и его учеников (*«Корпус Гиппократа»*) изложены правила наблюдения за течением болезни, предшествующие диагнозу и назначению лечения. Была разработана действующая и поныне этика поведения врача (*«клятва Гиппократа»*). В специальном трактате «О враче»

Гиппократ подробно разбирает не только профессиональные и чисто человеческие качества, какими должен обладать врач, но и останавливается на устройстве врачебного кабинета, наиболее распространенных приемах и инструментах, необходимых врачу. Отдельный раздел посвящен вопросам военной хирургии.

Огромной заслугой школы Гиппократа было убеждение в необходимости учитывать при лечении не отдельные болезни, а общее состояние больного, а также установление зависимости состояния здоровья, физического облика человека и даже государственного устройства от окружающей среды. Первое, с чем должен ознакомиться врач, прибывающий в город, в котором собирается обосноваться, — это, по словам Гиппократа, местоположение и климат, качество воды, дующие в данной местности ветры. Градостроители более позднего, эллинистического времени использовали это открытие, учитывая при планировке улиц направление ветров. Выявляя естественные причины болезней, Гиппократ не делает исключения и для эпилепсии, считавшейся «священной болезнью», утверждая, что и это заболевание не может считаться «безнадежным и недоступным исследованию».

Исторические труды. Успехи естественных наук, и прежде всего медицины, не могли не сказаться на отношении к человеку, а следовательно, и к человеческому обществу в целом. Само слово «история» — греческое, восходящее к глаголу, употреблявшемуся сначала в значении «спрашивать», «допытываться», но у философов вошедшее в употребление для обозначения исследования природы. Первые греческие авторы, которых впоследствии стали называть историками, распространили «исследование» («историю») и на область человеческого бытия в самом широком смысле этого слова. Они описывали расселения народов; их обычаи, удивительные сооружения; наряду с историей в современном смысле слова исторические исследования ранних историков охватывали также географию и этнографию, что в полной мере соответствовало смыслу, вкладываемому в термин «история».

Материалом для первых исторических трудов служили устные предания и письменные документы. В этом смысле истории на Востоке не было. Она была детищем греческих демократических государств, созданием торгово-ремесленного населения, пытливые интересы которого были обращены к собственному прошлому и странам, ставшим объектом колонизации.

Не случайно первый историк появился в крупнейшем научном центре Греции Милете и был последователем ионийских философов. Анаксимандр сконструировал первый глобус и создал первую гео-

графическую карту; два поколения спустя **Гекатей** (ок. 540—480) усовершенствовал эту карту и снабдил ее научным комментарием в своем «Объезде земли», дополнил ее конкретными сведениями о природе и людях, а также теоретически осмыслил их жизни в духе передовой философии своего времени. Другое, более позднее свое сочинение, ***«Генеалогию»***, Гекатей открывает словами: «Это я пишу, что считаю истинным, ибо рассказы эллинов, как мне кажется, необозримы и смешны». Здесь в пока еще не преображенную наукой мифологию впервые вступает личность исследователя, для которого главный критерий — истина. Гекатей подвергает греческие мифы рационалистическому осмыслению, пытаясь извлечь из них реальные факты, хотя и искаженные вымыслом. Картина мира у Гекатея противостоит той, которая рисуется в «Одиссее». Блужданиям мифического героя по морям, полным мифических чудовищ, или по странам, населенным неведомыми народами, противостоит хорошо продуманный маршрут обхода земли, ставший со времени Гекатея классическим: от Столпов Геракла по средиземноморскому побережью Испании, Галлии, тирренскому и адриатическому побережьям Италии, побережью Греции и Фракии с заходом в Понт Эвксинский и последующим объездом Средиземного моря в обратном направлении.

Историю Эллады Гекатей начинает с Девкалионова потопа, считая спасенного богами Девкалиона дедом Эллина (родоначальника эллинов), а местом первоначального поселения потомков Девкалиона — Фессалию. Что касается других частей полуострова, считает ученый, то они были первоначально заселены не эллинами, а другими народами, прежде всего пеласгами. Утверждение афинян в Аттике Гекатей объясняет их стремлением завладеть прежде негодной, но прекрасно обработанной пеласгами землей.

Несмотря на то, что первым историком античного мира был Гекатей, сами эллины отдали предпочтение его младшему современнику **Геродоту** (ок. 490—ок. 430), также выходцу из Малой Азии. И это привело к утрате трудов Гекатея и других предшествующих Геродоту историков. Уступая произведениям Гекатея в научности, труд Геродота превзошел их широтой взгляда и художественной формой. Именно эта форма дала основание Цицерону, считавшему историю «младшей ветвью ораторского искусства», назвать Геродота «отцом истории». Геродот не просто излагает события греко-персидской войны, но пытается осмыслить психологию действующих лиц. «***История***» Геродота — это вереница эпизодов, порою далеко уходящих от главного стержня повествования. Такова, например, новелла о лидийском царе Крезе и его встрече с афинским мудрецом Солоном. Из их дискуссии вырисовывается разли-

чие между философским и житейским подходом к пониманию счастья. И пусть этот эпизод к греко-персидским войнам отношения не имеет, пусть была невозможна и встреча Креза с Солоном (они жили в разное время), пусть Крез погиб от руки персидского царя Кира, а не был спасен мудростью афинянина, — все же рассказ о судьбе Креза, изложенный в духе драматургии Софокла, подготавливал слушателя (впоследствии — читателя) к пониманию причины победы Эллады над персами.

Геродот в своем труде, который впоследствии был разделен на девять книг, получивших имена муз, нередко вступает в спор с Гекатеем, иногда иронизируя над ним в связи с теми или иными его утверждениями. Но подобного рода полемика не должна восприниматься как выражение принципиального несогласия и отход на иные позиции. Это широко распространенный литературный прием. Автор входит в уже завоеванную область, но, не желая выглядеть подражателем, становится со своим предшественником рядом и делает все, чтобы его с ним не путали. Геродот не романист, как его нередко называли в новое время. Он такой же исследователь, т.е. историк, как и Гекатей, и опирается он на такой же этнографический материал, частично известный ему из трудов Гекатея, частично добытый в ходе собственных путешествий. Изучая обычаи и верования других народов, Геродот делает это не из любопытства, а из желания понять сходные обычаи эллинов, поэтому его называли впоследствии филоварваром. Скорее всего под влиянием аттической трагедии он придает большее, чем Гекатей, значение богам и судьбе, что не мешает ему, однако, при изложении событий исходить из понимания их как естественного явления, определяемого обстоятельствами и волей людей. Проявляя огромный интерес к мифам, не только греческим, но и других народов, Геродот не склонен им верить, предоставляя своим читателям самим решать, достойны они доверия или нет. Не прибегая к грубой рационализации мифов, которой грешил Гекатей, Геродот сохраняет их в первозданном виде как исторический источник и одновременно с их помощью придает своему труду колорит старины.

Цель истории для Геродота — это поэтическое и философское переосмысление фактов, а не их точное изложение и научный анализ. Прибегая к рационалистическому толкованию мифов, Геродот делает это гораздо реже, чем Гекатей. Он любуется мифами, и не только греческими, но и варварскими — скифскими, лидийскими, этрусскими. Труд Геродота — это подлинная сокровищница духовного богатства народов ойкумены.

Афинский историк **Фукидид** (ок. 460—ок. 400) задался целью написать историю Пелопоннесской войны, современником и участни-

ком которой он был. Фукидид моложе Геродота на целое поколение. Его понимание мира — на уровне Еврипида, а не Эсхила, и обращен мыслью он к людям, а не богам. Геродот приводит свидетельства современников, надписи, изречения оракулов. Но для него это не источник для установления истины, а иллюстрация, позволяющая дополнить увлекательные сведения еще одним фактом, возможность нарушить монотонность изложения. Фукидид же трудится как настоящий ученый — пользуясь источниками и подвергая их анализу. Он не просто последовательно и всесторонне излагает факты политической и военной истории, связанные с военным конфликтом между Афинской державой и Пелопоннесским союзом, но стремится выяснить причины явлений и мотивы поведения отдельных исторических лиц. Персонажи Фукидида действуют, сообразуясь с собственной выгодой или интересами государства, как они их понимают, без оглядки на богов. В судьбе он видит не грозный рок Софокла и Геродота, а стечение случайных обстоятельств.

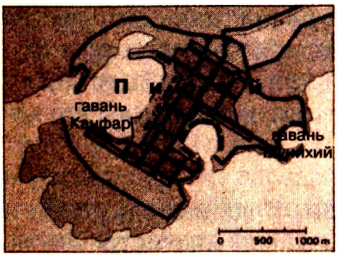
Иную роль, чем Геродот, отводит Фукидид личности. Это не марионетки в руках божества, а живые люди, которых он знал или чьи действия исследовал. При этом Фукидид старается быть объективным даже по отношению к личным врагам, добившимся его изгнания из Афин.

Градостроительство и архитектура. В войнах с персами и карфагенянами пострадали и были обезображены многие греческие города и храмы. Их восстановление воспринималось гражданами полисов не просто как житейская необходимость, но как своего рода акт восстановления справедливости и возмещения урона, нанесенного полисным богам. Возрождаемые города приобретали новую планировку и совершенно иной облик.

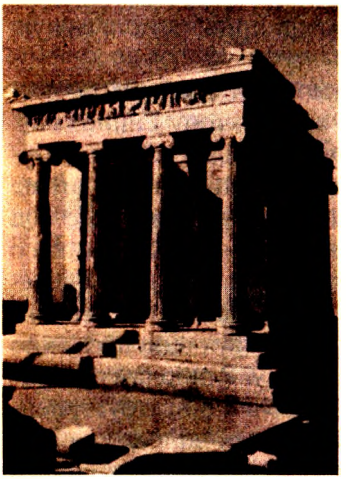
В 479 г. началось восстановление полностью сожженного и разрушенного персами Милета, порученное архитектору **Гипподаму**. Расположенный на вдающемся в море полуострове, изрезанном глубокими бухтами, город приобрел шахматную планировку. С юга на север и с запада на восток его пересекли две расположенные под прямым углом магистрали. Ширина новых улиц по сравнению со старыми почти удвоилась. Милет стал опытной моделью для перепланировки Пирея, осуществленной также Гипподамом, вызванным Периклом из Милета. Этот торговый порт Афин и одновременно военная база флота, принесшего Афинам победу, Гипподам превратил из нагромождения кривых и грязных улочек в благоустроенный город. На одной из его центральных улиц появилось три агоры. Гипподам возглавил также строительство афинской колонии Фурий на месте разрушенного Сибариса.

В Афинах с 448 г. на месте разрушенных персами строений времени Писистрата началось строительство ансамбля акрополя, увековечившего идеи победы и гегемонии Афин над освобожденными от персидского ига полисами. Вход на акрополь открывался завершающими широкую мраморную лестницу парадными воротами (***Пропилеями***) — увенчанной фронтоном колоннадой из шести десятиметровых ионических колонн. Слева располагалась древнейшая картинная галерея (*пинакотека*); справа, перед более коротким крылом Пропилей на выступе скалы поднимался храм ***Ники Бескрылой*** (чтобы победа не улетела из города), небольшой, квадратный в плане храм с четырехметровыми колоннами ионического ордера.

Самую высокую точку акрополя занимал храм покровительницы города — *Афины Парфенос* (Девы) — ***Парфенон***, строительство которого продолжалось с 447 по 438 г., а внутренняя отделка завершилась к 332 г. Возведенный целиком, вплоть до черепицы крыши из знаменитого пентелийского мрамора, храм доминировал над всеми остальными сооружениями акрополя. Построен он в дорическом стиле, единственно возможном, по представлениям греков, для суровой богини-воительницы, однако его колонны не приземисты, как в большинстве дорических храмов, для них характерна легкость пропорций ионического ордера. Был в Парфеноне и непосредственно ионический элемент: наряду с триглифо-метопным фризом, его окружающим, над целлой проходил сплошной 160-метровый фриз с развернутой на нем панафинейской процессией.



План перестройки Гипподамом Пирея


Храм Ники Бескрылой

Известны имена архитекторов, строивших Парфенон, но в веках он остался творением **Фидия**, который руководил всеми работами, давая главные идеи не только в скульптурном, но и в архитектурном оформлении. «Главою и руководителем художников был Фидий, хотя рядом с ним работали и другие величайшие архитекторы и скульпторы», — писал Плутарх.

Рядом с Парфеноном на высоком пьедестале сразу же была поставлена обращенная лицом к Пропилеям шестнадцатиметровая фигура *Афины Воительницы*, отлитая из меди захваченных у персов щитов, а в 421 г. поблизости от него началось запоздавшее из-за войны со Спартой сооружение ***Эрехтейона*** — храма, посвященного Афине, Посейдону и Эрехтею, с которым мифы связывали начало афинской истории. Храм был возведен на том месте, к которому предание относило спор Афины и Посейдона за владычество над Аттикой, запечатленный на одном из фронтонов Парфенона. Это единственный из асимметричных храмов Греции — архитектор превратил недостаток (неровность рельефа) в достоинство, расположив два портика храма на разном уровне. Особенно интересен *портик кариатид*, в котором привычные колонны заменены мраморными фигурами девушек (кариатидами).

Не менее прославленный, чем афинский акрополь, архитектурный ансамбль возник между речками Алфей и Кладей в Олимпии, на месте проведения общегреческих игр. Центральное положение в нем занимал храм Зевса, построенный между 470 и 445 гг. архитектором Либоном. Стены храма дорического ордена были не из мрамора, а из известняка, покрытого гипсовой штукатуркой. Святилище обрамлял фриз, на двенадцати метопах которого изображены подвиги Геракла, считавшегося основателем состязаний в Олимпии. В глубине храма находилась огромная, свыше 15 м высотой, статуя Зевса, выполненная в той же технике, что и статуя Афины в Парфеноне, и тем же скульптором Фидием, прожившим в

Парфенон. Вид из города

Эрехтейон (храм Афины и Посейдона)

Олимпии, согласно свидетельствам древних авторов, восемь лет. Это сообщение подтвердилось в ходе раскопок середины нашего века: в обнаруженной мастерской скульптора нашли сосуд с надписью: «Я принадлежу Фидию». На противоположном конце священного участка Олимпии, под склонами холма Кроноса, располагались храм супруги Зевса Геры, небольшой, небогатый по оформлению, но значительно более древний, и другие храмы, а также и постройки, предназначенные для состязаний и тренировки атлетов.

Скульптура и живопись. Разительные изменения пережила в V в. и греческая скульптура. В ней уже нет и остатка условностей, делавших фигуры людей и богов скованными, нединамичными, — изображение приближается к реальности. С мраморных и бронзовых статуй навсегда исчезает «архаическая улыбка».

Достижения искусства ваяния V в. прежде всего связаны с именами Фидия, Мирона и Поликлета.

Так же, как драматургия, искусство ваяния использовало полисные мифы, разъясняя их и давая им интерпретацию. Украшая Парфенон, **Фидий** воспользовался на одном из его фронтонов мифом о рождении Афины из головы Зевса, а на другом — спором между Афиной и Посейдоном за обладание Аттикой. Это исконные аттические мифы, и им было отдано предпочтение, как это ясно из программной речи Перикла над могилами павших афинян: «Для нашего государственного устройства мы не взяли

за образец никаких чужеземных установлений». Обитатели Афин, этой «школы всей Эллады», как назвал их Перикл, глядя на скульптурные группы, должны были гордиться тем, что их покровительница обладает не только силой, но и разумом владыки богов; победа над Посейдоном воспринималась как оправдание политики Фемистокла и Перикла, создавших афинскую морскую державу. И поскольку все оформление Парфенона должно было представлять единый комплекс, надо думать, что и на фризе изображался не современный скульптору праздник Великих Панафиней, как это принято считать, а опять-таки мифологическая сцена, скорее всего, жертвоприношение Афине с участием древнего царя Эрехтея и его дочерей. Афиняне считали себя «народом Эрехтея», и сама сцена должна была видеться архаическим прообразом праздника Панафиней. В пользу этого толкования говорит также и то, что древнее обвинение Фидия в кощунстве опиралось лишь на изображение Перикла и его собственный автопортрет на щите колоссальной статуи Афины, водруженной внутри храма. Сама эта двенадцатиметровая статуя стояла в середине целлы, в центре окружавшей ее с трех сторон колоннады. Значимость богини подчеркивал сам материал, из которого была сделана статуя: покрывавшие деревянную основу слоновая кость, придававшая естественность лицу и рукам богини, и золото, которого на одеяние богини, ее шлем и щит пошло 40 талантов (ок. 1200 кг).

Фидий. Афина Парфенос (римская копия)

Мирон. Дискобол

Вызвавшие скандал изображения Фидия и Перикла на щите Афины — немногие портреты в скульптуре V в., для которой харак-

терны фигуры богов и героев, воплощающих сверхчеловеческие качества — мощь, энергию, красоту. В них нет ничего обыденного. Это поставленный на службу полису героический идеал. В статуе **Мирона** ***«Дискобол»*** наклон корпуса метателя диска и его разворот, напряжение мускулов таковы, что создается иллюзия преодоления неподвижности камня. Зритель воображением как бы прочерчивает и выброс руки, и траекторию полета диска. В другом произведении этого же ваятеля — скульптурной группе ***«Афина и Марсий»*** — не просто иллюстрируется миф, а раскрывается контраст характеров: спокойствие богини и суетливость вороватого варвара, в ужасе роняющего брошенный и проклятый ею музыкальный инструмент. В древности существовало мнение, что этой группой Мирон хотел выразить превосходство афинян над враждебными соседями беотийцами, почитавшими Марсия.

В творчестве **Поликлета** ведущая тема — совершенство человека-гражданина и защитника полиса. Статуя ***«Дорифор»*** («Копьеносец») изображает юношу, излучающего силу, красоту и спокойствие. Поликлет в несохранившемся трактате ***«Канон»*** теоретически разработал пропорции идеальной человеческой фигуры, соотношение размеров ее частей — головы, торса, рук, ног. «Дорифор» создан в соответствии с выкладками этого трактата, поэтому и статую называют «каноном». Тогда же была осуществлена первая попытка изображения летящей фигуры. Богиня победы ***Ника***, созданная выходцем с полуострова Халкидики Пеонием, как бы слетала с пьедестала навстречу олимпийскому победителю. Ощущение легкости передавалось складками прилегающей к телу одежды, словно бы впитавшей влажность морского ветра.

Античная живопись в силу непрочности материала, бывшего в распоряжении художника, почти полностью уничтожена временем. Но, судя по восторженным отзывам древних ценителей и сохранившимся описаниям картин, это искусство не уступало скульптуре. О современнике Фидия **Полигноте** говорили, что он показал людей лучшими, чем они есть, видимо, понимая под «лучшим» раскрытие внутренних, скрытых от поверхностного взгляда черт характера. Картины Полигнота на деревянных досках украшали стены храмов и общественных зданий в Дельфах, Платеях и главным образом в Афинах, где он, метек, уроженец острова Фасос, был удостоен афинского гражданства.

Самая известная картина Полигнота «Разрушенный Илион» была выставлена на обозрение в Дельфах. Входящему в помещение открывалась сложная композиция, объединенная не только сюжетом, но и общим настроением обреченности. Победители, герои, прославленные Гомером, заняты будничными делами: грабежом,

надругательством над беззащитными женщинами, расправой над пленниками, разрушением городских стен. Побежденные либо объяты ужасом, либо, уже смирившись со своей участью, безразлично-покорны. Художник не просто воспроизвел описанную поэтами сцену гибели великого города — он вложил в свое произведение глубокий философский смысл. Он воссоздал красками трагедию, которая волновала современников греко-персидских войн, показав войну как зло, как нарушение всех этических норм. Глядя на картину, античный зритель приходил к мысли, что кара, которую вскоре понесут победители Трои — Агамемнон, Одиссей, Диомед, — ими заслужена.

Раскопки афинской агоры. Человечество за тысячелетия своей истории испещрило материки и моря следами своего существования и деятельности, дав работу многим поколениям археологов. Некоторые места, где жизнь продолжалась без перерыва, представляют наибольший исторический интерес, ибо дают возможность последовательного изучения истории и культуры. К ним, бесспорно, принадлежит афинская агора, вызывающая в памяти такие исторические явления, как демократия, такие имена, как Солон, Клисфен, Перикл, Сократ, Платон, Аристотель и десятки других, с которыми связана экономическая, политическая и культурная история не только древности, но и современного мира. Все они проходили по этому участку, поднимались на расположенный к юго-востоку акрополь или спускались с него, погружаясь в рыночную толчею, беседовали, вступали в споры, участвуя в работе народного собрания, совета или суда, украшали стены портиков своими картинами или принимали во исполнение приговора чашу с цикутой.

С тех пор как в эпоху Возрождения европейцам стала доступна греческая литература, их мысли обращались к афинской агоре, и многие совершали утомительные и небезопасные путешествия в страну, принадлежащую турецкому султану, лишь для того, чтобы ступить на агору или акрополь. На рисунках путешественников XVII—XVIII вв. агора — пустое пространство с пасущимся скотом. Пустота агоры символизировала не только бренность человеческого существования, но и оскорбительное безразличие к прошлому, причем не только завоевателей, но и местного населения. И это более всего возмущало образованных путешественников, видевших, как местные жители обращаются с усеивающими пространство агоры обломками колонн и статуй, используя их для хозяйственных надобностей или пережигая на известь.

Отношение к остаткам старины изменила захватившая греков национальная идея. Сразу же после того как в 1832 г. Афины были объявлены столицей вновь образованного королевства Греция, встал вопрос о застройке практически сельской территории и превращении ее в город. Приглашенные королем французские архитекторы предложили план, согласно которому центром города должен был стать пустырь к северо-западу от акрополя. Это вызвало возражение греческих ученых, предвидевших осуществление на этой территории археологических исследований. И действительно, в ходе археологических кампаний, начавшихся с середины столетия, в разных частях пустыря были постепенно выявлены «Стоя Аттала», «Портик гигантов» и некоторые другие постройки. Первая мировая война прервала раскопки. Но и ее окончание не изменило

ситуации к лучшему — в 1922 г. Греция начала собственную войну с Турцией, в ходе которой, спасаясь от геноцида, на историческую родину переселилось до полутора миллионов греческих эмигрантов. На это потребовались средства, и у правительства не оставалось денег на раскопки. И именно тогда Американская школа греческих изысканий предложила программу вскрытия агоры, предусматривавшую снос находившихся на ней современных строений с компенсацией стоимости их владельцам, сохранение всего найденного в Греции, строительство музейных помещений. Финансовое обеспечение брал на себя американский миллиардер Джон Рокфеллер. Рассмотрение этого предложения, потребовавшего одобрения парламента, затянулось на десятилетие. Раскопки начались в 1932 г. и продолжались более сорока лет с перерывом на годы второй мировой войны. В результате предстала картина истории занятого агорой участка со времени позднего неолита (ок. 3 000 г.). В археологических срезах выявилось то, о чем было известно из литературных источников, что притягивало к себе и удивляло как в древности, так и в новое время и о чем не могли даже мечтать: жизнь Афин раскрылась в реальности общественных зданий, частных лавок и ремесленных мастерских, сутолке рынка, также оставившей археологические следы, в амбициозных планах политических деятелей, сносивших или перестраивавших старые здания, в катастрофах, постигавших город, попадавший в руки персов, римлян и, наконец, варваров III и V вв. н.э., в изменениях, которые принесла победа христианства, превратившего храмы языческих богов в свои церкви. Отныне, говоря об афинских законодателях VI—V вв. до н.э., о философе Сократе, о завоевателе Афин Сулле, о филлэллине Адриане, нельзя обойтись без упоминания того, какие следы они оставили на афинской агоре, причем порой раскрываются факты, о которых литературные источники в лучшем случае содержат лишь намеки.

Раскопки дали материал для изучения ремесленной деятельности и торговли Афин в разные эпохи, искусства, религиозной и частной жизни граждан и, конечно же, политической истории, ибо, кроме общественных зданий, используемых как место функционирования народного собрания до его перенесения на холм Пникс, Совета четырехсот и сменившего его Совета пятисот, коллегии стратегов, архива, найдено множество надписей. Так, было обнаружено 1 200 остраконов, на которых мы читаем: «Фемистокл, сын Ликомида», «Кимон, сын Мильтиада», «Перикл, сын Ксантиппа». На некоторых остраконах имелись приписки с мотивировкой решения, например: «Ксантипп, сын Арифрона, отвратительнейший из-за мошенничества, слишком долго ты злоупотреблял нашим благодушием». Адресат этой хулы — отец знаменитого Перикла.

В ходе раскопок было найдено множество надписей на мраморе. Одна из них — уведомление читателям библиотеки некоего Понтена: «Ни одна книга не может быть взята без разрешения. Открыто с часа до шести». Другая надпись сохранила часть списка афинян, погибших на суше и на море в войне с персами, с указанием их заслуг по спасению города от пожара и неистовства персов. Ясно, что этот текст относится к победителям при Марафоне — времени, когда афиняне не догадывались, что десять лет спустя их город будет предан огню. Фрагмент еще одной надписи, относящейся к 418—417 гг., сохранил перечень взносов афинских союзников, занимавших земли вокруг Геллеспонта.

Из раскопанных сооружений агоры наибольшей сохранностью отличался мраморный портик, возведенный, как сообщает надпись, царем Пергама Атталом, в юности обучавшимся в Афинах. Было принято решение реставриро-

вать в порядке исключения все здание, превратив его в музей, в котором ныне хранится все, что найдено на территории агоры. Таким образом, современный посетитель агоры, превращенной в музей под открытым небом, среди моря руин может увидеть две постройки такими, какими их видели древние: чудом сохранившийся дорический храм Гефестейон и восстановленный портик — Стою Аттала.

Глава 16

КРИЗИС ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА И БЕСПЛОДНАЯ БОРЬБА ЗА ГЕГЕМОНИЮ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА IV В. ДО Н. Э.)

Вглядываясь в судьбы всего живого, древние мыслители не могли не заметить, что оно подчиняется всеобщему закону рождения, роста, возмужания, дряхления и умирания. А поскольку человек рассматривался как «мера всех вещей», наблюдение это было распространено и на общественные системы, которые не могут избежать некоего заболевания, признаки которого очевидны, но причины скрыты от поверхностного взгляда. В первой половине IV в. этот процесс, наподобие описанной Фукидидом моровой язвы, затронул в большей или меньшей степени все полисы круга земель. Во власти болезни оказалось несколько человеческих поколений, а преодоление ее привело к тому, что политическая карта мира изменилась до неузнаваемости. Греческие полисы попали в подчинение к полуварварскому государству — Македонии. Рассыпалась, как колосс на глиняных ногах, Персидская держава, а на западе ойкумены стал постепенно возвышаться неведомый Рим.

Симптомы болезни. Признаки кризиса греческого полиса были явственны уже в конце V в. и зафиксированы такими выдающимися умами, как историк Фукидид и философ Сократ, современниками отца греческой медицины Гиппократа. Пелопоннесская война была попыткой преодоления уже дававшего себя знать кризиса, но привела к еще большему распространению болезни, к ее метастазам. Ликвидировать их можно было лишь хирургическим путем.

Более всего пострадало в годы Пелопоннесской войны население сельских местностей, нашедшее временное пристанище в городах. Мир, о котором оно так мечтало, не принес желанного облегчения. Многие из возвратившихся на свои земли людей оказались неспособными выдержать конкуренцию рабского труда. Продавая свои участки или отдавая их за долги дельцам и крупным собственникам, сельские жители все больше скапливаются в городах, пополняя там толпы безработных ремесленников. Продают свои земли и многие состоятельные люди. Так была поколеблена одна из главных опор полиса — связь гражданства с земельной собственностью.

Зашаталась и другая его опора — военная организация, основанная на праве и священной обязанности гражданина защищать полис и его автономию, земли и обычаи предков. Гражданское ополчение уступает место наемным профессиональным отрядам. Воздерживаясь от выполнения гражданского долга, бедняки по первому зову охотно шли хоть на край света служить за плату кому угодно. Лишенные чувства полисного патриотизма, эти воины становились для полисов не только тяжелым финансовым бременем, но и источником опасности — как сила, которую любой честолюбец мог использовать в собственных целях.

Существовали специальные места, где можно было за сходную цену нанять предлагавших свои услуги в качестве наемников: на мысе Малей (юг Пелопоннеса), в Коринфе, Фессалии и Фокиде. Нанимателями выступали не только греки, но и посланцы персидского царя и его сатрапов, сумевших за годы войны оценить опытность греческих бойцов и преимущества греческой военной организации. Служить бывшим врагам не считалось зазорным, и в персидском войске появились подразделения греческих гоплитов, на дисциплинированность и верность которых можно было положиться в большей мере, чем на местное ополчение.

Порча разъедала и народное собрание, которое из центра политической активности все более и более превращалось в место сведения счетов между народом и его избранниками, заботившимися не о пользе полиса, а лишь о собственной выгоде. Развивается то, что ныне называется «лоббированием» — поддержка интересов тех или иных групп, добивающихся для себя выгодных решений и законов.

В условиях кризиса стало также очевидным несовершенство полисного правосудия — отсутствие профессионализма. Судьи, ежегодно по жребию избиравшиеся из пришедших на народное собрание граждан, давая клятву судить «по своему лучшему разумению», законов могли и не знать. Познавали они их на практике, в ходе самих судебных процессов. Кормясь за счет государства, они были заинтересованы в обилии тяжб. Это стимулировало возбуждение беспочвенных обвинений, от которых богатым людям проще было откупиться, чем публично доказывать свою невиновность. Так в демократических полисах возникает презираемая, но доходная профессия — сикофант (доносчик). Овладевший ею проходимец кормился за счет вымогательств или, если это не удавалось, штрафов и конфискации имущества осужденного. Возникает парадоксальная ситуация, выраженная в одной из комедий того времени: богач, начисто разоренный сикофантами, радуется, что может наконец спать спокойно и добывать себе пропитание... сикофантством.

Подлинным бичом демократии уже в годы Пелопоннесской войны стали безответственные народные избранники — *демагоги*. В условиях кризиса для них возникла обильная питательная среда, возможность добиваться популярности и извлекать личную выгоду за счет пустых обещаний, о которых можно было сразу же забыть, или речей, возбуждавших негодование против богатых, против внешнего врага, против кого угодно. Честность политического деятеля стала редкостью. Общество погрязло в коррупции.

Наиболее опасным проявлением болезни полиса явилось нарастание социальной напряженности, ранее сглаживаемой в демократических полисах возможностями получения дохода от обработки земли и участия в общественных работах, а в Афинах — к тому же получением платы за исполнение должностей. Неимущие, как всегда, не задумывались над причинами своего бедственного положения, а искали его конкретных виновников, обрушивая гнев на чужеземцев-метеков или просто состоятельных людей. На протяжении полувека то в одном, то в другом полисе возникают заговоры и погромы, жертвами которых становятся прежде всего богатые. Так, в Аргосе в 370 г. чернь, подстрекаемая демагогами, перебила дубинами и палками более 1200 именитых сограждан. В свою очередь, аристократы и богатые люди объединяются в тайные союзы (гетерии), организуя заговоры с целью истребления противников и захвата власти.

Все явственней во многих полисах надвигается призрак гражданской войны, спутницей которой во все времена была тирания. В ней, как в сильной власти, ожидали спасения имущие граждане. Ее поддерживали и низы, которым тираны обещали после захвата власти торжество социальной справедливости. Тяжелее всего болезнь сказалась — по разным причинам — в Афинах и Спарте. В Афины с крушением морского союза вернулись тысячи клерухов, изгнанных бывшими союзниками. К тому же остались без дела моряки и ремесленники. Прекратилось строительство, поскольку форос от союзников теперь не поступал, а других средств у разоренного войной полиса не было. Средства сосредоточились в руках нажившихся на военных бедствиях дельцов, но они их не пускали в оборот, спекуляция становилась более выгодным делом, чем строительство и производство. Особенно богатели торговцы хлебом, взвинчивавшие цены. «По их вине, — возмущался оратор Лисий, — во время мира мы переживаем порой осадное положение».

Тяжелые времена — как ни странно, в результате победы — наступили и в Спарте. В замкнутый, экономически отсталый полис, гордившийся равенством граждан, хлынул поток военной добычи — серебра там оказалось, по свидетельству Платона, больше, чем во всех

остальных полисах Греции, вместе взятых. В общину равных, взрывая ее изнутри, проникает неравенство. На глазах поколения, пережившего Пелопоннесскую войну, в руках ничтожного меньшинства оказываются сосредоточенными огромные богатства, уже не считавшиеся позором, тогда как большинство разоряется настолько, что многие уже не в состоянии вносить свою долю в сисситию, а значит, лишаются почетного права быть воинами-гоплитами и полноправными спартиатами. В 400 г. был принят закон, разрешавший дарение и продажу клеров. Заговор, раскрытый и жестоко подавленный в 399 г., наглядно продемонстрировал происшедшие изменения: наряду со спартиатами, недовольными своим положением, в него были вовлечены даже илоты — союз, который было трудно себе представить в самом консервативном из греческих полисов.

Консилиум на площади. В некоторых восточных государствах, если верить Геродоту, существовал обычай выносить тяжело больного на рыночную площадь, чтобы выслушать советы по его излечению от всех, кому что-либо известно о том, как бороться с недугом. После Пелопоннесской войны в положении такого скорбящего, перенесенного на агору, в толкучку мнений, оказался полис. Греческая научная и художественная литература того времени сохранила множество советов, касающихся способов спасения. Вместе взятые, они напоминают консилиум на площади.

Первому на этом воображаемом собрании слово предоставляется Фалею из города Халкедона:

— Граждане, — начинает он, — полис тяжко, но не безнадежно болен, и главная причина заболевания — вопиющее неравенство его граждан в обладании землей. У одних ее много, у других земли нет вовсе. Надо перераспределить полисную землю, и как можно скорее. Кроме того, надо отнять у частных лиц рабов-ремесленников и сделать их государственными рабами. У государства появятся средства, чтобы пригласить отовсюду лучших учителей и обучить весь народ, а не только одних богатых, правилам поведения и добрым законам. Ведь необразованность, невежество — источник неуважения друг к другу и взаимных оскорблений.

— В отношении воспитания ты, Фалей, прав, — соглашается милетянин **Гипподам**. — Но по своему опыту архитектора я не могу согласиться с тем, что ты предлагаешь в отношении ремесленников. Будь у меня в распоряжении рабы-ремесленники, а не свободные люди, мне никогда бы не удалось придать перестроенному мною Пирею красоту, выделяющую его среди всех городов. Я предлагаю ограничить гражданство города десятью тысячами человек и разделить его на три части — ремесленников, земледельцев и вои-

нов. Территорию государства тоже надо разделить на три части: священную, общественную и частную, предназначив доходы первой на сооружение храмов и отправление культа, а второй — на содержание воинов и оплату ремесленников, изготавливающих оружие и строящих корабли. Надо создать единый верховный суд из старцев, выбираемых народом, а не по воле слепого жребия. Наконец, очень важно ввести закон, предоставляющий почести тем, кто изобрел что-либо полезное для государства. Вот что я предлагаю, граждане.

— Я не могу одобрить ваших советов, сколь бы разумными они ни казались, — вступает в дискуссию афинянин **Ксенофонт**, — ибо, следуя им, мы внесем беспорядок в организм больного, вместо того, чтобы принести ему облегчение. Можно, не нарушая его привычного образа жизни, добиться выздоровления. Для этого надо привлекать в полис как можно больше метеков, так как они содержат себя сами и приносят много пользы полису, не получая жалованья, да еще и уплачивая подати. И вообще, чем больше бы селилось в полисе народу или больше туда приезжало, тем больше ввозилось бы и вывозилось товаров и их продавалось, тем больше уплачивалось бы пошлин. Можно было бы, наподобие государственных военных кораблей, завести государственные грузовые суда и сдавать их желающим. По примеру частных лиц полис может приобрести рабов и также сдавать их в аренду, особенно в серебряные рудники, где всегда работы больше, чем желающих ее выполнять. Главное же, надо сократить расходы на содержание воинов и изготовление оружия. Ибо война, даже самая малая, съедает все доходы. А если кто думает, что полис, поддерживая мир, будет более слабым и менее славным и влиятельным, тот судит неразумно. Ведь счастливейшими полисами всегда считались те, которые были в состоянии дольше прожить в мире.

Но громче и решительнее всех прозвучал совет, предложенный оратором **Исократом**, — покончить с внутренними распрями в полисах, а также с конфликтами между ними и, объединившись, пойти походом на Персию.

Если сто лет назад, после Саламина и Платей, афинские политики призывали сограждан к походу, прикрываясь, как щитом, призывом к освобождению эллинов, то теперь устами Исократа они цинично обещали осуществить решение домашних проблем за счет восточного соседа: «Необходимо предпринять поход еще при жизни нынешнего поколения. Невозможно сохранить прочный мир, пока мы не начнем общими силами войну с варварами. Когда это осуществится, мы избавимся от нужды в куске хлеба, той нужды, которая разрушает дружбу, обращает родство во вражду, вовлекает

всех людей в войны и смуты. Тогда несомненно между нами утвердится согласие и истинное расположение».

Конкретизируя свою программу, Исократ исходил из кризисной ситуации своего времени, полагая, что из скитающихся по Греции бездомных можно легко набрать войско, что война будет поддержана не только теми, кто рвется в бой, но и теми, кто рассчитывает, оставаясь дома, «извлекать пользу из своего имущества», что не возникнет никаких трудностей военного порядка, ибо варвары трусливы, предрасположены к рабству и войско, направленное в Азию, они примут за «священное посольство». У него наготове была продуманная в деталях программа ограбления Персии, основания на ее территории новых городов и заселения их «теми, кто не имеет средств». Трудности Исократ видел лишь в одном: когда встанет вопрос, кому возглавить общеэллинское войско, ни один из крупных полисов не захочет уступить первенство.

Поначалу, как видно из ***«Панегирика»***, написанного Исократом в 480 г., за два года до возникновения Второго афинского союза, Исократ надеялся убедить Спарту, главного соперника Афин, что эта честь по праву принадлежит афинянам и что, договорившись, оба полиса могут «поделить гегемонию и добыть от варваров те преимущества, какие они теперь желают получить от эллинов». Другим же городам оратор внушал, что афинская гегемония явно предпочтительнее автономии, которая формально зафиксирована в договорах, а на деле — всего лишь фикция, ибо «пираты хозяйничают на море, наемники захватывают города, граждане вместо того, чтобы бороться с чужаками за свою страну, ведут междоусобную войну, сражаясь друг с другом внутри городских стен; города становятся военной добычей; в результате постоянных политических переворотов их население живет в большем страхе, чем люди, подвергшиеся изгнанию: эти боятся будущего, тогда как те постоянно рассчитывают на свое возвращение. Все это очень далеко от свободы и самоуправления: одни города — в руках тиранов, другие — опустошены, третьи — под властью варваров».

Но когда жизнь покажет, что Афинам, даже сумевшим на два десятилетия возродить Морской союз, не под силу стать объединителем и гегемоном восточного похода, Исократ обратится сначала к спартанскому царю Архидаму, затем тирану Сиракуз Дионисию Старшему, призывая их взять на себя патриотическую миссию завоевания Востока ради спасения эллинов, и, наконец, к северному соседу Филиппу Македонскому.

План выхода полисов из кризиса, предложенный Исократом, был игрою с огнем. Его автор наивно предполагал, что вождь спасительного похода против Персии станет орудием в руках афинской по-

литики, а не воспользуется предоставленными ему полномочиями и средствами для установления над полисами своей власти.

Нашла свое продолжение дискуссия и в соседнем с агорой театре Диониса — в комедии ***«Женщины в народном собрании»***. Ее автор **Аристофан**, явно бывший в курсе высказанных предложений, подметил, что спорщики исходили из обычной для всех полисов практики исключения из общественной жизни женщин, и предложил в качестве выхода из кризиса, как мы бы теперь сказали, феминизацию государства. И вот на сцене, превращенной в место народных собраний Пникс, появилась галдящая толпа женщин в мужниных плащах, с нацепленными на лица бородами и с посохами в руках, которые не так давно гуляли по их спинам. Они бросили кухню и ревущих детей для практического решения проблемы, поставившей в тупик мужчин, погрязших в войнах и внутренних раздорах. Главная героиня пьесы, обрисовав картину государственного разлада и казнокрадства, предлагает подругам взять бразды правления в свои руки и, используя навыки женского труда, а также выработанную мужским игом женскую хитрость, наладить жизнь по-новому, а именно: сделать землю общим достоянием, заставить ее обрабатывать государственных рабов, обобществить всю собственность и вести единое хозяйство, что предполагало и свободу от семейных уз.

Предложение, при точном соблюдении процедуры голосования, становится на сцене законом, однако его внедрение встречает трудности — все хотят участвовать во всенародном угощении, но сдавать свое имущество в общий котел не торопятся, а выполнение закона об обобществлении женщин наталкивается на стычки между ними самими.

И если предположить, что Фалей, Гипподам, Ксенофонт и Исократ были зрителями шедшего под сплошной хохот представления, один из них вполне мог заметить: «Над чем мы смеялись? Ведь это нас и наши планы выставил Аристофан на посмешище».

Государство Платона. Пути исцеления полиса искал и младший современник Исократа **Платон**. Прийдя к убеждению, что полис болен, он сразу же после расправы афинян над его учителем Сократом начал разрабатывать теорию справедливого полиса, которую на протяжении многих лет излагал в сочинениях, имеющих форму диалогов. Неизменным участником диалогов Платона был Сократ, так что план преобразования предлагался от его имени. И конечно же, Платон не стал бы высказывать свои мысли на площади: ведь он считал, что философ должен забыть дорогу к агоре и заткнуть уши, чтобы не слышать, о чем там рассуждают, обращаясь к черни. Платон делился своими мыслями о справедливом государ-

стве с учениками, и его суждения дошли до нас в наиболее полной форме в трудах ***«Государство»*** и ***«Законы»***.

Платон исходил из того, что каждый гражданский коллектив, кажущийся на вид единым, раздираем противоречиями между богатыми и бедными. Каков бы ни был полис, в нем всегда есть два государства, враждебных друг другу: «одно государство — богатых, а другое государство — бедных».

Платону казалось, что выход им найден: он предложил создать новое государство, где не было бы погони ни за богатством, ни за властью, а значит, и борьбы между бедными и богатыми. В этом, по его мнению, идеальном и справедливом государстве власть должна принадлежать *философам*, не обремененным ни семьей, ни собственностью, — ибо семья и собственность источник раздоров в государствах. Не должен иметь семьи и собственности и класс воинов (*стражей*), охраняющих государство. Собственность и землю Платон сохранял лишь для низшего класса — тех, кто добывал пищу и производил блага для философов и воинов. Они должны работать, не вмешиваясь ни в управление государством, ни в его защиту от врагов. В идеальном государстве Платон предусматривал такую систему воспитания и организацию надзора за гражданами, которые основывались бы на чуждом полису вмешательстве власти в систему хозяйственных отношений, жизнь и мышление людей. Философам и стражам запрещалось занятие ремеслом и торговлей. Они, равно как и все остальные граждане, не могли распоряжаться своими земельными участками, ибо земля считалась государственной собственностью. Монета должна чеканиться лишь для внутреннего употребления. Под угрозой штрафа и частичного лишения гражданских прав возбранялось вступление в брак позднее 30—35 лет. Холостяки облагались налогами. Целью воспитания было «заставить всех живущих совместно людей всю свою жизнь выражать как можно более одинаковые взгляды... в песнях, мифах и рассуждениях». Устанавливалась цензура на поэзию. Поэт не имел права знакомить со своим творчеством граждан до тех пор, пока с ним не ознакомятся судьи и стражи закона. Читающий Гомера (по мнению Платона, порочившего богов) публично наказывался плетьми. Ограничивалась возможность внешних контактов. Людям, достигшим зрелого возраста, не разрешался выезд за пределы города без государственной надобности, деньги на это выдавались из казны, и если не были истрачены до конца, следовало вернуть их назад.

Предвидя опасность того, что в число управляющих государством «философов» и защищающих его «стражей» могут затесаться недостойные — по присущей людям любви к собственным детям, Платон рекомендовал детей у этих разрядов граждан отбирать и

давать им совместное воспитание, а затем уже выбирать из воспитанников наилучших для управления и охраны государства. При этом Платон допускал участие в управлении государством и женщин, поскольку исходил из признания их принципиального равенства с мужчинами.

Таким образом, пренебрегая личными интересами граждан, Платон попытался заменить сложившуюся в полисах систему отношений между ними абстрактной схемой тоталитарного государства, которая не учитывала ни человеческой природы, ни реального опыта государственного развития. Человеческий коллектив отдавался под власть людей, якобы знающих, как надо жить, и обладающих аппаратом насилия, заставляющим массы следовать единственно правильной и разумной дорогой.

«Идеальное» государство, возникшее в воображении Платона как противовес ненавистной ему, аристократу и ученику Сократа, демократии, было основано не только на неравенстве членов гражданского коллектива, но и на труде рабов, без которых он не мог представить себе жизни общества. Да и низшие слои населения Платон фактически превращал в подневольных, лишая их свободы выбора.

Атлантида. Платон был не только теоретиком идеального государства, он намеревался это государство построить и, возможно, войти в число первых его управителей. Но разве можно было всерьез рассчитывать на то, что какая-нибудь прослойка в его родных демократических Афинах согласится ему помочь в создании такого государства! И он решил поискать себе помощников за их пределами — среди тех, кто, согласно его же учению, олицетворял наихудшую из форм правления — тиранию. Но сицилийский тиран Дионисий не пожелал делиться своей единоличной властью с непрошеным советчиком и продал его в рабство, которое, к счастью, оказалось недолгим. После еще одной попытки, также окончившейся неудачей, Платон отказался от мысли осуществить свою идею на практике и занялся на досуге красочным описанием воображаемого государства и его порядков.

Он облек идею о справедливом государстве в форму некоего прообраза научно-фантастического романа: место его нахождения — никогда не существовавший большой остров (или материк) за Столпами Геракла, названный по имени титана, державшего на своих плечах небесный свод, *Атлантидой*. Сообразно своему учению, Платон отдал власть над Атлантидой мудрым правителям, презиравшим богатство и считавшим груды золота и прочих сокровищ досадным бременем. Общество атлантов с его делением на царей-филосо-

фов, воинов-защитников, ремесленников и земледельцев удивительно напоминает структуру идеального государства, описанного Платоном в его предшествующих сочинениях. На то, что Атлантида — выдумка Платона, указывают и время существования этого государства — далекая древность, отстоящая на девять с лишним тысяч лет от эпохи Платона, и рассказы о войнах атлантов с древними афинянами (ведь Афины как поселение возникли в III тысячелетии до н. э.), а также греческие или финикийские имена, которые он дал атлантам. Предвидя, что малосведущие люди все же могут принять Атлантиду за реальность и отправиться на ее поиски вместо того, чтобы перенести к себе ее порядки, Платон, использовав предания о реальных катастрофах, предусмотрительно утопил фантастическое государство, погрузив его на океанское дно. С критикой взглядов Платона на государство выступил его ученик Аристотель, считавший основой правильно организованного полиса свободу, опирающуюся на традиционное равноправие и возможность по очереди править и быть управляемыми. Вмешательство государства в жизнь граждан исключалось: «Каждый должен жить так, как ему хочется», но при этом провозглашался принцип абсолютного господства закона.

Поздняя тирания. Пока шли теоретические споры о лучшем устройстве государства, на практике выход из кризиса искали, склоняясь скорее к Платону, чем к Аристотелю. Набирала силу тирания, которую в отличие от ранней тирании, представлявшей собой переходную форму от аристократии к демократии, принято называть поздней. Опираясь на наемников, используя недовольство низов, к власти то в одном, то в другом полисе приходят лица, устанавливающие единоличное правление. В Балканской Греции долее всего продержалась тирания в отсталой Фессалии, где достиг небывалой остроты конфликт между крупными фессалийскими землевладельцами, потомками завоевателей страны, и порабощенным населением — пенестами, находившимися на положении спартанских илотов. В конце V в. делаются попытки установления при поддержке пенестов режима личной власти, но добился ее в начале IV в. с помощью Спарты правитель Фессалии Ликофрон. При его преемнике Ясоне Фессалийское государство превратилось в сильную военную державу. Слабость фессалийской пехоты Ясон возместил созданием мощной конницы и приступил к строительству флота. Расширяя свои владения, он достиг на севере границ Македонии и готовился к походу на Дельфы, стремясь, по слухам, овладеть храмовыми сокровищами. После убийства Ясона кучкой заговорщиков-аристократов в 70 г. тирания в Фессалии стала постепенно утрачивать прежнюю силу.

Более прочной оказалась тирания в Сиракузах, учредителем которой был молодой военачальник **Дионисий**. Умелый демагог, он увлек за собою низы и с их помощью добился смещения выборных военачальников и собственного избрания. Получив от народного собрания личную охрану из шестисот воинов, он самовольно увеличил ее до тысячи и в 405 г. захватил единоличную власть, которую и удерживал на протяжении сорока лет. Умело пользуясь противоречиями между низами и аристократической верхушкой, он всеми средствами укреплял свое положение «народного заступника». Конфискуя имущество недовольных его правлением аристократов, он награждал им сицилийскую бедноту, а также осуществлял различного рода благотворительные акции.

Придя к власти на патриотической волне борьбы с карфагенской экспансией, Дионисий I проводил активную внешнюю политику не только в Сицилии, но и за ее пределами: переправился в Южную Италию и подчинил там себе ряд греческих полисов, с помощью флота контролировал торговлю на Тирренском и Адриатическом морях. Более того, он вывел поселения на северные берега Адриатического моря — в устье реки По и на побережье Пицена, а в 384 г. организовал экспедицию против этрусков и разграбил храм в этрусском порту Пирги. Так Дионисием была создана морская держава, охватывающая не только полисы, но и племенные территории, управлять которыми тиран поручал своим доверенным людям.

В эллинизованной Карии ок. 327 г. власть захватил сын персидского сатрапа кариец **Мавзол.** Призванный жителями Галикарнаса, города со смешанным эллинско-карийским населением, он сделал его своей столицей и приступил к строительству собственного флота (карийцы овладели навыками морского дела задолго до греков и использовались персами на военной морской службе). Не сумев овладеть соседними эллинскими городами Милетом и Эфесом, Мавзол присоединил к своему царству Ликию. По размерам и мощи его государство вполне сравнимо с державой Дионисия I. Соперничал он с Дионисием и в роскоши построек, благодаря которым Галикарнас не уступал ни Сиракузам, ни какому-либо другому из греческих городов. Резиденция Мавзола находилась на небольшом островке близ защищенной стенами военной гавани. На противоположном берегу располагались торговая гавань и агора. Город поднимался амфитеатром в гору.

Борьба греческих полисов за гегемонию. В Пелопоннесской войне победила Спарта. Но очень скоро ее великодержавная политика вызвала в Греции всеобщее возмущение. От Спарты от-

шатнулись даже бывшие ее союзники Коринф и Фивы, переставшие посылать свои ополчения для участия в предпринимаемых спартанцами карательных экспедициях. Не удалось Спарте укрепить свои позиции и в побежденных Афинах, где в 403 г. была восстановлена демократия, и спартанский гарнизон вынужден был удалиться.

Свои неудачи на Балканах спартанцы пытались возместить активностью в Малой Азии, где в это время сатрапом был брат персидского царя Артаксеркса **Кир Младший**. При содействии Спарты он набрал тринадцатитысячный отряд греков-наемников и, присоединив его к контингентам малоазийцев, предпринял попытку овладеть персидским престолом. Но победа в развернувшейся неподалеку от Вавилона битве (401 г.) потеряла смысл, поскольку сам Кир погиб. И греческий отряд, уменьшившийся к этому времени до десяти тысяч, долго еще кружными путями пробивался к морю, чтобы вернуться на родину. Расценив поведение Спарты как бесцеремонное вмешательство во внутренние дела Персии, Артаксеркс объявил Спарте войну.

Несмотря на первоначальные успехи в этой войне благодаря талантливому полководцу Агесилаю, Спарта была обречена на поражение, так как персидский царь стал поддерживать в тылу спартанцев греческие государства, создавшие коалицию, в которую вошли Фивы, Афины, Аргос и Коринф. Спартанцам пришлось сражаться на два фронта, и вскоре Агесилай со своим войском был отозван из Азии. Не добился он успеха и в Европе.

От полного разгрома Спарту спасло вмешательство персидского царя, продиктовавшего грекам в 386 г. условия «царского мира». Объявив автономию греческих полисов, то есть запрещая объединение их в союзы, царь добился и возвращения под свое правление многих греческих полисов Малой Азии, пользовавшихся автономией по окончании греко-персидской войны, и присоединения некоторых островов, в том числе богатейшего Кипра.

Спартанцы продолжали насаждать в Греции олигархические порядки, изгоняя демократов. С помощью местных олигархов им удалось утвердиться в Фивах и поставить свой гарнизон в Кадмее. Демократы бежали в Афины, откуда во главе с Пелопидом совершили нападение на Фивы. Перебив олигархов, они изгнали спартанцев (379 г.).

Возвышение Фив. Так начался блестящий, хотя и недолгий, расцвет Фив, во главе которых стояли **Пелопид** и **Эпаминонд**, выходец из небогатой семьи, возводившей свое происхождение к «спартам», выросшим, по преданию, из посеянных Кадмом драко-

ных зубов. Эпаминонд получил прекрасное образование — его учителем был пифагореец из Тарента. Держась во время олигархии вдалеке от политики, впервые он проявил себя в сорокалетнем возрасте, во время штурма захваченной спартанцами Кадмеи.

Пелопид и Эпаминонд возродили древний союз полисов Беотии, менее затронутый кризисом, чем другие части Греции. Не случайно среди наемников почти не было беотийцев. Это были крепкие крестьяне, работавшие на собственных земельных участках и ведшие полунатуральное хозяйство. Беотия не обладала портами и флотом и не была втянута в межгреческую и международную торговлю. Фиванские демократы учредили общебеотийский совет из одиннадцати выборных представителей полисов. Действовало в Фивах также и общее собрание, в котором могли принимать участие жители всех городов Беотии. Была создана сильная армия, состоявшая из зажиточных беотийских земледельцев. Ее отборной частью стала священная дружина, отряд, вводимый в бой в критические моменты. Были установлены дружеские отношения с правителем Фессалии Ясоном, заинтересованным в ослаблении Спарты.

Второй Афинский морской союз. Параллельно с возвышением Фив Афины попытались вернуть себе утраченную гегемонию на море. После заключения афинско-фиванского союза и разрыва отношений со Спартой афиняне обратились ко всем эллинам и варварам, не подвластным Персии, с призывом объединиться для противодействия Спарте. Участникам союза Афины гарантировали автономию, отказавшись от притязаний на земли, занимаемые прежде их клерухами. Афинянам вообще запрещалось владеть каким-либо имуществом на территории союзных государств. Руководство общими делами поручалось союзному совету, заседавшему, правда, в Афинах, но Афины не имели в нем преобладания. Таким образом, Афины порывали со своей прежней политикой гегемонии и эксплуатации союзников под предлогом избавления от внешней опасности. Результаты не замедлили сказаться. К союзу сразу же присоединились многочисленные островные полисы, и Афины, обладавшие флотом всего из ста триер, вернули себе положение ведущей морской державы. Спарта оказалась меж двух огней и заметалась в поисках выхода. В 376 г. она направила против возрожденных Афин свои морские силы, но у острова Наксос они были разгромлены. И это в значительной степени способствовало укреплению дружеских отношений между Афинским и Беотийским союзами.

Битва при Левктрах. Рассматривая Фивы как главного противника и рассчитывая на превосходство своей пехоты, спартанцы направили против них войско во главе с лучшим полководцем Спарты Агесилаем, но, дважды попытавшись вторгнуться в Беотию, он успеха не добился. Тем временем в Фивы прислал значительный вспомогательный отряд Ясон. Летом 371 г. мощная спартанская армия вновь вторглась в Беотию. У городка Левктры она была встречена объединенным фиванско-фессалийским воинством под командованием Эпаминонда. Применив неожиданное для спартанцев построение фаланги («косой клин»), Эпаминонд наголову разбил спартанских гоплитов, считавшихся непобедимыми. В этой битве пала тысяча спартанцев вместе с царем. После этой блестящей победы, ставшей на века образцом полководческого искусства, обрела независимость Мессения.

На склонах горы Итомы, где когда-то совершал чудеса героизма Аристомен, возродился город Мессена. В Беотийский союз вступили полисы Фокиды, Этолии, Эвбеи. Сельские общины Аркадии объединились в единый полис — Мегалополь (дословно: Большой город). Пелопоннесский союз распался. Часть входивших в него городов присоединилась к Афинам, часть — к Фивам.

И сразу же на поверхность всплыли давние противоречия между Афинами и Фивами. Фиванцы были недовольны усилившимся после Левктр проникновением афинян в Пелопоннес, афинян же беспокоило постоянное давление самой могущественной в греческом мире сухопутной беотийской армии.

Дальнейшее усиление Беотии. Эпаминонду было мало одержанной над Спартой победы. Как-то на народном собрании в Фивах он заявил о своем намерении «перенести в Кадмею пропилеи афинского акрополя». Несмотря на то, что в Беотии, обладавшей морским побережьем, не было ни одной гавани, он приступил к строительству кораблей, и вскоре возглавляемая им беотийская эскадра отплыла к Геллеспонту (364 г.). Тотчас же на сторону Беотии переметнулся афинский союзник Византий и в переговоры с Эпаминондом вступили могущественные островные полисы Хиос и Родос, входившие в Афинский морской союз.

Противоречиями между претендующими на гегемонию Фивами и Афинским морским союзом и охлаждением отношений между Беотией и Фессалией умело воспользовались спартанцы. Готовясь к противостоянию Фивам, спартанцы призвали в армию илотов, пообещав им свободу. В этих условиях Эпаминонд принял решение, не дожидаясь возрождения военного могущества Спарты, окончательно ее разгромить. Летом 362 г. он вступил в Пелопон-

нес с армией, насчитывавшей не менее сорока тысяч гоплитов. Со времени дорийского переселения спартанцы много раз осаждали другие города, но еще ни разу не видели врага под своим городом. И вот пришлось его увидеть: Эпаминонд довел войско до реки Эврот, на которой стояла Спарта.

Подпустив беотийцев к городу, Агесилай вывел свое войско, на треть меньшее, чем у Эпаминонда, к Мантинее. Здесь и произошло одно из самых упорных и кровопролитных в греческой истории сражений. Мощным натиском Эпаминонд опрокинул первые ряды спартанцев и, тесня их, двинулся вперед. В этом бою он был смертельно ранен брошенным в него копьем. Воин, нанесший этот удар, был по окончании сражения удостоен необычайной награды: он и его потомки освобождались от налогов. И эта привилегия, как засвидетельствовано историками, действовала более 400 лет. Умирая, Эпаминонд торжествовал победу. Последними его словами были: «Я оставляю двух великих дочерей — Левктру и Мантинею».

Разгромленная Спарта не могла более мечтать о гегемонии. Но и Фивы оказались настолько ослаблены и истощены своими победами, что вынуждены были покинуть Пелопоннес. Без каких-либо военных усилий гегемония вновь досталась Афинам, постепенно вернувшимся к своей великодержавной политике. Однако попытка вновь впрячь союзные полисы в свою упряжку оказалась безуспешной. Афинский союз превратился в фикцию, хотя формально был распущен лишь после так называемой союзнической войны 357—355 гг.

Одновременно на Западе рухнула грандиозная держава Дионисия I. После его смерти власть перешла к сыну тирана **Дионисию Младшему**, начисто лишенному военных и дипломатических способностей. Начал он свое правление с освобождения из тюрем трех тысяч узников и отмены на три года взимания податей, после чего приступил к заранее задуманному истреблению своих многочисленных родственников. В живых был оставлен лишь зять Дионисия I Дион, втайне готовившийся к захвату власти. Будучи изгнан, он отправился в метрополию Сиракуз Коринф, где, используя поддержку многочисленных сиракузских изгнанников, начал готовиться к возвращению.

Летом 357 г. он отплыл на двух грузовых судах всего с восьмьюстами воинами, что не помешало ему захватить власть, воспользовавшись отсутствием Дионисия, инспектировавшего в это время войска. Через некоторое время, однако, Дион был убит собственными воинами, и Дионисий вернулся в Сиракузы. Однако разгоревшаяся междоусобная борьба привела некогда могущественную державу к упадку.

Источники. Источники, на основании которых рисуется греческий мир первой половины тревожного IV в., разнообразны по жанру. Это и повествования, представленные «Греческой историей», переложенным в труде Диодора текстом Эфора; это и первые дошедшие до нас мемуары — «Анабазис» Ксенофонта, описавшего поход десяти тысяч, участником которого он был; это и речи — как Лисия, позволяющие увидеть сквозь призму судебных процессов реальную картину послевоенной обстановки в Элладе, так и Исократа, отразившие предлагаемую оратором программу выхода из кризиса; это и «Политика» Аристотеля — составленная на основании изучения политического устройства 158 полисов картина наилучшего государственного устройства, и его же «Риторика», дающая представление о работе афинского суда, живо перекликающаяся с практическими речами Лисия; это и философские труды Платона, выдвинувшего в диалогах «Государство» и «Законы» свой вариант идеального государства, свободного от пороков современного ему мира; и экскурсы Полибия об афинской и фиванской демократии; это и биографический жанр — краткие биографии Алкивиада, Лисандра, Конона, Эпаминонда, Пелопида у Корнелия Непота и биографии Лисандра, Агесилая, Фокиона, Диона, Пелопида, созданные Плутархом.

Несмотря на обилие прекрасных источников, освещение истории первой половины IV в. все же неравномерно: заслуживающее доверия изложение непрерывного потока событий кончается битвой при Мантинее, которой завершается «Греческая история» Ксенофонта; по последующему периоду сохранилась в связном изложении лишь военная история, передаваемая (к тому же не всегда точно) Диодором. Лучше всего известна не только история, но и политическая организация Афин, изложенная во второй части «Афинской политии» Аристотеля. Хотя Плутарх не ставил целью изложение исторического материала, который служит для него лишь фоном, позволяющим лучше понять личность, без его биографии Фокиона картина Афин кризисной эпохи была бы неполной. Спартанская история встает у Плутарха сквозь призму личностей Лисандра и Агесилая; история западногреческого мира отражена в биографии Диона, деятельность которого приходится на время тираний обоих Дионисиев в Сиракузах; героическая страница фиванской истории, связанная с именами Эпаминонда и Пелопида, освещена в биографии Пелопида, дополняющей рассказ Ксенофонта рядом существенных деталей.

От первой половины IV в. дошло довольно много надписей, касающихся как экономики (бесчисленное множество закладных на землю), так и политики. Особенно интересна надпись об организации Второго Афинского морского союза. В дополнение к тому, что мы знаем о наемничестве из Ксенофонта и о торговых связях этого времени из отрывочных упоминаний, разбросанных у разных авторов, в XX в. прибавился богатый папирологический материал — письма наемников и купцов, сохраненные песками Египта. Они бесхитростно рисуют реальную жизнь со всеми ее тревогами и неуверенностью в завтрашнем дне. Достаточно прочитать одно из таких писем, написанных воином-наемником жене, где заботливый муж интересуется здоровьем супруги, ожидающей ребенка, и дает указание оставить его, если это будет мальчик, и выбросить — если окажется девочкой, чтобы общие рассуждения авторов о росте нищеты греческого населения обрели живую плоть.

Глава 17

ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ КРИЗИСА

Культура не относится к числу простых и понятных явлений общественной жизни. Это сложный социально-психологический комплекс, зависящий как от экономики с ее спокойным или неровным, пульсирующим развитием, так и от социальной напряженности. Все это придает произведениям искусства и литературы тот или иной облик. Однако эстетическая ценность произведений эпохи упадка порой может быть выше, чем у творений времени расцвета, выражая бо́льшую человечность, взволнованность, углубленность, проницательность.

Кадмейская победа. У древних греков бытовало выражение: «кадмейская победа», то есть победа, которая на самом деле — поражение (сравн. римск. «Пиррова победа»). Такую победу одержала восстановленная афинская демократия, приговорив к смерти своего великого критика философа Сократа. Суд над Сократом — это не первый процесс, в ходе которого массовое сознание взяло верх над гениальным одиночкой: вспомним суды над Анаксагором и Фидием. Но только суд над Сократом можно назвать в полной мере «кадмейской победой», поскольку афинские граждане, осудившие Сократа на смерть, стали свидетелями посмертного триумфа идей философа — в лице его учеников и учеников учеников. И этот триумф оказался столь блистательным, что плодами его и уроками человечество пользуется до сих пор.

Платон. Возмездием стали два философских учения, основатели которых — ученики Сократа Платон и Антисфен — с разных позиций, справа и слева, обрушились на режим, погубивший учителя.

Самый прославленный из учеников Сократа — **Платон** (420—347) — по рождению принадлежал к высшей аттической аристократии. По отцовской линии его предком был последний из афинских царей Кодр, по материнской — поэт и законодатель Солон, выходец из рода Алкмеонидов, давшего также Писистрата, Клисфена, Перикла. Молодой аристократ, как и его сверстники, посвящал свой досуг гимнастике, был прекрасным наездником. Прозвище «Платон» («ширь») он получил благодаря широте грудной клетки, а не познаний.

Встреча с Сократом в 407 г. перевернула жизнь юноши, которому едва исполнилось двадцать лет. В ночь перед встречей Платону приснился лебедь. И когда он вступил в беседу с Сократом, то подумал: «Вот мой лебедь!» Простолюдин Сократ, лысый, со вздернутым носом, в плаще, которому не позавидовал бы и раб, — и лебедь!

Платон

Удивившись Сократу как явлению необыкновенному, Платон остался его почитателем на всю жизнь и сделал собеседником в своих философских трудах.

После гибели Сократа Платон стал мысленно создавать государство, достойное его учителя, и отвечать на вопросы, которые тот задал ему и всему человечеству.

В основе платонизма лежит понятие «идея» (это греческое слово родственно русским словам «видеть», «вид»). Это — «видимое», но не только зрением, но и разумом, «сущность». В самом понятии «идея» не заложена противоположность «материи» — ведь и материалист Демокрит называл свои невидимые атомы «идеями»; для Платона «идея» — частичка единственно реально существующего где-то над землей (но не бесконечно далеко) мира, грубое подобие которого — открытый взгляду мир вещей.

Если, допустим, плотник принимается за создание стола, то он уже в какой-то мере обладает его идеей, которая первична, ибо без этой идеи ему бы не удалось сколотить стол. Но откуда у плотника эта идея, если он и в мыслях не поднимался на небо? Отвечая на этот вопрос, Платон исходит из принадлежности бессмертной души человека к миру идей, а смертного тела — к миру вещей. Душа человека до того, как войти в (тело) будущего плотника, побывала в небесных сферах и сохранила смутное воспоминание («припоминание») о столе и вообще обо всем том, что составляет мир идей. Углубляя понятие «идеи», Платон рассматривает ее как своего рода модель, имеющую свое собственное *реальное содержание*.

Таково в самых общих чертах учение Платона об объективно, независимо от человека существующем мире идей, названное историками философии *объективным идеализмом*.

Свою философию Платон излагал в форме *диалогов*. Эти диалоги — как бы продолжение тех бесед, которые вел на улицах Афин Сократ. Они насыщены драматическими сценами, а также мифами, по-новому переосмысленными Платоном или им сочиненными, наподобие рассмотренного выше мифа об Атлантиде. Отношение Платона к мифам отражает его отношение к факту и истине — важнейшим категориям любой науки. Согласно Платону, филосо-

фия из мелких и порой приземленных фактов должна лепить высокую великую правду, преобразовывать факты, а не рабски их воспроизводить. В этом смысле творения Платона, неразрывно связанные с его временем, соотносятся с реальностью в той же мере, в какой кентавр сопоставим с животным миром.

Платон был не только философом, но и величайшим мастером слова. Излагая свое учение в непринужденной форме бесед, он в качестве темы каждого из своих диалогов избирал какое-либо нравственное понятие (такие как мужество, скромность, удовольствие, благочестие), общественный институт (государство) или обобщающее понятие (мироздание, знание). По ходу обсуждения возникает искусственно созданный, но тем не менее близкий к реальности фон (окружающая природа или дом, в котором разворачивается действие), очерчивающий образы и характеры собеседников. Это реально существовавшие софисты Горгий, Протагор, Тимей, или некий обобщенный образ (как «чужеземец» в диалоге «Софист»), но прежде всего — Сократ, в уста которого вкладываются чувства и мысли самого Платона. Новичок в философии, начавший с чтения Канта, Гегеля или Юма, может воскликнуть, ознакомившись с диалогами Платона: «Какая же это философия!» И действительно: никаких отвлеченных понятий и рассуждений по их поводу, никакой логической последовательности. Но кроме сухой математической логики существует логика художественная, воздействующая на чувства, возбуждающая воображение. Мастером именно такой логики и был Платон.

По образцу пифагорейского братства, с которым он познакомился в Южной Италии, Платон в 388 г. создал свою школу. По месту ее нахождения — в гимнасии, расположенном за городской чертой Афин в роще героя Академа, она получила название «*Академия*» и имела статут культового союза. Члены Академии Платона жили общежитием, здесь же, в домах за городской стеной, ежемесячно вносили на общие нужды взносы и собирались на ежедневные занятия с учителем или его помощниками. Подобно тому как Дельфийское святилище украшали изречения семи мудрецов, приближающегося к этому храму Науки встречала надпись: «Да не войдет сюда никто, не знающий геометрии». Желая присоединиться к членам сообщества, новичок узнавал, что кроме этого требования есть и другие: он должен ограничить время сна, отказаться от мясной пищи и связей с женщинами. Главным праздником Академии был день рождения Платона, отмечавшийся по афинскому календарю 7 таргелиона жертвоприношением, праздничным пиром и общей дискуссией.

Платон прожил долгую жизнь и умер за девять лет до битвы при Херонее, похоронившей греческую свободу. Детище Платона, его

Академия, пережила своего создателя почти на тысячелетие и была распущена только в 529 г. императором Юстинианом.

Киники. Преданнейший из учеников Сократа, Антисфен (ок. 450—ок. 360), один из тех, кто присутствовал при его кончине, был ближе к учителю, чем Платон, — и по происхождению, и по духу. Сын афинского гражданина и фракийской рабыни, он нередко выслушивал насмешки чистокровных афинян. Им он отвечал: «Матерь богов тоже была фригиянкой». Сократ же, наблюдавший в юности, сколь отважен был Антисфен в бою, сказал: «От чистокровных афинян никогда бы не родился столь доблестный муж».

Сразу после гибели Сократа Антисфен начал вести свои беседы в гимнасии на холме Киносарг (досл. «зоркий пес») и стал именовать себя «истинным псом». Отсюда и название одной из сократических философских школ древности — *кинизм*. Главные ценности жизни, согласно учению Антисфена, — труд, добродетель, безвестность. Не законами полиса должен руководствоваться мудрец, а законами добродетели, которая проявляется в поступках и не нуждается ни в обилии слов, ни в славе. Демократия в той форме, какая существовала в Афинах, была Антисфену чужда. Однажды на экклесии он попросил проголосовать за предложение признать ослов конями. Когда его оборвали, сказав, что это нелепость, Антисфен сказал: «А ведь вы простым голосованием делаете из невежд стратегов». Всем своим поведением и образом жизни Антисфен подчеркивал презрение к богатству: ходил в одном хитоне, без гиматия, с сумой, как нищий, опираясь на посох. Он говорил, что человеку достаточно в жизни того, чего нельзя потерять даже при кораблекрушении. Антисфен превосходил всех учеников Сократа красноречием, и даже историк Феопомп, прослывший злоречивейшим из смертных, называл речь основателя кинической школы сладостной, завораживающей кого угодно.

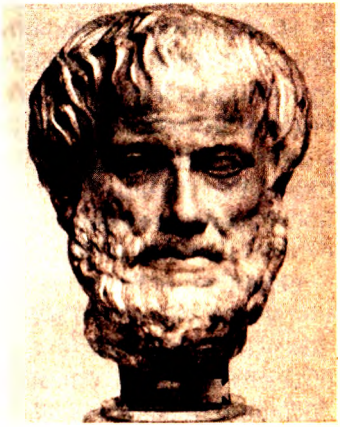
Впрочем, учеников у Антисфена было немного. Среди них наиболее известен **Диоген** из Синопы (ок. 400 — ок.325). Уже Антисфен посмеивался над спесью Платона и его аристократической страстью к коням. Диоген пошел дальше: считая все, чем занимался Платон, пустым времяпрепровождением, он всячески над ним издевался. Издевался он и над верой в богов, требовал упразднения брака, существующей системы воспитания — словом, всего, что создано обществом. Не находя приверженцев, Диоген ходил днем с факелом, восклицая: «Ищу человека!»

О вызывающем поведении Диогена ходило множество рассказов. Никого не интересовало, что в них правда, а что выдумки. Рассказывали, будто Александр, собираясь в поход, наклонился над

бочкой, в которой жил Диоген, и обещал исполнить любую просьбу чудака. «Не заслоняй солнца», — отозвался философ. Если это выдумка, то очень меткая, характеризующая антиподов эпохи. Видимо, поэтому считали, что Диоген умер в Коринфе в том же году и в тот же день, что и Александр в Вавилоне.

Аристотель. В 367 г., когда глава Академии Платон находился с Сиракузах в надежде создать задуманное им государство, в Афинах появился юноша неприметной наружности, с деревенским румянцем на щеках. Ему показали, где находится Академия. Вскоре все узнали, что новичок родом из городка Стагира, находящегося неподалеку от македонской столицы, и что отец его врач, пользующий среди прочих македонского царя Аминту. Никто из тех, кого Платон оставил вместо себя, не мог и подумать, что перед ними будущий величайший философ. Восемнадцать лет (368—347 гг.) проведет **Аристотель** (384—322) в Академии, впитывая уроки престарелого учителя и вступая с ним в споры («Платон мне друг, но истина дороже»). После смерти Платона Аристотель начнет странствия в поисках собственных учеников (одним из них будет Александр Македонский), а затем вернется в Афины и под горой Ликабетт, в гимнасии, расположенном в садах Аполлона Ликейского, создаст в 335 г. свою собственную школу — *«Ликей»* (в унаследованном нами латинском произношении — лицей).

Через год после этого Александр покинет Грецию и начнет завоевание мира, а его учитель приступит к последовательному объяснению природы и всего живого. И если Александр оставит за собою опустошенные страны, разрушенные города, горы трупов, пепел и кровь, то следами деятельности Аристотеля окажутся освоенные им и его вовлеченными в гигантский труд учениками науки и оригинальные труды о них — логика, физика, биология, риторика, поэтика, политика, история, психология. И так же, как города состоят из районов и кварталов, в сочинениях Аристотеля каждая из наук делится на части. Так, «полису» Биология посвящены трактаты ***«История животных»***, ***«О движении животных»***, а «полис» Политика состоит из трактата ***«Политика»*** и 158 описаний политического устройства конкретных государств (***«Политий»***). Такова импе-



Аристотель

рия Аристотеля, при завоевании которой не было пролито ни капли крови, его поистине вечная империя. Перед ней верноподданнически склонилось само Время.

Держава Александра рассыпалась, едва успев родиться, и «ученики» Александра начали кровавую борьбу за корону. Держава Аристотеля после его изгнания из Афин и кончины (на следующий год после смерти Александра) сразу же начала расти и крепнуть. Ученики Аристотеля не растаскивали его наследие, а, напротив, стали его собирать и умножать. И к тому времени, когда римляне, разгромив преемников Александра, создали свою великую империю, невидимая держава Аристотеля была прочнее, чем в год его смерти.

В 88 г. до н. э. население Афин, где Аристотель создал Ликей и большинство своих трудов, восстало против ненавистных римлян. Окруженный римским войском город ожидала судьба других непокорных городов — разрушение, а его жителей — рабство. Но римский полководец Сулла остановил опьяненных победой солдат. Он заявил потрясенным афинянам: «Я щажу живых ради мертвых». Так Афины были спасены не храбростью своих защитников, а гением своих мудрецов и поэтов. Главным трофеем Суллы стали сочинения Аристотеля — сотни свитков, уже изъеденных червями и покрытых плесенью. В Италии они нашли своих ценителей и почитателей.

И не в одной Италии. В Египте, завоеванном Александром, Аристотеля знали не только в городах, населенных греками, но и в деревнях с чисто египетским населением. Есть что-то символичное в том, что в одной из таких деревень на краю пустыни в конце XIX в. нашли папирус с сочинением Аристотеля ***«Афинская полития»***, но до сих пор не могут отыскать место, где был воздвигнут мавзолей Александра. Древняя земля Египта сохранила память о просветителе, а не о завоевателе.

Необыкновенно прочной была память об Аристотеле и в других странах Востока, завоеванных фалангами Александра. Образ Александра исказился почти до неузнаваемости, превратившись в какого-то сказочного демона — Искандера двурогого. Аристотель же оставался в памяти людей Востока, ибо вел там сражение нетленным оружием слова. Сочинения Аристотеля переписывались и изучались, и даже после арабского завоевания и распространения ислама авторитет Аристотеля был так же велик, как и в первые годы после его смерти.

Отношения Платона и Аристотеля выходят за рамки отношений учителя и ученика и в то же время ими определяются. Аристотель немыслим без Платона. Только на почве универсальной системы объективного идеализма могла вырасти грандиозная научная философия, обращенная ко всем формам бытия. Аристотель — вечный ученик Платона и его вечный оппонент.

Искусство убеждать и услаждать. За два года до того, как в роще Академа поселились философы, в самих Афинах была открыта авторитетнейшая из платных школ, обучавших искусству убеждать и услаждать. Ее основатель **Исократ** был уверен, что риторика превосходит философию в возможностях воспитания всесторонне образованного человека, а следовательно, и в общественной полезности. Разработанная им программа обучения включала не только правила риторического искусства, выработанного в середине предшествовавшего столетия софистами Великой Греции, но также смежные дисциплины — философию, право, поэзию, музыку, филологию, психологию. Преподавание велось в форме диспутов в течение трех-четырех лет и обходилось ученику в тысячу драхм. Сам Исократ воздерживался от публичных выступлений вследствие природной застенчивости и слабого голоса, но был прекрасным педагогом и знал толк в ораторском искусстве. Написанные им речи (сохранились 21 его речь и 9 подражаний им) — это настоящие шедевры, в которых не только выверена каждая мысль, но и подсчитан каждый слог, устранено все, что может показаться неблагозвучным или лишним. Самым совершенным его произведением считается ***«Панегирик»***, изданный к Олимпийским играм 480 года, — восхваление Афин и призыв к объединению в войне против персидского царя под афинской гегемонией. Логическая стройность органично соединена в ней с образностью и плавностью звучания, что дало древним повод считать Исократа основателем стиля греческой прозы.

Исократ был человеком столетия. И не только потому, что его жизнь захватила почти целый календарный век (436—338). Его речи — не только важный источник по экономике, политике, праву, социальной психологии IV в., но и сам он — трагическая фигура столетия, завершившегося гибелью эллинской свободы. После битвы при Херонее Исократ отказался от пищи и умер через несколько дней.

Так же, как в платоновой Академии антиподом Платона стал Аристотель, из ораторской школы Исократа вышел его антипод — **Демосфен** (384—322), правда, не являвшийся непосредственно его учеником, но учившийся ораторскому искусству по произведениям Исократа. Занявшись красноречием случайно, Демосфен преодолел природный недостаток — шепелявость — и добился того, что ему внимали толпы людей — кто с восторгом, кто с ужасом. В отличие от Исократа, терпеливо подсчитывавшего слова, он был воспламенен гражданским негодованием, обращенным к македонскому завоевателю Филиппу, в котором Исократ видел спасителя Эллады. Один из античных авторов сравнивал речи Исократа с ухоженными телами атлетов, а речи Демосфена — с воинами в доспехах, потрясающими грозным оружием.

Помимо речей совещательных, звучащих в совете и народном собрании, и торжественных, услаждавших слух любителей слова, велика была потребность в судебном красноречии. Особенно возрастает она после Пелопоннесской войны: установленная спартанцами в городах Афинского союза и самих Афинах олигархия в большинстве полисов вскоре была свергнута, и начались бесконечные судебные процессы, связанные с имущественными и политическими претензиями. Однако в демократических полисах, о порядках в которых мы знаем преимущественно на материале Афин, не допускалось выступление профессионалов. Считалось, что свою правоту каждый должен доказывать сам — только за ребенка и женщину мог выступить кто-то другой. И граждане, не сведущие в тонкостях судебного дела, неофициально обращались за помощью к опытным ораторам, чтобы те составили нужную речь и разучили ее вместе с ними так, чтобы у судей сложилось впечатление, будто говорящий произносит собственные слова, к тому же без подготовки и не будучи искушен в риторическом искусстве: ведь оно было обязано заложившим его основы софистам недоброй славой искусства обмана, умения добиваться правдоподобия, уходя от установления правды.

И Исократ, и Демосфен, прежде чем погрузились в политику, начинали в качестве таких «составителей речей» для сограждан. Исократ, считавший это занятие не слишком почтенным и с осуждением о нем отзывавшийся, никогда не вспоминал об этом этапе своей биографии. Демосфен, тоже не считавший составление речей для других своим призванием, напротив, не стыдился этой деятельности, позволившей ему довольно быстро поправить материальное положение, расстроенное алчными опекунами после смерти отца. Но подлинного искусства в составлении судебных речей достиг **Лисий**, виртуоз судебной риторики. Его речи — важнейший источник нашего знания по афинскому праву, по общественной и частной жизни афинян.

Лисий (ок. 443–380) не был афинским гражданином, несмотря на то, что родился и прожил в Афинах бо́льшую часть жизни, а его отец, хотя и был метеком, общался с виднейшими из афинских политиков, включая Перикла. После смерти отца, в пятнадцатилетнем возрасте, Лисий вместе со старшим братом уезжает в афинскую колонию Южной Италии Фурии, где, как и многие другие состоятельные юноши, получает ораторскую подготовку. Он и не помышлял, что риторика станет его профессией. Когда в результате неудачной афинской экспедиции в западных колониях Греции начали устанавливаться олигархические режимы и в Фуриях была свергнута демократия (423 г.), братья вынуждены были покинуть Южную Италию и вернулись в Афины. Но и в Афинах Лисий по-

страдал от олигархии, захватившей власть после окончания Пелопоннесской войны. Вместе с братом он попал в первый же список метеков, приверженных демократии и подлежащих уничтожению с конфискацией имущества.

Лисий сумел бежать и даже принять участие в борьбе с тиранами: как только демократы стали собирать силы, он отдал все деньги, какие хранил за пределами Афин, раздобыл 200 щитов и вместе с кем-то из друзей оплатил три сотни наемников. Демократия, однако, не отблагодарила его за это предоставлением гражданских прав, и он навсегда остался метеком.

Оказавшись без средств, ибо все его имущество, находившееся в Афинах, конфисковали тираны, а то, что было вне Афин, он пожертвовал на борьбу с ними, Лисий, которому было уже за пятьдесят, был обречен на прозябание. Тут-то ему и пригодились уроки риторики. Первая же произнесенная им в 403 г. речь против олигарха, которого он считал виновником гибели брата, привлекла всеобщее внимание. К Лисию стали обращаться афиняне, нуждавшиеся в судебной защите. За оставшиеся годы жизни он написал более 400 речей, из которых полностью или в крупных фрагментах до нас дошло 34. Речи эти касаются самых разнообразных дел. Это и протест жалкого инвалида, которого завистливый сосед пытается лишить несчастного обола, его ежедневной инвалидной пенсии; и исполненная достоинства речь богатого аристократа, клеветнически обвиненного жадным до чужого добра сикофантом в уничтожении священной оливы; и обвинение афинского гражданина, попавшего по жребию в совет пятисот, в незаконности участия в жеребьевке, поскольку, бежав из Афин, он не участвовал в свержении «тирании тридцати»; и похожее дело о человеке, тоже оставшемся в городе и тоже кем-то обвиненном в незаконности избрания на должность, но написанное от имени защиты, а не обвинения. По двум последним речам видно, как виртуозно Лисий манипулирует законами, какими искусными приемами он убеждает в своей защитной речи, что поведение человека, покинувшего город и вернувшегося лишь после низвержения тирании, вполне добропорядочно, а в обвинительной — обрисовывает ту же коллизию как преступление столь невероятное, что из-за отсутствия прецедентов нет даже закона, который бы определил достойное наказание.

Из каждой речи, написанной Лисием, встает неповторимый характер того, в чьи уста она вкладывалась. В зависимости от общественного положения, степени образованности или, напротив, невежества клиента и его обычной манеры говорить речи то насыщены философскими размышлениями и сентенциями, то сдобрены простецким юмором, то по-крестьянски простодушны и доверитель-

ны; слова то льются свободным потоком, то складываются в корявые, спотыкающиеся фразы. И в любом случае в начале или по ходу речи выступающий уверяет судей, что с премудростями ораторского искусства он не знаком, зато говорит только правду и искренне выскажет, как все происходило на самом деле.

Ксенофонт. В биографиях выдающихся историков Греции есть одна общая черта, и, видимо, не случайная: почти все они создавали свои труды за пределами родных полисов. В условиях бурной политической жизни, требовавшей полной самоотдачи, для углубленных занятий историей не оставалось времени. Изгнание не только предоставляло досуг, но и создавало важный стимул для исторического творчества — оправдание перед соотечественниками и обличение тех, кто вынудил автора покинуть родину.

Ксенофонт, так же как и Фукидид, был афинянином, и так же, как и он, аристократом и изгнанником. Принадлежали они к одному поколению, историком которого был Фукидид. Вместе с Платоном Ксенофонт обучался у Сократа, но Сократ не был для него «лебедем», ибо Ксенофонт философией не увлекался, а жаждал воинской славы и приключений. В годы позорного поражения Афин он сам покинул родину и добровольно примкнул к наемникам, которых набирал друг и покровитель спартанцев царевич Кир Младший, затеявший войну против своего брата царя Артаксеркса II. В более чем десятитысячной армии наемников преобладали спартанцы, и командовали там тоже они. Афиняне виделись белыми воронами и не могли рассчитывать на выдвижение в командиры. После гибели Кира наемникам пришлось искать выход из, казалось бы, безвыходного положения, и они обратили внимание на речистого и образованного афинянина, до того времени остававшегося в тени: для спасения требовалось не только мужество, но и знание географии, в которой спартанцы не были сильны. По возвращении на родину Ксенофонт под вымышленным именем сиракузянина описал поход и возвращение греков из глубин Азии на родину, не забыв подчеркнуть заслуги «некоего Ксенофонта, находившегося в греческом войске».

После восстановления в Афинах демократии путь Ксенофонту в отечество был заказан, ибо он служил в спартанской армии. Ему ничего не оставалось, как принять в подарок от спартанского царя Агесилая землю на Пелопоннесе и заняться сельским хозяйством, а для души — охотой. Своего благодетеля Ксенофонт отблагодарил не вином и оливками, не дичью, а сочинением «**Агесилай**», созданным в той сладостно-панегирической манере, которая обеспечила ученику Сократа прозвище «аттической пчелы».

Главный исторический труд Ксенофонта — его ***«Греческая история»*** — начинался словами: «После того, как...», продолжая повествование о событиях Пелопоннесской войны с того места, где оборвалась «История» Фукидида. Наряду с Ксенофонтом на лавры продолжателя великого историка претендовало еще двое — хиосец Феопомп и афинянин Кратипп. Кому достались эти лавры, трудно сказать, поскольку сохранилось только сочинение Ксенофонта. Но не умри Фукидид от старости или болезни, он скончался бы от негодования, читая труд Ксенофонта, ибо автор словно специально задался целью отказаться от всего, что было достигнуто Фукидидом в изложении истории Пелопоннесской войны и что отличает его труд от работ предшественников: от анализа причин исторических событий и мотивации поведения исторических лиц; от изложения различных версий; от критики источников; от исследования хронологии и, наконец, от элементарной объективности. «Греческая история» написана так, словно писал ее не афинянин, а спартанец, радующийся сокрушению «Длинных стен» и стремящийся обелить черные дела тех, кто добился победы, купленной на персидское золото.

И все же о своей родине изгнанник не забывал и вложил чувства к ней в воспоминания об учителе — ***«Апологию Сократа»***, ***«Воспоминания»***, ***«Пир»***. На Сократа он смотрит не только из дали времени, но и сквозь призму собственной тенденциозной позиции, видя в нем, отдавшем предпочтение чаше с цикутой, а не изгнанию, своего наставника и союзника.

Из других сочинений Ксенофонта заслуживает внимания ***«Киропедия»*** (***«Воспитание Кира»***). Содержание произведения шире названия. Оно дает полное описание жизни персидского царя, весьма далекое от биографии реального Кира. Явственно звучит тоска по сильной руке и порядку, утраченному Грецией после Пелопоннесской войны.

Феопомп и Эфор. Из школы Исократа вышли историки Феопомп и Эфор. Стиль первого был страстным, второго — вялым, и Исократ говорил, что Феопомп нуждается в узде, а Эфор — в стрекале. Феопомп посвятил свое произведение истории Македонии времени Филиппа II. На творчество Феопомпа существенное влияние оказала киническая философия. Не случайно им воздается хвала основателю этой школы Антисфену. К киникам, очевидно, восходит и суровое осуждение Феопомпом современных обычаев и нравов, а также резкая критика государственных деятелей с нравственных позиций. Порой не щадится и главный герой — Филипп. Это дало основание древним читателям Феопом-

па говорить о нем как самом злоречивом из авторов. Эфор создал всеобщую историю, впервые отделив резкой гранью мифологическую эпоху от исторической. Его изложение было занимательным, оживленным рассказами об основателях городов и местных достопримечательностях.

Школа и полис. К IV в. в греческих полисах сложилась единообразная система обучения, успешно обобщившая афинский и спартанский опыт, а также использовавшая вклад выдающихся мыслителей в эту важнейшую область общественной жизни. Усиленное внимание к воспитанию в это время питалось кризисными явлениями, ибо многие полагали, что целенаправленная школа в состоянии ослабить социальную напряженность. В связи с резким возрастанием объема научных и профессиональных знаний вставала сложная во все времена проблема финансового обеспечения школы, тем более что к тому времени во весь голос заявила о себе идея всеобщности обучения в противовес его элитарности.

В 403 г. в Афинах, где начальное обучение до этого было частным делом каждого, принимается декрет об изучении ионийской грамоты всеми детьми граждан. Вслед за этим на протяжении столетия в ионийских городах появляются государственные школы. Полис, несмотря на кризис, берет на себя затраты на обучение и, соответственно, осуществляет над ним целенаправленный контроль.

Обучение детей начиналось в низших школах. Их учителя преподавали своим питомцам грамоту, литературу (начиная с Гомера), музыку, грамматику, арифметику, рисование. В двенадцать лет ученики переходили в школу следующей ступени, где изучали в течение трех лет прежние предметы по расширенному курсу, а также астрономию и философию. При школах обычно имелись специальные сооружения — палестры — для занятий спортом. Учебная программа, рассчитанная на подростков от пятнадцати до восемнадцати лет, имела целью обучение всей сумме знаний, то есть семи «свободным искусствам» — грамматике, диалектике, понимаемой как искусство ведения диалога, риторике, арифметике, геометрии, астрономии и музыке. Главнейшими считались грамматика и риторика. Грамматика включала изучение творчества крупнейших поэтов и ораторов. На уроках риторики ученики знакомились с системой красноречия, заучивали примеры, выполняли практические упражнения. Конкретной профессии школы не обучали. Для овладения ею юноше приходилось искать себе наставника среди специалистов-практиков.

Занятия проходили под руководством наставника, избиравшегося гражданами, как и все должностные лица, путем голосования —

из лиц не моложе тридцати лет, обладавших достатком: ведь исполнение этой обязанности требовало определенных затрат из собственных средств. Учителя также избирались — об этом свидетельствует, в частности, занесенный на мраморную доску декрет народного собрания Милета.

Греческая школа

Учеба в школе требовала от ребенка и подростка большого напряжения. Сохранилось высказывание философа-киника, то есть противника всех полисных установлений, о тяжкой доле ученика, которым поначалу командует педагог (раб-воспитатель), потом учителя грамоты, музыки и рисования, а впоследствии преподаватели геометрии, астрономии, а также фехтования и верховой езды. И все следят за его поведением и требуют от него напряженной работы. Строгая дисциплина в школе поддерживалась телесными наказаниями, но была разработана и система поощрений, например, вывешивались списки отличившихся учеников.

К восемнадцати годам освоившие школьную науку юноши переходили в школу эфебов, учреждение чисто военное. Списки эфебов составлялись после тщательной проверки происхождения юноши, ибо эфебия была ступенью к включению в списки граждан. После торжественного принятия присяги юноши проходили военное обучение, два года находясь на государственном обеспечении.

Система обучения, сложившаяся в греческих полисах, будучи одним из высших достижений греческой культуры, широко распространилась по всему кругу земель. В Италии с ней долгое время конкурировала этрусская система обучения — вплоть до IV в. римские патриции отправляли своих детей на обучение в этрусские города. Но с III в. повсеместно предпочтение отдается греческим учителям, которых можно было встретить и в Карфагене. Греческое воспитание получил великий противник Рима Ганнибал, в Риме — его извечный антипод Сципион. Впоследствии, уже стариками, они, встречаясь в Эфесе, вели беседы по-гречески и могли вспоминать не только о непримиримых схватках, но и о своих учителях.

В IV в. появились высшие школы, дававшие универсальное образование. Первая из них была создана Платоном в 385 г. Школа имела статус культового объединения с целью почитания Аполлона и муз и следовала уставу, выработанному ее предшественницей, школой муз Пифагора в Кротоне (ограничение времени сна, сексуальное воздержание, отказ от мясной пищи; от обета молчания, правда, пришлось отказаться, но культ руководителя школы был сохранен).

На участке храма Аполлона Ликейского, в здании гимнасия, основанного то ли Писистратом, то ли Периклом, проходили занятия другой школы — созданного Аристотелем Ликея. Аристотель и его преемники по руководству школой читали лекции и вели с учениками разработку отдельных интересующих руководителя тем. Видимо, все, что из этого получалось, приписывалось руководителю. Этим можно объяснить то, что **Феофраст,** первый из преемников Аристотеля, считался автором 240 сочинений общим объемом в 232 800 строк.

Полис пытался осуществлять руководство и над высшими школами. Вскоре после смерти Аристотеля появился закон, запрещавший кому-либо из философов под страхом смерти возглавлять школу, не утвержденную решением совета и народа. Правда, закон просуществовал недолго — в знак протеста все без исключения философы покинули Афины. Это была первая в истории науки коллективная акция протеста ученых. Через год закон был отменен, а на его инициатора наложен штраф в пять талантов, после чего философы вернулись. Феофраста, бывшего среди них, встречало две тысячи его учеников.

Архитектура, скульптура, живопись. Кризис полиса больно ударил по Афинам и другим государствам Балканского полуострова. Но некоторые полисы Малой Азии и островов Эгейского моря, освободившись от обременительной опеки Афин, переживали подъем в экономике и культуре. Уже в 334 г. талантливый зодчий Пифей по заказу Александра Македонского возвел в Приене храм Афины, достойно соперничавший с Парфеноном. Пифею же принадлежит грандиозное сооружение гробницы карийского правителя Мавзола, прославившее Галикарнас, родину «отца истории» Геродота, и давшее название «мавзолей» подобного рода постройкам. Так же, как позднее строитель Александрийского маяка Сострат, Пифей явно соперничал со строителями египетских пирамид. Детище александрийского зодчего превзошло египетское чудо света высотой, галикарнасского архитектора — пышностью. Галикарнасский мавзолей — это 24-ступенчатая пирамида сорокаметровой высоты, увенчанная квадригой.

В ходе раскопок мавзолея в середине прошлого века археологи извлекли из земли мраморные обломки, из которых были составлены статуи Мавзола и его жены Артемисии, колоссальный торс всадника, а также множество фрагментов фриза. В создании декора мавзолея участвовали крупнейшие скульпторы — Скопас, Пракситель, Леохар.

К семи чудесам света наряду с мавзолеем относили и новый храм Артемиды, построенный на месте сожженного «незабвенным» Ге-

ростратом старого святилища VI в. Этот грандиозный храм отличался от других неизвестным ранее типом колонн.

Новые веяния в искусстве ваяния ранее всего проявились в творчестве **Скопаса**. Для V века было непредставимо выражение в скульптуре сильных чувств, тем более страдания. Грек V в. следовал и в жизни и в искусстве формуле Архилоха:

Слишком в беде не горюй и не радуйся слишком при счастье,
То и другое умей доблестно в сердце носить.

Различие в подходе скульпторов разных поколений к изображению человека особенно заметно при сравнении спокойного, невозмутимого облика раненой амазонки Поликлета и головы изваянного Скопасом умирающего воина, в лице которого ощущается физическое страдание.

Особенной славой в древности пользовалась его «Вакханка», неистовая спутница Диониса. Скопас изобразил ее с только что убитым козленком в руке, несущейся в вакхической пляске — с откинутой назад головой, причудливо изогнутым торсом. Скульптура дошла до нас в уменьшенной римской копии, и судить о силе ее воздействия на зрителя мы можем скорее по многочисленным восторженным строкам древних поэтов, один из которых писал:

Нет, создала не природа вакханку нам эту в экстазе —
Создал художник ее, в мрамор безумье вложив.

Интерес к чувствам и настроению человека характерен и для творившего в совершенно иной манере современника Скопаса, одного из самых почитаемых в древности скульпторов — **Праксителя**.

Одну из его работ видел в Олимпии путешественник II века Павсаний: «Есть еще мраморный Гермес, который держит на руках малютку Диониса». Именно эту скульптурную группу в 1877 г. открыли в ходе раскопок. Гермес стоит, опираясь на ствол дерева, а младенец Дионис тянется к грозди винограда в поднятой руке брата. В облике Гермеса нет ничего, что отличало бы бога от человека. В его позе ленивая грация, лицо овеяно легкой грустью. Кажется, он вспоминает о чем-то далеком и полученное от Зевса задание — отнести младенца к нимфам — его не занимает.

Эта скульптура — не самая прославленная из творений Праксителя, но для нас она важна потому, что это, скорее всего, подлинник. Все остальные дошли в римских копиях.

Самой громкой славой пользовалась ***«Афродита Книдская»***, которую античные искусствоведы считали «выше всех произведений

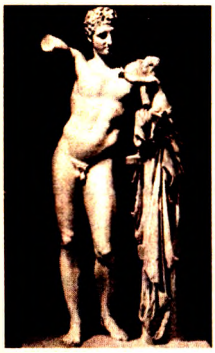
не только древности, но вообще существующих во вселенной». Она стояла в открытом круглом храме, словно только что вышедшая из морской пены, доносимой прибоем. Известно, что многие древние ценители искусства приезжали в малоазийский город Книд, чтобы насладиться совершенной красотой творения Праксителя.

Кроме названных скульптур до нас дошло около 150 копий ***«Отдыхающего сатира»*** и по одной копии ***«Эрота и Аполлона с ящерицей»***. Сохранились и значительные фрагменты рельефов Галикарнасского мавзолея (сторона фриза, изваянная Праксителем, без труда определяется по характерной для его творчества ленивой грации).

Третью сторону галикарнасского фриза выполнил **Леохар**, знаменитый своей бронзовой статуей Аполлона, мраморная копия которой хранится в Бельведерском дворике Ватикана под названием ***«Аполлон Бельведерский»***.

Ко второй половине IV в. относится творчество самого плодовитого из греческих скульпторов — **Лисиппа**, начинавшего восхождение к вершинам мастерства со скромного труда ремесленника в бронзовой мастерской родного полиса Сикиона (древнего центра бронзового литья), а завершившего жизнь знаменитым автором полутора тысяч произведений, каждое из которых, по словам одного из римских писателей, могло бы принести ему славу.

Лисипп, в отличие от своих великих предшественников, не получил образования и на вопрос об учителях обычно отвечал — Природа и «Дорифор» Поликлета. Но как же превзошел канон Поликлета лисипповский ***«Апоксиомен»*** (дословно: соскабливатель) — юноша-атлет, счищающий после состязания прилипшие к телу грязь и масло. Если «Дорифор» застыл в неподвижности, несмотря на задуманное движение (передаваемое выставленной вперед ногой), то «**Апоксиомен**» — сама динамика при кажущемся покое. Ог-



Пракситель. Гермес с младенцем Дионисом

Пракситель. Аполлон с ящерицей

Пракситель. Отдыхающий сатир

Леохар. Аполлон Бельведерский

ромна разница и в выражении лиц — безмятежно-спокойного у первого и пронизанного внутренним беспокойством, еще не остывшего от напряжения борьбы — у второго.

Из многочисленных изображений богов, атлетов и героев, отлитых Лисиппом в бронзе, до нашего времени дошло немного, да и то в мраморных копиях, если не считать ***«Отдыхающего Геракла»*** и ***«Кулачного бойца»***, о принадлежности которых Лисиппу спорят до сих пор. Особенно близок был ему герой-труженик Геракл. Из серии «Двенадцать подвигов Геракла» сохранилась уменьшенная копия ***«Борьбы Геракла с Немейским львом»***. Хранится она в Эрмитаже.

Кого бы ни изображал Лисипп — бога, атлета, мифического героя или Александра (чьим другом и придворным скульптором он стал) — все его образы несут печать тревожной эпохи, в которую он жил. Слава Лисиппа пережила время независимости его родины. Его произведения постепенно покидают Грецию и перевозятся завоевателями в Рим. Первым трофеем стал целый конный отряд воинов, павших в сражении Александра с персами при Гранике, — работа, заказанная в свое время Лисиппу самим Александром. Скульптуры распорядился отправить в Рим консул, подавивший последнюю попытку Эллады вернуть независимость, поддержав самозванца Лже-Филиппа (Андриска). Конники в полном составе были установлены на форуме, возле возведенного победителем храма. Что касается «Апоксиомена», то он уже во времена империи занял место возле терм Агриппы; римляне так ценили его, что, когда Тиберий приказал перенести статую в свой дворец, в городе вспыхнули волнения, и императору пришлось уступить.

Лисипп. Апоксиомен

Лисипп. Отдыхающий Геракл

Лисипп. Отдыхающий Гермес

В греческой живописи, равно как и в скульптуре, в IV в. формируются тенденции, в полной мере развившиеся в последующую эпоху.

Лисипп.
Голова кулачного бойца

Вырабатывается новая техника *энкаустики* — живописи расплавленными восковыми красками, наносимыми на поверхность картины горячими металлическими инструментами. Древние энкаусты, в отличие от своих предшественников, на картинах вместо обычного «написал такой-то» указывали: «вжег». Поэтому они могли считать своим покровителем не только Аполлона, но и похитителя огня Прометея, ибо это он обеспечил вечность одному из древнейших искусств. Помимо крепости и светоустойчивости новая живописная техника позволяла добиваться блеска и иных художественных эффектов изображения.

Характерная особенность художественной манеры времени после Пелопоннесской войны — стремление достигнуть достоверности изображаемого. О художнике Зевксисе рассказывали, что ему удалось так нарисовать виноград, что к картине подлетали птицы, чтобы его склевать. Другой же художник, Паррасий, так изобразил занавес, что смог обмануть и Зевксиса, попросившего его убрать полотнище, закрывавшее картину, хотя полотнище и было ее сюжетом. Самым прославленным из греческих художников IV в., да и не только этого века, был **Апеллес** с острова Кос. Говорили, что Александр только Апеллесу доверял изображать себя на картинах, так же как Лисиппу — в статуях. Известна картина Апеллеса, сюжет которой — свадьба Александра с согдианкой Роксаной. Рассказывали, что однажды, состязаясь с художниками, Апеллес избрал судьями своего искусства не людей, а животных. Он привел в мастерскую коней, и они будто бы заржали при виде нарисованной, или, точнее, «выжженной», художником кобылицы. Картины Апеллеса, созданные в технике энкаустики, до нас не дошли: подвели не краски, а доски, на которые их наложили.

Этрусские полисы в IV в. переживают такой же жестокий кризис, что и греческие. Соответственно изменяются сюжеты этрусских погребальных росписей: теперь здесь преобладают сцены казней и мучений, ожидающих души мертвых в загробном мире. В то же время художники добиваются большей выразительности в передаче человеческих чувств и состояний: тревоги, стойкости, печали. Это же время отмечено появлением этрусского скульптурного портрета, не имеющего себе равных в античном мире по мастерству

передачи настроения. Шедевр портретной живописи — изображение головы мальчика, изваянной безымянным скульптором IV в. Художником передана щемящая скорбь прощания с жизнью и неповторимая индивидуальность умершего. В области скульптурного портрета, как и во многом другом, римляне были добросовестными учениками этрусских мастеров, но потребовалось несколько столетий, чтобы уроки принесли результаты.

Искусство IV в. отказалось от суровой ясности бесстрастных творений Фидия. Оно пошло по стопам Еврипида — к передаче бурных драматических переживаний, сложных движений человеческой души, отражая одновременно глубочайший разлом и в самой полисной организации, и в образе жизни человека полисной эпохи.

Дом благой судьбы. На побережье примыкавшего к Македонии полуострова Халкидики находился греческий город Олинф, давний союзник Афин. Для македонян IV в. он был тем же, чем для афинян в свое время Эгина, — бельмом на глазу. В 348 г. Филипп II захватил и полностью разрушил Олинф, сохранив его тем самым для потомства как прекрасный археологический памятник. Осуществленные между 1928 и 1939 гг. раскопки американской экспедиции создали впервые возможность изучение городской застройки и греческого жилища V—IV вв., о чем до этого можно было судить лишь по литературным источникам, к числу которых применительно к Олинфу относятся прежде всего «Олинфские речи» Демосфена.

Крепостная стена Олинфа охватывала два холма — северный и южный. Первый был застроен общественными зданиями и частными особняками, второй — жалкими жилищами бедняков, что само по себе характеризует кризис полиса. Но некоторые дома Олинфа позволяют понять большее: изменения в религиозных представлениях его обитателей. Особенно интересен дом, известный в научной литературе под названием «дома благой судьбы». По своим размерам он больше других домов состоятельных горожан — длина фасада 26 м вместо средних семнадцати, но внешне не отличался роскошной отделкой, и проходившие мимо него обитатели южного холма не выделили бы его среди других. Богатство скрывалось за глухой стеной с узкими щелями окон. Но даже если бы кто и открыл калитку, он не увидел бы ничего, кроме мощеного двора, окруженного простыми колоннами, и каменного алтаря в центре для принесения жертв богам.

Чтобы узнать, какое божество здесь было главным, надо было проникнуть внутрь дома, в мужской пиршественный зал (андрон). В нем могло поместиться 9 лож для именитых гостей и оставалось место для танцовщиц и флейтисток, пристраивающихся у ног пирующих. Жены, невестки и дочери хозяина дома могли в это время находиться у себя в гинекее на втором этаже, время от времени спускаясь на кухню или во двор, чтобы принять участие в домашних работах. К андрону с одной стороны примыкала кухня с арочным помещением, с другой — располагалась анфилада комнат. Полы андрона и комнат нижнего этажа были покрыты мозаиками с изображениями, типичными для вазовой росписи этого времени: Дионис на колеснице, запряженной пантерами, козлоногие Паны, пляшущие нимфы. Но что это? Колесо, напоминающее обычное колесо греческой повозки. Такие колеса, большие и малые, почти в каждом помещении. Не был ли владелец дома собственником эргастерия по изготовле-

нию повозок? К счастью, над одним из колес все разъясняющая надпись крупными буквами: «Колесо благой судьбы». Оно подобно рулетке в современном игорном доме, с той лишь разницей, что его поворот никогда не приносил разорения, а давал только счастье, богатство, удачу. Не Афине, не Деметре, не Артемиде поклонялись те, кто пировал в андроне, а богине беспроигрышной личной удачи. Им не было дела до старых полисных богов, о них вспоминали, поскольку помнили мифы, но реальностью стала судьба — Тюхе.

Археология, таким образом, дополнила наши сведения о людях склада Алкивиада или Ксенофонта, которых волновал лишь личный успех, кто был готов служить кому угодно и даже воевать против собственного отечества, лишь бы добиться богатства, славы, успеха любой ценой.

Глава 18
ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ И РИМА

К северу от Фессалии и за жилищем небожителей Олимпом, на равном расстоянии от Эгейского и Адриатического морей, находилась Македония. Богатством ее были горы, покрытые лучшим на полуострове строевым лесом, тучные пастбища со стадами белорогих овец и табунами коней. Аполлон и Афина, которым поклонялись цивилизованные эллины, пренебрегли этим краем, оставив его богине охоты Артемиде и буйному Дионису, неумеренными почитателями которого считались македоняне.

Страна остановившегося времени. Если бы афинянин по торговым делам или из любопытства посетил эту страну в середине IV в., у него могло создаться ощущение, будто его каким-то образом перенесли лет на пятьсот назад. Ибо он не отыскал бы здесь почти ничего из того, что, радуя или доставляя беспокойство, окружало его на родине: ни философов со стайками учеников, ни гелиэи вместе с сикофантами, ни острых на язык и скорых на обещания демагогов, ни тупых наемников, разорявших казну, ни взаимной ненависти, разделявшей богатых и бедных сограждан, — словом, всего, что стало непременной принадлежностью, а порой и бичом полиса. Не было в Македонии и самого полиса. Македонянами управлял не его высочество демос, а наследственный монарх, которому были подчинены князья, предводители отдельных племен. Ему принадлежала в Македонии земля, и он отдавал ее в пользование, требуя за это военной службы. Землю же обрабатывали не рабы, а свободные люди. Свободными людьми были и пастухи. Не существовало в Македонии ничего, подобного собранию на Пниксе. На сборища сходились воины—всадники и пехотинцы, голосовавшие за то, что им предлагали. Похожее «собрание» под Троей описал Гомер в «Илиаде». И точно так же, как во времена Гомера, местные Ахиллы и Одиссеи — царские дружинники — были на дружеской ноге с ца-

рем царей, македонским Агамемноном. Они вместе охотились, проводили время в попойках, накачиваясь, как свойственно варварам, неразбавленным вином. Они считались царскими друзьями и назывались «гетайрами», но так же, как и друзья Агамемнона, могли интриговать против него, и тогда царю приходилось искать поддержки у рядовых воинов. Это была страна несуетливых людей. Поступью их жизни был не быстрый ямб, а медлительный гекзаметр.

Царь Филипп II. В середине IV в. македонянами управлял царь с распространенным у них именем **Филипп** («любящий коней»). Подростком, во времена Эпаминонда, он пребывал в Фивах как заложник и познакомился там с чуждыми македонянам греческими порядками. Он не посещал философов, не участвовал в их спорах, не учился игре на кифаре и, кажется, даже, в отличие от своих фиванских сверстников, не увлекался гетерами. Юный варвар внимательно наблюдал за деятельностью Эпаминонда, особенно за упражнениями воинов, которыми руководил будущий отец двух знаменитых «дочерей» — Левктры и Мантинеи.

Возвратившись в Пеллу, с недавнего времени столицу Македонии, и оттеснив своих соперников на царство, Филипп не стал украшать город новыми зданиями и приглашать греческих артистов и художников, очень быстро в Македонии спивавшихся, а направил свою кипучую энергию на государственные преобразования, так что можно было подумать: юноша решил за годы своего царствования наверстать то, что должны были осуществить, но не осуществили его предшественники за многие столетия.

Преобразования Филиппа. С севера и запада Македония была окружена фракийскими и иллирийскими племенами. В 359 г. в сражении с иллирийцами македонское воинство было разгромлено. Македония лишилась значительной части своих владений и царя и вынуждена была платить победителям дань. Поэтому, вступив на престол, Филипп начал с реорганизации войска по греческому образцу. Прежде всего он создал тяжеловооруженную пехоту (македонскую фалангу). Собрав с гор пастухов, людей отважных и сильных, ходивших в одиночку на медведя, он заменил рогатины в их руках на длинные копья — сариссы — и стал терпеливо обучать их носить тяжелые доспехи и ходить строем. Умевший располагать к себе людей, Филипп быстро нашел общий язык с пастухами, а они оказались на редкость способными учениками, что стало ясно в первых же сражениях с фракийцами и иллирийцами, которые при виде македонской фаланги сначала бежали от нее врассыпную, а затем, попытавшись оказать ей сопротивление, были наголову разбиты.

Усилена была и македонская конница, в которой служила знать: из вспомогательных отрядов она превратилась в подразделение македонской армии. Был создан также и особый инженерный отряд, ведавший сооружением мостов и использованием метательных и стенобитных машин. В войске соблюдалась строжайшая дисциплина. Каралось не только не только любое нарушение приказа, но и стремление к роскоши.

Был положен конец освященному родо-племенными традициями своеволию полусамостоятельных князьков. Призванные ко двору, они составили придворный штат и были наделены определенными обязанностями. Так осуществилась централизация государства и была усилена царская власть.

Реформы позволили Филиппу не только восстановить Македонию в старых границах, но и приобрести новые территории. Особенно важным для материального обеспечения завоевательных планов Филиппа оказалось приобретение долин Фракии с ее золотыми и серебряными копями, которые Филипп вернул к жизни. Там он построил город, назвав его по своему имени Филиппы.

Здесь осуществлялась чеканка единообразной золотой и серебряной монеты, появление которой укрепило авторитет государства и его военную мощь.

Административная, военная и финансовая реформы подготовили захват фракийского морского побережья и полуострова Халкидика, где находились многочисленные греческие полисы, в том числе Амфиполь (в устье р. Стримона), господствовавший над плодородной долиной и владевший серебряными рудниками.

Умело маневрируя, Филипп добился поддержки Афин в войне с греческими полисами Халкидики, а затем приступил к осаде Амфиполя. Амфмипольцы заключили союз с афинянами, призвав их на помощь, но Филипп овладел городом до прибытия афинского флота (357 г.).

«Священная война». В это время сложилась благоприятная обстановка для вмешательства Македонии в дела Средней Греции. С 355 г. коалиция греческих государств вела войну с фокидянами, на чьей территории находился общегреческий дельфийский оракул Аполлона. Поводом для этой «Священной войны» послужили нападение фокидского стратега на храм и захват накопленных там за многие годы несметных богатств, исчислявшихся в сумму не менее десяти тысяч талантов. На эти деньги грабитель нанял наемников и с их помощью успешно отражал нападения. На защиту храма поднялись фиванцы и фессалийцы. Афиняне и спартанцы, напротив, поддержали фокидян, послав им на помощь свои военные от-

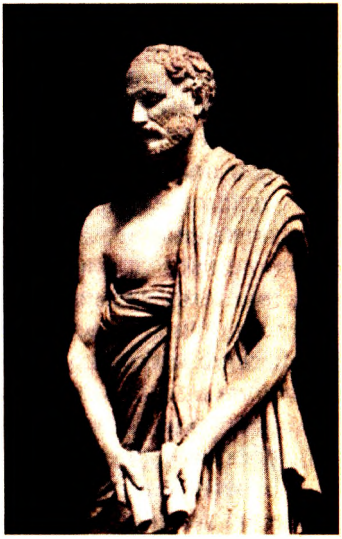
ряды. Тогда фессалийцы обратились за помощью к Филиппу, избрав его своим главнокомандующим, что дало македонскому царю желанный повод для проникновения в Среднюю Грецию.

Вступая в битву с фокидянами, Филипп приказал своим воинам надеть лавровые венки, как бы встав под защиту оскорбленного Аполлона, лишившегося своих сокровищ.

Узнав об исходе сражения, афиняне поспешили занять Фермопильское ущелье (353 г.), опасаясь продвижения Филиппа в Среднюю Грецию. Однако предосторожность оказалась излишней. Филипп, направив силы против собственных союзников в «Священной войне», напал на Олинф, давший убежище двум его сводным братьям, и разрушил этот знаменитый древний город.

Промакедонская и антимакедонская партии в Афинах. Военные успехи Македонии способствовали появлению в Афинах рьяных ее сторонников. Исократ, давно уже подыскивавший главнокомандующего общеэллинским войском в войне с Персией, усмотрел его в Филиппе. Но практическими руководителями македонской партии были афинские ораторы Эсхин, Эвбул и Фокион, которые саботировали поддержку Афинами подвергшихся нападению Филиппа афинских союзников. С помощью македонского золота они добивались выгодных для Филиппа решений народного собрания.

Вождем враждебной Филиппу партии был **Демосфен**, один из величайших ораторов Греции. Филипп, беседуя как-то с одним из своих полководцев, показал ему книгу расходов, куда были занесены имена выдающихся афинских политических деятелей, состоявших у него на жалованьи. Имени Демосфена не было в этом списке. И македонский царь выразился в том смысле, что скорее удастся разрушить стены Афин осадными орудиями, чем одолеть Демосфена золотом.


Демосфен

Демосфен одним из первых заметил опасность, грозящую его родине. Он стремился организовать афинский демос на защиту свободы и независимости, добиваясь строительства сильного флота, подготовки боеспособного гражданского ополчения, мобилизации всех противников Македонии. Вокруг Демосфена сплотились все, кто сохранял верность демократии, кто

помнил о ее великом взлете в годы освободительной войны против Персии. В своих политических речах против Филиппа, получивших впоследствии название «филиппики», Демосфен разоблачал его козни, одновременно рисуя отвратительный облик пьяницы и тирана и выводя на чистую воду подкупленных им афинских политиков.

Главной задачей Демосфена было сплотить греков для противостояния Филиппу. Выполняя ее, он проявил себя талантливым дипломатом и расчетливым политиком. Он добился союза с давним соперником Афин Фивами, стоявшими во главе Беотийского союза городов. К этому военно-политическому союзу присоединились город Византий и островные полисы Эвбея, Родос, Хиос.

Осада Византия. Встретив столь серьезное сопротивление своим планам со стороны афинян, Филипп решил отрезать Афинам путь к Понту, откуда к ним и к их союзникам поступало продовольствие. Византий давно уже из-за выгодного географического положения был яблоком раздора между Афинами и Спартой. После окончания Пелопоннесской войны он был захвачен спартанским полководцем Павсанием и в течение семи лет находился под властью Спарты. В дальнейшем он попеременно принадлежал то афинянам, то спартанцам.

Византий плотно закрыл свои ворота перед Филиппом (340 г.), и тот приступил к осаде, оказавшейся продолжительной и безуспешной. Ресурсы Филиппа начали истощаться, и он стал пополнять их морским разбоем, захватывая корабли и распродавая их грузы. Одновременно он начал грабить города Херсонеса Фракийского и замыслил экспедицию на скифов.

Скифский поход. Скифами в то время правил восьмидесятилетний Атей, ведший, несмотря на свой возраст, активную завоевательную политику. Встретив серьезное сопротивление придунайских племен, он через греков города Аполлонии обратился за помощью к Филиппу, обещав ему усыновление и передачу Скифии в качестве наследства. Филипп немедленно послал к Атею свой отряд, но к тому времени, когда воины прибыли в назначенное место, ситуация изменилась: умер вождь противостоявшего Атею племени, и скиф отослал македонян, попросив передать, что в помощи Филиппа не нуждается, так как его народ превосходит македонян храбростью, да и наследник ему не нужен, поскольку здравствует его собственный сын.

В ответном посольстве Филипп пытался добиться хотя бы возмещения расходов на экспедицию и выплаты жалованья воинам, но не преуспел и в этом. Вновь отправленные послы передали

просьбу Филиппа пропустить через скифские земли его войско, поскольку он намерен установить в устье Истра статую Геракла. Новый отказ дал повод к войне, которым Филипп не преминул воспользоваться.

Сначала события разворачивались для Филиппа благоприятно. Ему удалось разбить превосходящее численностью скифское войско, в плен было захвачено до двадцати тысяч человек (преимущественно женщин и детей) и уведен огромный табун кобылиц для македонских конных заводов (скифские кони славились выносливостью). Но на пути в Македонию на войско Филиппа напало одно из фракийских племен. В результате ускользнула из рук вся скифская добыча, сам же Филипп был тяжело ранен. Еще раньше потерявший в одном из сражений глаз, теперь он и охромел, что дало Демосфену обильную пищу для новых насмешек над царем.

Битва при Херонее. Тем временем усилия Демосфена увенчались успехом. Ему удалось сплотить антимакедонскую коалицию, в которую, кроме Афин, вошли Фивы, Коринф и некоторые другие полисы. Местом сражения была избрана Херонейская долина.

День, которому предстояло решить судьбу Греции (начало сентября 338 г.), приближался. Силы противников были примерно равными. Обе армии выстроились в боевой порядок еще до восхода солнца. Филипп поручил командование левым флангом своему восемнадцатилетнему сыну Александру, дав ему в помощь опытных полководцев. Обе стороны сражались с величайшим мужеством. Заколебалась грозная македонская фаланга, однако афиняне, находившиеся на левом фланге, этим не воспользовались; но, помедлив, они начали преследовать македонян, специально заманивших их к подножию холма, чтобы обрушиться с холма с большей силой. Решающую роль в разгроме фланга, на котором сражался отборный отряд фиванцев, сыграл Александр, выказавший не только храбрость, но и воинское мастерство.

Битва при Херонее продолжалась весь день. Едва дождавшись наступления темноты, Филипп с приближенными удалился в царский шатер, чтобы совершить возлияние Дионису, словно бы он, а не Арес сделал его властителем Греции. К полуночи под воздействием винных паров царь, покинув шатер, поспешил на поле боя, расхаживая среди трупов и притопывая в такт ногой, он стал напевать запомнившееся ему начало принятого по инициативе Демосфена решения афинской экклесии: «Демосфен, сын Демосфена, постановил...» Свидетель этого фарса, один из афинских пленников, обратился к царю со словами: «Царь! Ты играешь роль Терсита, между тем счастливый случай велит тебе исполнить роль Агамемнона».

Немедленно протрезвев, царь обнял афинянина и приказал отпустить его на свободу. Филипп давно мечтал осуществить нечто подобное Троянской войне. И изумленная Греция, ожидавшая кары со стороны победителя, увидела другого Филиппа. Немедленно он отправил в Афины сына с предложением дружбы и союза. Залогом искренности должно было послужить возвращение всех пленных без выкупа и передача тел павших. Послы были направлены и в другие греческие полисы с приглашением собраться в Коринфе для справедливого решения общих дел. На призыв откликнулись все, кроме Спарты. Ее царь, как говорили, ответил Филиппу лаконичным посланием: «Если ты почитаешь себя после победы столь великим, измеряй свою тень».

Коринфский конгресс. Открывая осенью 337 г. совещание представителей полисов, Филипп изложил пятнадцатилетнюю историю своего царствования как подготовку к выполнению благородной миссии освобождения эллинов Малой Азии и отмщения персам за поругание греческих святынь во время походов Дария и Ксеркса. В духе программы, сформулированной Исократом, был провозглашен «всеобщий мир». Запрещались межполисные войны, переделы земель и отмена долгов, а также любое изменение государственного строя. В качестве награды для себя Филипп попросил провозгласить его «гегемоном» эллинов и стратегом-самодержцем контингентов, которые полисы должны были выставить по его требованию для войны с Персией. Просьба Филиппа была удовлетворена. Но в греческих городах продолжались волнения, и лишь страх перед Филиппом препятствовал возникновению нового антимакедонского союза.

Смерть Филиппа. Осуществить задуманный поход на Восток Филипп не успел. В 336 г. он был заколот на свадьбе дочери. В смерти Филиппа, кроме его молодой супруги Клеопатры и ее родни, были заинтересованы буквально все: греки, ненавидевшие македонского царя как поработителя, персидский царь, знавший о том, что Филипп готовится к войне с ним, северные соседи македонян иллирийцы и фракийцы и, конечно, мстительная Олимпиада, с которой Филипп только что развелся. Сам Александр не любил отца, от которого воспринял его пороки: безмерное честолюбие, склонность к пьянству и вспыльчивость. На свадьбе отца с Клеопатрой родственник невесты стал призывать гостей молить богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник. Взбешенный этими словами Александр швырнул в обидчика чашу. Филипп же кинулся к сыну с мечом, но споткнулся и упал. Тогда Александр

воскликнул: «Смотрите! Этот человек, собирающийся переправиться из Европы в Азию, не может пройти от ложа к ложу!» После этого конфликта Александр и Олимпиада покинули царский двор. Мать оказалась у себя на родине в Эпире. Александр укрылся в Иллирии.

Легион. В то самое время, когда Филипп создавал свою грозную фалангу и испытывал ее в сражениях с иллирийцами, фракийцами, скифами и греками, едва оправившийся от галльского разгрома Рим преобразовал свой легион, ставший столь же совершенным орудием для завоевания гегемонии в Италии.

Вместо введенного Сервием Туллием боевого порядка по центуриям, когда в первом ряду стояли и принимали на себя удар тяжеловооруженные воины первого класса, а за ними — уступающие по богатству и оснащенности воины второго, третьего и остальных классов, было введено членение тяжеловооруженных воинов на более мелкие, чем центурии, тактические единицы — *манипулы.*

В древнейшую эпоху римское войско представляло собой точный слепок гражданской общины. Род выступал под предводительством родоначальника курия — куриона, триба — трибуна. Это было патрицианское войско. Сервий Туллий создал патрицианско-плебейское войско, и его построение отражало имущественные различия в римском гражданском коллективе. Новый, манипулярный боевой порядок этих отличий во внимание не принимал, хотя они продолжали существовать. Ведь государство брало на себя расходы по вооружению и могло использовать вооруженных граждан так, как это было выгоднее в военном отношении.

Призываемые на военную службу собирались на Капитолии, где и распределились по родам войск в зависимости от своего имущественного положения. Беднейшие попадали во флот, более состоятельные — в пехоту, самые богатые — в конницу, но триста человек на каждый легион. В отличие от пехоты, при каждом наборе формировавшейся заново, конница представляла собой постоянный корпус. Всадник получал от государства определенную сумму на приобретение боевого коня и нес за него ответственность. Для покупки нового коня средств не давалось. Лица, нерадиво ухаживавшие за своим конем, подвергались штрафу и дисциплинарным взысканиям.

Легион, делившийся на 30 манипул (manipulus — буквально: горсть соломы или сена) как военная структура, значительно отличался от фаланги. Тяжеловооруженная пехота легиона состояла из трех линий — по возрасту и степени опытности бойцов. Первую линию составляли гастаты (от hasta — копье) в числе 3 000 воинов,

вторую — принципы (дословно: первые, главные) — 1200 бойцов, третью — триарии, из самых опытных воинов — 600 человек (30 манипул). В составе манипул, но вне линии построения легиона находились велиты (легковооруженные) из самых юных и наименее состоятельных граждан. Каждому легиону придавалось 3000 всадников, делившихся на 300 турм, по 10 человек каждая.

Каждая манипула состояла из двух *центурий* во главе с *центурионами*. Центурион, командовавший первой центурией, был также командиром всего манипула. Центурии не были тактической единицей — ею являлся только манипул. Манипулярный строй давал возможность тактической самостоятельности и маневров, и в этом было его преимущество перед греческой и македонской фалангой.

Обычно бой начинали велиты, находившиеся перед фронтом легиона и на флангах, затем они отходили, и в схватку вступали гастаты. Если противник их теснил, они входили в интервалы второй линии легиона и тогда образовывалась сплошная линия из гастатов и принципов. В случае неудачи принципы вместе с гастатами отступали к триариям, до этого времени остававшимся для неприятеля невидимыми: они стояли на правом колене, выставив вперед левую ногу и упершись плечом в щит. Строй, таким образом, смыкался в единую сплошную линию, и это производило на неприятеля сильное впечатление: уверенные, что преследуют отступающих, они оказывались лицом к лицу с новым, словно выросшим из-под земли строем. Но на практике вступать в бой триариям приходилось редко, лишь при крайней необходимости (отсюда римская поговорка о критическом положении — «дело дошло до триариев»). В некоторых случаях осуществлялось соединение трех манипул — гастатов, триариев и принципов, называемое *когортой*. Она была уже известна во времена Полибия, давшего наиболее детальное описание римской военной организации эпохи великих войн.

Новым в наступательном вооружении было тяжелое короткое копье — пилум. В вооружение гастатов и принципов входило два пилума. Пилум, согласно описанию Полибия, имел длину 135 см и завершался железным острием в форме удлиненной пирамидки. Входя в щит противника, он настолько затруднял его дальнейшие действия, что щит приходилось бросать, открывая себя для удара.

Впоследствии гастаты и принципы в ближнем бою стали использовать короткое ударное и колющее оружие — меч испанского происхождения (гладиус). Скорее всего, его преимущество римляне оценили в битвах с наемниками испанского происхождения в годы Первой Пунической войны. Лезвие гладиуса имело длину до 50 см и затачивалось с двух сторон.

Оборонительным оружием римской пехоты был продолговатый деревянный щит с набитыми на него металлическими пластинами длиной в 120 и шириной 5 см, закрывавший воина от груди до колен. Этот щит, заимствованный у греков, заменил первоначальный римский щит, обитый кожей, неудобный из-за того, что кожа отсыревала и загнивала от влаги. Грудь гастата и принципа защищалась нагрудником из кожи с прикрепленными к ней металлическими пластинками, голова — металлическим остроконечным шлемом высотой до 45 см, принадлежавшим к тому же типу, какой употреблялся кельтами в IV—III вв. Велиты были экипированы круглым щитом (парма) диаметром в 90 см. Главным их оружием был дротик типа пилума, но более короткий и легкий.

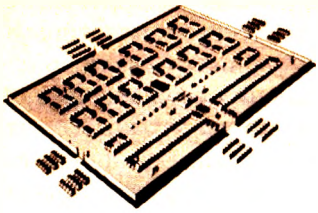
Легиону, состоявшему исключительно из римских граждан, придавался союзнический легион примерно той же численности, делившийся на когорты и центурии. Командование этим легионом осуществлялось римским военачальником, назначаемым консулом, средний и низший командный состав состоял из самих союзников.

Общее руководство военной подготовкой легионов принадлежало консулам и осуществлялось при непосредственном участии центурионов. Это были тяжелые физические упражнения — бег с оружием, схватки деревянными мечами, упражнения на меткость.

Были выработаны строгие правила передвижения войска на марше. В авангарде находились отборные воины (экстраординарии). Среди них были центурии ремесленников для наведения в случае необходимости мостов. За экстраординариями следовало правое крыло союзников в сопровождении своего обоза, далее — первый и затем второй римские легионы с их обозами. В арьергарде шло левое крыло союзников. Конница двигалась в тылу или по бокам обозов из вьючных животных. Положение легионов и каждого крыла союзников менялось через день, чтобы все части войска равномерно пользовались возможностью первыми запастись водой и еще не тронутой провизией, добываемой грабительскими набегами. В открытой местности войско двигалось тремя параллельными колоннами гастатов, принципов и триариев. Обычно в день оно проходило до 30 км.

После каждого дневного перехода сооружался лагерь в форме четырехугольника, обнесенного рвом и валом, иногда — также палисадом. Если это был лагерь для двух соединенных легионов, он имел прямоугольную форму. И в том и в другом случае в центре лагеря находилась площадь, занятая палатками консула (преторием) и квестора. Они охранялись особой стражей, предотвращавшей возможность покушения.

На площадке перед преторием осуществлялось боевое построение воинов. От нее отходили улицы, образованные палатками вои-



Римский лагерь

нов. Каждое подразделение занимало строго определенное место. Распоряжения консулов передавались через войсковых трибунов и центурионов.

Лагерь охранялся манипулами гастатов и принципов, турмами всадников по очереди. Вступление в лагерь было возможно лишь для тех, кто знал постоянно изменяемый пароль. Лагерь исключал возможность застигнуть войско врасплох и позволял легионам выдерживать осаду.

Строгий порядок в римской армии не имел себе равных в многовековой истории военного дела. Римская дисциплина означала безоговорочное выполнение младшими приказов старших. Малейшее нарушение каралось жесточайшим образом. Воинов секли розгами, пропускали сквозь строй, забивали камнями. Даже грабеж, казалось бы, несовместимый с дисциплиной, был строго регламентирован — подразделения грабили несли охрану и охраняли по очереди. Однако строгий устав не защищал новичков от старослужащих, последние зачастую отбирали у них самое ценное и всячески над ними издевались. Впрочем, мужеложство, повторенное трижды, сурово каралось. Наряду с этим для дисциплинированных и отличившихся воинов предусматривались поощрения и награды. После сражения командующий выстраивал войско и, вызывая наиболее отличившихся, публично отмечал заслуги каждого. Ранившему врага в дар доставалось копье, убившему и снявшему вражеские доспехи — чаша. Золотым «стенным» венком награждался солдат, первым поднявшийся на вражескую стену, другими наградами — прикрывший соседа в бою или вынесший с поля боя раненого. Эти награды настолько ценились воинами, что после возвращения на родину занимали в жилищах почетное место и передавались по наследству как самое ценное.

Военная организация в таком виде, скорее всего, сложилась в эпоху Самнитских войн и постоянно совершенствовалась. Весьма консервативные в сфере политики и религии, в военном деле римляне охотно учились у своих противников, воспринимая все их достижения: помимо упоминавшихся уже пилума и гладиуса это и деление на центурии, взятое у этрусков, и их же изобретение — применявшаяся римлянами сигнальная труба. К чисто римским важнейшим нововведениям, у других народов отсутствовавшим, относится организация лагерной стоянки, выработанная в ходе войн с италийскими племенами, и система расположения войск на марше. Нахо-

дясь в постоянном изменении вместе с обществом, римская армия все же до конца существования римской державы в общем сохраняла свою первоначальную структуру.

И легион, и фаланга в военном отношении — это тяжеловооруженная пехота, двигавшаяся строем. Но фаланга была крайне неповоротлива: если неприятелю удавалось нарушить спаянность строя, восстановить его было невозможно. Легион же был подвижен: расчлененный на манипулы, он мог разомкнуться и сомкнуться. Слабая маневренность македонской фаланги компенсировалась действием на флангах сильной и хорошо обученной конницы, одной из лучших в средиземноморском мире. У римлян, напротив, конница была самой слабой частью войска. Однако, совершенствуя фалангу, Филипп не думал, что ей придется когда-нибудь столкнуться с римским легионом: фаланга была рассчитана на иные условия применении и на иных противников.

Возвышение Македонии совпало по времени с выходом Рима за пределы Лация и началом завоевания римлянами Италии. Царство Македония и полис Рим имели мало общего в своем устройстве, были несопоставимы по численности населения и по ресурсам. Но именно эти два государства впоследствии станут главными соперниками в Восточном Средиземноморье.

Взятие Вей. Потенциальными противниками Рима в его стремлении к гегемонии были, как и противниками Македонии, полисы и племена. Полисы Этрурии в это время переживали не менее жестокий экономический и социальный кризис, чем тот, который охватил полисы Греции. Один из этих полисов, Вейи, находился всего лишь в 17 км к северу от Рима, на правом берегу Тибра. Соперничество Рима и Вей, длившееся на протяжении нескольких столетий, завершилось уничтожением этого города в результате десятилетней войны. Героем ее был Марк Фурий **Камилл**, диктатор 396 г., взявший Вейи с помощью подкопа и отдавший город на разграбление войску и всему римскому населению.

Захват Вей, занимавших ключевое положение, мог бы привести к овладению всем этрусским двенадцатиградьем, если бы не неожиданное появление в Этрурии вторгшихся из-за Альп галлов. После захвата этрусского города Клузия, родины царя Порсенны, галлы двинулись по Соляной дороге мимо развалин Вей к Риму. В битве у речки Аллия римское войско было разгромлено, и галлы беспрепятственно вступили в город (в 390 или, по греческим источникам, в 386 г.). Сопротивление оказала лишь горстка храбрецов, укрывшихся на Капитолийском холме. Они вынуждены были заплатить галлам за согласие уйти из Рима золотом. Позднее римские

историки не могли смириться с таким позором и создали басню о возвращении этого золота и разгроме галлов Камиллом.

Начало Самнитских войн. Полисы Кампании в IV в. страдали от набегов горных племен самнитов, и это обстоятельство оказалось для планов Рима столь же выгодным, как конфликт между фокидянами и другими греческими полисами для Филиппа. Однако в отличие от раздираемых противоречиями греческих полисов, самниты были сильным сплоченным противником, и покорение их потребовало невероятных усилий, нередко сопровождаясь неудачами, ставившими Рим на край пропасти.

Самниты в середине IV в. занимали центральную часть Южной Италии, смыкаясь на юге с племенем луканов. Апеннины здесь были не такими высокогорными, как в Этрурии, и многочисленные равнины, орошаемые ручьями и речками, позволяли их обитателям с успехам разводить скот. Эти горные племена по языку были родственны сабинянам, близким соседям Рима, давшим римлянам Нуму Помпилия и других царей.

Обычаи самнитов и римлян были сходны: и те и другие, например, почитали бога войны и растительности Марса. Когда население в самнитских общинах увеличивалось и становилось трудно его прокормить, совет старейшин объявлял «священную весну» («ver sacrum»), по своему смыслу напоминавшую выведение греками колоний, но в архаической, варварской форме. Весь молодняк скота и новорожденные младенцы посвящались богу войны и весны Марсу. Овец, телят и козлят убивали, дети же по достижении совершеннолетия изгонялись из общины без права возвращения. Теперь им самим предстояло искать себе пропитание. Согласно легендам, дорогу к новым местам обитания подросткам показывали зверь и птица бога Марса — волк и дятел. Самниты называли этих изгоев *мамертинцами* (от самнитского Мамерс, т.е. Марс). Они занимались грабежами или становились наемниками.

Самнитские племена и некоторые города Самниума объединились в союз. Численность его населения намного превосходила численность римлян с их союзниками, но у них не было такого центра, как Рим, — хорошо укрепленного и обладавшего материальными ресурсами.

Поводом к *Первой Самнитской войне* (343—341) послужило обращение к Риму с просьбой о помощи жителей этрусско-самнитского города Капуи, страдавшего от набегов самнитов-горцев. Сенаторы понимали, что оказание помощи повлечет за собой войну, и все же решились на этот шаг, хотя Рим и Самнитский союз были связаны договором о ненападении. Была придумана уловка: капуанцев приняли в число римских граждан и, когда горцы совершили

очередной набег на Капую, их обвинили в нарушении договора — нападении на римских граждан. Виновниками войны таким образом становились самниты. Из Рима выступило четыре легиона во главе с обоими консулами. Победа над самнитами была, однако, омрачена: восстали латиняне, потребовав предоставления им одной должности консула и половины мест в сенате.

Воины-самниты

Так Первая самнитская война переросла в *Латинскую войну* (340—338), в которой союзниками латинов стали самниты Кампании. В 340 г. вновь в Кампанию вошли римские легионы во главе с консулами Манлием Торкватом и Публием Децием Мусом. Поскольку римляне и латины говорили на одном языке и, сражаясь прежде против общего неприятеля, близко знали друг друга, римлянам было запрещено под страхом смерти общение с латинами. Этот запрет невольно нарушил сын консула Манлия Торквата. Во время разведки, забыв о приказе, он вступил в бой с предводителем латинов и убил его. Гордый одержанной победой, юноша явился в лагерь, надеясь на одобрение отца, но был приговорен им к смерти и казнен, несмотря на ужас и мольбы всего воинства. Он был принесен в жертву безжалостному римскому божеству, имя которому — Дисциплина.

В рассказ о первом в этой войне сражении римлян с их братьями-латинами вплетена легенда, будто в одну и ту же ночь обоим консулам во сне явился величественный муж, объявивший, что вождь одной из воюющих сторон и войско другой стороны должны отдать себя в жертву богам преисподней, и в этом случае будет одержана победа. Утром консулы повели легионы к подножию горы Везувий, где стояли легионы латинов. В ходе сражения на

левом фланге римские гастаты стали отступать. Тогда Деций Мус обратился к сопровождавшему римлян понтифику с просьбой подсказать, как принести себя в жертву. Получив полную инструкцию, он выполнил все в точности: облекся в парадную тогу, накрыл ее краем голову, под тогой коснулся пальцами подбородка, наступил обеими ногами на свое копье и произнес: «О, Янус, Юпитер, Марс-родитель, Квирин, Беллона, Лары, божества пришлые и тутошние, в чьих дланях мы и враги наши, также боги преисподней, вас я заклинаю, прошу, умоляю, даруйте римскому народу квиритов одоление и победу, а врагов римского народа квиритов поразите ужасом, страхом и смертью».

После этого Деций Мус ринулся в гущу врагов, внеся в их ряды смятение. Он искал смерти и нашел ее. Римляне одержали победу. Вскоре после этого с латинами был заключен мир на тяжелых для побежденных условиях: у многих общин была отнята часть земель и на нее посажены римские плебеи.

Таким образом, к 30-м гг. IV в., когда греческие полисы стали неполноправными союзниками македонских царей, такими же неполноправными союзниками Рима оказались города Лация и греческие и этрусско-самнитские полисы Кампании. Одновременно с созданием могущественной Македонской державы также и Рим превратился в крупнейшее государство Италии.

Дядя Александра Македонского. И именно в это время римляне, понятия не имевшие о том, что творится на Балканах, впервые услышали о Македонии. Весть о ней принес близкий родственник Александра Македонского и его тезка, брат его матери Олимпиады. В 342 г. Филипп поставил его во главе эпирского племени молоссов, и он избрал такой же способ вмешательства в дела Южной Италии, что и римляне, — пришел на помощь греческому полису Таренту, страдавшему от нападений местных варваров — луканов. В 331 г. (год решающего сражения своего племянника с Персией при Гавгамелах) он высадился с отрядом молоссов в Таренте. Увидев, что «помощник» опаснее неприятелей, тарентцы выпроводили его из своего города, и он направился в другую греческую колонию на Тирренском побережье Италии — Посейдонию (Пестум), начав войну с луканами и самнитами. Неожиданное появление противника самнитов было римлянам на руку, и они заключили с дядей Александра Македонского союз. Вот тогда-то они и узнали о нем впервые. Впрочем, расчеты римлян на то, что родственник великого полководца нанесет удар по их недругам, не оправдались: во время похода на самнитов Александр Молосский погиб (330 г.). Очевидно, от участников этой экспедиции Александр Македонский

узнал о ситуации в Италии и замыслил, после завоевания Востока, поход на Запад, против Рима и Карфагена.

Неаполь взывает о помощи. Повод к новому столкновению Рима с самнитами дал Неаполь. К 30-м гг. III в. это был процветающий полис, славящийся по всей Италии своим великолепным вином, благоуханным розовым маслом, зловонной серой, золотистой айвой и каштанами. Здесь продолжали говорить на греческом языке, верить в греческих богов и устраивать каждые четыре года знаменитые музыкальные состязания, хотя потомки первых основателей греческой колонии, Парфенопеи, давно уже смешались с кампанцами и самнитами. Варвары стали греками, изменив на греческий лад свои имена. Впрочем, неаполитанский полис удивительным образом совмещал два города, отделенных друг от друга территориально: Палеополь (Старый город) и Неаполь (Новый город). И когда в Палеополь проник при посредничестве самнитского города Нолы отряд самнитских горцев, жители Нового города призвали на помощь римлян.

В 324 г. из Рима выходит армия во главе с назначенным по этому случаю диктатором и занимает пространство между Старым и Новым городами. Палеополь был сильно укреплен, и военные действия затянулись. Тогда, исходя из исключительности ситуации, римский сенат впервые в своей истории продлил должностному лицу полномочия. Жителям Палеополя удалось освободиться от засевших в его стенах самнитов, что было расценено в Риме как выдающаяся победа: полководец получил триумф за победу над Палеополем и самнитами. Тогда же с Неаполем был заключен союз. Римляне укрепились в одном из самых значительных и важных в стратегическом отношении городов Кампании.

Кавдинская катастрофа. Расценив это вмешательство как нарушение договора, самниты объявили римлянам войну. Вызов был принят, и весной 323 г. против Самниума выступили римские легионы во главе с обоими консулами. Военачальником самнитов был Гай Понтий, уже проявивший себя в сражениях с римлянами и пользовавшийся особой популярностью, поскольку его отец считался человеком ученым, так как прошел обучение у философа-пифагорейца и даже беседовал с «царем философов Платоном». Понтий решил заманить римлян в ловушку. Он укрыл свое войско в лесах над Кавдинским ущельем и приказал дюжине своих воинов под видом пастухов пасти скот на некотором расстоянии друг от друга. Римские воины, посланные в разведку, наткнувшись на первых пастухов, привели их в лагерь, чтобы допросить, где находится

внезапно скрывшееся из виду самнитское войско. Пастухи сказали, что самнитские легионы отправились в Апулию осаждать город Луцерию. Консулы им не поверили и послали за новыми «языками». И кого бы ни приводили, все в один голос утверждали то же, что и первые пастухи. Тогда консулы повели войска к Луцерии.

Туда можно было пройти берегом Адриатического моря, кружной, но безопасной дорогой, и напрямик, через горы, по узкому и извилистому Кавдинскому ущелью. Избрав второй путь, легионы втянулись в ущелье и довольно долго по нему шли, пока не наткнулись на перегораживавший ущелье завал из свежесрубленных деревьев и камней. Тогда же были замечены над ущельем и неприятельские отряды. Посланная консулами разведка доложила, что точно такой же завал появился у входа в ущелье.

Консулы созвали своих легатов и трибунов в надежде найти какое-либо решение. Но его не было. Оставалось ждать, когда кончится провизия, и погибать от голода. Но и самниты находились в столь же затруднительном положении, не зная, как воспользоваться редкой удачей: перебить римлян или отпустить, добившись выгодного для себя мира. После долгих споров они приняли второе решение, навязав консулам мир; но, отпуская римлян, приказали им нагишом проползти под ярмом — двумя воткнутыми в землю копьями, поддерживавшими третье. Это было подобие импровизированной триумфальной арки, через которую впоследствии римляне проводили своих пленников. Возможно, эта магическая церемония преследовала цель не унизить римлян, как это впоследствии истолковывали римские историки, а очистить территорию и народ от вредоносных сил, которые таились в чужеземцах (у самих римлян был сходный обряд очищения, называвшийся «люстрацией»).

А если бы Александр в тот год не умер? Кавдинская катастрофа не имела для Рима последствий, подобных предшествующему поражению при речке Аллии. Горцы не воспользовались разгромом противника и не вступили в Рим, как это сделали за шестьдесят лет до них галлы.

Заканчивая свой рассказ о капитуляции римлян, римский историк Тит Ливий, труд которого является главным источником для изучения раннеримской истории, поставил вопрос: «А если бы Александр Македонский не умер?» Постановка этого вопроса связана с тем, что битва при Кавдинском ущелье произошла в год смерти Александра, намечавшего поход в Италию.

Разумеется, ученые-историки такими вопросами не задаются и на них не отвечают. И если мы его привели, то лишь для того, чтобы подкрепить принятое нами параллельное изложение судеб Ма-

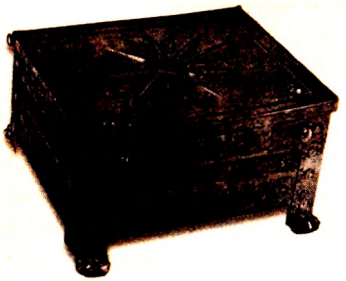
кедонии и Рима, необходимость которого ощущали уже древние. Что касается Ливия, то у него этот вопрос появляется еще и затем, чтобы в своем труде возвеличить Рим. Он был уверен, что даже и после Кавдинской катастрофы Александру Македонскому все равно не удалось бы одолеть римлян и римляне, разгромленные горцами, нанесли бы поражение великому полководцу. Такова была сила римского патриотизма во время написания Ливием его труда, в годы расцвета Римской империи при Августе. Это же чувство патриотизма не позволило Ливию и другим римским историкам спокойно снести позор Кавдинской катастрофы: они выдумали, будто бы на следующий же год римляне загнали самнитов в такую же ловушку и тоже заставили проползти под ярмом.

Источники. Бурное время возвышения Македонии и покорения ею Греции наиболее ярко отражено в речах современников и противников — Демосфена, до последнего дня жизни боровшегося против Филиппа, его главного противника Эсхина, польстившегося на македонское золото и горячо поддерживавшего завоевателей, и Исократа, видевшего в Филиппе вплоть до трагического финала при Херонее объединителя и спасителя Греции. Кроме современников свидетельства об этой эпохе сохранил Плутарх в биографиях Александра и особенно Демосфена.

К тому, что известно из литературной традиции, археология добавила великолепный памятник — открытую в древней столице македонских царей Эгах гробницу Филиппа. Пятнадцать лет посвятил поискам Эг греческий археолог М. Андроникос, искавший ее, вопреки всеобщему убеждению, близ деревушки Вергинии в 70 км от Салоник. И осенью 1977 г. его труд увенчался успехом. Внутри обширного (100 метров в диаметре) холма, который и сам Андроникос поначалу принял за естественный, потрясенным археологам открылся вход в гробницу. Над двумя дорическими колоннами на фреске длиной в пять с половиной метров разворачивалась панорама охоты на оленя, кабана и льва. Охота была любимым занятием Филиппа, и лицо одного из всадников поражало сходством с изображениями создателя македонской державы на золотых монетах.

Гробница оказалась неразграбленной. Обилие драгоценной утвари и тончайшей работы украшений, которыми была буквально завалена погребальная камера, дополнялось саркофагом. Из него извлекли золотую урну весом 8,5 кг с изображением на крышке многолучевой звезды, символа македонских царей. Завернутые в золототканое покрывало полуобгоревшие кости принадлежали женщине. Ожерелья, золотые цепочки и великолепная диадема с отчеканенными на ней летящими пчелами не оставляли сомнений в принадлежности женщины к царскому дому. Обследование останков показало, что она умерла в возрасте от 23 до 27 лет.

Вестибюль с этим захоронением был отделен от главного зала широкими мраморными дверями на медных петлях. Когда их открыли, взгляду предстал саркофаг на львиных лапах, прислоненный к стене, а в противоположном углу среди поражавших роскошью сосудов, треножников и прочей погребальной утвари особым великолепием выделялись боевое оружие и доспехи: золотые наконечники истлевших копий, золотой колчан, заботливо заправленный стрелами, меч в драгоценных ножнах с навершием из слоновой кости, шлем, укра-



Урна с прахом Филиппа

шенный головою Афины, щит, покрытый пластинами слоновой кости и листовым золотом в инкрустациях цветного стекла, чешуйчатый панцирь с прикрепленными к нему львиными головками и железная пектораль (нагрудник), роскошная отделка которой компенсировала простоту и дешевизну металла. Посредине камеры были обнаружены кости коня, покрытые роскошной сбруей.

В мраморном саркофаге оказалась одиннадцатикилограммовая золотая урна, отделанная драгоценными камнями. В центре ее крышки сияла звезда с расходящимися во все стороны лучами — древний символ македонских царей. В урне — кости и череп, хранящие следы промывки вином и смазанные жиром, прикрытые сверху венком из дубовых листьев и желудей от священного дерева Зевса, покровителя царской власти. В захоронении были обнаружены пять миниатюрных статуэток из слоновой кости, имеющих сходство с самим Филиппом, его родителями, женой и Александром. Последние сомнения в принадлежности останков Филиппу исчезли, когда был обследован череп: изъян глазницы свидетельствовал о том, что у покойного был поврежден глаз. К тому же один из найденных среди вооружения наколенников оказался несколько короче другого.

В гибели Филиппа было немало загадочного. Но тайны сопровождали Филиппа и после его упокоения. Кто эта молодая женщина, словно охраняющая вход в гробницу? Андроникос уверен, что это Клеопатра, любовь к которой стоила Филиппу жизни. С этим предположением трудно не согласиться. Но как могла допустить Олимпиада посмертное торжество своей счастливой соперницы?

Появление останков Клеопатры в царском склепе можно гипотетически представить себе следующим образом. Погребальный склеп Филиппа при жизни Александра не засыпался землей. После преждевременной смерти завоевателя Азии возник спор о месте его захоронения. Македонская партия настаивала, на возвращении тела Александра на родину и захоронении его в отцовском склепе или рядом с ним. Египетская партия во главе с Птолемеем полагала, что душе Александра было бы приятнее находиться поближе к его египетскому «отцу» Амону. Большинство полководцев Александра были за отправку останков в Македонию.

Но Птолемей уже в Македонии похитил саркофаг и отправил его в Египет, где он хранился близ царского дворца в Александрии. Через некоторое время после этого родственники Клеопатры поместили ее останки в преддверии гробницы Филиппа, и сама гробница была засыпана. Олимпиада этому не могла уже помешать. Она была мертва.

Принесли раскопки и уникальный эпиграфический памятник — обнаруженный в 1934—1935 гг. в Амфиполе фрагмент македонского воинского устава времени Филиппа V, дающий сведения об экипировке воинов, о командном составе и о делении фаланги на подразделения, соответствующие римским манипулам.

Намного беднее дошедшие до нас источники, освещающие современные завоеванию Греции события на Апеннинском полуострове. История писавшего в IV в. до н. э. Тимея из южноиталийского города Тавромении, которому были близки развернувшиеся к северу от его родины события, до нас не дош-

ла, историки же Балканской Греции начали проявлять к Риму интерес значительно позднее — лишь тогда, когда греки стали жертвой агрессии этого ранее им неведомого города. Самым ранним из сохранившихся до нашего времени трудов, освещавших завоевания Рима в Италии, стал труд Тита Ливия, жившего три столетия спустя после событий, излагавшихся им по трудам анналистов, также отстоявших от времени войн с самнитами, этрусками, галлами и греками на столетие. Рассказ Тита Ливия, хотя и менее мифологизированный, чем его рассказ о царском периоде, содержит достаточное количество легендарных деталей, вызванных к жизни патриотизмом римских историков, не желавших признавать поражений римских легионов. Наряду с Титом Ливием история завоевания Италии вошла в «Римскую историю» Аппиана, правда, Италийская, Кельтская, Самнитская и Сицилийская и островные ее книги дошли лишь в выдержках более поздних авторов. События галльского нашествия изложены в Плутарховой биографии Камилла, самнитской — в биографии Попликолы, войны с Пирром — в биографии Пирра.

В нашем распоряжении помимо фактического материала, связанного с римскими завоеваниями, имеются подробные описания структуры римского легиона, устройства лагеря и установленных в нем порядков, места дисциплины в римском войске и других связанных с военной организацией Рима вопросов. Наиболее близкий ко времени первых римских завоеваний автор — Полибий, посвятивший всю VI книгу своей «Всеобщей истории» политической и военной организации Рима. Поскольку многие из военных принципов оставались неизменными на протяжении веков, современные историки используют в изложении связанных с римской армией вопросов также и более поздние труды Вегеция и Фронтина, посвященные римскому военному делу.

Глава 19
ДЕРЖАВА АЛЕКСАНДРА

В переломные эпохи всегда появляются люди, прорезающие горизонт, как кометы, — успевая в кратчайший срок изменить окружающий их мир. К числу таких поразительных, хотя и далеко не симпатичных, личностей принадлежал Александр, сын Филиппа.

Ученик Аристотеля. Каким образом юноше, почти мальчику, удалось разрушить великую персидскую державу и сосредоточить в своих руках власть над народами Балканского полуострова и необозримым Восточным миром? Не находя ответа на этот и поныне не решенный вопрос, древние биографы приписали Александру божественное происхождение. Рассказывали, что к его матери являлся какой-то бог в облике змея и будто бы Филиппу однажды удалось через замочную скважину увидеть этого змея на супружеском ложе рядом с Олимпиадой, за что он был наказан соответствующим образом, потеряв глаз. Уверяли, будто родовспомогательницей при появлении на свет Александра была сама богиня Артемида, и это явилось причиной того, что она не уберегла свой собственный храм в Эфесе, подожженный честолюбцем Геростратом.

Легенды ходили и о детстве будущего завоевателя. Одна из них, более всего известная, повествовала о приручении мальчиком буйного коня Буцефала, настолько поразившем Филиппа, что из его уст вырвалось: «Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония тебе мала». На самом деле Филипп был уверен, что Македония мала ему самому, и готовился осуществить завоевания, не деля славы ни с кем.

Единственный из рассказов о детстве Александра, заслуживающий внимания, — это рассказ о его обучении у великого философа Аристотеля. Чему и как учил Аристотель тринадцатилетнего Александра? Доподлинно известно, что он читал с ним «Илиаду». Рукопись ее, принадлежавшую учителю, Александр взял с собой, отправляясь в поход. Разумеется, чтение «Илиады» входило бы в программу обучения всякого ученика этого возраста. Но восприятие «Илиады» Александром было, бесспорно, иным, чем, например, у юного афинянина или эфеба любого другого демократического полиса. Александру, сыну басилея, предстояло и самому стать басилеем, и для него наняли учителя, чтобы подготовить его к престолу. Македонец был ближе к гомеровскому герою по мироощущению: ведь в Македонии сохранялись значительные элементы военной демократии, которая для афинян вставала лишь при чтении как нечто очень далекое, как исторический раритет.

Известен пересказ письма Александра к Аристотелю с упреком по поводу того, что наставник обнародовал те рассуждения, с которыми он знакомил своего ученика, и тем самым разгласил некую тайну. В этом упреке — ключ к пониманию отношения Александра к знанию. Демократизм даже в этой сфере был ему чужд, и в этом Аристотель никак на него не повлиял. Познание для Александра — не простая и естественная потребность, но своего рода средство для осуществления власти над миром, совершенно не нужной подданным, удел которых — только повиноваться. Александру оставалось лишь дождаться момента, чтобы взять то, что, по его убеждению, ему принадлежало от рождения и было оплачено отцом, пригласившим учителя. Но на пути к обладанию миром, открытым ему Аристотелем, стоял именно отец. Смерть Филиппа уничтожила эту преграду.

Весть о покушении на Филиппа и его гибели была встречена с ликованием и в Греции, и среди северных соседей македонян. Казалось, рухнуло все, чего добился Филипп хитростью и упорством. Двадцатилетнего Александра никто всерьез не принимал. При македонском дворе уже примирились с потерей Греции и советовали сыну Филиппа сосредоточиться на иллирийцах и фракийцах. Но он решил вернуть власть и владения отца в полном их объеме.

Сначала он ополчился против северных соседей и, разбив их, восстановил господство Македонии. Уверенные в том, что мальчиш-

ка, занятый войной с варварами, не опасен, восстали фиванцы. К ним присоединились афиняне. Узнав об этом, Александр повел войско через Фермопилы и стал лагерем у Фив, города Эпаминонда и Пелопида, где в юности провел несколько лет не без пользы для себя Филипп. Город был взят и разрушен до основания (нетронутыми остались лишь храмы богов и дом поэта Пиндара), а все его жители, кроме жрецов и потомков Пиндара, проданы в рабство. Александр хотел устрашить греков и этого добился. Собравшиеся по его предложению в Коринфе представители греческих полисов покорно провозгласили юного царя верховным командующим в войне с Персией на тех же условиях, что и его отца.

Крушение персидского колосса. 40-тысячное греко-македонское войско переправлялось через Геллеспонт. Позади остались города с полуголодными и возбужденными их обитателями, с дрязгами из-за клочка каменистой земли, с пропыленными свитками Платона о справедливых законах и справедливом государстве. Впереди простиралась необозримая Азия с нестройными царскими полчищами, готовыми разбежаться при одном только виде фаланги, ощетинившейся сариссами, с дворцами, хранящими неисчислимые богатства, с народами, приученными к повиновению.

Довольно внимать мудрецам, витающим в облаках. Ни один из них не указал Элладе верного пути — ни Сократ, ни ученик Сократа Платон, ни ученик Платона Аристотель. Только ученик Аристотеля Александр отыскал его и уже на него ступил.

Первое же сражение у реки Граник после переправы в Малую Азию (334 г.) укрепило радужные надежды Александра и его воинов на быструю победу. Выставленная сатрапами Малой Азии отборная армия была разгромлена с ходу. Греческие наемники, встречи с которыми более всего следовало опасаться, даже не успели вступить в бой и были большей частью пленены.

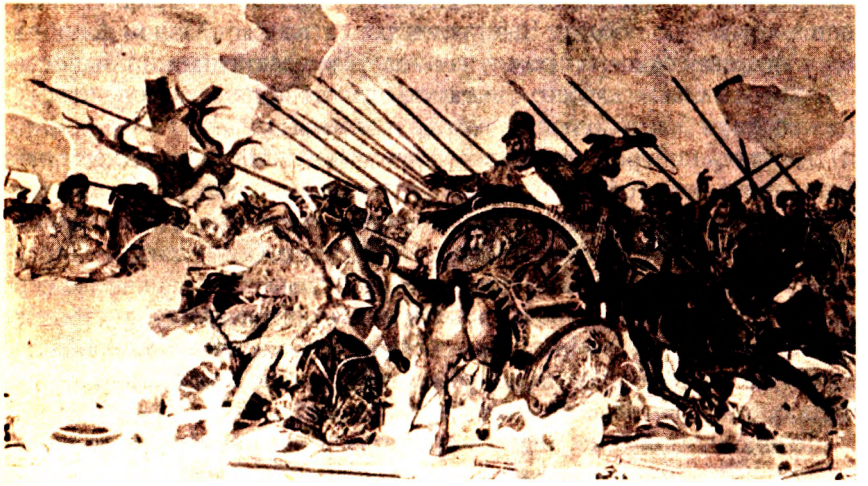
Двигаясь побережьем Малой Азии на юг, Александр захватывал один греческий город за другим. Его встречали как освободителя. Лишь Милет и Галикарнас, защищаемые греческими наемниками, оказали упорное сопротивление. Эти города были взяты приступом. Пройдя Ликию и Памфилию и никогда не признававшую персидской власти Писидию, Александр вступил в древнюю столицу Фригии Гордион, где будто бы нашел способ развязать узел на царской колеснице — просто разрубив его мечом (это, по древнему преданию, предвещало владычество над Азией).

Летом 333 г. войско Александра вступило через горные проходы в Северную Сирию, где при Иссе развернулось второе сражение с подошедшими из Вавилонии главными силами персидской армии,

возглавляемыми царем Дарием III. Победа была полной. Победителю достался персидский лагерь с его сокровищами и царской семьей. Дарию удалось отвести за Евфрат не более четырех тысяч человек, преимущественно греческих наемников.

Вскоре после этого Александр получил от Дария послание, в котором царь предлагал заключить мир на условиях сохранения за победителем всего им завоеванного и огромного выкупа за пленных. Более того, в жены Александру была предложена одна из царских дочерей. Опытный полководец Парменион, командовавший при Иссе левым флангом армии, узнав о предложении царя, воскликнул: «Будь я Александром, я бы принял его!» Александр на это ответил: «Клянусь Зевсом, и я сделал бы то же, будь я Парменионом». Здесь впервые выявилось расхождение в понимании целей войны между сподвижниками Филиппа и Александром, для которого персидский поход был лишь прелюдией к созданию мировой державы.

В дальнейшем продвижении на юг вдоль морского побережья серьезным препятствием оказалось лишь сопротивление величайшего из финикийских городов Тира, с которым греческие мифы связывали основание Фив, недавно разрушенных Александром. Главная часть великого города находилась на острове, отделенном от материка проливом. Именно поэтому, уповая на неуязвимость, тиряне отказались подчиниться завоевателю. После возведения дамбы, превратившей островную часть города в полуостров, и штурма с суши Тир, задержавший продвижение македонской армии на семь месяцев, сложил оружие. Защитников (по преданию, тридцать



Битва при Иссе. Мозаика

тысяч человек) распяли на крестах, остальное население продали в рабство. Но город с его многоэтажными жилыми кварталами и великолепными храмами был сохранен и передан на заселение финикийцам близлежащих территорий.

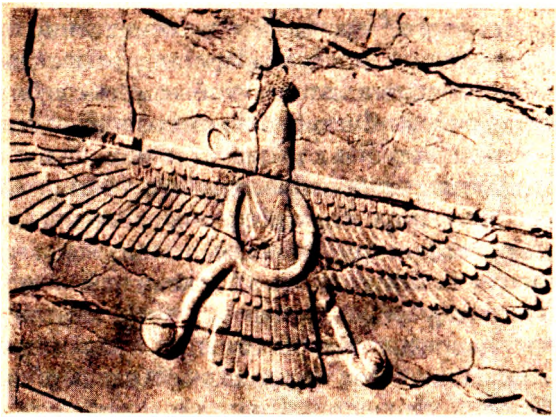
Сатрап Египта, наслышанный о жестокости завоевателей и готовности царя заключить с ними мир, впустил Александра в долину Нила без боя. Египтяне восприняли появление чужеземцев как освобождение от власти Персии. Жрецы немедленно провозгласили Александра фараоном. Александр понял, что настроение жречества можно использовать для того, чтобы снять с себя подозрение в причастности к гибели Филиппа. И он совершает многодневное путешествие через пустыню к оазису, где находился оракул египетского бога Амона, чтобы спросить, кто убил его отца. Ответ превзошел все ожидания Александра: верховный жрец оракула объявил, что отца его никто убить не мог, ибо это сам Зевс-Амон. Трудно сказать, действительно ли Александр возомнил себя богом или счел выгодным использовать эту версию для укрепления своего авторитета среди новых восточных подданных. Как бы то ни было, новоявленный бог поспешил сообщить об этом грекам, потребовав божеских почестей. Спартанцы ответили с присущей им лаконичностью: «Пусть Александр, сын Филиппа, будет богом, если ему этого хочется». Разыгранная Александром комедия была встречена его соратниками с осуждением. Так еще в Египте наметилась пропасть, разделившая впоследствии полководца и его ближайшее окружение.

Весной 331 г. по древней караванной дороге через Палестину и Сирию Александр двинулся в Месопотамию. Летом того же года он форсировал Евфрат, в середине сентября — Тигр. Дарий III к этому времени сумел собрать огромную армию, усиленную слонами и боевыми серпоносными колесницами, согдийской и скифской конницей. Местом схватки стала обширная равнина близ Гавгамел, где могли маневрировать крупные воинские контингенты.

Сражение длилось целый день (1 октября 331 г.). Македонской фаланге и легкой кавалерии противостояли скифская и бактрийская конницы, многочисленные отряды лучников, сто боевых серпоносных колесниц. Дарий находился в центре боевой линии в окружении двух тысяч наемников-эллинов. Александр двинул вперед левое крыло своей конницы и фаланги, а когда персы попытались их окружить, ввел в бой главные силы. Македонский клин вошел в центр персидского построения.

Видя, что удача и на сей раз от него отвернулась, Дарий вместе со своими приближенными и гвардией обратился в бегство. Побе-

дителям открыл ворота Вавилон, давно уже изнемогавший под чужеземным игом. Горожане ожидали Александра на стенах, не имеющих себе равных по высоте и толщине. Путь его был устлан цветами. Поставленные через каждые несколько шагов алтари наполняли воздух благовониями. Это был одуряющий запах Азии, от которого кружилась голова. Вавилон отдавался Александру в на-



Символическое изображение Ахурамазды. Рельеф дворцов Персеполя

дежде на будущую благосклонность вступил в храм и, склонившись перед верховным владыкой Мардуком, повелел восстановить храмы, разрушенные во времена Ксеркса, и обещал после завершения похода вернуться в город и по-царски его вознаградить.

Но пока его манили города Персии, оставленные Дарием на произвол судьбы. Александр отдал их своим воинам на разграбление, проявляя редкую щедрость за счет побежденных. Персеполь, превосходивший все города мира великолепием, превзошел их и своими бедствиями. Персепольцы, как и вавилоняне, поднимались на стены вместе с женами и детьми, однако не для того, чтобы приветствовать победителя, а чтобы броситься с них. Те, кто этого не сделал, вскоре проклинали себя за трусость. Грабители и убийцы врывались в дома и, забирая все ценное, заливали их кровью. Порой на улицах города завязывались схватки между победителями: при виде наиболее ценных вещей разгорались глаза, и жадные руки тянулись к добыче. Греческая блудница Таис из жажды острого зрелища бросила клич: предать огню царский дворец. Александр же был настолько пьян, что первым швырнул в одно из чудес света факел.

В то время, когда пламя пожирало столицу Персии, Дарий находился в столице Мидии Экбатанах. У него не было ни войска, ни воли к сопротивлению. Оставалась одна надежда — что Александ-

ра прикончат его же друзья. Но и ей не дано было сбыться. Пока еще бог зла Агри Майнью охранял свое порождение от кинжала и яда, и Дарию пришлось покинуть Экбатаны. Александр же, опомнившись от беспробудного пьянства, решил потешить себя царской охотой. Еще в Финикии он, по обычаю восточных царей, пошел с мечом на льва. Здесь, на востоке персидской державы, его дичью стал сам царь, выводок которого он захватил в битве при Иссе. Дарий надеялся уйти в глухомань и затеряться в лесах и горах Персии; и ему бы это удалось, не имей он спутников. Один за другим перебегали они в лагерь Александра и наводили охотника на царский след. И все же заполучить Дария в качестве пленника Александру не удалось: он нагнал лишь труп царя и поклялся покарать подлых его убийц.

Сцена благородного негодования над трупом, была не первой в его практике. Ведь еще в Македонии сын Олимпиады таким же образом негодовал над трупом своего родного отца, угрожая отомстить его убийцам, которых направляла мифическая царская рука, тянувшаяся от самого Персеполя. Но повторение приема перед одними и теми же зрителями не украсило царственного актера. И будь он повнимательнее, он мог бы разглядеть даже в глазах некоторых друзей негодование, готовое вспыхнуть от первой искры.

Но и на этот раз Судьба, каким бы именем ее ни называть, защитила Александра. Соратники в большинстве своем радовались удачной охоте, надеясь, что теперь прекратится бессмысленная погоня за призраком и Александр вернется в Вавилон, как обещал: ведь не будет же он преследовать тех, кто сделал его законным наследником царя царей. Но Александр, чьи действия были непредсказуемы, занялся новой охотой — на этот раз за убийцами Дария. Он направился в Бактрию, где обосновался стоявший во главе убийц Бесс, намеревавшийся организовать там сопротивление захватчикам.

Заговор Филоты. Двигаясь на восток по караванным путям и тропам нынешнего восточного Ирана и Афганистана, Александр вел себя как настоящий восточный деспот. Он окружил себя персидскими вельможами, осыпая щедротами прежде всего тех, кто сохранил верность Дарию до конца его дней, нарядился в просторные персидские одежды, собрал для себя гарем из трехсот юных красавиц и потребовал унизительного для европейцев приветствия по восточному церемониалу; отныне он уже не давал македонянам и грекам грабить своих подданных и чинить над ними насилия. Перед теми, кто знал сына Филиппа с детства или начинал с ним поход на Восток, предстал совсем новый Александр — человек с неподвижным взглядом, холодный, как снега, по которым приходи-

лось идти, не желающий выслушивать ничьих советов. Поэтому, когда он распорядился отпустить на родину часть греков и македонян, щедро наградив их за службу, в войске решили, что, добившись с ними победы, Александр более в них не нуждается и рассчитывает заменить вчерашними врагами.

Признаки отчужденности стали столь очевидны, что их нельзя было не заметить. Александр повелел вскрывать письма воинов на родину, чтобы узнать, что они думают о нем. Но, разумеется, никто не доверил папирусу тайну готовившегося заговора. Ее выболтал один из заговорщиков своему другу, а тот попросил вхожего в царский шатер Филоту, сына Пармениона, донести об имеющемся слухе царю. Александр ничего не узнал о заговоре, потому что во главе заговора стоял... сам Филота. Однако поведение Филоты стало внушать подозрения, и он был схвачен и передан палачу. Пытки развязали Филоте язык: он не только выдал своих сообщников, но и раскрыл историю заговора, уходившую корнями в Египет, где многие были возмущены тем, что Александр провозгласил себя богом. По македонскому обычаю, осужденных забросали камнями. Понес наказание за дела сына и не участвовавший в заговоре старец Парменион: к нему были отправлены убийцы, вернувшиеся с отрубленной головой самого уважаемого в войске человека; Александр забыл, сколь многим ему обязан.

Завоевание Средней Азии. Вся эта трагедия разыгралась на пути в Среднюю Азию, куда переместился Бесс. И как раньше Александр узнавал о Дарии от его приближенных, так и теперь ему помогали настигнуть Бесса его же люди. Персидские вельможи Спитамен и Датаферн выдали Бесса, надеясь, что это остановит вторжение чужеземцев в Среднюю Азию. С уже отрезанными носом и ушами Бесс был передан родственникам Дария на мучительную казнь, а Александр, распаленный жаждой новых подвигов, продолжал путь по Согдиане к ее столице — великому городу Мараканде.

В нескольких днях пути от нее войско оказалось близ небольшого городка на берегу реки Окса (Аму-Дарья). Выбежавшие навстречу жители приветствовали Александра на греческом языке. Царь царей поинтересовался, откуда им известен этот язык, и узнал, что перед ним потомки одного из милетских родов, который был выслан из города еще при царе Ксерксе за осквернение греческой святыни. В ответ Александр окружил городок и истребил всех его жителей за кощунство их предков, взяв на себя роль судьи и палача над теми, кто никогда не бывал в Милете. Видимо, это понадобилось ему лишь для того, чтобы устрашить обитателей огромной и хорошо укрепленной Мараканды: если так жестоко расправляется

Александр со своими соотечественниками, каким же он будет с ними? Мараканда пала, похоже, без боя.

Но восстали семь других городов. В ходе их осады полегли не менее ста тысяч восставших. Согдиана была залита кровью. И именно в это время в борьбу с Александром вступил **Спитамен**, в свое время предавший Бесса. Ему удалось собрать сильное войско и привлечь на свою сторону саков, среднеазиатских скифов-кочевников. Земля буквально горела под ногами у македонян. Впервые им пришлось встретиться с народной войной.

В нескольких местах были уничтожены македонские гарнизоны. Спитамен захватил даже Мараканду (кроме крепости, где оставались македоняне). И только после того, как Александр, прекратив наступление к реке Яксарт (Сыр-Дарья), вернулся к столице Согдианы, Спитамен укрылся в пустыне, откуда совершал набеги, пока не был разбит и не бежал к массагетам. В страхе перед вторжением чужеземцев массагеты убили Спитамена и отослали в македонский лагерь его голову.

На Яксарте Александр основал город своего имени — Александрию Крайнюю. За 17 дней была возведена стена длиной в шесть тысяч шагов, и под ее защиту переведены жители трех городов, основанных ранее по приказу персидского завоевателя Кира. В Бактрии и Согдиане было основано еще семь городов, где расселили тех, кого Александр считал в своем войске наиболее склонными к недовольству.

Новые заговоры. Но эта мера уже не помогла. Недовольство близких к Александру македонян и греков, входивших в число его приближенных и в командный состав войска, казалось бы, усмиренное жестокой расправой над Филотой и его сторонниками, вновь дало о себе знать. На одном из пиров, когда Александр, одурманенный лестью, стал порицать своего отца за то, что тот лишил его чести победителя в битве при Херонее, не выдержал даже Клит — ближайший из царских друзей. Клит был братом кормилицы Александра и к тому же спас его во время битвы при Гранике. Поэтому он без обиняков сказал царю то, что о нем думали все. Во время ссоры Александр убил Клита, чего потом не мог себе простить, ибо Клит был его истинным другом.

Вскоре раскрылся заговор знатных македонских юношей, которые собирались ворваться в шатер к Александру и прирезать его. Идейным вдохновителем заговора был объявлен племянник Аристотеля Каллисфен, которому Александр поручил писать историю своих побед. Видимо, прямого отношения к заговору Каллисфен не имел, но неоднократно осуждал поведение царя. Александра не остановило даже то, что он приходился родственником его учителю, которому он клялся в любви и преданности. Каллисфен был казнен.

Индийский поход. После завоевания Средней Азии Александр не имел серьезных политических и военных оснований для дальнейшего движения на Восток. Трудно было рассчитывать на то, что ему удастся включить Индию, и тем более Китай, в состав своей державы. Угроза же потерять войско и жизнь была вполне реальной. Об Индии знали очень мало. О Китае не знали ничего. Оставались своего рода инерция наступления и стремление побывать в стране чудес, дойти до «края света».

Долина могучего Инда, куда Александр вторгся весной 327 г. со 120-тысячным войском, лишь наполовину состоящим из греков и македонян, не была единой в политическом и этническом отношении: тут находились враждующие друг с другом царства и жили независимые племена. Это создавало для завоевателей возможность маневрирования. При переходе через Инд Александра встретили посланцы Таксилы — одного из крупнейших центров Северо-Западной Индии. Они принесли дары и весть о готовности царя Таксилы пропустить чужеземцев через свою территорию. Оставив за царем его власть, Александр двинулся к притоку Инда Гидаспу, за которым открывались владения царя Пора, отказавшегося подчиниться грубой силе. В мае 326 г. состоялась битва между армией Александра и воинством Пора, в ходе которой Александру ценою немалых потерь удалось одержать победу и даже взять героически сражавшегося царя в плен. В честь этой победы Александр основал на Гидаспе город Никею. Другой, тогда же основанный в Индии город получил имя павшего от старости царского коня Буцефала. В войне с независимыми племенами Индии Александр имел успех, но непривычный климат и связанная с ним усталость воинов вызвали прямой бунт, заставивший победителя отказаться от похода в долину Ганга. Возвратившись к Инду, Александр спустился на кораблях к океану и принес ему жертву за благополучное возвращение. Здесь войско было разделено на две части: одну повел сушей к Вавилону сам Александр, другая двинулась на запад морем.

Возвращение. Путь сушей был необыкновенно труден. Александр должен был знать, что в пустынном плоскогорье Гедрозии к западу от Индии погибли войско легендарной царицы Семирамиды и войско персидского царя Кира. Но он торопился в Вавилон, не считаясь ни с какими потерями, поскольку дошли сведения о неповиновении оставленных им сатрапов. Страбон так описывает возвращение победителей: «Кроме недостатка в пище они терпели еще от солнечного жара, от глубокого и горячего песка... Измученные жарой и жаждой, воины ложились среди дороги и вскоре уми-

рали, объятые лихорадкой и ужасом, дрожа всем телом, в конвульсиях. Иные, сбившись с пути, утомленные трудом и недостатком сна, засыпали, и часть их, опоздав и заблудившись, гибла, терпя недостаток во всем. Лишь немногие, несмотря на чрезвычайные трудности, спаслись».

Персиды, по словам Плутарха, достигла едва ли четверть тех, кто вместе с Александром покинул Индию. Во время похода через Персиду и Мидию Александр убедился, что дошедшие до него слухи об измене сатрапов верны, и жестоко с ними расправился. Оказалось, что участь других завоеванных им земель разделил и Вавилон. Город был разграблен сатрапом и людьми, на преданность которых Александр рассчитывал. Все говорило о необходимости перемен в управлении державой.

Так как панацеей от всех нынешних и будущих бед Александр считал слияние македонцев с персами в единый народ, он настоял на браке десяти тысяч своих воинов — македонцев и греков — с персианками. Еще в Средней Азии Александр женился на юной красавице Роксане. В Сузах его женой стала старшая из дочерей Дария. Младшая дочь царя была отдана замуж за Гефестиона, дочь Спитамена — за Селевка. Но, получив от царя вместе с женами богатое приданое, греки и македоняне вскоре бросили своих восточных супруг. Затея Александра каких-либо результатов не имела, но дала лишний повод для обвинений его в деспотизме и отходе от греко-македонских религиозных и бытовых традиций.

Еще большее недовольство вызвало создание царем отборного 30-тысячного войска, набранного из юных персов, парфян, согдов, бактрийцев, прошедших македонскую военную выучку. Чтобы унять ропот, Александр проявил к грекам и македонянам необычайную щедрость, издав указ о погашении всех их долгов. На этом очень многие разбогатели, придумывая несуществующие долги — реальным или вымышленным людям. Но, кажется, и эта мера не подняла авторитета Александра.

Пытаясь укрепить власть над Грецией, Александр разрешил всем изгнанникам вернуться в греческие города с возвращением им имущества. Амнистия и в самом деле могла внести успокоение, но ее осуществление (с учетом ситуации в каждом из городов) требовало участия царской администрации. Отсутствие контроля со стороны царя приводило к конфликтам, тем более что и сам указ противоречил принципу невмешательства во внутренние дела полисов, декларированному Коринфским конгрессом.

Громоотводом для Александра могла бы стать новая война — и Александр уже выбрал направление похода и противников: Запад — Рим и Карфаген, а далее Геракловы Столпы и океан. Об этом по-

ходе он размышлял еще по пути в Вавилон. Достигнув Вавилона, он распорядился начать в Финикии, Сирии, Киликии и на Кипре постройку тысячи кораблей, превышающих по размеру триеры. Намечалось проложить дорогу вдоль всего побережья Ливии вплоть до самых Геракловых Столпов и осуществить сооружение ряда верфей и портов для стоянок кораблей.

Сведения об этих приготовлениях достигли Карфагена, и, чтобы выведать планы Александра, карфагеняне подослали к нему некоего Гамилькара по прозвищу Родосец. Добившись доступа к царю, разведчик назвался беглецом и предложил свои услуги в качестве рядового воина в его войске и проводника в западном походе. Но добытые Гамилькаром сведения не понадобились: 13 июля 323 г. после недолгой болезни Александр скончался, вернувшийся же на родину разведчик был казнен по обвинению в предательстве...

В античной литературе существуют две версии кончины великого завоевателя — болезнь и отравление, к которому будто бы был причастен Аристотель. Какая из этих версий верна, трудно сказать. Умер Александр тридцати трех лет и одного месяца от роду, процарствовав из них тринадцать лет.

Личность и деяния Александра на весах истории. До нас дошло свидетельство, будто незадолго до казни племянник Аристотеля Каллисфен произнес на пиру хвалебную речь в честь македонян и вызвал всеобщее одобрение пирующих. Тогда Александр, явно провоцируя оратора, предложил ему, следуя примеру софистов, произнести речь противоположного содержания. Каллисфен выполнил просьбу и произнес речь против македонян. Наступило молчание, которое нарушил Александр. Он заявил, что подлинные мысли Каллисфена отражает не первая его речь, а вторая, свидетельствующая о ненависти оратора ко всему македонскому.

Оценки, в том числе и современные, Александра и его деяний напоминают эти две речи Каллисфена. Наш рассказ ближе ко второй из них, критической. В заключение же будет уместно рассмотреть результаты деятельности сына Филиппа с точки зрения более или менее отдаленных ее перспектив.

Какую бы цель ни ставил завоеватель, отправляясь в поход на Восток, ему удалось ликвидировать восточную деспотическую империю, заменив ее собственной державой. Эта держава оказалась гораздо менее прочной, чем персидская империя, и народы, входившие в нее, вскоре обрели свободу: некоторые (парфяне, арабы) — надолго, другие (армяне) — на короткое время.

Походы Александра способствовали развитию торговли в мировом масштабе. После них индийские купцы стали появляться в странах Средиземноморья, а греческие — в Индии, где греческое влияние затронуло разные сферы жизни. Из золота персидских царей, столетиями лежавшего втуне, начала чеканиться монета в количестве, которого ранее Восток не знал.

Народы Востока не только познали варварскую жестокость греко-македонских завоевателей, но и, благодаря походу Александра, вплотную соприкоснулись с греческой культурой, с греческим образом жизни. В свою очередь, греки получили возможность воспринять достижения восточной науки и культуры. На Востоке появились многочисленные Александрии и другие гречес-

кие города. Семьдесят из них были основаны самим Александром. В результате походов Александра был положен конец изолированному развитию Запада и Востока.

Источники. Первое ощущение, возникающее у каждого, кто знакомится с жизнью и завоеваниями Александра, — их неправдоподобие. Каким образом с сорокатысячным войском удалось сокрушить огромную персидскую державу и сломить сопротивление входивших в нее народов? При более внимательном изучении источников сталкиваешься с описаниями всевозможного рода чудес, создающих впечатление, что об Александре писали не историки, а сказочники. Так зарождается сомнение в достоверности исторических трудов, описывающих образование державы Александра.

Между тем эта история обеспечена вполне надежными и многочисленными источниками. Уже при отце Александра Филиппе существовала прекрасно организованная канцелярия, регистрирующая каждое сколько-нибудь значительное событие. Возглавлял канцелярию Эвмен, сын историка Иеронима из Кардии, совсем молодой, но очень образованный и в высшей степени добросовестный, можно сказать — помешанный на точности человек. Отправляясь в поход, Александр взял Эвмена и его помощников с собой, так что вместе с войском по бескрайним просторам Азии двигалась и походная канцелярия, от внимания которой не ускользнуло ни одно письменное или устное распоряжение царя, ни одно доставляемое ему или написанное им письмо. Когда Александр в Вавилоне заболел, велись дневники его болезни — вплоть до последнего слова, произнесенного им на смертном одре.

Эвмен, естественно, заносил на папирус только факты и распоряжения, не давая им какой-либо оценки и, видимо, отсеивая все, что могло бросить тень на Александра. Но в походе принимал участие Каллисфен, задавшийся целью разобраться в происходящем и оставить для истории подлинный облик Александра. Каллисфен был далек от панегирических оценок, и его история наверняка содержала факты, которые Эвмен считал недостойными вечности. Не исключено, что между создателями панегирической и критической версий существовала непримиримая вражда, которая завершилась победой Эвмена и гибелью Каллисфена.

Третья группа источников — это воспоминания Птолемея, Аристобула, Неарха и многих других участников великого восточного похода. Очевидцы, не сговариваясь, повествовали о том, что им пришлось увидеть, услышать и испытать, не забывая попутно отметить собственные заслуги. Видимо, этой группе источников мы обязаны многим из того, что производит впечатление вымысла. Но, очевидно, мемуаристы не были сознательными лжецами. Они воспроизводили то, что сохранила их память. На верность такого источника всегда трудно полагаться, а в данном случае память летописцев была к тому же замутнена постоянным спутником войска победителей — алкоголем. Так что в историю наряду с подлинными событиями были внесены и бредовые факты, в истинности которых сами повествователи не сомневались.

За походом Александра, затаив дыхание, пристально следила вся Греция. Речи ораторов, восхищавшихся успехами завоевателя, и их оппонентов, надеявшихся, что Александр освободит мир от своего присутствия, а также постановления народных собраний составляют четвертую группу источников.

Таковы первоисточники. К сожалению, они не сохранились, но ими широко пользовались античные историки Диодор Сицилийский и Помпей Трог, жившие во времена Цезаря, и последующие авторы эпохи римской империи — Плутарх, Арриан, Курций Руф. Читая их подробные изложения, мы

находим следы работы Эвмена из Кардии — точные даты битв, многочисленные ссылки на полученные Александром письма и на его ответы на них, красочные описания местностей и обычаев народов Азии и даже узнаем о том, что снилось Александру и его соратникам (Александра сопровождал толкователь снов). Разумеется, каждый из последующих историков черпал из первоисточников то, что ему было по душе, что его больше интересовало. Поэтому история Александра предстает перед нами в необычайной пестроте и разнообразии фактов и оценок, принадлежащих как современникам и участникам событий, так и поздним историкам.

Существовала и устная традиция, настолько преобразившая истинные события и облик их участников, что Александр стал представляться чуть ли не богом или, напротив, страшным демоническим существом — Искандером двурогим. На средневековом Западе об Александре были написаны романы, а на Востоке Искандер стал героем сказок и эпических поэм.

О завоеваниях Александра свидетельствует и археология: пепел и руины разрушенных им городов, новые города, которые он основал, памятники Пеллы, ставшей при Филиппе столицей Македонии.

Наряду с археологическим материалом важным источником, отразившим наступившие идеологические изменения, являются монеты Александра, на которых Зевс принимает слишком разительное сходство с портретными чертами Александра.

IV
СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ МИР В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Глава 20
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ВОСТОК И ЗАПАД. РАСПАД И ПОПЫТКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ

В истории древности отчетливо выделяются периоды собирания народов и территорий под властью одного государства и периоды распада, вновь сменяющиеся собиранием, но из другого центра. Между 323 и 264 гг., когда на Востоке происходил распад великой Империи Александра, на Западе выдвинулись три государства — Сиракузы, Эпир и Рим, претендующие на роль объединителя полисов и племенных территорий Центрального Средиземноморья.

И если из материала этой главы может показаться, что крушение империи было злом, то из последующей станет ясно, что нет зла без блага, ибо распад дал толчок невиданному ранее процветанию в области науки и культуры.

Преемники Александра. Чувство растерянности охватило тех, кого возвысил Собиратель и с кем он намеревался продолжить завоевания. Это были люди, прекрасно знавшие цену и силу власти и не доверявшие никому. Гибель Филоты и Пармениона, пытавшихся помешать осуществлению дальнейших планов Александра, произвела отбор в их рядах, оставив лишь тех, кто готов был идти за победителем до конца и стал его тенью. Кто-то из них должен был надеть корону Александра. Поэтому они собирались во дворце и, проводя затянувшийся досуг, как обычно, за возлияниями, зорко следили друг за другом, не зная, что предпринять.

А тело Собирателя лежало уже шесть дней, и никому не было до него дела, ибо власть, отделенная от ее носителя, витала над их головами, дразня своей доступностью. Казалось, можно ее схватить, но каждый знал, чем это для него кончится, если он первым осмелится протянуть руку. Когда на седьмой день телохранители все же решили взглянуть на Александра, тела не оказалось. Мутным взглядом обвели они свои ряды и не обнаружили Птолемея Лага.

Монета с изображением Ники на носу корабля

Между тем Птолемей, самый предусмотрительный и хитрый из окружения Александра, петляя по пустыне, приближался к Египту. Он не мечтал об обладании всем наследием Собирателя, понимая, что синица в руках лучше, чем журавль в небе. Ему достаточно было части державы. Но часть, которую он выбрал, была, как показала история, самой лакомой. Через 150 лет, когда потомки остальных полководцев Александра не выдержат натиска нового Собирателя, его преемники будут еще управлять Египтом.

От собравшихся ускользнуло не только тело, но и корона. Сначала она увенчала голову слабоумного брата Александра, а затем оказалась у законного наследника — младенца, родившегося от Роксаны. Но алчущие власти не остановились перед убийством того, в ком текла кровь Собирателя, и той, что дала ему жизнь. Они ведь помнили: в такой же ситуации Александр не пощадил избранницу своего отца Филиппа и его новорожденного сына. И потребовалось еще двадцать два года кровавой борьбы за наследство Александра, чтобы закончиться битвой при Ипсе (301 г.). После нее немногие оставшиеся в живых полководцы (*диадохи*) и их сыновья, которых принято называть *эпигонами* (дословно: потомками), наконец, осознали то, что Птолемею Лагу стало ясно уже в день смерти Собирателя, и начали кромсать его державу, как пирог на погребальном пиру, чтобы ухватить кусок пожирнее. Борьба диадохов и эпигонов сначала за обладание всей державой Александра, а затем за расширение границ уже захваченной территории длилась четыре десятилетия, завершившись лишь в 283 г. с установлением в Македонии династии потомков Антигона (Антигонидов).

Эллинистические государства. К началу III в. место единой державы занял ряд независимых государств, в которых власть была сосредоточена в руках греко-македонских завоевателей. С легкой руки немецкого историка XIX в. Иоганна Дройзена они получили название «эллинистических».

Наряду с царством Птолемея I, вобравшего в себя Египет, Киренаику и южную Сирию, появилось крупное царство Селевка, в которое вошли земли от Малой Азии и Северной Сирии до Индии. Македония шесть раз переходила из рук в руки, пока, отобрав ее у эпирского царя Пирра, не закрепились в ней в 286 г. потомки погибшего в битве при Ипсе Антигона. От царства Селевкидов еще во времена его формирования отделились небольшие малоазийс-

кие царства Пергам, Вифиния и Каппадокия (позднее на отпавших от него восточных территориях вырастут уже неэллинистические царства — Греко-Бактрийское и Парфянское). Появится также островное эллинистическое государство Родос с республиканской формой правления.

Образование самостоятельных государств само по себе было отходом от основополагающей идеи целостности державы с неограниченной властью над всеми народами и территориями, входящими в ее состав. Одновременно пришлось отказаться и от дальнейших завоеваний с перспективой создания мировой империи. Отпала и идея Александра о смешении народов Востока и Запада, примирении между местным населением и пришельцами. Каждое из образовавшихся государств стояло перед своими собственными проблемами и решало их, исходя из конкретной этнической и политической ситуации.

Для эллинистических государств, находящихся в Азии, наиболее насущной была проблема отношения с коренным населением, но и она имела разную степень остроты — в зависимости от специфики каждого государства. Для Селевкидов она оказалась неразрешимой: местное население не хотело оставаться под властью преемника Александра, и царство катастрофически уменьшалось в размерах, как шагреневая кожа, теряя то одну, то другую свою часть. Селевкидам не удалось включить местную знать в войско, заинтересовать ее в сохранении единого государства. Однако они имели сильную опору в заселенных греками городах, сохранявших греческую форму самоуправления.

Птолемеи также сохранили всю власть в руках македонян, не допуская к управлению местное население. Но последнее было этнически единым, и ему некуда было выходить из долины Нила. Сказывалась и давняя привычка к повиновению: Египтом в его многовековой истории неоднократно управляли чужеземцы — гиксосы, эфиопы, ассирийцы, персы, — и Птолемеи были не худшие из них, ибо старались внешне сохранять традиции Египта.

Для правителей третьего крупного эллинистического государства, собственно Македонии, главной проблемой были взаимоотношения с родственными им по языку и культуре греками. Александр ограничил свободу греков, уравняв их в бесправии со всеми остальными подданными своей державы. Антигониды вынуждены были отказаться от этого принципа, ибо его осуществление не дало бы им ничего, кроме бесконечных конфликтов, как это уже показали две возглавленные Афинами войны — одна сразу же после смерти Александра, другая десятилетие спустя после утверждения в Македонии Антигонидов. И хотя после победы во второй из них Афины

практически сходят с политической сцены, к этому времени вырастают такие значительные политические силы, как Ахейский и Этолийский союзы городов, и македонским царям приходилось с этим считаться.

Таким образом, вместо империи, которую оставил после себя Александр, возникли государства, правители которых во многом отошли от заветов Собирателя мира, ибо гегемонистские устремления пришли в противоречие с реальностью. Александр пытался ее переломить. Его преемники к ней приспосабливались.

Одновременно обострилась проблема отношений между самими эллинистическими государствами. Существовавшие ранее соперничество и борьба за гегемонию между полисами преобразовались в соперничество и борьбу между монархиями, обладавшими огромной территорией, экономическими ресурсами и военным потенциалом. Борьба эта велась силой оружия и дипломатическими средствами, с использованием слабых сторон противника, в том числе и недовольства местного населения и греков.

Главными соперниками были два гиганта — монархии Селевкидов и Птолемеев, интересы которых сталкивались в Южной Сирии и Палестине — как из-за огромных поступавших оттуда доходов, так и из-за их выгодного стратегического положения и практически неиссякаемых природных богатств. За Малую Азию скрестили оружие Селевкиды, Птолемеи и Антигониды. Это способствовало появлению здесь целой группы небольших эллинистических государств, искусно пользовавшихся противоречиями между соперничающими державами.

Шла борьба и за влияние в материковой Греции. Птолемеи использовали как антимакедонские настроения греков, так и межполисные схватки и столкновения внутри полисов между демократией и олигархией. Борьба велась и за острова Эгейского моря, за овладение морскими торговыми артериями, за порты и стоянки для торговых и военных кораблей, за контроль над проливами. Самозащита островитян, сопротивлявшихся стремлению Селевкидов и Птолемеев установить над ними власть, привела к созданию островной державы во главе с Родосом, включившей кроме ряда островов также и часть малоазийского побережья. Обладание к тому же и могущественным флотом позволяло ему, вступая в военные союзы, вести успешные войны.

Эллинистический Египет. Самым прочным из эллинистических царств был Египет, чему немало способствовали географические условия этой страны — ведь Нил был не только «кормильцем Египта», но и его становым хребтом, делавшим еще в эпоху фарао-

нов отдельные его части (номы) как бы позвонками единого экономического и политического организма. Испокон веков царь был непререкаемым главой и повелителем Египта. И Птолемеи в большей мере, чем управлявшие Египтом издалека персидские цари, должны были казаться местной знати наследниками фараонов последней из независимых египетских династий, тесно связанной с эллинскими миром. Птолемеи и в самом деле многое унаследовали от последнего египетского фараона Амасиса, о деяниях которого могли узнать из труда Геродота. Так же, как Амасис, они постарались овладеть Кипром и Киреной. Кипр давал выход в Эгейское море, где они осуществляли контроль за Кикладскими островами, освободившимися из-под влияния Афин. А через острова открывался путь к проливам. Кирена была прочным щитом, защищавшим долину Нила от жестоких, как вихрь пустыни, набегов кочевников. И кроме того, она давала возможность поддерживать контакты с прилегающей к Египту частью Сирии, носившей название Келесирии, и с ближайшим соседом Карфагеном, а через него — со всем Западным Средиземноморьем. С одной стороны, эти владения также служили Египту щитом, но с другой — были источником постоянных конфликтов и с местным населением, для которого Египет был давним и ненавистным противником, и с державой Селевкидов, постоянно претендовавшей на эти территории.

Управлявшие государством из города, основанного Александром и носящего его имя, Птолемеи пользовались давно сложившейся в Египте экономической системой, основанной на ирригационном земледелии, использующем периодические разливы Нила. Осуществляя традиционную функцию центральной власти по поддержанию ирригационных каналов, они внесли в хозяйствование дух греко-македонской систематичности, которой так не хватало фараонам саисской династии. Давняя идея фараона Нехо о соединении Нила с Красным морем нашла, наконец, практическое осуществление. Новый канал был использован для торговых связей с Индией, и это дало Египту преимущества, какими не обладала держава Селевкидов, владевшая частью Индии.

Нил при Птолемеях стал кормильцем всего мира, чему немало способствовала замена традиционного ячменя более ценной пшеницей. В большем, чем когда бы то ни было количестве, разводили лен и папирус. Началась культивация неизвестных ранее риса и хлопчатника.

Птолемеи были верховными собственниками главного богатства Египта — его плодородных земель. Земля делилась на несколько категорий с различным юридическим статусом. Положение и обязанности земледельцев, живших на царских землях и именуемых

«царскими людьми», определялись письменным договором, устанавливавшим площадь обрабатываемого участка, возделываемые на нем культуры и твердо установленный размер натуральных взносов, положенных царю как собственнику этой земли. При неурожае все убытки падали на земледельцев, которые вынуждены были жить впроголодь. Но земля в любом случае засеивалась, ибо посевной материал, а также скот и орудия труда поставлялись царскими чиновниками. За это производились соответствующие вычеты. Эти же чиновники осуществляли скрупулезный контроль за сбором урожая, так что ни один колосок не оставался неучтенным. За неуплату податей земледельцев продавали в рабство. Аренда земли была принудительной, и по закону царские земледельцы, хотя они и были юридически свободными людьми, не могли менять место жительства. Однако если они бежали, их не разыскивали, власть была заинтересована в рабочих руках также и в городе, а казна ничего не теряла, так как лежащий на общине налог с земли оставался неизменным, распределяясь между остальными общинниками.

Кроме царской земли имелись земли, «уступленные» царем вельможам, высшим чиновникам, военачальникам, либо городам и многочисленным египетским храмам, а также переданные военным поселенцам клерухам. Уступленные земли облагались налогами, за уплату которых в установленных царем размерах несли ответственность не чиновники, а сами владельцы земель. Благодаря этой хозяйственной системе зерно и другие плоды земли вливались в царские закрома, подобно ручейкам, втекающим в реку, и Птолемеи, таким образом, сделались монополистами в торговле зерном, маслом, папирусом. Равных им не было во всей ойкумене.

Система монополий распространялась и на ремесленное производство, поставленное при Птолемеях под строгий контроль. В египетских мастерских в отличие от греческих, принадлежавших частным владельцам, опять-таки трудились, как и на земле, не рабы, а свободные люди, которые, однако, не могли оставить своего места работы. В царских мастерских из сырья, принадлежавшего царю, изготавливались шерстяные ткани (производство льняного полотна было привилегией храмовых мастерских), изделия из пеньки, растительное масло и излюбленный египтянами напиток — ячменное пиво. Готовая продукция попадала в царские склады, откуда вывозилась в другие страны или продавалась местным частным торговцам.

С точки зрения государственной структуры птолемеевский Египет напоминал пирамиду, верхушку которой занимал царь, облеченный неограниченной властью. Непосредственное его окружение,

македоняне и греки, составляли как бы семью и дружину. Они назывались родственниками (независимо от того, состояли ли с царем родстве), главными друзьями и просто друзьями.

На среднем и нижнем уровнях к управлению государством допускались и египтяне, которые должны были знать греческий язык. Однако эллинизация Египта, начавшись еще при фараонах Нехо и Амасиса, была при Птолемеях поверхностной, ибо Египет оставался сельской страной. Да и старые египетские города, получая новые названия (Арсиноя или Крокодилополь, Гелиополь, Гераклеополь), оставались по сути дела египетскими городами с немногочисленным греческим населением, а основанием же новых городов Птолемеи почти не занимались.

Государство Селевкидов.* Самым крупным царством, возникшим на развалинах империи Александра, была держава Селевкидов, объединившая огромную территорию — от Малой Азии и Сирии до современного Афганистана и Индии. В отличие от более или менее этнически единого птолемеевского Египта держава Селевкидов была пестрым многонациональным конгломератом, составные части которого, нередко имевшие еще с древнейших времен собственную государственность, культуру и религию, стремились к восстановлению независимости.

Еще во времена походов Александра и войн его полководцев наметилось деление на собственно царскую землю и земли городов — самоуправляющихся гражданских коллективов. Преемники Александра продолжили эту политику. В царстве Селевкидов существовал фонд царской земли, созданный прежде всего за счет владений, отобранных у персов, и за счет племенных территорий; значительные земельные владения находились под контролем полисов, гражданско-храмовых общин, местных династов. Из-за раздробленности областей, входивших в державу, Селевкиды не имели возможности создать единой организации хозяйства и управления, подобной птолемеевской. Хотя их царство делилось на сатрапии во главе со стратегами, внутри сатрапий сохранялись местные учреждения; свои распоряжения Селевкиды официально адресовали городам, династам, храмам и племенам.

В целом на протяжении III—II вв. происходит постепенное сокращение царского земельного фонда не только путем передачи земли в частные руки — служащим, приближенным, родственникам, — но и за счет перехода царской земли к городам. Город как организация свободных граждан, обладающих определенными экономическими

*Параграф написан И. С. Свенцицкой.

и политическими привилегиями, играл важную роль в общественной структуре стран Передней Азии периода эллинизма.

К старым греческим и восточным городским центрам преемники Александра прибавили много новых. Есть сведения, что Селевк I основал тридцать три города. Разумеется, большинство городов было выстроено не на пустом месте. Обычно выбиралось какое-либо местное поселение, удобно расположенное в военном и торговом отношении, его расширяли, перестраивали, объявляли полисом и переименовывали в честь царя-основателя или его родственников. Так появились Селевкии, Антиохии, Апамея, Стратоникея (две последние названы по имени цариц). Наиболее развитые гражданско-храмовые общины (например, Вавилонии, Палестины) сохраняли свою структуру, а их положение по отношении к царской власти во многом приравнивалось к положению полисов.

Селевкиды увеличивали земельные владения городов путем дарений и продажи царской земли, а также присоединения более мелких городов к более крупным. Образование крупных городов облегчало взимание податей, поскольку с городских территорий подать собирали полисные должностные лица, которые затем часть ее передавали в царскую казну. Но поддержка царями городов объясняется не только этим: традиционная городская гражданская община была наиболее удобной формой организации свободного населения в среде зависимых царских земледельцев.

Земледельцы, обрабатывавшее царскую землю, назывались, как и в Египте, «царскими людьми». Они жили деревнями, и цари облагали налогом деревни-общины в целом. Взносы разных деревень сильно различались в соответствии с количеством земли и численностью населения. Деревни имели с давних пор общинное самоуправление. Традиционные общинные организации воспринимали греческие формы самовыражения. В III—I вв. они начинают принимать постановления и фиксировать их в надписях на камне. Возможность издавать совместные решения должна была привести к росту коллективного самосознания, активизировать деятельность общинников.

Значительную часть царских земель Селевкиды использовали для организации военно-земледельческих поселений воинов-катеков. Земля выделялась поселению целом, а затем уже распределялась между поселенцами в зависимости от положения в войске. С течением времени ряд военных поселений получал статус полиса, при этом иногда происходило объединение с местными самоуправляющимися коллективами. Из такого военного поселения, по всей вероятности, вырос и полис на берегу Евфрата, известный под двойным (местным и греческим) названием Дура-Европос. Греко-македонские воины, составившие первоначально основное население Дура-

Европоса, были наделены землей. Они могли продавать свои наделы, хотя эти участки формально считались собственностью царя и в случае отсутствия наследников надел возвращался в царскую казну.

Дура-Европос представлял собой крепость, контролирующую торговые пути по Евфрату. В крепости находились представители центральной власти: стратег — начальник гарнизона, особый чиновник, надзиравший за внутренней жизнью города, царские служащие, следившие за торговлей и взимавшие пошлины в пользу царской казны. На приписанной к городу земле, как это видно из более поздних документов, были также и деревни с местным населением.

Пергамское царство.* Особое место в системе эллинистических держав занимало сравнительно небольшое Пергамское царство, вобравшее в свой состав и развитые греческие полисы, и местные народы Малой Азии. Опираясь на их ресурсы, цари Пергама расширили свое влияние на полуострове, а благодаря умелому использованию соперничества между Египтом, державой Селевкидов, Македонией и включившимся в борьбу за мировое господство Римом им удавалось оказывать влияние и на политическую жизнь Восточного Средиземноморья.

Основателем Пергамского царства был евнух Филитер, сын македонца Аттала и пафлагонской женщины. Он был правителем города Пергама и охранителем доверенной ему казны македонского царя. В 302 г. Филитер перешел на службу к Селевку I и управлял долиной реки Каик, где находился Пергам, чеканил монеты с изображением сначала македонского царя Лисимаха, затем Селевка I и, наконец, с собственным изображением, подчеркивая этим провозглашенную независимость Пергама. Филитеру наследовал усыновленный им племянник **Аттал**. Вслед за Атталом правил **Эвмен I**, при котором Пергаму пришлось платить дань вторгшимся в Малую Азию галатам. Наследник Эвмена I **Аттал II** принял царский титул и имя Сотер (Спаситель) после того, как разбил в верховьях Каика галатов. Тогда же территория царства была увеличена за счет владений Селевкидов. Вступив в соглашение с Этолийским союзом, воевавшим против Македонии, Аттал II укрепился на Эвбее.

В экономике Пергамского царства преобладали греческие элементы, однако земля, как и в других эллинистических царствах, принадлежала царю, который сдавал ее в аренду или вел хозяйство с помощью своих управляющих силами зависимого местного населения, а также чужеземных покупных рабов и, возможно, рабов-должников.

---

*Параграф написан И. С. Свенцицкой.

Вместе с тем, как и в царстве Селевкидов, значительная часть царской земли передавалась катекам — военным колонистам. Наряду с греками и македонцами пергамские цари значительно шире, чем Селевкиды, привлекали к военной службе выходцев из местного населения. Согласно письму одного из пергамских царей катек получал участок необработанной земли и виноградник. За эту землю катеки выплачивали двадцатую часть урожая с зерна и десятую — с остальных культур. Взимая долю урожая, а не твердую плату, царь делил с катеками убыток в случае стихийных бедствий. Кроме того, желая поощрить разведение нужных сельскохозяйственных культур, царь жаловал колонистам также и свободную от налогов землю для разведения оливковых деревьев. Помимо клеров, полученных за военную службу, катеки могли покупать землю у царской казны. Бездетные катеки имели право завещать свои наделы. Впоследствии земли в пергамских военных поселениях стали покупаться и продаваться, как и в государстве Селевкидов.

Как и у Селевкидов, военное поселение могло получить статус полиса, и при этом также происходило объединение с местными самоуправляющимися коллективами. Так, в Гирканской долине Лидии жили гирканцы, переселенные туда некогда персами с берегов Каспийского моря; они образовали самоуправляющееся объединение вокруг храма Артемиды. С этим объединением слилось македонское военное поселение, и объединенная гражданская община стала называться «полис македонян-гирканцев».

Как и в державе Селевкидов, в Пергаме на протяжении III—II вв. фонд царских земель сокращается в результате перехода земли к городам и передачи ее частным лицам. Особенно часто наделял царь землей своих приближенных, которые могли приписать полученную землю с сидящими на ней «людьми» к какому-либо полису, полностью изъяв ее из-под контроля царской казны. О положении земледельцев, приписанных к полису, ничего не известно, но, скорее всего, оно приближалось к положению остального земледельческого населения, а зависимость его от владельца земли выражалась в выплате подати.

На землях, переданных частным лицам, кроме земледельцев-общинников работали и рабы. Они могли жить в тех же деревнях, что и земледельцы, в отдельных домах. Используя рабов в своих хозяйствах, землевладельцы приспосабливались к господствующей форме организации труда на своих землях. Это избавляло землевладельца от необходимости создавать аппарат контроля принуждения, содержа надсмотрщиков и учетчиков: живя в деревне, рабы подчинялись общинному распорядку и контролю.

Сплошные массивы царских земель (в Пергамском царстве было меньше, чем у Селевкидов, крупных городов, земли которых вклинивались бы в царские) и сосредоточенность ремесла главным образом в столице позволяли царям осуществлять постоянный контроль над трудом рабов, число которых пополнялось и за счет обращения местных земледельцев в царских рабов за долги, и за счет чужеземного населения. Преобладали рабы из местного населения. Помимо сельскохозяйственных работ царские рабы использовались и в ремесленных мастерских, которыми руководили специальные надзиратели, подчиненные царю. При этом положение местных рабов было лучшим, чем рабов-чужеземцев.

Немалые доходы, как и в Египте, давали пергамским царям царские монополии на продажу вина, оливкового масла и пергамента.

Владея компактной территорией, Атталиды имели возможность наладить более четкую систему управления, чем Селевкиды, хотя также опирались на греческие полисы и местные храмовые организации.

Родос. Среди эллинистических государств, сумевших в эпоху эллинизма сохранить независимость и умеренную демократию, был Родос. Историк Диодор считал родосское государственное устройство лучшим в греческом мире. Продолжало функционировать народное собрание, которому, по крайней мере в области внешней политики, принадлежал суверенитет. На собрании избирался сроком на полгода совет (число его членов неизвестно) и пять пританов, один из которых был главой исполнительной власти. Члены совета и другие должностные лица получали за исполнение своих обязанностей плату. Независимость государству обеспечивал флот. Хотя и состоявший из сравнительно небольшого числа военных кораблей, по своим техническим данным и благодаря прекрасно обученному персоналу он превосходил флотилии других государств.

Чрезвычайно выгодное географическое положение сделало остров центром посреднической торговли, охватывавшей, как показывают обломки амфор с родосскими клеймами, все Средиземноморье. Родосские купцы торговали сицилийским, египетским, понтийским зерном, а также маслом, вином и другими товарами. Заинтересованные в безопасности торговли, родосцы покончили с пиратством в Эгеиде. Во время борьбы диадохов и эпигонов за власть родосцы сумели отстоять свою независимость и одержать победу над Деметрием Полиоркетом, пытавшимся в 307–306 гг. захватить остров. Памятником этой победы стала гигантская бронзовая статуя особенно почитаемого на острове Гелиоса, поставленная в гавани таким образом, что под ней могли проплывать корабли.

Родос обладал достаточным международным авторитетом, связанным прежде всего с его значением в торговле.

Македония. Явившись главным очагом бури, обрушившейся на два континента, Македония в социальном плане более всего от нее и пострадала. Страна была ослаблена массовым отливом населения, начавшимся со времени похода Александра, борьбой за власть между македонскими правителями и их соперниками в Азии, междоусобицами в самой Македонии и нашествиями варваров.

После долгой, изматывающей борьбы за македонский престол на нем утвердился внук Антигона Одноглазого (полководца Александра) **Антигон Гонат**, который одержал блестящую победу над вторгшимися на полуостров кельтскими племенами (277 г.). Антигонидам удалось подчинить обширные территории, занятые фракийцами и фессалийцами, взять верх над южным соседом Эпиром, занимавшим часть адриатического побережья, и поставить свои гарнизоны в ряде крупных городов (Коринфе, Халкиде, Пирее).

Так же, как и другие эллинистические монархи, Антигониды основывали новые города и укрепляли старые. Крупными центрами стали Кассандрея и Фессалоники, основанные еще Александром. Сам же Антигон застроил и вновь заселил Фивы. Новые города получали в свое распоряжение земли. В них существовало самоуправление, хотя и находившееся под контролем царских чиновников.

Система управления в Македонии в эпоху эллинизма несколько изменилась, хотя власть царя по-прежнему опиралась на армию, состоящую из македонян. Столицей снова стала Пелла. Придворная жизнь была в ней проще, чем в Александрии, Антиохиии или Пергаме, но гетайры (сотоварищи царя), оказывавшие некогда влияние на политику, исчезли. Высший класс был полностью эллинизован, и македонский диалект, дававший афинянам основание считать македонян варварами, был вытеснен аттическим или сформировавшейся к этому времени на базе классических греческих диалектов (ионийского, дорийского и эолийского диалектов) «общей речью» — *койне*. И все же для занятия престола по-прежнему требовалось одобрение войска.

Афины в эллинистическую эпоху. В год возвращения Александра в Вавилон Афины были охвачены невиданным возмущением. Поводом к нему были требование Александра о введении его персоны в пантеон полисных богов и объявленное по поручению царя на Олимпийских играх постановление о возвращении изгнанников. Последнее означало прямое нарушение Коринфского договора, оговаривавшего невмешательство Македонии в греческие

дела. Афиняне вооружились, готовясь защищать полисную автономию от чуждого и враждебного государства.

Надежду на успех в освободительной войне давали слухи о вражде между Александром и оставленным им в качестве правителя Македонии Антипатром.

Афиняне наняли распущенных Александром наемников и открыли военные действия против Македонии. Опасениям, что Александр выступит в поддержку Антипатра, положила конец внезапно пришедшая весть о смерти завоевателя, воспринятая с нескрываемой радостью. Немедленно было принято решение о возвращении из изгнания великого противника Македонии Демосфена. За ним на Эгину была послана триера. Прибытия ее ожидали все граждане, вышедшие за город на дорогу, ведущую из Пирея. Такого поворота событий изгнанник не ожидал. Воздев руки к небу, с лицом, мокрым от слез, он называл себя блаженным, а день этот счастливейшим в своей жизни.

Иначе отозвалась смерть в Вавилоне для Аристотеля. Кончилось счастливое время углубленной работы в Ликее над свитками и материалами, доставленными с Востока. Как и после Пелопоннесской войны, за деяния учеников пришлось ответить их наставникам. В 399 г. за Алкивиада и Крития ответил Сократ, в 323 г. за действия Александра — ученик ученика Сократа Аристотель. Впрочем, суда Аристотель избежал. Скрывшись из Афин, он через год скончался в изгнании.

Между тем посланная против Македонии афинская армия была разбита. Разгромлен был и афинский флот. Македоняне захватили Пирей. Афинским властям пришлось вступить в переговоры с Македонией и подчиниться требованиям победителей: восстановить «конституцию предков» (то есть олигархические порядки), принять македонский гарнизон, выплатить контрибуцию и выдать наиболее активных противников Македонии. Демосфен бежал из Афин, но был настигнут и принял яд.

Во главе Афин отныне утвердились ставленники Македонии. Среди них на протяжении десяти лет городом управлял видный ученый **Деметрий Фалерский** (317—310). Лишь в середине III в. Афины в союзе со Спартой и с помощью птолемеевского Египта попытались вернуть себе самостоятельность, но потерпели поражение и вновь оказались во власти Македонии. Однако в дальнейшем борьба с Македонией шла с переменным успехом. Стремление афинского полиса самоутвердиться в мире, где господствовали новые державы, завершается в 229 г. возвращением независимости, которую, начиная с 200 г., афиняне отстаивают при поддержке Римской республики. Огромное количество надписей, найденных в Афинах эл-

линистического времени, свидетельствует об ошибочности расхожего мнения о политической смерти Афин после битвы при Херонее. Афинская демократия оказалась вполне жизнеспособной, и в городе утверждается подлинный ее культ. В защите своей независимости афиняне проявляли героизм, а необычайно активная афинская дипломатия искусно использовала в интересах полиса противоречия между соперничающими друг с другом внешними силами.

Сохраненный Афинами статус самоуправляющегося полиса обеспечивал им роль перворазрядного культурного центра.

Этолийский и Ахейский союзы. В эпоху македонской гегемонии усиливаются союзы греческих полисов — возникший еще в 367 г. *Этолийский* и появившийся около 280 г. *Ахейский*. Первоначально Этолийский союз объединял этолийские племена западной части Центральной Греции, которые упорно сопротивлялись Македонии и удерживали контроль над святилищем в Дельфах. Им удалось отстоять Дельфы во время нашествия на Грецию галатов (кельтов), после чего в союз вошли многие полисы этого региона и Пелопоннеса. Высшая власть в союзе принадлежала народному собранию, собиравшемуся дважды в год в городе Ферма для решения вопросов войны и мира и для выборов должностных лиц. Военная и административная власть принадлежала стратегу и его помощнику гиппарху (начальнику конницы), секретарю и семи казначеям. Они ежегодно избирались народным собранием. Имелся также совет из представителей племен и полисов, состоявший из пятисот пятидесяти (впоследствии тысячи) человек. Во внутренние дела членов союза союзные органы не вмешивались.

Ахейский союз первоначально состоял из коренных общин Ахайи, но затем в него вошли такие крупные полисы, как Коринф, Мегалополь, Мегары, Аргос и Сикион. Высшим органом союза было народное собрание (синод), решавшее вопросы войны и мира и избиравшее должностных лиц союза. Имелся и совет, составленный из предлагаемых каждым полисом членов. Главой администрации становился стратег, избиравшийся на год. Ему подчинялся гиппарх. Вопросами внешней политики ведала коллегия из десяти демиургов.

Наивысшего расцвета Ахейский союз достигает под руководством стратега **Арата** (241—213), который успешно действует против Македонии. Однако когда в Ахейский союз вступает Спарта и ее царь оттесняет в делах союза Арата, последний заключает союз с Македонией. Македонский царь Антигон Досон завоевывает Пелопоннес, и лишь невероятными усилиями Ахейский союз был восстановлен Филопеменом из Мегалополя.

Не исключено, что Ахейский и Этолийский союзы могли бы, объединившись, спасти Грецию от вмешательства извне. Но их разделяли соперничество и вражда, и этим успешно воспользовались сначала македоняне, а затем римляне.

Спарта в эллинистическую эпоху. Спартанцы не участвовали в войне греков с Филиппом. В день битвы при Херонее спартанский царь Архидам сражался в Италии на стороне Тарента против племени мессапов и погиб. Не приняла участия Спарта и в Коринфском конгрессе и потому была свободна от каких бы то ни было обязательств. С началом похода Александра на Восток Спарта затеяла войну против Македонии. В битве при Мегалополе спартанцы, возглавляемые царем Агисом III, сыном Архидама, были разгромлены. Вместе с пятью тысячами спартанцев на поле боя остался и царь. Этот эпизод — один из конфликтов уходящего с исторической арены мира полисов с нарождающимся миром эллинистических монархий.

Побежденная и не вошедшая в новое объединение городов Пелопоннеса, Спарта продолжала идти не в ногу с другими полисами. Однако, несмотря на утрату Мессении, дававшей немалые доходы, спартанская верхушка не испытывала материальных невзгод. Оставались свои илоты и периэки, а прекращение войн означало и снижение расходов. Впервые в Спарте в таком количестве появляются богатые люди и роскошь.

Память о великом прошлом жила в душах немногих. В числе их был **Агис IV**, правнук того Агиса, который остался на поле боя под Мегалополем. Воспитанный матерью и бабкой, самыми состоятельными женщинами Лакедемона, в роскоши, приличествующей не спартанским, а персидским царям, он сорвал золотые украшения и дорогие одежды и стал приучать себя к древней черной похлебке, рецепт приготовления которой едва не был забыт. Его поведение не встретило одобрения у большинства людей старшего поколения, с трудом представлявших, как можно жить по законам Ликурга, но нашло ревностных подражателей среди молодежи и очень немногих стариков. Когда один из последних, Лисандр, был избран в эфоры, Агис через него предложил закон об отмене долгов и переделе земель между молодыми периэками и неимущими спартанцами, способными служить в войске. Это означало восстановление полисной системы землевладения и полисного войска.

Герусия отклонила предложение Лисандра, и он передал его апелле. Против законопроекта и его автора выступили олигархи. Это заставило реформатора перейти к решительным действиям — разогнать эфорат, собрать долговые расписки и сжечь их. Агис говорил:

«Я никогда не видел столь чистого пламени». Остальные реформы Агис провести не успел, ибо эфоры отправили его с войском для защиты границ Спарты, и в его отсутствие все преобразования были отменены. Когда же царь вернулся, его схватили и предали казни. В тюрьме были задушены его мать и бабка.

Чтобы изгладить саму память об Агисе, его вдову выдали замуж за **Клеомена**, сына царя Леонида, главного противника реформ. Но, вопреки расчетам олигархов, став царем, Клеомен III выступил продолжателем дела Агиса и отомстил его убийцам. Держа свои намерения в тайне, он внешне всецело отдался военному делу и постоянно находился в походах. Однажды, неожиданно вернувшись в город, он ворвался со своими воинами в здание, где заседали эфоры, и, перебив их, разогнал герусию, а многих олигархов отправил в изгнание. После этого была осуществлена в полном объеме программа Агиса и возобновлено действие конституции Ликурга. В результате некоторые общины Пелопоннеса поддержали Спарту и стали ее союзниками.

Такое развитие событий вызвало у руководителя Ахейского союза Арата опасения, что у Клеомена могут найтись подражатели, и он обратился за содействием к Македонии, несмотря на многолетний с нею конфликт. Прибывший на Пелопоннес с 40-тысячным войском македонский царь захватил союзные Клеомену города и двинулся к Спарте. Клеомену ничего не оставалось, как предложить илотам выкупиться и вступить в его армию. Несмотря на значительную сумму выкупа, желающих получить свободу оказалось 9000. Однако и эта крайняя мера не спасла положения: небольшое спартанское войско потерпело поражение на подступах к Лаконике (221 г.). Клеомен бежал в Египет, где вскоре погиб.

В землях Италии. В те годы, когда огромная держава Александра, как хитон, оказавшийся не по плечу, перекраивалась его полководцами и их наследниками, на Западе, куда не успел добраться македонский завоеватель, продолжалось насильственное объединение Италии под властью Рима. Римлянам приходилось одновременно воевать с самнитами, этрусками, галлами, эквами, умбрами, посылая войска то в непроходимые Циминские леса Этрурии, то в болотистые низины Лация, то к кручам Апеннин. Не раз из поля зрения исчезали целые легионы, и лишь некоторое время спустя в Риме узнавали, что они полностью уничтожены.

Полисы и племена Италии воевали против римлян порознь. Наконец им удалось объединить силы всех тех, кто не хотел сунуть голову в римское ярмо. Поднялись все двенадцать городов Этру-

рии, самниты, галлы, этруски и умбры и стали лагерем у Сентина, близ города Клузия, откуда был родом первый великий противник Рима и его победитель Порсенна.

Узнав об этом, консулы повели к Клузию четыре легиона. Два других были оставлены в Самнии, чтобы не допустить подхода главных сил самнитов. И вот в низине друг против друга выстроились для решающей битвы римляне и их противники.

Позднейшие историки, использовавшие древние анналы, расцвечивали римские победы для вящей славы римского оружия и умалчивали о поражениях. Так, один из историков сообщал, что против римлян было выставлено 600 000 пехотинцев, 46 000 всадников и 2 000 колесниц. И, конечно же, не обошлось без рассказов о знамениях. Будто бы перед началом битвы при Сентине в пространство между двумя армиями выбежала лань, преследуемая волком. Нетерпеливые галлы будто бы забросали лань копьями, а римские манипулы расступились, пропустив своего четвероногого собрата и священного зверя Марса, чем и обеспечили себе победу.

Агафокл — страж мира. Промежуток времени, когда наследники Александра были заняты друг другом, а Рим отбивался от объединенных чувством самосохранения самнитов, этрусков и галлов, был благоприятным для новой попытки установления власти над полисами Великой Греции. Это понял сиракузянин **Агафокл**. Противники называли его «горшечником», и он не возражал против этого, хотя на самом деле был сыном богатого владельца керамической мастерской. Единственное, что ему в жизни удалось вылепить и декорировать, был сосуд собственной власти, и в этом он оказался великим мастером. Выгодно женившись на дочери влиятельного и богатого аристократа, Агафокл приумножил отцовское достояние и бо́льшую часть денежных средств использовал для того, чтобы нанять наемников. Вслед за этим он стал поддерживать требования городских низов, которые сразу выделили «горшечника» среди других доброхотов. Замечен был Агафокл и в верхах: его отправили в изгнание, что принесло ему еще большую любовь простого народа, всегда симпатизирующего обиженным. Через год сиракузский демос изгнал олигархов и вернул пострадавшего за него Агафокла, который за это время успел удвоить число наемников.

В 319 г. сиракузяне провозгласили «горшечника» стратегом и «стражем мира». Это напугало олигархов и заставило их объединиться. Возникла тайная «гетерия шестисот». В 316 г. Агафокл разоблачил заговорщиков и был объявлен «стратегом-самодержцем», что фактически означало установление тиранической власти. Но

помнивший об обычной ненависти граждан к тиранам, Агафокл устранил в своем облике и поведении все, что могло напомнить о Дионисиях: бьющую в глаза роскошь, откровенное пренебрежение к правам граждан. Он продолжал ставить на обсуждение народного собрания некоторые вопросы государственного управления, добиваясь их утверждения не силой, а авторитетом.

Но сколь бы успешной ни была внутренняя политика тирана, власть его не может быть прочной, если ее не подкрепляют внешние успехи. Между тем Сиракузы после смерти Дионисия утратили в Западной Сицилии значительную часть своих владений, попавших в сферу влияния Карфагена. Боясь разбить пока еще хрупкий сосуд своей власти в схватке с могущественным противником, Агафокл, заключив тактическое перемирие с карфагенским полководцем, начал войну с менее сильными греческими полисами Сицилии — Акрагантом, Мессаной и Гелой (316—313 гг.). Добившись успеха, он нарушил перемирие с Карфагеном, напав на его сицилийские владения. Однако войско Агафокла было разбито.

Ливийский поход. Понимая, что его ждут затяжная война и, следовательно, возрастающее недовольство граждан, тиран пошел на риск: посадил четырнадцать тысяч наемников на корабли и, не раскрывая им маршрута экспедиции, направился в Ливию. Во время плавания произошло солнечное затмение (310 г.), вызвавшее настоящую панику. Однако, будучи прекрасным оратором, Агафокл убедил воинов, что еще в Сиракузах он выяснил, что затмение небесного светила означает затмение славы и могущества тех, в чьи земли они плывут, иными словами, закат Карфагена.

И словно в воду смотрел Агафокл — внезапное нападение позволило его войску с ходу овладеть крупными карфагенскими городами Утикой и Гадруметом и начать победоносное продвижение к Карфагену. Наскоро собранное карфагенское ополчение было разбито. Правда, взять прекрасно укрепленный город Агафоклу не удалось, но, оставив осажденных с суши и с моря погибать от голода, он обрушился на незащищенные города побережья: было разграблено и уничтожено до двухсот городов и поселений, Агафоклу и его воинству досталась несметная добыча.

Успех Агафокла был замечен во всем эллинистическом мире. Даже правитель отделившейся от Египта Киренаики заключил с Сиракузами союз, надеясь с помощью Агафокла захватить побережье Ливии. От союза Агафокл не отказался, однако, пригласив к себе нового союзника, предпочел его убить. К нему перешли наемники убитого, но воспользоваться новыми силами Агафокл не ус-

шел: пришла весть об отделении от Сиракуз эллинских городов и успехах высадившегося в Сицилии и приблизившегося к столице карфагенского войска. Так что пришлось заключить с Карфагеном невыгодный для Сиракуз мир.

«Царь сицилийцев». Возвратившись в Сицилию, Агафокл скорее мягкостью, чем силой, вернул восставших эллинов под власть Сиракуз, оттеснил карфагенян и добился от них признания своих завоеваний, оставив им Западную Сицилию. Положение его настолько укрепилось, что он провозгласил себя «царем сицилийцев» и вступил в переговоры с Птолемеем, которому оказал в Ливии услугу, убив правителя Киренаики. Птолемей отдал уже далеко не молодому Агафоклу в жены одну из своих падчериц. Свою же дочь Агафокл выдал замуж за Пирра, преуспевающего царя Эпира.

«Международное признание» не изменило линии поведения Агафокла в Сиракузах: он не надел диадемы и не сменил своих одежд на царские. Возможно, именно поэтому, не опасаясь подпасть под власть Сиракуз, его пригласили в Италию полисы с демократической формой правления. Переправившись через пролив, Агафокл обрушился на Кротон, испокон веков бывший оплотом аристократии. В 299 г. сложил оружие осажденный Кротон, вслед за ним — и его союзник Регий, контролировавший Мессинский пролив.

На очереди была война с врагами Тарента мессапами и луканами, которых местные греки называли «италийскими спартанцами» (луканская молодежь воспитывалась в лесах, приучаясь к лишениям; пищей юношей была добыча от охоты и ключевая вода). Готовясь к войне, Агафокл созвал представителей италийских племен, склонных идти на соглашение с ним, но, не успев начать переговоры, вынужден был из-за внезапной болезни вернуться в Сиракузы. Болезнь была вызвана медленно действующим ядом, подмешанным в пищу любимым рабом царя, которого соблазнило предложенное царским внуком золото.

Западный поход Пирра. За успехами Агафокла внимательно и ревниво следил его зять **Пирр**. Царю Эпира было мало переданного Агафоклом в качестве приданого острова Керкиры и он подумывал, как стать его полным наследником. После того как Пирр потерял власть над захваченной им Македонией, он направил всю свою энергию на создание войска, которое было бы совершенным по своей организации, и даже занялся разработкой новой военной доктрины, учитывающей все изменения в тактике и вооружении, происшедшие после смерти Александра. Он мечтал о создании великой западной державы, которая могла бы соперничать с Антиго-

нидами, Селевкидами, Птолемеями. Смерть Агафокла способствовала созданию всех необходимых условий для давно планировавшегося Пирром похода.

Оставшись без опеки Сиракуз, греческие полисы юга Италии оказались лицом к лицу со своими давними недругами — местными племенами. Бывшая афинская колония Фурии, теснимая луканами, заключила союз с Римом и после нового нападения луканов в 282 г. призвала к себе римского консула с войском. Повторился неаполитанский сценарий: римляне, разбив луканов, почувствовали себя хозяевами положения в облагодетельствованном городе. Им в подкрепление было послано десять римских военных кораблей.

Под акрополем Тарента, занимавшего полуостров между «большим» и «малым» морями, находился главный из городских театров. Оттуда, как на ладони, была видна гавань. Во время представления какой-то пьесы в поле зрения собравшихся попали корабли приближавшейся к берегу флотилии. Чей-то возглас «Пираты!» заставил зрителей броситься к гавани, и пять успевших причалить римских кораблей были разнесены в щепки. Остальные повернули назад.

Через некоторое время в Тарент прибыло римское посольство с жалобой городским властям. Завсегдатаи тарентийской гавани не только не проявили никакого почтения к важно вышагивавшим римским сенаторам, но сорвали с них тоги и совершили нечто такое, что римский историк назвал «бесстыдным бесчестием».

Война Тарента с Римом стала неизбежной, и тарентинцы обратились за помощью к Пирру (280 г.). Прошло немного времени, и с кораблей Пирра были высажены в гавани Тарента 20 000 гоплитов, фессалийская конница, критские стрелки и боевые слоны. Пирр немедленно занялся обучением тарентинской молодежи военному делу и переговорами с вождями соседних племен. Переговоры увенчались успехом. Чужестранец показался самнитам и луканам достойным союзником для сокрушения ненавистного Рима.

Римляне тоже не бездействовали: они расположили свои гарнизоны во многих городах Южной Италии. Пирр, так и не дождавшись от самнитов и луканов военной помощи, со своим войском и еще необученными тарентинцами покинул Тарент. Битва состоялась неподалеку, у Гераклеи, в том же году. Рассказывают, что при виде римлян, выстроившихся за рекой Сирисом, Пирр произнес: «Варвары, а порядок в войске не варварский. Посмотрим, каковы они в деле». С этими словами он дал знак начать переправу через реку. В битве проявились необычайное упорство римлян, но одновременно и их неподготовленность к сражению с таким противником, как Пирр. Ужас

пугали коням и людям слоны. Римляне видели слонов впервые и, не зная, что это за животные, называли их «луканскими быками». На поле боя осталась бо́льшая часть римской армии, пал и их лагерь.

Будто бы Пирр оценил своих противников так: «О, если бы у меня были римские воины или я бы был римским царем, как бы легко я завоевал мир».

Считают, что эти слова услышал и записал спутник Пирра, фессалиец Кинеас, ученик Демосфена и философ-эпикуреец, о котором говорили, что он языком присоединил к владениям Пирра больше городов, чем тот мечом. Ранее Пирр отправил Кинеаса в Тарент, и тот договорился об условиях помощи Пирра тарентинцам. После битвы у Гераклеи Пирр послал Кинеаса в Рим, чтобы тот добился мира и союза, которые были необходимы царю для дальнейших завоеваний.

Искусная речь, произнесенная им в курии, произвела впечатление на сенаторов. Они не без удивления узнали, что Пирр возвращает пленных без выкупа и не только не требует от побежденных дани, но согласен на союз и обещает долю из того, что завоюет в Сицилии. Однако в разгар речи был внесен на носилках бывший цензор, престарелый и слепой Аппий Клавдий. Выслушав ораторов, высказывавшихся за мир и союз с Пирром, он взял слово. «До сих пор, — будто бы произнес старец, — я роптал на судьбу, лишившую меня зрения, — теперь же сожалею, что еще и не глух, ибо услышал здесь постыдные предложения, противные обычаям предков и выгодные нашему недругу». Отвергнуть предложенные Пирром условия мира, скорее всего, побудила не эта речь, а появление в Остии ста двадцати карфагенских кораблей. Карфагенский полководец предложил римлянам возобновление военного союза и непосредственную помощь в войне с Пирром. Союз Рима и Карфагена был возобновлен в четвертый раз, но от помощи сенат отказался, видимо, разгадав карфагенскую хитрость. Вскоре посетил карфагенский командующий и Пирра, предложив свое посредничество для заключения мира с Римом. Истинной причиной посылки карфагенского флота в Италию было стремление задержать там Пирра как можно дольше.

Между тем военные действия возобновились. Битва произошла весной 279 г. у города Аускула на пересеченной местности, не позволившей Пирру использовать преимущества его фаланги — тяжелой конницы и боевых слонов. Тем не менее он одержал победу. Но его войско понесло тяжелейшие потери. Рассказывали, что, обходя поле битвы после того, как его покинули римляне, царь будто бы воскликнул: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска!».

Пирр в Сицилии. Сразу же после смерти Агафокла карфагеняне переправили в Сицилию значительные силы и отвоевали утраченные ранее города. В этой ситуации сиракузяне, страдавшие к тому же от внутренних распрей, отправили к Пирру послов, предложив ему трон Агафокла. Пирр прибыл в Сиракузы, где принял титул царя Сицилии и Эпира. В дальнейшем он рассчитывал передать власть над Сицилией сыну от брака с дочерью Агафокла, оставив другому сыну италийскую часть своих владений.

Действия Пирра против карфагенян начались успешно, и удержаться карфагенянам удалось лишь в Лилибее. Однако во время осады Лилибея к царю прибыли послы от его италийских союзников с вестью, что они больше не в состоянии сопротивляться римлянам. Теперь Пирру угрожала опасность с двух сторон. Не мог он рассчитывать и на верность сиракузян. Их первоначальное воодушевление рассеялось при известии о расходах, которые потребуются для переброски войска в Ливию. Пирр долго колебался, не зная, какое решение принять.

Римский триумф. Весной 275 г. Пирр вернулся в Италию. За это время, воспользовавшись его долгим отсутствием, римляне овладели Кротоном, захватили некоторые другие города и подчинили союзные Пирру племена луканов и самнитов. Появление Пирра заставило римлян отступить. Пополнив армию находившимися в Таренте резервными силами, Пирр двинулся на север. В Самниуме в том же году произошла битва при Беневенте. И на этот раз ему удалось избежать разгрома, но, не получая свежих подкреплений и средств, он счел продолжение войны бессмысленным и удалился в Грецию, оставив в Таренте гарнизон и пообещав вскоре вернуться. Три года спустя Пирр погиб в Аргосе в уличной схватке с македонцами.

«Не было в Риме триумфа более прекрасного и великолепного, чем над Пирром, — пишет римский историк. — До сего времени не видели ничего, кроме овец вольсков, стад сабинян, повозок галлов, сломанного оружия самнитов. А теперь, если взглянуть на пленных — молосс и фессалиец, македонец и брутиец, апул и луканец, а если окинуть взором триумфальное шествие, — золото, пурпур, знамена, картины, тарентинская роскошь! Но римский народ ни на что не смотрел с таким удовольствием, как на тех, перед кем ранее испытывал ужас, — на чудовищ с башнями: чувствуя себя пленниками, они с опущенными головами брели за победителями-конями».

Пока по улицам водили слонов, легионеры продолжали осаду Тарента, защищаемого как горожанами, так и оставленным Пирром гарнизоном. Осажденные ждали возвращения царя, обещавше-

го вернуться со свежими силами, но, получив известие о его гибели, сдались на милость победителя. Впервые в руки римлян попал огромный город, считавшийся столицей Великой Греции, славившийся не только величиной и неприступными стенами, но и самой лучшей на всем Средиземноморье естественной гаванью, откуда открывался путь в Сицилию, в Ливию, к берегам Адриатики.

Эхом падения Тарента стал захват римлянами Регия, запиравшего вход в Мессинский залив, и Брундизия, основателем которого считался Диомед. Брундизий был взят консулом Марком Атилием Регулом, будущим героем войны с Карфагеном (267 г.). Город стал базой римского флота на Адриатическом море и колонией римских граждан. Отсюда открывался кратчайший путь в Грецию.

Последний из эпизодов окончательного завоевания римлянами Италии — разрушение Вольсиний, центра этрусского двенадцатиградья, самого богатого из этрусских полисов (265 г.). Против вольсинийцев восстали рабы. Захватив город, они перебили бо́льшую часть господ и женились на их женах. Избежавшие гибели обратились за помощью к Риму, и на осаду Вольсиний было брошено консульское войско. О накале битвы говорит гибель консула. Победители распяли пленных на крестах, а Вольсинии разрушили. Исторический парадокс: Рим, выйдя из этрусской колыбели, стал для Этрурии могильщиком.

Принудительная федерация. Так через 200 лет после завоевания Лациума римляне подчинили себе Италию — от реки Рубикон на севере до Мессинского пролива на юге. Однако слияния полисов и племен в одно государство не произошло, да и сам Рим оставался полисом. Различные полисы и племена вынуждены были заключить с Римом договор, подобный тому, какой был подписан в Коринфе между Филиппом II и греческими полисами — с той лишь разницей, что каждый из союзников Рима заключал договор отдельно и на различных условиях. Некоторым полисам было даровано право римского гражданства и сохранение автономии во внутренних делах. При этом одним даже разрешалось участвовать в голосовании, другим — иметь римское гражданство, но без права голоса. Имелась категория городов, обладавших не римским, а латинским гражданством. Большинство же городов и племен было причислено к разряду союзников. Союзники лишались права вести самостоятельную внешнюю политику и иметь войско, но должны были нести службу во вспомогательных отрядах при римских легионах. Кроме того, они обязаны были отдать римлянам треть своих земель.

Особую группу составляли колонии римских граждан и латинов, основанные на территориях, отнятых римлянами у завоеванных и

подчиненных полисов и племен. Это были военно-земледельческие поселения наподобие греческих клерухий.

К высшему рангу относились колонии полноправных римских граждан, имевшие административное устройство, аналогичное римскому. Их задачей было укрепление римского господства над завоеванными территориями.

Патриции и плебеи приходят к согласию. В ходе завоевания Римом Италии и обусловленных этим экономических и общественных изменений постепенно ослаблялись противоречия между патрициями и плебеями. Еще за полстолетия до войны с Вейями был разрешен брак между обоими сословиями. После победы над Вейями плебеев щедро наделяют земельными участками. Во время Самнитских войн основывается много колоний, и плебеи получают возможность поселиться за пределами города в качестве колонистов. Однако политическая власть сохранялась в руках патрициев, и плебеи остро ощущали неравенство на бытовом уровне.

Рассказывали, что у сенатора Фабия были две дочери — дома их называли Прима («Первая») и Секунда («Вторая»)*. Приму он выдал за патриция, Секунду — за богатого плебея Лициния Столона. Родственники встречались домами, и однажды младшая дочь стала свидетельницей, как по приказу мужа Примы ликторы секут розгами знакомого ей плебея-должника. Она обратилась к сестре за защитой, а та ее высокомерно высмеяла. После этого возненавидела Секунда Приму. Лициний Столон болезненно воспринял обиду, нанесенную супруге, и дал ей клятву, что добьется справедливости.

В 367 г. народный трибун Лициний Столон вместе со своим коллегой Секстием Латераном предложил законы, облегчавшие положение должников, а также ограничивавшие размеры владений на общественном поле пятьюстами югерами. Но главное — трибуны добились того, что плебеи не только были допущены к консульской должности, но был принят закон, по которому один из консулов обязательно должен был быть плебеем. Так Лициний Столон выполнил свою клятву и стал первым консулом из числа плебеев. Отныне Секунда могла ходить с высоко поднятой головой и не стыдиться того, что ее муж плебей. После 367 г. в списках консулов появляются и другие плебейские имена. Плебс воспрянул духом.

Наиболее важным по своим историческим последствиям был закон **Петелия**, проведенный в 326 или 313 г. Этот закон запрещал кабальное рабство. Обращенные в рабство за долги освобождались.

---

*Употребление порядковых числительных для дочерей в отцовском доме было связано с тем, что у римлянок не было личного имени и все дочери, сколько бы их ни было, носили имя родовое (Фабия, Юлия и проч.).

«За долги должно было отвечать имущество должника, а не тело его». Это означало, что каждый должник, клятвенно заявивший о своей несостоятельности, сохранял личную свободу. Закон этот, естественно, распространялся лишь на римских граждан. После его принятия упоминаемыми в источниках «кабальными людьми» могли быть лишь римские «союзники» и иноземцы, не обладавшие римскими гражданскими правами.

Проведение закона Петелия, близкого по своему содержанию и значению к законам Солона, свидетельствует о важных социальных изменениях в римском обществе. В период завоевания Римом Италии решающее значение приобретает эксплуатация рабского труда.

Аппий Клавдий. В это время жил и действовал великий политик, человек высокой культуры, оратор и юрист **Аппий Клавдий.** Написанные им стихотворные «сентенции» и более двух столетий спустя вызывали восхищение Цицерона. Будучи в 312 г. цензором, он осуществил ряд важных реформ, способствовавших дальнейшему уравнению в правах патрициев и плебеев и укреплению патрицианско-плебейского государства. Предложенный им закон допускал в сенат сыновей вольноотпущенников и разрешал запись граждан в любую трибу, городскую или сельскую, что подрывало влияние крупных землевладельцев-патрициев. Немалое значение имела и передача под государственный контроль древнейшего в Риме культа Геркулеса, до этого находившегося в ведении одного из патрицианских родов (исходящее от жречества предание сообщает, что весь этот род, уступивший, хотя и поневоле, свои обязанности, вскоре вымер, поплатившись за подобное кощунство, а инициатор его цензор Клавдий был наказан слепотой).

Имя цензора сохранили первый в Риме водопровод, построенный по его инициативе, и первая в Италии мощеная дорога, соединявшая Рим с Капуей в Кампании. Впоследствии доведенная до порта Брундизия на Адриатическом море, она стала образцом для других дорог, пересекавших Италию во всех направлениях.

В том же русле ограничения преимуществ патрициата действовал один из последователей Аппия Клавдия, сын вольноотпущенника Гней Флавий. Избранный в 304 г. эдилом, он опубликовал для всеобщего сведения и пользования календарь, ранее находившийся в исключительном ведении коллегии понтификов, состоявшей в то время из одних патрициев. Составил он и запись правовых норм (Флавианское право). Полагая, что своими нововведениями он уничтожил корни многовекового разлада в римском обществе, Флавий воздвиг на форуме небольшое святилище богине Согла-

сия (Конкордии). Вскоре после этого плебеи стали допускаться в число понтификов и авгуров.

Патриции и верхушка плебеев постепенно сливаются в привилегированное сословие — *нобилитет*. Вторым сословием становится *всадничество*, все остальное гражданское население составляет плебс. Процесс этот по времени совпадает с завоеванием Римом Италии.

Источники. Драматическая эпоха войн и глобальные перемены на политической карте Восточного Средиземноморья вызвали к жизни необъятную литературу, создававшуюся главным образом непосредственными участниками событий и придворными историками, которым те, кто сам не мог или не хотел взяться за каламос, поручали оправдание и восхваление своих деяний. Почти не сохранившиеся или дошедшие в незначительных фрагментах, произведения наиболее значительных из этих авторов были широко использованы в трудах Полибия, Диодора Сицилийского, Помпея Трога, Плутарха.

Подробное изложение истории борьбы диадохов и эпигонов до нас дошло в «Исторической библиотеке» Диодора (до 302 г. полностью, далее — фрагментарно). Там, где повествование Диодора не сохранилось, разобраться в сложном клубке событий, связанных с борьбой за власть, помогает обстоятельный конспект, составленный автором III в. Юстином по «Истории Филиппа» Помпея Трога, создавшего в начале римской империи обширный труд, в центре которого была история Македонии начиная с правления Филиппа. Кроме того, военные кампании Деметрия Полиоркета раскрываются в его биографии у Плутарха. Сопоставление сохранившихся произведений позволяет составить достаточно ясное представление о борьбе за раздел империи Александра.

Распределение дошедших до нас литературных источников, освещающих историю отдельных эллинистических государств, крайне неравномерно. Лучше всего ими обеспечена история эллинистической Греции и Македонии. Селевкидов. Для греческой истории это прежде всего многочисленные экскурсы во «Всеобщей истории» Полибия. Особенно ценны сведения, касающиеся Ахейского союза, — как потому, что к его истории Полибий испытывал особенный интерес, поскольку в этот союз входил его родной Мегалополь, так и потому, что он широко использовал мемуары Арата. История Македонии подробно излагалась Аппианом в Македонской книге его «Всеобщей истории», но от нее остались лишь разрозненные фрагменты.

Более систематичная картина истории эллинистической Греции и ее отдельных столкновений с Македонией, подчас в мельчайших деталях, встает из относящихся к этому периоду жизнеописаний Плутарха: последняя попытка Греции освободиться от македонского владычества неразрывно связана с именем Демосфена; история эллинистической Спарты встает из биографий Агиса и Клеомена, при оценке деятельности которых Плутарх пользовался трудами одного из их горячих приверженцев; время могущества Ахейского союза рассматривается сквозь призму биографии Арата, в какой-то мере восполняя утрату мемуаров этого политика, положенных Плутархом в основу изложения.

По ранней истории птолемеевского Египта и державы Селевкидов литературных свидетельств немного: это отдельные экскурсы во «Всеобщей истории» Полибия; канва политической истории, очерченная в конспекте Юсти-

на; экскурсы, включенные Аппианом в посвященную войне Рима и Антиоха III «Сирийскую книгу» его «Римской истории».

Еще меньше литературных источников по истории Пергамского царства и Родоса — они отрывочны и не дают целостного впечатления об этих государствах. И если бы не эпиграфика, восстановить начальный период ни Пергамского царства, ни Родоса было бы просто невозможно. При явной скудости (за исключением истории балканских территорий) нарративных источников, к тому же ограничивающихся одной лишь политической историей, особое значение приобретает постоянно пополняющийся эпиграфический материал, который для периода эллинизма гораздо богаче, чем для более раннего времени.

Договора между отдельными царствами и городами, тексты, фиксирующие включение тех или иных городов в состав то одной, то другой из эллинистических держав и установленный для них эллинистическими владыками статус, декреты в честь отдельных политических деятелей позволяют не только дополнить, но порой существенно уточнить сведения античных авторов. Особенно важна роль эпиграфики для понимания социально-экономических отношений, где надписи являются единственным источником, впервые давшим возможность воссоздать реальную картину кардинально изменившейся жизни.

Надписи в честь лиц, оказавших городу ту или иную услугу, именуемых обычно «благодетелями», и тексты, свидетельствующие о крупных долгах городов, повествуют о встававших перед городами проблемах. Документы, связанные с владельцами меняльных контор (трапез) трапезитами, показывают размах осуществлявшихся ими финансовых операций (займы, вклады, переводы денег в другие города). Значительное количество текстов отражает изменения, происшедшие в земельных отношениях. Тысячи хранившихся в храмах манумиссий (документов, удостоверявших отпуск раба на свободу) фиксируют существенные перемены, происшедшие в сфере рабовладения.

Отдельные надписи касаются платы за аренду земли, оплаты труда, цен на дома, продукты, ремесленные изделия. По надписям можно судить о социальной напряженности и вспыхивавших время от времени локальных восстаниях, не настолько значительных, чтобы попасть в труды древних историков. С последней трети XIX в. для истории эллинистического Египта к эпиграфике добавляется папирология. Словно компенсируя утрату исторических трудов, Египет дает огромный папирологический материал, позволяющий осветить экономику и социальные отношения так, как ни в одном другом регионе эллинистического мира.

Повышается для эллинистического времени значимость также и нумизматического материала, запечатлевшего как перипетии борьбы за власть, так и изменения в идеологии общества, отразившиеся в появлении на монетах эллинистических владык сначала портрета Александра, а затем и их собственных изображений.

Ни по истории Восточного Средиземноморья, ни по истории западного мира в годы, ознаменованные возникновением в восточной половине Средиземноморья эллинистических государств не сохранилось трудов современников. И здесь нашими основными источниками являются написанные более чем тысячелетие спустя «Римская история» Тита Ливия и «Римские древности» Дионисия Галикарнасского. И насыщенное риторикой произведение Ливия, и антикварный труд Дионисия Галикарнасского воссоздают в области внешней политики заключительный этап завоевания Римом Италии и образование на ее территории принудительной федерации, в сфере внут-

ренней жизни — завершение борьбы патрициев и плебеев. Кроме того, во фрагментах Самнитской и Италийской книг «Римской истории» Аппиана сохранился ряд эпизодов, связанных с самнитскими войнами и войной с Пирром. Последняя подробно описана Диодором и Плутархом и конспективно —Юстином.

От Дройзена до Ростовцева. До середины XIX столетия III—II в. применительно к восточной половине Средиземноморья рассматривались историками как возня пигмеев, копошившихся на развалинах державы, созданной гигантом Александром. Ее старались пройти скороговоркой, чтобы перейти к истории Рима и его завоеваниям на Западе и Востоке.

В этом отношении характерно мнение великого немецкого историка начала XIX века Бартольда Георга Нибура, называвшего в своих лекциях македонцев разбойниками и признававшегося, что у него нет охоты заниматься их историей. Поворотным оказался вышедший в 1833—1843 гг. трехтомный труд немецкого историка Иоганна Дройзена «История эллинизма», в котором впервые была предпринята попытка рассмотреть эти столетия как важный исторический этап.

Для Дройзена, как сторонника Гегеля, главным было слияние Востока и Запада, благодаря которому «греческий дух за пределами своей родины преобразовался во всеобщую миродержавную силу» и таким образом подготовил появление христианства. Другая, не менее важная линия исследования Дройзена — сосредоточение власти, разделенной между отдельными ее носителями, в одном лице и «раздельные совершенные монархии»; в этом на Дройзена, как полагают, оказали влияние современная ему политическая проблематика и практика объединения раздробленных немецких государств под властью Пруссии.

В поле зрения Дройзена — прежде всего политическая и культурная история, что связано не только с его политическими взглядами, но и с состоянием базы источников. На основании произведений греческих историков о войнах между диадохами и эпигонами, столкновениях эллинистических государств с Римом невозможно было осветить социально-экономический аспект истории эллинистических государств. Впрочем, в древности имелась попытка написать экономическую историю одного из эллинистических царств — Египта. Ее предпринял историк II в. н. э. Аппиан, однако эта часть его труда до нас не дошла. В прочем, ныне в ней нет нужды — раскопки целых холмов выброшенных в древности папирусных архивов позволили уже в начале XX в. детально обрисовать картину хозяйственной жизни Египта: системы организации земледелия и ремесленного производства, а также налогового обложения, не говоря уже о сведениях, касающихся жизни простых людей. Применительно к государству Селевкидов, эллинистической Македонии и Пергаму нет таких великолепных источников, но египетская социально-экономическая модель позволяет понять сходные процессы, и кроме того, в распоряжении науки имеются многочисленные надписи на твердом материале, да и раскопаны эллинистические города, центры экономической деятельности. На основании всего этого материала был написан трехтомный труд великого русского ученого Михаила Ивановича Ростовцева (1870—1952), который считается едва ли не самым крупным историком XX века. Еще до революции М.И. Ростовцев обессмертил свое имя классическими трудами по истории Скифии и Боспора, а также аграрных отношений в Риме. В 1917—1918 гг. он оказался свидетелем революции в России с ее экспроприациями и военным коммунизмом. В вышедшей до его эмиграции книге «Рождение римской империи» им рассмотрено падение римской республики в аспекте российской империи. Уже в этой работе Ростовцев свя-

вал экономические условия с социальными и рассмотрел проблему социальной революции под углом зрения интересов различных общественных групп. С этих же позиций написана «Социальная и экономическая история эллинизма» (1936), в которой на огромном материале развита идея о двух типах государства: одном — с преобладанием частной, а другом — с регулируемой государством экономикой, в которой роль государства, берущего на себя хозяйственные и распределительные функции, приводит к полному падению роли личности во всех сферах ее деятельности. Прекрасно знакомый с раскопками эллинистического города Дура-Европос Ростовцев блестяще охарактеризовал роль эллинистических городов и той их прослойки, которую называл буржуазией. Работа Ростовцева не была последним крупным исследованием XX века об эллинизме. Некоторые советские историки, критикуя культурно-исторический подход к эллинизму, стали рассматривать его как этап истории рабовладельческой формации, и это не внесло в понимание эллинизма ничего, кроме путаницы. На посвященной проблемам эллинизма дискуссии 1953 года возобладала точка зрения К.К. Зельина, охарактеризовавшего эллинизм как взаимопроникновение и столкновение греческих и местных (прежде всего восточных) начал во всех сферах социально-экономической, политической и культурной жизни. Но и это определение встретило у нас критику. Поэтому вернемся к М. И. Ростовцеву, тем более что нас не может не привлечь сделанный им на огромном материале вывод, что демократия и регулируемая государством экономика несовместимы.

Глава 21
ПОЛИСЫ И МАЛЫЕ ЦАРСТВА ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Державы, поделившие между собой в III в. до н. э. Восточное Средиземноморье, так или иначе включили в систему своей власти греческие полисы Малой Азии, Балканского и Апеннинского полуостровов и островов Эгеиды. За пределами влияния этих держав остались независимые полисы северной части круга земель, занимавшие побережье нынешнего Черного моря. Полисы эти оказались наедине с варварской периферией, с кризисом экономики, с внутренними противоречиями и другими проблемами, которые они должны были так или иначе решать. В аналогичном положении были и находившиеся на берегах моря царства, к которым в эпоху эллинизма присоединились новые малые царства, возникшие в результате начавшегося распада эллинистических держав. Одно из них, Понтийское, станет объединителем всех прибрежных территорий Понта и в I в. до н. э. наряду с Парфией будет главным противником Рима.

Миграция племен. В самом начале эпохи эллинизма в варварском окружении полисов Причерноморья произошли коренные перемены. Великая скифская держава, к которой греки постепенно приноровились, рухнула под натиском с востока и с севера. Жившие за Танаисом (вплоть до Урала) сарматы, известные Геродоту и другим ранним греческим авторам как савроматы, с IV в. начинают

теснить скифов, которые частично откочевывают к устью Дуная, где образуется Малая Скифия (о ней нам известно по монетам западнопонтийских полисов и по надписям). Остальные скифы передвигаются в Крым, где на реке Салгир возникает столица нового скифского царства с греческим названием Неаполь.

В 279—278 гг. на Балканы обрушивается шквал кельтского нашествия. Часть кельтов прорывается в Малую Азию и, произведя там страшные опустошения, укрепляется в центральной части полуострова, создав там племенное государство Галатию. Эллинистическим правителям Малой Азии величайшим напряжением сил удается держать галатов в узде и даже пользоваться их услугами в качестве наемников.

Македония не смогла противостоять варварскому миру, надвигавшемуся на Балканы с севера: слишком плохо была защищена ее северная граница, а растущая угроза со стороны Рима заставляла македонян видеть в варварах скорее союзников, чем противников. В результате во II в. к скифам и кельтам в Придунавье добавляется еще и кельтское племя бастарнов, осевших на территории между устьями Дуная и Днестра. В 179 г. бастарны перешли Дунай и вторглись в пограничные с Македонией земли.

Ольвия. В эпицентре этих этнических катаклизмов оказалась процветавшая в V в. Ольвия, единственный полис Северного Причерноморья, на который имела притязания Македония. В 325 г., скорее всего по настоянию Александра, к Ольвии было послано тридцатитысячное войско наместника Понта Зопериона, который начал осаду города. Спасло его хотя и крайне непопулярное, но единственно верное решение властей, о котором сообщает римский автор Макробий: «Борисфениты, осаждаемые Зоперионом, отпустили на волю рабов, дали права гражданства иноземцам, изменили долговые обязательства и таким образом смогли выдержать вражескую осаду». Это поистине драгоценное, хотя и не во всем ясное, свидетельство дополняется сообщениями других авторов о гибели Зопериона вместе с находившимся на кораблях войском во время разразившейся бури.

Поход Зопериона отражен и в ряде других надписей, которые, несмотря на плохую сохранность, могут быть использованы для подтверждения и дополнения свидетельства Макробия. В декрете в честь некоего Калинника, оказавшего Ольвии услугу, которая была оплачена щедрой наградой в тысячу золотых монет и установкой статуи, упоминается также об обложении граждан чрезвычайным налогом и о чеканке медной монеты с целью восстановления нарушенного нехваткой серебра баланса. Что каса-

ется самой награды, то она, скорее всего, возмещала затраты Калинника на осуществленные им работы по укреплению городской фортификации.

Декрет в честь лица, имя которого не сохранилось, сообщает еще об одной беде, обрушившейся на Ольвию: захвате пиратами острова «с целью ограбления эллинов» (речь идет о священном острове Ахилла). Адресату декрета удалось отогнать грабителей, за что ему воздвигли статую и обещали похоронить за общественный счет.

Бедствия эти оказались прологом к еще большим несчастьям, постигшим город около середины III в., когда, как свидетельствует археология, была полностью уничтожена жизнь на сельской территории Ольвии. Слои разрушений и пожаров дают представление о масштабах насилия. Сельское население, не успевшее укрыться за городскими стенами, было уничтожено или уведено в плен. Разъяснение катастрофической ситуации дает знаменитый декрет в честь богатого ольвиополита Протогена, истратившего на общественные нужды 50 талантов. Мы узнаем из этого декрета о том, что к стенам Ольвии подходило племя саиев во главе с их царем, требуя дани, которую следовало доставить в царскую резиденцию самим ольвиополитам.

В результате прекращения сельскохозяйственных работ и поборов варваров в Ольвии вспыхнул голод, и Протоген, закупив на свои средства хлеб, распределил его среди сограждан. Он также отремонтировал за свой счет городские стены, башни и общественные здания.

Из декретов в честь этих и ряда других лиц становится ясно, что во второй половине III—первой половине II в. Ольвию постоянно терроризировали нападениями и вымогательствами сарматы, галаты, скиры и другие племена, что ей угрожали восстания рабов, что она вела войны с соседними греческим полисами.

Херсонес. В менее катастрофическом, но все же тяжелом положении оказался в III—II вв. и Херсонес, к этому времени свергший тиранический режим выходцев из своей метрополии Гераклеи и установивший умеренную демократию. Наряду с народным собранием граждан действовал наделенный большими полномочиями совет. Исполнительная власть принадлежала выборным должностным лицам — архонтам, стратегам, казначеям.

Как показывают керамические клейма, херсонеситы в последней четверти IV в. осваивают территорию Гераклейского полуострова. Там появляются укрепленные усадьбы, свидетельствующие, с одной стороны, об увеличении населения города и, соответственно, его потребностей в сельскохозяйственной продукции, а

с другой — о появлении внешней угрозы. Такие же усадьбы вырастают в западной, степной части Крыма, в районе современной Евпатории, где еще в IV в. была основана ионийская колония Керкинитида.

Территориальное расширение, чем бы оно ни диктовалось, создавало определенные сложности для нормального функционирования полиса. Владельцы далеко расположенных от Гераклейского мыса участков отказывались от поставок в город товарного зерна, что наносило чувствительный удар по процветавшей херсонесской торговле и тормозило поддержание и строительство оборонительных сооружений. В этих условиях было принято решение привести всех граждан к присяге на верность демократическим порядкам и обязать их свозить в Херсонес хлеб, выращенный на всей сельской территории. Начало присяги гласило: «Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девою, богами и богинями олимпийскими и героями, которые владеют городом, землей и укреплениями херсонеситов: я буду единомыслен в спасении и свободе города и граждан и не предам ни Херсонеса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной Гавани, ни прочей земли, которой херсонеситы владеют или владели, — ничего никому: ни эллину, ни варвару, но буду оберегать для народа херсонеситов».

Между тем возрастала угроза со стороны обосновавшихся в степях Таврики скифов. К середине II в. им удалось овладеть северной частью территории Херсонеса с городами Керкинитидой и Прекрасной Гаванью. Следы этого нашествия — сгоревшие укрепленные сельские усадьбы и амбары с зерном.

Херсонес обратился за помощью к сарматам, враждовавшим со скифами, а также к царю Понта Фарнаку I. С последним в 179 г. был подписан договор. Но внутриполитическая борьба в столице Понта Синопе сделала невозможным его вмешательство. Скифы подошли вплотную к стенам Херсонеса. В их руках оказались и каменоломни, откуда поступал необходимый для укрепления оборонительной системы камень.

Смертельная угроза вынудила херсонеситов использовать в качестве строительного материала надгробия с могил предков. Осквернение гробниц считалось одним из самых страшных кощунств, и к использованию надгробий прибегали лишь в случае крайней опасности (так, один из афинских некрополей был опустошен по настоянию Фемистокла при сооружении «Длинных стен», защищавших Афины и Пирей). Херсонесским Фемистоклом стал Агасикл. В его честь была высечена надпись, отмечавшая, среди прочих заслуг при защите города, также и использование надгробий для укрепления стен. Мертвые своими гробницами защитили живых.

Византий. Ключевое положение в причерноморском регионе по-прежнему занимал Византий. В эллинистическую эпоху город переживал сравнительно благополучные времена. Ему удалось, несмотря на притязания крупных держав, сохранить независимость и оставаться свободным полисом вплоть до завоевания Востока римлянами. Общие интересы Византия и полисов, расположенных на противоположном берегу пролива и на ближайшем понтийском побережье, привели к образованию союза городов, в котором Византий занимал ведущее положение.

Страшным бедствием стало вторжение в Малую Азию воинственных галатов, но потребованная ими огромная сумма выкупа (780 талантов) не стала для Византия слишком обременительной, ибо византийцы в это же время одержали решающую победу над полисом Каллатией, претендовавшим на владение западнопонтийскими водами.

Об экономическом расцвете свободного Византия свидетельствует чеканка им серебряной и золотой монеты, в большом количестве обнаруживаемой археологами по всему побережью Черного моря, особенно на Кавказе и в Крыму. Полибий, характеризуя Византий, пишет: «Понт обладает множеством предметов, необходимых для человека, и все это находится в руках византийцев. Так, прилегающие к Понту страны доставляют нам из предметов необходимости скот и огромное множество рабов, бесспорно, превосходнейших, из предметов роскоши они же доставляют нам соленую рыбу, мед и воск. А от избытка наших стран эти народы получают оливковое масло, вино разных сортов. Хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его нам, то получая от нас. Эллины вынуждены были бы или вовсе потерять торговлю всеми этими товарами, или лишиться выгод от нее, если бы византиийцы пожелали им вредить».

Византий поддерживал деловые связи со многими полисами, царствами и эллинистическими державами, о чем свидетельствуют и монеты, и многочисленные надписи, найденные как в самом Византии, так и во многих других местах. Особенно тесные отношения сложились у Византия с Боспорским царством, откуда шел хлеб, соленая рыба и рабы. Союз Византия с боспорскими царями, обладавшими сильным флотом, позволил очистить Понт Эвксинский от пиратов, которые все еще продолжали свирепствовать в средиземноморских водах. Умелые дипломаты, византийцы сумели наладить дружественные отношения с птолемеевским Египтом, несмотря на то, что в сфере торговли хлебом они были экономическими соперниками.

С возникшим по соседству с Византием царством Лисимаха отношения, напротив, были натянутыми. Когда однажды византийс-

кие послы явились к нему для переговоров, Лисимах сказал: «Теперь я своим копьем касаюсь неба», на что один из послов заметил другому: «Уйдем, пока он его не проткнул».

С Родосом у Византия возник серьезный конфликт, приведший в конце III в. к войне, в которую включились на стороне Византия царь Пергама и один из сатрапов Антиоха. Родосцы заняли своими кораблями Геллеспонт, закрыв для Византия торговый путь, но, не заинтересованные в полном уничтожении города на Боспоре, удовлетворились тем, что преподали ему урок. Был заключен мирный договор, по которому, как нам известно из приводимого Полибием текста, византийцы не только ничего не потеряли, но и обогатились рядом территориальных приобретений.

Наследием Афин (одно время Византий входил в Афинский морской союз) в эллинистическую эпоху оставалось демократическое государственное устройство. Официальные документы начинались словами: «Совет и народ постановили....» Олигархическая партия, состоявшая их крупных землевладельцев (Византий располагал значительной сельской округой) не имела в государстве серьезной опоры и могла рассчитывать лишь на поддержку соседних монархий.

Византийцы гордились своим городом и его прошлым, что нашло отражение в появлении собственной историографии. История Византия в эллинистическую эпоху освещалась в трудах византийца Леона, ученика Аристотеля, Деметрия, автора сочинения о переходе галатов в Азию, Дионисия, автора географического описания Боспора с историческими экскурсами. От трудов этих авторов сохранились фрагменты в произведениях других историков.

Вифиния. Соседями Византия с востока и запада были воинственные фракийские племена. Среди тех, кого Геродот называл «фракийцами в Азии», были вифинцы, почитавшие бога Прейета (согласно греческим мифам, наставника Ареса в военном деле) и назвавшие в его честь девятый месяц своего календаря. В годы схваток между преемниками Александра один из вифинских племенных вождей подчинил себе другие племена и принял царский титул (297 г.). Его наследник Никомед I (280—255), пытаясь расширить отцовские владения, встретил серьезное сопротивление и в поисках союзника пригласил в Малую Азию кельтов (галатов), вскоре ввергших полуостров в сумятицу бедствий. Пополнив население своей крепости греческими переселенцами, Никомед провозгласил ее столицей и дал свое имя — Никомедия. Преемники его, расширяя границы царства на восток и на юг, стали соседями Пергамского царства и вступили с ним в конфликт, переросший в военное столкновение.

На рубеже III—II вв. Вифиния выступила против Пергама, находясь в союзе не только с галатами, но и с Сирией и Македонией, в результате чего к царю Прусию I отошла Малая Фригия. Царь Антиох III, проявляя щедрость за чужой счет, надеялся приобрести союзника в войне с Римом, но Прусий придерживался нейтралитета.

Синопа. Ведущую роль в судьбах Причерноморья с IV в. стала играть Синопа, основанная в 630 г. милетянами (сами синопейцы считали своим основателем Автолика, одного из спутников аргонавтов, тем самым претендуя на более глубокую древность своих исторических корней).

Находясь на перешейке далеко выступающего в море полуострова, Синопа обладала двумя превосходными гаванями, и в то же время была защищена горами от нападения с суши. На территории города рос прекрасный корабельный и строевой лес, основа развития судостроения, и имелись богатейшие рудные запасы. Подчиненное местное население халибы (от чьего племенного названия произошло греческое слово «сталь») обладало опытом в металлургии.

Быстрый рост населения Синопы привел к потребности в выведении ею колоний, расположившихся по побережью к западу и востоку от метрополии — Котиоры, Керасунта и Трапезунта. Опираясь на поддержку своих колоний, Синопа распространила власть также и на другие причерноморские греческие города и брала с них дань.

Огромные доходы давала Синопе торговля. О ее размахе свидетельствуют находимые во многих городах Северного и Восточного Причерноморья амфоры, пифосы и архитектурные фрагменты с синопскими клеймами. В IV в. Синопа освоила прямой путь в Таврику к находящемуся на противоположном берегу моря мысу Бараний лоб (Ай-Тодор в окрестностях Ялты).

Понтийское царство. Примыкающее с севера к владениям Синопы и ее союзников плоскогорье занимало Понтийское царство, возникшее в ходе борьбы за власть между македонскими стратегами. Сын убитого македонянами сатрапа Кеоса Митридат, бежавший в 302 г. на родину своих предков и поддержанный ненавидевшим македонских завоевателей населением, провозгласил себя царем в том же 297 г., когда возникло Вифинское царство. Впоследствии потомки этого Митридата I Ктиста (Основателя) возводили свою родословную к Дарию III, противнику Александра Македонского, и через него — к Отану, одному из «семи персов», свергнувших самозванца Гаумату и возведших на престол Дария I.

Пользуясь непрекращающимися конфликтами между крупными и малыми царствами, находившееся на отшибе Понтийское царство постепенно укрепило свое положение. Богатство территории Понта корабельным лесом и металлами, плодородными землями, дающими обильные урожаи зерновых и плодовых культур, позволили царям Понта создать крупную армию и потеснить соседнюю Фригию. В конфликтах, возникавших между греческими полисами и малоазийскими царьками, они всегда были на стороне греков и пользовались репутацией филэллинов.

Основа военно-политического могущества Понта была заложена Фарнаком I (185—170), опытным политиком и дипломатом. В 183 г. Фарнак, не встретив серьезного сопротивления, захватывает Синопу и превращает ее в свою столицу. Продолжая традиционную для понтийских царей политику, он увеличивает присутствие Понта на морском побережье, основывая на земле халибов город своего имени, куда сгоняет население двух греческих городов — Котиоры и Керасунта. Укрепив свои позиции, он при поддержке галатов затевает войну против соседних царств — Пергама, Вифинии и Каппадокии с целью создания единой малоазийской державы. Однако под давлением Рима ему приходится вернуть царям захваченные у них территории, но за собою он сохраняет Синопу. Убедившись в мощи Рима, Фарнак предлагает ему свои услуги и одновременно укрепляет связи с Сирией, вступив в брак с дочерью Антиоха IV.

Политику Фарнака продолжил его сын **Митридат V Эвергет**. При нем по завещанию к Понту переходит Пафлагония. Стремясь сохранить дружбу с римлянами, он посылает свой отряд в помощь римскому войску, осаждавшему Карфаген, и участвует в подавлении антиримского восстания претендента на пергамский престол Аристоника (133—129). За эту услугу по решению римского сената к Понту переходит Великая Фригия, расположенная рядом с Пафлагонией. Этот дар стал причиной конфликта с дружественной Вифинией, также претендовавшей на обладание Великой Фригией. Царь Вифинии Никомед II не уставал отправлять в Рим послов, доказывавших его права на Великую Фригию. И, как всегда в этих случаях, послы не прибывали с пустыми руками. Так что вскоре появилась группа сенаторов, поддерживавших притязания Никомеда и к тому же уверявшая, что римский консул, добившийся передачи Великой Фригии Митридату, был им подкуплен. Не менее активной была другая партия сенаторов, утверждавшая, что Митридат получил спорную территорию законно. В конфликт вмешался народный трибун Гай Гракх, констатировавший в преамбуле своего закона, что подкуплены и защитники Никомеда, и их про-

тивники. В разгаре этой кампании Митридат V был убит. Обстоятельства убийства неизвестны, но устранение царя было выгодно и Никомеду, и римлянам, которым усиление Понта должно было внушить опасения.

При Фарнаке I и Митридате V в царстве окончательно складывается система землепользования и управления, присущая всем государствам эллинистической эпохи. Земля делилась на царскую и храмовую. Царские земли вместе с их населением подчинялись царским наместникам (стратегам), в обязанности которых входило не только сохранение установленного порядка, но и контроль за сбором налогов с общин и отдельных лиц, занимающих землю. За полисами были оставлены некоторые права самоуправления. Полисная земля, поделенная на клеры, не облагалась налогами в пользу царя, но будучи верховным собственником всей земли государства, царь мог отбирать у полисов часть земли или присваивать ее целиком, как это было в случае с землями Котиора и Керасунта. Большим влиянием в царстве пользовались храмовые центры — Комана, Кабиры, Зела. Они располагали крупными земельными владениями, которые увеличивались за счет царских пожалований. Однако в распоряжение жрецов поступала лишь часть доходов с храмовых земель, остальным пользовались цари.

Колхида. Среди царств Закавказья морскую границу имело лишь царство колхов. Колхида еще с мифических времен будоражила воображение греков своими богатствами. Миф об организованной из фессалийского Иолка общемикенской экспедиции за золотым руном отражал давние связи микенских царств с Кавказом. В VI—V вв. на побережье Колхиды возникли ионийские колонии Диоскурия (Сухуми), Вани (древнее название неизвестно) и ряд других, выявленных и изученных в ходе археологических исследований уже в нашем веке, а также Фасис (по названию одноименной реки), точное местоположение которого выявить пока не удается.

История этих греческих полисов Колхиды мало изучена, но судя по всему, в эллинистическую эпоху они переживали тревожные времена. В III в. Вани был укреплен мощными оборонительными стенами и монументальными воротами, сооруженными по всем правилам эллинистической фортификации. Еще меньше мы знаем о Колхском царстве, не имевшем собственных историков. Первые цари колхов были данниками персидских монархов. Получив независимость в конце IV в. в результате крушения великой персидской державы, Колхида была втянута в систему отношений между сложившимися на территории Малой Азии малыми царствами и независимыми греческими полисами. Об этом говорит сохранен-

ный Полибием текст договора между царем Понта Фарнаком I и союзным ему сатрапом Малой Азии, с одной стороны, и группой малоазийских государств — с другой.

В договор были включены в качестве его гарантов некоторые из восточных государств — Великая Армения, Сарматия и некто по имени Акусилох. Анализируя круг заинтересованных в договоре царств, методом исключения удалось определить, что Акусилох был царем Колхиды. Это подтвердила и находка золотого статера колхидской чеканки с легендой «Аку...» Имя другого царя и краткое сообщение о нем имеется у римского историка Флора: «В Колхиде царствовал потомок Ээта Саулак, который... добывал огромное количество золота и серебра в земле племени суэнов (сванов) и вообще в своем государстве, прославленном золотыми рудами». Сохранилась золотая монета с изображением человека в короне и легендой «Саул...».

Боспорское царство. Боспором в эллинистическую эпоху продолжали управлять **Спартокиды**, сменившие в 438 г. **Археанактидов**. Греческие авторы считали Спартокидов негреками, о чем говорят также и имена некоторых царей и цариц — Спарток, Перисад, Камасария. Скорее всего, Спартокиды были фракийцами. Об этом, кроме сходства с именами обитателей Фракии, свидетельствуют также царские клейма на черепицах, где в числе предков царей фигурирует герой фракийского происхождения Эвмолп.

В правление Спартокидов Боспорское царство расширяется за счет соседних греческих городов и варварских племен. Первым к нему перешел город Нимфей, располагавший прекрасной гаванью и ставший после экспедиции Перикла опорным пунктом Афин в этих хлебных краях. В свое время Эсхин, противник Демосфена, считал виновником утраты Нимфеем независимости деда великого оратора, передавшего город Боспору и там нашедшего себе убежище.

Присоединились к Пантикапею и другие греческие полисы: на европейском берегу Боспора — Мирмекий, Киммерик, Китей, на азиатском — Фанагория.

С давних пор боспорские купцы вели торговлю с племенами, обитавшими в низовьях Танаиса и землях, куда можно было добраться по этой реке. В III в. они основали здесь город Танаис, руины которого обнаружены на берегу одного из притоков одноименной реки.

Скифское царство. В III в. в крымских степях складывается новое государственное образование — Скифское царство, столицей которого стал Неаполь. Раскопки этого находившегося в черте современного Симферополя города и скифских городищ дали материал, характеризующий интенсивное развитие ремесла и торговли.

Опираясь на военные традиции скифов и используя возможности новой для скифов хозяйственной деятельности, основатель царства Скилур ведет активную внешнюю политику, известную нам преимущественно на основании эпиграфического и нумизматического материала. Скифами была захвачена Ольвия, открывшая возможности связей с потерянными ранее районами скифских кочевий вплоть до порогов Борисфена, где находились гробницы древних скифских царей. В западной части Крыма Риму подчинилась ионийская колония Керкинитида, с IV в. входившая в состав владений Херсонеса и игравшая важную роль в снабжении его хлебом. С Боспорским царством, союзником Скилура в его борьбе с сарматами, скифы поддерживали постоянные связи, не исключавшие, однако, отдельных конфликтов; имеются сведения о создании скифами собственного флота, вызвавшем недовольство греков.

На троне Неаполя Скилура сменил его сын Палак, которому вскоре после смерти отца пришлось вступить в борьбу с полководцем царя Понта Митридата VI Евпатора Диофантом. Об этом известно из краткого сообщения Юстина и подробнейшего декрета, принятого Херсонесом, в честь Диофанта.

Переход Боспора под власть Понта. Посланное царем войско во главе с Диофантом подверглось внезапному нападению скифов Палака. Однако Диофанту удалось нанести им поражение и, развивая успех, захватить весь юг Скифии, населенный таврами. На их земле была построена крепость Евпаторий (не путать с Евпаторией в Западном Крыму). Затем Диофант вступил в степную Скифию и овладел сооруженными Скилуром крепостями Хавой и Неаполем. Пополнив силы вспомогательным отрядом херсонесцев, он очистил от скифов ранее принадлежавшие Херсонесу Керкинитиду и Калос Лимен (Прекрасную Гавань). Между тем, Палак, вступив в союз с одним из кочевавших между Борисфеном и Танаисом племен и получив от него пятидесятитысячное подкрепление, напал на шеститысячный отряд Диофанта. Однако, несмотря на огромное превосходство сил противника, Диофант одержал, как сообщается в декрете, «прекрасную и достопамятную на все времена победу».

Тем временем скончался последний из Спартокидов **Перисад** и по его завещанию власть перешла к **Митридату VI Евпатору**. В этой части декрета имеется лакуна, после которой следуют слова — «воспитавшего его». Они могут быть грамматически отнесены к Диофанту, к поднявшему в это время в Пантикапее восстание скифу Савмаку или к самому царю Митридату. Первые две кандидатуры должны быть отведены по следующим соображениям: грек Диофант не мог быть воспитанником царя как лицо нецарского рода. Скиф

Савмак, какой-нибудь из родственников Скилура или Палака, теоретически мог им быть, но в этом случае восстание должно было быть инспирировано Палаком, а не рассматриваться как восстание рабов (как это одно время у нас постулировалось с помощью весьма далеких от науки натяжек). Более всего вероятно, что воспитанником царя Перисада был за десятилетие до этого сам Митридат, который, будучи мальчиком, несколько лет находился в изгнании. Поздние античные авторы утверждают, что он скрывался в горах, но этому явно противоречит высокая образованность Митридата, знание им множества языков и приверженность к греческой культуре, свидетельствующие о получении систематического образования. Декрет помогает понять, где именно будущий понтийский царь мог получить такое образование.

После того как дела потребовали Митридата в Синопу, где он отстранил от власти, а затем и убил свою мать и вслед за ней также и брата, он поручил отстаивать свои интересы в Пантикапее Диофанту. Савмак был разбит и взят в плен, однако не прикончен, как можно было бы ожидать, будь он рабом, а отправлен в Синопу в качестве почетного пленника. Имеются намеки на то, что впоследствии он участвовал вместе с Митридатом в войне с Римом.

Раскопки Ольвии. Едва ли в древности был греческий город, которому пришлось бы за тысячелетие своего существования испытать столько бед, сколько Ольвии, — словно монополисты счастья древние боги мстили за то, что кто-то осмелился назвать свой город Счастливым. Но удивительным образом несчастья преследовали и археологическую зону Ольвии, с могилами ольвиополитов и остатками городских сооружений. На ее месте в XVIII в. выросло село Парутино, чуть ли не главным занятием жителей которого было не землепашество, не скотоводство, а разграбление территории Ольвии с целью поисков остатков старины на продажу. В 1820 г., через 22 года после открытия местоположения Ольвии, ее посетил русский ученый и путешественник И. М. Муравьев-Апостол, отец трех сыновей-декабристов. Он писал: «Все изрыто здесь, все ископано, увы, нет покоя и праху древних ольвиополитян... Здесь мужик с заступом идет, куда ему заблагорассудится, добывать денежек и горшков. Разроют ли где могилу или найдут основание здания, берут камень на строение, мрамор на известь».

На протяжении XIX в. раскопки отдельных участков Ольвии вели президент российской Академии наук граф С.С. Уваров (1786—1855) и вице-президент Императорского общества истории древней России И.Е.Забелин (1820—1906). Но подлинное счастье улыбнулось Ольвии тогда, когда Археологическая комиссия поручила раскопки безвестному молодому ученому, к тому же провинциалу, Борису Владимировичу Фармаковскому (1870—1927). Он был не только одногодком В. И. Ульянова, но и его земляком и соучеником по симбирской гимназии. В то время как первый совершал социальную революцию, второй осуществил революцию в истории отечественной археологии, впервые проведя планомерные раскопки греческого полиса с применением новых научных методов, которым обучился во время длительного пребывания в Греции и сотрудничества с такими столпами археологии, как Дерпфельд, Эванс, Омолль.

В 1896 г. двадцатишестилетний ученый раскопал некрополь Ольвии. В течение 1901—1915, 1924—25 гг. он открыл и исследовал оборонительные стены и городские ворота Ольвии IV в. до н. э., впервые установил границы города до его разрушения гетами и после восстановления, открыл многие жилые дома эллинистического периода, предложив их реконструкцию, и начал исследование городского водоснабжения.

В последующих (с 1960 г. ежегодных) раскопках А.Н. Карасева и Е. Леви удалось открыть агору Ольвии IV—II вв. с общественными зданиями (суд, гимнасий) и торговыми помещениями и одновременно изучить городское хозяйство с гидросистемами, являющимися сложными инженерными сооружениями. Не меньшее значение имели раскопки расположенного рядом с агорой священного участка с храмами Зевса, Аполлона Дельфиния и мраморным алтарем. Массовые находки терракотовых статуэток с изображением матери богов Кибелы допускают существование на месте обнаруженного котлована также и храма Кибелы. Найденные посвятительные надписи свидетельствуют, что в Ольвии существовало два религиозных союза почитателей Аполлона.

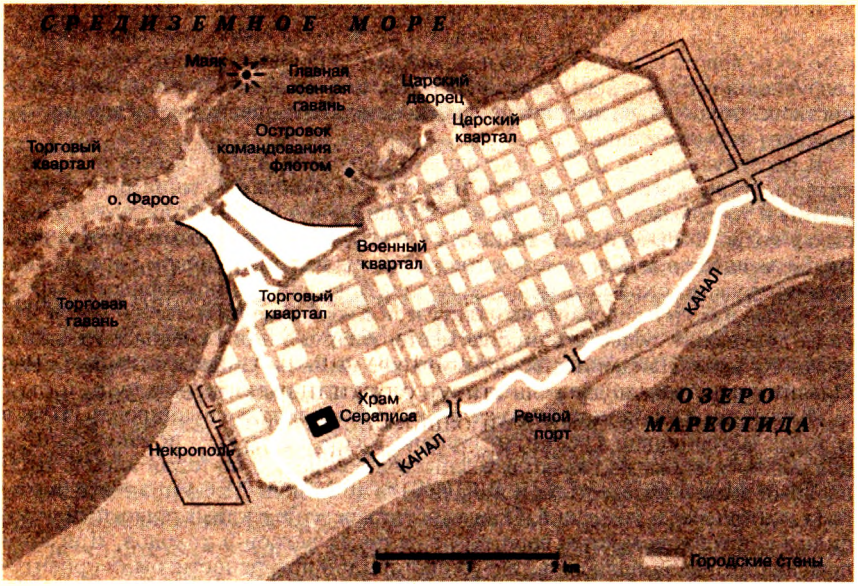
Жилые дома эллинистической Ольвии, имевшие ту же планировку, что и в городах материковой Греции, отличались особенностью — использованием подвального этажа не только в хозяйственных целях, но и для жилья. Подвальный этаж с множеством помещений, в том числе с восемнадцатиколонным залом, имел и гимнасий. Очевидно, это связано с климатическими условиями — необходимостью защиты от сильных ветров и холодов. При этом помещения, находившиеся выше уровня земной поверхности, были ориентированы на южную сторону.

Глава 22
СТОЛИЦЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ЦАРСТВ

«Бедность живет вместе с Элладой» — эти слова вложил Геродот в уста одному из греков, общавшихся с персидским царем Ксерксом. С тех пор как владения Ксеркса и других персидских царей перешли к македонцам и грекам, высказывание это стало анахронизмом. Завоеватели постарались во всем превзойти персидских царей. Характерной особенностью эллинистической эпохи было интенсивное строительство, с масштабами которого не может сравниться даже строительная деятельность Поликрата Самосского, Писистрата Афинского или Перикла. Огромному могуществу и богатству новых правителей соответствуют грандиозность построек и их ослепляющая роскошь.

В строительстве эллинистической эпохи скрещивались восточные и эллинские начала, хотя при возведении храмов греческим богам архитекторы более строго следовали греческим традициям. По-восточному грандиозные, храмы порой строились и достраивались на протяжении двух и более сотен лет. Лицом новых держав, естественно, становились их столицы.

Александрия. Из городов, основанных Александром, более всего достойной его имени и деяний оказалась Александрия Египетская. Согласно древней легенде, Александр, оказавшийся зимой 332/331 г. на прибрежной полосе близ рыбачьего поселка Ракотиды,



План Александрии

настолько восхитился участком между озером и морем, что приказал сопровождавшему его архитектору Дейнократу сразу же наметить план будущего города. Поскольку под рукой не оказалось мела, воспользовались мукой из походного провианта, обозначив на черной земле границы овального участка в форме македонской хламиды и очертания улиц. И будто бы тотчас послышалось хлопанье крыльев. Небо, словно туча, заслонила стая крупных птиц. Опустившись на землю, они склевали муку до крупинки. Суеверный «сын Амона» не на шутку испугался, но прорицатели его успокоили, заявив, что это хорошее предзнаменование и что будущий город ожидают величие и изобилие.

И слетелись, подобно птицам, на белых крыльях парусов македонцы и греки, сирийцы и иудеи, и менее чем за столетие на месте небольшой деревушки выросла столица Птолемеев, превзошедшая современные ей города мира размерами и великолепием и ставшая кормилицей всего круга земель.

Местоположение Александрии и впрямь было уникальным. Озеро Мареотида соединялось каналом с Нилом, и это делало город портом всего Египта (недаром его называли «Александрией при Египте»). На небольшом расстоянии от городской территории находился островок *Фарос*, упоминавшийся еще Гомером. Дамба длиной более километра соединила Фарос с побережьем, создав огром-

ный овал внутренней восточной гавани и внешней гавани, называвшейся Евнастос («Благополучное прибытие»). Она принимала как крупногабаритные суда, так и плоскодонки, которые могли пройти из Мариотиды по пересекавшему город каналу.

На островке находился маяк, трехъярусное сооружение высотой около 120 метров. Согласно сообщениям средневековых арабских авторов, первый ярус представлял собой куб со сторонами, ориентированными по сторонам света, второй — башню с гранями, ориентированными по направлению ветров, третий же имел цилиндрическую форму и был увенчан куполом, на котором возвышалась статуя Посейдона. Фонарь в верхней части маяка светил, подобно звезде, кораблям, плывущим в Александрию. Украшавшие башню бронзовые статуи служили флюгерами. Маяк был одновременно и сторожевой башней, с которой на значительное расстояние открывалось морское пространство, и площадкой для метеорологических и иных научных наблюдений.

Строители маяка явно соперничали с создателями пирамид и одержали над ними победу, поскольку пирамиды, несмотря на их грандиозность и вечность, не приносили пользы. И конечно же, царь Птолемей считал, что он, отдавший распоряжение о возведении маяка, заслуживает вечной славы, и потому приказал установить в нижней его части мемориальную доску со своим именем. Но строитель — **Сострат** из Книда — вырезал на цоколе вместе с посвящением «богам, охраняющим мореходство», собственное имя и прикрыл надпись штукатуркой. Со временем штукатурка осыпалась, и имя подлинного создателя одного из чудес света осталось в веках.

Несколько лет назад в ходе исследования морского дна близ Александрии на сравнительно небольшой глубине археологи обнаружили отесанные камни и многочисленные статуи, занимавшие пространство в 2,5 км. Стало ясно, что это остатки маяка, обрушенного землеколебателем Посейдоном и им же спасенного в виде археологического памятника. При постройке использовались в качестве готового материала погребальные стелы египетских фараонов. Среди них оказалась стела с надписью фараона VI в. до н. э. Априя, предшественника эллинофила Амасиса (Яхмоса): Птолемей, таким образом, не только пожелал присвоить себе славу строителя маяка, но и проявил неуважение к прошлому завоеванной страны.

Фаросский маяк. Изображение на монете

Город, названный одним из поздних римских авторов «венцом всех городов», раскинулся более чем на семь километров в длину при почти полуторакилометровой ширине. Его улицы пересекались под прямым углом, образуя прямоугольники-кварталы, словно бы вычерченные на городской территории. Две широкие центральные улицы с зелеными парковыми поясами и твердым покрытием были обрамлены портиками, защищавшими от египетского зноя. Особенное восхищение вызывала у побывавшего в Александрии Диодора главная продольная улица. «Почти посредине, — пишет он, — город прорезает улица, удивительная по своей красоте и величине — идет она от одних ворот до других. Длина этой улицы сорок стадиев (более 7 км), а ширина — один плетр (30 м). Она целиком застроена великолепными зданиями и храмами». Завершал улицу фасад гимнасия, занимавшего небольшой мыс, омываемый водами восточной гавани.

В строительстве общественных зданий и жилых домов Александрии не использовалось дерево, что при его дороговизне в безлесном Египте давало большую экономию и одновременно способствовало пожарной безопасности. Это отметил оказавшийся в Александрии Цезарь, знавший по опыту Рима о разрушительной силе пожаров. Почти все частные постройки были из кирпича, материала, наиболее распространенного на Востоке. Хотя они оказались непрочными и до наших дней в большинстве своем не сохранились, но благодаря раскопкам установлен план Александрии.

Состоял город из *пяти крупных районов*, названных по первым буквам греческого алфавита. Четверть или даже треть городской территории занимал *царский дворцовый комплекс* на мысе, обращенном к городской гавани. Кроме дворцов в царском квартале находились также театры, храмы, здание суда и рыночная площадь с торговыми и складскими помещениями. Дворцы соединялись друг с другом портиками и имели выход к морю, где располагалась небольшая гавань, недоступная для посторонних. К дворцам примыкал парк с множеством беседок и фонтанов. Здесь же находился *мавзолей* Александра, чье тело было в свое время похищено и тайно перевезено в Александрию первым из Птолемеев. К усыпальнице Александра примыкал царский некрополь. По соседству возвышался искусственный холм в форме сосновой шишки, откуда, поднявшись по винтовой лестнице, можно было обозревать весь город.

Это был район, куда сходились все нити управления державой, где цари жили в окружении вельмож и «друзей», где выслушивались отчеты чиновников и устраивались пышные приемы. Частью дворцового комплекса был мусейон — храм Муз наподобие того, который впервые был создан Пифагором, а затем повторен Платоном, но грандиозных размеров, с помещениями для обитания и за-

нятий ученых, с залом для их трапезы за царский счет и знаменитой библиотекой.

В III в. рядом с туземным кварталом *Ракотидой*, к этому времени включенным в состав городской территории (или непосредственно в нем самом), архитектором Пармениском был построен *Серапеум*, главный храмовый центр Александрии. Кроме храма Сераписа (появившегося в эпоху эллинизма бога, вобравшего в свой облик и греческие, и египетские черты), чью статую доставили из далекой Синопы, и пристроенного к нему святилища Гарпократа, сына Сераписа и Исиды, здесь были также храм Исиды и библиотека с отопительным устройством для предохранения папируса от воздействия влажного дуновения моря. Строительство Серапеума длилось долгие годы. Однако в римскую эпоху он пришел в запустение, поскольку почитание богов было перенесено в новые здания за западной городской стеной. Но и заброшенный, он сохранял часть былого великолепия, судя по восхищению, вызванному даже в IV н. э. у Аммиана Марцеллина. Он утверждал, что человеческая речь «бессильна его описать: обширные, окруженные колоннадами дворы, статуи, от которых исходит дыхание жизни, и множество других произведений искусства — все это украшает его в такой мере, что после Капитолия... ничего более великолепного не знает вселенная».

За восточной стеной Александрии начинался лабиринт узких улочек со скученным еврейским и сирийским населением. Это был целый город при греко-египетском городе, которого не коснулись архитектурные веяния новой эпохи. В нем были свои святилища и молельные дома, свой восточный базар, свои некрополи.

В нескольких километрах к востоку, между каналом и морем, сверкало зеленью садов и белизной построек аристократическое предместье *Канопа*, посвященное богине Деметре. Сюда пешком и на барках направлялись все, кто хотел отдохнуть от городской пыли и скученности, полюбоваться на роскошь богачей. Красота Канопы произвела впоследствии на римского императора Адриана столь сильное впечатление, что он распорядился соорудить ее миниатюрное подобие на своей вилле.

Далеко за пределы города были вынесены его некрополи. Их могилы говорят о городской жизни подчас больше, чем жилища, поскольку намного лучше сохранились благодаря пиетету по отношению к мертвым. Гробницы ранних александрийских некрополей по планировке близки к жилым домам, часто имея перистиль и боковые помещения с мозаичными полами. Здесь обнаружены многочисленные сосуды, изделия из терракоты, рельефы и статуи, в которых соединены элементы египетского и греческого орнамента и декора. Нередко древние божества, этот непременный атрибут церемонии мумификации, облачены в греческие гиматии.

Посетители Александрии птолемеевского времени состязались в похвалах городу, не находя ему равных в мире.

Антиохия. Соперничали не только наследники Александра, ставшие основателями эллинистических держав, но и их столицы. Селевк I Никатор сразу после битвы при Ипсе (301 г.) основал в Сирии, на реке Оронте, город, который сделал столицей, дав ему имя своего отца. Царский дворец был построен на небольшом острове, омываемом Оронтом и соединенном мостами с городской территорией. Оронт, тогда судоходный, соединял Антиохию с морским побережьем и являлся торговой артерией. В Антиохии не было научного городка, как в Александрии, но по великолепию построек и роскоши она не уступала египетской столице, ибо доходы Селевкидов были огромны и средств на украшение города они не жалели. Географ Страбон, родившийся по соседству в Апамее и оставивший самое пространное из дошедших до нас описаний Антиохии, называет ее Антиохией близ Дафны. Дафна — поселение с большой, окружностью в 20 км, лавровой рощей, где находились святилища Аполлона и Артемиды. С этим местом связывали легенду о Дафне, превратившейся в лавровое дерево, чтобы избежать преследований Аполлона.

В Дафне проходили грандиозные парады, описание одного из которых сохранил Полибий. В процессии перед многочисленными зрителями дефилировали пешие и конные отряды (до пятидесяти тысяч человек), боевые колесницы и слоны, женщины царского гарема в роскошных одеяниях, восседавшие в отделанных золотом и серебром носилках, многочисленные статуи богов. Праздники, во время которых накрывались столы на тысячу и более человек и устраивались театральные представления и травли зверей, длились подчас по месяцу. На них стекались люди со всех концов державы, в которой никогда не заходило солнце, но чей век был так недолог.

Главная магистраль тянулась вдоль реки. Она определяла направление других, более узких улиц, как параллельных ей, так и перпендикулярных, спускавшихся к Оронту просеками сквозь цветущие сады.

Рост любого большого города (а Антиохия росла бурно) порождает проблему размещения увеличивавшегося населения. Антиохия не стала исключением. Можно было надстроить дома, сузить улицы, внедриться в сады. Селевкиды поступили иначе. Они пристроили к городу Селевка I свои собственные города.

Их оказалось четыре, каждый из которых был окружен отдельной стеной; весь же город находился под защитой более мощной общей стены. Таким образом, Антиохия стала тетраполисом (четырехградьем). Первый из городов заселяли ветераны Селевка I из киликийского Тарса, считавшие своим покровителем Триптолема, божество круга Деметры, согласно греческим мифам, обучившего

людей искусству обработки земли. В честь Триптолема антиохийцы устраивали торжества на горе, близ которой Оронт выходил на поверхность из земных глубин. Антиохийцы отождествили реку с чудовищным драконом Тифоном, уверяя, что именно здесь он объявил себя владыкой мира и был испепелен Зевсом.

Источником водоснабжения Антиохии был водный поток, пробивший себе путь через почти отвесный хребет, защищавший город с севера подобно щиту. В месте его прорыва скале был придан облик гигантской фигуры Тюхе, богини доброй судьбы. Таким образом, Тюхе не только поила город, но, видимая отовсюду, осеняла его своим благословением. Далее воды, входя в глиняные трубы, распределялись по городским районам по подземным цистернам и наземным бассейнам и освежали воздух фонтанами; помимо этого многие дома имели собственный колодец, защищенный художественно оформленной кровлей. Нечистоты и ливневые потоки выводились системой сточных каналов.

Морским портом Антиохии была Селевкия, основанная близ устья Оронта тем же Селевком I. Она имела три гавани, которые давали возможность принимать и разгружать суда в любую погоду. Достопримечательностью Селевкии был четырехсотметровый тоннель, собиравший воды горных потоков и отводивший их от города. Возле начала тоннеля был высечен в скалах некрополь Селевкии, господствовавший над городом-портом.

Пергам. Пергам, столица Атталидов, практически начал расти с плоской вершины конусообразной горы, на которой первоначально находилась крепость, избранная одним из македонских царей для хранения своих сокровищ. После того как Аттал I объявил себя царем, стали обживать склоны горы вплоть до ее подножья, где появился «нижний город». Круто поднимавшаяся вверх главная улица вела на акрополь, с которого открывался вид на расположенные по террасам постройки.

В отличие от афинского акрополя, который в классическую эпоху был только крепостью и священным центром, акрополь Пергама представлял собой верхний город, воспринимавшийся как собственность Атталидов. Он имел свою агору, дворец, арсеналы, храмы. Население его жило своей собственной жизнью.

Над городом господствовал видимый отовсюду храм Афины, окруженный рядами дорических колонн. Стены за колоннами украшали рельефные изображения предметов военного снаряжения — шлемов, панцирей поножей, щитов, мечей, копий, при этом не только греческого, но и галатского типа. Это был своего рода военный музей, памятник победы, одержанной Атталом I над галатами, воспроизведение победоносного оружия и захваченных у врага трофе-

ев. Близ храма в ходе раскопок были обнаружены базы исчезнувших статуй Аттала I и его преемника Эвмена II.

В центре акрополя, рядом с храмом Афины, находилось здание библиотеки – двухэтажный портик из рядов колонн. Нижний ряд упирался в опорную стену, примыкавшую к крутому склону холма. Читальный зал с четырьмя книгохранилищами помещался на втором этаже. В ходе раскопок удалось обнаружить и пьедестал, на котором когда-то высилась статуя Афины. Пергамская библиотека была соперницей александрийской. Чтобы нанести ей урон, Птолемеи даже осложнили покупку в Александрии папируса. Впоследствии, когда во время столкновения александрийцев с Цезарем погибла в пожаре значительная часть царской библиотеки, новый владыка Востока Антоний распорядился восполнить эту утрату, переправив пергамские книги в Александрию.

Многое для понимания того, что греки вкладывали в слово «пайдейя» (воспитание), дали раскопки гимнасия, занимающего одну из террас. На городской агоре открыты помещение для занятий и поклонения богам-покровителям юношества Гермесу и Гераклу, скамьи для отдыха после физических упражнений, бани с мраморными ваннами, стадион для состязаний в беге. Надписи, обнаруженные в гимнасии, вводят в атмосферу каждодневной жизни, раскрывая отдельные бытовые детали: учащиеся благодарят гимнасиархов за устройство ванн и бассейна в зале для игры в мяч, за обеспечение губками для мытья, за то, что был нанят сторож, охраняющий одежду; ученицы женского отделения восторженно отзываются об учителях, которым посвящают венки.

Сложный рельеф горы, по склонам которой веером были рассыпаны здания, соединенные улицами и лестницами, придавал Пергаму неповторимый облик. Его благоустройство, находившееся на высочайшем уровне, потребовало смелых конструктивных решений и огромных затрат. Водопровод II века подавал родниковую воду, собиравшуюся в цистернах и отстойниках, до самой вершины горы. Вода шла в металлических трубах по акведукам и тоннелям. Сооруженная тогда же канализационная система отводила ливневые потоки и отходы под улицы. Имелись благоустроенные общественные туалеты.

На стенах города в конце III – начале II в. были высечены царские законы, регламентирующие правила благоустройства и гигиены, застройки города, строительства и ремонта дорог, очистки города от грязи и навоза, охраны водопровода и колодцев. Одно из постановлений гласило: «Никому не разрешается в общественном колодце поить свой скот, стирать одежду, полоскать посуду и вообще что бы то ни было». Свободный человек, уличенный в этих действиях, уплачивал штраф в 50 драхм, а раб получал немедленно от

50 до 100 ударов и после десятидневного содержания в колодках — еще 50. Донесший награждался половиной штрафных денег.

Ответственность за исполнение законов цари возлагали на городскую администрацию. «Если астиномы не исполняют этого, то они несут ответственность и выплачивают штраф», — гласил закон.

Портом Пергама, расположенного в трех километрах от моря, была основанная в 240 г. Элайя. Вход в нее наподобие коридора длиной в 45 м защищался сторожевой квадратной башней. Два мола были сложены из колоссальных известняковых блоков. Складские помещения и таможни находились за мощной крепостной стеной.

Пелла. На холме, возвышающемся над болотистой местностью близ реки Аксий, находилась столица Македонии Пелла. В этом основанном в V в. городе провел детство Филипп и родился его

Мозаика из дворца Пеллы

сын Александр. Раскопками выявлен акрополь с остатками дворцовых построек и храма Афины, окруженного высокими каменными блоками, видимо, служившими основаниями для статуй.

В нижнем городе по обе стороны одной из улиц располагались дома с перистилями, полы которых украшали великолепные мозаики конца IV—начала III вв. Их сюжеты навеяны греческой мифологией. Часто также и изображение охоты. Крыши крыты черепицей, клейма на которой подчас содержат название царской столицы. Украшали дома мраморные статуи и керамика архаического стиля. Город имел водопровод и канализацию. Многочисленны надписи эллинистического времени, среди них — выбитые на бронзе посвящения богу морей Посейдону.

Пелла, будучи большим и благоустроенным городом, не могла, однако, соперничать по богатству с другими эллинистическими столицами: в распоряжении Антигонидов не было больших поступлений от налогов, и к тому же им приходилось иметь дело с постоянным недовольством эллинов и вести войны с Эпиром и северными народами.

Глава 23

НАУКА, ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

В эпоху эллинизма произошел величайший переворот в познании человеком окружающего его мира — впервые собственно научные знания, отделившись от философии, обрели самостоятельность. Было сделано немало великих открытий во всех областях естественных и гуманитарных знаний. Имена Архимеда, Эвклида, Эратосфена стоят в ряду с именами великих современных ученых, открывая историю многих научных дисциплин. Сосредоточение интеллектуалов в центрах власти не было новым явлением: при дворах тиранов Поликрата и Писистрата жили поэты и мыслители, в распоряжении которых находились библиотеки. Новыми в эллинистическую эпоху были масштаб интеллектуальной деятельности и уровень оказываемой ей государством поддержки. Библиотеки превращались в научные учреждения. С расширением книжной культуры стали возможны систематические исследования и интерпретация достижений прошлого. Поэты превращались в ученых. Вместе с тем политическая мысль и философия эпохи эллинизма носили отпечаток новой общественной и политической ситуации, сложившейся в результате крушения полиса и возникновения системы монархий.

Александрийская библиотека. Египет являлся центром древнейшей культуры ойкумены, носителями которой были египетские жрецы. К ним задолго до завоеваний Александра приезжали учиться выдающиеся люди Греции — Гекатей, Демокрит, Геродот, Платон. Необычайное богатство Египта золотом, зерном и природными ресурсами, эксплуатация трудолюбивого населения позволяли новым правителям Египта Птолемеям содержать ученых и писателей, закупать книги без какого-либо ущерба для роскоши своего двора, без сокращения трат на содержание армии. Да и внутреннее положение Египта, несмотря на прорывающееся порой недовольство населения, было неизмеримо более прочным, чем других эллинистических государств.

Ученых селили в храме покровительниц муз *Мусейоне*. Тут же находилась основанная в 283 г. библиотека, превосходившая числом свитков все известные до того времени книжные собрания. Основатель этой библиотеки царь Птолемей II обложил всех посе-

щающих Александрию небывалой данью — каждый при вступлении в гавань должен был сдавать все имеющиеся у него книги. При отъезде ему вручали их копии. Кроме того, были скуплены целые книжные собрания.

Естественно, многие рукописи были повреждены, другие не имели названий, иные могли быть подложными, ибо литературной собственности в древности не существовало, и каждый мог переписать чужой труд и пустить его по свету под любым именем.

Поначалу Птолемей поручил приведение библиотеки в порядок трем ученым, распределившим между собою обязанности таким образом: один взялся описать произведения эпических поэтов, второй — трагических, третий — комических. Первым хранителем библиотеки был **Зенодот**, вторым — **Каллимах**, поэт и ученый, обладавший столь обширными знаниями, что ему была не чужда ни одна отрасль науки и искусства. При Каллимахе книжное собрание насчитывало 90 000 свитков (впоследствии их количество возросло до 700 000). Каллимаха как хранителя библиотеки и главу александрийской науки сменил **Эратосфен**, один из наиболее разносторонних ученых древности.

Эллинистическая филология. Первым детищем александрийской библиотеки стала филология. Хотя число сохранившихся материалов по александрийской филологии невелико, все же удается восстановить ее облик по свидетельствам о филологах (их также называли грамматиками) и по заметкам, сохранившимся на полях средневековых рукописей. Установлено главное правило эллинистической филологии: «понять Гомера из Гомера», то есть устранить неясности в тексте, привлекая параллельные произведения и места из того же автора. Другой принцип — всесторонний анализ литературного произведения, включавший выяснение его специфики, истолкование отдельных слов и исторических реалий, привлечение аналогий и эстетическую оценку.

Автором капитального филологического труда «Слова» (видимо, своего рода толкового словаря) был Филет из Коса. Один из его читателей так отзывался о «Словах»: «Беря книгу Филета, я смотрю, что значит каждое слово».

Об ученике Филета Зенодоте сохранилось следующее упоминание: «Зенодот Эфесский, эпик и грамматик, ученик Филета, живший при Птолемее I, стал первым редактором Гомера, стоял во главе александрийской библиотеки и был воспитателем сыновей Птолемея». Зенодоту принадлежала идея ввести волнообразный штрих на левом поле рукописи (обел) — знак того, что отмеченная строка (или строки) не подлинна, введена переписчиками и требует устранения. Он использовал для замечаний и пространство между строка-

ми. В поздней античности, когда не свиток, а кодекс становится преобладающей формой рукописной книги, стало возможным делать более пространные заметки на полях, из которых возникли *схолии* (толкования к малопонятным местам текста).

Систематическое изучение научного наследия прошлого начинается с **Каллимаха**. Каллимах (315—240) составил каталог Александрийской библиотеки в 120 свитках по пяти разделам: в первых четырех были описаны произведения философов, историков, поэтов, а пятый включил описание всех прочих книг. В каталоге были указаны заголовки каждого труда, его начальное и последнее слово, число строк и стихов, действительное или предполагаемое имя автора, его биографические данные, а также краткое содержание произведения.

Сменивший Каллимаха **Эратосфен** (ок. 282—202) написал исследование «О древней комедии» в 12 книгах и комментарии к Эврипиду.

Аристофан Византийский (250—180), слушавший в юности лекции Зенодота и Каллимаха и ставший на склоне лет главой библиотеки, осуществил комментированные издания Гомера, Гесиода и лириков. Он добавил к обелу, введенному Зенодотом, другие знаки, необходимые при сличении рукописных списков и установлении подлинного текста. В удалении строк, производивших впечатление неподлинных, он был не так строг, как Зенодот. В древности более всего ценили его исследование о Менандре, где были указаны параллели к каждой из его строк и выявлена эстетическая ценность творчества комедиографа в целом. В предисловиях к пьесам Софокла и Аристофана излагались их краткое содержание и идея, приводился перечень действующих лиц и сведения о первой постановке и даже об остальных участниках поэтического состязания.

Учеником Аристофана был **Аристарх из Самофраки** (217—145), чье имя в поздние эпохи стало синонимом строгого и непредвзятого критика. «Помилуй, трезвый Аристарх, моих вакхических посланий!» — писал А.С. Пушкин. В оценке Аристархом художественной литературы значительное место занимают отбор фактов, отсечение всего, что создает длинноты, без чего можно обойтись, не нарушив цельности и ясности произведения. На материале наиболее динамичных эпизодов «Илиады» он выявил «экономичность» Гомера. Обращал он внимание также на внутреннюю связь отдельных далеко отстоящих друг от друга в тексте эпизодов, на искусство изображения характеров, на авторскую интерпретацию мифов. Им определен и такой стилистический прием, как умолчание.

Аристарх не только затмил в изучении Гомера своих предшественников, но и создал школу литературной критики, насчитывав-

шую до сорока его учеников. Однако действовать им пришлось вне Александрии: Птолемей VII Фискон, воспитателем которого был Аристарх, став царем, учинил с помощью наемников избиение гражданского населения города во время одного из театральных представлений. Ученые, оставшиеся в живых, покинули Александрию и, став на островах и материке учителями, художниками, врачами, воспитателями, распространили по всей ойкумене искры александрийской образованности. Среди беглецов был и Аристарх.

Помимо александрийской филологической школы возникла пергамская школа, виднейшим представителем которой был **Кратет**. Александрийские и пергамские филологи спорили по самому широкому кругу вопросов: о возникновении и развитии языка, о грамматических нормах, о допустимости вмешательства издателей текстов в замысел автора. Александрийская школа занималась по преимуществу поэзией, пергамская — прозой. Александрийскими учеными был составлен канон девяти поэтов и десяти ораторов, признанных самыми выдающимися, проведена большая работа по очищению гомеровского текста от более поздних напластований, а сам текст обеих поэм разделен на 24 песни каждая (по числу букв греческого алфавита, служивших в греческом языке также и цифрами).

Эллинистическими филологами было разработано и учение о восьми частях речи (имени, глаголе, причастии, артикле, местоимении, предлоге, наречии, союзе) вместо четырех частей, известных ученикам Платона. Ученик Аристарха Дионисий Фракийский (ок. 150—90) обобщил все имевшиеся к тому времени достижения в области грамматики в книге «Грамматическое искусство», остававшейся учебником вплоть до эпохи Возрождения. Поражает, что автор не касается стиля и не занимается критикой текста. Его интересуют громкость чтения, объяснение устаревших слов, нарушение грамматических правил. Гераклид (I в.) написал труд, в котором рассматривалась аллегория у Гомера. Дидим считался автором трех с половиной тысяч, если не более, сочинений, из которых сохранилось лишь одно — посвященное речам Демосфена.

Книга книг. В годы царствования Птолемея II александрийская библиотека пополнилась книгой, не имеющей соперниц с точки зрения влияния на греческую и последующие цивилизации. Это было переведенное на греческий язык «*Пятикнижие*». Сохранилось письмо некоего Аристея, в котором излагается история перевода, якобы выполненного по поручению самого царя семьюдесятью толковниками, добившимися необычайной точности текста, будто бы совпавшего у всех семидесяти слово в слово. Хотя это письмо изобилует фантастическими деталями и некоторые ученые не без основания называют его «романом о переводе», нельзя исключить возможнос-

ти официального заказа на перевод, независимо от того, каковы были цели такого поручения. Во всяком случае, Библия стала достоянием не только многочисленных евреев Александрии (да и вообще еврейской диаспоры, значительная часть которой к этому времени говорила по-гречески и носила греческие имена), но и всего остального мира. Именно этот перевод и сделал евреев «народом книги», а сам перевод стал памятником не только культа, но и культуры, источником сведений по истории не одного этого народа, но и тех народов Востока, с которыми евреи соприкасались в века создания Библии.

Эвклид. Сохранился рассказ, будто Птолемей I обратился к находившемуся на его содержании афинскому ученому **Эвклиду** с просьбой найти для него в геометрии более краткий путь, чем тот, который указан в его труде. И Эвклид ответил: «В геометрии нет царской дороги». Речь шла о труде ***«Элементы»***, ставшем для всех точных наук магистральным путем, ибо без математики были бы немыслимы успехи, достигнутые в астрономии, географии, инженерном деле. Первые четыре книги «Элементов», посвященные геометрии на плоскости, содержат хорошо известные каждому школьнику определения, постулаты, аксиомы. Среди них аксиома о параллельных линиях и теоремы о важнейших свойствах треугольников, параллелограммов, трапеций. Пятая и шестая книги излагают основы алгебры; седьмая, восьмая и девятая являются изложением и развитием теории цельных и рациональных чисел, введенной в науку Пифагором и его ближайшими последователями.

Труд Эвклида вплоть до нового времени остается учебным пособием, а некогда и сам предмет назывался «эвклидом». Помимо чистой математики Эвклид занимался различными разделами математической физики. Его книга «Явления» была посвящена элементарной сферической астрономии, другие работы — оптике и теории музыкальных интервалов.

Эвклид стал главой александрийской математической школы. Среди его учеников и последователей наиболее известен Конон, автор ряда трудов по астрономии. Одному из открытых им созвездий он дал название «Волосы Береники» в честь супруги Птолемея III.

Аристарх Самосский. Самос, прославившийся как отечество великого Пифагора, словно по инерции поставлял ученых, шедших своими собственными путями. Одним из них был **Аристарх** (310–230 гг.), ученик Стратона Лампсакского. Развивая мысли пифагорейца Филолая об огне как центре Вселенной и используя собственные длительные наблюдения над Солнцем и измерения его состояний с помощью изобретенных им приборов, Аристарх впервые в астрономии сформулировал *гелиоцентрическое учение*, получившее

подтверждение и развитие лишь восемнадцать столетий спустя в трудах Коперника. По мнению Аристарха, в огромной вселенной Солнце, как и другие звезды, — неподвижное небесное тело, вокруг которого по кругам движутся планеты, в том числе и Земля, к тому же вращающаяся вокруг своей оси. Соответственно размеры Солнца и Земли он определил в соотношении 250:1. Гелиоцентрическая теория Аристарха, отвергавшая мнение всех авторитетных ученых, в том числе Платона и Аристотеля, согласно которому центр земли совпадает с центром вселенной, встретила резкую критику современников и потомков. У Архимеда вызвала сомнение уверенность Аристарха в огромности вселенной. Другой критик, философ-стоик Клеарх, утверждал, что, заставляя двигаться землю, очаг мира, Аристарх совершил нечестивый поступок по отношению к богам. Поддержал учение Аристарха, намного опередившее свое время, лишь Селевк из Селевкии на Тигре (II в.), отстаивавший мысль о бесконечности вселенной и установивший зависимость приливов и отливов от положения луны.

Аполлоний из Перги и Гиппарх из Никеи. Аполлоний из Перги, считавшийся в древности основателем математической тригонометрии, используя приемы этой открытой им науки, определил орбиты движения Луны и планет. Гиппарх из Никеи, опираясь на труды вавилонских астрономов и собственные наблюдения, рассчитал аномалии солнечной орбиты, вычислил расстояние от Земли до Солнца и от Земли до Луны и создал звездный каталог, введя в него и открытую им самим звезду. Каталог Гиппарха, как показали современные астрономические исследования, значительно точнее созданного впоследствии на его основе каталога Клавдия Птолемея.

Архимед. Более чем кто-либо другой из эллинистических ученых людям нового времени известен **Архимед** (287—211), охвативший своими исследованиями математику и технику.

Родившийся в Сиракузах, он уже на родине достиг значительных успехов в науке и инженерном деле, а побывав в Александрии, познакомился со многими учеными, с которыми впоследствии переписывался. Среди них был ученик Эвклида Конон, открывший спираль. Он предложил Архимеду заняться ее теорией, и Архимед сформулировал эту теорию в трактате «О спирали», предвосхитив методы дифференциального исчисления.

С давних пор люди пользовались рычагом для передвижения по поверхности бревен и каменных плит. Без применения рычага не появились бы пирамиды. Но теория рычага была впервые изложена Архимедом, которому приписывают гордое утверждение: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Главная заслуга Архимеда — ус-

тановление связи между математикой и механикой. Принципы доказательства чисто математических положений с помощью методов механики изложены им в письме Эратосфену со следующей мотивировкой: «Зная, что ты являешься ученым человеком и по праву занимаешь выдающееся место в философии, а также при случае можешь оценить и математическую теорию, я счел нужным изложить тебе некоторый особый метод, при помощи которого ты с помощью механики получишь возможность открывать некоторые математические теоремы».

Изучая жидкости и плавающие в них тела, Архимед открыл способ определения примесей серебра в золотых изделиях. Пользуясь чувствительными весами, он погружал чаши с равным количеством золота и серебра в воду и определял различие в их весе. Им изобретена также модель небесной сферы, приводимая в движение каким-то, скорее всего пневматическим, механизмом. Перевезенная после его гибели в Рим римским полководцем Метеллом, она вызывала всеобщее восхищение.

Эратосфен. **Эратосфен** (ок. 275—195 гг.) был одним их наиболее разносторонних ученых, занимавшимся изысканиями в сфере географии, астрономии, математики, музыки, литературы и обогатившим, судя по изложению его трудов и отзывам более поздних авторов, каждую из этих областей. В сфере математики он занимался теорией чисел. Он был основателем географии как науки, занимающейся не простым описанием местностей, но земли как тела определенной формы и размеров. Принимая учение Пифагора и его последователей о шарообразной форме земли, Эратосфен делал оговорку, что это не шар, выточенный на токарном станке, а тело, обладающее неровностями. В измерении земной поверхности Эратосфен исходил из длины тени, отбрасываемой вертикальным гномоном (указателем) на солнечных часах в разных точках одного меридиана, и из угла между вертикалью и линией, обращенной к солнцу. В результате он получил цифру окружности земли в 250 000 стадией, что соответствует 39 000 км. Это расходится с истинной величиной всего на 310 км. Таково могущество умозрительной науки того времени, когда знали о существовании лишь трех материков, да и то в пределах Средиземноморья и ближайших к нему областей.

Видимо, Эратосфен работал со сферичной моделью земли, на которую наносил линии широт, установленных с помощью гномона. Это давало возможность выделения широтных климатических зон. Определение долготы, напротив, встречало непреодолимое препятствие — отсутствие во времена Эратосфена магнитного компаса. Направление юг — север определялось приблизительно: за основу

брался Нил, и он мысленно продолжался течением Борисфена (Днепра). Другой такой меридиан в пределах Средиземноморья — Родан, у устья которого находилась Массилия, в Ливии не имел продолжения: условно можно было считать его продолжением Каспийское море и находящиеся к северу от него Рипейские горы (Урал). Но Эратосфен, не зная о направлении Рипейских гор, продолжил Каспийское море до Северного океана, между тем как оно было замкнутым бассейном. Математический порядок Эратосфен навел и в области хронологии, где в полисную эпоху царил разброд, поскольку единого летоисчисления с исходной точкой эры не существовало, и каждый полис имел свою собственную хронологию. Старший современник Эратосфена историк Тимей принял за эру год первых общегреческих Олимпийских игр (776 г. до н. э.). Из олимпийской эры и исходил Эратосфен, написавший «Хронографию», труд, считавшийся в древности непререкаемым. Известно, что там была дана дата падения Трои, соответствующая 1184 г. до н. э. Все последующие авторы, перед которыми вставала проблема датировки древнейших событий, как правило, следовали за Эратосфеном.

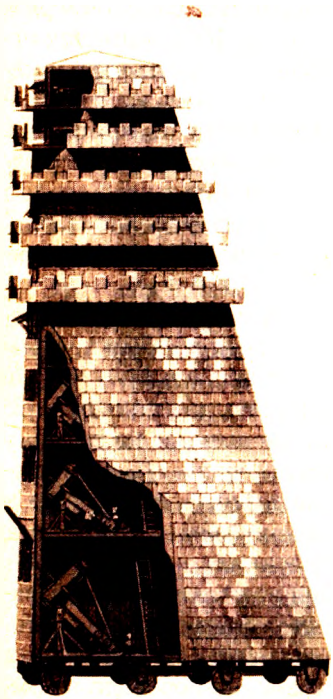
Ктесибий. Последователем Архимеда был александриец **Ктесибий** (300—230 гг.), инженер-самоучка, прославившийся созданием ряда механических устройств. Главным изобретением Ктесибия был используемый для подъема воды двухцилиндровый насос, внутри которого двигались поршни. Возможно, Ктесибий основывался на принципе, сформулированном Аристотелем: «Вдыхание есть притягивание, выдыхание — толкание». Но между теоретическим положением и практической его реализацией — огромная дистанция, которую мог преодолеть лишь гений. Насосы Ктесибия получили в древности широкое практическое применение, прежде всего при тушении пожаров.

Герон. Труд Ктесибия с описанием технических открытий и, возможно, с разработкой идеи материальности воздуха был хорошо известен в древности. Среди тех, кто на него ссылался, был ученый **Герон**, живший во второй половине I в. Герон создал подъемники, крановые конструкции, винтовые прессы, основанные на принципе сцепления зубчатых колес, автоматы для измерения расстояний, а также вызывавшие большое удивление механические игрушки, в которых использовались сила пара и давление воды. Последние нашли применение в кукольных представлениях, в ходе которых куклы приходили в движение, а огни, сопровождающие представление, то зажигались, то гасли, как казалось зрителю, сами собой.

Герон был также великим математиком, автором ***«Метрики»***, сочинения о системе мер, сохранившегося в арабском переводе, и комментариев к «Элементам» Эвклида.

Военная техника. Нескончаемые войны, которые вели Александр и его преемники за власть и расширение границ созданных ими держав, не могли не сказаться на особом внимании к военной технике. Были значительно усовершенствованы все виды старых метательных машин, построенных на принципе раскручивания туго скрученных жил. Об их разнообразии свидетельствуют обнаруживаемые во многих городах целые арсеналы предназначенных для метания камней. Диаметр этих древних ядер (одно из скоплений которых достигает почти девяти сотен особым образом обработанных камней диаметром от 14 до 40 с лишним сантиметров). Продолжали широко использоваться и тараны — как подвесные, так и передвигавшиеся на катках.

В то же время появляется военная техника нового поколения — поставленные на колеса гигантские многоэтажные передвижные башни, о назначении которых говорит само их название — *гелеполы* («берущие города»). Хотя и построенные из дерева, они были обиты железом, создававшим безопасность для размещенных внутри башни воинов и метательных машин. Высота гелепол достигала уровня крепостной стены, а порой и превышала его. Так что при приближении к стене осаждаемого города осаждавшие могли не только осыпать город стрелами и каменными ядрами из обращенных в его сторону бойниц, но и перебегать по перекидным мостикам на стену, вступая в бой с ее защитниками. Самая высокая из известных в древности гелепол — та, что помогла Александру взять Тир, окруженный высочайшей стеной (44,5 м).



Гелепола (реконсткукция)

У Плутарха имеется описание гелеполы, с помощью которой Деметрий Полиоркет пытался захватить главный город родосцев: «Изнутри она разделялась на ярусы со многими помещениям, и с лицевой, обращенной к неприятелю грани на каждом ярусе открывались бойницы, сквозь которые летели всевозможные метательные снаряды: башня была полна воинов любого рода и выучки. На ходу она не шаталась и не раскачивалась, а ровно и неколебимо стояла на своей опоре, подвигаясь вперед с оглушительным скрипом и грохотом, вселяя в сердца видящих ее ужас, смешанный с неким

восхищением». Каждая из сторон этой сужающейся кверху девятиэтажной громады имела у основания 22 метра, в высоту она достигала более 30 метров, а обслуживали ее три с половиной тысячи человек. В их число входили кроме воинов и те, кто прокладывал ровную плотную дорогу, и те, кто ее двигал к городу, прикрывшись мощными щитами.

Инженерная мысль была направлена не только на осаду городов, но и на их защиту. Наиболее известны механические устройства Архимеда, подхватывавшие и топившие римские суда во время осады Сиракуз. Для транспортировки осадных орудий и состоящего при них персонала стали малы старые триеры и пентеры, что вызвало потребность в создании огромных многоярусных кораблей.

Корабль-гигант. В греческом языке понятия «ремесло» и «искусство» обозначались одним словом — «техне», так что ремесленник и скульптор были людьми одной, и притом не слишком уважаемой профессии. Та же основа входила в глагол «технадзейн» (изобретать). Изобретательство стало в эпоху эллинизма одним из самых распространенных занятий, о чем свидетельствует деятельность Архимеда, Ктесибия, Герона, которых мы могли бы назвать инженерами. Шедевром (по-гречески «технема») инженерного искусства стал корабль, в котором техническая мысль, дополненная искусством, достигла наивысшей точки.

В середине III в. по распоряжению правителя Сиракуз Гиерона, создается своего рода плавающий дворец-крепость. Этот корабль имел три палубы (для груза, пассажиров и военной команды) и двадцать рядов весел, тридцать роскошно отделанных кают (их стены и пол был украшены мозаикой, изображавшей весь сюжет «Илиады»), столовую, палестру, сады, изобилующие декоративными растениями и орошаемые с помощью системы труб. Рядом с самым большим из садов находился пиршественный зал, носивший имя Афродиты. Пол его был выложен драгоценными камнями, на стены и потолок был использован кипарис, на двери — слоновая кость и туя. Украшали помещение картины, статуи и вазы. Отсюда можно было пройти в спальню со стенами и дверьми из самшита и в библиотеку с вмонтированными в кровлю солнечными часами. Имелись на корабле также баня с медными грелками и обширной ванной, огромная цистерна для пресной воды, рыбный садок, мельница, пекарня, кухня, конюшни, дровяные сараи.

Плавающий дворец обладал продуманной системой военной защиты. Восемь башен предназначались для лучников и воинов, управлявших метательными машинами, железная ограда защищала от абордажа, железные кошки опускались с помощью механизмов и могли поднять вражеский корабль, чтобы его перевернуть и уто-

пить. Трюм корабля вмещал 560 000 медимнов зерна (медимн — ок. 60 л), 10 000 бочек солонины и иной груз. Этот античный «Титаник» водоизмещением не менее 4 000 тонн был спущен на воду Архимедом с помощью блока.

Еще более внушительные по размерам гиганты чисто военного назначения сооружались в Египте при царях Птолемее Филодельфе и Птолемее Филопаторе (III в.). Первый спустил на воду два тридцатирядных судна, один двадцатирядный, четыре тринадцатирядных, тридцать девятирядных. Для спуска одного из них потребовалось столько леса, что из него можно было бы соорудить пятьдесят обычных пентер.

Но так же, как лук Одиссея, который не мог быть натянут никем, кроме самого Одиссея, эллинистическая техника имела предел напряжения. Выйти за него была в состоянии лишь энергетика машины, до которой античность не поднялась.

Медицина. В Египте с его многовековой практикой мумификации анатомирование трупов производилось достаточно часто, и этим опытом воспользовался отец анатомии Герофил из Халкедона. Ему также приписали опыты над приговоренными к смерти преступниками. Герофил избавил греческую медицину от многих господствовавших в ней заблуждений, в том числе — от поддержанного Аристотелем мнения, будто артерии наполнены не кровью, но воздухом, а умственная деятельность человека сосредоточена в сердце.

Герофил был пионером в изучении нервной системы человека и первым из врачей установил зависимость пульсации сосудов от деятельности сердца. Ему принадлежит детальное описание глаза, печени и других органов тела. Герофил изучал также действие лекарств и гимнастических упражнений.

С Герофилом соперничал другой выдающийся теоретик и практик медицины — кеосец Эрасистрат, изучавший анатомию сердца и лечивший сердечные заболевания. Рассказывали об излечении им сына Селевка I, без видимых причин похудевшего и уже близкого к смерти. Наблюдая за пульсом больного, он заметил, что каждый раз с появлением молодой мачехи пульс юноши начинал биться учащенно, и понял, что причиной болезни была тщательно скрываемая любовь. Отец, узнав от врача эту тайну, отказался от любимой жены и, соединив ее и сына браком, сделал его своим соправителем.

У Герофила и Эрасистрата были многочисленные последователи. Две медицинские школы действовали на протяжении столетий, а затем от школы Герофила отпочковалось особое направление, приверженцы которого отвергали необходимость анатомических исследований и настаивали на изучении симптомов заболевания.

Афины — город философов. Афины в эллинистическую эпоху — город бедный. Он не имел таких источников обогащения, какими располагали столицы Птолемеев, Селевкидов и Атталидов. Не было, соответственно, и средств для поддержания ученых. Но для того, чтобы размышлять о космосе, о смысле жизни и пределах человеческого познания, не требовалось дорогостоящих приборов и не так уж необходима была даровая царская кормежка. А где было лучше размышлять над вопросами, заданными учениками или над своими собственными, как не в Афинах? Тут камни, кажется, еще сохраняли следы ступней Сократа, еще не высохли и не были срублены платаны, под которыми прогуливался Платон с учениками, один из которых будто бы сказал ему: «Платон мне друг, но истина дороже».

Так что именно Афины, несмотря на бедность и зависимость от царей Македонии, оставались в III—II вв. мозгом круга земель, и зародившиеся там мысли, подобно пчелиным роям, перелетали горы и моря и кормили медом своих размышлений запутавшееся и потрясенное войнами человечество.

В 306 г. в Афины прибыл со своими учениками **Эпикур** (341—270), до того обучавший философии в Колофоне, Митилене и Лампсаке, греческих полисах Малой Азии. Будучи последователем Демокрита, Эпикур исходил из его атомистической теории, добавив к ней два тесно связанных друг с другом положения. Первое: «склонение атомов», позволяющее им по неведомой причине отступать от первоначального пути и сцепляться друг с другом для образования новых тел. Второе: случайность (никто не управляет движением атомов и все, происходящее в мире, — результат их случайных столкновений). Таким образом, еще очевиднее, чем у Демокрита, боги были лишены какой-либо роли в мировом процессе, однако существования их Эпикур, как и Демокрит, не отрицал, утверждая, что они, обитая в пространстве между наполняющими Вселенную мирами, не вмешиваются в людские дела.

Эпикур основал на родине Сократа и Платона школу, которая вскоре стала известна как «*сад Эпикура*». Возможно, последователи философа и впрямь собирались в тени деревьев и утоляли жажду их плодами, но «сад» вскоре приобрел смысл зеленого островка разума и спокойствия в пустыне окружающего мира с дующими в нем губительными ветрами, имя которым — вражда, ненависть, расточительность, неразумие, суеверия. «Сад» объединил вокруг Эпикура всех, кто жил вместе с ним и кто воспринял из уст умирающего философа удивительные слова: «Дружба обходит с пляской Вселенную, объявляя нам всем, чтобы мы пробуждались к прославлению счастливой жизни».

В чем же в мятущемся, объятом войнами мире счастье? В единении тех, кто понимает законы Космоса, осознает свое место в нем и

не тешит себя бреднями и иллюзиями, кто не боится смерти, принимая ее неизбежность, и потому пребывает в душевном равновесии и спокойствии и разумно наслаждается жизнью. В математически строгую со времен Аристотеля систему философских терминов с легкой руки Эпикура вошло это легкомысленное слово — «наслаждение», давшее повод противникам философа видеть в его учении проповедь пьянства, разврата, эгоизма, пира во время чумы. Однако «наслаждение» в понимании Эпикура означало лишь пиршество разума, открытое для всех, кто в состоянии понять и принять его законы. Упрек в эгоизме был, однако, справедлив. Эпикур не скрывал того, что ищет уединения. В его «сад» вела узкая и малоприметная калитка, в которую могли пройти только достойные — аристократы духа.

Эпикур редко выходил за пределы своего «сада», предпочитая не вмешиваться в жизнь тех, чьи поведение и чаяния он не мог одобрить и направить в правильное русло. Именно в этом смысле следует понимать его наставление: «Живи незаметно». Последователями Эпикура были выдающиеся мыслители. В древности самым знаменитым из них был римский поэт Лукреций, изложивший в своих стихах учение философа, которого считал богом.

Иным человеком по образу мыслей и темпераменту был **Зенон** (ок. 335 — ок. 262)— выходец из финикийского города Китиона, обосновавшийся в Афинах и учивший пониманию мира и места в нем человека в самом людном месте города, на агоре, портике (греч. «стоя»), украшенном картинами художников. Отсюда название последователей Зенона — *стоики*.

Две философские школы — *эпикурейская* и *стоическая* — имели немало общего. Обе исходили из того, что человек в мире, объединенном завоеваниями Александра Македонского, — уже не частица полиса, а личность, которой приходится выбирать самостоятельно свой путь. Они склонялись не к Платону и Аристотелю, а к Сократу, считая, что высшая цель философии — счастье каждого отдельного человека. Но во всем остальном эти школы были резко противоположны.

Эпикур удалился в свой «сад» от жизненной суеты, чтобы в тени и тиши понять мир и, объяснив его законы, помочь людям в решении вечных проблем бытия. Зенон погрузился в шум и пестроту жизни, чтобы познать страдания людей и по возможности их облегчить. Для Эпикура мир был механизмом, однажды заведенным и действующим независимо от злых или добрых богов, миром, состоящим из атомов, имеющих в отличие от атомов Демокрита, волю. Зенону мир представлялся божественным огнем, то потухающим, то разгорающимся и поглощающим все окружающее. Душа человека — не что иное, как зароненная в смертное тело частичка этого

вечного огня. Эпикур учил, что человеку нечего бояться смерти, ибо после смерти нет ничего, кроме распада тела на атомы. Зенон же наставлял: человеку нечего бояться смерти, ибо душа его не погаснет, но, как искра, попадет в другое тело, и в новых Афинах появятся новый Зенон и новый Эпикур, так как нет ничего нового под солнцем и все, что было, повторится.

Философия Зенона в большей мере, чем философия Эпикура, улавливала чаяния людей. Зенон видел мир огромным полисом, огромным братством, в котором все люди по сути равны, хотя и занимают разное общественное положение. Искра в теле раба может быть ярче той, что в теле царя, и сознание этого может дать рабу удовлетворение, ибо тело — это только бренный сосуд, вмещающий вечную искру.

Зенон был близким другом и советчиком македонского царя Антигона. Его обожали афиняне — и богатые и бедные. Ему вручили ключ от городских ворот и золотой венок. А когда он умер, ему устроили общественные похороны, во время которых было выражено восхищение его мудростью и трудами. Смерть Эпикура в кругу друзей, в «саду», прошла для афинян незамеченной. Эпикур жил и умер незаметно.

Различна была и судьба их учений. Учение Зенона и в последующих поколениях имело неизмеримо большее влияние на умы и души, чем эпикурейское. Из него можно было извлечь самые различные выводы. Идея равенства людей вдохновляла тех, кто стремился к установлению справедливых порядков. Последователями Зенона оказались многие сильные и мужественные люди. Стоицизм давал им в руки надежное оружие, ибо исходил из идеи могущества Судьбы. Но стоицизм же давал утешение и слабым, поскольку подчеркивал противоположность души и тела, отдавая бесспорное предпочтение духовной жизни и делал нищего блаженным. Отсюда тропа вела к христианству — религии слабых и жаждущих поддержки.

Кроме эпикурейского и стоического в Афинах времен эллинизма существовали и другие философские течения. Основатель *скептицизма* **Пиррон** (365—275), один из участников похода Александра на Восток, так же, как Эпикур и Зенон, считал, что цель философии — счастье. Но поскольку никто не может ответить, что такое счастье и как его достигнуть, то лучше воздержаться от всяческих суждений о неведомом, не волновать свою душу, ибо единственное доступное человеку счастье — невозмутимость. Ученик Пиррона Тимон (320—230) слагал сатирические стихотворения, в которых высмеивал всех философов, кроме своего учителя, Ксенофана и Демокрита. Благодаря Тимону стало известно и учение Пиррона, который, как и Сократ, своих мыслей не записывал.

Возобновила свое существование в Афинах и школа Аристотеля, последователей которого стали называть *перипатетиками* (про-

гуливающимися). Для прогулок и занятий в специальных помещениях для них был приобретен участок, ныне обнаруженный в Афинах в ходе строительства метрополитена. Руководителем школы стал **Феофраст** (372—288), занимавшийся философией, риторикой, поэтикой, географией, музыкой, искусствознанием. До нас дошли его капитальные исследования «История растений», «Причины растений» и выдержки из трактата «Характеры». Что могло заставить его одновременно заниматься растительным миром и человеческой психологией? Зная, что перед нами ученик Аристотеля, создавшего сначала отдельные трактаты по политическому устройству государств, а затем обобщающее сочинение «Политика», мы не удивимся тому, что Феофраст пытался отыскать в природных явлениях и поведении человека нечто общее.

Выходец с Лесбоса, Феофраст точнее всех определил космополитический характер эллинистической науки: «Ученый — единственный из всех, кто не бывает чужеземцем — он гражданин каждого города».

Историческая мысль. Эпоха, рожденная в вихре восточного похода Александра и сумятице последовавших за ним междоусобных войн диадохов и эпигонов, породила новое отношение к историческому прошлому и его культурному наследию. Более близкое знакомство греков с культурой и религией восточных народов, ставших составной частью эллинистической государственной системы, способствовало созданию синкретической культуры, в которую наряду с философско-этическими представлениями разных народов вошли египетские, вавилонские, персидские и иные предания. Освоение в ходе совместного обитания греков и восточных народов духовных богатств Востока было естественным результатом сосуществования и взаимопроникновения полисного и великодержавного типов мышления и социального поведения личности. В то же время греческий язык не только становился языком канцелярий, но постепенно завоевывал господствующее положение во всех сферах жизни, в том числе и в быту коренного населения Востока.

Взаимному ознакомлению народов Востока и Запада способствовала грекоязычная историография, создаваемая людьми восточного происхождения. Вавилонянин **Берос** в начале III в. написал «Историю Вавилонии», в которой не ограничился изложением событий со времен всемирного потопа до завоеваний Александра, а дал концепцию истории в духе исторических трудов греков. Египетский жрец **Манефон** переложил на греческий язык свидетельства египетских священных книг. Современные исследователи, сопоставляя сохранившиеся отрывки «Египетской истории» Манефона с

иероглифическими текстами, пришли к выводу, что в распоряжении египетского историка были выписки из египетских анналов, списки царей, литературно обработанные храмовые легенды и народные предания.

О расширении исторического кругозора людей эллинистической эпохи свидетельствует появление «Истории Индии». Ее автором был **Мегасфен**, посол одного из Селевкидов при дворе индийского царя Чандрагупты, того самого, которому удалось изгнать из долины Инда оставленные там Александром греко-македонские гарнизоны. Мегасфен красочно описал удивительную природу страны, ее животный и растительный мир, города, обычаи, общественный и политический строй. В его распоряжении, помимо собственных наблюдений, могли быть сведения, полученные от брахманов, в том числе легенды и разъяснения непонятных обычаев. Скорее всего, именно их влиянию можно приписать столь характерную для Мегасфена идеализацию индийской жизни.

Наряду с Востоком в поле зрения эллинистических историков попадает и Средиземноморский Запад. Ни Геродоту, проведшему конец жизни в южноиталийской колонии греков, ни Фукидиду ничего не было известно о существовании Рима, хотя в V в. он стал уже значительным городом. Живший в III в. Тимей, напротив, знает прошлое не только своего родного острова Сицилии и греческих колоний Южной Италии, но также Рима, Карфагена, Испании, Южной Галлии. «Сицилийская история» Тимея и ее продолжение — «Италийская история», доведенные до 264 г., над которыми Тимей работал в Афинах, где в изгнании провел большую часть жизни, была по существу *самой первой по времени всеобщей историей*. Отказавшись от использовавшихся предшественниками датировок (по правлению должностных лиц, исполнявших обязанности в отдельных полисах, или по верховным жрецам отдельных храмов), он стал датировать события по Олимпиадам, придавая, таким образом, хронологии универсальный характер.

Ценнейшим произведением была также «История», написанная Иеронимом из Кардии, содержавшая описание эллинистической истории от смерти Александра до смерти Пирра. Сведениями Тимея и Иеронима, чьи труды не сохранились, в древности пользовались многие историки, и по их ссылкам и отдельным цитатам мы можем себе представить тяжесть постигшей науку утраты.

Никогда еще связь между естествознанием и историей не была столь тесной, как в эпоху эллинизма. Именно в этот период стало давать плоды грандиозное обобщение естественнонаучных фактов, осуществленное школой Аристотеля. В сочинении «Жизнь Эллады» Дикеарх из сицилийской колонии греков Мессаны (соврем. Мессина), живший в III в., применил аристотелеву концепцию био-

логической эволюции к сфере истории человеческой культуры. Дикеарх считал, что первые люди жили плодами земли, предоставляемыми им природой, не прибегая к насилию. Затем было изобретено оружие, с помощью которого появилась возможность убивать крупных животных и одеваться в их шкуры. Это было первым насилием над природой. Следующим шагом, усугубляющим насилие, стало порабощение диких животных с целью заставить их служить человеку. Потом стали бороздить землю плугом, и с появлением земледелия произошла дифференциация различных занятий, в результате которой сложилось то, что мы называем культурой. Дикеарх, таким образом, выделил три ступени в истории человечества — первобытную, пастушескую и земледельческую. Первая из них, по его мнению, была наилучшей: «среди них не было ни войн, ни смут, ни публичных наград, ради которых кто-нибудь пошел бы на малейший раздор. Главным в жизни считались досуг и свобода от всякой необходимости, здоровье, мир, дружба».

Религия.* В эпоху эллинизма в религиозных верованиях населения Восточного Средиземноморья произошли значительные изменения. Непрекращавшаяся борьба между преемниками Александра приводила к тому, что у городов и областей менялись повелители и покровители. Жизнь виделась непредсказуемой и неустойчивой. В этих условиях все настоятельней становилась потребность поклонения могущественным богам, которые могли бы спасти не племя, не полис, не общину, а отдельно взятого человека, лишенного былых гарантий привычного существования. Особенно ощущали это жители греческих городов, вынесшие на себе все страдания и трудности, вызванные войнами, грабежами и массовыми переселениями. Пантеон олимпийских богов во главе с Зевсом уже не мог удовлетворить их религиозных чувств: эти боги не были ни милосердны, ни всемогущи.

Переселяясь на новые места, люди стремились заручиться поддержкой местных богов, не отказываясь и от почитания своих прежних, отеческих. Даже в восточных деревнях, где сильны были древние традиции, существовали совместные святилища местных и греческих богов (например, Зевса, Адада), особенно там, где рядом с деревнями располагались военные гарнизоны, использовавшие уже существовавшие святилища. Наибольшая интенсивность процесса распространения восточных культов характерна для пестрого по этническому составу населения эллинистических городов.

Из греческих божеств особым почитанием пользовался сын Зевса Дионис, согласно мифам, прошедший в своих странствиях по

* Параграф написан И.С.Свенцицкой.

разным странам — Фракии, Сирии и даже Индии. Образ Диониса в эллинистический период трансформировался: главным содержанием мифов о Дионисе стали рассказы о его смерти и возвращении к жизни Зевсом.

Религия Диониса в полной мере превратилась в таинство, подобное тому, какое существовало в Элевсине. Осуществилось сближение элевсинского и дионисийского культов, ибо культ Диониса в такой же мере оказался пронизан мистикой учения о загробном мире. Распространителями идей дионисийства стали *орфики*, почитавшие Орфея, божество круга Диониса.

Одновременно множество почитателей приобретают древний мистический культ *кабиров*, центрами которого были острова Эгеиды, некогда колонизованные финикийцами. С кабирами уже в древности были отождествлены Зевс и Дионис, впоследствии к ним были присоединены Гермес, Аполлон и элевсинские богини, а центром культа стала Андания, один из городов возрожденной в годы походов Эпаминонда Мессении. Здесь найдена мистическая надпись, перечисляющая членов сообщества «великих богов».

Уже в IV в. в некоторых частях Балканской Греции почитали древнюю египетскую богиню Исиду. В эпоху эллинизма она почти утратила свой первоначальный египетский облик и стала богиней-волшебницей, обретя сестер в Деметре и Афродите, а брата — в ранее неведомом боге Сераписе.

Рассказывали, будто бы царю Египта Птолемею I во сне явился бородатый юноша и потребовал своего почитания. Жрецы объяснили, что юнец этот — бог понтийского города Синопы. Бронзовая статуя его была перенесена в Александрию, где его стали почитать под именем Серапис. Культ этого бога объединил в себе черты египетского бога Осириса-Аписа и греческих богов Зевса, Аида и Асклепия. Примечательно, что консультантами при введении нового культа стали египетский жрец Манефон и афинянин Тимофей, жрец из Элевсина. Почитание Сераписа распространилось по всему Средиземноморью.

Не меньшую популярность приобрело почитание женского божества — Великой Матери как начала всего сущего. Она отождествлялась с финикийской Астартой, египетской Исидой, малоазийской Кибелой, греческими Артемидой, Афродитой, Гекатой. Даже в Афинах, центре эллинской культуры, было основано святилище Великой Матери.

До уровня великого божества возвышается греческая богиня случая и счастливой судьбы — Тюхе. В условиях следовавших друг за другом политических перемен и войн в обществе возникало чувство неуверенности, и к Тюхе, ниспровергающей царства, поднимающей человека до немыслимых высот и с такой же непредска-

зуемостью низвергающей в пропасть, обращались мысли и надежды людей эллинистической эпохи.

Сама идея доброй судьбы и доброго демона не была новшеством эпохи эллинизма — она просматривается уже в литературе и искусстве классического периода и достигает значительного развитая в IV в., когда Тюхе вводится в полисные религии. Но пик ее расцвета — эпоха эллинизма, когда вместо полисной религии складывается пронизанный суевериями и индивидуализмом культ личной судьбы и удачи, на чей алтарь приносят жертвы те, кто, отвергнув идею божественной справедливости, добивается собственного благополучия за счет подчинения своей власти коллектива.

Значительное распространение в городах Восточного Средиземноморья получили частные религиозные союзы. Люди объединялись вокруг культа того или иного бога (обычно восточного), устраивали совместные собрания, обеды, жертвоприношения. В таких союзах могли участвовать наряду с гражданами также неграждане и даже рабы: перед произволом монархов внутригородские различия казались уже не столь важными. Самые популярные частные культы особыми постановлениями народных собраний признавались общеполисными. На средства города возводились святилища, устраивались празднества, порядок которых регламентировался городскими властями. Так, например, на острове Делосе — центре культа Аполлона — был официально признан культ Сераписа, первоначально введенный там внуком одного из египетских жрецов.

Особое место в религиозной жизни занял культ царей, распространившийся среди грекоязычного населения со времен Александра. Эллинистические правители следовали его примеру, объявляя о своем происхождении от божественных предков. Так, сирийский царь Селевк I утверждал, что его род ведет начало от самого Аполлона, а египетский царь Птолемей II учредил культ своих родителей как богов-спасителей. Однако большей частью культы царей устанавливались полисами: решением народного собрания город воздавал царю божеские (или, как иногда говорилось, равные божеским) почести, устраивал празднества в его честь, определял порядок жертвоприношений. Полис даровал подобные почести в знак благодарности, — первоначально искренней — за защиту города во время войны, запрещение его разграбить, за освобождение от налогов. Однако с течением времени почести становились все более и более формальными. Город мог даже отменить обожествление царя, освободившись от его власти, как это сделали Афины, когда избавились от македонского полководца и царя Деметрия.

В разных городах обожествленные монархи принимали титулы, приличествующие богам, — Сотер (Спаситель), Эпифан (Явленный), Эвергет (Благодетель) и т.п.. В специальных храмах новым

богам приносили жертвы. Церемониями руководили жрецы. Монархи почитались вместе с богами-покровителями полисов, где им служили одни и те же жрецы (что не прибавляло популярности полисным богам).

Существовала своеобразная ситуация — демос не просто воздавал царю божеские почести, но именно он объявлял его богом. Тем самым гражданский коллектив, хотя фактически он и зависел от царя, как бы осознавал себя полноправным партнером. И цари принимали эти правила политической игры, принося благодарность за оказанные почести, сохраняя опору на города. Однако разрыв между идеологической традицией и политической реальностью разрушал моральные ценности, созданные некогда независимыми полисами, порождал двойственность мышления, особенно у образованной части населения эллинистических государств.

Герметизм. Религия в принципе всегда связана с магией, ибо любое жертвоприношение — магический акт. Однако «магами» греки называли не своих, а персидских жрецов. Платон в «Законах» обрекал людей, занимающихся магией и астрологией, на жесточайшие наказания. В эллинистическую эпоху, когда греки оказались лицом к лицу с восточным чудотворством, произошло слияние греческих мистериальных культов с египетской магией. Греческий Гермес, проводник душ в царство мертвых, слился с обладающим сходными функциями египетским Тотом. Это утроило силы соединенного бога — и он стал называться Гермесом Трисмегистом (трижды величайшим). Не утратив ни одной из прежних функций, Гермес присвоил себе все, чем обладал Тот, став также родоначальником письменности, а его поклонники «герметисты» (как в свое время ученики Пифагора) приписали своему кумиру всю написанную ими литературу, а именно: 36 философских книг, три астрологические и столько же медицинских. Это сочинительство отодвинуло Зевса, ничего не писавшего и к тому же бессильного перед судьбой, на задворки религиозного мышления. Герметисты-чернокнижники, опираясь на помощь Трижды величайшего, полагали, что могут властвовать над Зевсом, вырывать из его рук громовые стрелы, изменять орбиты звезд и оживлять мертвых.

Дополняя спекулятивную философию магией, герметизм возвращал людям, лишенным защиты полиса, утраченную ими уверенность в настоящем и будущем, давал им мнимую власть над окружающим миром. К Гермесу Трисмегисту, царю оккультного мира, присоединилась трехглавая Геката, божество призрачных видений, которой отдавалась ночь с факельными шествиями по кладбищам и воем сопровождавших ее собак. Гекату призывали вместе с Гермесом на опускаемых в могилу поминальных табличках, ее изображали пляшущей

с факелом вокруг герм. Почитатели Гермеса или Гекаты собирались в общины (феасы), состоявшие как из греков, так и из чужеземцев, как из свободных, так и из рабов; объединяясь для пиршеств и церемоний, они называли себя братьями и имели свои особые кладбища.

Глава 24
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА

Одновременно с величайшими храмами и дворцами новых владык воздвигалось здание новой художественной литературы, имевшей мало общего с тем, что уже стало классикой. От этого здания осталось немного — почти все, заполнявшее полки библиотек, превратилось в пепел вместе с ними. Тот, кто сказал, что рукописи не горят, мог быть силен в чем угодно, но только не в области древней истории. Впрочем, в исчезновении рукописей не всегда повинен огонь — многие создававшиеся тогда вирши, воспевавшие благодеяния монархов, не пережили ни их авторов, ни их героев, разделив судьбы литературы всех веков, созданной на потребу дня. От ряда сочинений, которыми зачитывались в древности, не сохранилось ничего, кроме названий и имен их создателей, кое-что дошло в папирусных отрывках благодаря милости ветра и песка.

Рядом с эллинистическими поэтами жили и творили скульпторы, оставившие галерею персонажей из камня и бронзы, целый народ статуй, который в одних случаях служит иллюстрацией к типам комедий, а в других поражает трагизмом эпохи войн и общественных потрясений.

Поэзия. Наивысшего расцвета эллинистическая поэзия достигла в первой половине III в., когда одновременно в Александрии, Сиракузах, на островах Эгейского моря разворачивается творчество выдающихся поэтов — Каллимаха, Феокрита, Арата, Ликофрона.

Каллимах из Кирены (ок. 315—240 гг.) считается новатором в греческой поэзии. Выступая против стихов громоздких и тяжеловесных и чисто описательных поэм, он добивался точности поэтических образов при лаконичности языка. Место действия его гимнов — не материковая или островная Эллада, а мир, освоенный после походов Александра. И даже в тех случаях, когда какое-либо событие происходит на родине Аполлона и Артемиды Делосе, на него откликаются Кирн (Корсика), Тринакрия (Сицилия) и вся Италия:

Охала Этна, охала с нею Тринакрия,
Жилище сиканов, далее ахал
Италии край, и эхом Кирн ему вторил.

И разумеется, в сферу действия греческих мифов включается Египет. В описаниях Каллимаха делосская речка Иноп имеет исток в Эфиопских горах, где-то по соседству с Нилом, а затем по дну

моря течет к родине Аполлона и Артемиды. В поэме «Причины», состоявшей из объяснений отдельных праздников и обычаев, Каллимах использовал более четырех десятков мифов и преданий, изложив их в форме небольших стихотворений. Получило известность его стихотворение «Коса Береники» о превращении срезанной и исчезнувшей косы царицы Египта в созвездии.

Его поэтический стиль был живым и свободным, увлекательные эпизоды перемежались с учеными отступлениями. Каллимахом и его несравненными по изяществу стихами восхищались римские поэты, «Коса Береники» был переведена на латынь Катуллом.

Восхищение достижениями науки побудило друга Каллимаха, киликийца Арата, облечь в форму гекзаметров открытия александрийского астронома Эвдокса. В поэме «Явления» («Феномены») он описал небесные явления, включив в это описание связанные со звездами мифы и перечислив народные приметы о погоде. В древности поэма Арата много раз переводилась на латынь, в том числе Цицероном и Авиеном, а в средние века использовалась в качестве своего рода учебного пособия.

Классиком широко распространенного в эпоху эллинизма поэтического жанра, получившего название «идиллия», был сиракузянин **Феокрит** (вторая половина III в), одно время живший в Александрии и пользовавшийся покровительством царя. Буквально «идиллия» означает «картинка», но в это слово усилиями Феокрита вложен еще один смысл — «безмятежность». «Картинки» александрийского поэта рисуют непритязательную, далекую от городской суеты и дворцовых интриг жизнь пастухов (буколов) и их подруг:

Слаще напев твой, пастух, чем рокочущий говор потока.
Там, где с высокой скалы низвергает он мощные струи.

Порой идиллии Феокрита близки к народным песням, которые он, бесспорно, знал и которыми восторгался. Например, идиллия «Тирсис» — это словесная дуэль двух пастухов, обменивающихся двустишиями в присутствии судьи-дровосека. Один украл у другого свирель. Другой ответил похищением шкурки козленка. Они злы друг на друга. Слова грубы, речь полна яда. Но вот в двустишии одного из спорщиков мелькнул мифологический намек, и мы понимаем, что перед нами искусный «буколический маскарад», рассчитанный на горожанина, уставшего от шума и суеты Александрии и Сиракуз и стремящегося, погрузившись в чтение «*Буколик*», приблизиться к недоступной сельской простоте с ее успокаивающим ритмом. Мастерство Феокрита — в умении скупыми точными штрихами описать характеры. Пейзаж, служащий фоном диалогов,

однообразен, но подобного ему не было в греческой литературе, и чувствуется, что поэт любил и знал природу.

Одно из наиболее загадочных произведений эллинистической поэзии — небольшую поэму «Александра», посвященную троянской пророчице Кассандре,— создал Ликофрон. Царь Приам, не желая нарушать спокойствия во дворце, запирает свою полубезумную дочь Александру (Кассандру), и она в одиночестве вещает, как и положено пророчице, загадками, громоздя образ на образ, пользуясь редкими, вышедшими из употребления словами. Охраняющий ее страж является к царю и передает слово в слово ее пророчества о грозящей Трое войне и о том, что случится вслед за разрушением Трои. Событиям после Троянской войны посвящена «Одиссея» Гомера, но Ликофрон переносит читателя не в мир фантастических странствий, где неузнаваем ни один остров, ни одно побережье, а в реальную историю с такими событиями, как дорийское переселение, нашествие Ксеркса, походы Александра Македонского и Пирра. Наиболее интересны строки о странствиях Энея на Западе, где его потомкам суждено основать Рим:

Он, чье и враг прославит благочестие,
Создаст державу, в брани знаменитую,
Оплот, из рода в род хранящий счастье.

Из этих трех строк, написанных в то время, когда римляне, сражаясь с Пирром, еще не вышли за пределы Италии, вырос римский эпос об Энее.

Эпиграмма. Буквально слово «эпиграмма» означает надпись, высеченную на чем-либо — на камне, статуе, предмете, предназначенном в подарок. В эпоху эллинизма эпиграммы по-прежнему писались на могильных камнях и статуях, но сам термин стал означать краткое стихотворение, написанное в элегическом размере (соединение гекзаметра с пентаметром). В сравнении с эпосом или трагедией эпиграмма виделась красивой безделушкой, но в эпоху эллинизма ей было придано значение особого жанра, соперничающего с пространными стихотворениями.

Эпиграммы писали Каллимах, Асклепиад Самосский, Леонид Тарентский и Мелеагр. До нас дошло шестьдесят эпиграмм Каллимаха — посвятительных, надгробных и эротических. В одной из них он так выразил свое понимание задач поэзии и собственного в ней места:

Не выношу я поэмы циклической. Скучно дорогой
Той мне идти, где снует в разные стороны люд;
Ласк, расточаемых всем, избегаю я, брезгую воду
Пить из колодца: претит общедоступное мне.

Асклепиад был мастером застольных и любовных эпиграмм. Леонид Тарентский, бедняк и странник, вывел в своих эпиграммах «снующий в разные стороны люд» — ремесленников, рыбаков, моряков, землепашцев.

Мелеагр, сириец по происхождению, родившийся в палестинском городе Гадаре, а затем живший в Тире, так выразил космополитическое мироощущение своего времени:

Если сириец я, что же. Одна ведь у всех нас отчизна —
Космос: одним Хаосом мы рождены.

В другой эпиграмме, обращенной к спутнику, который когда-нибудь пройдет мимо его могилы, Мелеагр пишет:

Если сириец ты, молви «салам»; коли рожден финикийцем, —
Произнеси «аудонис»; «хайре» скажи, если грек.

Эпос. Нелегко было в век идиллий и эпиграмм обращаться к эпосу — жанру, осужденному законодателем литературных вкусов Каллимахом. И все же ученик Каллимаха **Аполлоний Родосский** отважился на это. Его эпическая поэма ***«Аргонавтика»*** посвящена плаванию Ясона и его спутников в Колхиду и их возвращению с драгоценной добычей — золотым руном. Следуя во многом за поэмой странствий «Одиссеей», Аполлоний, однако, излагая миф, использует все, что было известно науке его времени в области географии и этнографии южного побережья Понта Эвксинского и Закавказья. Как и в гомеровских поэмах, действие «Аргонавтики» развивается параллельно — на земле и на Олимпе. Но сами аргонавты не ощущают присутствия богов. Да и описание небожителей мало чем напоминает сцены на Олимпе, начертанные Гомером. «Ученый» характер поэмы не помешал изображению человеческих чувств в истории всепоглощающей любви двух главных героев поэмы — Ясона и Медеи, чья любовь торжествует, преодолев все препятствия.

Наряду с подлинно поэтическим творчеством поэзия эпохи эллинизма дала множество откровенно рассудочных формальных произведений, лишенных настоящей поэзии, зато блиставших нарочито подчеркиваемой ученостью, филигранностью отделки, безупречностью, а порой и причудливостью формы, демонстрирующей высокое мастерство, но отнюдь не поэтическое вдохновение. Именно тогда появляется акростих и входят в моду «фигурные» стихи, строки которых то слагаются в треугольник или иную геометрическую фигуру, то принимают очертание птицы. Состязаясь

друг с другом в антикварной учености, поэты порой превращали свои поэтические опусы в пространные каталоги нимф иных мифологических персонажей или использовали настолько редкие варианты мифов, что понять их смысл мог только ученый собрат поэта (не случайно комментарии, которыми почти сразу же были снабжены эти творения, значительно превышали их по объему).

Разумеется, такого рода поэзия с ее совершенными образцами формального мастерства создавалась не только в Александрии, но по месту ее зарождения и наиболее бурного развития она получила название *«александрийской»*.

Менандр и жизнь. Вслед за потерей гражданами интереса к политической жизни сошла со сцены и некогда волновавшая их комедия, созданная Аристофаном с ее злободневностью и обличительным запалом. Но заложенная в людях полисного склада страсть к публичному осмыслению собственного бытия и осмеянию собственных слабостей и пороков не могла выветриться и в новых условиях. Эту страсть людей новой эпохи с блеском удовлетворил афинянин **Менандр** (342—292 гг.), выходец из состоятельной и влиятельной семьи, в молодости учившийся у Феофраста, друживший с Эпикуром и пользовавшийся покровительством правителя Афин Деметрия Фалерского.

Первая комедия Менандра, поставленная в Афинах через год после смерти Александра, стала одним из примечательных явлений эпохи эллинизма. В масках новой (или новоаттической) комедии афиняне не узрели своих знаменитых современников, чьи имена не сходили с их уст, — ни Деметрия Фалерского, ни его покровителя Кассандра, ни незадолго до того ушедшего из жизни Аристотеля, ни его ученика Феофраста, ни новых философов Эпикура и Зенона. Перед ними предстала в масках неприметная афинская семья, маленькие, ничем не прославившиеся и вовсе не добивавшиеся общественного внимания люди, узнаваемые не как личности, а как типажи: старик-отец, хозяин дома, собственник, знающий цену деньгам и не потерявший интереса к наслаждениям и прочим благам жизни; его сынок, наделенный юношескими страстями, но лишенный материальных средств для их удовлетворения; алчная красавица-гетера, готовая разделить ложе с каждым, у кого есть деньги; невеста-бесприданница,

Менандр

чистая и непорочная, беспомощностью которой готовы воспользоваться и алчный сводник, и богач; льстивый прихлебатель, жадный до чужого обеда; предприимчивый раб, помогающий своему юному хозяину найти выход из любого положения (персонаж, который в новоевропейской комедии получит имя Фигаро).

Перестал играть былую роль в сценическом действии хор, исполнявший некогда партию народа-судии. Хор лишь иногда возникал на орхестре в виде толпы подгулявших юнцов, чтобы заплетающимися в пляске ногами разделить представление на пять привычных для зрителей актов.

Действие новой комедии развивается не в подземном мире и не в фантастическом птичьем царстве, а на афинской агоре и на площадке перед домом. Это не мешает ему быть увлекательным, ибо любовь изобретательна на проделки, сирота-бесприданница может оказаться дочерью богатого афинянина, а на сцене могут появиться близнецы и внести такую путаницу, что афинские зрители станут следить за интригой с не менее захватывающим интересом, чем их деды наблюдали за Сократом, по воле Аристофана покачивающимся в гамаке между небом и землей в своей «мыслильне». При этом интрига, всегда имеющая счастливый конец, никогда не повторяется.

Комедии Менандра, вошедшие в репертуар каменного театра на склоне афинского акрополя не без некоторого первоначального сопротивления зрителей, совершили триумфальное шествие по всему греческому, а затем и негреческому миру. Менандр буквально вступил в каждый дом (впоследствии Плутарх скажет, что пирушка может скорее обойтись без вина, чем без Менандра). Благодаря этому комедии Менандра дошли до нас, хотя и необычным путем: в хрупких папирусных свитках, извлеченных из сыпучих песков Египта. И если в начале столетия в нашем распоряжении было всего несколько фрагментов, то к настоящему времени нам известно в более или менее сохранившемся виде пять пьес: ***«Брюзга»***, ***«Самиянка»***, ***«Третейский суд»***, ***«Остриженная»***, ***«Щит»***.

Афиняне ощущали себя участниками комедий Менандра. Персонажи словно были выхвачены из самой жизни, ситуации, в каких они оказывались, были понятны и легко узнаваемы, быстрая и непринужденная речь героев изобиловала поговорками, ходившими в народной среде: «Время врачует любые раны», «Лучше капелька удачи, чем бочка умения», «Когда бойцами не боец командует, не в бой, а на убой уходят воины».

Изображая будничную городскую жизнь, Менандр выявлял также и уродливые ее проявления, будил сочувствие к слабым, обличал хищников и домашних тиранов. Его произведения были настолько

жизненны, что один древний критик и почитатель афинского поэта воскликнул: «Менандр и жизнь! Кто из вас кому подражает?»

Мим. Широкое распространение в эллинистическую эпоху получил мим — вид народного театра, возникший в Сицилии и первоначально связанный с земледельческим культом и его магией пробуждения производительных сил природы. Однако со временем их сюжеты приобрели чисто бытовую окраску, и черпались они из повседневной жизни и приключений мелких торговцев, городских низов и даже воров.

В папирусах из египетского Оксиринха до нас дошли мимы, видимо, исполнявшиеся труппой странствующих актеров. Автор их, **Герод**, живший, скорее всего, в середине III века, известен только по имени и по полемике, в которую он вступает со своими критиками в одной из пьес: «Клянусь музой, по воле которой слагаю эти хромые ямбы для ионийцев, я буду увенчан славой».

Герои геродовой сценки «Учитель» — наставник, вдова и ее сын, который вместо учения играет в орлянку, разоряя бедную женщину. После колоритного монолога вдовы, раскрывающего ее характер и тревогу за нерадивого сына, учитель, по просьбе матери, не без удовольствия сечет школьника, после чего мать грозится держать мальчика в оковах. В миме «Ревнивица» главная героиня — богатая женщина, а жертва ее — раб-любовник, подозреваемый в неверности. И опять все заканчивается поркой.

Мимы не нуждались в театральных подмостках — они могли разыгрываться на площадях или даже в домах, и непристойные сцены, свидетельствующие о глубочайшем падении нравов, происходили на глазах у зрителей, сопровождаясь их хохотом и свистом. И впоследствии даже острая критика отцов церкви не могла воспрепятствовать распространению этого жанра. В VI в. н. э. он охватил все римские провинции, а популярная исполнительница мимов Феодора стала супругой императора.

Утопия*. Хотя термин «утопия» («место, которого нет» от греч. “у” — «нет» и «топос» — место) был введен в оборот лишь Томасом Мором, однако сами утопии (как социальная фантазия, пусть и не носившая этого названия) были известны уже в древности. В классический период это утопия Платона, а в эпоху эллинизма — сицилийца **Эвгемера**, служившего в войске македонского правителя Кассандра между 311 и 299 гг., и **Ямбула**, автора III или II в. Обе они дошли в переложении Диодора. Воспользовавшись при-

* Параграф написан Л.С. Ильинской.

емом Платона, сконструировавшего мифический остров Запада Атлантиду, Эвгемер создает на Востоке остров Панхайю, разместив его у берегов далекой Индии и сделав очагом древнейшей цивилизации. Это рассказ о счастливой жизни на прекрасном и обильном плодами острове, где царят благополучие и справедливость. Эвгемер предлагает как бы модель общества, живущего по мудрым и справедливым законам, установленным в незапамятные времена добродетельными царями, управлявшими островом и обожествленными его жителями за оказанные им благодеяния. Об этих законах Эвгемер якобы узнал из «Священной записи о деяниях Урана, Кроноса и Зевса», нанесенной на золотую стелу, выставленную на счастливом острове в храме Зевса.

Внимание современников привлек, однако, не его проект политического устройства чудесного общества, который сам Эвгемер, надо думать, считал главным в своем произведении, а высказанная им идея о природе богов, созвучная эпохе эллинизма, когда грекам постепенно становилась привычной чисто восточная концепция обожествления царствующих правителей.

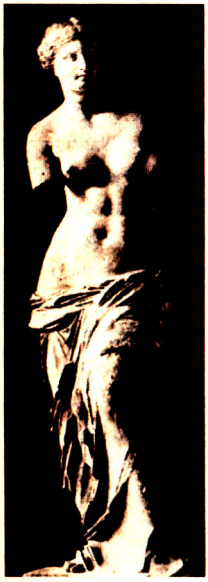
Разумеется, не все античные читатели Эвгемера приняли его идею. Некоторые обвиняли его в безбожии, поскольку он осмелился приписать богам человеческую сущность. Но в целом эпоха эллинизма, склонная, с одной стороны, к скепсису, с другой — к систематизации, создала благоприятную почву для развития эвгемеризма (как стали называть в новое время принцип рационалистического толкования мифов о богах или героях), получившего особенно широкое распространение в последующей греко-римской литературе.

Утопия Ямбула описывает другое фантастическое государство — *государство Солнца*, расположенное на каких-то отдаленных островах вблизи от экватора. Его жители, *гелиополиты*, не знают ни семьи, ни государства, ни сословного деления, ни частной собственности, ни социального неравенства. Поэтому в их обществе нет и вражды друг к другу, столь характерной для реальной жизни истерзанного противоречиями эллинистического мира. Живут они возглавляемыми патриархами группами по 300 — 400 человек, владея общим имуществом и поклоняясь Солнцу и звездам. Это сильные, здоровые, люди, перемежающие мирный труд с обучением и занятиями наукой.

Скульптура. Искусство эпохи эллинизма даже тогда, когда язык его оставался прежним, подпитывалось новыми идеями всеобщности и человечности. Подчиняя себе камень, бронзу и глину, эти идеи высекали, отливали и лепили как бы двойников персонажей, уже знакомых по произведениям эллинистической литературы. Явствен интерес создателей скульптуры к жизни во всех ее проявлениях.

Их взгляд, словно бы уже насытившись героикой мифа, схватками с львами и драконами, обратился к реальности и обыденности. Жизненная правда, порой переходящая в натурализм, становится не менее важной и существенной, чем привлекавшая ранее цветущая молодость и недосягаемая красота бессмертных богов.

Наиболее типичен зрительный ряд, соответствующий новоаттической комедии и миму. Вот эта галерея: старый рыбак, старуха, мальчик, вынимающий занозу, мальчик с гусем. Ребенок ростом с гуся, накренившись всем своим пухлым тельцем, ухватился за шею птицы, грозно раскрывшей клюв. Это жанровая сценка, чуждая гармонии полисного мира и его художественной практике. Для греческой классики дети — взрослые меньшего масштаба, из птиц ею опробован один орел. Тема мальчика с гусем выходит за пределы полисной героики, в ней отсутствуют серьезность и назидательность. Не было в греческой классике также темы старости с ее безобразностью: миру классики не были нужны ни сгорбленный старик, опирающийся на посох, ни старуха в отрепьях с морщинистым, как древесная кора, лицом. В этом же ряду — и юный бегун, сидящий на камне и вынимающий из пятки занозу. Фигуры этой галереи во времена Перикла показались бы мелкими и ничтожными. Во времена эллинистических монархов они вызывали интерес, на них отдыхал взгляд людей, утомленных жизнью большого города.

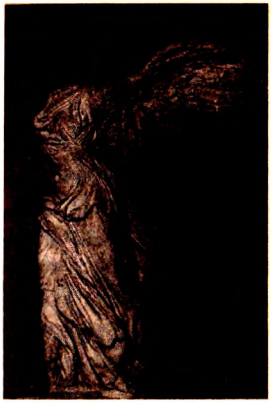


Венера Милосская

Конечно же, скульпторов продолжала волновать и женская красота, но она тоже иная, более чувственная и человечная. Особенно знаменита найденная на острове *Мелосе* статуя **Афродиты** (***Венеры***), поражающая своей нежной задумчивостью и красотой.

Ника-Победа — это едва ли не самое почитаемое божество эллинистических монархов и полководцев, нашла идеальное воплощение в мраморной скульптуре, украшавшей фронтон храма на острове Самофраке, посвященного божествам кабирам. Еще никому ранее не удавалось так передать в мраморе стремительное движение вперед. Кажется, порыв ветра прижал влажную ткань к телу. Богиня спустилась на нос корабля. Правая нога нашла точку опоры, а левая еще в воздухе. Крылья поддерживают корпус.

Не исчезает из искусства и характерная для классики идея агона, но и она звучит по-новому. Борьба становится яростной и исступленной. Ее трагизм полнее всего выражен в работах масте-



Ника Самофракийская

Галл, убивающий жену, а затем и себя

Лаокоон

ров *пергамской* и *родосской* школ, следовавших за Скопасом с его тягой к изображению бурных проявлений чувств.

Образцами такой трактовки являются созданные пергамскими скульпторами фигуры ***умирающих галлов*** (***галатов***), предпочитающих рабству смерть и убивающих себя и своих близких. По трагическому накалу близка к фигурам галлов скульптурная ***группа Ниобы с сыновьями***, гибнущими от стрел Аполлона, и дочерьми, поражаемыми стрелами Артемиды.

Одним из самых великолепных памятников пергамской школы был фриз возведенного в столице ***алтаря Зевса*** в ознаменование победы над галатами. Его сюжет — борьба богов и гигантов. Гиганты, сыновья земли-Геи, восстали против богов. Оракул обещал победу богам, если на их стороне будут смертные. Поэтому в качестве союзника богов выступает Геракл.

Ни одно из произведений эпохи, начавшейся после распада державы Александра, не отражает ее духа полнее, чем пергамский алтарь. Страсть и упоение борьбой, делающие невозможным сострадание и жалость, пронизывают каждую фигуру. В трагических фигурах гигантов, вступивших в безнадежную борьбу с богами, пергамский скульптор воплотил мужественных противников Пергама галатов. Но в равной мере их можно было бы воспринять как сторонников Аристоника, поднявшегося против Рима, или воинство царя Понта Митридата VI Евпатора, одно время владевшего Пергамом. Алтарь — это художественное воплощение трагедии войн, которыми столь перенасыщена история древнего Средиземноморья.

Наивысшим достижением родосских скульпторов была высеченная из единого мраморного блока группа ***«Лаокоон с сыновьями»***, воплощающая предел страдания, но вместе с тем мощь, мужество и

волю человека в его противостоянии судьбе. Жрец Аполлона Лаокоон изображен обнаженным. Он спустился на алтарь, куда упала его одежда. Голова его в лавровом венке — знаке жреческого достоинства. Огромная змея охватила своими кольцами его тело и тела двух его сыновей и жалит жреца в бедро. Младший из сыновей уже потерял сознание, старший, повернувшись к отцу, взывает о помощи.

От эпохи, выдвинувшей на первый план личность, естественно ожидать портретных изображений. И в самом деле, эллинистический скульптурный портрет не просто передает внешние черты персонажа, но раскрывает своеобразие героя, его психологию. Сразу узнается Демосфен: узкое тело с впалой грудью и худыми руками, но в очертаниях лица и мрачно насупленных бровях, в сжатых губах чувствуется волевое напряжение физически хрупкого, но нравственно несгибаемого человека, вступившего в бескомпромиссную схватку с судьбой. В облике горбуна Эзопа покоряют острый ум и тонкая ирония мудреца, сумевшего в баснях о животных раскрыть человеческие слабости и пороки.

Порой эллинистическая скульптура была предназначена для площадей, храмов, общественных сооружений, и тогда она впечатляла своей монументальностью. Так, на острове Родос, как сообщает Плиний Старший, было около сотни колоссов (так называли скульптуры, превышающие человеческий рост), из них самый грандиозный и знаменитый — ***Колосс Родосский***, тот, которым после успешного отражения флота и армии Деметрия Полиоркета было решено отблагодарить главного покровителя острова, бога Гелиоса. Тридцатипятиметровую фигуру Гелиоса спроектировал и отлил из бронзы ученик Лисиппа родосский скульптор Харес. Ноги колосса упирались в две скалы, и между ними в гавань могли проходить корабли. Однако уже через 56 лет после торжественного водружения статуя рухнула, надломившись в коленях, во время гигантского подземного толчка. Но и лежавшая на земле, она, по словам Плиния Старшего, продолжала вызывать изумление, и мало кому удавалось обеими руками обхватить большой палец ноги колосса.

Терракота. Вылепленные фигурки людей и животных найдены еще на минойском Крите и в микенской Греции, но расцвет *терракоты* приходится на эпоху эллинизма, когда возникает массовое производство глиняных раскрашенных статуэток. Никогда еще *коропластика* (от греч. «кора» — девушка и «пласта» — лепщик) не создавала такого разнообразия типов статуэток, а мастерство их изготовления не достигало столь высокого уровня.

Первоначально статуэтки из терракоты современные ученые сравнивали с мраморными статуями, видя в них эскиз, первоначаль-

ный набросок скульптора, но, поскольку не удавалось отыскать ни одной совпадающей пары терракоты и статуи, стало ясно, что терракота — произведение другого жанра самостоятельное искусство, соотносящееся со скульптурой так же, как классический театр с народной пантомимой.

Широко распространенный тип терракоты — раскрашенные фигурки молодых женщин, наглухо, иногда с головой закутанных в одеяния. Великолепные образцы этого типа, датируемые 330—200 гг., обнаружены в некрополе беотийского городка Танагра. Прическа и лица с удлиненным овалом, прямым носом и маленьким ртом, очевидно, соответствовали представлениям того времени о красоте, утонченной, изысканной и даже несколько жеманной. Самое удивительное, что, сохраняя общий стиль, фигурки не повторяют друг друга. Различны позы и драпировка одежды. Одни просто стоят, выставив ножку и подхватив одеяние левой рукой, словно бы любуясь собой, другие читают присланные им послания, третьи играют в кости или мяч.

Распространены были и карикатуры на крестьян, которых горожане воспринимали как людей грубых и неотесанных; на ораторов, чьи позы подражали позам классических статуй, но лица были безобразны и неинтеллектуальны. Злая сатира проявлялась и в натуралистических статуэтках пьяных старух и стариков. Странное сочетание культа идиллической красоты и грубой насмешки было характерно для массовой культуры того времени. Одно умилением, другое смехом как бы снимало напряжение, сопровождавшее жизнь простых людей в сложных условиях эллинистических монархий.

Важно отметить, что терракоты изображали и представителей разных народностей — негров, галлов, людей в необычных для греков «варварских» одеждах. Одни показаны с симпатией, другие — с издевкой, но все они демонстрируют интерес к негреческому миру.

Мастерские коропластов обнаружены в Балканской Греции, в Малой Азии, на островах архипелага, в Этрурии и Великой Греции, в Северном Причерноморье.

Сокровища из мусорных куч. Египет во все времена был для европейцев страной чудес, а с тех пор, когда в конце XVIII в. ненадолго оказался во власти Наполеона, стал обетованной землей археологии. Путешественников и ученых тянуло к пирамидам и храмам эпохи фараонов, к руинам эллинистических городов, и лишь в конце XIX в. внимание было обращено на холмы в прилегающей к долине Нила пустыне, составляющие характерную черту ландшафта. Эти холмы, высотой от 20 до 70 метров, как выяснилось, имели искусственное происхождение. Они состояли из черепков, золы, тряпок, соломы, навоза, исписанного папируса — словом, всего того, что составляло отходы повседневной жизни древних поселений. В Египте

Танагрская статуэтка

практически не было дождей, а почвенные воды до этих куч не доходили. Это создало уникальные условия для сохранения памятников письменности — всякого рода документов, в том числе целых архивов, личной переписки, а также и многого из того, что читали в эллинистическую и римскую эпохи жители египетских деревень и городков. Мусорные кучи, пусть и в незначительной мере, возместили утрату александрийской библиотеки.

Папирология, начиная с 1788 г., когда был впервые опубликован приобретенный в Египте папирус, питает историю, классическую филологию, медицину и многие другие науки. После того как были найдены и опубликованы сохраненные средневековьем (западным и восточным) рукописи с текстами древних авторов, она дополняет их произведениями древних поэтов, историков, философов, религиозных деятелей. В числе литературных трофеев папирологии — «Афинская полития» Аристотеля, комедии Менандра, мимы Герода, эпиникии и дифирамбы Вакхилида, фрагменты стихов греческих лириков. Основные центры хранения папирусов — Каирский музей, библиотеки Британского музея, Вены, Парижа, Нью-Йорка, Принстона; некоторые из папирусов имеются и в нашей стране.

Выдающуюся роль в становлении папирологии как науки сыграли английские ученые Фр. Кенион, Гренфиль и Хейт, немецкий ученый У. Вилькен. Значительный вклад в изучение папирусов внесли ученые России Виктор Карлович Ернштедт и его ученики — Михаил Иванович Ростовцев, Григорий Филимонович Церетели, Альберт Густавович Бекштрем. В значительной мере на материале папирусов написано блестящее исследование М.И. Ростовцева «История государственного откупа в римской империи». Г.Ф. Церетели издавал папирусы с литературными текстами, А.Г.Бекштрем — с медицинскими (при этом на их основе он сделал ряд выдающихся открытий в области медицины).

Искусство и археология. Археология, извлекая из земли шедевры античного искусства, не просто обогащает залы музеев новыми статуями и вазами, а страницы книг — новыми иллюстрациями. Она вводит творения античного мира в гущу современной действительности с ее противоречиями и контрастами, тем самым давая им новую жизнь.

Так, в фокусе внимания XVIII века был Лаокоон, вдохновивший Лессинга на исследование законов скульптуры и литературы. Избранницами эстетической мысли XIX в. стали Венера Милосская и Ника Самофракийская.

Первой была обнаружена в 1821 г. Афродита с острова Мелос. Приобретенная у нашедшего ее в каменном склепе крестьянина французским морским офицером Дюмон-Дюрвилем, она сразу заняла в Лувре почетное место, вызвав единодушное восхищение.

Путь Ники Самофракийской к признанию оказался намного длиннее. Несколько ящиков мраморных обломков, собранных раскапывавшим в 1866 г. древний храм кабиров французским консулом Шампуазо, археологом по профессии, были отправлены в Париж в надежде, что удастся составить из обломков хотя бы одну статую. Опытные реставраторы составили из двухсот обломков торс. По крыльям за спиной определили, что это статуя Ники. В путеводитель по Лувру было занесено: «Декоративная статуя среднего достоинства позднейшего времени». Но, странное дело, темпераментные парижане с восхищением разглядывали складки на мраморной одежде Ники. Постепенно пересмотрели свое отношение к скульптуре и искусствоведы. К 1870 г. Ника стала гордостью Лувра и Франции. Теперь ее уже сравнивали с Венерой, и порой отдавали предпочтение Нике.

Можно только удивляться, что о таком величественном сооружении, как алтарь Зевса в Пергаме, не сообщает ни один из крупных эллинистических авторов или римских писателей. Известие о нем сохранилось лишь в «Памятной книжице» позднего историка Ампелия, писавшего: «В Пергаме находится большой мраморный алтарь 40 футов высоты с мощными скульптурами, изображающими битву с гигантами». Тем больший эффект произвело открытие алтаря во время раскопок Пергама германской археологической экспедицией во главе с Карлом Гуманом (1839—1896). Карл Гуман мечтал стать архитектором и изучал архитектуру в Берлинской Академии. Болезнь заставила его прервать занятия и отправиться, по совету врачей, на юг. Это и привело Гумана в 1866 г. в турецкий городок Бергама, сохранивший имя древней столицы Атталидов. Заинтересовавшись живописными руинами, которые использовались местным населением для пережигания на известь, он начал составлять их план и довольно скоро собрал небольшую коллекцию мраморных обломков. К раскопкам Гуман приступил лишь в 1878 г. и продолжал их с перерывами до 1886 г. К концу 1878 г. он извлек из-под древней «византийской» стены 39 мраморных плит. «Мы нашли целую эпоху искусства, — писал он, — Величайшее оставшееся от древности произведение у нас под руками.

Для понимания последовательности расположения частей рельефа важно было найти фундамент алтаря. Он был обнаружен на южном склоне акрополя. Фундамент имел почти квадратную форму (36,4×34,2 м), в западной его части находилась лестница из 20 широких ступеней, ведущая на верхнюю площадку, окруженную колоннами. Наибольший интерес вызвали 11 вновь найденных плит, находившихся у фундамента. Гуман так описал их открытие: «Было это 21 июля 1879 г., когда я пригласил гостей на акрополь посмотреть, как станут переворачивать плиты... Когда мы поднимались, семь громадных орлов кружились над акрополем, предвещая удачу. Опрокинули первую плиту. Предстал могучий гигант на змеиных извивающихся ногах, обращенный к нам мускулистой спиной, голова повернута влево, с львиной шкурой на левой руке. «Она, к сожалению, ни к одной известной плите не подходит»,— сказал я. Упала вторая. Великолепный бог, всей грудью обращенный к зрителю, столь могучей, сколь и прекрасной, какой еще не бывало. С плеч свешивается плащ, развевающийся вокруг широко вышагивающих ног. «И эта плита ни к чему известному мне не подходит!» На третьей плите предстал сухощавый гигант, упавший на колени, левая рука болезненно хватается за правое плечо, правая рука словно отнялась... Падает четвертая плита. Гигант прижался спиною к скале, молния пробила ему бедро. «Я чувствую твою близость, Зевс!» Лихорадочно обегаю все четыре плиты. Вижу, третья подходит к первой: змеиное кольцо от большого гиганта ясно переходит на плиту с гигантом, павшим на колени. Верхней части этой плиты, куда гигант простирает руку, обернутую в шкуру, недостает, но ясно видно — он сражается поверх павшего. Уж не бьется ли он с великим богом? И в самом деле, левая, обвиваемая плащом нога исчезает за гигантом на коленях. «Трое подходят друг к другу!» — восклицаю я и стою уже около четвертой: и она подходит — гигант, пораженный молнией, падает позади божества. Я буквально дрожу всем телом. Вот еще кусок!

Ногтями я соскабливаю землю: львиная шкура — это рука исполинского гиганта, напротив этого чешуя и змея — эгида! Памятник, великий, чудесный, был вновь подарен миру... Глубоко потрясенные, стояли мы, три счастливых человека, вокруг драгоценной находки, пока я не сел на Зевса и не облегчил душу крупными слезами радости».

Учебное издание

Немировский Александр Иосифович

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА
АНТИЧНОСТЬ
В 2 частях
Часть 1
Учебник для студентов
высших учебных заведений

Зав. редакцией *А.И. Уткин*
Редактор *С.Н. Мартынчук*
Зав. художественной редакцией *И.А. Пшеничников*
Художник обложки *О.А. Яковлева*
Компьютерная верстка *Е.В. Чичилов*
Корректор *Н.В. Шерстенникова*

Лицензия ЛР № 064380 от 04.01.96.
Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01652.С.98 от 28.08.98.
Сдано в набор 15.06.99. Подписано в печать 18.10.99.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28.
Тираж 30 000 экз. (1-й завод 1— 15 000 экз.).
Зак. № 9845.

«Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».
117571, Москва, просп. Вернадского, 88,
Московский педагогический государственный университет.
Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 932-56-19.
E-mail: vlados@dol.ru
http://www.vlados.ru

Государственное унитарное предприятие
Смоленский полиграфический комбинат
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А. И. Немировский

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Среди множества вузовских учебников по истории античности данная книга займет особое место. Это обусловлено прежде всего тем, что для автора античный мир — не только Греция и Рим, но и все крупные государства Средиземноморья. События и проблемы трактуются автором как звенья единой цепи — во всей их индивидуальности и взаимосвязанности, как процесс притяжения и отталкивания. Новизна подхода к привычной для нас теме и в том, что античная история, давшая миру первооснову европейской цивилизации, рассматривается преимущественно сквозь призму духовной и материальной культуры. Образный стиль прекрасно гармонирует с увлекательностью самого предмета изложения.

ISBN 5-691-00451-4(I)

9 785691 004513

ГУМАНИТАРНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЛАДОС